

В а с и л и й
М О Л О Д Я К О В

Г Е О Р Г И Й
Ш Е Н Г Е Л И
б и о г р а ф и я

В а с и л и й
М О Л О Д Я К О В

**Г Е О Р Г И Й
Ш Е Н Г Е Л И**

б и о г р а ф и я

1894—1956

ВОДОЛЕЙ
Москва
2017

УДК 821.161.1(093.3)(092)
ББК 83.3(2Рос=Рус)60-8
М75

Научный редактор
В.А. Резвый

Иллюстрации из собраний
автора и его друзей

Молодяков, Василий.

М75 **Георгий Шенгели** : биография: 1894—1956. — М.: Водолей, 2017. — 616 с.: ил. ISBN 978-5-91763-352-7

Первая биография поэта, переводчика, стиховеда Георгия Аркадьевича Шенгели (1894—1956) — увлекательный и документально выверенный рассказ, основанный на его текстах, архивных материалах и свидетельствах современников.

Друг Брюсова и Северянина, Волошина и Мандельштама, Ахматовой и Тарковского, Георгий Шенгели был одним из крупнейших русских поэтов XX века, наследие которого только сейчас приходит к нам и еще не прочитано. Историк и собиратель Василий Молодяков детально воссоздал историю испытаний, пережитых поэтом в водовороте века войн, революций и террора, рассказал о его друзьях и врагах.

Книга проиллюстрирована материалами из собраний автора и его друзей, многие из которых публикуются впервые.

УДК 821.161.1(093.3)(092)
ББК 83.3(2Рос=Рус)60-8

ISBN 978-5-91763-352-7

© В.Э. Молодяков, 2017
© В.Э. Молодяков, собрание документов, 2017
© Д.В. Логинов, оформ., 2017

ПАМЯТИ МОЕЙ МАМЫ
ЭЛЬГЕНЫ ВАСИЛЬЕВНЫ
МОЛОДЯКОВОЙ

П р е д и с л о в и е

Судьба Георгия Аркадьевича Шенгели сложилась парадоксально и несчастливо.

За четверть века с 1914 по 1939 год он опубликовал семнадцать книг стихов и драматических поэм. С конца 1910-х до середины 1950-х годов выпустил две дюжины книг поэтических переводов (некоторые в соавторстве), шестнадцать научных и популярных книг по стиховедению и «литературной технике» (считая переиздания) плюс три политические брошюры под псевдонимом. Из-за неполноты данных трудно назвать их совокупный тираж, но это не менее ста тысяч экземпляров для авторских книг (треть — поэзия, две трети — стиховедение) и в три с половиной раза больше для переводных, причем ничего не было конфисковано и не попадало под запрет.

Георгия Шенгели не арестовывали и не судили, не высылали и не исключали, не увольняли с «волчьим билетом» и не лишали полностью литературного заработка. Как же получилось, что председатель Всесоюзного союза поэтов, член Союза советских писателей с момента основания и профессор Литературного института оказался забыт настолько прочно, что его первая посмертная поэтическая книга — сборник поэм «Вихрь железный» (1988) — вышла через 32 года после кончины автора, первый «изборник» «Иноходец» (1997) — через 41 год, а полное собрание стихотворений выходит только сейчас?

Это первая биография Шенгели — описание его жизни и отношений с друзьями и врагами. «Изучение жизни и личности творца sluжит наиболее надежным ключом к тайнам творчества, — заметил

психолог и «биографовед» Н.А. Рыбников почти сто лет назад. — <...> Задача биографа — воссоздать цельный образ героя»¹. Стараюсь следовать данному правилу, я сознаю, что охватил далеко не всё, ибо нельзя объять необъятное. Но надеюсь, что не упустил ничего принципиально важного и не исказил облик героя. Лучше обращаться к источникам напрямую, нежели пересказывать их. Особенность книги — обилие цитат: некоторые доступны в интернете «в один клик», другие почти ненаходимы.

Творчество Шенгели — прежде всего поэтическое — является важнейшей частью его жизни, однако филологический анализ не входил в мою задачу. Его переводы и стиховедческие работы заслуживают переиздания и объективной оценки, но я не считаю себя компетентным для суждения о них. Коротко рассказано о его службах и заработках в качестве педагога, фельетониста и редактора; не исчерпаны архивные материалы. Словом, еще не одному исследователю найдется работа.

Изучение жизни и творчества Шенгели продолжается более четверти века, и я с признательностью отмечаю работу предшественников — А.Г. Азова, А.В. Крусанова, В.Г. Перельмутера, К.Ю. Постоутенко, М.А. Шаповалова и покойного С.В. Шумихина.

Написание этой книги стало возможным благодаря постоянному участию и помощи В.А. Резвого, предоставившего в мое распоряжение подготовленные им к изданию произведения Шенгели, сообщившего многочисленные тексты из фондов РГАЛИ и других архивов и принявшего на себя труд научного редактора. Сделанное им настолько велико, что любое выражение благодарности будет недостаточным.

А.В. Бурлешин, В.А. Дроздов, А.Л. Соболев и Р.П. Хрулева на всех этапах работы помогали мне справками и копиями труднодоступных материалов, включая архивные, а также прочитали книгу в рукописи — их советам я многим обязан. В.Ф. Санжаровец и братья В.Н. и К.Н. Ходаковские открыли мне мир дореволюционной исто-

¹ Рыбников Н. Биографии и их изучение. М., 1920. С. 6, 17.

рии Керчи. С разрешения генерального директора Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника Т.В. Умрихиной ее заместителем Н.В. Быковской были предоставлены неопубликованные материалы из фондов. А.В. Маринин поделился результатами разысканий о предках Шенгели. Л.М. Турчинский предоставил материалы своего уникального собрания. Б.Н. Романов руководил выпуском книги, М.Ю. Кожевников и Б.А. Хайкин оказали большую помощь изданию. Неизменная моральная поддержка моей мамы Э.В. Молодяковой и моей жены О.В. Андреевой стала залогом успешной — надеюсь — работы. Всем им — глубокая благодарность! Ответственность за возможные ошибки и недочеты лежит исключительно на мне.

18 марта 2016

* * *

Поэтические произведения Шенгели цитируются по собранию стихотворений и поэм, подготовленному В.А. Резвым на основании прижизненных публикаций и архива поэта. Из стихотворений Шенгели взяты эпиграфы ко всем главам биографии.

Для удобства чтения в цитируемых текстах сокращения, содержание которых не вызывает сомнения, раскрыты без дополнительных обозначений; это относится и к обыкновению Шенгели обозначать год только двумя последними цифрами: 45 в значении 1945. Пунктуация и орфография цитируемых текстов приведены в соответствие с современными нормами. Пояснения и конъектуры внутри цитат, заключенные в угловые скобки, принадлежат автору книги; более развернутые пояснения заключены в круглые скобки с пометой «В.М.». Автору принадлежат и все подстрочные примечания, кроме особо отмеченных. Если заголовок рецензии совпадает с названием рецензируемой книги, в примечаниях приводятся только данные издания, где она опубликована; фамилия или псевдоним рецензента указаны в основном тексте. Все даты до 1 (14) февраля 1918 г. даны по старому стилю.

Если место хранения оригиналов иллюстраций не указано, они (кроме газет) находятся в собрании автора книги.

Принятые сокращения

ВЭМ — собрание В.Э. Молодякова

ВКИКМЗ — Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник

ОР ГЛМ — Отдел рукописей Государственного литературного музея

ЛН — Литературное наследство. М., 1931— (издание продолжается)

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства

РГИА — Российский государственный исторический архив

РО ИМЛИ — Рукописный отдел Института мировой литературы РАН

РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом)

Глава первая

РОД, ПРЕДКИ, СЕМЬЯ

Я, поздний потомок нездешних кровей...

Шенгели не раз пытался описать свою жизнь, но не оставил ни мемуаров, за исключением нескольких очерков (по большей части опубликованных посмертно), ни развернутой автобиографии, которая выходила бы за рамки «личного дела» или «творческого отчета». Собственное происхождение и события, случившиеся до его появления на свет, интриговали Георгия Аркадьевича, в черновых записях которого смешались факты и семейные предания².

«Сведения о моих предках отрывочны и случайны; бабушка, М.Н. Дыбская, мать моей матери, рассказывала немало, но всё — вразброд; документов не сохранилось никаких, хотя я сам видел у бабушки патенты на чины, принадлежавшие ее отцу и напечатанные на пергаменте с огромными печатями. <...> Я знаком с “историей рода” только по рассказам моей бабушки, которую я не успел своевременно расспросить поподробнее (она умерла, когда мне было 20 лет).

Мой прапрадед по материнской линии, Чернявский, был екатерининским генералом и, по семейному преданию, приходился родственником Суворову, почему в моей поэме “Ушедшие в камень” я и дерзнул назвать последнего “мой пращур”. Чернявский участвовал в

² Цитируемые далее без сносок автобиографические записи — сделанная автором книги контаминация четырех текстов Шенгели, собранных в одну единицу хранения, а именно двух вариантов «Хронологической канвы» и набросков «Семья» и «Мой род»: РГАЛИ. Ф. 2861 (Шенгели Г.А.). Оп. 1. Ед. хр. 220.

завоевании Крыма и получил во владение земли под Керчью — Чокрак и Эльтиген³; в Эльтигени он построил усадьбу “Новая Нимфея” в память находившегося там древнего города, куда ошибочно Расин перенес действие своего “Митридата”».

В 1920–1921 гг. Шенгели работал над незавершенной поэмой «Нимфея», фрагмент которой посвятил предку:

Суворовская шпага проблестала,
Ущербная луна за морем скрылась, —
И старые вновь вознеслись колонны,
Сказанья древние вновь зазвучали,
И генерал, Корнеля прочитавший,
Глядевший в Тацита и Геродота,
Себе угоды выпросил степные
И на мысу под четырьмя ветрами
Воздвиг усадьбу: Новая Нимфея.
И потекли бестрепетные годы.
Меж плит веранды серый мох пробился,
В трех комнатах не помещались книги,
И пятую тетрадь Эклог Нимфейских
Оклеивал домашний переплетчик.
И умер генерал. Похоронили
На золотистой дюне...

Идентифицировать «екатерининского генерала» Чернявского не смогли ни военные историки, ни крымские краеведы: либо не Чернявский, либо не генерал, либо не участник покорения Крыма. Нет и достоверных сведений о существовании усадьбы Новая Нимфея в конце XVIII — начале XIX в.

«У Чернявского была пленница-турчанка, от которой он имел дочь, мою прабабку — кажется, Наталью (ум. в 1845 г.). Так как этот брак был “незаконным”, то владения Чернявского перешли к его родственникам — Дириным (в одном из писем Пушкина упоминается

³ В настоящее время поселок Эльтиген (Героевское) — микрорайон Керчи; Чокрак — соленое озеро на азовском побережье Керченского полуострова.

эта фамилия) и Гурьевым. В каком-то родстве с Чернявским состоял и <Александр> Казначеев, бывший правителем канцелярии Воронцова в пушкинские годы, а затем феодосийским градоначальником».

Рассказы Георгия Аркадьевича нуждаются в существенных уточнениях, которые на основе архивных документов сделал А.В. Маринин⁴, потомок брата деда Шенгели по материнской линии. Прабабка поэта Любовь Сильвестровна Чернявская приходилась дочерью члену Феодосийского коммерческого суда Сильвестру Романовичу Чернявскому «из малороссийских старшинских детей»⁵. Умерла она не ранее 1846 г. — года рождения своего младшего сына; имения у нее не было⁶. Василий Чернявский, брат Любви и восприемник ее сына Николая, служил секретарем при Николае Казначееве — младшем брате упомянутого Александра — который управлял Евпаторийским частным карантинном; возможно Чернявские и Казначеевы состояли в родстве или свойстве.

Что касается Дириных, то Шенгели спутал две семьи. Знакомый Пушкина и родственник Кюхельбекера, переводчик Сергей Дирин не имел владений в Крыму. Землями вокруг озера Чокрак в последней трети XIX и начале XX в. владели Алексей Дирин, затем его сын Александр, археолог-любитель; о связи этого рода с пушкинским знакомцем нам неизвестно. Сведения о Гурьевых дополнил В.Ф. Санжаровец: «Василий Петрович Гурьев — личность крайне интересная. Он считается родоначальником автомобильного сообщения в России: разработал сетку дорог, на которых предполагал использовать транспорт на паровой тяге, изобрел дороги с деревянным торцовым покрытием. Экономию Нимфея построил его сын Сильвестр Васильевич, горный инженер, генерал, исследователь железных руд Керчи, основатель металлургического производства в городе (ок. 1847). Появилась она, очевидно, в середине XIX в. Первая гурьевская экономия

⁴ Сообщены в письмах автору (декабрь 2015 — март 2016).

⁵ РГИА. Ф. 1343. Оп. 3. Д. 2451. Формуляр С.Р. Чернявского.

⁶ Документы о дворянстве ее мужа Н.Г. Вусковича: РГИА. Ф. 1343. Оп. 18. Д. 4750.

была основана непосредственно в Эльтигене, называлась Кучук-Эльтыген (Эльтеген), она уже есть на картах конца 1820-х годов. Нимфея, располагавшаяся вблизи и южнее, тоже теперь в составе поселка, правда, от нее почти ничего не сохранилось. Как, впрочем, нет совершенно никаких следов и более раннего господского хозяйства»⁷.

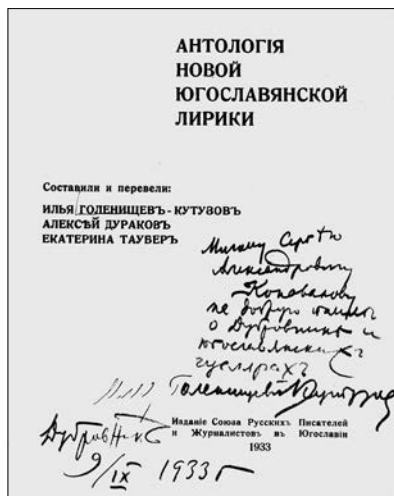
«Дочь Чернявского от турчанки вышла замуж за Николая Григорьевича Вусковича-Кулева, далмата, родом из Рагузы» (ныне Дубровник). Предков из Далмации Шенгели вспоминал в стихотворениях «В стране отцов» (1918) и «Узнавание» (1936):

На старой гравюре:
Неведомый город,
Кинжалами бури
Изрезан и вспорот,
Весь выветрен, матов
И сух как змея, —
То сердце далматов,
Рагуза моя!

Из каменной рамки
Глядят исподлобья
Дома, точно замки,
И замки-надгробья;
Тут скорчены ветки,
Тут скудны струи;
Упрямые предки
Тут жили мои!..

Ужели не здесь, не
Отсюда дана мне
Та вера, что песни
Прочнее, чем камни, —
Чтоб стих, как в гравюре
Прорезанный в медь,
Сквозь бешенство бури
Сумел прозвенеть?

⁷ Письмо автору (31 марта 2015).

«Антология новой югославянской лирики» (1933)

Обложка и титульный лист с инскриптом Ильи Голенищева-Кутузова
Сергею Коновалову

«О нем много рассказывала бабушка, сохранились его портреты. На масляном портрете неизвестного художника (хранится в семье дяди Владимира), датированном 1828 годом, изображен красивый блондин, в сюртуке, с высоким галстуком. Большие холодные голубые глаза, сжатые губы, четкий подбородок выдают ум и характер. На фотографии 1880-х годов (есть у меня) сидит тайный советник, с обрюзглым чиновничьим лицом, в орденах, с пряжкой, с недоброй линией рта и с усидчивой самоуверенностью в фигуре.

Его “выписал” в Россию его родственник Кулисич, которого упоминает в своих мемуарах Вигель, бывший в 1825–26 гг. керченским градоначальником⁸, называя его “хитрый хорват Кулисич”⁹. Вуско-

⁸ Ошибка Шенгели: Ф.Ф. Вигель занимал эту должность в 1827–1828 гг.

⁹ Согласно комментарию К.Ю. Постоутенко, «имеются в виду “Записки Филиппа Филипповича Вигеля” (Ч. 7. М., 1893). Кулисич упомянут в данном томе четырежды (С. 152, 154, 158, 206), в первом случае — с наименованием

вич, родившийся в 1804 г., дожил до 1888 г. и был директором Керченского карантина, дослужившись до тайного советника. Его младший брат тоже приехал в Россию; был автором учебника итальянского языка; сын его (этого брата) служил в Одессе в Русском обществе пароходства и торговли¹⁰, а его внучка, или, возможно, правнучка, была в конце 1930-х гг. художницей в театре Московского комсомола. Потомки брата прадеда жили в Одессе еще в 1921 г.».

Согласно архивным данным, Николо Вускович родился в Рагузе в 1804 г. в семье скорняка Джуро Вусковича. В 1818 г., будучи гимназистом, удостоился чести приветствовать латинскими стихами собственного сочинения австрийского императора Франца I, в состав империи которого Далмация вошла тремя годами ранее. В то время он был *cherico*, учеником, который готовится стать священником, — но, как выясняется, передумал. Не окончив курса наук в гимназии, Николо в 1821 г. перешел в российское подданство, став Николаем Егорьевичем или Григорьевичем, и годом позже поступил на службу канцелярским служителем. Завершил он ее не тайным, а всего лишь коллежским советником¹¹. Его младший брат Лука преподавал итальянский язык в Таганрогской мужской гимназии. Переезд братьев в Россию устроил керченский 1-й гильдии купец и домовладелец Лука Николаевич Кулисич, именовавшийся также Кулев, участник строительства и синдик католической церкви Пресвятой Девы Марии. Степень их родства не установлена, но известно, что фамилия «Кулев» в документах братьев

“Славянин-Далмат”. Отмеченная Шенгели характеристика Кулисича на страницах записок не встречается»: *Шенгели Г.* Автобиографическая проза. Предисл., публ. и примеч. К.Ю. Постоутенко // *Лица: Биографический альманах.* 5. М.; СПб., 1994. С. 377.

¹⁰ Николай Николаевич Вускович, в 1909–1917 гг. служивший начальником юридической части Русского общества пароходства и торговли (РОПиТ) в Одессе, был не сыном, а внуком Л.Е. Вусковича.

¹¹ РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 1243. Формулярные списки чиновников Керченского карантинного округа за 1850 год. Формуляр Н.Е. Вусковича-Кулева; Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц в Российской Империи на 1887 год. СПб., <1887>. Ч. 2. С. 235.

Керчь. Гравюра А.Ф. Леметра
(Ашик А.Б. Боспорское царство. Ч. 1. Одесса, 1847). Частное собрание

позднейшего происхождения — возможно, чтобы мотивировать родство и облегчить смену подданства и поступление на службу.

В 1846 г. Николай Вускович-Кулев был внесен в 3-ю часть дворянской родословной книги Таврической губернии вместе с женой и старшим сыном Митрофаном. Право на потомственное дворянство ему давал чин коллежского асессора — заветная мечта незнатных чиновников. Прадеду поэта повезло получить его в том самом 1845 г., когда планка для «народженных указом дворян», по меткому определению Константина Случевского, была резко повышена — отныне для этого требовался чин не 8-го класса, а 5-го (статский советник), до которого Вускович не дослужился и к концу жизни.

«Николай Вускович был отцом моей бабушки Марии Николаевны Дыбской, родившейся в 1840 г. в Феодосии и умершей в 1914 г. в Керчи. У прадеда Вусковича были еще сыновья от того же брака <Митрофан и Николай>, о которых я знаю лишь то, что один <Николай> был военным врачом, и что оба женились на богатых

бессарабских помещицах из-под Хотина. От второго брака с какой-то итальянкой (с которой он развелся, приняв православие) у него был еще рано умерший сын.

Бабушка характеризовала его как человека недоброго, властного, всегда всем недовольного. Рассказывала о таком случае. Прадед любил баранью голову. Однажды за обедом было подано две или три головы. Прадед раздал их обедающим, в том числе бабушке, тогда маленькой девочке, не заметив, что ему лакомого блюда не осталось. Он насупился и, увидав, что бабушка только поковыряла вилкой кушанье и оставила, вдруг пришел в ярость, схватил с тарелки баранью голову и стал ею бить бабушку.

Второй его брак был неудачен: жена изменила ему с католическим патером <Иоанном> Аразовым¹² (я его еще застал, глубоким стариком). Прадед доказал духовному суду измену, предложив сравнить нос Аразова с носом родившегося от связи ребенка; суд внял и дал развод. Прадед потом перешел из католичества в православие, чтобы насолить обидчику. Тому действительно влетело от начальства, не одоббившего, что от римской церкви отпал “генерал”, глава католической колонии в Керчи. Неверную жену прадеда, уже глубокой старухой, я видел.

После этой истории прадед “предался распутству”, в его доме всё время “торчали разные шлюхи”. Чтобы молодая дочь не мешала, он выдал ее насильно (со слезами рассказывала о том, как ее вели в церковь) за 42-летнего полунищего таможенного чиновника Андрея Кондратьевича Дыбского, родившегося в 1815 г. и умершего в 1892 г. Дед, по-видимому, был из поповичей, учился в семинарии, где драли по субботам и по французскому языку в течение всего курса проходили “Святую Женевьеву”, по окончании книги начиная с пер-

¹² Настоятель единственной в городе католической церкви, законоучитель в Кушниковском девичьем институте (с 1869 г.) и женской гимназии. Здесь и далее использованы без дополнительных ссылок данные адрес-календаря: Памятная книжка Керчь-Еникальского градоначальства на 1914 год. Керчь, 1914 (4-я паг.).

вой главы. Талантами, видимо, не отличался, ибо скончал живот в годах больших, но в чине невеликом: надворным советником. Также был честен: даже таможенных “благодарностей” за срочность досмотра не брал. Женившись, не имел и чайных ложек и на вопрос молодой жены, чем он размешивает сахар, кратко отвечал: “а бубликом, Машенька”. Получив под старость какое-то наследство (800 р.), решил устроить рыбный завод. Устроил, но прогорел. Нрава был кроткого, но способен был на взрывы: когда по недосмотру мамки, вовремя не давшей груди, задохнулся от коклюша его сын Платон, он каминными щипцами избил мамку до чугунной черноты. Помню, в бабушкином архиве, дурачки сожженном мною в 1914 г., были его письма к моей матери: типичные письма бесцветно-нежного и доброго человека, тревожащегося о чаде и наивно поучающего».

Разыскания А.В. Маринина, прямого потомка Даниила Дыбского (брата деда Шенгели), дополняют и этот рассказ. Кондрат, или Конрад, Дыбский — по семейному преданию, из поляков — был священником и готовил ту же судьбу для сыновей: Андрей и его старший брат Даниил окончили Екатеринославскую духовную семинарию. Даниил служил в Мариуполе учителем и надзирателем духовного училища; его сын стал врачом и открыл в городе первую земскую больницу. Пакгаузный надзиратель керченской таможни Андрей Дыбский¹³ отличился во время осады города, организовав вывоз части товаров и документов в Бердянск. В 1858 г., через год после женитьбы, «за выслугу лет» был произведен в титулярные советники¹⁴. Позднее служил в Бердянске и какое-то время жил отдельно от жены: там окончили гимназию их сыновья Александр и Владимир¹⁵.

¹³ РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 6372. Ведомости Екатеринославской епархии за 1831 год. Запись № 33; РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 6364. Формулярные списки чиновников Керченского таможенного округа за 1851 год. Формуляр А.К. Дыбского.

¹⁴ Объявления Керчь-Еникальского градоначальства. 1858. № 48. 30.11. С. 1. Сообщили В.Н. и К.Н. Ходаковские.

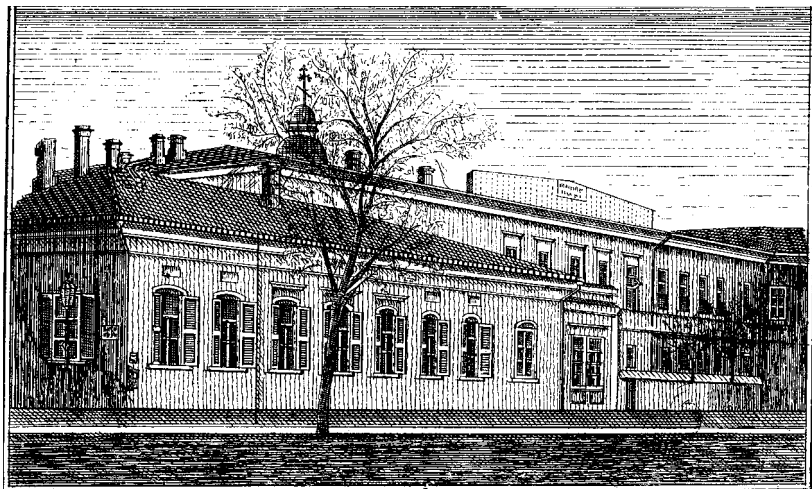
¹⁵ Письмо автору (21 декабря 2015).

«Бабушка прочно входит в мои первые воспоминания. В своем роде она была и характерным, и крупным человеком — и нелепым. Железная воля, усидчивость и терпение и — потворство всяким безобразиям любимых внуков; незаурядный ум и начитанность и — глупейшие сентенции. Прекрасное воспитание старого института и — выходки помещицы. Гонор генеральской дочки и — искательность просительницы. Я ее помню некрасивой маленькой старухой с длинным носом, с громадными голубыми глазами, с жидкими, мало поседевшими волосами. На фотографии конца 1860-х гг. она стриженная, в кринолине, довольно полная.

Училась она в Керченском Кушниковском <девичьем> институте, проведя в нем безвыходно 7 или 8 лет. Впрочем, не совсем безвыходно: в 1854 г., когда Керчь была занята союзниками, институт эвакуировался сначала в Таганрог, потом в Новочеркасск. Бабушка с восторгом вспоминала об этом романтическом путешествии в дормезах, под конвоем казаков».

История института — старейшего из женских средних учебных заведений Крыма, основанного в 1835 г.¹⁶ и пользовавшегося покровительством новороссийского и бессарабского губернатора Михаила Воронцова, — показывает, на каком уровне принимались решения. «По Высочайшей воле сделано было распоряжение и в отношении нашего Института. <...> В Таганроге Институт пробыл с небольшим год. 14 мая 1855 г. господин Таганрогский военный губернатор получил известие с пароходом, что неприятель сделал высадку в Керчи; в тот же день он издал приказ перевезти Институт в Новочеркасск, и на другой день 15 мая все уже было готово к отъезду. Институт выехал на одноконных повозках с нарочно сделанными для них из парусины

¹⁶ До 1844 г. размещался в двухэтажном доме вышеупомянутого Луки Кулисица, который сдал его в аренду на 4 года по 1000 руб. ассигнациями в год (позднее контракт был продлен, а плата повышена до 1500 руб.) и сам служил в нем экономом: *Говоров Д.Г., свящ.* Историческая записка о состоянии Керченского Кушниковского Девичьего Института в 50-летний период существования его. Керчь, 1886. С. 6, 12 (далее: Историческая записка).

Керчь. Кушниковский девичий институт
(Зенкевич Х.Х. Керчь в прошедшем и настоящем. Керчь, 1894)

верхами, в сопровождении назначенной команды из Донских казаков и прибыл в Новочеркасск 17 Мая. <...> На всеподданнейшем докладе Государю Императору о благополучном прибытии Института в Новочеркасск Его Величество изволил надписать: “Слава Богу, что их благополучно перевезли. Надобно будет стараться устроить их классы”. <...> Институт возвратился обратно в Керчь, по Высочайшему повелению, 8 августа 1857 г.»¹⁷.

Николаю Вусковичу «поручено было озаботиться переправой Института из Новочеркасска обратно в Керчь. За особое усердие и распорядительность его при исполнении сего поручения, согласно заключению Главного Совета, по представлению генерал-губернатора, Государь Император Всемиловейше повелеть соизволил выдать ему единовременно годовой оклад жалованья в размере 428 р. из % с общего запасного капитала женских учебных заведений. <...> 7 октября 1857 г. <Вускович> назначен членом Совета с целью

¹⁷ Историческая записка. С. 39–44.

содействовать ему в исправном содержании заведения и в исполнении предположений и мер, клонящихся к улучшению института»¹⁸.

«Институт дал ей хорошее знание языков, — продолжал внук рассказ о Марии Николаевне, — прекрасные манеры, безупречную русскую речь (я своим языком обязан бабушке) и пр. В институте бабушка училась хорошо (окончила третьей), обожала ламповщика, травилась от несчастной любви к оному листьями акации, танцевала с шалью, пела

Алла-га! Алла-гу!

Слава нам, смерть врагу,

чтила Лермонтова и Марлинского, превозносила учителя словесности, сочинившего патриотическую оду (читала мне бабушка! забыл!), — словом, прошла все нормальные этапы “благородной девицы” сороковых годов».

После присоединения института в 1844 г. к Ведомству императрицы Марии и принятия в 1847 г. нового устава, т. е. в период обучения Марии Николаевны, учебная программа включала следующие «науки и искусства»: 1. Закон Божий. 2. Русский язык и словесность. 3. Французский язык. 4. Немецкий язык. 5. Арифметика. 6. География. 7. История. 8. Рисование. 9. Чистописание. 10. Церковное пение. 11. Танцы. 12. Рукоделие. «Для развития доброй нравственности девиц и утверждения в них христианского благочестия главнейшею мерою признавалось преподавание Закона Божьего, который положен был в основание всего воспитания»¹⁹.

«С браком всё изменилось: в 10 лет семеро детей; нужда. Бабушке пришлось взяться за работу: стала давать уроки, приобрела солидную репутацию, и на этот каторжный заработок вырастила семью. “Школу держала” она лет 30, да и потом, когда мы воротились после смерти отца в Керчь, взялась за старое. Даже в возрасте 72—73 лет она к своей двадцатипятирублевой пенсии и пятнадцатирублевым

¹⁸ Историческая записка. С. 63, 45.

¹⁹ Историческая записка. С. 36. Подробное изложение программы: Там же. С. 34—36.

Керчь. Вид на Митридатъ съ Графской пристани.

Керчь. Вид на гору Митридат с Графской пристани
Открытка. Начало XX века. Собрание В.Ф. Санжаровца

дотациям дяди Владимира Андреевича (другой ее сын <Александр> норовил не только не дать, но и стяжать по возможности) прибавляла десятку каким-то жалким репетиторством сопливой девчонки из “своего двора”. Среди ее учеников, кажется, даже бесплатных, был известный профессор <Николай> Андрусов, киевский геолог, с которым она до конца жизни изредка переписывалась».

В местной периодике, материалы которой сообщили В.Н. и К.Н. Ходаковские, из года в год печатались объявления аналогичного содержания, но с примечательными нюансами, отражавшими появление в Керчи мужской и женской гимназий, а также перемещения по городу энергичной учительницы:

«Жена коллежского асессора Дыбского, Марья Николаевна Дыбская, имея Институтский диплом и позволение местного начальства, приготавливает девиц к 1-му и 2-му классу Института, включая также уроки рукоделия и музыки. Об условиях можно узнать лично: Троицкая улица, дом Кутуковой».

(Листок Керчь-Еникальского градоначальства. 1869. № 27. 13.07. С. 4)

«Имея Институтский диплом и дозволение начальства, принимаю к себе детей для обучения их или, по усмотрению родителей, для приготовления их к первому классу института. Дыбская. Дом Посполитки (на Соляной)».

(Листок Керчь-Еникальского градоначальства. 1870. № 41. 18.10. С. 4)

«Принимаются дети для приготовления их к Институту и Гимназии, с музыкой и рукоделиями, а также, по усмотрению родителей, принимаются и на дом. М. Н. Дыбская, на Соляной пристани, дом Посполитки».

(Листок Керчь-Еникальского градоначальства. 1871. № 26. 11.07. С. 4)

«Принимаются дети для приготовления их к первому классу Института или Гимназии, включая также частные уроки музыки. М. Дыбская, на Соляной, дом Посполитки».

(Листок Керчь-Еникальского градоначальства. 1872. № 28. 23.07. С. 4)

«Принимаются дети на дом, на полное содержание, для приготовления их к первому классу Института или Гимназии, включая уроки музыки и рукоделия. М. Дыбская, дом Посполитки, на Соляной».

(Листок Керчь-Еникальского градоначальства. 1873. № 3. 21.01. С. 4)

«Принимаются дети, мальчики и девицы, для приготовления их к первым классам Гимназий или Института. Для девиц преподаётся музыка и рукоделия. М. Дыбская. На Соляной. Дом Вениковского».

(Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства. 1875. № 27. 13.07. С. 4)

«Принимаются дети, мальчики, девочки, на полный пансион или приходящими, для приготовления их к первому классу Гимназий или Института. На Босфорской улице, дом Виньковского. М. Дыбская».

(Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства. 1877. № 35. 28.08. С. 4)

«Возвратясь в Керчь и имея дозволение высшего учебного начальства, приготавливаю детей для поступления их в 1-й и 2-й классы мужской и женской гимназий и института. Мария Дыбская. Мещанская улица. Дом Суркова, против Черкасова».

(Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства. 1880. № 42. 26. 10. С. 3)

Через четверть века появилось похожее объявление:

«Принимаются дети на полный пансион с подготовкой уроков. Окончившая гимназию даёт уроки. Дыбская. Стемпковская улица, дом Томазини»

(Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства. 1905. № 41. 09.10. С. 1), — но речь идет о другом человеке, на что указывают адрес и упоминание об окончании гимназии, а не института. «Эта новая Дыбская явно использовала уже известное в городе имя и занялась тем же ремеслом», — отметил К.Н. Ходаковский²⁰.

«Бабушка читала и неплохо знала Ушинского и Песталоцци, была в восторге от Руссо (от “Эмиля”), временами обнаруживала знакомство с Прудоном и “материалистами” 60-х годов (помнится, как-то ссылалась на Молешота) и весьма неплохо знала историю. В ее сундуке хранились “Отечественные записки” за ряд лет. Наряду с этим она проявляла ханжеские тенденции, выписывала “Русский паломник” (читала его не много). Когда я однажды был нервно напряжен зрелищем эпилептического припадка, она посоветовала мне читать вслух евангелие. Но в то же время у нас за чаем нередко бывали “сеансы безбожия”: бабушка подвергала Библию рационалистической критике, хохоча порою до слез над метафорами Апокалипсиса и над противоречиями <Книги> Бытия (“чем же несчастный Ной кормил своих скотов” и пр.). Верила в привидения и рассказывала много “страшного”, имела видения и в то же время абсолютно не боялась трупов, кладбища и т. п. Как всё это уживалось в ней — для меня загадка.

У них было семеро детей, из которых выжили трое: моя мать, Анна Андреевна (род. в 1862 г. в Керчи, ум. 6/II 1900 — по ст. ст. — в Омске); дядя Александр Андреевич (род. в 1859 г. — ум. ? —; в 1930-х гг. он был еще жив), служивший в Одесской таможне; дядя Владимир Андреевич, профессор химии в Харьковском университете²¹

²⁰ Письмо автору (24 апреля 2015).

²¹ Мchedлов-Петросян Н.О. Владимир Андреевич Дыбский (к 140-летию со дня рождения) // Вісник Харківського національного університету. 2006. № 731. Хімія. Вип. 14 (37). С. 245—246.

(род. в 1866 г., умер от голода во время немецкой оккупации <в Полтаве> в 1942 г.). У дяди Александра Андреевича были дети: Николай (умер студентом), Владимир (эмигрировал в 1919 г. в Аргентину; его жена и дети остались в Одессе), Виктор (до войны 1941 г. с женой и детьми жил в Одессе), Елена (замуж не вышла). У дяди Владимира Андреевича было восемь детей: Ольга (р. 1894, ум. 1904), Сергей (1896), Юлия — ставшая моей первой женой (1897), Вера (1899), Евгения (1900), Павел (1902), Роман (1904), Алексей (1906 <умер в 1943 г.>), Василий (1908). Алексей был женат (потом развелся) на <двоюродной> племяннице Максимилиана Волошина <Тамаре Владимировне Шмелевой>».

Дядю-таможенника Шенгели красочно описал в «романе-хронике» «Черный погон» (1925–1928)²² — беллетризованных мемуарах, в которых перемешаны факты и вымысел (точное определение степени их достоверности — задача будущего комментатора). Речь об их встрече в Одессе при «белых»:

«Я иду за ним, и на пороге следующей комнаты он вдруг оборачивается и так же застыло роняет:

— Только считаю необходимым предупредить, дабы не возникло никаких недоразумений, которые столь печально отражаются на родственных отношениях, особенно ценных в переживаемое нами ужасное время, что я тебя содержать не могу.

Узнаю дядю и его абсолютно точную речь.

²² Полностью не издан; цит. без сносок по авторизованной машинописи: РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 59. «Керченские» главы: Очерки белогвардейского тыла: Главы из романа-хроники Г.А. Шенгели «Черный погон» / Публ. А.В. Маньковского // Встречи с прошлым. Вып. 7. М., 1990; фрагменты «одесских» глав: Шенгели Г. Черный погон. Из неизданного романа-хроники / Публ. С. Шумихина // Хранить вечно. Свидетельства века. Специальное приложение к «Независимой газете». № 1 (9). 2000. 31.03. С. 9, 11; Шенгели Г. Черный погон (фрагмент) / Вступ. заметка и публ. В. Перельмутера // Арион. 2002. № 3 (<http://magazines.russ.ru/arion/2002/3/sheng.html>).

Своей манерой говорить он, несомненно, сократил жизнь множеству иностранных капитанов, пунктуально и досконально объясняясь с ними в таможене. Имя моего дяди столь же популярно среди моряков, как имя Летучего Голландца, и встречи с последним моряки боятся, вероятно, не более, чем встречи с дядей. Я только однажды присутствовал при дядином официальном разговоре, — и в середине беседы капитан какой-то русской шкуны, побывавшей в Пирее, бия себя в грудь, возопил:

— Девять лет плаваю, — впервые такого таможенника вижу. Поймите: у меня рот засох с вами разговаривать.

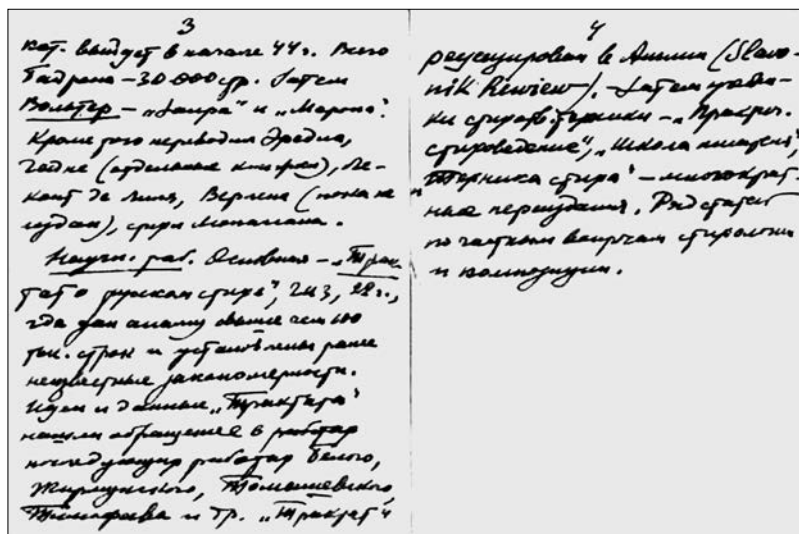
— Итак, продолжим, — хладнокровно перебил его дядя.

Я успокаиваю старшего в нашем роде: его бюджету не грозит потеря равновесия. Я к нему всего на несколько дней, пока отыщу себе подходящую комнату. Деньги у меня есть, и свою долю я внесу. <...>

Пока я просматриваю местную газету, дядя хлопочет насчет чая. Я искоса наблюдаю за ним. Он не спеша передвигается, аккуратно достает посуду, провизию, и всё это расставляет на столе с такой точностью, будто на клеенке обозначены места для каждой тарелки и стакана. Налив в мензурку сколько-то кубических сантиметров спирта, он разжигает примус, водружает алюминиевый чайник и, усевшись у стола, устремляет на меня пронизательный взор. Я жду расспросов. Но расспросов нет. Дядя ровно говорит:

— У меня два чайника: алюминиевый, стоящий сейчас на примусе, и эмалированный, по-видимому — железный, который ты можешь увидеть в буфете. Я задался вопросом: в котором из этих чайников вода быстрее нагревается до точки кипения и, следовательно, который из этих чайников требует меньшего расхода газа? В переживаемое нами ужасное время, конечно, все расходы и издержки должны быть доведены до минимума. И вот...

Дядя с полчаса рассказывает мне, как он отмеривал воду и газолин, как давал одинаковое давление, считая количество движений насоса, как с секундомером следил, сколько минут и секунд потребно для закипания. Наконец выяснилось, что алюминиевый чайник заки-

Георгий Шенгели. Автобиография. 1942—1943

тур, и кроме того, после финального, почти остывшего стакана труднее простудить бронхи. Мне предоставлено распоряжаться самому. Распоряжаюсь и гляжу, как дядя остреньким перочинным ножиком со штампованным Толстым на черенке аккуратно отрезает пластинки хлеба, срезает корочку и принимается запихивать мякиш в рот, где ослепительно белеют целехонькие, несмотря на шестьдесят дядиных лет, тридцать два зуба. Он никогда не ел ничего твердого. <...> Затем дядя демонстрирует мне свои пружинные бруккодержатели, свои автоматические пуговицы, которые не требуют пришивания и не отрываются, а если отрываются, то "с мясом", свою трость-стул и прочие достижения индивидуального комфорта.

Наконец дядя снисходит и к моей персоне, предлагая рассказать о себе. Но куда там: я совершенно измучен и прошу указать мне ложе. Дядя указывает, но, прощаясь со мной, всё же вопрошает:

— Ты женат?

И, получив отрицательный ответ, дает художественную концовку дню:

— Тогда, во избежание недоразумений, пагубно отражающихся на родственных отношениях, считаю нужным предварить, что разрешить тебе приводить сюда женщин я не могу».

Вернемся к суховатой прозе автобиографических заметок.

«По мужской линии мои сведения крайне скудны. Дед мой Александр Шенгели был грузином, священником; в 1840-х гг. он был за что-то расстрижен и выслан в Западный край. В Сосновицах он имел связь с замужней еврейкой по фамилии Иоффа (не Иоффе), которая (как мне говорила бабушка Мария Николаевна) в свою очередь была побочной дочерью какого-то поляка (всё, что я о ней знаю). О бабке не имею ни малейшего представления, равно как и о ее судьбе. Когда и где умер дед — тоже не знаю. От этой связи произошел мой отец, Аркадий Александрович, уже в юношеском возрасте “узаконенный” своим отцом, но носивший некоторое время дикую фамилию Шенгелиофэ. Отец родился в 1853 г. Законченного образования не получил и трудно пробивался в жизни. Служил приказчиком, писцом у нотариуса. У меня в метрике он значится “частным учителем”! Годам к 32 он выдержал экзамен на частного поверенного, затем приблизительно в 1898 г. стал присяжным поверенным, добился весьма значительного заработка и скоропостижно, при довольно таинственных обстоятельствах, умер 28 февраля ст. ст. 1902 г. в Омске. Моя мать была второю женою отца; кто была первая жена (кажется, “незаконная”), не знаю; она с детьми, после разрыва (развода?) с отцом, уехала в Америку в 1880-х годах.

У моих родителей было 5 детей: Леонид (умер младенцем), Валентина (р. 1886)²³, Евгений (р. 1888, ум. 1920), Владимир (р. 1889, ум. 1920) и я (р. 1894). Третьим браком мой отец был женат на Елизавете Александровне Преферанской (ум. 1927 г.), у них был сын Аркадий (р. 1902, ум. 1919), убитый в гражданскую войну где-то под Александровском.

²³ Судьба Валентины Шенгели автору неизвестна. В январе 1957 г. друг ее брата С.А. Векшинский обратился к ней с письмом, но ответа, видимо, не получил: Архив РАН. Ф. 2022 (Векшинский С.А.). Оп. 1. Ед. хр. 216.

Брат Владимир был женат на Татьяне Акимовне Федоровой; дети: Ирина, род. в 1912 г., вышла замуж за инженера Момма, работавшего на Харьковском тракторном заводе; Евгений — род. в 1915 г., Владимир — род. в 1920 г.²⁴ Брат Евгений был женат на Даре <Доре?> Михайловне Калманович, эмигрировавшей с сыном Игорем (род. в 1913 г.) в Бейрут. Детей моих кузенов и кузин не перечисляю».

Специальных разысканий о судьбе потомства братьев Шенгели я не проводил, но упомяну следующий факт. В анкете для «личного дела» Союза писателей, заполненной 13 марта 1953 г., на вопрос о родственниках за границей Георгий Аркадьевич ответил: «Мой племянник Игорь Шенгели, которого я видел лишь младенцем, живет в Бейруте, откуда прислал мне в 1945 г. через редакцию “Правды” письма, оставленные мною без ответа». Об этом вспомнил переводчик Лев Гинзбург, которому после смерти Шенгели выдали «дело» для составления некролога²⁵.

«За кадром» осталось то, о чем лучше было не вспоминать. Офицер Добровольческой армии, капитан Владимир Шенгели не эвакуировался из Крыма в ноябре 1920 г., «зарегистрировался» у «красных», как предписывал печально известный приказ № 4 Крымского ревкома от 17 ноября, был арестован и 6 декабря расстрелян — как «активно боровшийся» против Советской власти. 14 декабря та же участь постигла его брата-офицера Евгения²⁶. К обоим применимы слова очевидца событий: «Они были “бывшими”, но совершенно безобидными, наивными и беспомощными. Все непримиримые ушли с

²⁴ В другом варианте записей: Владимир (р. 1915) и Евгений (р. 1921 — уже после смерти отца).

²⁵ Гинзбург Л. Избранное. М., 1985. С. 286.

²⁶ Авраменко Л.М. Последняя обитель Крым. 1920—1921 гг. Киев, 2005. С. 303 (174 человека), 323 (76 человек); Санжаровец В.Ф. Красный террор в Керчи. 1920—1921 гг. // Материалы II научно-практической конференции «Военно-исторические чтения». 17—19 февраля 2014 г. Керчь, 2014. С. 173—183.

Врангелем. А эти оставшиеся могли бы еще долго жить на родной земле, честно ей служить и приносить пользу. Но нет, им была уготована другая доля»²⁷. Всего в городе до конца декабря были расстреляны не менее 860 человек. 16 ноября 2010 г., в день 90-летия Русского Исхода в Керчи открыт памятный знак, посвященный жертвам красного террора.

Кровавая вакханалия не была секретом. Полагаю, Георгий Аркадьевич быстро узнал о судьбе братьев — и на семнадцать лет замолчал, чтобы вспомнить в первой поэме-«теме» «Эпического цикла», озаглавленной «Личная»:

И снова, призраком, вползали в мой тупик,
Вдвоем, мои расстрелянные братья,
Чью гибель я как жертву лучшим дням
Когда-то принял...

«Таким образом, — подвел итог Шенгели, — во мне смешалось семь кровей: русская, турецкая, далматинская, украинская, грузинская, еврейская, польская. У меня потомства покуда нет и, надеюсь, не будет».

Что из перечисленного важно для понимания его судьбы? Смешение кровей, объяснявшее или служившее объяснением взрывного темперамента. Потеря родителей в раннем возрасте. Эмоциональная привязанность к Крыму и через это ощущение собственной включенности в историю. Добавлю, что Шенгели мало общался с родственниками, за исключением дяди Владимира Андреевича, о котором далее.

²⁷ Сапожников А.И. Крым осенью 1920 г. // Исход Русской Армии генерала Врангеля из Крыма. М., 2003. С. 605.

Глава вторая РАННИЕ ГОДЫ (1894 – 1913)

Я счастлив там был на весеннем ветру...

Георгий Аркадьевич Шенгели родился 20 апреля (2 мая) 1894 г. в городе Темрюк на Кубани, в доме Барж: «В метрике указано 20 мая, — это неверно». Полвека спустя он вспоминал отца:

Шахматный столик стоит в кабинете,
В партию Стейница впился отец;
Пахнет сигарой, и — резвые дети —
Мы не дождемся: когда же конец?

Туго набиты бельем чемоданы,
Гладок и свеж чесучовый пиджак;
Лошади поданы. В дальние страны
(То есть в Одессу) поедет чудак...

...Где-то в Сибири отцова могила;
Да и меня уж к моей подвело!..

Вскоре после рождения Георгия семья переехала в дом Белозерцевой на Александровской улице: «потом там была школа». О детских годах нам известно только из его собственных беглых записей, которые мало чем удалось дополнить, включая информацию об упоминающихся там людях:

«1897. Первые воспоминания. — Поездка в Керчь к бабушке. — Поездка в Одессу на лиманы (лечилась мать). — Первые заученные наизусть стихи (из “Конька-горбунка”). — Первый “бал”: елка в

Георгий Шенгели. 1897. РГАЛИ

клубе на святках. — Первая “романтика”: бабушка показывает в окно на дальние холмы: “там — Кавказ”; а у меня есть черкеска и кинжал, и я знаю стихи: “Злой чечен ползет на берег...”, — и мне становится “загадочно” и “тянет вдаль”».

Четыре года мне. Я наряжен в черкеску
И в шелковый бешмет. А ну-ка, посмотри,
Какие на груди сверкают газыри,
Как на кинжале чернь рисует арабеску!

Пусть братья дразнятся! Я мигом, им в отместку,
Кинжал вонзаю в стул — и раз, и два, и три, —
И — пополам клинок!.. И как тут ни ори,
А тащит бабушка меня за занавеску.

Не драть — переодеть: «Ну что за маскарад?..»
Но я реву. И тут ко мне подходит брат
И, сжалившись, меня на подоконник ставит:

«Гляди!» — И вижу там, где солнце дали плавит, —
Каких-то взгорий зыбь. И слышу в первый раз
Название, ковкае и звонкое: «Кавказ».

Эти стихи, написанные 58 лет спустя, — из самых последних.

«1898. Семья переезжает в Омск. Отец, уехавший раньше <в 1897 г.>, встречает нас в Челябинске, в день моих именин (23 апреля). В Омске жили в доме Ковригиных (возле старой синагоги), потом в доме Боярской (возле кадетского корпуса), потом в доме Новикова, недалеко от нового собора. Осенью сестра <Валентина> поступает в гимназию. Я узнаю глобус. — Меня учат читать.

1899. Летом поездка с бабушкой и мамой (мать лечилась) в Москву; живем в меблированных комнатах на Петровке, дом Обидиной («Бель-Этаж» или «Эжен» в доме 26. — В.М.). — Конка; зоопарк; лифт у Мюра и Мерилиза (помню какие-то сверкающие лопасти). — Осенью заболеваю scarlatina и нефритом. — «Первое произведение», озаглавленное «Анекдот» (не сохранилось. — В.М.).

1900. Болезнь и смерть матери (6 февр. ст. ст.). — Первая дружба — с Искандером Ишмухаметовым, уже гимназистом, башкиром, сыном члена судебной палаты. Мы с ним «ставим» гоголевскую «Женитьбу», которую вместе смотрели в театре.

1901. Запойное чтение: Жюль Верн, Жаколио, Уэллс, Станюкович, Джером, Гоголь, Твен и пр. — Поездка на дачу в «Загородку». — Купанье в Иртыше. — Я нахожу «золото» (оказавшееся серным колчеданом). — Женитьба отца (осенью). — Моя первая влюбленность (в актрису Крамскую, игравшую Леля в «Снегурочке»²⁸); отец ведет меня к ней в уборную; она меня целует; от нее прекрасно пахнет». Об этих романтических воспоминаниях — стихотворение «Запыленное», которое автор с успехом читал на «поэзовечерах»:

²⁸ Достоверными сведениями о ней не располагаем.

Темрюк. Дом Белозерцевой, где Шенгели жил в раннем детстве
Фотография. Начало XX в. Темрюкский историко-археологический музей

Я помню как во сне: лицо в душистой пудре,
блестящие глаза, изящный алый рот
и золотистый шлем — чуть подвитые кудри,
как водопад лучей нависшие вперед.

Мне было только пять... Я в бархатном костюме,
отливно-голубом, и в шелковых чулках,
охваченный волной волнующих раздумий,
к Ней подходил, стыдясь, преодолевая страх.

Огромные глаза сверкали близко-близко,
и губы жаркие касались вдруг моих,
и голову пьянил мне запах тамариска,
изменчивый, как мой стозвучный гибкий стих.

Я убегал тогда, я забивался в ложу,
смеялись надо мной, дразнили: «Жорж влюблен», —
я видел лишь глаза, лишь серьги, губы, кожу,
такую нежную, как всплески дальних волн.

Омск. Кадетский корпус. Фотография. Концу XIX в.
Омский государственный историко-краеведческий музей

А ночью я мечтал, метался на постели,
воображал Ее на сцене, как вчера,
Ее — Снегурочкой, себя — в костюме Леля.
И целовал Ее... И плакал до утра.

Не знаю — кто Она. Артистка. Л. Крамская...
Ведь так давно: шестнадцать долгих лет!..
Но в мартовские дни, опять меня лаская,
встает передо мной Ее немой портрет...

«Страшно интересуюсь бурской войною, играю “в генерала Девето”, читаю газеты. — Боксерское восстание интересует мало. — Впервые вижу кино. — Увлекаюсь цирком».

Если не идиллическая (смерть матери, пережитая в шестилетнем возрасте, кажется, не сильно отразилась на мальчике), то все-таки устроенная жизнь резко прерывается. Запись за 1902 г. начинается «кинжальными словами»: «Внезапная смерть отца (28 февраля в

Тюмени). — Отъезд из Омска». Роль мачехи Елизаветы Александровны в дальнейшей судьбе Георгия не прослеживается. Осиротевших детей берут на попечение родственники матери: сначала дядя Владимир Андреевич, потом бабушка, «под крылом» которой в Керчи он и вырос. «Жили на бабушкину пенсию и маленькое отцовское наследство, разверстанное “до окончания гимназии”. Бюджет был жестким, но жили не нуждаясь»²⁹. В то время плата за право обучения в гимназии составляла 60 рублей в год, но это покрывало менее трети фактических расходов.

«Два месяца (в другом варианте записей: месяц. — В.М.) живем в Харькове у дяди. Посещаю его лабораторию, дивлюсь чудесам — с лакмусовой бумажкой и пр. — Приезд в Керчь³⁰. — В первый раз вижу море и корабли (в 1897 г. я их не заметил) и “схожу с ума”. — Поступаю во “фребелевский” садик; меня начинают готовить в гимназию. — Дружба с Васей Фрейбергом, длящаяся всю жизнь³¹».

«В настоящее время Керчь является одним из лучших городов Крымского полуострова как по своей внешности, так и по внутреннему благоустройству», — сообщал преподаватель истории и геогра-

²⁹ Автобиография / Шенгели Г. Автобиографическая проза. С. 375–377; далее цит. без сносок.

³⁰ Далее при описании керченского периода жизни Шенгели я использую, кроме его записей, статью: Механиков С.В. Материалы Г.А. Шенгели из фондов Керченского заповедника // Научный сборник Керченского заповедника. Вып. 2. Керчь, 2008. С. 195–221.

³¹ Сын бывшего преподавателя древних языков керченской гимназии Василий Фрейберг 3 декабря 1963 г. писал С.А. Векшинскому: «Вся моя работа прошла в рыбной промышленности, а именно 22 года в Научно-исследовательской системе Главрыбы, а затем 8 лет непосредственно в промышленном рыболовстве, на Каспийском море во время войны. С 1957 года я — пенсионер. В 54-ом году с Каспия переехал в Одессу, так как Керчь была очень сильно разрушена. Теперь я у тихой пристани. <...> В Керчи я так и не смог побывать после войны и после переезда с Каспия в Одессу. Правда, Керчь потеряла всё то, чем я был связан с этим городом в течение 41 года»: Архив РАН. Ф. 2022. Оп. 1. Ед. хр. 216. Л. 2 об—3 об.

Вид на Керчь с горы Митридат. Открытка. Начало XX в.
Собрание В.Ф. Санжаровца

фии местной гимназии Хрисанф Зенкевич в книге «Керчь в прошедшем и настоящем», изданной в год рождения Шенгели. «Памятная книжка Керчь-Еникальского градоначальства на 1914 год» дословно повторила эту фразу. «Город представляет довольно привлекательный вид, благодаря правильной распланировке улиц, довольно широких, с такими же широкими тротуарами, вдоль которых тянутся аллеи. <...> Здания городские не отличаются изяществом или оригинальностью архитектуры; в большинстве — это обыкновенные дома в один или два (редко три) этажа, построенные из местного известняка. <...> Квартирный вопрос также одно из больных мест города: сухая, светлая и вообще благоустроенная квартира в Керчи — немалая редкость и ценится недешево»³².

³² Керчь в прошедшем и настоящем. Историко-археологический и географический очерк. Сост. Хр. Хр. Зенкевич. Керчь, 1894. С. 47, 52, 84.

Гордясь городом, власти не скрывали его многочисленных проблем. «Главнейшими недостатками Керчи является скученность в центральных частях города, отсутствие растительности и отсутствие хорошей воды. <...> Верхняя часть города, благодаря обилию воздуха и возвышенному расположению, находится в хороших санитарных условиях. Нельзя сказать того же о низменной, значительно большей, части города. Благодаря близости подпочвенных вод при малейшем дожде здесь образуются на улицах и дворах грязь и лужи стоячей воды. Все это в связи с тем, что дома в Керчи строятся из пористого известняка, вызывает сырость в домах. <...> Поливка улиц не производится. <...> Канализации нет»³³. Побывавший здесь в том же 1914 г. Игорь Северянин недовольно обозвал Керчь «смердной».

В 1916 г. Шенгели торжественно и романтически воспел город, который считал своей родиной, в сонете «Порт св. Иоанна»:

Исчерченный коринфскою резьбой
Иконостас из черного ореха.
Сгоревшего полудня льется эхо
Из купола струею голубой.

И бледным золотом дрожащий зной, —
Шипы уже незримого доспеха, —
Зигзагом быстрым, молниєю смеха
У закоптелых ликов — как прибор.

Забывтый порт Святого Иоанна...
В долине — церковь, где молчит осанна;
Безмолвный храм Тезея на холме.

И выше всех, в багряной мгле заката,
Над пропастью, на каменном яре,
Гранитный трон — могила Митридата.

³³ Памятная книжка Керчь-Еникальского градоначальства на 1914 год. С. I (3-й паг.), 86–88.

«Невольно залюбуешься чудной панорамой, — влюбленно писал Зенкевич, — какую представляют рейд, сам город и гора Митридат с украшающими ее зданиями — бывшим помещением местного музея в виде Тезеева храма в Афинах по склону горы и памятником, воздвигнутым на вершине ее над прахом одного из бывших местных градоначальников. <...> С вершины этой горы восхитительный вид на морской рейд с снующими по нем лодками и другими мелкими судами и спесиво покачивающимися пароходными громадами различных флагов, на город, приютившийся большей своей частью у подошвы горы. <...> Прелесть картины увеличивается в чудные лунные ночи, которые отличаются неотразимым обаянием на юге. Кажется, самый мрачный наблюдатель способен залюбоваться открывающейся перед ним чудесной панорамой»³⁴.

В позднейших стихах Шенгели город выглядит более реалистически, но всегда окутан дымкой любовной ностальгии:

Пароход подходит к пристани,
Пеня белые бугры,
И висит звезда над зубьями
Митридатова холма.

От ладоней пахнет сыростью,
Губы солонны на вкус;
Я вернулся, — и неведомо,
Для чего вернулся я.

По лобастому булыжнику
Рыбный рынок прохожу,
Где уже считают выручку
У фонариков клонясь.

И сквозь темные проулочки
В портовую пустоту
Вдруг пахнет с бульвара музыкой
И акацией пахнет.

³⁴ Керчь в прошедшем и настоящем. С. 49–51.

Мне домой идти не хочется,
Да и незачем домой;
Вот кофейня, сяду к столику,
Папиросу раскурю.

Из окошек слышно щелканье
Лаконических шаров...
Это будни, лето, молодость,
Одиночество мое.

«1903. Поступаю в гимназию». Девяти лет, как и полагалось, Георгий был отдан в подготовительный класс восьмиклассной Александровской классической гимназии, созданной сорока годами ранее³⁵. Полученный аттестат давал право на зачисление без экзаменов на первый курс университетов. В 1869 г. гимназию окончил с серебряной медалью будущий народоволец Андрей Желябов, но его фамилия исчезла из официального списка выпускников. Среди золотых медалистов — будущий народоволец, «ренегат» и теоретик «монархической государственности» Лев Тихомиров (1870), академик-геолог Николай Андрусов (1881), которому давала уроки бабушка нашего героя, братья-профессора Хвостовы — социолог Вениамин (1885) и историк Михаил (1891). Владимир и Евгений Шенгели окончили Александровскую гимназию в 1907 г. и продолжили образование в военных училищах.

«Первые “триумфы” (я — первый ученик). — Дружба с Володи́ей Золотаревым, Спирой Микропуло³⁶ и Шурой Станиславским — на всю жизнь. — Вижу “бунт” — забастовку рабочих <табачной>

³⁵ Сведения о гимназии и ее выпускниках взяты из следующих источников: *Федотов П.М.* Пятидесятилетие Керченской Александровской гимназии (1863–1913). Историческая записка. Керчь, 1914; *Быковская Н.В., Небожаева Н.В.* И все учились... // Керченская старина. Научно-популярные статьи по истории города и его окрестностей. Вып. I. Симферополь, 2015. С. 208–226.

³⁶ Сын городской акушерки Пелагеи Микропуло.

Керчь. Александровская гимназия. Открытка. Начало XX в.
Собрание В.А. Диканова

фабрики Месаксуди; помню золотые эполеты адмирала Клокачева³⁷, проходящего через толпу. — В нашем дворе живет “ссылный” — студент Чернов; однажды он жестоко бьет котенка... Я его ненавижу».

«В начале жизни школу помню я...» На вступительном экзамене в первый класс гимназии дети должны были продемонстрировать умение бегло читать по-русски и пересказывать прочитанное, писать под диктовку, читать церковно-славянские тексты, знать арифметические действия. Георгий с этим справился.

«1904. С первой наградой перехожу в 1-й класс³⁸. — Мучительно слежу за событиями японской войны.

³⁷ Генерал-майор (позднее генерал-лейтенант) Модест Клокачев, керчь-еникальский градоначальник (1897–1906).

³⁸ В этом году из гимназии исключили за революционную деятельность будущего царевубийцу Петра Войкова.

1905. Позор и отчаяние: Цусима! — С первой наградой перехожу во 2-й класс. — Лето в Эльтигени. Научился плавать. — Острый мистический ужас: в пустой степи ясный голос дважды позвал меня по имени. — 1 августа вижу еврейский погром и расстрел солдатами еврейской самообороны³⁹. — Гимназическая забастовка. Чувствую себя “революционером”. Собираю прокламации и играю в фабрикацию подложных паспортов. Безумствую из-за “Потемкина” и Шмидта; видел его сына на улице. — Подслушиваю похабный разговор брата (неизвестно, кого из двух. — В.М.) и его приятеля, которого я читал как “революционера”; я оскорблен и безумно разочарован.

1906. Катастрофа № 1 (в другом варианте: «катастрофа с чабаном», но о чем речь, неясно. — В.М.). — С первой наградой перехожу в 3-й класс. — Крайне интересуюсь политикой. — Первый “революционный кружок” под руководством курсиста Вали Малсо. Становлюсь “атеистом” и “меньшевиком”, хотя очень сочувствую эсерам (бомбы!). Взрыв бомбы на чердаке синагоги; вижу, как несут убитого юношу и другого, раненого (сыновья сторожа, изготавливавшие бомбу). В августе убит жандармский полковник Шереметов; я знаю, что в него стреляли товарищи братьев: Федя Цвельке и Шура Паневин⁴⁰; меня распирает от гордости, что я знаю такую тайну. — Дружба с Федей Аверкиевым — на всю жизнь. — Учусь танцевать и танцую на балах. — Первый флирт — с Надей Афанасьевой».

«Хотя 1905 год сравнительно благополучно прошел в Керченской гимназии, но некоторая расшатанность все-таки замечалась», — лаконично сказано в официальной истории⁴¹. Убийство 34-летнего ротмистра Ивана Шереметова и его жены вечером 9 июня 1906 г. нельзя

³⁹ Подробнее: Быковская Н.В. Первая кровь // Керченская старина. Вып. I. С. 336—342.

⁴⁰ Сын купца Андрея Паневина, Александр Паневин окончил гимназию в 1911 г. — позже положенного по возрасту срока (видимо, был отчислен и восстановлен).

⁴¹ Федотов П.М. Пятидесятилетие Керченской Александровской гимназии. С. 101.

назвать иначе как подлым, даже если счесть его описание в «Книге русской скорби» чрезмерно пафосным:

«Иван Васильевич Шереметов, как русский и честный офицер, во время всеобщего разгрома очутился в меньшинстве, т. е. в числе верных детей России. <...> Его жена знала и понимала, что одна только принадлежность Ивана Васильевича к меньшинству уже навлекает на него опасность. Она видела, как твердо давал он, где только и в чем мог, отпор революционному сброду, и знала, что этим самым он заслуживает их ненависть и вызывает мщенье⁴². Каждый день приносил новые и новые жертвы, каждый день один за другим падали верные слуги России, и, конечно, Наталия Семеновна не могла думать, что муж ее не разделит общей участи этих жертв. <...> Вечером, после обеда, Иван Васильевич отправился на бульвар. <...> Часы шли, непонятное беспокойство Наталии Семеновны все возрастало и вылилось, наконец, в твердое убеждение, что мужу ее грозит какая-то опасность. <...> Наталия Семеновна на бульваре быстро нашла своего мужа и, взяв его под руку, отправилась с ним домой. Чем ближе подходили они к дому, тем спокойнее становилось на сердце молодой женщины. Еще немного и они будут у своего очага, где их ждет маленькая <дочь> Ирина.

Они подошли к калитке дома, во дворе которого занимали квартиру, и Наталия Семеновна вынула ключ, чтобы отпереть калитку, но, несмотря на все усилия, не могла попасть ключом в замочную скважину. В эту минуту она и ее муж слышали за собой топот бегущих ног, оглянулись — и были внезапно осыпаны градом пуль. Шестеро убийц подбежали почти вплотную и начали буквально расстреливать Шереметовых из браунингов. <...> Злодеи, подготовившие убийство, позаботились о том, чтобы намеченным ими жертвам некуда было скрыться, и забили в замочную скважину калитки кусочек

⁴² Ср. мнение бывшего сослуживца о Шереметове: «Он невозможно важничал, делал карьеру, товарищ был плохой и был жесток с обвиняемыми по политическим делам, за что и был убит в мае 1906 года»: Поляков А. Записки жандармского офицера // Жандармы России. М.; СПб., 2002. С. 501.

дерева. <...> Иван Васильевич тут же у калитки упал мертвым, пронизанный восемью пулями. <...> Наталия Семеновна, смертельно раненная в живот, продолжала стучать в калитку и отчаянно звала на помощь. <...> К утру она скончалась.

Живший в том же доме генерал-лейтенант Семен Трубников, тесть Шереметова, страдал пороком сердца; узнав о гибели дочери и зятя, он потерял сознание и через несколько дней скончался. Видевшая окровавленные тела родителей, Ирина получила тяжелейшее нервное расстройство и через полгода, заболев скарлатиной, умерла. После похорон внучки вдова генерала сошла с ума и через год последовала за ней. «Один предательский удар сразил всю семью, всех пятерых ее членов, связанных между собою узами любви и кровного родства. <...> О Шереметове плакать некому. <...> Увы! Они не найдены, эти убийцы. Они скрылись все шестеро и, как обыкновенно у нас говорят, “не разысканы, несмотря на принятые меры”»⁴³.

Федор Аверкиев — сын кандидата права Василия Аверкиева, гласного городской думы и городского головы Керчи с 1907 г.⁴⁴, — поступивший в 1906 г. во второй класс гимназии, пережил почти всех однокашников⁴⁵. В 1971 г. он написал воспоминания «Первые

⁴³ Книга русской скорби. Т. IV. СПб., 1910. С. 1–7.

⁴⁴ Занимал эту должность как минимум до 1914 г.: Памятная книжка Керчь-Еникальского градоначальства на 1914 год. С. VII (3-й паг.).

⁴⁵ Автобиографические сведения: «Родился в 1894 г., в 1913 г. окончил Керченскую гимназию, затем учился на экономическом факультете Политехнического института в Петрограде. В двадцатых годах работал в кооперации под Москвой. И только в 1927 г., стремясь вернуться в Керчь, я нашел себя, поступив на работу в качестве экономиста в Керченскую научную ихтиологическую лабораторию и с увлечением отдался научным исследованиям рыбного хозяйства Азовско-Черноморского бассейна и Керченского района. Сперва я работал в Керчи, а затем, оставаясь в той же системе, я жил и работал в Ростове н/Д. В 1937 г. я получил научную <так!> степень кандидата экономических наук, в 1939 г. был утвержден в научном звании старшего научного сотрудника. В 1958 г. в возрасте 64 лет я вышел на пенсию по состоянию здоровья, но продолжал до 1969 г. ежегодно временно работать в Азовском научно-иссле-

всходы». Непосредственно о Шенгели там сказано мало, но это один из всего лишь двух подробных рассказов об обстановке, в которой прошли его гимназические годы.

«Учащимися в то время были в основном дети средних слоев городского населения из служащих, ремесленников, купцов. Детей рабочих было крайне мало. <...> Но все же в среде школьников замечалось известное деление на “бедных” и “богатых”. Первые задавали тон в классе, составляли актив. Я применил кавычки, так как далеко не только материальным положением родителей определялись эти группировки. Была еще и некоторая общность по духу, по уже сформировавшимся взглядам на действительность. К примеру, я был активным участником школьной и внешкольной жизни и увлечений бедных ребят, несмотря на то, что моя семья была материально обеспечена. <...>

Критическое отношение к политическому режиму того времени, уважение к народу, простым людям и убежденность, что долг честного человека участвовать в борьбе против всякой несправедливости и угнетения, — таков был фон моего детского и юношеского восприятия действительности и идеологическая основа школьной дружбы со многими мальчиками. Совместные игры, увлечения, проказы и общность школьных интересов закрепляли нашу дружбу. Это были в большинстве ребята, не слишком связанные родительской опекой и буржуазно-мещанскими предрассудками, и прекрасные товарищи. Постоять за друга, помочь ему в беде, не выдать, сохранить доверенную тайну — были для нас неписаными законами нашей дружбы. <...>

Буря революции 1905 года коснулась всех социальных слоев того времени, всех возрастов. И гимназисты, конечно, даже младших классов, не могли оставаться в стороне. Проникновение революционных веяний в гимназию чувствовалось в появлении у гимназистов

довательском институте рыбного хозяйства. Имею несколько десятков печатных научных работ. Продолжаю состоять членом ученого совета Института. Я беспартийный». Архив РАН. Ф. 2202. Оп. 1. Ед. хр. 126. Л. 21.

прокламаций, которые читались обычно вне стен школы после взаимного обмена честным словом о сохранении тайны, в сообщениях об арестах, в рассказах о революционерах и в разговорах о политических событиях»⁴⁶.

Свидетельство Аверкиева интересно сравнить с воспоминаниями другого гимназического друга Шенгели, академика Сергея Векшинского:

«Все мы до самых выпускных экзаменов оставались детьми, более или менее возмужавшими, более или менее испорченными, сравнительно неплохо развитыми, но далекими от какой-либо идейности, целостности миропонимания, установившегося воззрения на смысл и цели жизни. <...> Состав учеников нашего класса был довольно разношерстный. Тут были и дети из рабочих семей, и крупных торговцев и мелких коммерсантов, врачей и чиновников. Класс, несмотря на эту пестроту состава, был очень дружен, спаян той славной спайкой, которая исключает возможность расчленения этого юного общества на черную и белую кость. Не все мы бывали друг у друга, но все мы встречались тесной гурьбой на Воронцовской или на Приморском бульваре, шатались маленькими группами по запретным местам — билиардным и шашлычным — вместе готовились к экзаменам и письменным работам, дружно подсказывали на уроках. О фискальстве, доносах и т. п. не было и помину.

При всем том класс наш до самого выпуска оставался оранжереей, в которой не чувствовалось никакого дуновения социальных течений и политических бурь. Даже самые развитые и начитанные из нас, такие как Шенгели, мне кажется, были далеки, даже накануне выпускных экзаменов, от того чтобы ясно знать и понимать сущность событий 1905—1908 годов. Если они и знали больше остальных, то знали пассивно, без идей и стремлений к борьбе, переустройству, революционному действию. Если у Шенгели, а за ним следом у Коли

⁴⁶ Аверкиев Ф.В. Первые всходы // Архив РАН. Ф. 2202. Оп. 1. Ед. хр. 126. Л. 24—25.

Петрова появлялись порой “философические” настроения и стремления “отрицать” и “попирать”, то вряд ли это в какой-либо мере являлось отзвуками и перепевами больших мировых социальных симфоний. Скорее это были метания и юношеские искания в областях куда как более отвлеченных»⁴⁷.

По-разному два бывших гимназиста оценивали и строгость режима.

«Классные надзиратели неустанно следили за “поведением” учеников не только в стенах учебного заведения, но и за его пределами, — вспоминал Аверкиев. — После 10 часов вечера ученикам без родителей на улицах появляться запрещалось. В местный драматический театр можно было ходить только на отдельные и редкие спектакли с разрешения на каждый раз от дирекции гимназии. Было строго обязательно посещение всех церковных служб. За все нарушения гимназических правил неизбежно следовала кара в виде отсидживания “без обеда”, снижения оценок за “поведение” и даже исключения из гимназии, порою с “волчьим билетом”, т. е. без права поступления в другую гимназию. <...> Однако, чем строже устанавливался режим в гимназии, тем большее сопротивление ему возникало среди учеников. Нарастало чувство неприязни к “наставникам”, а молодой задор толкал к неповиновению. Нам казалось, что борьба против гимназического режима сродни революционной борьбе»⁴⁸. Погулять после запретного срока, сходить без разрешения в театр, ловко обмануть надзирателя казалось своеобразным удалством»⁴⁹.

«В гимназические годы мы, юноши, конечно, были недовольны всеми порядками гимназии, — свидетельствовал Векшинский. — Одни

⁴⁷ Векшинский С.А. Гимназия и гимназисты // Архив РАН. Ф. 2022. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 14–16.

⁴⁸ Ср. в автобиографической повести Валерия Брюсова «Моя юность»: «Я считал долгом презирать всякое начальство, от городского до директора гимназии» (Брюсов В. Из моей жизни. Автобиографическая и мемуарная проза. М., 1994. С. 130).

⁴⁹ Аверкиев Ф.В. Первые восходы. Л. 26–27.

возмущались обязательностью преподавания закона божьего и хождением в церковь, другие считали идиотизмом долбежку пять раз в неделю латинских спряжений. <...> Любители литературы находили, что из нас готовят невежественных людей, т.к. новая и новейшая литература не только не изучалась, но запрещалась. <...> При всех явных и надуманных недостатках гимназия имела несомненно одну хорошую сторону: нас систематически учили, приучали к ответственности и требовали постоянной работы над собой. <...> Второе — это дисциплина, распространявшаяся на наше поведение в классе, на улице, дома, в общественных местах. При всем том эта дисциплина не была гнетущей, унижительной. Все знали нормы поведения, всем в одинаковой мере было ясно, что можно и чего нельзя, где проходит граница приличного. Прописная мораль не лезла из всех щелей, не вдалбливалась, не пропагандировалась трафаретными, примитивными, лубочными приемами. Она была, но ее преподносили корректно, тонко, ее не навязывали.

Готовили ли из нас полезных людей? Нет, нам только солидно давали возможность узнать обо всем ровно столько, чтобы самостоятельно выбрать себе будущее поприще и открыть возможность готовить себя к нему. Для тех же, кто этого не мог или не хотел сделать, гимназия давала ровно столько, чтобы, пользуясь плодами ученья, покинувший ее стены воспитанник мог прокормить себя и семью на казенных хлебах или заработках второстепенных служащих частных предприятий. Какой-либо подсказки или агитации в пользу той или другой науки, выбора той или иной профессии со стороны преподавателей абсолютно не было»⁵⁰.

Федор Аверкиев окончил гимназию в 1913 г. с серебряной медалью. Оставленный на второй год в седьмом классе, Шенгели отстал от него и окончил ее годом позже, вместе с Векшинским.

«1907. С сестрой Вале́й мы поселяемся отдельно от семьи. — С первой наградой перехожу в 4-й класс. — Страшное увлечение Конан-Дойлем. — Первая поллюция. — Катастрофа № 2. — Нахожу

⁵⁰ Векшинский С.А. Гимназия и гимназисты. Л. 14–15.

Георгий Шенгели. 1907. РГАЛИ

у брата порнографические карточки. — Первое самостоятельное путешествие: Феодосия, Коктебель. — Теряю положение 1-го ученика. Подделываю четвертные ведомости. Весь год — моральная пытка. — Снова поселяюсь у бабушки.

1908. Переэкзаменовка по латыни; скрываю всё. Катастрофа № 3. — Осенью провал: остаюсь на 2 год в 4 классе. — Безумная влюбленность в Дусю Конгопуло. — Начинаю сотрудничать в газете («Керченское слово» — Пушкарева⁵¹); первая статья — о неблагоустройстве городских окраин. Платят по 2 копейки за строку. — Дружба с Колей Петровым». В другом варианте загадочное дополнение: «Февраль. Знакомство с Молчановым. Начало без-

⁵¹ «Керченское слово. Газета политическая, общественная, литературная и торгово-промышленная»; издавалась К.П. Пушкаревым в 1908–1909 гг.

дельничанья и хулиганства». Об этом «злом гении» нам пока ничего не известно.

В более ранней автобиографии временем газетного дебюта указан 1909 г., но это, пожалуй, не принципиально. Ранние статьи и заметки Шенгели, выходившие анонимно (гимназист не мог подписываться в печати собственным именем без специального разрешения начальства), исследователями не разысканы или не идентифицированы. Это еще не начало литературной деятельности, но подступы к ней, это заработок пером и знакомство с миром газеты, репортажа и хроники — знакомство, которое не раз выручало его потом.

«Писал хронику, фельетон и почему-то статейки по авиации». Авиации удивляться не надо — это модная тема и сильные личные впечатления от полетов Сергея Уточкина, которые отзовутся в знаменитом «Блерио» (1942) и в неоконченном стихотворении 1937 года:

Из утлых дранок и холста,
С колючим запахом олифы,
Как математика проста
И обаятельна как мифы,
Четыре сажени длиной
И высотой два аршина, —
Стояла на траве машина,
Звения о ветерок степной.
В нее уверенно и плотно
Как в ванну человек шагнул,
Сигару кислую швырнул,
Рычаг зажал, качнул полотна,
Кивнул, — и завертелся вдруг,
С каким-то позвоночным треском,
Весь трепеща столярным блеском,
Как марево прозрачный круг.
Летун кивнул опять; солдаты
Враз отпустили хвост прижатый;

Рванулась легкая, бежит
И отделяется, и, тая,
Взмывает в небо, и кружит
Так невесомо-золотая.
Но гул всё гуще в синеве
(Прошло едва ли две минуты), —
Всё ближе крыльев розмах гнутый
И, вся еще дрожа от смуты,
Скользит машина по траве.
Стоп!.. Загрели тушем трубы
Аплодисменты заглуша...
Мы шли. Мы стискивали зубы.
Надсадой сладкою душа
Сочилась, — будто бы впервые
Отведать женщину пришлось:
Мы шли, мы знали...

«В 1911 г. в Керчь приехал для показа своих полетов знаменитый в то время Уточкин, одессит, съехавший на пари на своем автомобиле по известной одесской лестнице к морю, позднее ставший популярным авиатором. Если не все жители Керчи, то во всяком случае все мальчишки, — рассказывал Федор Аверкиев, — были зрителями и самыми активными болельщиками на этих полетах. <...> В те времена, когда Уточкин на легком биплане, сидя на совершенно открытом фюзеляже, после пробега по берегу невысоко поднялся в воздух и стал приветствовать ликующую толпу, помахивая своим котелком (невероятный по нынешним представлениям головной убор летчика), мы, гимназисты, пришли в неистовый восторг. Само собой разумеется, что с того дня началось увлечение авиацией. <...>

Оставив на время поэзию, Ёра Шенгели решил строить планер и привлечь к этому меня. У нас не было нужных знаний, но было много энтузиазма. Во дворе, где жил Ёра, закипело строительство. И вот планер из деревянных планок и бамбуковых жердей, обтянутых коленкором, готов. Первый полет намечался в городском саду, где

были, как нам казалось, подходящие для полетов холмы на открытой поляне.

Нести на руках планер пришлось через весь город. Как мы ни отбивались от мальчишек, заинтересованных нами и нашей ношей, за нами увязалась целая толпа. От них мы получили, можно сказать, авансом восторженную оценку нашего “полета”.

Полет окончился, не начинаясь, безобидной аварией. Ёра прыгнул с холма, вооруженный планером, но тут же упал на землю с обломками крыльев. Однако его эмоциональное возбуждение было так велико, что он, невзирая на печальную действительность, уже сидя на земле, лихо воскликнул: “Ура, лечу!” Дружный смех зрителей был ему ответом»⁵².

3 января 1935 г. на встрече писателей с мастерами советского планеризма и парашютного спорта Шенгели вспоминал: «Я хотел приветствовать наших прекрасных героев воздуха не в качестве одного из советских писателей, но в качестве бесспорно старшего из присутствующих здесь планеристов. (Аплодисменты.) В 13-м году на планере собственной конструкции я совершил свой первый полет там, где вы совершили свою посадку. Я слетел с холмика вышиной в этот балкон и пролетел не менее 50 сантиметров — торжественно воскликнул «ура»! Вот уж в течение 20 лет этим меня дразнят мои товарищи. На втором полете планер сломался, и я построил биплан с стабилизатором сзади, с висеньем на локтях, сделал 7 взлетов длиной до 30 метров. Это даже было сфотографировано, причем снимок осторожно обрезаю снизу, чтобы не было видно земли»⁵³.

В полетах преуспел другой гимназист Александр Добров, сын учителя Булганакского начального училища Георгия Ивановича Доброва, получившего за педагогическую деятельность звание личного почетного гражданина. «Любимец семьи, всегда веселый, доброжелательный, изобретательный, — вспоминала его племянница

⁵² Аверкиев Ф.В. Первые восходы. Л. 52—53.

⁵³ РГАЛИ. Ф. 631 (Союз писателей СССР). Оп. 16. Ед. хр. 18. Л. 31.

Керчь. Музей древностей. Открытка. Начало XX в. Собрание В.А. Диканова

Зоя Доброхотова, получившая в наши дни известность как автор дневника, который она девочкой вела в оккупированном немцами Крыму⁵⁴. — В 15 лет построил самостоятельно планер и совершил на нем более 40 полетов, о чем в журнале “Воздухоплаватель” за 1912 г. есть статья»⁵⁵.

Дальнейшая судьба Александра Доброва совпала с судьбой Владимира и Евгения Шенгели. «В 1913 г. патриотизм, старание, любовь к Родине заставили его поступить в военное училище в Петербурге. Война застала его юнкером. Молодой юнкер вскоре попал на фронт. Не щадя себя, воевал, получил чин поручика и был награжден двумя Георгиевскими крестами. Революция не изменила патриотических взглядов Саши, не заставила его изменить присяге. Будучи офицером, он оставался верным России. В 1920 г., отступая

⁵⁴ Детская книга войны. Дневники 1941–1945. М., 2015. С. 373–406; (<http://children1941–1945.aif.ru>).

⁵⁵ Материалы о семье Добровых // ВКИКМЗ. Оп. 5. Ед. хр. 130. Л. 16.

с белой армией в Крым, попал на Родину. В одном из боев их часть сдалась красным. С офицерами долго не церемонились. Сашу заставили расстрелять своего товарища. Он отказался, за что был тут же повешен. Так окончился жизненный путь молодого офицера, патриота Родины, честнейшего и добрейшего человека, не пожелавшего предать Россию, эмигрировать за границу или спасти свою жизнь путем бесчестия»⁵⁶.

Вернемся в счастливое время первых полетов. Юных авиаторов консультировал учитель физики и химии, педагог-новатор Митрофан Кустовский⁵⁷. «В преподавательскую практику он в качестве основного ввел экспериментальный метод обучения. Он впервые организовал в гимназии физический кабинет, где, привлекая к проведению опытов учеников, наглядно демонстрировал им законы химии и физики. <...> Своей увлеченностью педагог заражал даже поэтические натуры»⁵⁸ включая Шенгели. «Как много он знал! — вспоминал о нашем герое Арсений Тарковский. — Как много помнил! Он интересовался: иностранными языками, статистикой, политической экономией, математикой, физикой (особенно — акустикой), историей, современной политической жизнью, астрономией, судебной психиатрией, психологией сновидений, медициной, географией, эстетикой, философией, химией»⁵⁹.

«1909. Бегство в Сочи (в другом варианте записей далее: конец Молчанова. — *В.М.*). — Возвращение. Первое лето в Тамани. — Дружба с Сережей Векшинским — на всю жизнь».

⁵⁶ Материалы о семье Добровых. Л. 16.

⁵⁷ *Зинатулина З.Ш.* М.И. Кустовский: К истории преподавания физики в России // *Ученые записки Магнитогорского педагогического института*. 1955. Вып. 3. С. 191—207.

⁵⁸ *Быковская Н.В., Небожаева Н.В.* И все учились... // *Керченская старина*. Вып. I. С. 216—217.

⁵⁹ *Мой Шенгели* // *Тарковский А.А.* Собр. соч.: В 3 т. Т. 2. М., 1991. С. 183—189; далее цит. без сносок.

Керченские годы Шенгели прошли на Мещанской улице (ныне улица Самойленко), одной из старейших в городе, застроенной в основном одноэтажными домиками. На ней же находился основанный в 1826 г. Керченский музей древностей — едва ли не главная достопримечательность города. В неоконченном и неопубликованном, отчасти автобиографическом романе «<Жизнь Адрика Мелиссино>» Георгий Аркадьевич вспоминал одно из давних посещений:

«Необычайно сладкое и странное чувство он испытал, когда они подошли к великолепной “гидрии”. На подставке стояла ваза, почти такой величины как Адрик, вся черная, блестящая, в равномерных рубчиках, бежавших от горла, огибавших бока и опускавшихся к подставке. Она была совершенно простая, без всяких украшений, и — непонятно чем и почему — была необыкновенно прекрасна. На одной из ее ручек были вытиснуты какие-то буквы. Слав Славич⁶⁰ сказал, что это — имя гончара, который ее сделал, и что звали его “Эвний”, вероятно, сокращенное от “Евгений”. Адрик прикоснулся к вазе, ощутил ее холодок, и сладкий холодок пробежал у него по позвоночнику. Эвний! Он жил две с половиной тысячи лет назад, он сделал эту прекрасную вазу, — и вот имя его звучит, а его вазой любуются! Он, Адрик, точно пожал руку этому древнему Эвнию, благодаря его за созданную им красоту! Сделает ли он, Адрик, что-либо такое, чтобы через две тысячи лет вспоминали его имя? Адрик не мог бы сказать, что он чувствует, но никогда у него не было такого странного, сладкого, пронизывающего чувства. Вечность!..»⁶¹

Георгий с бабушкой жили в одном из двух домов, принадлежавших Дарье Безруковой, — 5 или 7, точно не известно в каком (оба не сохранились). По соседству с ними в доме 9 поселился прибывший к новому месту службы полицеймейстер Аркадий Николаевич Векшинский, ранее служивший в Вильне, представитель старинного дворян-

⁶⁰ Директор музея Владислав Вячеславович Шкорпил, по совместительству преподававший в гимназии латинский язык.

⁶¹ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 60. Л. 35–36.

ского рода⁶². Его сын Сергей поступил в тот же класс, что и Георгий, влившись в дружную и демократичную компанию внука домашней учительницы Дыбской, сына городского головы Аверкиева, сына главы городского духовенства — протоиерея Станиславского (о нем далее) и сына народного учителя Доброва.

«Сережа Векшинский скоро уже был влюблен в Керчь и ее окрестности, — писал его биограф и ученик В.П. Борисов. — Любил, соревнуясь в быстроте, подниматься на вершину горы Митридат и оттуда любоваться панорамой пролива и двух морей, отыскивать черепки, сохранившиеся от античных времен, вести беседы о существовавшем когда-то Боспорском государстве, забираться в развалины карантинных построек или заброшенные казематы Керченской крепости, уходить далеко в степь и возвращаться с огромными букетами полевых тюльпанов. Большую радость доставляло море — купанье, прогулки под парусом и на веслах»⁶³.

В 1958 г. на вечере памяти Шенгели академик Векшинский, признанный специалист в области электровакуумной техники и электроники, многие работы которого были засекречены, рассказывал о гимназическом товарище и друге всей взрослой жизни:

«Чернобровый красивый юноша, стриженный наголо, с повязанной, как тюрбаном, белым платком головой, смеющийся, веселый и страшно предприимчивый. Все его звали Ёрик. Он был такой обаятельный, что я сразу привязался к нему и стал также называть его Ёриком. В нем была какая-то удивительная предприимчивость, какое-то поразительное умение во всем найти интерес и увлечь остальных. Что бы он ни затевал, оно становилось общим интересом.

⁶² Левин Н.Ф. Порховские дворяне Векшинские // Холмоковский семинар: материалы докладов научного семинара 20—21 апреля 2012 года. СПб., 2013. С. 114—123. В биографиях С.А. Векшинского факт, что его отец служил полицеймейстером, не упоминался.

⁶³ Борисов В.П. Сергей Аркадьевич Векшинский. М., 1988. С. 10—11. О дружбе Векшинского с Шенгели: Борисов В.П. Поэт и ученый // Вопросы истории естествознания и техники. 1992. № 2. С. 97—100.

Керчь. Бывший дом Векшинских. Фотография В.Ф. Санжаровца. 2015

Он всё время был в действии: то предлагал начать раскопки какого-то, найденного им, кургана — мы все устремлялись за ним и, конечно, ничего в кургане этом не находили, но не сожалели о том, что целый день копались в глине и песке, разыскивая какие-то древние сокровища. Недостача сокровищ целиком окупалась увлекательными рассказами Георгия о истории древней Пантикапеи, знание которой у него было изумительным. А вечерами, когда мерцают звезды и теплая ночь окутывает землю, Георгий вдруг затевает астрономическую беседу, показывает нам и называет все созвездия, растолковывает — почему планеты имеют возвратные движения на небесном своде, увлекает всех своим пониманием космоса. Это был фонтан всяких сведений!

Когда же речь касалась Керчи (мы все в это жаркое время из нее переехали в Тамань), то оказалось, что Георгий знает досконально не

только Керчь и ее историю, но знает и всю карту Крыма, знает все колонии скифские, гунуэзские, греческие, римские; знает историю всех правителей древнего Крыма. Он знал имена вождей и царей, всё это он рассказывал с таким увлечением, что нельзя было оторваться от его рассказов. <...> Надо сказать, что материальные ресурсы его были крайне ограничены; он жил уроками, да у его бабушки было несколько сот рублей, оставшихся от отца. Георгий твердо верил, что он сам пробьет себе дорогу, и сиротство и бедность не пугали и не угнетали его.

Вспоминая школьные годы, могу сказать, что он весь класс держал в постоянном любовно-прикованном к нему внимании. Не было случая, чтобы он плохо или стандартно написал классное сочинение; всё то, что он писал, было несколько вызывающе, выходило за рамки казенной педагогики, но всегда умно, строго, логично. Кроме нормального почерка Георгий в совершенстве владел и микро-почерком, столь мелким, что только в пятикратную лупу можно было прочесть написанное им; нормальным невооруженным человеческим глазом читать было невозможно. Однажды он подал классное сочинение на маленьком, в осьмушку, листке бумаги. Учитель взорвался, сказал, что это хулиганство, что он доведет об этом до сведения начальства. Тем не менее, на следующем уроке он прочел это сочинение всему классу, и Шенгели получил за это сочинение отметку 5+. Оно было наиболее интересное и содержательное, а по объему оно не уступало нашим "нормальным" классным писаниям.

В седьмом классе Георгий поссорился со своей бабушкой и переселился от нее в семью моего отца. Я мог соприкасаться с ним ежедневно, и я готов поделиться с вами некоторыми воспоминаниями о том, как он жил и работал в свои юношеские дни.

Часто случалось, что Георгий не являлся в гимназию. Его тогда можно было встретить либо в городской библиотеке, в которую он забирался с утра, где, получив целую кипу книг, усиленно работал, потому что в этот период он решил детально изучить историю царя Митридата; либо оказывалось, что он занялся вычислением пути Меркурия в сближении его с землей, и ему для этого была нужна

восьмизначная таблица логарифмов, имевшаяся в городе всего в одном экземпляре. Он целыми днями занимался решением этой задачи из области небесной механики и пропускал уроки в гимназии. И когда ему делалось соответствующее внушение классным наставником, он с возмущением отстаивал свое право изучать всё глубоко.

Георгий был настолько начитанным, что часто ставил в неудобное положение тех, кто пытался его официально учить тому, что он знал гораздо лучше. Он постоянно трудился, у него не было “пустых дней”. <...> Характерной для его юношеских лет была колоссальная трудоспособность. Всякую работу, за которую он брался, он считал необходимым выполнить добротнo, мастерски, с полным знанием дела. А жажда работать у него была неистовая»⁶⁴.

«Неистовая жажда работать» была присуща и самому Векшинскому. В керченские годы интересы юноши переориентировались с химии на физику — под влиянием сначала одноклассника Николая Петрова, показавшего ему журнал «Физик-любитель», затем Кустовского, оценившего знания и умение гимназиста-экспериментатора. Первые печатные работы будущего академика появились в 1912 г. именно в «Физике-любители»: получить разрешение на такую публикацию труда не составляло⁶⁵. Объединило их и увлечение планеризмом. «То Сашка Добров назначит очередной полет свой на самодельном планере, — вспоминал Векшинский, — и десятки товарищей и их подруг топают в Булганак, дружно там тянут веревку для подъема-взлета холстяно-деревянного сооружения Сашки и потом, убрав обломки планера после очередной катастрофы, к вечеру приплетутся домой усталые и радостные»⁶⁶.

«1910. Поездка в Харьков к дяде.

⁶⁴ Стенограмма вечера памяти Г.А. Шенгели 21 февраля 1958 г. Центральный дом литераторов // РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 19–25; далее: Стенограмма, с указанием номера листа.

⁶⁵ Борисов В.П. Сергей Аркадьевич Векшинский. С. 12–15.

⁶⁶ Векшинский С.А. Гимназия и гимназисты. Л. 18.

1911. Поездка к дяде Александру Андреевичу в Одессу. — Первая женщина.

1912. Весной бросаю гимназию⁶⁷. Еду в Иркутск к брату. Лето — в лагерях в тайге». Речь идет о Владимире Шенгели, который по окончании Владимирского военного училища в 1909 г. вступил в службу в 5-й Сибирский саперный батальон и в 1910 г. был произведен в подпоручики; позже младший офицер саперной роты Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи⁶⁸. Через два года, в первой книге стихов Георгий Аркадьевич вспоминал:

Сосны и ели, горы, тайга,
Тускло блестели льды и снега,
Там, подо мною, мягко сверкал
Синей волною грозный Байкал.

«Возвращение. Проваливаюсь на экзамене — и остаюсь на 2 год в 7 классе. — Влюбленность в Паню Грипенко⁶⁹. — Дружба с Аркадием Литкевичем⁷⁰. — Начинаю писать стихи».

«Учителя, в форменных сюртуках на уроках или в вицмундирах в дни официальных праздников и на богослужениях, в большинстве казались если не врагами, то во всяком случае людьми совершенно далекими нам. <...> Однако и среди наших учителей, придавленных школьной рутинной царизма, были хорошие педагоги и добрые люди. Открытие в учителе за официальной, казенной оболочкой

⁶⁷ По свидетельству Векшинского, причиной стал конфликт с одним из преподавателей и с инспектором: Стенограмма. Л. 21.

⁶⁸ Данные сайта «Русская Императорская Армия»: <http://www.regiment.ru/bio/SH/170.htm> Сведениями о службе Евгения Шенгели я не располагаю.

⁶⁹ Вероятно, дочь Василия Грипенко, заведующего сборами с рыболовных берегов, жившего на той же Мещанской улице.

⁷⁰ Выпускник гимназии 1902 г.; «повешен или расстрелян за советскую власть 23/V — 19 г. у ворот своего дома»: письмо К.В. Кошке к Шенгели (24 августа 1948): РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 158. Л. 21—21 об. Упомянут в плане ненаписанных мемуаров Шенгели «Элизиму теней».

хорошего человека, дружелюбно относящегося к ученикам, доставляло нам всегда большую радость. Этим педагогам мы обязаны не только полученными знаниями, но и моральным обликом, что помогло многим из нас вырасти честными тружениками»⁷¹.

Помня, кем стал Шенгели, присмотримся к учителям гуманитарных дисциплин.

«В школьные годы Ёра Шенгели рассказывал мне, — вспоминал Аверкиев, — о своих посещениях на дому учителя словесности Ивана Михайловича Долодугина. Просто не верилось, что Иван Михайлович, сумрачный на уроках, вел с Шенгели разговоры о русской литературе и поэзии, выходя за рамки утвержденных министерством просвещения учебников. Шенгели доверительно говорил мне, что Иван Михайлович охотно вел с ним беседы и читал первые стихи мальчика, содействуя увлечению школьника литературой и поэзией»⁷².

Преподаватель латинского и греческого языков Юлий Юльевич Марти помимо классных занятий устраивал экскурсии по южному берегу Крыма и собрал для историко-филологического кабинета гимназии коллекцию местных «антиков»; окончательно посвятив жизнь археологии, он в 1921–1941 гг. был директором Керченского музея. Бывший ученик послал ему сборник стихов «Планер» с надписью: «Наставникам, хранившим юность нашу, Всем честию и мертвым, и живым, К устам подняв признательную чашу, не помня зла, за благо воздадим». Дорогому и многоуважаемому Юлию Юлиановичу⁷³ Марти от старого ученика, который до сих пор помнит все слова на *is masculini generis*. Г. Шенгели 1936. 10. II.»⁷⁴.

⁷¹ Аверкиев Ф.В. Первые восходы. Л. 27–28.

⁷² Там же. Л. 29.

⁷³ Во всех известных документах и истории гимназии: Юлий Юльевич.

⁷⁴ Механиков С.В. Материалы Г.А. Шенгели из фондов Керченского заповедника. С. 198. В тексте цитата из стих. Пушкина «19 октября».

«Памяти моего учителя французского языка и первого критика моих переводов Станислава Антоновича Красника» маститый переводчик в начале 1950-х годов посвятил статью «О моей работе»⁷⁵. 1 декабря 1913 г. под руководством Красника гимназисты устроили литературно-музыкальный вечер, посвященный Жану Расину, в программу которого, конечно, вошел фрагмент трагедии «Митридат» — первая сцена третьего акта: Шенгели играл Митридата, Векшинский — Фарнака⁷⁶.

Одновременно с началом стихописания возник интерес к технике стиха. Уже тогда Георгий Аркадьевич стремился подойти к делу «по-научному». «В седьмом классе у него стала складываться тяга к поэзии, к литературе, — вспоминал Векшинский. — Я помню его первые опыты стихов, когда он приходил и негодовал на то, что его стихи не звучат, сравнивал их со стихами Пушкина и говорил о том, что его собственные стихи “дубовые”, что нужно серьезно разобратся и изучить законы, управляющие хорошим стихом. “Я должен разобратся”, и после этого Шенгели недели и месяцы изучал фонетику и метрику стиха; в то же время он изучал французский, немецкий, греческий, латинский и арабский языки, и всё это он делал только для того, чтобы знать, как строится стих»⁷⁷.

«1913. Поездка с Векшинским в Батум и обратно. — Поездка в Феодосию. Осенью поселяюсь у Векшинских. — Ванда Маньковская, Женья Доброва».

Сестра гимназиста-планериста Александра Доброва, Евгения была на три года моложе Георгия. «Шаловливая девочка, очень красивая с золотисто-каштановыми длинными вьющимися волосами, — описывает ее дочь Зоя Доброхотова. — Рано пошла в школу,

⁷⁵ Шенгели Г. Иноходец: Собрание стихов. Повар базилевса: Византийская повесть. Литературные статьи. Воспоминания. М., 1997 (далее: *Иноходец*). С. 357.

⁷⁶ Быковская Н.В., Санжаровец В.Ф. На театральных подмостках Керчи // Керченская старина. Вып. I. С. 246.

⁷⁷ Стенограмма. Л. 23–24.

блестяще сдала экзамены в гимназию и, окончив ее с серебряной медалью, учительствовала вместе со своей сестрой Екатериной 2 года, чтобы собрать деньги на учебу в институте. <...> Уехала в Петербург и поступила на архитектурный факультет женских политехнических курсов»⁷⁸.

Про сидевшую рядом с ней в классе Ванду Маньковскую другая бывшая керченская гимназистка вспомнила лишь то, что тогда «она была невероятно бесцветной и скучной. Какова она была в жизни, в самом деле? Такой, что достойна была занять почетное место в Вашем дон-жуанском списке, или такой, какой как нельзя больше подходило служить на почте, — мне не известно». Это из письма Клавдии Аргиропуло к Георгию Аркадьевичу, который «на всю жизнь остался для меня “Иорой Шенгели”», «в каком-то особенно черном и особенно чистом гимназическом костюме, в репсепе на черной тесемочке и с трубкой»⁷⁹.

О керченских гимназических «романах» Векшинский вспоминал:

«У большинства из нас, естественно, уже завязывались юношеские романы, приводившие временами к столкновениям юных самцов. Но и этот “амурный” вопрос не перерастал в драмы или трагедии. Очень скоро определялись пары, все в классе (да, пожалуй, и во всем городе) знали, кто с кем ведет любовную игру. Знали также и про все разрывы, “чайники” и готовящиеся охлаждения. Если это волновало, то ненадолго. Под теплым южным небом покинутый или покинутая вновь скоро обретали “радость и счастье любви”; роман завязывался, равновесие восстанавливалось. Все эти события проходили как часть общей жизни класса, отнюдь не скатываясь до пошлого или скабрезного судачения. Все мы знали, что у такого-то из наших товарищей “серьезный” роман с такой-то, а у такого-то — простая игривая шалость с такой-то. И то и другое допускалось, не

⁷⁸ Материалы о семье Добровых. Л. 16–17.

⁷⁹ Письма К.В. Кошке (урожд. Аргиропуло) к Шенгели (25 ноября и 23 мая 1948): РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 158. Л. 42 об, 1 об.

третировалось и не оскорблялось. Я бы сказал, что до самого выпуска из гимназии наши отношения с подругами нашей юности оставались в огромном большинстве светлой, чистой, ребяческой любовью, флиртом, иногда не лишенным первых проблесков эротизма. Вместе с тем мы были хорошими друзьями наших подруг: нередко мальчики писали сочинения своим симпатиям или, по их просьбам, другим ученицам; решали задачи, иногда материально помогали тем из них, у кого средств не хватало на ученье или на жизнь»⁸⁰.

⁸⁰ Векшинский С.А. Гимназия и гимназисты. Л. 17–18.

Глава третья ГОДЫ УЧЕНИЯ (1914 – 1916)

Я — из тех, кто вышел в жизнь в 12-м году...

I

В воспоминаниях о Валерии Брюсове, написанных в 1946 г., Шенгели рассказал, «как это начиналось». «Когда мне было лет семнадцать, и я только начинал писать стихи, буквально изнемогая от ощущений и мыслей, хлынувших в меня со страниц Верлена и Бодлера, Верхарна и Готье, Ницше и Пшибышевского, не говоря уже о русских модернистах, я “сошел с ума” от поэмы Брюсова “Искушение” (из книги “Urbi et orbi”). Она абсолютно совпала с моими полудетскими томленьями и тревогами, с мучительными поисками “смысла жизни”»⁸¹. Приведенный перечень имен не нуждается в комментариях — стандартный «декадентский» набор того времени, но три фамилии необходимо выделить. Это Верхарн и Верлен, стихи которых Шенгели будет переводить, и Брюсов, которого он чтит даже тогда, когда спорил с ним в печати и резво нападал на него в частных беседах.

Первыми читателями и критиками поэтических опытов «Ёрика» были одноклассники, среди которых он вместе с Николаем Петровым составлял «левоэстетическую» фракцию. Следующим шагом должна была стать публикация. По словам Шенгели, его стихи впервые увидели свет в одной из керченских газет в декабре 1913 г., почему в середине декабря 1923 г. компания литераторов, собиравшаяся в Москве

⁸¹ Валерий Брюсов // *Иноходец*. С. 447; далее цит. без сносок; впервые: Литературная Армения. 1980. № 9. С. 93–101 (публ. М.А. Шаповалова).

у переводчицы Марии Зельдович, «праздновала десятилетие, протекавшее с того дня, как я напечатал первое (и плохое!) стихотворение»⁸². Он еще не мог печататься под настоящей фамилией, и «эти обстоятельства делают весьма сомнительными попытки выбора одного из многочисленных стихотворений, напечатанных в декабре 1913 г. в керченской периодике с различными подписями»⁸³. Позднее Шенгели датировал 1912 годом стихотворение «Желтые бреды» — возможно, связанное с поездкой в Сибирь или навеянное ей — в сборнике «Раковина», но верифицировать датировку мы не можем.

Годом подлинного литературного дебюта стал следующий 1914-й — год двадцатилетия автора, богатый событиями. Хотя и несколько позже обычного, он, наконец, окончил гимназию. «Я помню выпускной вечер нашей гимназии, — рассказывал Векшинский, получивший серебряную медаль, — на котором Георгий Шенгели всех поразил большой хорошей одой, в которой была обрисована жизнь всей Керчи и нашего молодого поколения. Это был шедевр, вполне достойный того, чтобы найти место в печати. К сожалению, я ее не помню, и вряд ли она сохранилась»⁸⁴. Зато сохранились стихи, написанные через тридцать пять лет, 27—28 июня 1949 г., и посвященные Векшинскому:

Quousque tandem... Uns... Zusammen...
Бойль-Мариот... Июнь, жара...
Но вот последний сдан экзамен, —
И на свободе мы! Ура!

Как вдохновенно и крылато
Слетела явью к нам мечта:
Пред гордым флагом аттестата
Жизнь распахнула ворота.

⁸² Письмо М.М. Шкапской (15 декабря 1923). Письма к Шкапской, опубликованные (Рудин из Брюсовского института. (Письма Г.А. Шенгели М.М. Шкапской. 1923—1932) / Публ. С. Шумихина // Минувшее. 15. М.; СПб., 1994) и неопубликованные (РГАЛИ. Ф. 2182. Оп. 1. Ед. хр. 530) цит. без сносок с указанием даты.

⁸³ Примеч.: Шенгели Г. Автобиографическая проза. С. 378.

⁸⁴ Стенограмма. Л. 24.

Всё можно: трубку вдвинуть в зубы,
Сбить на затылок синий блин
И обходить ночные клубы
С повадкой опытных мужчин,

Пустить в печать забавы Музы,
Смеясь критической грозе,
И сокрушать невинность лузы
Великолепным круазе!⁸⁵

Или немедленно в тетради
Начать по химии трактат
И с тихой гордостью во взгляде
Встречать курсисток робкий взгляд.

Или в собрание гарнизонном,
Под локоть комендантшу взяв,
Ей овеать лицо озоном
Ревнивых чувств и дерзких прав...

Мы были смелы, были глупы
Той чудной глупостью щенят,
Которым не встречались трупы
И неизвестны хлыст и яд.

Мы мнили теннисной ракеткой
Отбить удары всех мячей,
И отчий скепсис влагой едкой
Нам не мешал горланить «play!»⁸⁶.

Насмешливые и простые,
Во влаге утренней росы,
Мы стали первыми в России
По-европейски брить усы.

Мы всё любили, знали много,
И жажда *делать* в нас жила,
И в гору трудная дорога
Такой желанною была.

⁸⁵ Гимназистам запрещалось посещать билиардные.

⁸⁶ «Я играл в теннис, футбол, гонял на велосипеде, бродил по Крыму, много занимался гребным спортом», — вспоминал Векшинский. Цит. по: Борисов В.П. Сергей Аркадьевич Векшинский. С. 16.

Мы были смелы, были глупы
Священной глупостью солдат,
Что прут вслепую на уступы,
Когда кругом грохочет ад.

Ад — грохотал. Да! Мертвой хваткой
Бульдог эпохи впился в нас!
Тридцать пять лет минутой краткой
Прошли, — и скоро смертный час.

Где все, с которыми когда-то
Мы пили водку в этот день,
Под гордым флагом аттестата
Вкусив дозволенную лень?

В любых степях, в любых подвалах
Друзья до срока полегли,
И только двое нас, усталых,
Бредут в пожарницах земли.

Всех остальных загрызло Время,
Кровавый празднуя успех;
А неплохое было племя,
Пожалуй, лучшее из всех!..

Лишь мы с тобой вдвоем⁸⁷, дружнице,
Сумели выстоять в аду;
И пусть за нами пепелище, —
Но ты пойдешь, и я пойду.

Не нам стоять! Нам делать надо
За всех, кто изнемог в пути,
И если нет на свете клада,
Должны мы клад изобрести.

Припомни, друг, бывшие дали!
И пусть нам плечи гнут года, —
Мы Молодости присягали
И не изменим никогда!

⁸⁷ На 1 января 1913 г. в классе, где учился Шенгели, числились 24 ученика, но неизвестно, все ли окончили полный курс. Списком выпускников 1914 г. я не располагаю.

Еще до окончания гимназии, в первой половине января 1914 г., Шенгели познакомился с настоящими поэтами — приехавшими в Крым на «Олимпиаду футуризма» Игорем Северяниным, Владимиром Маяковским, Давидом Бурлюком и примкнувшим к ним Вадимом Баяном, что позже описал в неоконченных воспоминаниях⁸⁸.

«...Я мгновенно принимаю великое решение. <...>

Пойду к ним... Я прочту им... мои... стихи!..

У меня колотится сердце; я мчусь по липкому осеннему (Шенгели ошибочно отнес эти события к «поздней осени 1913 г.», хотя в хронологической канве сам указал январь 1914 г. — В.М.) тротуару. <...>

Иду по красной дорожке пустынного коридора. Вот этот номер. У меня холодеют пальцы. А вдруг они меня не примут. А если они скажут, что мои стихи плохи, что я бездарность?

Уйти?

Нет! — И я сильно стучу в дверь».

Поэты-гастролеры приветливо встретили юношу, расспросили о Керчи, затем попросили почитать стихи.

«Я читаю.

Фурора они не производят, но я чувствую, что меня слушают без иронии, что меня — *слушают*.

— Прочтите еще.

Читаю. И еще.

Северянин говорит:

— Вы правильно читаете; только нужно больше петь.

Я читал, как все поэты, слегка нараспев, что в гимназии всегда вызывало насмешки, а преподавателя словесности просто било по нервам, и он никогда меня не выпускал читать на гимназических вечерах.

⁸⁸ Шенгели Г. Автобиографическая проза. С. 381–385; далее цит. без сносок.

Маяковский сказал, перекаывая сигарету из одного угла рта в другой:

— Есть места. Вот у вас “голос, хриплый, как тюремная дверь”; это ничего; это образ.

Бурлюк сказал мне несколько любезных фраз, меня совершенно опьянивших, и затем стал разбирать прочитанное. И я впервые увидел “профессиональный”, “технологический” подход к стихам. Как ни поверхностны, как ни случайны были его высказывания, я в этот миг понял раз и навсегда, что стихи прежде всего — искусство, и что о них можно говорить без упоминания об “искренности”, “задушевности”, “взволнованности” и прочем подобном.

Жизнь определилась в этот миг. Я уверовал, что я поэт и что я прав, любя слово, ритм и звук...»

Через три недели по окончании гимназии, 19 июня выпускники устроили традиционный благотворительный вечер в городском Английском клубе. «Первым номером программы, — сообщил местный хроникер, подписывавшийся «Вега», — было выступление Георгия Шенгели. Он читал свои произведения. С большим чувством, не без пафоса, прочел юный поэт несколько собственных стихотворений. Публика восторженно приняла его, неумоимо аплодируя и требуя повторения. Нельзя не указать на монотонность, однообразность декламации г. Шенгели»⁸⁹. Другой местный хроникер — подписывавшийся... «Футурист»! — в «Блестках» на соседней странице иронически отзывался о вечере, но заметил, что на него «все же следовало придти»: «Любители всего оригинального, вплоть до красивой бессмыслицы, послушали бы юного Шенгели — вдохновенного Бурлюком»⁹⁰.

Это первое публичное выступление литератора Шенгели. И первое «литературное» упоминание о нем в печати.

Вслед за этим он издал книгу стихов «Розы с кладбища» с посвящением Евгении Добровой. По свидетельству ее дочери, Георгий сва-

⁸⁹ Вега. Студенческий вечер // Керченский курьер. 1914. № 137. 21.06. С. 2.

⁹⁰ Футурист. Блестки // Керченский курьер. 1914. № 137. 21.06. С. 3.

Евгения Доброва. 1917. ВКИКМЗ

тался, но получил отказ⁹¹. Это произошло в период между окончанием обоими гимназии в 1914 г. и отъездом Евгении в столицу летом 1916 г. Не этот ли отказ привел молодого человека летом 1915 г. к «сближению» с двоюродной сестрой Юлией Дыбской, на которой он женился осенью 1916 г.?

«Революция не позволила ей окончить курсы, — вспоминала дочь Евгении Зоя Доброхотова, — и пришлось ехать опять в деревню в Булганак, где пережила она и революцию, и немецкую оккупацию 1918 г., и гражданскую войну, и трагическую гибель любимого брата. Жизнь забросила ее в Севастополь, где и вышла замуж (за военного врача Александра Матвеевича Хабарова. — В.М.). Потекла трудовая жизнь, достаточно унылая, и лишь оптимизм и

⁹¹ Механиков С.В. Материалы Г.А. Шенгели из фондов Керченского заповедника. С. 197–198.

веселый характер ее мужа (моего отца) развеивали серость жизни»⁹². В семье Добровых сохранилась фотография молодого Шенгели⁹³; другую фотографию, стоявшую у него на столе, — «беленькая Женя, в белой рамке» — он вспомнил в стихотворении «Окно одно и смотрит в коридор...» (1924) — или это Женя Массино? Общались ли они в довоенные годы, неизвестно, но в 1946 г. Евгения Доброва напомнила о себе другу юности. Эту историю я расскажу в свой черед.

Вчерашнему гимназисту не приходилось рассчитывать на издателя или мецената, поэтому Георгий Аркадьевич выпустил «Розы с кладбища» за собственные деньги — видимо, на последний «транш» отцовского наследства «до окончания гимназии». На 64 страницах книги уместились 39 стихотворений плюс 2 перевода (один из Верлена, один из Бодлера⁹⁴), распределенные по разделам «Экзотика», «Экстазы», «Настроения», «Степи» и «Кольца дыма». Несколько стихотворений посвящены друзьям — Николаю Петрову, «Ван-де М.» — Маньковской, Всеволоду Чижову, о котором далее.

Подзаголовок «поэзы» настраивал читателя на «северянинский» лад — напевный, экзотический, изящный и немного безвкусный. Самое первое стихотворение «Лилии сквозь хрусталь», казалось, задает тон всей книге:

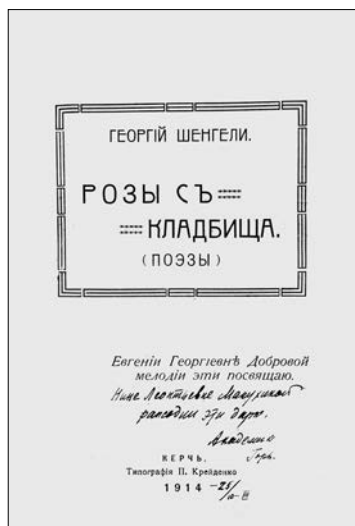
Бледно-лунного света серебристые нити
Зазвенели в хрустальности переливчатым маревом,
И сказали им звезды — вы на землю плывите,
Сочетайтесь в единое с Солнца гаснущим заревом.

Серебристые нити бледно-лунного света
Опустились на лилии синеватыми струями,
И аккорды ноктюрна зажемчужились где-то,
И закат овьельборил лепестки поцелуями.

⁹² Материалы о семье Добровых. Л. 17.

⁹³ Воспроизведена: Керченская старина. Вып. I. С. 216.

⁹⁴ Точнее, переложение стихотворения в прозе из сборника «Парижский сплин».

Инскрипт Георгия Шенгели Нине Манухиной на титульном листе книги
«Розы с кладбища» (1914). Собрание Л.М. Турчинского

Серебристые нити голубого пространства
Сочетались в гармонию с Солнца жгучею нежностью
И в холодности лилий всю волшебность убранства
Обрели для создания Красоты над безбрежностью.

Дальше, однако, зазвучали иные мотивы. Метр и ритм стихов юного Шенгели больше напоминали не Северянина, но «изысканность русской медлительной речи» Бальмонта, присутствие которого в книге куда более заметно. Особенно во втором разделе, в котором «эстетность» исчезает начисто, а на ее место приходят мотивы, вызывающие в памяти «горящие здания» и «литании Сатане». Это уже не только Бальмонт, но Брюсов и Бодлер (влияние Верлена, несмотря на эпиграфы из него, не так видно), а может, Морис Роллина, пытавшийся «перебодлерить» автора «Цветов зла» (Шенгели потом отлично переведет несколько его стихотворений):

Вы знаете кладбищенских старух?
В их платьях траурных, хоть старых, но опятных?

Они — как стая черных мух
Бросятся на труп, в его зеленых пятнах,
Стараясь отыскать какой-то странный знак,
Стараясь отыскать неясный след чего-то...
Не кажется ли вам, что это Вечный Мрак
Их породил с их жуткою заботой?
В их цинковых глазах, слезливых, без ресниц,
Не чудятся ли вам зловещей тайны зовы?
Видали вы глаза у стервоядных птиц?
Как смотрят гарпии, вороны или совы?
Они бессмертны... Боже мой,
Не может быть, чтоб их, с душой вампира,
Могли похоронить, засыпать их землей,
Когда так много яств для пира...

«Экстазы», «наркозы», «опиум», «эфир», «шабаш», «кошмар», «царство безумной тоски» — полный «декадентский» набор, в 1914 г. годившийся только для эпатирования провинциальных гимназисток. И, конечно, всё из книг.

Основная черта первого сборника Шенгели — эклектика. Помесь Северянина с Бодлером — впрочем, не столь неожиданная, если вспомнить слова «короля поэтов» «Я заклеймлен, как некогда Бодлер...», — в следующих разделах сменяется мотивами... Фофанова и Лохвицкой или, скорее, их эпигонов, литературным имуществом, которое успело стать общим, а потому «ничейным»:

Ночь беспросветная, ночь сладострастная,
Как ароматна ты, как хороша...
Трепетом странным, тревогой неясною,
Дымкой желаний объята душа...
Тихо... Что это? Проносится гордо
Взятого звук на рояли аккорда,
Раз и другой... И рыдает рояль —
Отзвуки прошлого, радость, печаль...

К этому времени Георгий Аркадьевич успел прочитать много чужих хороших стихов, чтобы иметь возможность оценить свои. Он не мог не видеть подражательность образов, придуманность тем, формальные погрешности, неправильные ударения, поставленные «для рифмы», — что и решило судьбу сборника. «Книжку же я очень скоро квалифицировал как дрянную, — сообщил он в автобиографии, — изъезжал из магазинов и уничтожил. Сотня экземпляров (из тиража в 500 экземпляров. — В.М.), однако, разошлась, и до сих пор кое-кто ее помнит и даже хвалит». Ни одного стихотворения из нее он позднее не перепечатывал, хотя указывал во всех автобиблиографиях. Эта «ученическая тетрадь» будущего поэта интересна, если знать, кем позже стал ее автор — как стихотворец и как стиховед. Шенгели с юности экспериментировал с метрами и ритмами, и уже в первой книге видна рука мужающего мастера.

Еще в гимназической тужурке — за неимением парадного костюма — Шенгели 28 июня 1914 г. прочитал в Керчи первую в своей жизни публичную лекцию «Символизм и футуризм». В масштабах города это было событие, вызвавшее несколько откликов печати. Газетный «Футурист» подбадривал его:

«С удивлением прочитал сообщение о лекции Георгия Шенгели.

С удивлением и... удовольствием.

Так как мне нравятся храбрые люди —

— очень.

Кто такой Георгий Шенгели?

Изволите спросить меня, читатель.

Георгий Шенгели — молодой человек, только что окончивший гимназию.

И хотя он “только что”, но тем не менее он уже имеет свое —

— поэтическое “credo”.

Не дожидаясь чужих признаний, Георгий Шенгели стал в позу и сказал: —

— Я поэт.

А посему Георгий Шенгели и читает лекцию: —

— о футуризме.

Конечно, смелость дело хорошее...

Она, говорят, города берет...

И я от души желаю милому юноше —

— взять города.

Короче: взять керченскую публику —

— за шиворот.

Ценно и то обстоятельство, что Георгий Шенгели умеет и хочет —

— серьезно думать.

Не мешало бы нашему юношеству с юного будущего поэта —

— пример брать»⁹⁵.

Однако исполнением он остался разочарован:

«Третьего дня читал лекцию Георгий Шенгели...

По собственному скромному признанию — поэт.

Послушать “поэта” собрались пять человек, из которых —

— одна бабушка “поэта”, да урядник с городовым...

Веселая лекция...

“Поэт” мало говорил, зато много пил —

— воды...

Может быть по сей причине и лекция вышла такая —

— водянистая?..

Долой нравственность!.. Долой мораль!.. Долой добро!..

— закричал “поэт”.

“Нагвоздил” —

— по его собственному хитроумному выражению.

Нагвоздивши, “поэт” сообщил, что в его лекции, собственно, нет смысла...

А так как нет смысла, то будьте, господа, футуристами —

— вот вывод из лекции “поэта” Георгия Шенгели...

— Футуризм — безумие —

— сказал д-р Радин.

⁹⁵ Керченский курьер. 1914. № 141. 26.06. С. 3.

Вс. Азаров. Отчет о лекции Шенгели «Символизм и футуризм»
(Керченский курьер. 2.07.1914)

Своей лекцией доморощенный «поэт» это —
— подтвердил»⁹⁶.

Гимназический товарищ и собрат по перу Всеволод Чижов — в литературе, точнее, пока только в местных газетах, «В. Азаров» — посвятил лекции «подвал» в «Керченском курьере».

«Трудно встретить человека, — уверенно начал он, — которому хоть однажды не встретилось» слово «футуризм», но публика «принимает напечатанное “на веру”, не считая нужным разобраться в данном вопросе, доискаться до черты, разграничивающей действительные, истинные недостатки от совершенно несправедливых и неправильных нападок и обвинений». «Керченская публика совершенно незнакома с сущностью, с идеями футуризма, — констатировал автор. — И все-таки, в силу отсутствия в ней терпимости к свобод-

⁹⁶ Керченский курьер. 1914. № 145. 01.07. С. 3.

ному проявлению деятельности человеческого духа, она не пожелала явиться послушать лекцию Георгия Шенгели. <...> Юный лектор, взойдя на эстраду, увидел почти пустой зал, напоминавший пустыню Сахару. И хотя публики было не более двадцати душ, тем не менее лекция состоялась»⁹⁷. Перед нами дебют Шенгели как теоретика и критика, поэтому изложение выступления — полагаю, авторизованное — стоит привести полностью.

«Целью лекции явилось “изложение и обоснование футуризма и защита от недобросовестных и несправедливых нападок”.

Между футуризмом и предшествовавшим направлением, символизмом, есть тесная связь, а потому при рассмотрении первого нужно провести параллели со вторым.

Для этого лектору пришлось сделать отступление от первоначальной задачи — рассмотрения символизма и футуризма, и сделать несколько набросков по общей теории поэзии и философские обоснования названных школ.

Произведения искусства не есть нечто обособленное от жизни. В них отражается дух эпохи.

Иногда гениальный художник создает такие произведения, которые не бывают поняты современниками, но которыми восхищаются будущие поколения. Это значит, что гений художника предвосхитил грядущую эпоху.

Выяснив связь между поэзией и жизнью, нужно было приступить к развитию взгляда на то, какими способами мы можем воспринимать предметы и явления внешнего мира.

Из рассмотрения способов этих, в связи с самой сущностью поэзии, лектор вывел заключение, что истинной поэзией является поэзия настроений, то есть поэзия символическая.

⁹⁷ Азаров В. <Чижов В.> Символизм и футуризм: Лекция Г. Шенгели // Керченский курьер. 1914. № 146. 02.07. С. 2—3. Появившийся днем раньше в другой керченской газете отчет: А. Лекция поэта Г. Шенгели // Южная почта. 1914. № 145. 01.07. С. 2—3 (публикация указана А.В. Крусановым) — возможно, написан тем же автором.

Это положение было понято французскими поэтами предпоследней четверти прошлого столетия — Корбьером, Верленом и последователем немецкой идеалистической школы философии — Стефаном Малларме, который и стал теоретиком символизма.

Прежде чем перейти к футуризму, лектор выяснил вопрос о надвигающемся процессе переоценки ценностей.

Этот вопрос лег в основание философии Гегеля, Фихте, Ницше, Льва Шестова и нашего местного уроженца Феодора Кукулярского. Процесс этот состоит в утверждении начала примата личности — вместо общественного начала, в отрицании ценности добра, в отрицании долга.

Вот в кратких словах катехизис нового учения.

“Я индивид. Весь мир существует во мне и через меня. Я центр мира, и всё, что — я, и всё, что мое, — благо”.

Таким образом, главный принцип футуризма заключается в следующем:

Цель и смысл жизни заключается в выявлении и утверждении нашего “я” — целиком.

Красиво выражены лектором эстетические воззрения последователей школы футуризма, апологетом которой он является.

“Повсюду, во всех предметах и явлениях мы видим ее, чарующую красоту.

Мы видим краски в звуках и великолепные созвучия в сочетаниях красок.

В величественных порталах зданий, в арках и колоннах мы видим целую поэму; в каплях дождя, в пыли и плесени большого города, в зеленых пятнах разлагающегося трупа, — равно как и в озерах закатного огня, коронующих золотом бледный жемчуг облаков, — мы видим Красоту.

Лилии и белена, прозрачный дух горных вершин и одурманивающие миазмы болота, голубые стрекозы и тарантулы, Венера Милосская и башмак шевровой кожи, — всё одинаково ценно для нас, на всё отзывается наша чуткая душа, всему в унисон звучат наши струны.

Мы поем наслаждение, мы поем страдание, мы поем чайные розы тела девушки, мы поем черно-красные опухлости Антонова огня, мы поем любовь, мы поем смерть”.

Далее лектор упомянул о консерватизме нашей критики, о тех нападках, которым подвергались “декаденты” — символисты — Бальмонт, Брюсов, А. Белый, Блок, Ф. Сологуб, Гиппиус — при вступлении на путь литературы, сравнил эти нападки с нападками на футуристов и перешел к объяснению его.

Лектор выяснил сущность и идеи футуризма, итальянского и русского, указал на ту разницу, которая существует между двумя школами русского футуризма — “эго” и “кубо”. Преклонимся перед девятым валом футуризма и повторим слова Горького (из “Песни о буревестнике”): “Безумству храбрых поем мы песню”.

Эклектичность ученического текста говорит сама за себя. Отмечу лишь, что «эстетические воззрения последователей школы футуризма», как они изложены лектором, вполне соответствуют «декадентскому» канону. Вспомним хотя бы стихи Сергея Соловьева, обращенные к Брюсову:

Равно ко всем явлениям чуток,
Передаешь в напевах ты
И ласки грешных проституток,
И чистых мучениц мечты.

Молодой Шенгели относил себя к футуристам, но был одним из самых «нефутуристических» поэтов течения, как его визави из лагеря «кубо» Бенедикт Лившиц — еще один поклонник и выученик символистов и «проклятых поэтов».

Отчет о первой лекции Шенгели имел неожиданное продолжение. В начале февраля 1948 г. ленинградский поэт Всеволод Азаров, знакомый Георгия Аркадьевича, получил на редакционный адрес письмо из Одессы от неизвестной ему Клавдии Кошке, которая сама проставила ударение на последнем слове своей фамилии:

«Дорогой товарищ “Вс. Азаров”!

У меня к Вам большая просьба. Вероятно, она Вам покажется странной. Рассейте в моей голове туман — объясните, откуда у Вас Ваша литературная фамилия. Может быть, это вовсе не псевдоним, а самая обыкновенная настоящая фамилия. <...> Почти 30 лет назад я потеряла своего первого мужа. Он был... “Вс. Азаров”... Оба мы керчане, воспитанники керченских гимназий, сверстники... Всеволод с отроческих лет увлекался театром и журналистикой. Его литературные опыты не пошли дальше маленьких фельетонов в “Керченском Курьере” и уж совсем малюсеньких рецензий в театральных журналах, вроде “Рампа и жизнь”. А влюбленность в какую-то актрисочку, исполнявшую роль “цыганки Азы”, подсказала ему псевдоним. Вот и был на свете “Вс. Азаров”, а по-настоящему “Сева Чижов”, гимназист, потом студент Института восточных языков во Владивостоке. А потом войны, империалистическая, гражданская, армии — царская, красная. И где-то на Кубани в 20-м году затерялся для меня навсегда его след. Вас я совершенно не знаю — как Вы пишете, о чем, о ком. <...> Когда-то, еще до Отечественной войны, я прочла какое-то Ваше стихотворение. Я не искала в нем ничего, я просто читала его, как всматриваются в расплывчатое желтое пятно выцветшей фотографии, стараясь найти в ней сходство с давно погибшим оригиналом. Я не нашла ни малейшего сходства. <...> Но Ваша фамилия занозой сидит в моей душе. <...> Вот я и решилась побеспокоить Вас просьбой».

Азаров-ленинградский переслал это письмо Шенгели с пояснением: «Вы как-то говорили мне о некоем Вс. Азарове, написавшем о Вас первую рецензию. Посылаю Вам недавно полученное мной письмо, в нем, кажется, конец истории этого рецензента. Если добавить, что псевдоним (настоящая фамилия: Бронштейн. — В.М.) я выдумал мальчиком в Одессе, не ведая о двойнике, пропавшем в годы гражданской войны, — приходится поверить в математические законы встречающихся в мире сочетаний»⁹⁸.

⁹⁸ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 133. Л. 2, 1.

Через три с половиной месяца Клавдия Кошке сама написала Шенгели: «Вы мне были представлены давным-давно! Как-то после гимназического бала наша классная дама Ольга Константиновна <...> собрала нас в классе, чтобы прочитать очередную нотацию. Конечно, она нам гудела о том, что на балу мы забыли, что “нашим лучшим украшением должны быть молодость и скромность”, и слишком громко смеялись, слишком были завиты и т. д. и т. д. “Но еще хуже вас вели себя ваши кавалеры, ученики старших классов гимназии”, сказала О.К., ехидно сощуриив холодные глаза. “Это был просто какой-то... табун. И только один из них вел себя так, как подобает хорошо воспитанному юноше. Этим умеющим себя безукоризненно держать юношей был учащийся VII класса... Георгий Шенгели...”. “Женька, Женька, Женька!..” прошелестел по классу лукавый веселый шепот — “слышишь?”, а Женья Массино от такой похвалы своему кавалеру смущенно спрятала под парту свою светлую головку. А я спросила движением бровей и подбородка “в чем дело?”. Моя соседка прошептала: “на балу ‘Селедке’ (прозвище классной дамы. — В.М.) один Иора <так!> Шенгели вежливо поклонился”. Как видите, и тогда были на свете исторические жесты... В то время я была “учащейся VII-го основного класса”, звалась “Клавой Аргиропуло” и слыла девочкой с неистощимым запасом шалостей и жизнерадостности». На следующей странице — о судьбе мужа: «Всева остался в Новороссийске и, вероятно, погиб»⁹⁹.

II

Поездка в Москву летом 1914 г. для поступления в университет пришлось на последние недели мира в Европе. Шенгели погостил у Бурлюка, попикировался с Маяковским: «Беседы наши неизменно переходили в полемику, и отношения не налаживались». Началась война, которую называли «Второй Отечественной», а затем и «мировой». Московская жизнь «не задалась» — видимо, из-за недостатка

⁹⁹ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 158. Л. 7, 8.

Харьковский университет. Открытие. Начало XX в.

денег. Уже в октябре Георгий Аркадьевич перевелся на юридический факультет Харьковского университета (в котором, напомним, преподавал его дядя-химик). «Я его избрал по соображениям плоско-жизнейским, — признался он в воспоминаниях о Брюсове. — Юридический диплом открывает несравненно больше практических возможностей, чем другие: судейские должности, любое чиновничество, адвокатура». Через четыре года он окончил курс, но по специальности не работал, если не считать редких выступлений в советском суде в качестве эксперта по вопросам гонорара и авторского права.

Началась взрослая жизнь, в которой предстояло рассчитывать только на себя: за обучение приходилось платить, а уже не было ни отцовского наследства, ни бабушкиной пенсии. Мария Николаевна умерла, и внук поехал хоронить ее. В «Керченском курьере» появился краткий некролог: «В четверг, 4 декабря, скончалась хорошо известная керчанам Мария Николаевна Дыбская. Покойная М.Н. родилась в Феодосии в 1840 году. С пятилетнего возраста и до самой смерти

жила в Керчи, окончив здесь в числе первых Кушниковский институт и посвятив всю жизнь свою труду домашней учительницы. Через руки ее прошли многие из теперешних керченских деятелей. Да будет ей земля пухом!»¹⁰⁰

Почти через десять лет, в канун ее именин Георгию Аркадьевичу приснился сон: «Я приезжаю в Керчь, и иду на ту улицу, где бабушка умерла, думаю: вот этот дом. И вдруг соображаю, что бабушка жива, что хоронил я не ее. Является мысль: как же несчастная старуха, в полном одиночестве, без средств, прожила эти десять лет? И становится нестерпимо больно и стыдно: как я мог ее забыть?» (письмо Шкапской от 4 августа 1924 г.).

В Харькове у Шенгели начало формироваться «литературное окружение» — такое же юное, как и он сам. Первым назову товарища по университету Евгения Лозмана — сына инженера из Ростова-на-Дону и начинающего поэта, впоследствии знаменитого переводчика Евгения Ланна. Однако познакомились они не в аудитории: оба не мечтали о юридической карьере и, видимо, были не слишком прилежными студентами. После смерти друга Ланн вспоминал:

«Худой, стройный, с матовым, оливкового оттенка, точеным лицом, с глазами большими — не то бедуина, не то индийца — появился этот юноша в просторном читальном зале Харьковской общественной библиотеки¹⁰¹. Раньше его никто здесь не видел, стало быть, он приехал недавно. И каждый раз, когда мы видели его там — а это было почти ежедневно, — он уносил от стойки к своему столу кипы книг... Он не только читал, он что-то писал, а когда отрывался от тетрадки, смотрел куда-то в пространство, не мигая, сквозь стекла пенсне и, закрывая глаза, неслышно шевелил губами... Вот таким мы увидели Георгия Шенгели и, как все завсегдатаи читального зала, не могли не задать себе вопрос — кто этот пришелец? Узнали мы его имя

¹⁰⁰ Керченский курьер. 1914. № 275. 09.12. С. 3.

¹⁰¹ Позже автор поднес библиотеке сборники стихов «Лебеди закатные» и «Гонг»: *Шелковый С.* Харьковские годы Георгия Шенгели (<http://www.stihi.ru/2013/10/22/3925>).

скоро, так же скоро узнали о том, что он поэт, студент юридического факультета Харьковского университета, и так же скоро познакомились с ним — познакомились, чтобы до конца его недавно оборвавшейся жизни считать близким, родным человеком этого большого поэта трудной судьбы»¹⁰².

Кто эти «мы»? У мемуарного очерка два автора — Евгений Ланн и его жена и постоянный соавтор Александра Кривцова, в ту пору — курсистка Женского медицинского института. Однако студент-поэт Лозман познакомился с ней лишь в конце 1915 г., уже подружившись со студентом-поэтом Шенгели.

Георгий Аркадьевич жил бедно и во время летних каникул 1915 г. подрабатывал ревизором на железной дороге в Севастополе и Джанкое. «Ему приходилось браться за любую техническую работу, связанную с печатным словом, — вспоминал Ланн. — Но ее было очень мало, этой технической работы, для того, кто не хотел до конца своих дней заниматься газетной корректурой или сочинительством сообщений мифических “собственных корреспондентов”. Георгий Шенгели этого не хотел. <...> Только много лет спустя мы узнали, что бывали в 14-м и 15-м году времена, когда Шенгели лежал круглые сутки у себя на лежанке в какой-то клетушке на Журавлевке в районе Технологического сада — лежал потому, что ему нечего было есть, а он знал, что в таком, лежачем, положении он экономит малую толику сил».

«Средства Шенгели в то время были довольно случайны и весьма ограничены. Иногда он имел какой-нибудь урок, иногда получал немного денег от кого-то из родных»¹⁰³, — дополняет картину рассказ Виталия Рыжкова, еще одного друга юности и любителя поэзии, впоследствии — известного вирусолога и члена-корреспондента АН СССР:

¹⁰² Кривцова А.В., Ланн Евг. О Шенгели. Харьков. 1914 / Публ., вступ. заметка и примеч. П. Нерлера // Вопросы литературы. 1987. № 6. С. 278–280; далее цит. без сносок.

¹⁰³ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 285. Л. 72–77; далее цит. без сносок.

«Через горки, через грязь надо было пробираться на окраинную улицу — Журавлевку, где-то в конце ее помещалось его жилище. Сначала Шенгели жил во втором этаже довольно большого дома. В широком коридоре был ряд комнат, сдававшихся внаймы. Позднее он из этого двухэтажного дома перебрался в небольшой более уютный домик в том же дворе. Чтобы составить понятие о его “хозяйстве”, расскажу следующий случай. Мы засиделись как-то очень поздно, и нам захотелось есть. У Шенгели нашлась краюшка черного хлеба, но где же взять соль, чтобы сделать ужин великолепным? Шенгели вспомнил, что у него есть фигурка медведя из каменной соли. Мы откалывали кусочки соли от подставки этой фигурки и ели хлеб с солью.

Очень выгодной для меня особенностью Шенгели было то, что он любил меня водить к своим литературным знакомым. Благодаря ему я попал к Ф. Сологубу, когда он приезжал в Харьков, благодаря ему я вошел в литературные “салоны” Харькова. По средам бывали мы у <Александра> Прокопенко — поэта и окулиста, сына известного в Харькове глазного врача. Отец и сын целую неделю вели приемы больных до 11-ти — 12-ти вечера, но по средам вечерний прием отменялся. Вечер проходил в выступлениях гостей и хозяина со своими произведениями, велись оживленные разговоры, но мы не оставались равнодушными также и к бутербродам с черной икрой и холодными котлетами, к чаю и конфетам, которые нам предлагали. Другой литературный салон имел более богатый вид. Он был организован <Константином> Цагарели, автором книги “Так говорил Заратустра-сын”. К книге мы относились иронически, но у Цагарели бывали. Он жил в квартире своей тещи при женской гимназии, принадлежавшей этой теще. В дни приемов для нас были открыты не только комнаты квартиры, но и залы гимназии. Приемы были многолюдные, иногда на этих приемах были и иногородние поэты. Помню, как однажды привезли в подвыпившем виде Игоря Северянина. <...> Говоря о литературных “салонах” Харькова, нельзя не упомянуть об Иваненко, который тоже писал стихи и любил поэзию. Именно Иваненко дал деньги на издание “Гонга”».

Еще один эпизод из тех же воспоминаний, как Георгий Аркадьевич занимался «систематическим уничтожением тиража» своего первого сборника: «Казнь над книгой была оригинальной. Шенгели курил самодельные скрученные папироски с самодельными маленькими мундштучками. Страницы “Роз с кладбища” аккуратно нарезывались для этих мундштучков и шли в дело». Учитывая нынешнюю редкость книги, остается только вздохнуть...

На «личном фронте» тогда же произошли события, о которых в автобиографической записи лаконично сказано: «Катастрофа № 5. — Сближение с Юлией, поездка с нею в Керчь. — Осенью поселяюсь в Харькове отдельно от дяди». Здесь больше вопросов, чем ответов. Относится ли слово «катастрофа» напрямую к «сближению» с двоюродной сестрой Юлией Владимировной Дыбской, которая через год стала его женой? Как относился к этому дядя-профессор? Вряд ли он был особенно рад «сближению» дочери с бедным родственником, не слишком усердным в университете и, видимо, малоперспективным в плане карьеры. Впрочем, узнав весной 1943 г. о смерти дяди от голода во время немецкой оккупации, Шенгели назвал его «единственным моим родственником, которого я любил и уважал» (письмо к второй жене Нине Манухиной от 23 марта 1943 г.)¹⁰⁴.

Деньги были нужны не только на хлеб, но и на книги. В том числе на выпуск в том же 1915 г. тиражом по 150 экземпляров двух тонких (8 и 16 страниц) тетрадок «поэз» «Зеркала потускневшие» и «Лебеди закатные», куда вошло по 9 стихотворений. Стихи экономно верстались «в подбор», чтобы не пропадала бумага. Отпечатаны они были в Харькове, но местом издания гордо значился «Петроград», книгоиздательство «L'oiseau bleu» («Синяя птица») ¹⁰⁵.

¹⁰⁴ Письма Шенгели к Манухиной: РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 112 (1941–1942 гг.), 113 (1943–1952 гг.) — цит. без сносок с указанием даты.

¹⁰⁵ Кроме книг Шенгели, под этой маркой вышли коллективный сборник «4» (1917) с участием Шенгели и Северянина и сборник стихов Измаила Уразова «Цветные стекла» (1917).

Через тридцать лет автор объяснил свое «маленькое и невинное, но все-таки жульничество», правда, говоря о следующей книге «Гонг» с теми же выходными данными: «Книги, изданные в провинции, встречались публикою и критикою недоверчиво и раскупались плохо, — и меценат, снабдивший меня деньгами на издание, присоветовал напечатать обязательное указание адреса типографии мельчайшим шрифтом в конце книги, а на титуле и обложке тиснуть “Петроград” и название несуществующего издательства. Так делали многие, и так, конечно, делать не следовало». При отсутствии «крамолы» цензура даже в военное время закрывала глаза на подобные «поэтические вольности».

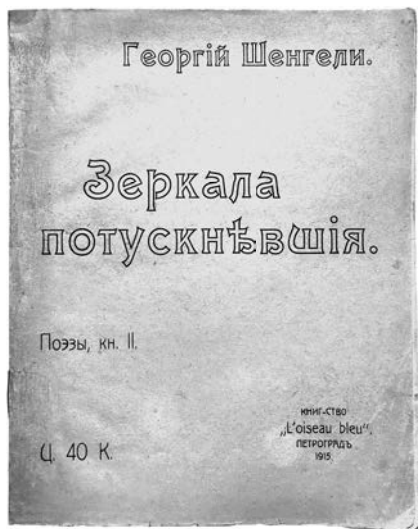
Для обеих книжек характерно то же сочетание «напевных» северянинских ритмов с декадентскими «экстазами», что и для «Роз с кладбища»:

Он привезет мне, я знаю, шкатулку из кости слоновой,
полную писем ко мне от женщин, в меня влюбленных,
письма мне скажут о ласках утонченно-новых,
о ласках, что греются девушкам в апрельских снах затаенных.

Он привезет мне, я знаю, сигары из гашиша и амбры,
часы, где вместо стрелок ползают серебряные черепахи,
смарагдовых ящериц, более стройных, чем колонны Альгамбры,
и игрушку из бронзы забавную — отрубленную голову на плахе.

Откликаясь на их выход, харьковский журналист Александр Станкевич, «доброжелательный и объективный советчик Шенгели на протяжении всей его жизни»¹⁰⁶, писал: «Хотя поэт связывает себя с футуристами, — он ясен, кладет мысль в основу каждого стихотворения, дает много красивых образов, безусловно талантлив». Автору еще присущи «налет подражательности» и «футуристический изгиб», но он «хочет осмыслить жизнь, найти красивые формы своим сомнениям, мечтам и укорам». «Он ищет даров прекрасного принца, чтобы

¹⁰⁶ *Постоутенко К.* Георгий Шенгели. «Гонг» // Памятные книжные даты. 1991. М., 1991. С. 176.

«Зеркала потускневшие» (1915). Обложка. Собрание Л.М. Турчинского

мансарду превратить в сияющий зал (рецензент, возможно, знал, в каких условиях жил Шенгели. — В.М.), он улавливает жуткие красоты города, чтобы грустно им улыбнуться, он проклинает пошлость жизни. <...> Есть свое лицо — его необходимо проявлять чаще, творить свое, гореть своим — это мое искреннейшее пожелание поэтому <поэту?>, и главное — как можно меньше увлекаться футуристическими побрякушками»¹⁰⁷.

Пятнадцать из 18 стихотворений, вошедших в «Зеркала потускневшие» и «Лебеди закатные», Шенгели включил в следующую — первую большую (81 стихотворение, 96 страниц¹⁰⁸) — книгу «Гонг», которая вышла в Харькове в начале 1916 г. под той же издательской маркой. Для солидности сборник был обозначен как пятый по счету:

¹⁰⁷ Южный край (Харьков). 1915. № 13106. 19.12. С. 7 (подпись: А. С.-ъ).

¹⁰⁸ «Это не более 1/5 всего, что за эти 2 года (1914–1916 гг. — В.М.) написалось», — сообщил он 10 апреля 1924 г. Шкапской, однако стихотворения, не вошедшие в сборники, сохранились только с 1917 г., а более ранние, видимо, утрачены.

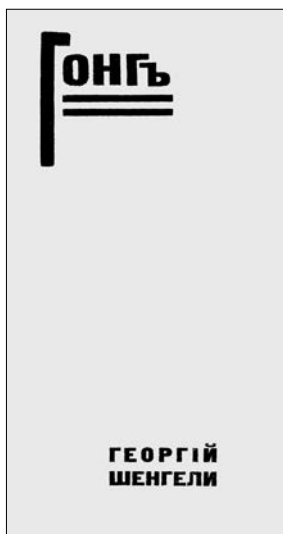
кроме трех упомянутых выше в списке фигурировали неизданные «Лунные камни», о которых ничего более не известно. Две предыдущие тонкие тетрадки растворились в новой книге, хотя именно в них впервые появились «Девушка в трамвае» и «Паноптикум», которые автор четверть века спустя счел достойными включения в «Избранные стихи»:

Угасал теплый вечер, грациозный и печальный,
дико грохоты улиц раздавались и неслись;
я бродил по бульварам и смотрел, как в газ венчальный —
в облака — одевалась голубеющая высь.

И гремели трамваи, быстро прыгая по рельсам,
драгоценные камни обжигали провода,
сети проволок, точно в сказках, созданных Уэльсом,
властно спутали город — безнадежно, навсегда.

Дополнительную пикантность книжке придавали строки из стихотворения «Стрелы звезд», замазанные во всем тираже типографской краской настолько тщательно, что на свет можно прочесть только отдельные слова. Цензура истребила кощунственные слова «позвать в пасхальную ночь проститутку для профессиональных услуг», хотя годом раньше пропустила их в «Зеркалах потускневших». «Но вымараны цензурой две львиных строки из “Гонга”», — вспомнил автор через много лет в стихотворении «Все крепости разрушая...».

Ланну и Кривцовой запомнилась «очень узкая, необычного формата книга, ибо, утверждал поэт, она должна легко улесться в раскрытой ладони читателя... Обдумана была каждая деталь книги, не только формат ее и шрифты, но и композиция полосы и качество бумаги. Мы все это знали, Георгий не таил от нас своих планов. И так же, закрыв глаза, мы видим его сегодня на эстраде читального зала Харьковской общественной библиотеки (зал по вечерам превращался из читального в концертный), поэта с только что изданным “Гонгом”, легко и удобно лежащим в раскрытой его ладони. Поэт облачен в узкий застегнутый черный сюртук — он куплен по случаю и, конечно,

«Гонг» (1916). Обложка

по дешевке, но поэту повезло — лучший портной не сумел бы скроить этот сюртук более мастерски. <...> Мы слышим его грудной, бари-тональный, глубокий голос. Поэт обладает абсолютным ритмическим стихотворным слухом — это врожденное его свойство».

Синий вечер. И в сирени
растворен закат.
Тихо речи озарений
вкруг меня звучат.
Не звенят мои вериги
в эти гаснущие миги,
и опять страницы книги
мой целует взгляд.

Тают кремово оттенки
медленных страниц,
льются tremolo из «пенки»
стаи дымных птиц...

Нет границ зарницам воли;
в черной башне — я на воле
и вливаю стих эолий
в мерный гром столиц.

Звездным пеплом Эридана
мой осыпан стих...

Алый пеплум веет рдяно
на плечах моих...

И роняет непонятный,
мир забытый в миг закатный
в черный город необъятный
свой сиянный лик.

И на грани неслиянных
трепетных миров
вьются ткани океанных
полнозвучных строф...
Обещанья примирений,
свет закатных озарений, —
кровь мечты в тонах сирени
и в гирляндах слов.

«Гонг» завершил «годы учения» Шенгели, который предстал перед читателем как сформировавшийся, но не слишком оригинальный поэт, хорошо владеющий техникой стиха, но «книжный» и «головной», по-прежнему находящийся под влиянием Бальмонта, Северянина и Бодлера.

В тяжком тумане сером
громоздится кирпичный город...
Выше всех зданий — башня
с бельмом громадных часов,
их бой, неизбывный, всегдашний,
влечет к исступленным химерам,
навивая на медленный ворот
гирлянды скорченных снов.

В этой фазе своего развития он дошел до предела, двигаться дальше по тому же пути было некуда, даже за счет формальных ухищрений.

Трепеща флуоресцирующие
змейки гейслеровых трубок,
ленты блеска замороженного,
света северных ночей,
разливают весь вибрирующий
светозарно-мертвый кубок
темноту огнем целующих,
раздробленных в пыль лучей.
Пьяно вспыхивающие, потухающие,
как в огне растворяющийся бархат,
ожерелья блестящих искорок
прорезают темноту,
говорят, что в царстве смерти
жизнь закованная, чуть поблестывающая,
создает в сиянии северном
красоту.

«Харьковским друзьям г. Шенгели станет после “Гонга” ясно, что автор сильно подвинулся в росте, — констатировал в «Южном крае» И.П. Дриженко, выступавший под псевдонимом «И. Турский». — У него замечается уже умелая техника, свободная рифмовка, разнообразный выбор слов. Г. Шенгели стал уже достоин печататься, положим, в “Очарованном страннике”. Тем более, что и вся идеология его вмещается в узкую схему северянино-ховинской школы. <...> Все это еще, однако, не означает, что г. Шенгели вырос в поэта. <...> Эстетизм г. Шенгели слишком близко граничит с выдумкой, все поэтическое воображение его напряжено в изобретении таких образов, как “вальсирующие голубые фонарики”, изящество г. Шенгели кажется заимствованным и предвзятым. И поэтому вся книжка, пронизанная насквозь лунным звоном бледной книжной фантастики, становится, чем дальше ее читаешь, однообразной и утомительной. Есть даже опасение, что ее не дочитают до конца с одинаковым вни-

манием те харковские друзья г. Шенгели, которые поощряли его первые опыты»¹⁰⁹.

Действительно, почти каждое отдельно взятое стихотворение «Гонга» само по себе неплохо, а некоторые вовсе хороши, но в большом количестве сливаются друг с другом и навевают скуку. Если бы литературный путь автора на этом закончился, его ждало бы забвение до появления «летейского библиотекаря».

6 февраля 1917 г. — возможно, под воздействием «поэзовечеров» в столице, о которых далее, — о «Гонге» написал Юлий Айхенвальд в обзоре поэтических новинок для газеты «Речь»:

«Экзотически, нередко вычурными звуками звучащий “Гонг” Георгия Шенгели недаром рифмует *душе* и *саме*, *стихи* и *духи*: он в самом деле предлагает нам *стихи-духи*. <...> Автор обладает чувством драгоценности и роскоши; он ощущает всё дорогое, он любит природу как обстановку, он принимает мир в его пышности. <...> Естество ценится как произведение Бога-искусника, мирового ювелира, космического Бенвенуто Челлини. Художественной и хрупкой подделкой выситя перед нами дорого стоящий мир. <...> Лазоревые бархаты и шелка, драгоценные камни, редкие цветы, всяческая изысканность и иностранность несомненно владеют Георгием Шенгели; он не притворяется их пленником: он всем этим действительно пленен, хотя и безрадостно для себя, хотя уже и с оттенками пресыщения, — “бедный, больной и земной”. Ослепительное и громкое на его страницах уже сделалось его привычкой, второй природой, так что больше не кажется щегольством его искусственность — ни в сюжетах, ни в таких особенностях его формы, как ассонансы вроде *Рембрант* и *тембра*, как рифмы вроде *приветствовать* и *детства ведь*. <...> Вселенная, рассматриваемая как драгоценность, может вызвать восхищение, но не религию, витрина не алтарь, и перед нею нельзя молиться»¹¹⁰.

¹⁰⁹ Южный край. 1916. № 13708. 17.11. С. 7 (подпись: И. Т-ий).

¹¹⁰ Айхенвальд Ю. Литературные наброски // Речь. 1917. № 35 (3777). 06.02. С. 2.

Речь как будто об одном из подражателей Михаила Кузмина, провозгласившего: «Я книгу предпочту природе, // Гравюру — тени вешних роц...». Маститый критик, похоже, не слишком внимательно просматривал очередную порцию новинок: выхватывая из стихов неизвестного ему поэта отдельные слова и образы, он ограничился ими и не счел остальное достойным чтения. Развернутый отзыв в «Речи» был успехом для молодого поэта из провинции, положительный — успехом вдвойне, вне зависимости от содержания. «Статья Айхенвальда. Я “знаменит”», — коротко зафиксировал Шенгели в «Хронологической канве». Он упоминал этот отзыв во всех автобиографиях — даже в те годы, когда высланного за границу в 1922 г. Айхенвальда лучше было не вспоминать, — но, насколько известно, никогда не оценивал его по существу.

На второе издание «Гонга», вышедшее летом 1917 г. в Феодосии под маркой «L'oiseau bleu» (ни один его экземпляр, кажется, не сохранился), в харьковско-полтавском журнале «Ипокрена»¹¹¹ откликнулся «Петроний» — приятель поэта Петр Краснов:

«Преобладающий эстетический элемент является неизбежным, как корь, началом всякого молодого поэта. Все эти “традиционные” янтари, топазы и другие атрибуты роскоши — суть болезни неперменные, но искупительные, сквозь их строй гонит рождающегося поэта муза...

Книга Георгия Шенгели, вышедшая сейчас вторым изданием, — обильна эстетическими наслоениями. Но эстетизм Шенгели — его первая натура, корень его творчества, та ценная руда, ископателем которой является он сам... Поэт со вкусом и толком комбинирует драгоценности, понимает блеск, язык, душу камней <и> метал-

¹¹¹ Местом издания «Ипокрены», которую редактировали Петр Краснов и Моисей Штромберг, указана «Россия», официальным адресом редакции: Петроград, Лиговка 44, кв. 602 («дом Перцова» около Московского вокзала; кто жил или числился в ней, пока не установлено). Фактически редакция находилась в полтавской квартире Штромберга, куда «временно просят направлять рукописи и деньги»; в указании типографии «Вдовы и бр. Рабинович» отсутствовало название города.

лов¹¹². Поэт созерцает мир, природу глазами тонкого ювелира, мастера, любителя старины и роскоши. И все его творчество, идущее от культуры, от ума, “заступа” (определение Кранихфельдом <следует: Айхенвальдом> Брюсова), — не мыслится иначе, как только со своим природно-эстетическим составом в эффектной нарядности.

Как версификатор Шенгели знает себе мало соперников. Законы стихосложения им усвоены кровно и широко раскрыты. <...> А в общем книга Шенгели верно определена Айхенвальдом»¹¹³.

Воспоминания Виталия Рыжкова сохранили для нас историю еще одного харьковского литературного начинания, связанного с его другом, — издания журнала «Сириус»:

«У Шенгели был приятель студент-юрист, некто Шик, а у Шика был состоятельный дядя. Дядя заботился о будущей карьере своего племянника. Он считал, что для популярности адвокату нужно быть причастным к литературному труду, хотя бы в качестве издателя. Шик предложил Шенгели деньги на издание литературного журнала при одном условии, чтобы на обложке стояла его, Шика, фамилия в качестве издателя. В редакторы надо было пригласить лицо, имеющее более солидное социальное положение, чем наше. Таким редактором согласился быть учитель гимназии В.С. Рожицын, созвучный с нами в любви к модернистическому искусству и в революционных настроениях. Начались бесконечные заседания редакции. С жаром юности мы обсуждали все детали журнала и переживали радость выхода первого номера. Заседания редакции происходили чаще всего у Цагарели

¹¹² Ср. в предисловии А. Греча (А.Н. Залемана) к рукописной книге стихов И. Гофмана (И.Ф. Шишова), изготовленной в Москве в конце 1920 г.: «Рубины, янтари, сердолики — его камни и талисманы. Точно нарисованы его стихи; их глаза, как аметисты устремленные в прошлое, как опалы полные грустных предчувствий. В этом почерке еще неуверенном, капризном может быть намеренно женственным слышатся почти знакомые слова “Гонга” Георгия Шенгели». Цит. по: *Соболев А.А.* Общество «Artifex» в кольце врагов. (В печати).

¹¹³ Ипокрена. 1918. № 2/3. С. 52.

в одной из комнат обширного дома. Мы все готовили статьи и стихи для первого номера. Вскоре начались неполадки с дядей Шика, который не хотел давать денег на хорошую бумагу и значительный тираж. Номер (с датой 1 марта 1916 г. — В.М.) вышел почти на газетной бумаге и в плохонькой серой обложке, всё же мы были горды своим творением¹¹⁴ и открыли официально редакцию в квартире д-ра Цыперовича, сын которого входил в нашу компанию. Роскошный кабинет врача, а также и приемная были предоставлены в наше распоряжение в определенные дни и часы. К нам шли молодые авторы со своими рукописями, у которых, видимо у единственных, наш журнал имел успех. Мы были горды, что у нас в редакции побывали проездом через Харьков поэтесса <Мария> Моравская и литературовед проф. <Семен> Венгеров. Второй номер “Сириуса”, однако, не вышел. Дядя Шика задержал необходимые дотации, а тут пришла революция».

III

«Гонг» и его автора оценил Северянин, находившийся на пике успеха и любивший выступать на «поэзовечерах» вместе с учениками. В 1916–1917 гг. Шенгели сопровождал его и «поэзо-певицу Балькис-Савскую» (Марию Домбровскую) в двух гастрольных турне, хроника которых тщательно воссоздана А.В. Крусановым¹¹⁵. Вечера состояли из трех отделений: в первом Шенгели выступал с докладом, обычно занимавшим примерно полчаса; во втором Балькис-Савская декламировала «поэзы» Северянина, а Шенгели — стихи из «Гонга»; третье отдавалось Северянину, имевшему возможность бисировать сколько понадобится.

¹¹⁴ В нем опубликованы 2 стихотворения Шенгели, позднее вошедшие в «Гонг», и эссе «Жизнь — пауки».

¹¹⁵ Крусанов А. Русский авангард. 1907–1932. Исторический обзор. Т. 1. Боевое десятилетие. Кн. 2. М., 2010 (далее: Крусанов-1); Т. 2. Футуристическая революция. 1917–1921. Кн. 2. М., 2003 (далее: Крусанов-2). Даты и места выступлений приводятся по этому изданию без ссылок.

Первым совместным выступлением поэтов стал Одиннадцатый поэзовечер, состоявшийся 11 апреля 1916 г. в Александровском зале Городской думы Петрограда. Шенгели прочитал апологетический доклад «Поэт вселенчества. (О творчестве Северянина)», который позже многократно и с успехом повторял. Авторский текст нам неизвестен, поэтому приведу тезисы выступления и его изложение, сделанное хроникером (как это принято, скажем, в собраниях сочинений Маяковского).

Тезисы, печатавшиеся в программах поэзовечера на афишах и в газетах, были призваны завлечь публику. У Шенгели даже они звучали серьезно, почти без эпатажа: «1) Символизм и символисты. 2) Стремление за пределы предельного. 3) Вампука “достижений”. 4) Кризис символизма и оскудение поэтов. 5) Бальмонт, Брюсов, Белый, Блок. 6) Значение новой поэзии. 7) Город и его поэзия. 8) Брюсов как урбанист. 9) Индивидуализм и особенность. 10) Аксиома индийской мудрости. 11) Мир высохших измерений. 12) Космическое сознание. 13) Два пути проявления космического сознания. 14) Игорь Северянин и космическое сознание. 15) Время и “Монументальные моменты”. 16) Влюбленность, пределы реального мира. 17) Критика и ресторанные поэты¹¹⁶. 18) Поэзия жизни, как таковой. 19) Общечеловеческие чувства. 20) Букет переживаний»¹¹⁷.

Наиболее подробное изложение доклада оставил бакинский репортер (для удобства чтения я разбил его текст на абзацы):

«Отметив, что основной чертой символизма, понимаемого, однако, весьма различно, было стремление “за пределы предельного”, по выражению Бальмонта, докладчик было коснулся творчества нескольких поэтов-символистов и указал на отвлеченность их поэзии от реальной жизни. Поэзия символистов являлась вместе с тем и выражением подчеркнутого индивидуализма, крайнее завершение

¹¹⁶ Исходя из приведенного далее изложения доклада, вероятно, следует читать «поэзы».

¹¹⁷ Искусство // Русская речь (Одесса). 1916. № 3145. 08.05. С. 4; цит. по: Крусанов-2. С. 29.

которого представляет сологубовский солипсизм. Но одно стремление, хотя бы и к возвышенным целям, не может удовлетворить человека; нельзя же постоянно только собираться в дорогу, нужна и сама эта дорога, нужно и конечное завершение ее. Отвлекая мечту поэта от реальной жизни, символизм бессилён был привести к такому завершению рожденного им порыва, и этим определилось его последующее оскудение. Реакцией на это конечное бесплодие и отвлеченность символизма и явилась поэзия “вселенчества”, ярким представителем которой стал Игорь Северянин.

В настоящее время получают всё большее распространение теософские идеи и философия ведаизма. Основным положением древнеиндусской мудрости является внешне тавтологическое выражение — “всё есть всё”. Формула эта имеет, однако, свой углубленный пантеистический смысл. Как на лакированной дощечке пять пальцев руки оставляют пять разобщенных следов, хотя и имеют одну основу, так и видимый нами мир есть разобщенное отражение единого в основе своей начала божественной воли. И вот — на смену одинокому, замкнутому индивидуализму выдвигается космическое сознание общности и связи всего сущего. Индивидуалистическая концепция миропонимания не противопоставляется больше соборности, как ее антитеза, и находит свое синтетическое примирение с нею в положении: я — индивид, но ты — брат мой, такой же, как и я.

Это космическое сознание общности всего сущего и лежит в основе поэзии Игоря Северянина. Каждый момент непрерывного потока жизни представляет для поэта особую, лишь ему — этому моменту — присущую ценность, и поэт стремится изжить всю полноту его, изжить его “монументально”. В этом смысле глубокое выражение поэта — “Монументальные моменты”. Соответственно определившимся еще в символизме двум направлениям творческих переживаний — экзотике и урбанизму намечаются и основные мотивы “вселенчества”, проникнутые солнечной влюбленностью в предметы реального мира. Вульгарная критика определила Игоря Северянина как поэта “ресторанных поэт”, но глубина этих поэт не была замечена

ею. Георгий Шенгели останавливается в дальнейшем на отдельных поэзах Игоря Северянина и метко, красиво их характеризует.

В заключение своего доклада, скорее вступительного слова к последующему, лектор обращает внимание на современную ритмику стиха, опирающуюся на чередование второстепенных ударений и цезур. Школьный канон знает пять основных размеров; между тем только один пятистопный ямб дает 128 возможных вариантов в одной строке. Это богатство языка широко использовано Игорем Северяниным, и его стихи чрезвычайно богаты певучими ритмами. Дабы выявить эту многозвучную ритмику стиха, и в чтении своих поэз поэт придерживается своеобразной манеры, чуждой той, какая принята на сцене. Там стараются читать стихи так, как говорят, между тем в чтении их должна чувствоваться не разговорная речь, а именно стих.

Вот в общих чертах содержание доклада Георгия Шенгели, но этим далеко не передается его сущность. Дело в том, что своей речи г. Шенгели придал такую красочную, образную и — надо признать — красивую форму, что пытаться пересказать ее — довольно бесплодная задача — все равно что переводить прозой стихотворение»¹¹⁸.

Доклад обычно встречал хороший прием у публики, но многие газеты упрекали Шенгели в откровенно рекламном характере выступления. «Несколько неприятное впечатление оставляет слово г. Георгия Шенгели “О творчестве Игоря Северянина”, — говорилось в отчете о поэзовечере в Одессе 8 мая 1916 г. — И не потому, чтобы докладчик читал плохо или тезисы были неправильны. Наоборот, очень много дельного, кое-что новое, и немало верного было в красиво написанной речи г. Шенгели. Совершенно правильно сделана характеристика творчества “поэта вселенчества”, верно подмечено отношение критики, — указаны этапы новой поэзии. Но неприятен чересчур уж самохвальный тон, эта апология Игоря Северянина, читанная перед его выступлением. Несколько самоуверенными кажутся и рез-

¹¹⁸ Юр-ий. «Поэзовечер» // Баку. 1917. № 29. 05.02. С. 6; цит. по: Крусанов-2. С. 34–35.

кие отзывы о таких поэтах, как Бальмонт, Брюсов, Сологуб, Белый и Блок. Интересный сам по себе, доклад кажется неуместным во время концерта поэта, столь воспеваемого его партнерами по концерту. Не знаю, может быть, футуристическая этика и скромность с этим не считаются, но реферат, далекий от объективности, был не у места»¹¹⁹.

Георгий Аркадьевич критике не внял и продолжал в том же духе, что отметил автор отчета о выступлении 26 января 1917 г. в Тифлисе, где гастролеров ждал шумный успех. «Вечер открылся чтением лекции г. Шенгели, ознакомившим обширную аудиторию с разными течениями современной русской поэзии и с основными мотивами творчества Игоря Северянина, ярким апологетом которого является лектор. Как содержание лекции, так и изложение ее вполне положительно, красиво, обстоятельно. Единственным дефектом этой лекции надо считать некоторую тенденцию г. Шенгели возвысить своего любимца, Игоря Северянина, не только за счет современных писателей, как, например, Валерия Брюсова, на которого он поминутно замахивался, но и за счет Некрасова. Это, по нашему мнению, не этично, тем более, что г. Шенгели разъезжает с г. Северяниным вместе и в данном случае как бы говорят в один голос»¹²⁰.

Вернемся в Петроград, к дебютам дуэта Шенгели-Северянин. 23 апреля 1916 г. в Александровском зале Городской думы прошел Двенадцатый поэзовечер, на котором Шенгели прочитал доклад «Новое язычество в современной поэзии». О нем мы знаем только из беглых упоминаний в газетных отчетах: «Доклад Георгия Шенгели <...> произвел грустное впечатление на публику. Детский набор звучных фраз о служении чистой красоте и о вещах, в которых он ничего не понимает: например, культ Диониса, который в его изо-

¹¹⁹ *Незнакомец*. Драматический театр. Поэзо-вечер // Одесские новости. 1916. № 10059. 09.05. С. 3; цит. по: *Крусанов-2*. С. 29–30.

¹²⁰ *Н.Д.* 1-й вечер Игоря Северянина // Тифлисский листок. 1917. № 23. 28.01. С. 3; цит. по: *Крусанов-2*. С. 32.

бражении смахивал на обыкновенный кутеж»¹²¹. Куда больший успех выпал его стихам. По мнению того же репортера, «Как поэт Г. Шенгели проявил себя значительно глубже Северянина. <...> У Шенгели были бесспорно великолепные стихи, хотя он и не отделался от специально футуристических трюков, вроде обещания дать маме “несколько граммов души”». Через тридцать лет он с удовольствием вспоминал: «Выступая со стихами из “Гонга” в Петербурге на одном из вечеров Северянина в громадном, до отказа набитом зале Городской Думы, я вызвал овацию, бисировал четырнадцать раз; в антракте несколько сот экземпляров “Гонга” были раскуплены (в фойе стоял столик с книгами Северянина и моими), и в “артистическую” ложились юноши и девушки с белыми томиками в руках, прося автографов. Мне было только двадцать два года». Замечу, однако, что экземпляры «Гонга», как и всех ранних книг Шенгели, с его автографами очень редки.

Вдохновившись успехом новой программы в столице, Северянин повез ее в Москву. 25 апреля на Двенадцатом поэзовечере (московские имели отдельную нумерацию) в Большой аудитория Политехнического музея Шенгели читал «Поэт вселенчества». Намеченные на 29 и 30 апреля выступления в Харькове были отменены без объяснения причин. Мини-турне завершилось 8 мая в Драматическом театре Одессы, после вечера в котором гастролеров пригласили в местный литературно-артистический клуб. Об этом выступлении вспоминал Юрий Олеша, в юности писавший стихи «под Северянина»:

«Первая моя встреча с Георгием Шенгели состоялась тогда, когда я, будучи мальчиком, но уже чувствуя, что в мире есть поэзия, и уже понимая краем души, что я буду служить ей, увидел его на сцене театра в Одессе — давно, давно, когда он выступал как докладчик о творчестве Северянина и как чтец своих стихов. Он поразил меня, потряс навсегда. В черном сюртуке, молодой, красивый, таинственный, мерцая золотыми, как мне тогда казалось, глазами, он читал не-

¹²¹ Эль И. Последний визготно-истерический поэзоконцерт Игоря Северянина // Маленькая газета. 1916. № 110. 24.04. С. 3; цит. по: Крусанов-1. С. 665.

обычайной красоты стихи, из которых я тогда понял, что это рыцарь слова, звука, воображения... Одним из тех, кто был для меня ангелами, провожавшими меня в мир искусства и, может быть, с наиболее пламенным мечом, — был именно Георгий Шенгели!»¹²²

Летом 1916 г., отдыхая в Гатчине, Северянин и его антрепренер Федор Долидзе начали готовить новое турне. Шенгели приехал в Петроград, где представился Мережковскому и Сологубу, как годом раньше — Бальмонту и профессору Венгерову, собиравшему сведения обо всех пишущих людях. 10 декабря, на Пятнадцатом поэзовечере в концертном зале Тенишевского училища он впервые прочитал доклад «Верхарн»: трагическая гибель поэта под колесами поезда 26 ноября (нового стиля) 1916 г. вызвала новую волну публикаций и выступлений о нем.

Тезисы лекции, которую автор «обкатывал» перед гастрольями, гласили: «1) Творческий путь Верхарна. 2) Природа и культура и их взаимоотношения. 3) Верхарн — певец природы. 4) Рождение новой души. “Черные факелы”. 5) Верхарн — певец культуры. 6) Символизм Верхарна. 7) “Предвечные числа”. Метафизика смысла и закономерности. 8) Жизнь, как ритм»¹²³. Наиболее полное изложение доклада находим в отчете о выступлении поэтов в Тифлисе 30 января 1917 г.:

«Лучшее, что было на третьем и последнем поэзовечере Игоря Северянина, это стильный, яркий доклад Г. Шенгели о Верхарне, так трагически, по железной воле рока, недавно погибшем. Ярко и цветисто говорил докладчик о совершенной форме стихов Верхарна, о его ослепительных образах, волнующих и манящих, о смелых антитезах — темах верхарновских стихов, о сочетании в душе Верхарна Испании и Фландрии, о гимнах его могучему, здоровому началу, которое поэт находил и в тучных, желтеющих полях, и в хлебе, и в винограде, и в мускулистом крестьянине, и в рослой крестьянке, и в диких стадах

¹²² Цит. по: *Перельмутер В.Г. Живущий на маяке*. С. 14.

¹²³ <Объявление> // Речь. 1916. № 336. 06.12. С. 1; цит. по: *Крусанов-2*. С. 31.

быков, и во всем, во всем живущем, дышащем, пьющем воздух, вдыхающем аромат цветов и яркого солнца.

Верхарн — поэт культуры, — и, <как> говорит Игорь Северянин, погиб от воспеваемой им великой силы — культуры, но докладчик не согласен с этим утверждением и считает причиной гибели Верхарна не культуру, сотворившую поезд, чьи могучие колеса искромсали тело поэта, а *запредельную волю*, некую *таинственную сущность*, умертвляющую и великого поэта, и последнего нищего духом, ибо и тот и другой “бренен”. Эта запредельная воля, эта таинственная сущность <...> беспредельно и властно царит над бренным миром, мятущимся, ищущим смятенно и в отчании не находящим смысла и оправдания жизни, и в железных объятиях своих эта неведомая и таинственная воля душит все живое, все культурное и осмысленное. <...>

Глубокие мысли, яркие, фантастические слова, в кои облек молодой человек свой доклад, блестящие каскады блестяще построенных фраз, глубокое преклонение перед воспеваемым гением, редкая проникновенность в идеи делают честь докладчику, сумевшему на протяжении трех вечеров, в течение 2—3 часов, блеснуть своим запасом знания, глубиной чувства и искренностью тона»¹²⁴.

«Разминкой» перед турне стали выступления в Москве. 14 декабря 1916 г. на Пятнадцатом поэзовечере в Большой аудитории Политехнического музея Шенгели декламировал стихи; сведений о лекции в этот день у нас нет. На Шестнадцатом поэзовечере в том же зале 19 декабря он, кроме стихов из «Гонга», прочитал новый доклад, приготовленный для гастролей, — «Самураи духа (Гейне — Пушкин — Северянин)», содержание которого известно из отчета о выступлении в Тифлисе 29 января 1917 г.:

«Самураи, каковое имя несут представители старого японского дворянства, поразившие мир своим героизмом во время русско-японской войны, по определению Г. Шенгели, есть люди, сочетающие в

¹²⁴ Гик Ю. На поэзовечере Игоря Северянина, 30 января // Кавказское слово (Тифлис). 1917. № 27. 02.02. С. 3; цит. по: Крусанов-2. С. 33—34 (купюры у Крусанова).

себе все стороны человеческой души, самураи духа — это символ слияния всех качаний жизненного маятника; таков Генрих Гейне, таков Пушкин, горячим поклонником коего является докладчик, Пушкин, сочетавший в себе и Шекспира, и Байрона, предвосхитивший идеи Верхарна и Верлена, Пушкин, один из тех поэтов, кто является равнодействующей между мирозерцанием и мироощущением. Третьим самураем Г. Шенгели считает принесшего "новое пушкинство"... Игоря Северянина»¹²⁵.

В программе Семнадцатого московского поэзовечера 18 января 1917 г. стоял доклад о Верхарне. Накануне¹²⁶ Шенгели — без приглашения и даже без предупреждения — отправился к Брюсову, которому ранее послал «Гонг» «с почтительной, но сдержанной надписью»¹²⁷ (юношеский восторг прошел, уважение осталось). «Мы с Валерием Яковлевичем сидели работали в его кабинете, он за столом, а я за пишущей машинкой, — вспоминала через 41 год Иоанна Матвеевна Брюсова. — Наша служанка, Анна Осиповна <Обручникова>, доложила, что пришел поэт Шенгели. Обычно я в случае прихода кого-нибудь уходила в соседнюю комнату, но мне захотелось повидать Шенгели, книжку которого "Гонг" мы уже с Валерием Яковлевичем читали. Шенгели был тогда очень красивый и приятный молодой человек, бритый. Едва наши поэты уселись, началась у них беседа о стихосложении, о метрах. Я незаметно ушла в другую комнату, поняв, что беседа надолго, что поэты начали спор на любимую тему. Пока два поэта горячились, нам подали чай и я пригласила их в столовую. Ярость их рассуждений принимала довольно острый характер. В ту минуту, когда Валерий Яковлевич замолчал, я решилась заговорить с Георгием Аркадьевичем на житейские темы и я увидала,

¹²⁵ Лик Ю. На поэзовечере Игоря Северянина // Кавказское слово (Тифлис). 1917. № 25. 31.01. С. 3. Цит. по: Крусанов-2. С. 33.

¹²⁶ В мемуарах о Брюсове Шенгели неверно датирует встречу «осенью шестнадцатого года».

¹²⁷ Местонахождение этого экземпляра неизвестно.

что с юношей-поэтом можно говорить не только о размерах, ритмах и рифмах»¹²⁸.

«Брюсов встретил меня у двери, учтиво поклонившись, сказал банальную любезность, — вроде того, что он рад со мной познакомиться, — и усадил в кресло у письменного стола. <...> Разговор коснулся моего “Гонга”.

— Вы талантливы, — сказал Брюсов.

Я окунулся в розовое масло.

— Но ваш “Гонг” еще не книга. Там слишком много чужих голосов. Стихи — интересные, звучные, но все это — бенгальский огонь, пиротехника.

Я окунулся в оцет.

— Вы спешите. Переживание вы заменяете воображением.

И он поразил меня, безошибочно продекламировав несколько строк из разных стихотворений, показывая, как я “спешу”. Ведь книжку я ему послал полгода назад, и он не мог знать, что я к нему приду. Что за божественная память!»

Приведенные мемуаристом слова Брюсова: «Я видел афишу: завтра вы читаете доклад о Верхарне», — позволяют с точностью до одного-двух дней датировать встречу. У Шенгели осталось «смешанное чувство встревоженности, умиления и досады», которое побудило его заняться переводами из Верхарна и выпустить брошюру «Два “Памятника”». Сравнительный разбор озаглавленных этим именем стихотворений Пушкина и Брюсова», ставшую не только первой научной работой Георгия Аркадьевича, но и этапом его литературной эволюции.

«Новые впечатления врываются в душу, новые увлечения заслоняли брюсовский образ, — вспоминал он. — А его новые стихи, появившиеся уже в респектабельной “Русской мысли” и в популярных газетах, казались слабее старых и любимых. “Зеркало теней” разочаровало. Книга была прекрасна, но я ждал и требовал большего. А потом нача-

¹²⁸ Стенограмма. Л. 14–15.

лась война. Затем вышли “Семь цветов радуги”. В предисловии автор говорил о своем намерении “еще раз подчеркнуть радость жизни”. А я сидел, глотая эти строки, в ледяной комнатухе (я снимал сторожку в саду на окраине Харькова), замученный голодом и прочими бедами. И стихи вдобавок были — “не то”¹²⁹. И я, задним числом, обозлился на Брюсова за мои детские восторги. И принялся писать злую брошюру “Два ‘Памятника’”, где дан сравнительный анализ пушкинского “Памятника” и брюсовского, торжествующе доказав, что брюсовский — хуже... Я мстил...» Полагаю, этими же чувствами была вызвана критика символизма и символистов в «Поэте вселенчества».

Несмотря на подсчеты, таблицы и графики, полемический характер стиховедческого этюда, законченного в октябре 1916 г., был очевиден. «Воскресает обыкновение классических поэтов подводить итог своему творчеству, — невозмутимо начал автор. — Валерий Брюсов, центральная фигура современной русской поэзии, в последней книге своей “Семь цветов радуги” дал новый образец “Памятника”. Свыше трех четвертей века прошло со дня написания последнего “Памятника” — Пушкинского, и крайне интересным представляется провести параллельный разбор обоих произведений: в чем полагают величие свое поэт прошлого века и поэт современный и как говорят об этом они».

Предуведомив читателя: «Важнейшим признаком художественности я считаю *совершенство*, с которым воплощена в образы та или иная идейная конструкция. Совершенство это усматривается в закономерности развития содержания, в верности, точности и *нужности* образов. Но средством выражения данного содержания является слово», — автор приступил к сравнению «совершенства форм». «Стройность Пушкина и беспорядочность Брюсова усматриваются по всем», — заключил Шенгели «опыт критического крючкотвор-

¹²⁹ Когда в 1946 г. Шенгели писал эти строки, он наверняка помнил, что единственный сборник стихов его второй жены Нины Манухиной назывался «Не то...».

ства», как назвал брошюру в инскрипте Максимилиану Волошину¹³⁰. «Чем более стихотворение является созданным в результате подлинного воодушевления, тем оно более стройно и логично, ибо внутренние законы психической жизни не знают погрешностей. Рассудок же неминуемо вносит дисгармонию в строй стихотворения, ибо чужд “духу музыки”, рождающему напевные строки»¹³¹. Брошюра была отпечатана в сентябре 1917 г. (в выходных данных 1918 г.) в фео-досийской типографии Косенко под маркой издательства «L’oiseau bleu», кочевавшего вместе с автором.

Напряженный график турне по югу России выглядел следующим образом:

24 января. Батум, Железный театр. «Поэт вселенчества».

25 января. Кутаис, Городской театр. «Поэт вселенчества».

26 января. Тифлис, зал Музыкального училища. «Поэт вселенчества».

29 января. Там же. «Самураи духа».

30 января. Там же. «Верхарн».

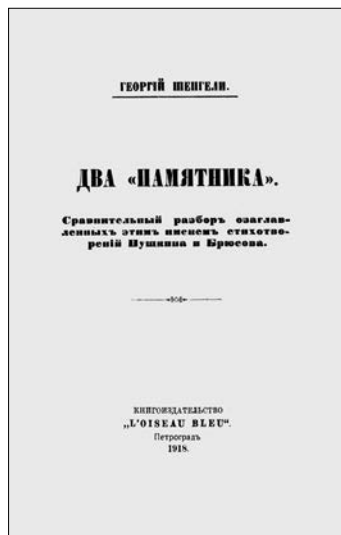
«Тифлиссские поэзовечера дали гастролерам полный сбор», — отметил Крусанов, пояснив: «Пожалуй, ораторские способности Шенгели затмили даже популярность Северянина. По крайней мере, в глазах репортеров главным действующим лицом тифлиссских поэзовечеров стал именно докладчик»¹³². Думаю, одной из причин такого успеха могла стать его фамилия.

Успех выпал ему и как поэту. «Г. Шенгели прочел свои стихи, — сообщил «Тифлиссский листок» после первого вечера, — из которых особенно хороши “В аметистовом сумраке” (“Искры в воде”. — В.М.), “Мне было пять лет” (“Запыленное”. — В.М.) и много дру-

¹³⁰ Книги с инскриптами Шенгели Волошину хранятся в Доме-музее М.А. Волошина (Коктебель). Материалы этого собрания, далее цитируемые без дополнительных ссылок, сообщила автору Р.П. Хрулева.

¹³¹ Шенгели Г. Два «Памятника». Сравнительный разбор озаглавленных этим именем стихотворений Пушкина и Брюсова. Пг., 1918. С. 23.

¹³² Крусанов-2. С. 34, 33.

«Два “Памятника”» (1917). Обложка

гих на бесконечные “бис” публики. Стихи г. Шенгели красивы, поэтичны, полны чувств и создают желанное автору настроение. Поэта наградили аплодисментами и цветами»¹³³. На втором вечере «большой успех имел другой поэт, г. Шенгели, прочитавший поэтическую чудную сказку о старике-моряке и его маленьком домике (“На маяке”. — В.М.). Эта сказка — лучшее, что дал Г. Шенгели в своем “Гонге”, сборнике стихов»¹³⁴. Через 22 года именно об этом он вспоминал:

...Ты легко на эстрады взлетал,
И стихи твои с них
от Москвы до Тбилиси звучали,
И шампанским прибоем
взметался навстречу им зал.

¹³³ Н.Д. 1-й вечер Игоря Северянина // Тифлисский листок. 1917. № 23. 28.01. С. 3; цит. по: Крусанов-2. С. 32.

¹³⁴ Гук Ю. На поэзовечере Игоря Северянина, 29 января // Кавказское слово (Тифлис). 1917. № 25. 31.01. С. 3; цит. по: Крусанов-2. С. 33.

Одна из тифлисских поклонниц (ее имя осталось нам неизвестным) испещрила свой экземпляр «Гонга» выписками из любимых стихотворений:

Я люблю вечера, вечера,
Я люблю умирание зари,
Когда в небе нежней колибри
Загораются звездные бра...
И Вы, утонченный дэнди,
капризно-новый эстет,
Вы дали моей легенде
неожиданно-яркий свет...

Через много лет она подарила книгу дочери с трогательной надписью: «Тебе, Ирочка, с твоей поэтической душой, оставляю эту книжечку на память обо мне. Эта “эпоха” была самой лучшей в моей жизни. Мама. Тбилиси. 23/V-1945 г.»¹³⁵.

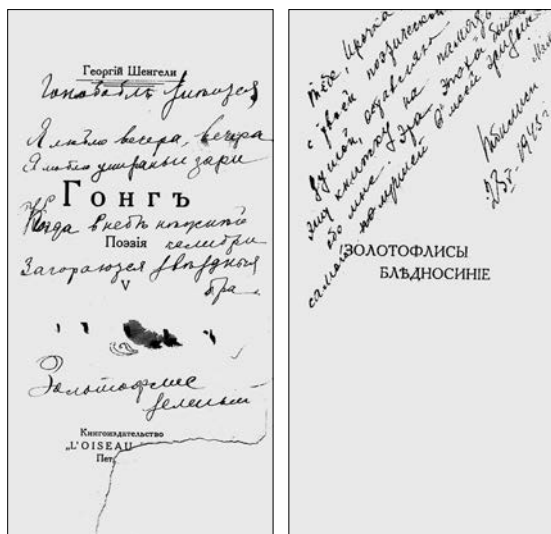
31 января поэты-гастролеры приехали в Баку и оказались в одной гостинице с Брюсовым, с которым Северянин был в ссоре. Напомню эту историю.

Весной 1911 г. Валерий Яковлевич написал Северянину, с которым не был знаком. «В письме ко мне Брюсова и в посылке им своих книг тайлось для меня нечто чудесное, сказочному сну подобное, — вспоминал Игорь Васильевич. — Юному, начинающему, почти никому не известному поэту пишет совершенно исключительное по любезности письмо и шлет свои книги поэт, достигший вершины славы»¹³⁶. Поэты были добрыми знакомыми, пока не появился критический отзыв Брюсова о «Златолуре». Северянин обиделся и обвинил того в... зависти:

Вы, чьи стихи как бронзолыбвы,
Вы поступаете бесславно.
Валерий Яковлевич! Вы —
Завистник, выраженный явно.

¹³⁵ ВЭМ.

¹³⁶ Встречи с Брюсовым // Северянин И. Стихотворения и поэмы. 1918–1941. М., 1990. С. 386–390; далее цит. без сносок.

«Гонг» (1916). Записи неизвестного лица

«В ту пору я не мог поступить иначе, — оправдывался он позже, — больше всего опасаясь, что мое молчание могло бы быть истолковано как боязнь перед “авторитетом”». Брюсов рассердился и ответил: «Любопытно, в чем бы я мог “завидовать” Игорю Северянину. Мне было бы стыдно, если бы я оказался автором “Ананасов <в шампанском>”, и мне было бы обидно, если бы я сделался объектом эстрадных успехов, выпавших на долю Игоря Северянина»¹³⁷. Личные отношения между поэтами порвались.

«Северянин пожелал помириться с Брюсовым, — вспоминал Шенгели. — Но, будучи болезненно-гордым и самолюбивым человеком, больше всего опасаясь подозрений в робости или заискивании, он боялся сделать первый шаг — и возложил на меня дипломатическое поручение: пойти к Брюсову, разведать его нынешнее отношение к

¹³⁷ Игорь Северянин (1915) // Брюсов В. Среди стихов. 1894–1924. Манифесты, статьи, рецензии. М., 1990. С. 497.

Игорю и постараться устроить “случайную встречу”, при которой они могли бы объясниться.

Я узнал, в каком номере живет Брюсов, и постучался к нему. <...> Меня он дружелюбно приветствовал, усадил и горячо заговорил о том, какой прекрасный поэт Саят-Нова. Воспользовавшись первой паузой, я приступил к выполнению моего поручения. Но я решил обойтись без дипломатии. Брюсов был слишком крупным человеком, чтобы его можно было оскорбить экивоками и намеками. Я сказал просто:

— Северянин хочет с вами объясниться и помириться, но ему страшно, что вы превратно поймете его решение. Я должен вас заманить куда-нибудь, где вы с ним встретитесь.

Брюсов улыбнулся своей доброй улыбкой и сказал:

— Какие глупости! Я охотно сам к нему пойду. Идемте.

Он пружинно поднялся, аккуратно убрал свою работу и, предводимый мною, прошел в номер к Северянину. Северянин не ожидал столь быстрого успеха моей миссии. Поблуднев, он встал навстречу Брюсову. Они обнялись. Я ретировался в свой номер, не желая мешать объяснению.

Через час ко мне постучался официант и сказал, что меня просят в ресторан при гостинице. Я спустился. В особой ложе ресторанный зала за накрытым столом сидели, оживленно и дружелюбно беседуя, Брюсов и Северянин. <...> Амфитрионом этого маленького мира был какой-то безукоризненно одетый джентльмен восточного типа, оказавший местным меценатом».

Рассказав эту историю в стихах:

Нежны berceus'ные рессоры —
Путь к дорожному «кабаку».
В нем наша встреча, — после ссоры, —
Меж наших вечеров в Баку.
Я пил с армянским миллионером
Токай, венгерское вино.
В дыму сигар лилово-сером
Сойтись нам было суждено.

Походкой быстрой и скользящей,
Мне улыбаясь, в кабинет
Вошли Вы, тот же все блестящий
Стилист, философ и поэт.
И вдохновенно Вам навстречу
Я встал, взволнованный, и вот —
Мы обнялись: для новой речи,
Для новых красок, новых нот!..

— а затем и в прозе, Северянин почему-то не назвал имени «дипломата»: «до сих пор не знаю, как это произошло».

Продолжим хронику турне.

1 февраля. Баку, театр братьев Маиловых. «Поэт вселенчества».

4 февраля. Армавир, театр «Марс». «Поэт вселенчества».

6 февраля. Екатеринодар, Зимний театр. «Поэт вселенчества». «Сбор далеко не полный: сиротливо дремлют стулья первых рядов партера, грустят пустые ложи», — констатировал местный хроникер. «Доклад-гимн о Северянине» показался ему «монотонным», но стихи Шенгели понравились: «Декламирует красиво, и стихи у него красивые: звучные, музыкальные»¹³⁸.

10 февраля. Новороссийск, Городской дом. «Поэт вселенчества».

11 февраля. Екатеринодар, зал 1-й женской гимназии. «Верхарн».

13 февраля. Таганрог, Городской театр. «Новое язычество в современной поэзии».

14 февраля. Ростов-на-Дону, Ростовский театр. «Поэт вселенчества». Здесь доклад вызвал иронический отклик: «Георгий Шенгели — тень “великого” Игоря. <...> “Тень” поэта, как всякая тень, безобразно преувеличивает размеры “хозяина”.

— Поэт городской культуры.

— Провидец.

— Предтеча нового “пушкинства”.

¹³⁸ Нович Л. Поэзо-вечер (впечатление) // Кубанский край (Екатеринодар). 1917. № 1871. 08.02. С. 2; цит. по: Крусанов-2. С. 37.

Так кривляется Игорева “тень”, с детской небрежностью развенчивая наших символистов, и играет, как кубиками, громкими фразами о “космическом сознании”, о “монументальных моментах”»¹³⁹.

17 февраля. Харьков, театр Коммерческого клуба. «Поэт вселенчества». «Свой доклад г. Шенгели начал развенчанием символизма в русской литературе, признав полную его исчерпанность и в то же время невыполненность намеченных представителями символизма задач и целей. <...> Вторая часть доклада была посвящена новому намечавшемуся в современной литературе течению, в котором г. Шенгели видит залог будущего “пушкинства”. Представителем этого нарождающегося течения г. Шенгели привел Волошина и др., причем очень выразительно прочел одно из лучших стихотворений г. Волошина»¹⁴⁰.

18 февраля. Там же. «Верхарн». Хроникеры обоих вечеров отметили успех оригинальных стихов Шенгели.

Назначенный на 26 февраля вечер в Елизаветграде был перенесен на 7 или 8 марта, но, видимо, так и не состоялся.

28 февраля. Харьков, зал Общественной библиотеки. «Самурай духа». Балькис-Савская не участвовала, но вместе с Шенгели стихи читал местный поэт Александр Прокопенко.

Революционные события в Петрограде не отразились на графике гастролей, но заняли все внимание прессы, которой стало не до «поэзовечеров».

4 марта. Курск, Общественный клуб. «Поэт вселенчества».

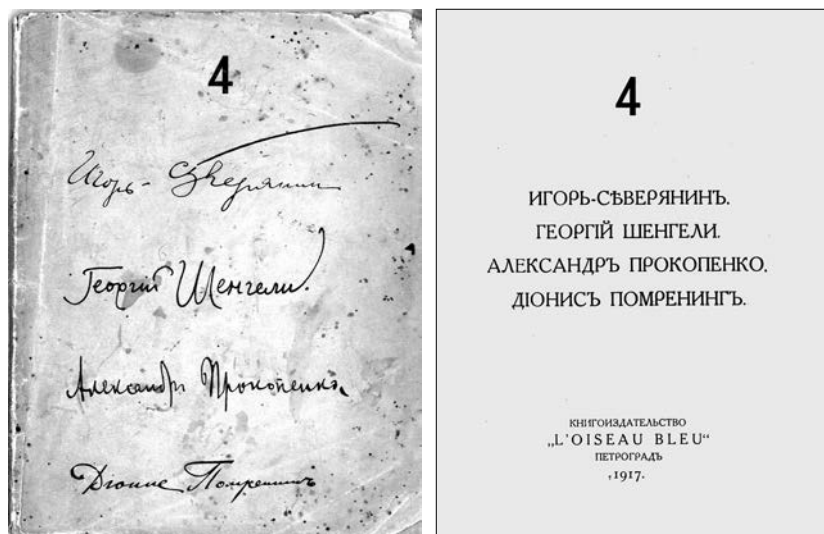
9 марта. Киев, зал Купеческого собрания. «Поэт вселенчества».

11 марта. Там же. «Верхарн». На этом турне завершилось.

«Характеризуя гастроли Северянина в целом, — суммировал Крусанов, — безусловно, можно назвать их триумфальными. Никакой другой поэт-футурист не пользовался в эти годы сколько-нибудь

¹³⁹ Треплев К. «Поэзо-вечер» // Ростовская речь. 1917. № 44. 17.02. С. 3; цит. по: Крусанов-2. С. 38.

¹⁴⁰ Поэзовечер Игоря Северянина // Южный край. Веч. вып. 1917. № 13885. 18.02. С. 3; цит. по: Крусанов-2. С. 39.

Сборник «4» (1917). Обложка и титульный лист

сравнимой популярностью»¹⁴¹. Для его молодого спутника это стало блестящей школой.

Северянин остался одним из любимых поэтов и друзей Шенгели, несмотря на десятилетия разлуки и долгие перерывы в общении. В сборнике «Соловей» 1923 г., выпущенном в Берлине, но допущенном в Советскую Россию (вырезалась лишь страница с ироническим упоминанием о большевиках), Игорь Васильевич приветствовал собрата:

Ты, кто в плаще и шляпе мягкой,
Вставай за дирижерский пульт!
Я славлю культ помпезный Вакха,
Ты — Аполлона строгий культ...
...Ты, завсегда тай мудрых келий,
Поющий смерть, и я, моряк,
Пребудем в дружбе: нам, Шенгели,
Сужден везде один маяк.

¹⁴¹ Крусанов-2. С. 40.

В дарственной надписи на книге стихов «Норд», датированной 27 августа 1927 г., Георгий Аркадьевич назвал Северянина «другом моей поэтической весны» (Литературный музей Эстонии им. Ф. Крейцвальда). «Игорь обладал самым демоническим умом, какой я только встречал, — писал он 25 апреля 1924 г. Марии Шкапской. — Это был Александр Раевский, ставший стихотворцем; и все его стихи — сплошное издевательство над всеми и всем, и над собой. Вы знаете, что Игорь никогда (за редчайшими исключениями) ни с кем не говорил серьезно. <...> Игорь каждого видел насквозь, непостижимым чутьем, толстовской хваткой проникал в душу и всегда чувствовал себя умнее собеседника, — но это ощущение неуклонно сопрягалось в нем с чувством презрения. Кажется, лишь меня, сумевшего понять некоторые глубоко таимые его мысли, он удостаивал искренней беседой. Вы спросите, где гарантия, что и меня не рядил он в дураки? Голову на отсечение не дам, — но очень думаю, что было не так».

Глава четвертая ГОДЫ СТРАНСТВИЙ (1917–1922)

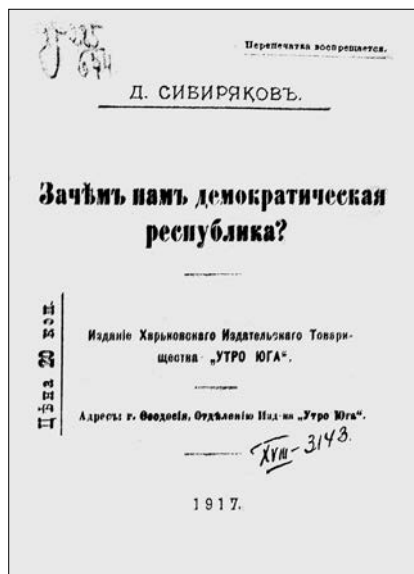
Я люблю мою чеканность и размеренные числа...

I

Февральская революция — ее давно ждали, но она пришла неожиданно — застала Шенгели в Харькове. Он сразу дал четыре стихотворения в альманах «Освобожденным», выпущенный с объявлением: «Чистый доход от издания поступит в распоряжение Революционного Красного Креста в пользу освобожденных политических».

В Феодосии Георгий Аркадьевич познакомился с журналистом Моисеем Гинцбургом, он же меньшевик-подпольщик с партийной кличкой «Даян». Новый знакомый предложил ему писать «политические брошюры под псевдонимом “Д. Сибиряков”», как лаконично сказано в автобиографических заметках Шенгели. Я смог разыскать лишь одну — «Зачем нам демократическая республика?» (по экземпляру в РГБ и РНБ), выпущенную феодосийским отделением харьковского социалистического издательства «Утро Юга». Указанный среди авторов газеты «Юг России» «Г. Аркадьев» — наверняка тоже наш герой.

Главная мысль этого популярного очерка проста: «Только там, где вся власть будет принадлежать всему народу, там народ сможет получить больше всего пользы. <...> Государственный строй, при котором вся власть принадлежит народу, называется демократической республикой. <...> Только демократическая республика даст народу

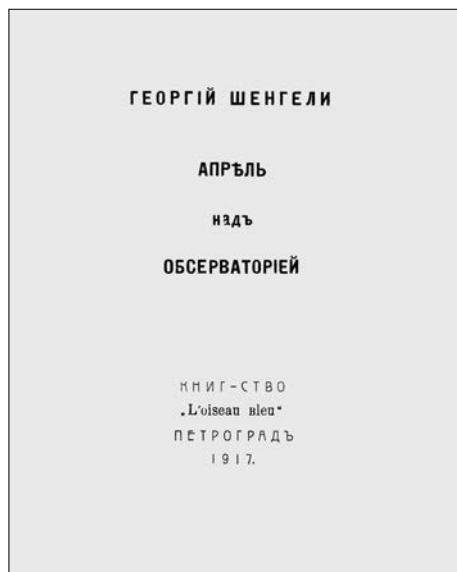

«Зачем нам демократическая республика?» (1917). Обложка. РГБ

хлеб, волю и просвещение»¹⁴². В рекламном объявлении на последней странице значатся как выпущенные и имеющиеся на складе брошюры «Женщины в русской революции» и «Борис Савинков как революционный деятель и писатель», изданные под той же фамилией, а также четыре издания под фамилией Шенгели: «Два “Памятника”», второе издание «Гонга», сборник стихов «Апрель над обсерваторией» и «Поэзия мировой демократии (Верхарн, Уитмен, Гауптман, Золя)», известная только по этому списку.

«Апрель над обсерваторией» (15 страниц, 12 стихотворений), вышедший в Феодосии под маркой «L'oiseau bleu», не вошел ни в одну из больших книг и прошел практически незамеченным. Автор прощался с мотивами «проклятых поэтов» и отдал последнюю дань «поэзам»:

¹⁴² Сибиряков Д. Зачем нам демократическая республика? Феодосия, 1917. С. 11–15.

«Апрель над обсерваторией» (1917). Обложка

Я люблю мои прохладные и матовые залы,
алюминий, медь и никель телескопов и зеркал,
плавных окон поздней ночью темно-синие овалы
и хрустальных отражений переменчивый опал.

Наплывающим апрелем против гаснущей Капеллы
подымается из мрака незаметная звезда.
В четкой призме, точно грозди переспелой изабеллы,
дымно рдеют и клубятся краски сумрачного льда.

Это странное светило заплело бескрайний холод
в опьяняющие спектры дымно-ладанных пространств.
В странных душах громыхает ограненный звонкий молот
в наковальню из туманных и хмельных непостоянств.

Я люблю мою чеканность и размеренные числа,
их спокойные напевы, их стеклянную свирель,
но милей, когда колеблет тонкий стержень коромысла
у весов оледенелых проплывающий апрель.

Литературная жизнь Харькова 1910-х годов изучена недостаточно, хотя знаток русской поэзии первой половины XX в. А.Л. Соболев говорит о формировании около 1917 г. «харьковской поэтической школы», заметив: «Из всех южнорусских литературных кружков, образовавшихся в годы разрухи одновременно и повсеместно, харьковскому повезло меньше других: киевляне и одесситы сумели делегировать из своих рядов и звезд, и летописцев; харьковчан же разметало почти без остатка»¹⁴³. Как поэт Шенгели сформировался именно здесь, но позже не воспринимался в литературном мире как «харьковчанин», подобно друзьям и собратьям этих лет — Александру Гатову и Льву Пеньковскому.

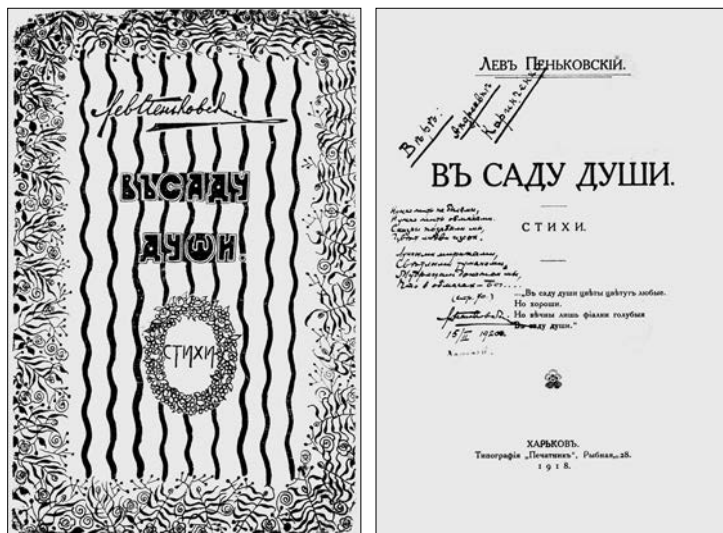
Пеньковский — тогда же написавший «Спокойно и просто я встретился с вами...» — вспоминал сорок один год спустя:

«Я знал имя Георгия Аркадьевича по каким-то афишам и объявлениям о концертах его с Северяниным, а я в то время находился под влиянием Северянина. <...> Я в Харькове пришел к нему специально познакомиться, и он принял меня как мэтр, да так оно и было, потому что я тогда был совершенно зеленым, абсолютно без всякой школы. <...> Мы очень скоро подружились. <...> Он был потрясающе красив в молодости! <...> Георгий был королем для всех нас. <...> Читал он блистательно! Этот рокоchущий баритон, он навевал поэтические эмоции, ласкал слух! Началом своего поэтического осознания я обязан ему»¹⁴⁴.

13 апреля Георгий Аркадьевич выступил в Литературно-художественном кружке Харькова с докладом «Новое пушкинство. (Поэзия ближайших дней)», о котором хроникер «Южного края» сообщил с легкой иронией: «Г. Шенгели говорил в своем докладе о стихосложении, его формах и законах, доказывая, что писать надо не плохие, а хорошие стихи, что в поэзии важна не только форма, но и содержание. Все это были истины очень полезные, хотя и — общеизвестные. В качестве

¹⁴³ Соболев А.Л. Летейская библиотека. Очерки и материалы по истории русской литературы XX века. Т. I. Биографические очерки. М., 2013. С. 282.

¹⁴⁴ Стенограмма. Л. 18–21.

Лев Пеньковский. «В саду души» (1918). Обложка
Инскрипт Льва Пеньковского Вере Каринченко на титульном листе

образца хороших стихов докладчик скромно процитировал свои сочинения. Молодая аудитория внимательно выслушала доклад г. Шенгели и выразила ему одобрение. Желающих возражать не нашлось»¹⁴⁵.

В конце мая 1917 г. в Крыму Шенгели обрел двух новых друзей — Максимилиана Волошина и Осипа Мандельштама — на всю оставшуюся им жизнь. В очерке «Киммерийские Афины» он изобразил полный шуток и розыгрышей быт кокетельского дома и его хозяина, но напомнил, что здесь «умеют напряженно работать и работают». «Центром тяжести» очерка стал финал — оценка дарования Волошина как художника, занятого «раскрытием сущности кокетельской природы», и «поэта космической пышности», который «потому ли, что живет вдали от литературных рынков, потому ли, что мало печатает, потому ли, наконец, что стихи его слишком насыщены

¹⁴⁵ Грей М. «Новое пушкинство» — в Литературно-художественном кружке // Южный край. 1917. № 13981. 15.04. С. 7.

культурой, обращающей повышенные требования к читателю, — мало известен широкой публике», хотя «в литературных кругах имя Волошина пользуется высокой репутацией», а «формальное совершенство <его> стихов — непреерекаемо»¹⁴⁶. Зная дальнейшую судьбу автора, велико искушение сказать: напроорочил самому себе.

О поэзии старшего друга Шенгели писал не раз. «С огромным интересом буду ждать Вашей статьи обо мне, — делился с ним Волошин 9 января 1918 г. — Мною русская критика вообще не занималась, если не считать обильных и страстных поношений, и то не за стихи, а за лекции и поступки. Вне этого одна небольшая рецензия Брюсова, довольно благоприятная, вот и вся литература обо мне. Поэтому Ваша статья, конечно, очень аналитичная по отношению к ритмике, мне особенно интересна. А так же интересна она как мнение человека другого поколения»¹⁴⁷.

В рецензии на «Иверни», вышедшие в том же 1918 г., Шенгели назвал Волошина «одним из крупнейших мастеров современности». «Его стихия — сочетание слов, образ, фраза. Только Вяч. Иванов может поспорить с ним в уменьи изыскать наиболее веские, наиболее полноцветные слова. <...> Ритмика Волошина являет собою редкое богатство. Своеобразная, она ни на миг не успокаивается, построя каждую строку все новым и новым способом. Свободный стих Волошина приближается к Пушкинскому, далеко оставляя за собой искания других современных стихотворцев. <...> Особая сила Волошинских стихов в том, что в осмыслениях своих всегда идет он от конкретного, тем самым не насилуя инакомыслящего читателя и сохраняя для него всю величественность своих перспектив»¹⁴⁸.

«Один из плеяды старших символистов, Волошин резко отличен от спутников своих: их отвлеченная рассудочность заменена пирую-

¹⁴⁶ *Иноходец*. С. 441—446. Впервые: Парус. Ежемесячник литературы, искусства и общественно-политической мысли. (Харьков). 1919. № 1. С. 8—14; публикация завершалась указанием «окончание следует», однако такое неизвестно; журнал прекратился после первого номера.

¹⁴⁷ *Волошин М.* Собр. соч.: Т. 12. Письма 1918—1924. М., 2013. С. 23.

¹⁴⁸ Вырезка из неустановленной газеты в архиве Шенгели в РГАЛИ.

Евгений Ланн. «Писательская судьба Максимилиана Волошина» (1927)

Обложка Н.П. Теофилактова

Инскрипт Евгения Ланна Михаилу Козыреву на шмуцтитуле книги

щей вещностью. Предметная декоративность — фундамент его стихов. Багряная пышность закатов, рубинные радуги зноя, конница синих молний, алмазные руны созвездий, сумрачные спектры витрайлей (витражей. — В.М.) — весь мир у Волошина под этим великолепным балдахином. Но балдахины — над тронами царей и кафедрами понтификсов. И весь мир у него — Воля и Мудрость. Воля гневная и дерзкая. Мудрость скорбная и сухая. <...> Так из роскоши и великолепия мира, из космических гроз рождается стройная система: мир сделать собой и самому стать миром. И приобщиться сгущенности и силе волошинской поэзии — задача нашего сегодня»¹⁴⁹. Автор как

¹⁴⁹ О стихах Максимилиана Волошина // Ипокрена. (Харьков). 1918. № 2/3. С. 47–48; вышел в середине марта 1918 г.: Мандельштам О. Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. Приложение. Летопись жизни и творчества. М., 2014. С. 136.

будто еще в фазе докладов о «поэте вселенчества» и пишет, имея в виду собственный «Гонг», а герой его радикально изменился: на соседних страницах помещены сонеты Волошина «14 июля» и «Бонапарт» — будущий диптих «Две ступени».

Волошину статья понравилась. «Если узнаете, куда делся Шенгели, — напишите мне его адрес, — просил он издателя «Ипокрены» Краснова 19 июня 1918 г., — мне хочется его поблагодарить за статью обо мне»¹⁵⁰. Вскоре Георгий Аркадьевич «нашелся» и в августе-сентябре вместе с женой гостил в Коктебеле у друга. В вышедшем незадолго до того сборнике «Раковина» он анонсировал монографию «Максимилиан Волошин» как «готовящуюся», но ничего более об этом замысле неизвестно. Первая отдельная книга о нем появилась только в 1927 г. — очерк Евгения Ланна, друга обоих поэтов, «Писательская судьба Максимилиана Волошина».

«Владыка Киммерии» благословил первую переводческую работу Шенгели — сонеты Жозе Мариа де Эредиа, рукопись которых была послана в Коктебель из Феодосии 3 октября 1917 г. с просьбой о «тех или других указаниях»¹⁵¹.

«Вы совершили очень почтенный и важный труд. Но, к сожалению, на мой взгляд, совершили его только наполовину, — отвечал Волошин 11 декабря. — Пока Вы утвердили сонетные рифмы, общее течение — оболванили сонеты: теперь надо их отчеканить и отшлифовать: именно этого не хватает в Ваших переводах, а Эредиа весь в шлифовке. Я смотрю на Ваши переводы как на очень солидные черновики будущих прекрасных переводов. Но в этом виде, по-моему, печатать их не следует. Закончить перевод это требует гораздо больше времени и терпения, чем работа над собственным стихотворением. Я позволил себе отметить тоненьким карандашиком те места и слова, которые меня особенно не удовлетворяли, Вы сможете судить по ним о моих приди-

¹⁵⁰ Волошин М. Собр. соч.: Т. 12. С. 140.

¹⁵¹ Письма Шенгели Волошину: ОР ИРЛИ. Ф. 562 (Волошин М.А.). Оп. 3. Ед. хр. 1290; цит. по копиям В.П. Купченко и Р.П. Хрулевой.

«Избранные сонеты» Ж.М. Эредиа в переводе Георгия Шенгели (1920). Обложка
Собрание Л.М. Турчинского

ках¹⁵². В общем я нахожу в Ваших переводах многие брюсовские недостатки. У Вас, как у него, большое мастерство стиха, но у Вас обоих волчьи негнувшиеся шеи и поэтому нет гибкости, необходимой для полного перевоплощения. Часто перевод у Вас точен до буквальности и совсем нет впечатления подлинника, так как, несмотря на буквальность, все валеры¹⁵³ и пропорции нарушены. Брюсов этого часто тоже не чувствует, что буквальность вредит, а все дело в соотношениях»¹⁵⁴.

Это первая профессиональная оценка переводов Шенгели и первый упрек ему в «буквализме». «Все указания Ваши приму и переводы переработаю», — ответил Георгий Аркадьевич в первый день 1918 г. На шлифовку ушли полтора года. В конце 1919 г. или в начале 1920 г. «Избранные сонеты» Эредиа — первое отдельное изда-

¹⁵² Рукопись перевода с пометами Волошина до нас не дошла.

¹⁵³ «От фр. *valeur* — ценность» (примеч. публикатора).

¹⁵⁴ Волошин М. Собр. соч.: Т. 10. Письма 1913–1917. М., 2011. С. 757.

ние переводов Шенгели¹⁵⁵ — увидели свет в одесском издательстве «Омфалос» (последняя книга под этой ныне знаменитой маркой¹⁵⁶) с посвящением: «Максимилиану Волошину с любовью и преданностью этот малый труд посвящаю»¹⁵⁷.

По мнению знатока сонета и исследователя «русского Эредиа» Б.Н. Романова, «Шенгели переводил Эредиа с вдохновенным упорством. Книга представляла читателю именно шенгелиевского Эредиа, с живописью пастозной, отличающейся резкими мазками»¹⁵⁸. Таков «Самурай».

Не помешала ей тончайшая оправа,
В решетчатый бамбук зажавшая струну,
На пляже золотом, сбегающем в волну,
Увидеть вдруг того, кому любовь и слава.

¹⁵⁵ Кроме переводов, выпущенных отдельными изданиями, о которых говорится далее, Шенгели переводил стихи М.Ж. Шенье (Песни Первой французской революции. М.; Л., 1934), Ш. Леконта де Лиля (в сб. «Планер»), Ш. Бодлера (О двух незавершенных работах Георгия Шенгели. Переводы из Омара Хайяма и Шарля Бодлера. Предисл. и публ. В. Перельмутера // Toronto Slavic Quarterly. № 11), М. Роллина (Роллина М. Неврозы. М., 2012), Г. де Мопассана (Мопассан Г. де. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 1. М., 1939), Ж.Б. Клемана, Ш. Боннэ, Э. Делорма, Г. Кремье и Э. Деккера (Антология поэзии Парижской Коммуны. М., 1948), Ф. Энгельса (в сб. «Планер»), О. Хайяма (О двух незавершенных работах...), Л. Украинки (поэма «Роберт Брюс»: Украинка Л. Избранные произведения. М., 1947), Э. Мюзама, П. Тычины, Н. Хикмета, Б. Кербабаяева и др.; пьесы Вольтера «Заира» и «Меропа» (Вольтер. Избранные произведения в одном томе. М., 1938), Б. Кербабаяева «Махтум-Кули» (не опубликована); сохранились фрагментарные переводы Вергилия («Энеида»), У. Шекспира («Король Иоанн», «Ромео и Джульетта»), К. Марло («Эдуард Второй»: Рябова А.А. Русская рецепция Кристофера Марло. Дисс. ... доктора филолог. наук. Саратов, 2014. С. 754–784).

¹⁵⁶ Луцник С. Вениамин Бабаджан. Жизнь и творчество // Бабаджан В. Из творческого наследия. Т. 2. Одесса, 2004. С. 460, 517.

¹⁵⁷ Вместе с позднейшими переводами Шенгели перепечатаны: де Эредиа Ж.-М. Сонеты в переводах русских поэтов. М., 2005. С. 389–432.

¹⁵⁸ Романов Б.Н. Крылатая победа. Жозе-Мария де Эредиа и русский сонет // де Эредиа Ж.-М. Сонеты в переводах русских поэтов. С. 32–33.

С высоким веером идет, и сабля справа,
И алый шнур багрит кирасы желтизну,
И блещет, в плащную впиваясь пелену,
Герб старых Гизенов иль вензель Токунгава.

Прекрасный самурай, одетый в шелк и лак,
В пластины медные, — как черно-алый рак
Гигантски движется вперед по бездорожью.

Вот увидал ее. И в шлем ушла игра
Улыбки сдержанной. Но засияли дрожью
От шага быстрого два золотых пера.

Интерес к поэтическому переводу отразился и в статьях Шенгели. Откликаясь на «Северный изборник» (1918), он отметил, что «худшее впечатление производит эйзлеровский перевод из Хозе Эредиа. Ни знания языка, ни знания требований перевода, ни знания законов сонета. <...> <Моисей> Эйзлер валит в одну кучу в четверостишиях несоизмеримые размеры, рифмует кое-как и не рифмует тоже. А в трехстишиях нет ни размера, ни рифм. Правда, переводят стихи прозой — но тогда дословно, а наш переводчик начал все-таки стихами, заменив речение подлинника “родное костехранилище” словом “родина”. Дальнейшие же трудности оказались, по-видимому, чрезмерными»¹⁵⁹. Речь о сонете «Завоеватели», опубликованном без заглавия; первая строка «Как соколы вне родины летают...». В версии Шенгели, вошедшей в сборник 1920 г., она звучит: «Взлетя, что кречеты от падали родной...». Кроме него лишь два переводчика передали отмеченный нюанс: современник Шенгели Александр Биск («Как с мирных кладбищ кречетов полет...») и наш современник Игорь Бойков («Как покидает оссуарий кречет...»).

Роль переводов, прежде всего из Эредиа и Леконт де Лиля, в становлении Шенгели-поэта еще предстоит оценить. Вспомним слова

¹⁵⁹ Вырезка из газеты «Возрождение» (подпись «Г.Т.») в архиве Шенгели в РГАЛИ.

Дж. Гроссман о Брюсове, которому «предстояло много учиться, и перевод стал отличной школой»¹⁶⁰. На чествовании Валерия Яковлевича 16 декабря 1923 г. в Государственной академии художественных наук (ГАХН) Леонид Гроссман в докладе «Брюсов и французские символисты» сказал: «"Острый галльский смысл", по слову Блока, не только пленил, но и образовал Брюсова. При всем своеобразии его поэтического лица, на нем определяющими чертами легли эти отражения французского гения в его неустанном завоевании новых эстетических ценностей и кристаллической отшлифовке их для всего человечества»¹⁶¹. Сказанное применимо и к Шенгели.

Согласно послужному списку¹⁶², Георгий Аркадьевич с ноября 1917 г. руководил студией стиха в Мастерской стихотворства харьковского Союза искусств (Сумская улица, дом 14). 17 декабря он прочитал здесь лекцию «Алгебра и гармония (о методе исследования произведений слова)».

«Стремление пушкинского Сальери "алгеброй гармонию изменить" <так!> не содержит в себе, конечно, ничего кощунственного, — писал хроникер газеты «Жизнь России». — Правда, однако, и то, что наше время является порою исключительного сальеризма. Изнанке поэтического произведения, скрытому механизму его никогда, на памяти русской литературы по крайней мере, не уделялось столь пристального, столь поглощающего внимания. <...> Доклад Шенгели и был посвящен методам исследования этих приемов. Помимо содержания, докладчик различает в поэтическом произведении еще две формы: внешнюю — "совокупность особенностей метра, ритма и словесной инструментовки" и внутреннюю — "совокупность особенностей образов, грамматической и риторической конструкции". Исследования содержания докладчик в своей лекции не касался

¹⁶⁰ Grossman J.D. Valery Bryusov and the Riddle of Russian Decadence. Berkeley, 1985. P. 48.

¹⁶¹ Гроссман Л. Литературные биографии. М., 2013. С. 504.

¹⁶² РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 220. Л. 54; далее данные списка используются без сносок.

Харьков. Улица Сумская. Открытка. Начало XX в. Частное собрание

вовсе, излагая только способы изучения различных элементов, образующих обе формы. Здесь докладчик продемонстрировал вычерчивание тематического скелета, дав графическое изображение развития основной темы стиха <...> Какой большой любви и терпения требуется здесь от исследователя, свидетельствуют хотя бы те четырнадцать тысяч букв “Египетских ночей” Пушкина, которые исчислял и квалифицировал докладчик¹⁶³. Продолжая «воевать» с Брюсовым, Шенгели собирался посвятить отдельное исследование сравнению его «Египетских ночей» с пушкинскими, но не довел работу до конца — возможно, из-за публикации в «Ипокрене» статьи Владислава Ходасевича «Египетские ночи», а позднее книги Виктора Жирмунского «Валерий Брюсов и наследие Пушкина»¹⁶⁴.

¹⁶³ А.Т.М. «Гармония и алгебра». (Лекция Г.А. Шенгели) // Жизнь России (Харьков). 1917. № 6. 19.12. С. 4; цит. по: Крусанов-2. С. 229–230.

¹⁶⁴ В экземпляре первого издания этой книги (Пб., 1922) из библиотеки Шенгели (ВЭМ) нет никаких помет владельца.

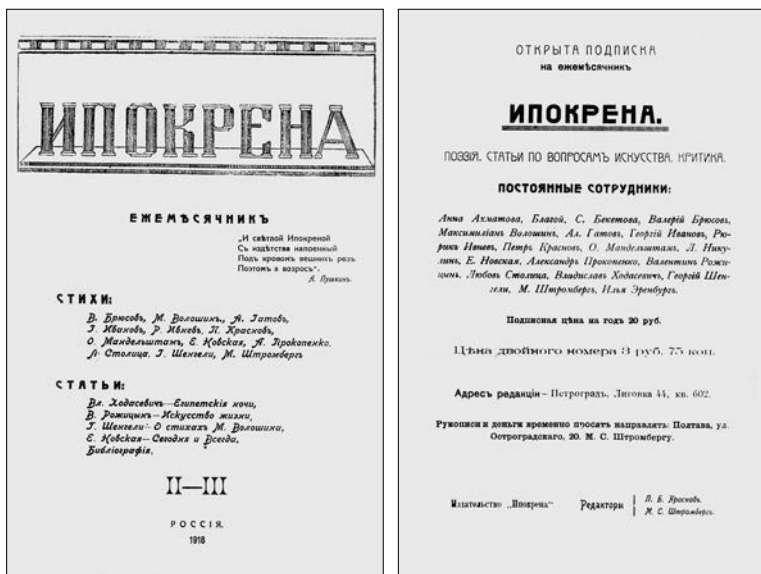
В начале марта 1918 г. мастерские драмы, танца, музыки, живописи, скульптуры и стихотворства отделились от Союза искусств и образовали Харьковский Художественный цех. После защиты в Цехе «письменного утверждения» «Морфология русского шестистопного ямба»¹⁶⁵, опубликованного в журнале «Камена», Шенгели был удостоен звания Мастера по разряду стихосложения. Пробольшевистский журнал «Колосья» откликнулся на появление конкурента разгромной статьей, заявив, что «первый и, несомненно, последний выпуск “Камены” производит впечатление мертворожденного замысла». Укрывшийся под инициалом «Р.», в котором угадывается редактор Валентин Рожицын, рецензент не обошел вниманием нашего героя, который сотрудничал и в его издании. «Г. Шенгели вместо теории поэзии, дает какую-то сплошную алгебру, геометрию и тригонометрию стиха, в которой неученые люди ничего не поймут. Может быть, статистические подсчеты 165 тысяч модуляций Боратынского и Пушкина кому-нибудь нужны, но для нас, простых любителей поэзии, эта вивисекция живого стиха совершенно непонятна. Такие трактаты надо издавать для внутреннего употребления в какой-нибудь академии стихотворчества, а для массы читателей — они пустое место»¹⁶⁶. Поэт Георгий Росимов (Юрий Офросимов) увековечил эти труды в эпиграмме:

Для харьковских изящных вкусов,
От проз презренных вдалеке,
Не как-нибудь, а в сюртуке
Возник сих мест унылый Брюсов,
И для младенческих утех
Открыл он стиховодства цех¹⁶⁷.

¹⁶⁵ Камена (Харьков). 1918. № 1. С. 30–40. Иронический отклик на эту статью и «Два “Памятника”»: Горнфельд А. Художественное слово и научная цифра // Литературная мысль. Пг., 1923. С. 163–170.

¹⁶⁶ Вырезка в архиве Шенгели в РГАЛИ с пометой «Журн. “Колосья”, Харьков, 1918».

¹⁶⁷ Гроси. Орехи с елки // Хоровод (Харьков). 1918. № 1. С. 19. Сообщил А.Л. Соболев.

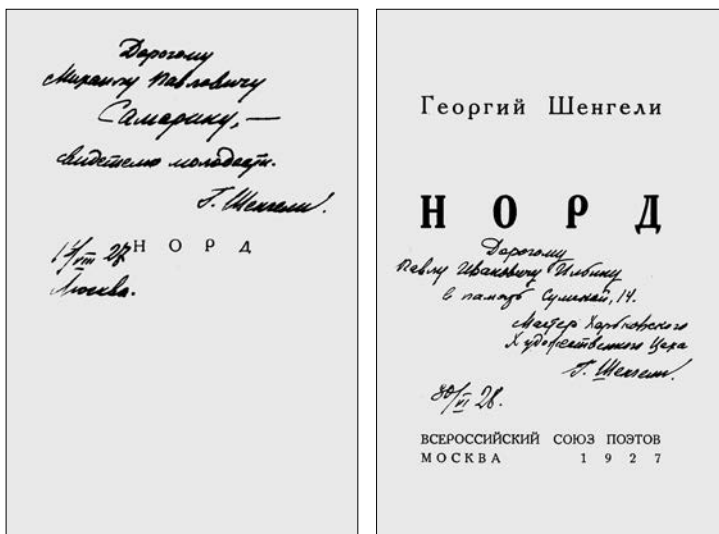

Журнал «Ипокрена» (1918. № II—III). Обложка

«Кажется единственное в России начинание», — сообщил Шенгели об этом Волошину 1 января 1918 г., делясь творческими планами: «Работаю над “Трактатом о стихе”, разрастающимся в 500-страничный том¹⁶⁸, перевожу Леконт-де-Лиля <...> пишу поэму на известный сюжет борьбы Ормузда и Аримана, лирика же — в загоне». В течение 1918 г. он выпустил сборник «Раковина», написал «Еврейские поэмы» и драматическую поэму «Сальери», увидевшую свет лишь недавно.

В первые послереволюционные годы Шенгели сотрудничал в журналах — преимущественно харьковских — «Колосья», «Ипокрена», «Камена», «Пути творчества», «Парус», «Творчество». В отличие от стихов, его критическая проза (в том числе под псевдонимами «Г. Таманин» и «Г.Т.») не собрана, не изучена и почти не использована

¹⁶⁸ На обороте титульного листа «Раковины» указано, что «Трактат о стихе» «выйдет в январе 1919», но лишь первая его часть «Органическая метрика» увидела свет в 1921 г.

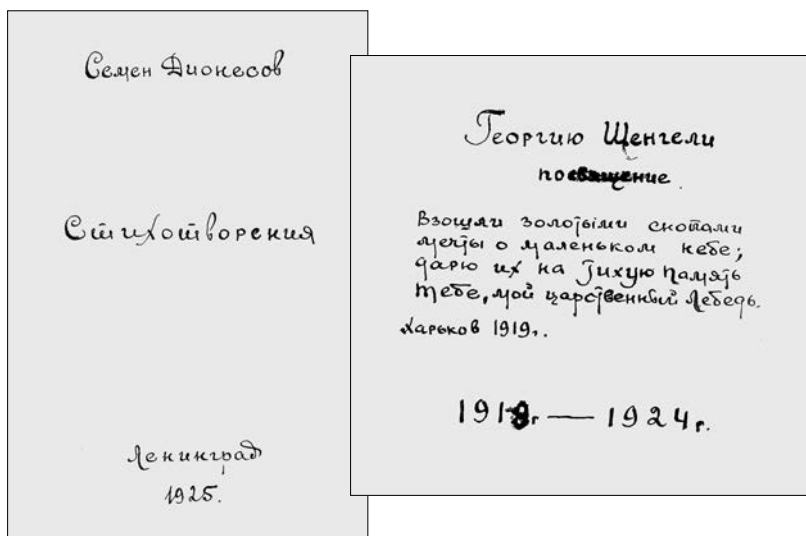

Инскрипты Георгия Шенгели на книге «Норд» (1926)
 Михаилу Самарину на авантитуле,
 Павлу Ильину на титульном листе

в современной литературе. В рецензии на сборник стихов Владимира Маккавейского — знаковой фигуры «русского (или, во всяком случае, южно-русского) Парнаса» 1910-х годов — «Стилос Александрии» (1918) он отметил «стремление быть мудрым и каждое слово насытить подчеркнутой значимостью», «уме<ние> дать выразительную, лапидарную формулу, которая искупает грехи ее обставших речений», «многообразие ритмической конструкции» наряду с «погоней за изысканной рифмой», «заботливостью об инструментровке, назойливой и поверхностной» и «колючими варваризмами»¹⁶⁹.

Среди новых знакомых — встреченный в Коктебеле Владислав Ходасевич, Григорий Петников, возглавлявший Литературный комитет при Всеукраинском отделе искусств, филологи Александр Белецкий и Михаил Самарин, режиссер Павел Ильин — глава Художест-

¹⁶⁹ Творчество (Харьков). 1919. № 2. С. 32.

Семен Дионесов. Рукописный сборник «Стихотворения» (1925),
подаренный Георгию Шенгели. Титульный лист
Посвящение к рукописному сборнику «Стихотворения»

венного цеха и будущий основатель Ансамбля красноармейской песни и пляски¹⁷⁰. Некоторые стали друзьями Шенгели на всю жизнь.

Живший в Харькове, служивший в литературном комитете городского отдела народного образования и, видимо, занимавшийся в студии Цеха, 18-летний стихотворец Семен Дионесов в 1919 г. посвятил Георгию Аркадьевичу следующие строки:

Взошли золотыми снопами
мечты о маленьком небе;
дарю их на тихую память
тебе, мой царственный Лебедь.

В 1925 г. Дионесов, переселившийся в Ленинград и избравший медицинскую карьеру (впоследствии он стал доктором наук и профессо-

¹⁷⁰ Экземпляры сборника стихов Шенгели «Норд» с инскриптами Самарину и Ильину: ВЭМ.

ром), приехал в Москву и поднес Шенгели рукописный поэтический сборник¹⁷¹. Ему же посвящено стихотворение, датированное «Москва. 1923»:

Этот вечер осенний так страшен и нем —
— только сизая мгла без конца, —
словно призрак: огромный, заржавленный шлем,
за которым не видно лица.

Но не бойся: о всем позабуди и бреди
в непонятную чуждую даль,
чтоб холодное сердце звенело в груди,
как звенит закаленная сталь.

И следи все, что было, что будет, что есть,
без желаний, без веры, без слов,
преломляя и Радость, и скорбную Весть
в четких призмах стеклянных зрачков.

И осенним туманам, и взмывам пурги
подставляя бесстрастную грудь,
исчисляя ударами пульса шаги,
ты окончишь назначенный путь.

Вышедшая в Керчи «Раковина» (72 страницы, 50 стихотворений, включая 2 перевода) открыла читателю нового Шенгели, прошедшего путь, как он сказал в первом стихотворении «Две книги», «от вкрадчивого бронзового Гонга до Раковины, твердой и простой». Определения кажутся странными: в «Гонге» нет ничего «вкрадчивого», в «Раковине» — «простого». «Простой», согласно выходным данным, была разве что бумага, использованная для основного тиража 1100 экз. Еще 100 нумерованных экземпляров отпечатаны на ватманской бумаге (видеть такие мне не приходилось), которую Шенгели вспомнил в стихотворении «Жизнь» (1943): «Она мундштук подарит мне янтарный // И том стихов на ватмане издаст».

¹⁷¹ ВЭМ; опубликован: Семен Дионесов. «Мечты о маленьком небе...» / Предисл. и публ. В.Э. Молодякова // Тихие песни. Историко-литературный сборник к 80-летию Л.М. Турчинского. М., 2014. С. 204–218.

«Раковина» (1918). Обложка

Половину новой книги составили сонеты, обильно писавшиеся с 1916 г., причем самые что ни на есть «парнасские». В них звучат мотивы Эредиа и Леконт де Лиля, книги переводов из которых анонсировались в «Раковине» как «готовящиеся» (вторая объявлялась и позже, но не вышла). Перевод «Слонов» Леконт де Лиля, ранее опубликованный в «Ипокрене», посвящен Волошину — и бросает вызов брюсовской версии, появившейся десятилетием раньше. «Получил предложение издать небольшую книгу сонетов, — писал Шенгели 18 марта 1918 г. Волошину, — но не могу отважиться. Хотел обратиться к Вам с просьбой просмотреть ее манускрипт — всего 28 сонетов — и “дать заключение”, да боюсь, что я слишком надоедаю Вам». «Мне очень хотелось бы познакомиться с рукописью Вашей новой книжки сонетов», — ответил старший друг 15 мая из Коктебеля¹⁷².

¹⁷² Волошин М. Собр. соч. Т. 12. С. 101.

Поэт сам чувствовал радикальное изменение своей манеры и, риску предположить, считал это взрослением:

Я полюбил спокойность и прохладу.
Я полюбил бумаги белизну.
И к пенью слов, к их вдумчивому ладу,
отрадно так и навсегда прильну.
Поэзии суровый математик,
я вычислил всё то, что мне дано,
и эта Раковина — мой крещатик,
где иппокрены пенится вино.

В «Раковине» он предстал не просто зрелым, сложившимся мастером — это тот Шенгели, которого знает читатель, то, что ассоциируется с этим именем у любителей поэзии. Не случайно через четыре года он дал то же самое заглавие новой книге — первому большому собранию стихов, с которым предстал перед московской публикой и с которого началась его известность в масштабе страны, во всяком случае среди читающих стихи. Однако уже в первую «Раковину» вошли такие стихотворения, как «Босфор Киммерийский», «Огонь и глина», «Скифия», «Самарканд», «Корабль», «Сенат», «Словарь»:

Коринф. Коричневый. Коринка. Кари́й.
Колье гортанно прозвучавших слов.
Отраден мой сегодняшний улов:
Мир и словарь, — как море и акварий.

Разглядывай резьбу радиолярий
Не под покровом громовых валов,
Но в хрустале недвижимых слоев,
И бережливым будь, что антикварий.

Так в малом целый познается мир.
Так в блеске золота раскрыт Офир,
И слово легкое — стигмат вселенной.

Люблю слова, певучую их плоть:
Моей душе, неколебимо пленной,
Их вестниками воли шлет Господь.

Вещи, которые автор исключил при переиздании, возможно, казались ему недостаточно «парнасскими», несоответствующими новой манере. Современному читателю они в основном неизвестны, хотя в них слышны не только «старая манера» «Гонга», но и более мягкие, лирические мотивы, которые зазвучат в поэзии Шенгели в середине двадцатых годов.

Наваленные на пол книги
и узенькая дверь балкона
в сиянии раннего апреля
топазово осветлены.

И полн классического хмеля,
подъемлю звонкие вериги,
и книги для меня — икона
сквозь ясный фимиам весны.

И ясным я живу поэтом,
и дух ничем не затуманен,
читаю о делах героев,
спокойно голову клоня.

И с розовеющих обоев
под юным пушкинским портретом
Эредиа и Северянин
так бодро смотрят на меня.

В «Раковине» много посвящений друзьям и собратьям по перу: Ланну, Рыжкову, Станкевичу, Мандельштаму, Гатову, будущему литературоведу Дмитрию Благому, товарищам по сборнику «4» (1917), куда стихи дал «сам» Северянин, — Дионису («в миру» Михаилу Викторовичу) Помренингу и Александру Прокопенко. При переиздании все они исчезли¹⁷³. В экземпляре книги, принадлежавшем

¹⁷³ «Синим, с нажимом, вымараны многочисленные посвящения», — описывает В.Г. Перельмутер «рабочий» авторский экземпляр первой «Раковины» (ныне в библиотеке ГЛМ): *Перельмутер В.* О стихах и о жизни Георгия Шенгели // *Шенгели Г.* Избранное. М., 2013. С. 27.

ученице Шенгели по харьковской студии стиха Анастасии Александровой, над стихотворением «Поэт» ее почерком вписано посвящение «О. Мандельштаму» — полагаю, со слов автора¹⁷⁴:

Одет монашески и коротко острижен,
по миру шествуя легко и не спеша,
прямолинейною иглой карандаша
он вносит в книжечку слова церквей и хижин.

И целомудренным размером освещен,
и умной скупостью расчисливая краски,
для ткани будущей сплетения и связки
в устоях каменных натягивает он.

И треугольником скульптурного отвеса
по уравнениям разметивши слова,
ведет нетленный стих. И пламенно жива,
взвиваясь к небесам, священная завеса.

Откликаясь на выход «Раковины», Михаил Самарин писал:

«Два издания выдержал “Гонг” — сборник стихов того же поэта, вышедший в 1916 г., но он был обилён заимствованными мотивами, порой слишком пестрыми, порой обработанными с досадной поверхностностью, и этим сильно ослаблялось впечатление от разнообразных опытов в области ритма, которыми “Гонг” так по-молодому звучен. В самом деле — без труда в нем угадывались беспокойные искания, ими сборник был интересен как обещание, данное поэтом читателю, и вот через два года обещание вырощено и названо “Раковиной”!

Первое впечатление, остающееся от этого сборника, говорит за то, что его автором сделан большой путь. От проверки впечатление только крепнет, когда выясняется, например, что из пятидесяти стихотворений сборника половина облечена в форму сонета — факт, разумеется, не случайный и особенно интересный, принимая во внимание расплывчатость формальных задач “Гонга”.

¹⁷⁴ ВЭМ. Другие ее пометы, включая отчеркнутые и вычеркнутые строфы, могут отражать суждения Шенгели о своих стихах и заслуживают изучения.

Если мудрое самоограничение всегда указывает на ценную зрелость мужающего таланта, то “Раковину” по справедливости надо считать книгой, много говорящей об этой стороне творчества Шенгели, так как самоограничение, заметное в настойчивой работе его над сонетом, не менее заметно и в выборе мотивов, и в неуклонной воле придавать образам четкую по-старинному скульптурность, вполне благородно соединяющуюся с энергичным лаконизмом в “замках” некоторых сонетов.

Юношеские тяготения к банальному экзотизму, доверчивость к непрочной новизне — всё это “вчера” нашей поэзии, характерное для “Гонга”, видимо, раз навсегда поэтом преодолено, не однажды взвешенное, а в большинстве безвозвратно изжито. Незыблемыми в этом отливе влияний остались только монументальные имена Пушкина, Леконт де Лиля и Эредиа. Только с ними не захотел расстаться поэт и тем самым дает особенно право думать, что если “Гонг” — ценное обещание, то “Раковина” — верный залог его будущего»¹⁷⁵.

«Имя “Раковина” принадлежало и книге Осипа Мандельштама, впоследствии, насколько помнится, переименованной в “Камень”», — писал «Петроний», он же Петр Краснов. — Совпадение этих двух книг по имени — не случайно: и Мандельштам, и Шенгели являются отраженным светом Эредиа, от которого “Раковина” и берет свое начало. Но оба эти поэты <так!> идут дорогами разными; Шенгели остался ближе к своему учителю.

Если поставить пред русской поэзией такие вехи: “Научное ее содержание; познавательные идеи, облеченные в чувственные и эмоциональные образы; реализм — в смысле самоограничения в пределах эмпирического мира”, — то надо сказать: Шенгели этими вехами идет твердо, не уклоняясь.

Шенгели — высокий форматор стиха: это видно из сонетов, коими обильна его книга. Это видно из размера мягких перекастных

¹⁷⁵ Новая Россия (Харьков). 1918. № 3. 12.12 (вырезка в архиве Шенгели в РГАЛИ).

колыханий, коему подчинено стихотворение “Барханы”, — размера впервые встречающегося у него.

Но Шенгели не совсем прав, определяя себя “суровым математиком поэзии”, размечающим слова “треугольником скульптурного отвеса по уравнениям”. Мы видим, что по страницам “Раковины”, в отличие от легковозного “Гонга”, кое-где перебегала подлинная слеза. Уютный теплый дым “задумчивого табака” реет над этими страницами, дым мечтательности, когда земля становится библией и “небо — храмом”. Шенгели одержим глубокой влюбленностью в слово, и потому только, что оно отсвечивает для него радугой. Он любит в слове его живой и сочный плод, мякоть его, при неумелом и грубом обращении теряющую “молоко струей”. Шенгели умеет осторожно обращаться со словом. <...>

Сейчас для Шенгели Северянин уже изжитое влияние. Эта ошибка теперь ему прощена. Тем более, что фактически в нем Северянина вытеснил поэт подлинный, славный потомок Эредиа, певец “темной страны Киммерии” — Максимилиан Волошин¹⁷⁶.

В другой харьковской газете на книгу откликнулся Александр Станкевич:

«Закрывая серую обложку, находишь искрящиеся краски, много солнца и тонко граненых образов. От вкрадчивого бронзового “Гонга” до “Раковины” “твердой и простой”, конечно, пройден путь, но еще значительней он от тех первых сборников стихов поэта, где приходилось отмечать дешевую дерзость и претенциозную напыщенность. <...> Прежний Шенгели не написал бы это простое: “Пужинава холодной кашей, — теперь война и хлеба нет”. <...> Земля милая и близкая вместо далекой звезды. Живое слово, вместо бирюлек, вместо “чопорного разгула” скуки и претенциозности. <...> Ярко, красочно, почти чеканно многое. И все-таки минутами охватывает смущение: какое пиршество глаз! Поэт видит. Может быть, пока только

¹⁷⁶ Вырезка в архиве Шенгели в РГАЛИ с пометой «Харьков. 1918. “Накануне”».

видит, и второй этап, который нужно пройти, это — почувствовать, внести больше души, лиричности, томящегося и томящего чувства. Нужно увлечься. Нужно найти и такие образы и такие темы, о которых можно петь с горячеей, покоряющей взволнованностью»¹⁷⁷.

Однако пробольшевистский харьковский «журнал свободного творчества и независимой мысли» «Прометей» в следующем году посвятил «Раковине» глумливый отзыв С. Разина (псевдоним?):

«Не “вино ипокрены”, а капельки мутной высыхающей влаги достались Шенгели в бедной раковине творчества, выброшенной на берег его скудного воображения. <...> После “Гонга”, имевшего некоторый успех и, казалось, давшего право говорить о талантливости начинающего автора, “Раковина” — это разочарование, это недвусмысленные точки над *i*, утверждающие новую (о, которую!) поэтическую посредственность. <...> Старательный выученик великих мастеров, Шенгели не сумел до сих пор обрести своего поэтического лица, и в стихотворениях его отразился плоский (двух измерений) отпечаток чужих достижений и собственного бессилия. Живою водою вдохновения не осыяти Шенгели грузный и мертвый ворох слов, насильственно втиснутый в строгие рамки сонетов. Манерные и бездушные, так и не претворились в лирику его стихотворные строки. Строго вычислены точки горизонта, самых дальних касаний, за которые не смеет переступить тепличное дарование поэта. Но и в сфере доступного, не выходя “за пределы предельного”, связанным, несвободным творцом выпиливает Шенгели, как по дереву, скупое и нудное, свои однообразные строки. И неприятна излишняя нарочитость его в выборе изысканных экзотических тем. <...> “Поэзии суровый математик” просчитал что-то в сокровенном последнем итоге. Его математика не спасла поэзии»¹⁷⁸.

¹⁷⁷ Вырезка в архиве Шенгели в РГАЛИ с пометой «“Южный край”. Харьков. 1918».

¹⁷⁸ Прометей (Харьков). Вып. 1. 1919. С. 118–120.

«Еврейские поэмы» вышли в 1919 г.¹⁷⁹ в харьковском издательстве «Гофнунг», очевидно, связанном с газетой «Утро Юга»: на задней обложке указан не только адрес склада газеты, но и книга «Д. Сибирякова» «Женщина в русской революции». На 28 страницах мелованной бумаги поместились набранные «в подбор» 17 стихотворений, включая переложения из Ветхого Завета, и 2 перевода из Элиши Родина, первую книгу которого на идиш «Стихи и поэмы» годом раньше выпустило «Гофнунг». Обстоятельства возникновения «Еврейских поэм» неизвестны, за исключением фразы в одной из автобиографий: «Назвал, подражая Байроновым "Еврейским мелодиям"»¹⁸⁰. Восемь «парнасских» сонетов в роде «Экклезиаста» органично смотрелись бы в «Раковине», так что можно говорить о несомненной связи между двумя книгами.

Закат отбагровел над серой грудой гор,
Но темным пурпуром еще пылают ткани,
И цепенеет кедр, тоскуя о Ливане,
В заемном пламени свой вычертя узор.

И черноугольный вперяя в стену взор,
Великолепный царь, к вискам прижавши длани,
Вновь вержет на весы движенья, споры, брани
И сдавленно хулит свой с Богом договор.

Раздавлен мудростью, всеведеньем проклятым,
Он, в жертву отданный плодам и ароматам,
Где тление и смерть свой взбороздили след, —

Свой дух сжигает он и горькой дышит гарью.
— Тростник! Светильники! — и нежной киноварью
Чертит на хартии: Всё суета сует.

Переиздавая «Еврейские поэмы» годом позже в Одессе, Шенгели исключил переводы и переложения ветхозаветных текстов, придав книге более «авторский» характер. По мнению рецензента жур-

¹⁷⁹ В «Раковине» анонсировались как выходящие в октябре 1918 г.

¹⁸⁰ РО ИМЛИ. Ф. 190 (Шенгели Г.А.). Оп. 1. Ед. хр. 13; далее цит. без сносок. Судя по содержанию, написано в 1927 г.

«Еврейские поэмы» (1919). Обложка
 «Еврейские поэмы». Второе издание (1920). Обложка

нала «Лава», она «дает полное представление о том нео-классицизме, который вылупил из скорлупы акмеизма. <...> Поэт продуманно-скупко роняет слова, ревниво оберегая целомудрие речи. И в этом, быть может, главное значение книги. “Пятикнижие” слов достигается еще тем языком, который принято называть архаическим, но который таит в себе не только благоухание, но и душу веков»¹⁸¹.

II

Советскую власть на Украине, после немцев, «гетманщины» и «директории», Георгий Аркадьевич принял: поначалу она способствовала литературной деятельности, хотя некоторые тенденции ему сразу

¹⁸¹ Лава. 1920. № 2. С. 32; цит. по: *Тименчик Р.Д.* К вопросу о библиографии В.И. Нарбута // *De visu*. 1993. № 11. С. 57 — где предположительно атрибутировано Нарбуту.

не понравились. «Хочется хоть в литературном журнале отдохнуть от большевизма», — признался он Волошину 1 января 1918 г. по поводу выступлений Рожицына в «Ипокрене». «В руках пролетариата, — без околичностей заявил последний годом позже, — имеется могущественный аппарат классовой диктатуры — насильственный способ: все способы творчества для людей, не примыкающих к Советской власти, запрещаются. Это не варварство. И раньше была монополизация. Не возник новый деспот, а на смену одному явился другой». Сказанное с полным одобрением происходящего вызвало протест даже у сторонников революции. «Поскольку вы желаете установить диктатуру в искусстве, вы соглашаетесь разрушить больше, чем создано, во имя определенных классовых целей. <...> Вместо диктатуры пролетариата и трудящихся классов вы предлагаете диктатуру над пролетариатом»¹⁸², — ответил ему левый эсер Яков Браун, критик и публицист.

Не принимая участия в подобных дебатах, равно как и в схоластических дискуссиях о том, что такое «пролетарское искусство», Шенгели переводил разговор «на деловую почву» — к обучению мастерству, нужность которого тоже стала предметом споров. «Для нас основное господствующее значение имеет содержание литературного творчества пролетариата, — утверждал профсоюзный «культпросветчик» Авраам Бейлин. — Мы придаем форме второстепенное значение. Она для нас не важна». «Надо создать технический аппарат и передать его в руки пролетариата», — высказался партийный журналист Яков Черняк. «Надо поднять знамя борьбы за новый прием, — парировал близкий к футуристам молодой поэт Натан Венгров. — Надо показать, как поворачивается слово в стихе, надо показать, что такое работа над словом как материалом, надо показать, что стихи, печатаемые теперь в газетах как пролетарское творчество, — позор и поклеп на пролетариат»¹⁸³. Надо создать немедленно школы художе-

¹⁸² Классовое творчество и диктатура пролетариата. Харьков, 1919. С. 63, 66–67.

¹⁸³ В той же дискуссии Рожицын назвал Демьяна Бедного «пьяным илом том поэзии».

Сборник «Классовое творчество и диктатура пролетариата» (1919). Обложка

ственного слова для рабочих, передать им все ценности, приобщить их тем техническим знаниям, которых они не имеют виной исторических и социальных причин». «Надо преподавать пролетариям технику искусства, — суммировал Владимир Маккавейский. — Преподавать будем мы, люди старого искусства, не вопреки этому обстоятельству, а именно в виду его, ибо они, люди новые, тем и новы, что этого не знают, а мы потому и знаем, что “стары”, опытни и изощрены»¹⁸⁴.

Работа Шенгели согласовывалась со словами двух последних ораторов. «Жизнь кипит. Есть возможность строить литературу, театр. <...> Чувствую себя бодрым и деятельным, как никогда», — писал он Волошину 27 апреля 1919 г., в очередной раз приглашая того

¹⁸⁴ Классовое творчество и диктатура пролетариата. С. 8, 9, 15, 21. В дискуссии приняли участие Илья Эренбург, Лев Никулин, Григорий Петников, Бенедикт Лившиц, Михаил Семенко, Семен Родов, Юрий Терапиано, Мане Кац, Лев Шестов и другие «товарищи».

приехать в Харьков читать лекции и писать для местных журналов. За время недолгой (декабрь 1918 — февраль 1919) службы заведующим информационно-статистическим отделением Украинского отдела Центропечати (его сослуживцем был бывший акмеист, а ныне большевик Владимир Нарбут) Георгий Аркадьевич съездил в командировку в Москву, где встретился с Брюсовым, Бальмонтом, Вяч. Ивановым и Мандельштамом.

«В это время уже вышла моя брошюра о “Двух ‘Памятниках’”, и я не без трепета шел к поэту. Но Брюсов принял меня с безупречной любезностью, — о брошюрке ни слова, — много расспрашивал об Украине, о германской оккупации, о моей работе. <...> Сам он осунулся и похудел.

— Не думаете ли съездить на Украину, отдохнуть, подкормиться? — спросил я.

— Нет. Здесь так много работы и настолько интересной, что и думать нельзя об отъезде.

Он показал мне на широкий диван, весь заваленный новыми сборниками стихов. Тоненькие брошюрки на серой бумаге пестрели неизвестными мне именами. <...> Я рассказал о моей студии стиха в Харьковском художественном цехе, и Брюсов тщательнейшим образом расспрашивал меня о подробностях и охотно дал несколько своих стихотворений для журнала, издаваемого Цехом¹⁸⁵.

Я пытался выяснить его отношение к основным событиям эпохи. Брюсов неохотно говорил на эти темы. Чувствовалось, что для него не все приведено в ясность, что в иных вопросах он двоится. Но в то же время было ясно, что он весь переполнен ощущением грандиозного, весь наэлектризован энергией революционной эпохи. А наряду с этим — мучится творческой неуверенностью: ищет и не находит в себе слов и образов, достойных великой эпохи. Я понял, что его культур-

¹⁸⁵ 2 мая 1919 г. Шенгели писал Брюсову из Харькова с предложением о сотрудничестве в журнале «Творчество», который охарактеризовал как «единственный в России свободный литературно-художественный орган», однако произведения Брюсова там не публиковались: ЛН. Т. 98. Кн. 2. М., 1994. С. 543.

трегерство, кипучая организационная деятельность — лишь суррогат творчества.

Я расстался с Брюсовым, испытывая болезненное чувство: мне жаль было великого поэта, явно переживающего творческий кризис, осознавшего исхоженность прежних путей и мучительно ищущего новых».

В феврале 1919 г. Шенгели возглавил Харьковский губернский литературный комитет и в этом качестве, как позже писал в мемуарах о Брюсове, устраивал «литературные чтения на фабриках и заводах — в цехах, среди станков, в минуты обеденного перерыва». Вероятно, одно из таких чтений зафиксировала газетная хроника — доклад «О поэтах революции» 28 марта в клубе Карла Либкнехта¹⁸⁶. В мае он был откомандирован на должность «комиссара искусств» в Севастополь. Эту «службу», едва не закончившуюся трагически, описала в мемуарном очерке большевичка Мария Заславская:

«Впервые я его увидела в дверях канцелярии Севастопольского Горно. Ему двадцать пять лет. Он в расцвете своих физических и творческих сил, и он был обворожителен.

Высокая и стройная фигура гармонировала с милым, выразительным лицом, смотревшим весело и приветливо, горящими темными глазами, ясной улыбкой на ярких пунцовых губах.

Он просит секретаря срочно собрать коллектив отдела искусств. На собраниях в те времена присутствовали все сотрудники от технических, кончая комиссарами.

Георгий Аркадьевич выслушивал внимательно и уважительно всех, подчеркивая всем своим поведением, что ему важно мнение каждого сотрудника. Уборщицу он выслушивал с не меньшим вниманием, чем специалистов.

На его заседаниях, обычно, присутствовали все. Отсутствующих не бывало.

¹⁸⁶ Извещения // Известия (Харьков). 1919. № 78. 28.03. С. 5; цит. по: Крусанов-2. С. 235.

Через пять минут уже все сидели на скамьях зала заседаний.

На повестке обсуждалась организация музыкальной школы. Рассмотрение списка будущих учащихся проходит быстро и гладко. Вдруг раздается неожиданная реплика:

— Не стоит брать в училище детей буржуазной сволочи!

— Неужели мы поступим, как буржуазия? Мальчик — сирота. Оттолкнем мы его — он своим необычайным голосом будет служить интересам буржуазии; воспитаем мы его — он будет служить революции, — спокойно и убедительно возразил Шенгели.

И мнение его победило.

Георгий Аркадьевич сумел всех увлечь работой. Всюду виднелась его высокая, стройная фигура.

Музыкальная школа, клубы, театр, литературные студии, лекции, беседы — весь конгломерат культурных мероприятий вызваны им к жизни.

Жизнь кипит! Георгий Аркадьевич постоянно с массами, вызывает общую симпатию, расположение и стремление ему помогать.

И вдруг надо спешно уходить!»¹⁸⁷

В июле «красные» покинули Крым. В суматохе Георгий Аркадьевич успел съездить в Керчь, где «последний раз видел братьев», как лаконично сказано в автобиографических заметках.

«Через два дня вошли белые. Начались жестокие репрессии. То и дело доходили слухи об арестах товарищей, не успевших или не сумевших уйти. Беспokoюсь о Шенгели и ищу кого-нибудь из товарищей, оставшихся в подполье». «Тов. Иванов — большевик, который не мог эвакуироваться по семейным обстоятельствам» поручил Заславской «достать паспорт для Шенгели» и дал задание:

«Завтра к 10 часам утра пойдете в аллею вздохов на бульвар, а когда он будет вас обнимать, положите ему паспорт в один из карманов. Ясно?

¹⁸⁷ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 285. Л. 14—23; далее цит. без сносок.

— А где же я возьму паспорт?

— Свяжитесь с с-рами, меньшевиками. Они Вам помогут.

— А если я не сумею достать?

— Вы должны достать! “Не” не может быть! Поняли! Всё! Вам надо уходить. Опасаюсь, что за мной следят».

Помог левый эсер Иван Гапонов, доставший чистый бланк настоящего паспорта и настоящий паспорт в качестве образца для заполнения.

«Надо только вписать имя Шенгели и год рождения. Пусть это он сделает сам. Сестра Гапонова была паспортисткой в милиции и, уходя оттуда, унесла пять таких паспортов.

Прошу его дать мне оба паспорта. В светлом вестибюле почты Гапонов мне передает оба паспорта, и мы прощаемся.

В аллею вздохов я, конечно, прихожу за целый час раньше срока.

Приморский бульвар при спуске к морю имел три этажа. Из одной боковой аллеи, получившей название “аллеи вздохов”, шел под мостиком спуск ко второй — широкой круглой площадке. Аллея вздохов — место свиданий. Вечером и ночью по ней бродят влюбленные.

Утро пасмурное и предвещало серый туманный день.

Нервно хожу по аллее.

— Неужели не придет? Всё пропадет впустую... Становится досадно. Самое трудное было достать паспорт. Как хотелось выполнить задание! Не скрою, приятно и свидание с Шенгели, хоть и на деловой почве.

Делаю не менее десяти туров, как вдруг, кто-то сзади меня осторожно обнял... Быстро оборачиваюсь и очутилась в его объятиях. Он! Протягиваю руку в направлении кармана его бархатной куртки, но не достаю. Он весело засмеялся, взял у меня пачку с паспортами. Сели на рядом стоявшую скамейку. Прислоняюсь к нему с нежностью любящей, тихонько посвящая его в историю обоих паспортов. Он тут же возвращает мне паспорт Гапонова.

Ничто в его поведении не намекало на смертельную опасность, грозившую ему, если бы нас накрыли.

Мой вид, молодой девушки, маленькой и хрупкой, вполне удовлетворял требованию к объекту любовного свидания и не мог вызвать никакого сомнения.

Он вынимает из бокового кармана свою книжечку “Два ‘Памятника’” (Пушкина и Брюсова) и дарит мне. Надпись он сделал еще дома. Осторожно обнимает меня, почти не касаясь, чтобы не оскорбить моей девичьей скромности, в меру, необходимую для наблюдателя. Полагая, что наше свидание было уже достаточной длительности, чтобы убедить в его любовности, мы, наконец, поднялись, вместе дошли до ворот бульвара и разошлись в разные стороны.

Лишь спустя тридцать лет мы встретились.

Заполняя паспорт, Георгий Аркадьевич написал вместо даты рождения дату выдачи паспорта.

Юнкерский патруль, по пути в Керчь, обратил внимание на нелепость записи. Георгий Аркадьевич заявляет, что эту ошибку паспортистки он сам заметил, но побоялся сам исправить. Своим невозмутимым видом, спокойствием, он заставил юнкера, командующего патрулем, поверить, и тот его мирно отпустил, посоветовав немедленно обменять паспорт».

Георгий Аркадьевич стал «Валентином Сергеевичем Якубовым» и сохранил паспорт как реликвию. В сентябре 1949 г. он встретил Заславскую и помог ей — выписал «справку» о давней истории, которая понадобилась «для одного из прозаических дел, случавшихся с многими из нас в течение нашей жизни». Полагаю, речь шла о проблемах с «компетентными органами».

Паспорт надо было срочно менять. В Керчи Шенгели сразу отправился — согласно «Черному погону», но это все же роман, а не мемуары, — к ближайшему гимназическому другу «Шурке». Тот был сыном протоиерея Владимира Григорьевича Станиславского — настоятеля Свято-Троицкого собора, благочинного церквей Керченского округа, председателя окружного миссионерского комитета и члена еще

полдюжины комитетов. В романе Георгий Аркадьевич вывел его под именем отца Алексея по прозвищу «кардинал Босфорский» — сибарита, картежника и златоуста: «Он слывет в городе духовным витией. <...> Ему дана не логика, не риторический блеск, не страстность, — ему дана интонация, обволакивающая и внушающая. Если бы он в свое время постригся в монахи, — быть бы ему митрополитом».

После занятия Керчи «красными», когда город захлестнула волна репрессий и грабежей под видом «изъятия излишков у буржуазии», некто написал донос на протоиерея Станиславского, избранного в переходный период главой городской думы: «Блестящий оратор и сердцеед всех керченских вдовушек и т. д. фанатично настраивает все бабское население города. <...> Станиславский человек очень умный, ловкий и остроумный, нос держит по ветру. Безусловно, контрреволюционер». 28 декабря 1920 г. священника арестовали по обвинению во враждебном отношении к Советской власти, в агитации и вооруженном подавлении восстания рабочих в 1919 г. 25 января 1921 г. Революционный военный трибунал восточного побережья Крыма, руководствуясь «социалистическим правосознанием и революционной совестью», приговорил его к расстрелу. Доказать причастность подсудимого к подавлению восстания не удалось: он лишь устроил крестный ход в благодарность за «избавление» города — поэтому, «принимая во внимание полную победу Российского пролетариата, не мстящего своим классовым врагам, обезврежденным и раздавленным силой советской власти», казнь заменили лишением свободы на 20 лет «с принудительными работами в Донецком Бассейне».

«Решением суда граждане Керчи были недовольны, и постановление суда некоторое время не выполнялось. Давление керченской общественности, поднявшейся на защиту любимого священника, — пишет его биограф Н. Доненко, — удерживало керченскую администрацию от немедленного исполнения приговора. Врач дома заключенных поставил диагноз, в силу которого протоиерей Владимир Станиславский не может быть отправлен этапным порядком в Донбасс на принудительные работы. Благодаря общественным усилиям

и учитывая состояние здоровья, священника Владимира Станиславского по амнистии 10 мая 1921 г. освободили». Пережитое подкосило «кардинала Босфорского», еще недавно полного сил и здоровья, и через несколько месяцев он умер¹⁸⁸.

К этой печальной истории В.Ф. Санжаровец сделал ценное дополнение. «В материалах керченского ревкома случайно обнаружили отдельные листы из журнала заседаний городской думы. Они были использованы вторично из-за нехватки бумаги. Парадокс, но именно эти записи на обороте новых советских документов могли послужить смягчающими вину обстоятельствами, будь следователи заинтересованы добиться истины. Дело в том, что на внеочередном собрании Керчь-Еникальской городской думы от 13 ноября 1920 г. ее председатель В.Г. Станиславский выступил с речью, поддержав решение думы не эвакуировать городской общественный банк, заявив при этом, что "все имущество и все ценности не должны быть вывезены неизвестно куда и на чье попечение. Вывоз их только уменьшит государственные ресурсы, а, следовательно, усилит народное бедствие". Он также сообщил, что эвакуироваться он не собирается и просит гласных думы "принять с их стороны меры к успокоению населения от злонамеренных слухов по поводу якобы грядущих с приходом советской власти опасностей". Знал бы он тогда, как эта наивная уверенность в своей и всех горожан будущей безопасности совершенно скоро погубит и его сына-офицера, и его самого»¹⁸⁹.

Фигурирующий в «Черном погоне» под настоящим именем, но без фамилии, «Шурка» Станиславский¹⁹⁰ — участник мировой

¹⁸⁸ Доненко Н., *прот.* Наследники Царства. Т. 2. Симферополь, 2004. С. 379–388; Филимонов С.Б. Тайны крымских застенков. Документальные очерки о жертвах политических репрессий в Крыму в 1920–1940-е годы. 2-е изд., доп. Симферополь, 2003. С. 110–113.

¹⁸⁹ Санжаровец В.Ф. Красный террор в Керчи. 1920–1921 гг. С. 180–181.

¹⁹⁰ Велико искушение видеть в другом приятеле рассказчика Федоре Васильевиче Минаеве реального Федора Васильевича Аверкиева, но мы не

войны, затем офицер-«марковец» по мобилизации, — остался верен дружбе и приютил беглого «комиссара искусств», не скрывавшего ни свое положение, ни свои взгляды: «Нет, не коммунист. То есть не в партии. Но по убеждениям почти коммунист. Это — единственное, что сейчас возможно». Стащив из кабинета «кардинала Босфорского» десяток бланков «метрических выписей» и проштемпелевав их настоящей церковной печатью, он снабдил друга «документом», а остальные передал «красным». Об этом Георгий Аркадьевич 6 июня 1930 г. писал Михаилу Винаверу из организации «Помощь политическим заключенным», хлопоча за Станиславского, который 23 декабря 1929 г. был арестован в Усть-Абакане (Хакасия), где преподавал в школе, и осужден на 10 лет лагерей за «политику»: «Усиленно прошу Вас, Михаил Львович, не забывать моего друга, которому я в свое время (при белых) был обязан свободой и, может быть, жизнью, — и сделать для него все, что можно. <...> Обращаю Ваше внимание на то, что Станиславский в бумагах по делу именуется бывшим священником, тогда как это вздор: священником был его отец, сам же он был гимназистом, студентом, профессором, учителем»¹⁹¹. Стало быть, красного террора в начале двадцатых бывший офицер Станиславский избежал.

Помогли хлопоты «Помполита» или нет, но через три дня после письма заключение заменили тремя годами ссылки в Кзыл-Орду, где Станиславский преподавал в сырьевом техникуме; в 1932 г. Шенгели навестил там друга. В марте 1933 г., незадолго до истечения срока ссылки, его вновь арестовали и 13 июля приговорили к восьми годам лагерей. Дальнейшую судьбу немного проясняет запись в блокноте Шенгели: «Шурка Станиславский умер 20/VIII 48. Похоронен в Караганде на вольном кладбище»¹⁹².

располагаем необходимой информацией о нем, чтобы оценить степень достоверности «портрета». Бесспорно одно: Аверкиев не покончил с собой в 1919 г. в Керчи, как Минаев, и пережил Шенгели более чем на 15 лет.

¹⁹¹ http://pkk.memo.ru/letters_pdf/000648.pdf

¹⁹² РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 49.

Георгий Аркадьевич появился в Керчи уже после разгрома «красных» партизан, которые несколько месяцев вели настоящую войну, укрывшись в окружавших город каменоломнях. Отчаянная борьба с преобладающими силами противника вызывала к ним симпатии многих горожан. Очевидец событий — профессор права Таврического университета Николай Алексеев, «белый», затем евразиец, — писал: «Не верилось, что в такой близости от одной из главных баз Крымской армии, в самом сердце её тыла мог приютиться такой опасный и серьёзный враг, с которым мы бессильны были справиться»¹⁹³.

«Обо всем, болезненном и высоком, отвратительном и героическом, что одновременно проступает только в такие эпохи, как наша», Шенгели рассказал в «Черном погоне» и в поэме «Ушедшие в камень» (1937), но там картина мира становится манихейской. С одной стороны:

А в клубе, в задней комнате, за плотной
Портьерой, в синем дыме, в мертвом блеске
Старинных канделябров, шел картеж;
С атласным свистом сыпались колоды,
Лежали грудой потные керенки,
Романовские, крымские, донские;
Полковники, издряблые как семга,
Поручики с мучительным оскалом,
Хлеботорговцы, хриплые, как мопс,
Какие-то раздолбанные дамы —
С назойливою вежливостью злобы
Примазывали, хлопали по банку
И яд цедили, глаз не отводя
От пальцев банкомета...

...Пошли доносы, выдачи и слежки;
Нырки прохвостов в двери контрразведок;
Аресты, порки, виселицы.

Пляс

Шизофрений в политике, внедренье

¹⁹³ Цит. по: Санжаровец В.Ф. Подвиг керченских партизан // Керченский рабочий. 1989. 24.05. С. 3.

Садизма по районам.
 Это всё
 Именовалось возрождением края...

С другой:

И вот — народ попер в каменоломни...
 Шел хлебороб, чью рожь забрали даром,
 Чтоб возместить помещику убытки;
 Рыбак, чьи невода конфисковали
 За узость ячеи, — а после он
 Их увидал в артели рыбзавода;
 Шел дезертир; шел харкающий кровью,
 Избитый шомполами слесарь; шел
 Рабочий, «уличенный в большевизме»;
 Шел большевик, еще не уличенный,
 Чтобы внести в стихию лад и мысль...

Согласно роману, тягостное для рассказчика пребывание «в самом гнусном подполье глубокого тыла» закончилось, когда «поэт-люминист»¹⁹⁴ Юрий Курицын¹⁹⁵ — автор сборника «Откликизм» и «профессор Южно-Русской Академии Разврата», оказавшийся «уполномоченным контрразведки», — уличил его в службе у «красных» и попытался арестовать. После бегства и месячного пребывания в каменоломнях рассказчик перебрался в Одессу. Реальный Шенгели проделал именно этот путь, но при таких же или иных обстоятельствах, не знаю.

III

Из опасно «белой» Керчи бывший «комиссар искусств» переместился в многолюдную космополитическую Одессу, где легче было

¹⁹⁴ Сознательный — и, полагаю, иронический — анахронизм: группа «люминистов» заявила о себе на рубеже 1921/22 г.: Галушкин А.Ю. «Люминизм» Вениамина Кисина // Литературное обозрение. 1998. № 2. С. 8–12.

¹⁹⁵ Псевдонимом «Курицын» с ударением на втором слоге пользовался близкий к футуристам художник и поэт Александр Городецкий (брат Сергея Городецкого), умерший в 1914 г.: ЛН. Т. 89. М., 1978. С. 345.

затеряться. «Первое обнаруженное газетное упоминание о пребывании Шенгели в Одессе относится к 12 (25) октября 1919 г.»¹⁹⁶. «В Одессу прибыл на днях Георгий Шенгели, — сообщил два дня спустя Леонид Гроссман Волошину. — Познакомился с ним и с его милой женой. <...> Он собирается организовать в Одессе художественный цех по типу харьковского»¹⁹⁷.

Переводчик Владимир Бугаевский, в ту пору 15-летний стихотворец, оставил красочный портрет Георгия Аркадьевича:

«Это был высокий очень красивый человек лет двадцати пяти с тонко очерченными греческими чертами лица, но все же не одессит. В нем было что-то подчеркнуто строгое, петербургское, интеллигентно-петербургское, профессорское. <...> И одет он был не в духе времени, не по-одесски: черный костюм, крахмальная рубаша, крахмальный стоячий воротник, черный галстук. О южной браваде напоминали только бакенбарды, впрочем, аккуратно подстриженные (да и все в нем обличало аккуратиста), <и> пробковый шлем, покрытый люфой (головной убор, почему-то называвшийся в Одессе “здравствуйте-досвиданья”)¹⁹⁸.

Посещавшему одесские литературные собрания Евгению Ковскому запомнился «молодой человек, с матово-смуглым лицом, позолоченным жарким солнцем Мингрелии (фамилия Шенгели ввела мемуариста в заблуждение относительно его национальности. — В.М.), худощавый, с высоким прекрасной лепки лбом мыслителя. Он казался очень спокойным и сдержанным; но горячие глаза кавказца, глаза воина и мечтателя, говорили о том, что эта сдержанность — только щит, прикрывающий непрерывное кипение порывов. Ясная логика и непримиримая, отвергающая всякий компромисс прямолинейность в полемике»¹⁹⁹.

¹⁹⁶ Луцик С. Вениамин Бабаджан. Жизнь и творчество // Бабаджан В. Из творческого наследия. Т. 2. С. 443.

¹⁹⁷ Волошин М. Собр. соч. Т. 12. С. 270 (примеч.).

¹⁹⁸ Бугаевский В. Г.А. Шенгели в Одессе // Дерибасовская — Ришельевская (Одесса). № 46. 2011. С. 244; далее цит. без сносок.

¹⁹⁹ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 285. Л. 24—40; далее цит. без сносок.

Слева направо стоят: Сигизмунд Олесевич, Александр Кипренский (вырезан),
Эдуард Багрицкий, Наум Соколик. Сидят: Аделина Адалис, Наум Соболев,
Георгий Шенгели, Александр Соколовский, Зинаида Шишова (в руках — книга
Леонида Гроссмана «Плеяда»), Юлия Шенгели
Одесса. 1919. Позднейшая копия. Одесский литературный музей

В Одессе Шенгели прожил до 1921 г., уцелев при «белых» под своей фамилией. «Прописаться я смело могу по подложному паспорту: немногие знают, что мое литературное имя, довольно звонкое внешне, — настоящее имя, а не псевдоним». «Черный погон», откуда взято это свидетельство, в данном случае можно считать источником, тем более что реальные лица в «романе-хронике» выведены под не менее прозрачными псевдонимами, чем в знаменитой повести Валентина Катаева «Алмазный мой венец»: академик Георгий Шевелев = Иван Бунин, Юстиниан Хорватов = Максимилиан Волошин, Тарас Сагайдачный

= Влас Дорошевич, Петр Рыльский = Петр Пильский, Семен Смуш-кевич = Семен Юшкевич. «Интересно было бы приложить указатель имен — кто изображен под какой фамилией», — заметил один из участников обсуждения романа на заседании «Никитинских субботников» 29 декабря 1928 г. «Выдумка играет небольшую роль — и между тем несомненно художественные фигуры. Есть и опасность: фигуры могут потерять, если мы знаем прототип», — парировал другой²⁰⁰.

Среди «плеяды местной блестяще-талантливой молодежи» — Олеша, запомнивший Шенгели по турне 1916 г., Катаев, Эдуард Багрицкий («Эдуард Кардан»), Вера Инбер, переводчик Давид Бродский, историк литературы и мастер сонета Леонид Гроссман. А также Александр Соколовский — автор сборников «Зеленые глаза» и «Покойник с гитарой», он же «Александр Красовский» из «Черного погона», он же «Сергей Орловский» из фильма Бориса Барнета по сценарию Катаева «Поэт» (1956), где выступает антиподом революционного поэта Николая Тарасова = Багрицкого.

Первые встречи были почти идиллическими.

«Кардан весело сыплет именами, захлебываясь, читает стихи, свои и чужие, головокружительно острит и хрипло хохочет. <...> У меня колет в боку от смеха. Что за чудесные парни. Сколько у них чисто пушкинской щедрости в слове, сколько темперамента и остроумия. Мне, привыкшему к петербургской литературной диете, к важности поэтов, к аптекарскому взвешиванию стихов, кажется, что я приехал в деревню и играю в горелки. Решительно, мы будем друзьями. <...> Наконец, гости выкатываются, отняв у меня четыре часа, но обогатив меня ценными наблюдениями. Совсем иной мирок: иной колорит, иной темперамент. Люди много более здоровые, чем мы: без предрассудков».

Затем автор-герой перемещается в другую среду.

«Передо мной возникает костистое, бледно-зеленое в свете ювелирной витрины лицо: слоновья крутая челюсть, плотно сжатые губы

²⁰⁰ ОР ГЛМ. Ф. 357 («Никитинские субботники»). Оп. 1. Ед. хр. 276. Л. 3.

под щетинистыми подстриженными усами, большие, как бы невидящие, глаза. Черта с два — невидящие: Шевелев — лучший колорист русской литературы. <...> Шевелев доходит до угла, спускается с тротуара на мостовую и минуты две пристально смотрит на шевелящуюся перед ним толпу. Сфотографировав ее холодными камер-обскурами глаз, он жестом подзывает извозчика и четко говорит ему:

— Во дворец.

Во двореце, я знаю, живет главноначальствующий, генерал Стерлинг²⁰¹. О чем может беседовать с ним Шевелев поздним вечером? Та же сцена в сонете «Здесь пир чумной...» (1937):

Уставя желчных глаз камер-обскуры,
Толпу пронзает академик хмурый
И, в дрожки сев, чеканит: «Во дворец!»

И липнет некий чин к нему как сводня, —
Бочком... О чем поговорят сегодня
Ландскнехт продажный и поэт-мертвец?

Визит к «бессмертному».

«— Очень рад познакомиться, — холодно выделяет Шевелев, большой сухой рукой отвечая на мое пожатье, — прошу садиться и курить; вот египетские, вот английские.

Он достает из ящика стола несколько коробок.

— Вы ко мне по делу?

Подожди, я выведу тебя из твоего космического равновесия.

— Нет, — отвечаю я равнодушно, — я просто хочу отнять у вас полчаса.

— ? —

— Я пришел посмотреть на Георгия Шевелева в его домашней обстановке.

Глаза академика слегка свирепеют:

— Разве я предмет обозрения? Феномен?

²⁰¹ Главноначальствующий Новороссийской области генерал-лейтенант Н.Н. Шиллинг.

— Да.

— Милостивый государь, — Шевелев считывает с карточки мое имя и отчество, — уверены ли вы, что ваше поведение гармонирует с вашим почтенным именем известного критика?

— Уверен, — продолжаю я его раздражать невозмутимостью, — и не только гармонирует, но положительно вытекает из моей профессии. Разрешите, я объясню. Допустим, вы пишете повесть; вы собираете материалы, документы, письма и прочее; у вас сложилось всё; и тем не менее вы едете на место событий, изображаемых вами, чтобы непосредственным наблюдением схватить нечто неуловимое, усвоить аромат и колорит местности. Я пишу роман, больше того: поэму, под названием “Георгий Шевелев”. Я там говорю об атлантическом лиризме...

— Как вы сказали?

Ага, понравилось...

— Об атлантическом лиризме вашей поэзии, о предметной декоративности, об исключительном, непревзойденном никем — ни Готье, ни Эредиа — колоризме, и так далее. Но мне необходимо посмотреть “место действия”. Я не буду писать ни о вашем халате, ни о вашем почерке, ни о чем, что лежит вне ваших томиков, — и все-таки непосредственное наблюдение вас, феномена, — ибо гениальный поэт есть феномен, — даст мне возможность вложить в ваш литературный портрет убедительность колорита. Я рассматриваю работу критика как художественное творчество и работаю по методам художника.

— Извините меня, — добреет и вдруг стареет Шевелев, — я отнесся к вам слишком педантично. К сожалению, нравы литераторов в большинстве случаев весьма далеки от правил хорошего тона, и некоторая колючесть моя объясняется печальным опытом встреч с литераторами.

Я отвечаю в тон, задаю тонкие вопросы, дающие Шевелеву возможность проявить свою зоркость, знание психологии и прочее, цитирую наизусть клочки из его стихов, рассказов и воспоминаний (у меня прекрасная память на мелочи), и Шевелев начинает в меня

влюбляться. <...> В конце концов он предлагает мне заведовать в его газете литературным и критическим отделом, пишет “издателю”, полковнику Кравченко, сухую записку, уведомляя его о моем приглашении и предлагая удовлетворить все мои денежные пожелания...

Разговор переходит к политическим темам.

Шевелев четко излагает взгляд на государство как на организм, на революцию как на болезнь, называет евреев стрептококками, а добровольцев лейкоцитами, и намечает программу реформ, имеющих последовать тогда, когда Деникин вступит в Кремль. Первая реформа — поголовное выселение евреев.

— А кто скроется или вернется из-за границы, — смертная казнь через повешение.

Затем — передача земли крестьянам с обязательной фермеризацией. Право владения производственными предприятиями — только коренным русским.

— Ну, а если какой-нибудь немец или армянин негласно финансирует русского? — задаю я осторожный вопрос.

— Смертная казнь через повешение, — со вкусом выговаривает Шевелев.

— А как с верховным управлением? Монархия? Романовы?

У меня вдруг лезут глаза на лоб: Шевелев отпускает по адресу Романовых такое ругательство, которое только в академическом словаре сыскать можно.

— Триста лет гадили, всю страну растрясали! Земский царь! — выкрикивает Шевелев, и на его лице проступает раскольническое, экстатическое выражение. — Земский царь — вот кто возглавит Россию! Каждая волость выставит своего кандидата, уездный сейм выберет одного из них, губернский — из уездных одного, и так далее. Отберем! Пусть это будет мужик, — но коренной русский, сидевший на земле, умеющий пахать».

Следующий эпизод.

«Из всех “интересных людей” мне импонировал ясностью мысли и богатством ее только один: Влас Михайлович Дорошевич, — писал

Шенгели поэтессе Марии Шкапской 26 июня 1924 г., через два года после смерти «короля фельетона». — Помните мою классификацию? Так он был именно умным умником — а Белый, Розанов, Вяч. Иванов, Мережковский — все это глупые умники, которые никак не могут понять какой-то (не знаю какой) очень простой вещи».

«— А почему вы, Тарас Михайлович, не печатаетесь? Вы еще полны сил.

Сагайдачный отваливает презрительно полуфунтовую губу:

— У дурака Шевелева я не стану печататься: я уже тридцать лет показываю редактору только кончик рукописи, чтоб он видел мое имя, и беру чек. А Шевелев хочет прежде читать манускрипт и, только "одоблив", отправляет в типографию. Я на это не пойду.

— А в других газетах?

— Голубчик, — прожевывает ракушку Сагайдачный, — сколько сейчас стоит фунт хлеба? Пять рублей. Стократное увеличение. Могут ли "Черноморские новости" мне платить двести рублей за строчку? Не могут. А я не привык снижать свой гонорар... <...>

Он очень интересно рассказывает, Сагайдачный, — о соусах ли он говорит или о папе римском, но мне больше хочется знать, что думает эта большая умная голова о революции.

Сагайдачный не хочет думать о революции: смутное время, путаница, ничего не разберешь. Но, конечно, обе стороны — и красные, и белые — бессильны. Добровольцы до Москвы не дойдут:

— На днях начнется отступление.

Красные доедут до Дона, до Днепра, не дальше. Потом их снова попрут. Чертовы качели.

— Но ведь не может же так быть вечно?

— Ну что ж: размежуются. Север и Юг. А вернее — явится Наполеон. Или наведет порядок Англия, послав армию. Знаете, ведь Англия, раз взявшись за дело, доводит его до конца, хоть бы ей пришлось тридцать лет воевать. Наполеона сломило английское упорство. Вильгельма — тоже.

— Но ради чего Англия будет тратить миллионы?

— Возьмет Кавказ, подчинит Персию...

— Значит, вы ее рассматриваете как врага?

Сагайдачный смотрит на меня удивленно:

— Как врага? Да за избавление от товарищей я Сибирь и Среднюю Азию отдать готов, не то что армяшек! Хотя за одно я товарищам благодарен: мощи вскрыли. С детства хотелось узнать, что в них такое».

Тут появляется новое действующее лицо.

«Влетает плотный подвижный мужчина в щегольском пиджаке, хохочет, трясет руку Сагайдачному, мне, плюхается в кресло и докладывает:

— Финкель чуть с ума не сошел. Кричит, что его зарежет общество дантистов, что теперь он ни одной пломбы себе поставить не решится. Я его насилу успокоил тем, что номер продан без остатка.

Из путаного, хохочущего рассказа я наконец выделяю фабулу. Плотный мужчина — редактор “Утренней почты”, Финкель — издатель. С месяц назад в зоологическом саду сбесился слон Джумбо; его убили, и бранные останки поступили в университет. Скелет на днях отпрепарировали, а гору мяса и внутренностей выбросили, причем эту дрянь сфотографировал репортер. Сегодня справляет свой юбилей заслуженный дантист доктор Ватиканчик. В “Почте” должен был быть помещен и его портрет. Редактор “Почты” ночью вдохновился и велел метранпажу переставить подписи под клише. Номер вышел и показал читателю кучу слоновьей требухи с подписью: “наш почтенный юбиляр доктор Ватиканчик”, а редкобородую очкастую физиономию доктора с подписью: “всё, что осталось от Джумбо”...

— Номер у газетчиков так и рвут, — заливается плотный господин.

Сагайдачный жирно хохочет:

— Совершенно по-американски! Вот как надо создавать газете успех!

И вдруг спохватывается:

— Господа, я вас не познакомил?

Оказывается, веселый редактор — знаменитый Петр Рыльский, "великий босьяк русской журналистики". <...> Он сыплет вопросами и, заливчато смеясь, открывает мне тайну одной пасквильной рецензии, напечатанной несколько лет назад и изничтожавшей мою первую книгу: рецензию писал, оказывается, Рыльский. Надо сказать, что она меня задела, — не издевательским своим тоном, а тем, что в ней было много верного.

Я, конечно, смеюсь и выражаю надежду отплатить когда-нибудь.

— Батенька, — грохочет Рыльский, — семь бед — один ответ: рецензию в "Северном Голосе" помните? Тоже моя!

Как? Эта восторженная статья, где меня сравнивали с Реми де Гурмоном и Уолтером Патером? Тьфу! На Рыльского даже сердиться невозможно!»

Местные поэты, которых с легкой руки Виктора Шкловского назовут «левантийской» или «юго-западной» школой, встретили пришельца с интересом. Но без особой симпатии, поскольку заявления: «Лозунг "Назад к Пушкину" должен стать нашим, как стал он лозунгом недавно зародившейся школы современного классицизма, в которую вошли Мандельштам, Ходасевич, С. Соловьев»²⁰², — в этой среде был обеспечен враждебный прием. «Однажды, когда Шенгели читал стихи, в зале раздался робкий детский голос: — "Мамоцка, это Пуцкин?" Это так повлияло на мэтра, что он оставил Одессу для более славных лавров»²⁰³. К этому свидетельству Семена Кирсанова — одного из тех, кто задирал нашего героя, — следует отнестись осторожно, поскольку оно относится к разгару литературной войны «мэтра» с левовцами. Но бакенбарды, которыми Георгий Аркадьевич щеголял в Одессе, запомнились многим: в повести «Алмазный мой венец» мельком упомянут «весьма высокопарный поэт-классик, носивший пушкинские бакенбарды».

²⁰² Шенгели Г. Назад к Пушкину // Одесские новости. 1920. № 11117. 13 (26).01. С. 2; цит. по: Крусанов-2. С. 270.

²⁰³ Кирсанов С. Черноморские футуристы // Новый Леф. 1927. № 8/9. С. 85; цит. по: Крусанов-2. С. 270.

Не поступаясь принципами, Георгий Аркадьевич старался по-дружиться с поэтами, которые сами называли себя «южно-русской школой»²⁰⁴. Об этом говорит, например, небольшой текст памяти Анатолия Фиолетова:

«У каждой литературной школы есть безвременно погибший юноша. У пушкинцев — Веневитинов.

У символистов — Коневский <так!>.

У северянцев — Игнатьев.

У футуристов — Божидар

У акмеистов — Лозино-Лозинский <так!>.

Южно-русская школа поэтов, столь отчетливо запевшая в последние годы в Одессе, также имеет жертву утреннюю — Анатолия Фиолетова.

Когда содружество молодых поэтов распадается... Когда каждый идет своим путем, отражая удары и сам поднимая руку на бывших друзей... — то "память об ушедшем друге" единственно отрадна и единственно миротворна.

Она — как воспоминание о детстве, о елке и картонных звездах, о сказках и вечернем уюте.

И как замечательно, что сами стихи Фиолетова, годовщину смерти которого друзья тепло вспоминали на днях, — насыщены дыханием детских забот, капризов и радостей.

Что стихи эти сами как воспоминания о елках и картонных звездах»²⁰⁵.

«Левантиец» Марк Тарловский в «стихотворных мемуарах» «Веселый странник» (1935), построенных вокруг фигуры почти канонизированного в тот момент Багрицкого, назвал гостя «кометой» — видимо, намекая на его «мимолетность» — и «параболистым бардом, источником бертолетового света». В предназначавшихся для печати

²⁰⁴ Иронической отсылкой к ней является «Южно-Русская Академия Разврата» в «Черном погоне».

²⁰⁵ Театр (Одесса). 1919. № 23. 12–13.12. С. 7. Шенгели повторил этот ряд имен к письме к Шкапской (9 июня 1924), откликаясь на смерть Л.Н. Лунца.

примечаниях он пояснил: «Шенгели был ярким явлением на одесском литературном небосклоне и увлек многих, в том числе и Багрицкого, но свет, излучаемый им, носил бертолетовый, холодный характер»²⁰⁶. В жизни они были друзьями, о чем свидетельствуют стихотворные посвящения и переписка. В 1922 г. Георгий Аркадьевич помогал переехавшему из Одессы Тарловскому устроиться в Москве²⁰⁷, а десять лет спустя получил от него вторую книгу стихов «Бумеранг» с лаконичной надписью: «Любимому Георгию Марк»²⁰⁸. Несмотря на расхождения (о них позже), общение продолжалось до смерти Тарловского в 1952 г. и его жены Лады Руставели годом позже.

Летом 1920 г. Шенгели вместе с Багрицким сочинил водевиль в одном действии «Влюбленного рука, или Месть Калиостро», историю которого изложил в позднейшей записи на своем экземпляре: «Багрицкому полностью принадлежат заключительные куплеты, сюжет мой, текст слагали вместе, сидя за столом, я записывал. Г. Шенгели. 1938, 29.X, Москва». В сентябре 1921 г. пьеса была принята театром одесских Государственных производственно-художественных мастерских, причем Багрицкий собирался играть Калиостро, но постановка не состоялась. В мае 1939 г. водевиль был поставлен московским Театром эстрады и миниатюр (основным автором был указан Багрицкий), а опубликован лишь в наши дни²⁰⁹.

²⁰⁶ Тарловский М. Молчаливый полет. М., 2009. С. 528, 557. Поэма впервые опубликована в этом издании.

²⁰⁷ Письмо В.Г. Лидину (17 мая 1922): «Быть может, Вы смогли бы предоставить ему лист-полтора переводов, о которых Вы мне в свое время говорили. Немецкий язык он знает достаточно, чтобы справиться с газетной статьёй; русским владеет прекрасно, — а ведь некоторые неточности перевода не искупаются ли достоинством слога?»: РГАЛИ. Ф. 3102 (Лидин В.Г.). Оп. 1. Ед. хр. 1070. Л. 1.

²⁰⁸ ВЭМ.

²⁰⁹ Местонахождение машинописи, принадлежавшей Шенгели, неизвестно; по другому источнику опубликовано: Дерибасовская-Ришельевская. Вып. 46. Одесса, 2011. С. 247–258. Подробнее: Александров Р. Возвращение «Калиостро» // Дерибасовская-Ришельевская. Вып. 47. Одесса, 2011. С. 253–259.

Инскрипт Марка Тарловского Георгию Шенгели
на титульном листе книги «Бумеранг» (1931)

Принципиальность, переходившая в бескомпромиссность, и «взрывной» темперамент Шенгели нарушали и даже разрушали отношения со многими. Евгений Ковский пересказал историю его ссоры с Багрицким: «Они были большими друзьями. Но на одном литературном собрании Багрицкий, всплыв, недопустимо грубо обошелся со своим оппонентом. Можно было промолчать — так, вероятно, поступил бы любой человек, предпочитающий обходить острые углы. Но Шенгели мудрость компромисса была ненавистна. После собрания, когда они шли по пустынным ночным улицам города, Шенгели высказал другу свое мнение о его поступке так же открыто, прямолинейно, как делал это всегда, когда восставал против несправедливости, кем бы она ни была совершена. Стоило Багрицкому улыбнуться или по-дружески пошутить... Но, еще не остывший после литературной драки, он ответил резко. И крепкой дружбы не стало. Шенгели порвал ее, не колеблясь, как сделал бы это, если бы в несправедливости

был повинен даже его родной брат, — порвал на всю жизнь». Несмотря на случившееся, Багрицкий позже гостил в Москве у Шенгели, который — как «старожил» — водил автора «Птицелова» по местным редакциям.

Самого Георгия Аркадьевича иногда причисляли к «левантийцам», но ошибочность этого очевидна даже при поверхностном сравнении их стихов. «Левантийцы были романтиками, Шенгели — “классиком”. <...> Между ними была пропасть, и особенно глубокая для наиболее задиристого из старших левантийцев», — отметил Бугаевский, рассказав историю скандала, устроенного во время чтения Шенгели.

«В городе появились афиши:

“Прощальный поэзо-концерт

Георгия Шенгели”

Поэзо-концерт — название, к которому Георгий Аркадьевич прибег в основном для сбора, и послужило причиной взрыва. Организатором его стал один из старейших левантийцев, подбивший на борьбу и Багрицкого. К вечеру был выпущен первый и (кажется) последний номер газеты “Друг искусства”. Он начинался передовой под заголовком “Измена”. Я помню одну из фраз ее. “Это возврат от мраморных колонн Пушкина в москательную лавку Северянина”. Северянин был ненавидим всеми нами как олицетворение безвкусицы, даже мной, еще три месяца назад яростно подражавшим его поэзам. Газета была размножена в количестве примерно двадцати-тридцати экземпляров на пишущей машинке. Для нее не пожалели большой неизвестно где добытый рулон пипифакса. Мальчишки были науськаны. Всё было готово.

Поэзо-концерт состоялся в помещении бывшего банкирского дома З.А. Ашкенази, начался выступлением артистки Тушмаловой. Она, как могла, прочитала “Александрийские песни” Кузмина. Потом должен был выступать еще кто-то, потом В.И. Нарбут и в конце первого и второго отделения — Г.А. Шенгели. Но одесские гамены были нетерпеливы и, не дожидаясь дальнейшего, уже во

«Трактат о русском стихе. Часть 1. Органическая метрика» (1921)

Обложка и инскрипт Георгия Шенгели Льву Пеньковскому на титульном листе

время чтения стихов Тушмаловой засвистели в четыре пальца, пошли визжать и улюлюкать. С амфитеатра посыпался “Друг искусства”. Вскочил и что-то начал кричать Багрицкий, так жестикулируя, что вывихнул себе руку. И сразу стал похож на огромную птицу со сломанным крылом. Георгий Аркадиевич вышел на эстраду, надеясь стихами успокоить бурю.

“Трагическое эхо Эльсинора!..” —

начал он, но гаменами это было воспринято как северянинщина, и шторм поднялся с новой силой. Тогда в дело вмешался Нарбут и своим надтреснутым, хриловатым голосом мгновенно заглушил разгулявшихся мальчишек.

После этого Шенгели прочитал множество стихотворений, его чтение не раз прерывалось аплодисментами».

Более красочно — но, по утверждению Бугаевского, куда менее точно — эту историю поведал Константин Паустовский в книге «Время больших ожиданий»:

«В городе появились афиши цвета жидкого помидорного сока. Они сообщали, что на днях на Пушкинской улице в каком-то пустующем зале состоится феерический вечер всех одесских поэтов.

Наискось через всю афишу большими буквами была оттиснута черная надпись:

“В конце вечера будут бить поэта Георгия Шенгели!”.

Внизу в скобках кто-то чернилами приписал:

“Если он осмелится прийти”.

Билеты на этот вечер стоили дорого. Их распродали в течение трех часов.

Изя (друг автора. — *В.М.*) предполагал, что надпись на афише об избииении была напечатана с ведома и согласия самого Шенгели.

Поэт Георгий Аркадьевич Шенгели был добрый человек, но с несколько экзотической внешностью. Я никак не мог понять ту легкую неприязнь, с какой относились к нему некоторые одесские поэты. На мои расспросы Багрицкий отвечал невразумительно. В конце концов я пришел к мысли, что вражда к Шенгели была литературной игрой. Она вносила добавочное оживление в поэтическую жизнь Одессы.

Шенгели, по-моему, охотно участвовал в этой игре и больше изобразял из себя спокойного, как истый римлянин, противника, чем был им на самом деле.

Тонкое лицо Шенгели во время схваток с одесскими поэтами бледнело и казалось выточенным из мрамора. <...>

Шенгели был высок, глаза его по-юношески сверкали. Он ходил по Одессе в тропическом пробковом шлеме и босиком. При этих внешних качествах Шенгели обладал эрудицией, писал изысканные стихи, переводил французских поэтов и был человеком, расположенным к людям и воспитанным.

Эти свойства Шенгели делали его чужаком для многих одесских поэтов — юношей нарочито развязных, гордившихся тем, что они не заражены никакими “штучками”, в особенности такими смертными грехами, как чрезмерная интеллигентность и терпимость. <...>

Шенгели сидел около эстрады на кухонной табуретке и держал на коленях пробковый шлем. Так, должно быть, держали свои погнутые в боях медные каски, попав в сенат, запыленные и загорелые римские legionеры.

— Слава богу, — вздохнул с облегчением Изя, — он пришел. Скандал обеспечен. <...>

Кирсанов — тогда еще безусый мальчик, очень задиристый и крикливый — все время вскакивал и безо всякой связи с тем, что происходило на эстраде, что-то вызывающе кричал Шенгели. Но Шенгели сидел непоколебимо. Кирсанова это, очевидно, возмущало, и он снова вскакивал и кричал в сторону Шенгели что-то явно оскорбительное. Вместе с Кирсановым шумело еще несколько мальчиков²¹⁰.

Бесплодное ожидание скандала вызывало у публики досаду. Она начала недовольно шуметь. <...> Какая-то актриса начала читать, подвывая, стихи Мирры Лохвицкой. Надо признаться, что это было придумано неудачно. Чтение было встречено недовольным гулом. Но очень скоро гул этот перешел в гневный рев.

— К черту бисерные стишки!

— К дьяволу гибкий стан Мирры Лохвицкой!

— Прочтите лучше «Дышала ночь восторгом сладострастья»!

Актриса — пегая блондинка с висевшими, как плети, голубоватыми руками — схватилась за край стола и театрально зарыдала.

²¹⁰ «Мы решили эпатировать, — вспоминал Кирсанов. — Была приобретена черепаха, отпечатаны листовки, а один из нас загримирован под Шенгели. В самый лирический момент во время чтения Шенгели стихов черепаха была пущена на сцену, с балкона в публику полетели листовки, а в зале появился Шенгели № 2 под общий хохот. Вечер был сорван, а Шенгели для Одессы окончен»: Кирсанов С. Черноморские футуристы; цит. по: Крусанов-2. С. 270.

Тогда вскочил Шенгели. Старинное рыцарство забушевало в нем. Толпа поэтов с их растрепанными подругами посмела оскорбить ни в чем не повинную женщину! Позор! Шенгели крикнул в зал несколько оскорбительных слов.

Тотчас вскочил Багрицкий. Я был уверен, что он обрушится на своего недруга Шенгели, но Багрицкий обернулся к публике и сделал бурное движение, будто хотел нанести всей этой толпе страшный нокаутирующий удар. Он сильно замахнулся правой рукой, дико вскрикнул, потерял сознание и рухнул на пол. <...>

Мы увидели Изю и окликнули его. Вид у него был удрученный.

— Драка не вышла, — сказал он растерянно. — Не надо было им затевать эту галиматью и хвастаться, что они действительно будут бить Шенгели. Наше счастье, что публика не догадалась потребовать деньги обратно.

— В чем же дело, Изя? — спросил я его.

Тогда Изя рассказал по секрету, что вечер был устроен для помощи беспризорным. Этой помощью в то время ведала особая Детская комиссия при ВЦИКе. Ее уполномоченный договорился с одесскими поэтами об этом вечере. Было решено, чтобы обеспечить полный сбор, устроить какую-нибудь сенсацию. Долго ломали голову над тем, что бы такое придумать позабористей.

Кто-то из поэтов предложил разыграть литературный скандал с избиением Шенгели. Это показалось новым и оригинальным.

Шенгели охотно согласился стать героем скандала со столь благородной целью.

Скандала не получилось потому, что далеко не все поэты были посвящены в этот замысел. Но все равно билеты были раскуплены нарасхват, и уполномоченный Деткомиссии пребывал в полном восторге. Он даже мечтал повторить такой вечер»²¹¹.

Одесский период оказался продуктивным для Георгия Аркадьевича — он много писал и печатался. Кроме публикаций в периодике

²¹¹ Паустовский К. Собр. соч.: В 9 т. Т. 5. М., 1982. С. 146—154.

«Израдец» (1921)
Обложка и титульный лист

и альманахах, за два года вышли: второе издание «Еврейских поэм», новый сборник «Израдец» с путающим библиографов подзаголовком «четвертая книга стихов», драматическая поэма «Нечаев» и «драматические сцены в стихах» «1871 год» о Парижской коммуне, переводы из Эредиа. И, наконец, «Органическая метрика» — «тачка цифр», как автор назвал ее в инскрипте Пеньковскому²¹² — первая часть «Трактата о русском стихе», 30 авторских листов «первоначальной рукописи» которой пришлось «конденсировать до 6 листов», причем «в порядке крайней спешки»²¹³. «Израдец», «1871 год» и «Органическая метрика» увидели свет в одесском отделении Всеукраинского государственного издательства, которое Шенгели возглавлял с января (так в послужном списке, хотя Одесса была занята

²¹² ВЭМ.

²¹³ Послесловие автора // Шенгели Г. Трактат о русском стихе. Ч. 1. Органическая метрика. Одесса, 1921. С. 86–87.

«красными» только в феврале) 1920 г. по август 1921 г. В позднейшей автобиографии он также сообщил, что «в большом количестве писал листовки и тексты к плакатам, читал лекции в рабочих клубах и воинских частях».

Умещающийся на ладони «Изразец» (32 страницы, 19 стихотворений) включал такие прославившиеся впоследствии произведения, как «Державин», «Ермолов», «Натали», «Поэтам» с рефреном «Друзья! Мы — римляне!..», который запомнился читателям разных поколений — от Паустовского до Льва Озерова. В книге зазвучал зрелый и горький стоицизм, ставший «фирменным знаком» поэзии Шенгели в более поздние годы:

Да, стиснуть зубы, губы сжать, как шпагу
Перо в тугие пальцы впавить, сердце
Взнуздать и мысль рассечь ланцетом, — вот
Поэта полуночный подвиг.

«Парнасская» безличность и ясность если не исчезают совсем, то отходят на второй план, уступая место тревожным видениям («Поединок роковой») и сугубо индивидуальным воспоминаниям, непредставимым ни в «Гонге», ни в «Раковине»:

В последний раз могиле поклонились.
И батюшка свернул эпитрахиль,
Сказал любезность и конвертик принял,
И мы пошли через пустырь полярный.
Безводное лазуревое небо,
Пузырь луны и фольговое солнце
В осеннем ветре колыхались тихо,
И далеко, налево, журавли
Волнообразным клином трепетали...
Да, друг! Нам больше двадцати пяти.

Этим стихотворением «Изразец» заканчивается — «закольцовывается», потому что начинался он так:

Ты помнишь день: замерзла ртуть; и солнце
Едва всплыло в карминном небосклоне,
Отяжелевшее; и снег звенел;
И плотный лед растрескался звездами;
И коршун, упредивши нашу пулю,
Свалился вдруг. Ты выхватил кинжал
И пальцем по клинку провел, и вскрикнул:
На сизой стали заалела кожа,
Отхваченная ледяным ожогом...

Не говори о холоде моем.

Они же год спустя открыли вторую «Раковину», куда вошли все стихотворения «Израэца», закрепившего пристрастие автора к заглавиям в одно слово.

«Израец» удостоился издевательского, причем с политическим оттенком, отклика в харьковской газете «Коммунист»:

«В то время как вся, правда, довольно скудная, литература нашей эпохи проникнута стремлением всеми силами освободиться от связывающих ее пут вчерашнего дня, некоторые поэты находят особое удовольствие в том, чтобы, сделав гигантский скачок назад, уткнуться носом в истлевший архив поэзии и в облаках многолетней пыли черпать свое вдохновение.

Книга “Израец” является именно плодом такого вдохновения, если это последнее определение может быть вообще применимо к поэзии Шенгели. Читая его холодные, вылощенные строки, безукоризненные как по форме, так и по содержанию, невольно поддаешься уверенности, что все это не “сотворено”, а “сделано”. Правда, трудолюбиво, искусно, гладко, но все же — сделано. И оттого, что это не настоящее, что это лишь прекрасная подделка под настоящее, никак не избавиться от беспокойного чувства — вот-вот лопнет тончайшая “умственная” пленка, облекающая в плоть художественный суррогат, и из зияющей прорехи выпрется скрученный, чучельный жгут соломы.

Как старая кокетка, выставяющая напоказ свои искусственные локоны, манерничает Шенгели славянизмами или просто грамматическими искажениями <...> всей той рухлядью, которой некогда щеголяли, но скоро сдали в архив и Брюсов, и Вячеслав Иванов, и Сологуб, и многие другие. Так же ветхо и так же не оправдывается стремительной действительностью важное или неважное подражание поэта застывшим формам Бунинского стиха. <...> Шенгели — прилежный поэт. Он, как выразился в свое время Айхенвальд о В. Брюсове (сразу две парфянские стрелы, если вспомнить, что Айхенвальд рецензировал “Гонг”. — В.М.), не получил поэзии в дар, но заработал ее тяжелым трудом. Но он в то же время — поэт, о котором говорить стоит. И поэтому, тем более, ему необходимо как можно скорее выбиться на вольный воздух из затхлых углов и изжить все, что коверкает его безусловно литературный, а подчас и незаурядный стих»²¹⁴.

Кто этот недоброжелатель, укрывшийся под инициалом «В.»? Валентин Рожицын? Или Валентин Катаев — автор каламбура «Я глупостей не тещу, а пуще — изразцовых?»²¹⁵. 29 июня или 1 июля 1921 г. Катаев выступил на вечере Шенгели с «совершенно неприличными выпадами» по поводу некоего «подозрительного» стихотворения из «Раковины», что возмутило ту же самую газету²¹⁶.

В первые послереволюционные годы Шенгели обратился к жанру «драматической поэмы» или «драматической сцены в стихах», видимо, взяв за образец «Маленькие трагедии» — «опыты драматического изучения». «История материализуется в людях, — писал он в послесловии к «Броненосцу “Потемкин”», — события заставляют их двигаться и говорить. Этим, с полной почти необходимостью, пред-

²¹⁴ Коммунист (Харьков). 1921. № 250. 06.11 (вырезка в архиве Шенгели в РГАЛИ).

²¹⁵ 13 января 1942 г. Шенгели писал Манухиной, что накануне А.Е. Крученых показал ему экземпляр «Изразца» с такой надписью Катаева «двадцатилетней давности».

²¹⁶ Вечер поэзии Шенгели // Коммунист. Ежеднев. прил. к газ. «Коммунист» (Харьков). 1921. № 1. 10.07. Стб. 16; цит. по: Крусанов-2. С. 243.

«1871» (1921). Обложка. Собрание Л.М. Турчинского

указывается форма именно драматической поэмы, позволяющая, не стесняясь театральными нормами, не отвлекаясь живописанием внешней обстановки, сосредоточить внимание на основном»²¹⁷.

В «Сальери» (Харьков, сентябрь 1918) Шенгели дал свою версию известной легенды, снабдив ее продолжением. Отравленный Моцарт перед смертью пишет Реквием. Получив его бумаги, потрясенный Сальери бросает их в камин со словами:

Ты, Моцарт, отомстил мне, сам не зная.
 В последний час одной чертой пера
 Ты сокрушил воздвигнутое зданье,
 Ты сотворил сладчайшую из песен...
 ...Ты не восторжествуешь, Моцарт, нет!
 Я угащу в себе твою победу,
 Я скрою окровавленную тайну,
 Я душу дам ее клыкам сдавить,

²¹⁷ Шенгели Г. Броненосец «Потемкин». М., 1923. С. 92.

И да немотствуют ее признанья!
Пылай, наследье Моцарта, пылай!
Легчайшим в небе поразвейся дымом!

Если «Сальери» увидел свет лишь в наши дни²¹⁸, то «Нечаев» (Севастополь-Одесса, сентябрь 1919 — апрель 1920) — история вымышленной попытки побега революционера из Алексеевского равелина — напечатан в редактировавшемся Нарбутом журнале «Лава» и выпущен отдельным изданием. В «Известиях Одесского ревкома» 12 июля 1920 г. появился отзыв на журнальную публикацию за подписью «А.Ф.»: «Останавливает на себе внимание "Нечаев" Шенгели, написанный сильными, четко плавленными стихами, отображающими с большой художественной силой страстную революционную фигуру Нечаева. Исторические сцены Нечаевской трагедии написаны мастерски, талантливо»²¹⁹.

Оперативно вышла и книжечка «1871 год» — сцены из истории Парижской коммуны, написанные к ее 50-летию и пригодные для агитационного театра с трафаретным изображением героев и злодеев²²⁰, где коммунары уничтожают гильотину с песней «Будь ты проклят, добрый доктор Гильотен!». В августе 1922 г., уже в Москве, Шенгели написал драматическую поэму «Доктор Гильотен»²²¹: в ней врач, аббат и судья превозносят «доброего доктора», предложившего «гуманный» способ казни, но слуга, «неученый человек», в страхе бежит от него.

В московской «Раковине» автор анонсировал как «печатающийся» первый том «Драматических поэм», куда предполагалось включить «Сальери», «Нечаева» и «Доктора Гильотена». Сохранившаяся машинопись, согласно регистрационному штампу на первой

²¹⁸ Toronto Slavic Quarterly. № 1 (Summer 2002) (публ. В.Г. Перельмута).

²¹⁹ Вырезка в архиве Шенгели в РГАЛИ.

²²⁰ Ср.: Коммуна (отрывки из поэмы) // Наша газета. 1926. № 63. 18.03. С. 2. Другие фрагменты этого произведения неизвестны.

²²¹ Дерибасовская-Ришельевская. Вып. 61. Одесса. 2015. С. 317–334 (публ. и предисл. В.Г. Перельмута).

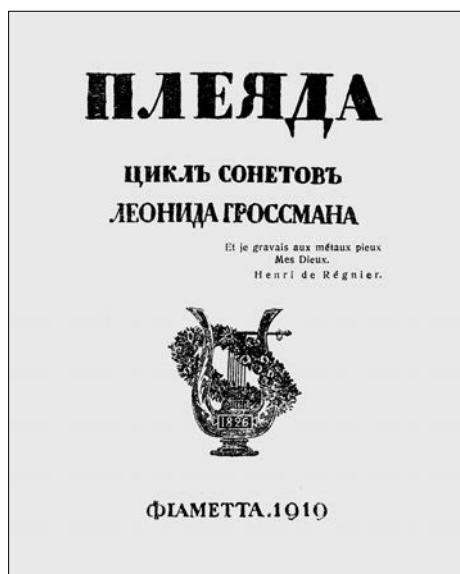

«Броненосец “Потемкин”» (1922). Обложка Д.П. Мощевитина
Собрание А.Л. Соболева

странице, 14 апреля 1923 г. поступила в Редакционный сектор Госиздата, но дальше дело по каким-то причинам не пошло²²².

Наиболее крупным произведением этого жанра стал «Броненосец “Потемкин”», заверченный в конце декабря 1922 г. в Москве и выпущенный издательством «Красная новь» десятитысячным тиражом, каким произведения Шенгели еще не выходили. Несмотря на велеречивое послесловие: «Сложная амальгама индивидуального сознания и классового инстинкта; меха событий, раздувающие обыденную — в будни — личность в личность огромную; пересечение личных озлоблений и пристрастий с “операционными линиями” общественной, внеиндивидуальной борьбы — вот основа поэмы, смутно зыбившаяся в авторском замысле задолго до того, как автором был

²²² РО ИМЛИ. Ф. 190. Оп. 1. Ед. хр. 2.

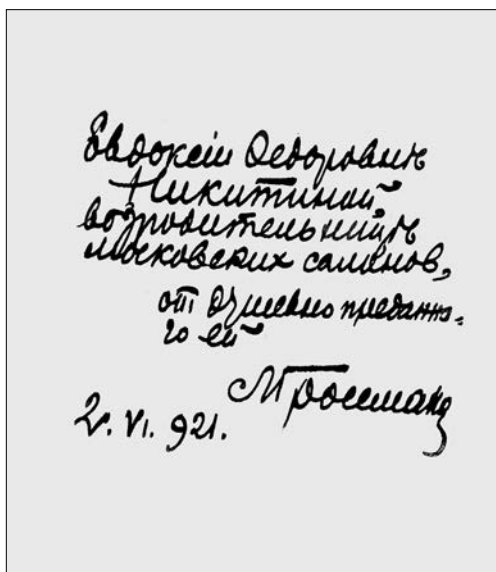

Леонид Гроссман. «Плеяда» (1921)
Обложка

отыскан достаточно концентрированный цикл исторических фактов, в котором основа эта могла уместиться и, уместившись, облекшись мышцами, самому автору стать явной и отчетливо обрисованной», — это весьма трафаретная вещь, которую сам Шенгели в инскрипте Брюсову от 31 марта 1923 г. охарактеризовал как «слабые слова о сильных людях»²²³. Обращает на себя внимание одна деталь: в первой сцене фигурируют комически представленные персонажи — «приезжий учитель с женой», которые называют друг друга «Надюша» и «Володичка». Совпадение?

Летом 1921 г. Георгий Аркадьевич съездил в Киев и в Москву, а в августе перебрался в Харьков — тогдашнюю столицу Советской Украины — для работы над переводами Верхарна, получая пособие от ЦЕКУБУ (Центральная комиссия по улучшению быта ученых).

²²³ НИОР РГБ. Ф. 386. Книги. 1464.

Инскрипт Леонида Гроссмана Евдокии Никитиной
на авантитуле книги «Плеяда»

Готовясь к очередной перемене мест, он снова ездил в Белокаменную, где его *уже* знали, но *еще* недостаточно. Залогом успеха должны были стать продажа рукописей Государственному издательству и упрочение положения в столичной литературной среде.

«Смотринами» стало выступление 12 февраля 1922 г. на заседании «Никитинских субботников». Шенгели прочитал «Ермолова», «Державина», «Натали» и «Грядущего» (из «Еврейских поэм») — показательный выбор для дебюта в консервативном салоне авангардной Москвы. Собравшиеся говорили не столько о стихах, сколько о манере чтения. «Я слушал с удовольствием, но мы преувеличиваем значение произведений, потому что манера читать превосходна», — заметил завсегдатай «субботников», литературовед Сергей Шувалов. «Тут художественных достоинств очень мало, — заявил пролетарский поэт Василий Казин. — Инструментовка хороша и поэтому впечатление получается. <...> У автора нет мира ощущений <так!>, и поэ-

тому он и берет все исторические темы». «Ритм мне почудился очень банальным. Тема идейная мало развита», — вынес вердикт драматург Владимир Волькенштейн. «Я лично раз имел возможность убедиться в том, как опасно судить о стихах с первого слуха», — парировал Шенгели, добавив: «Казину я отвечу, что я прочел только 4 стихотворения, а у меня 4 книжки стихов и поэтому такое суждение слишком поспешное. Мое право выбирать себе тему по моему желанию, и этого права никто у меня отнять не может»²²⁴. Хозяйка Евдоксия Никитина стихи похвалила, но стало ясно — «чужому» придется непросто.

Харьков проводил его «эпитафией»:

Тредиаковского правнук, пасынок легкой Музы,
Здесь погребен Шенгели, трудолюбивый пиит.
Остановись, прохожий, и сотвори молитву
Девятистопным ямбом с дюжиною цезур.²²⁵

²²⁴ ОР ГЛМ. Ф. 357. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 9—11.

²²⁵ Санкюлот. Литературный Харьков (Товарищеские уколы) // Художественная мысль. 1922. № 5. 18—25.03. С. 16.

Глава пятая

ГОДЫ ПРИЗНАНИЯ (1922–1926)

Я бедный профессор...

I

28 марта 1922 г. Шенгели приехал в Москву не в командировку, а жить и работать — как оказалось, насовсем.

Первым, временным адресом в столице стало общежитие Союза писателей. 12 мая Георгий Аркадьевич просил правление Союза: «Находясь в крайне тяжелом квартирном положении (меня выселяют; создали для меня каторжный режим отсутствия света, воды, права входа и выхода и пр.), я прошу Правление предоставить мне во временное пользование (до 30/V, когда будет разбираться в суде дело о моем выселении) каморку, прилегающую к кухне в общежитии. Обязуюсь очистить ее не позже 31/V, как бы ни обернулось дело в суде: в неблагоприятном случае я уеду из Москвы»²²⁶. До суда дело не дошло. «Мои квартирные неурядицы окончились благополучно, — сообщил Шенгели пять дней спустя Владимиру Лидину. — На днях устраиваю новоселье, которое Вы не откажетесь, уповаю, посетить. О дне сообщу»²²⁷.

Новоселье было в Борисоглебском переулке: дом 6, квартира 3. До отъезда в эмиграцию 11 мая 1922 г. в ней жила Марина Цветаева. Это ставит под сомнение утверждение Петра Зайцева, что Марина Ивановна рассказывала ему «о своих соседях», включая Шенгели.

²²⁶ РО ИМЛИ. Ф. 190. Ед. хр. 16. Л. 1.

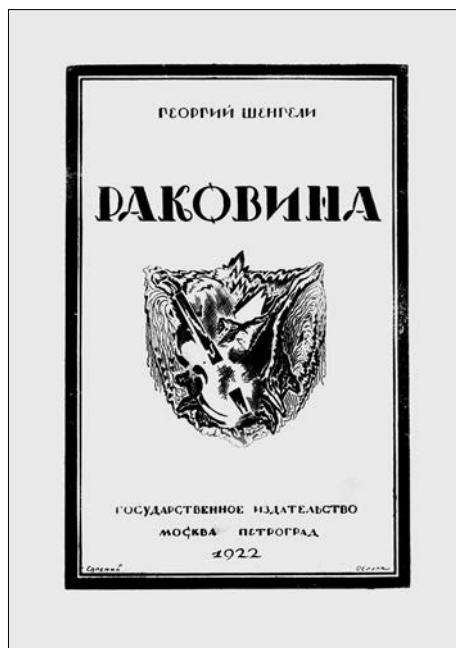
²²⁷ РГАЛИ. Ф. 3102 (Лидин В.Г.). Оп. 1. Ед. хр. 1070. Л. 1.

Можно усомниться и в следующих его словах: «Цветаева несколько насмешливо отзывалась о Мандельштаме как о наивном и простодушном человеке, слишком уж явно и открыто проявлявшем свои эмоции из-за ревности: ревновал свою молоденькую жену, полудевочку-полуженщину с хрустальными ясными глазами, к поэту Георгию Шенгели»²²⁸. Во всяком случае, отношения друзей от этого не испортились.

Завоевывать столицу Георгий Аркадьевич ехал не с пустыми руками — и, действительно, привезенные рукописи продались успешно. В течение следующих полутора лет Госиздат выпустил: большой поэтический сборник «Раковина» с подзаголовком «второй том стихов» (подразумевалось — второй после «Гонга»); четыре тома — из первоначально задуманных шестнадцати²²⁹ — «Полного собрания поэм» Верхарна (сборники «Вечера», «Разгромы», «Черные факелы», «Призрачные деревни», «Появившиеся на моих путях», «Лозы моей стены», «Галлюцинирующие селения», «Города-спруты», «Многообразное сияние») в элегантных обложках работы Мстислава Добужинского; второе — увеличенное в два раза и, по словам автора, «полное» — издание «Органической метрики» — первой части «Трактата о русском стихе». Шенгели печатался в «Красной нови» — лучшем из тогдашних советских литературных журналов, что было большой удачей для «иностранца», в первом и единственном номере «Нового мира», вышедшем в 1922 г., — совсем не того журнала, который мы знаем под этим названием, в литературной газете «Московский понедельник», в «Известиях ВЦИК и Моссвета» — стихотворение

²²⁸ Зайцев П.Н. Воспоминания. М., 2008. С. 296.

²²⁹ С порядковыми номерами 2, 3, 5 и 6. На обложках всех томов указано: Москва, 1922 — хотя только т. 2 вышел в Москве (остальные в Петрограде), а т. 3 и 5 увидели свет в 1923 г. Написание вступительной статьи к собранию Шенгели предложил поручить Волошину; тот согласился, но сотрудничество не состоялось. В 1922 г. Госиздат Украины в Харькове выпустил «Города-спруты» как нумерованный (единственный) выпуск «Полного собрания поэм» Верхарна в переводах Шенгели.

«Раковина». (1922). Обложка Е.Д. Белухи

«Пять лет» в «праздничном» номере от 7 ноября 1922 г., а также в совсем не советском петроградском альманахе «Утренники».

Московская «Раковина» настолько отличается от керченской, что это не второе, пусть даже дополненное, издание, но две разные книги с одинаковым заглавием. Журнальный формат в сочетании с мелким, тоже журнальным, шрифтом; стильная обложка Евгения Белухи; хорошая бумага; двухтысячный тираж. В книгу вошли 66 стихотворений и поэмы «Шумы раковин. (Глава неоконченной поэмы)» и «Поручик Мертвецов»: 30 из первой «Раковины», все 19 из «Изразда», остальные из журналов и альманахов плюс 10 напечатанных впервые.

Автор строго подошел к отбору текстов, оставив за пределами сборника «Апрель над обсерваторией», стихи, в которых чувствовались отзвуки «Гонга», и «Еврейские поэмы» за исключением «Грядущего». «Раковина» полно представляла сделанное после «Гонга»:

«парнасские» сонеты, «новое пушкинство», сдержанно-трагическую, стоическую ноту «Израца», к которым добавились как будто не характерные для «сурового математика» мотивы:

В граненой проруби, в крутых отрезах льда
Сапфиром залегла тяжелая вода.

И пар, чуть розовый, слегка зарей облитый,
Восходит облачком и чистой Афродитой

Оплотневает там, в полярных небесах.
От белых риз ее летит к нам белый прах.

И замирает взор, лебяжьим пухом нежим,
И любят девушки умыться снегом свежим.

Внимательный читатель должен был разглядеть в книге нового Шенгели — нового по отношению не только к «Гонгу», но даже к «Израцу».

Всю ночь в окно плескал тревожный ветер,
Луна дрожала, и тяжелый гул
В подвале возле дома расседая.
А утром точно голубой Везувий
Рассыпал пепел голубой, — и небо,
И море, и казармы у залива
Запорошились голубизной.
Лед в бухте взбух как голубая пробка,
А там за молом, антрацитной синью
Сияющий расправился залив,
И сахарные льдины побежали,
Свободные под ветром на волне...

Кажется, мало кто это заметил и оценил, как и завершавшую книгу гротескную поэму «Поручик Мертвецов» из эпохи гражданской войны в Крыму, ранее опубликованную в «Красной нови».

«Шенгели создавал свою поэтику, которую он называл *атомистической*. Если материя состоит из неделимых частиц — атомов, то

поэзия создается из ряда образов, где каждый есть синтез зрительных впечатлений и различных знаний. Превосходно вооруженный филологической культурой, наделенный чувством меры и вкуса, поэт обновил язык стиха за счет сжатости его, при которой слово звучит полновесно. Не только строгая форма сонета, требующая от автора известного самоограничения в средствах выражений, но и белый стих, где каждый глагол, каждое определение в чеканке ритма подчинены строгой творческой воле»²³⁰.

Официозные критико-библиографические журналы отрицательно отзывались о «Раковине», обвинив автора в неоригинальности и пассаизме.

«Книга и революция»: «Довольно культурный, чуткий, отзывчивый, он не выработал своего оригинального лица с “необщим выражением”. Таких как он, светящих заимным огнем, воспаляющихся только от чужого огня, от прочитанной книги, у нас теперь много. Между всеми ими в отдельности есть, конечно, неизбежные различия, но все они вместе не составляют никакой новой ступени. Это явление небезразличное и подлежащее учету в истории нашей культуры, в истории разлития поэтических форм, но не в истории развития их, и поэзия в этих своих служителях не обретает ничего нового. Каждый из них — своего рода хрестоматия образцов, сборник мотивов, лишенных взаимной внутренней связи. Как любой из них, Шенгели холоден и немзыкален»²³¹.

«Печать и революция»: «Нельзя сказать, чтобы Шенгели не умел обращаться со стихом, — нет. Но приходится добаться до гораздо более печального вывода: автору совершенно незачем уметь рифмовать. Сказать ему нечего, поэтического темперамента <...> у него нет и в помине. Самым ремесленным образом кропает автор стишок за стишком, то ямбик, то сонетик, все прилично, безлично и — скучно, так скучно, что сил нет. О чем бы автор ни говорил, он говорит теми

²³⁰ Шаповалов М. В «четырнадцатизвездном созвездьи». (Поэт Георгий Шенгели) // Лепта. 1994. № 19. С. 166.

²³¹ Книга и революция. 1923. № 1. С. 58.

же словами, которыми давно уже было сказано — и сказано именно то, что он вот сейчас собирается сказать; он пишет тем стихом, каким писали слабые символисты, вроде Чулкова, подбавляя туда чуточку акмеистического стоицизма, но кому нужна эта канитель»²³².

Фамилии рецензентов объясняют многое. Автор первого отзыва Николай Лернер метил не столько в незнакомого ему поэта, сколько, полагаю, в его учителя — Брюсова, с которым в то время по любому поводу сводил счеты в печати. Второй рецензент «А. Юрлов» — Сергей Бобров, «фирменным стилем» которого была ругань, не стесненная приличиями.

Законченным пассеистом предстал Шенгели под пером Бориса Гусмана в сборнике литературных портретов «100 поэтов»: «Поэзия — слабое и бессильное отражение жизни в “зеркалах потускневших”, поэзия — “настой давно угаснувшего солнца” — вот холодный завет Георгия Шенгели, начертанный на его поэтических скрижалях. <...> Это будет не “пламень”, а “спокойные чернила”, не живой “ветр”, не “воздух”, не горячее и живое солнце, а слова о ветре, воздухе и солнце. Не смея противоборствовать жизни, Георгий Шенгели уходит от нее в глухие и далекие века истории. <...> Но напрасны попытки бежать от живой жизни. Веселым гулом врывается она сквозь всякие, даже наглухо закрытые, окна и двери. <...> Георгий Шенгели пришел к жизни, но она, в вольном беге своем, уже умчалась вперед, от “уютных домиков” и вечеров, наполненных “мечтами о прошлом”, к борьбе за будущее, равно светлое и радостное для всех. И если не захочет поэт снова погрузиться в сны о “запредельных сферах” и отгородить себя от жизни “сказочными химерами”, он догонит жизнь на новых путях ее»²³³.

Жаль, что для «Раковины» ни у кого не нашлось добрых слов, даже у Брюсова, получившего сборник с надписью: «Валерию Яков-

²³² Печать и революция. 1923. Кн. 7. С. 272–273.

²³³ Гусман Б. 100 поэтов. Литературные портреты. Тверь, 1923. С. 276–277.

левичу Брюсову от автора. 31/XII 22.»²³⁴. В итоговой статье о после-революционной поэзии он отнес Шенгели к выдуманным им «нео-акмеистам» — «длинной веренице поэтов, которые, может быть, станут негодующе протестовать» против этого. Основания для протеста нашлись бы почти у всех, поскольку Валерий Яковлевич «чохом» записал туда Багрицкого и Георгия Иванова, Нарбута и Адамовича, Лившица и Олешу²³⁵. Шенгели «акмеистом» ни в кавычках, ни без кавычек себя не считал, хотя в 1934 г. «Большая советская энциклопедия» назвала его «эпигоном» акмеизма; «Малая советская» тремя годами ранее констатировала, что «оригинальное творчество Ш. близко к акмеизму»²³⁶.

В попытках группы поэтов, в том числе знакомых и друзей, привить акмеистическую розу к московскому дичку²³⁷ Шенгели тоже не участвовал, но еще в Харькове писал о «Драконе» — первом сборнике возрожденного Цеха поэтов: «Маленькая тетрадка, лишний раз показывающая, что Петербург остается городом наследников Пушкина. Стихи прекрасные. Разительна их сжатость, точность фразы, равновесие образов, целомудренность красок, упругость и гибкость ритмов. <...> Классически-ясные строки эти («На каменных отрогах Пиэрии...» Мандельштама. — В.М.) говорят о неумирающей преемственности красоты, о строгой созвенности исторического процесса, и служат блестящей иллюстрацией к статье Мандельштама “О классицизме”, в которой удачно доказывает он, что, как метод восприятия явлений и запечатления их в слове, “классицизм есть поэзия революции”. Прекрасная поэма Гумилева “Дракон”, передающая старую восточную легенду, написанная великолепным свободным стихом. <...> Статья Гумилева “Анатомия стихотворения” четко и

²³⁴ НИОР РГБ. Ф. 386. Книги. 1463.

²³⁵ Вчера, сегодня и завтра русской поэзии (1922) // Брюсов В. Среди стихов. С. 589.

²³⁶ БСЭ. Т. 62. М., 1934. Стб. 289; МСЭ. Т. 10. М., 1931. Стб. 43.

²³⁷ Подробнее: Соболев А.Л. Биографический очерк // Минаев Н. Нежнее неба. Собрание стихотворений. М., 2014. С. 588–593.

убедительно говорит об основных законах формы и является обвинительным актом по отношению к московским шпагоглотателям, называющим свои писания стихами»²³⁸.

Гремевшим в Москве имажинистам Шенгели посвятил памфлет «Да он голый» в первом выпуске петроградского альманаха «Утренники».

«Стихописанию теперь предаются все. Поток забубенных обложек заливает витрины. Стихотворство стало формой общественного мышления — совершенно так же, как некогда кружковые словопрения. Как в кружках 60-х годов изрекали несосветимые глупости хорошо подвешенными языками, так теперь с отчеканенным апломбом выборматывают дрянные до последних пределов стихи. Как кружковое многоглаголанье было по существу вне подлинной философской или политической мысли, так и современное недержание рифмы — вне настоящей поэзии. Тогда размножался и верховодил Шигалев, теперь плодится и царит Шершеневич. Тогда литератор Кармазинов лебезил перед Верховенским, теперь Ивановы-Разумники превозносят Есениных. Бесы...

Посмотрим, что такое все эти носящие новое платье короли.

Прежде всего люди, которых тошнит. Их тошнит от всего «Старого» — от образов мировой истории, от памятников искусства и слова, от всех проблем, встающих перед духом; от философии, от точного знания, от политики, от религии, от быта — от всего. Они — поэты мировой тошноты. И их икотные спазмы отзываются во всех их свершениях — в их образах, в ритме, в их созвучиях, в их композиции, в их утверждениях, в их теориях.

Их стихи — «каталог образов»; их стихи читаемы без ущерба в любой последовательности строк сверху вниз и снизу вверх, и в пережку. Их ритм «автономен», т. е. ничего не выражает, отдираясь как кожа мятого апельсина от смыслового и эмоционального рельефа. Их

²³⁸ Шенгели Г. Дракон. Альманах стихов // Новый мир (Харьков). 1921. 14.10; цит. по: Тименчик Р. «Записные книжки» Анны Ахматовой. Из «Именного указателя» // Стих, язык, поэзия. Памяти М.Л. Гаспарова. М., 2006. С. 628.

брам-рей и фор-зейлер, и всякий столяр блеснет шерхебелями и цыгунбелями, так что “закорки” и “елани” — чушь морок, афродизиак для кокаинных дам: “Lise, — мужичок!”.

А маститый Брюсов говорит, что всё это, может быть, и плохо, но это де искания! А публика всерьез принимает эти лягавые достоинства за поэтическое обаяние и почитает *Cherche-еневичей*²³⁹ поэтами.

Слово — точный слепок человеческого духа. Слово — величайшая организованность. Каждая доля словесного произведения не имманентна в своем смысле, в своем образном облике, в эмоциональном звучании, в ритменной пульсации — но определяется всеми предыдущими долями, определяя последующие. Учение старых риториков об “общих местах”, которыми начинаются образцовые произведения, плодотворно. Первые высказывания должны быть обозначимы. Дальнейшие могут вести к самым эквилибристическим парадоксам — сложной системой приемов. Здесь предполагается способность к целостному восприятию, развитая память. Здесь раскрывается возможность простейшими разговорными словами, без образов — без метафор вычерчивать отдельные композиционные сгустки, игрой которых построятся высказывание целого.

Но крошечная вселенная баров и кино, автомобилей и кокаина не вмещает ничего, что превосходило бы размерами желудочную иллюзию. И поэты, которым и должно осмысливать гигантский опыт, им предстоящий, и облекать его в слово, идут путем пилюльных фабрикантов. Изолированный образ — пилюля, иногда черт знает из чего сделанная. Проглотить легко, и катарральные колики унимаются.

²³⁹ 2 мая 1922 г. поэт Т.Г. Мачтет записал в дневник слова Шенгели, сказанные в Союзе поэтов: «Хотя у нас два поэта есть с началами слов “шерш” и “куси”, но они ничего еще не нашли, и я считаю в России поэтами только Ходасевича, Мандельштама и Ахматову»: «Так жили поэты...» (Шершеневич и мир литературной Москвы в дневнике Тараса Мачтета) // Дроздов В.А. *Dum spiro spero. О Вадиме Шершеневиче и не только. Статьи, разыскания, публикации.* М., 2014. С. 767. Примечательно неупоминание Брюсова и Волошина.

Отсюда и семисаженная реклама: “Покупайте пилюли Есенина! Капсулы Мариенгофа!”.

И покупают, и глотают, и много довольны: “сотни благодарственных писем!”.

Разврат словесный ширится, укореняется, общественная мысль расшатывается, умение ясно выражаться, а значит и ясно мыслить, умение и без того не великое, испаряется. Стихотворение захлестывает все новые и новые слои: оказывается — легко!

Не пора ли отрезвиться? Не пора ли приклеить голым королям фиговые листки общественного невнимания?²⁴⁰

Сказанное соответствовало «линии» «Утренников», считавшихся органом пассаистов и «внутренних эмигрантов». Что привело новопеченного москвича Шенгели в петроградский альманах, не страдавший от нехватки авторов? Полагаю, возможные земляческие связи: в 1913 г. Александр Лутохин — отец будущего редактора «Утренников» Долмата Лутохина — жил в Керчи и служил начальником материальной службы Управления южных железных дорог.

Придававший значение не только литературному, но и политическому направлению альманаха, Лутохин, видимо, попенял новому автору за участие в пробольшевистском «Новом мире». Его письмо не сохранилось, но 16 июня 1922 г. Шенгели подробно объяснил свою позицию:

«Мне хочется задать Вам один вопрос, встающий передо мной в связи с последними Вашими строками. Вы говорите: “как можно, поддерживая традиции «Вестника Литературы» (петроградский журнал. — В.М.), печататься вместе с Городецкими...”. Видите ли, касательно “Нового мира”, встреча моя под одной обложкой с Городецким произошла случайно: вначале редактором “Нового мира” был Владимир Нарбут, имя и личность которого я уважаю, и который предполагал дать журналу совсем иное, чем проявилось, направление; тогда-то я и дал несколько стихотворений, и тон одного из них (о Людовике XVI <“22 января 1793 г.”> — вчитайтесь в него) совсем не в лад

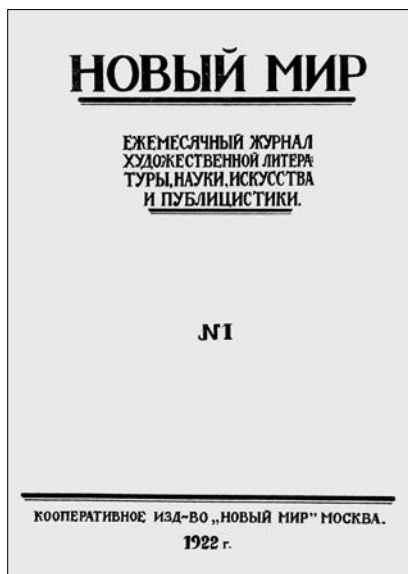
²⁴⁰ Утренники. Кн. 1. Пг., 1922. С. 98–99.

с дудкой Городецких. Затем Нарбут уехал и не вернулся; редактура перешла к Серафимовичу, и журнал стал тем, чем стал.

В дальнейшем я в нем сотрудничать не буду, хотя во втором № еще появятся стихи и статья о Верхарне, — данные еще в феврале. Но, безотносительно к этому, я считаю, что непроницаемые переборки между органами различных направлений в настоящее время не могут возводиться. Я решительно не вижу оснований, по которым одна обложка не может соединять литераторов из разных лагерей, а одна марка (скажем, Госиздата, где печатаются тот же Городецкий и Айхенвальд, Волошин и др.) — может. Я не знаю, почему писателю могут быть вменены ошибки его соседей по журналу или альманаху, — ошибки характера политического или этического, а промахи, нелепости и пр. в научных и иных суждениях его не касаются.

Старое утверждение, что писатель, давая согласие на участие в данном органе, как бы солидаризируется с его направлением, — теперь должно быть решительно отброшено: писатель печатается в данном органе потому, что ему надо печататься. Вы спросите: “а почему же Вы, Георгий Аркадьевич, уклоняетесь от дальнейшего участия в «Новом Мире»?”. — Потому, что теперь у меня спросили бы стихов совершенно определенного тона, а таковых у меня нет, и писать я их не стану. Вот двурушничество — дело иное. Плевать на то, чему поклоняешься, в двух органах стоять на противоположных позициях, — нельзя.

Но я не хочу переубеждать Вас. Я излагаю мой взгляд и прямо спрашиваю: ввиду того, что я печатаюсь в “Красной Нови”, в “Накануне”, в ряде других изданий определенного направления, — не является ли мое участие в “Утренниках” для этих последних неудобным? И прошу Вас, Долмат Александрович, если Вы найдете, что я должен был бы выбирать между “Утренниками” и названными органами, — не отвечайте мне на это письмо. Я пойму, а Вам не придется испытывать легкую неприятность составления письма с отказом. Отказ же следует, если Вы стоите на точке зрения несовместимости, ибо я, поклонник и будущий постоянный читатель Вашего журнала, все-таки должен буду

Единственный номер журнала «Новый мир» (1922). Обложка

отстаивать для себя возможность печататься там, где меня будут печатать. Если же Вы не непримиримы, — черкните открытку.

Заодно, — так как я всё же надеюсь эту открытку получить, — сообщая Вам, что статья о Пастернаке может пойти и в виде рецензии. Я ее сумею сжать почти вдвое. Нет ли недоразумения (Вы говорите о ее убедительности): статья содержит *отрицательную* оценку поэзии Пастернака как со стороны ее художнических методов, так и со стороны ее идеологического багажа; мне казалось бы, что это не явилось бы противоречащим тону “Утренников”, почему и сугубая убедительность, требующаяся от парадоксов, едва ли в данной статье необходима»²⁴¹.

«Новый мир» закрылся после первого номера. «Утренники» после второго выпуска были закрыты властями, а Лутохин выслан за границу, поэтому статья осталась ненапечатанной и до нас не дошла.

²⁴¹ ОР ИРЛИ. Ф. 592 (Лутохин Д.А.). Ед. хр. 270. Фрагменты: *Тименчик Р.* «Записные книжки» Анны Ахматовой. С. 630, 634.

Литературные и личные отношения Шенгели и Пастернака никогда не изучались. В 20-е годы первый отрицательно отзывался о стихах второго, в частности в письмах к Шкапской. 13 декабря 1931 г. на дискуссии в Московском отделении Всероссийского союза советских писателей по докладу Асеева «Сегодняшний день советской поэзии», полному выпадов против Пастернака, Шенгели поддержал последнего. Но тут же удостоился от него порицания: «Я должен покаяться и простить себе не могу того, что не ворвался с репликой в то время, когда Шенгели упомянул имя Маяковского, которое он не смел вслух произносить. Это главный грех его выступления»²⁴². На сей раз Георгий Аркадьевич Маяковского не ругал, а лишь возразил Асееву, порицавшему «старые ритмы»: «Последние стихи друга Н.Н. <Асеева>, крупного поэта <Александра> Безыменского, были написаны пятистопным ямбом. Тот самый размер, которым написан “Домик в Коломне”. Он звучит у Пастернака и Маяковского, и я совершенно не понимаю, почему невозможно широкое применение пятистопного ямба и других размеров»²⁴³.

Позднее они общались по переводческим делам. «Мне хочется приняться за Верхарна, да и пора», — делился Пастернак с Шенгели в начале 1938 г.²⁴⁴. Однако в январе 1944 г. Георгий Аркадьевич написал гневное стихотворение «Поэту» по поводу военных стихов Пастернака: «Детей разбуженных испуг / Вовеки не простится».

Ах, только это?! Только то,
Что детки заревели,
Когда, укутанных в пальто,
Вы их тащили в щели?

А те, которых в белый день
Босых в сугробы гнали,

²⁴² Пастернак Б. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. V. Статьи, рецензии, предисловия. Драматические произведения. Литературные и биографические анкеты. Неоконченные наброски. Стенограммы выступлений. М., 2004. С. 428–429.

²⁴³ Цит. по: Пастернак Б. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. V. С. 718.

²⁴⁴ Пастернак Б. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. IX. Письма 1935–1953. М., 2005. С. 130–131.

Когда хатенки деревень
Из края в край пылали?

А те, которым с маху лбы
Дробили как тарелку,
Для улучшения стрельбы
По ним ведя пристрелку?

А те, кто по два, по три дня
Ворочались в могиле,
Покуда, танки пригоня,
Ее не прикрутили?

А те... Да что перечислять!
Полно полмира стоном!
Поэту рупором бы стать,
Реветь бы мегафоном!

Поэту б раскалить клеймо,
Убийцам в лоб впечатать!..
А Вы, сдастся мне, трюмо
В подвале стали прятать...

Мы ничего им не простим,
Мы им простить не смеем,
Покуда всю их землю дым
Не стиснет черным змеем!

Пусть Ненависть трубит свой зов:
Нет горше нашей боли;
Ее «как пятна с башлыков»
Не снять щепоткой соли.

Пера задача и Ножа —
Убийцам в сердце впиться!
И писк жеманного чижа,
Поверьте, не простится!

Вскоре после войны Шенгели в статье «Пастернаковский Шекспир» назвал переводы Бориса Леонидовича «фальсификацией Шекспира», отметив их распространенность и восторги критики. «Таким

образом, его переводческая продукция приобретает значение *образца* для других советских переводчиков (“вот как надо переводить”), а с другой стороны значение советского *рекорда* в глазах иностранного читателя (“вот как переводит первый поэт России и, очевидно, лучший ее переводчик”). <...> Отрицательные следствия этого таковы: 1) советский читатель получает неполноценную продукцию; 2) советский переводчик учится переводить небрежно и неточно; 3) внимательный иностранный критик, подвергнув эти переводы разбору, вправе усмехнуться: “что это за страна, первый поэт которой переводит так плохо?”. А это имеет уже непосредственное политическое значение. В силу этого необходимо перейти от огульных и непродуманных дифирамбов к серьезной критике этих переводов и добиться от их талантливого автора существеннейшей переработки его труда». Далее следовал подробный разбор, в котором в вину Пастернаку ставились «постоянная неточность, приобретающая характер крайнего обеднения и упрощения оригинала», «отдаленный и грубый пересказ». Как и все послевоенные критические выступления Шенгели, статья не увидела света, хотя и была приготовлена к печати²⁴⁵.

II

В обоих выпусках «Утренников» появились грубые выпады против Брюсова, однако участие Шенгели не мешало общению поэтов. На новый 1923 год они обменялись переводами из Верхарна. На «Поэмах», выпущенных петроградской «Всемирной литературой», Валерий Яковлевич написал: «Геorgию Аркадьевичу Шенгели на память о беседах и в знак уважения. Валерий Брюсов. 1922, под Новый год, 31 декабря»²⁴⁶. Шенгели подарил мэтру второй и шестой

²⁴⁵ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 78. Л. 56–73.

²⁴⁶ Местонахождение книги неизвестно; копия: НИОР РГБ. Ф. 386 (Брюсов В.Я.). Карт. 111. Ед. хр. 39. Каталог «Прижизненные издания Валерия Яковлевича Брюсова» (М., 1985. С. 73) со ссылкой на «Книжную летопись» датирует выход книги 1–15 февраля 1923 г.

Эмиль Верхарн. «Полное собрание поэм в переводах Георгия Шенгели»
Том 2 (1922). Обложка М.В. Добужинского

выпуски своего собрания с одинаковой надписью: «В.Я. Брюсову от переводчика. 31/XII 22.»²⁴⁷.

Книги были внимательно изучены, хотя с карандашом в руках Брюсов читал другой экземпляр, видимо, купленный ранее или полученный из Госиздата. Уже 3 марта 1923 г. он послал в журнал «Печать и революция» статью «Верхарн на прокрустовом ложе» (№ 3), ответ на которую Шенгели озаглавил «Валерий Брюсов между двух стульев» (№ 6). Не вдаваясь в сущность профессионального спора, оглашу «результативную часть».

²⁴⁷ НИОР РГБ. Ф. 386. Книги. 1461–1462.

ВЕРХАРН НА ПРОКРУСТОВОМ ЛОЖЕ.

Э. Верхарн. Полное собрание поэм, в переводах Георгия Шенгели. Гос. Изд. Т. II. (Вечера, Разгромы, Черные Факелы). М. 1922. Стр. 80. Т. III. (Призрачные деревни, Появившиеся на моих путях, Лозы моей стены). М. 1923. Стр. 130. Т. V (Галлюцинирующие селения, Города-спруты). М. 1923. Стр. 124. Т. VI. (Многообразное сияние). М. 1923. Стр. 68.—Э. Верхарн. Стихи. Перевод В. Федорова. Гос. Изд. М. 1922. Стр. 128.

Валерий Брюсов.

Валерий Брюсов. «Верхарн на прокрустовом ложе»
(Печать и революция. 1923. Кн. 3)

Брюсов: «Можно ли всё это признать переводом Верхарна? Нет. Георгий Шенгели вяло, хотя стихами, которые иногда и не плохи сами по себе, передал кое-что из каждой поэмы Верхарна. Это “кое-что”, конечно, взято из Верхарна, но рядом стоит многое, мало имеющее общего с Верхарном, а то и прямо ему чуждое. Более половины образов не похожи на Верхарновы или обледнены, порой (увы! — это так) опошлены. Размеры нередко плохо соответствуют французским; выбор рифм не напоминает оригинала; внутренние рифмы, внутренние аллитерации, вся игра звуками, вся звукопись — пропали. В общем получилось нечто бледное, прежде всего бледное, лишенное той энергии речи, той яркости картин, в которых вся сила Верхарна, нечто, постоянно срывающееся в шаблон, в общее место, в банальность. <...> Читатель вправе думать, что читает по-русски Верхарна. И, читая, недоумевает: почему же Верхарн признан великим поэтом? Что “великого” в этих стихах, порой интересных по замыслу, но порой непонятных (без справки с подлинником), часто банальных, тягучих и вялых, везде бледных, в общем скучных. Кто же скажет читателю, предупредит его, что это — не Верхарн? что в переводах Георгия Шенгели Верхарн уложен на прокрустово ложе: чего не хватало переводчику, то подтянуто, что превышало его силы, то откинуто! <...> Есть искажения крупные, есть мелкие, иногда чуть заметные, но их так много, а верно переданных стихов так мало, что целое перестает быть поэзией Верхарна. Госи-

III. ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ МЕЖДУ ДВУХ СТУЛЬЕВ.**Георгий Шенгели.**

(По поводу статьи В. Брюсова: «Верхарн на Прокрустовом ложе»).

Валерий Яковлевич Брюсов, переводчик Верхарна (это, конечно, только одна из сторон его многообразной литературной деятельности), в третьей книге журнала «Печать и Революция» вновь дал блестящий образчик своей критической зоркости и полемической грации. Пространная статья, воплотившая эти качества В. Я., посвящена моим переводам Верхарна и, то уходя в туманы общих утверждений, то занимаясь выла-

Георгий Шенгели. «Валерий Брюсов между двух стульев»
(Печать и революция. 1923. Кн. 6)

здат выпустил вовсе не “собрание поэм” бельгийского поэта, а сборники стихов Георгия Шенгели на Верхарновы темы».

Шенгели: «Трудно претендовать одновременно на кресло лучшего переводчика Верхарна, — при переводческих данных В.Я., — и на кресло неподкупного судьи всех, дерзающих приложить руку к тому же Верхарну. В.Я. метнулся от одного сиденья к другому, — и в результате... Обрисовка этой позитур и составляет задачу настоящей статьи, и да не посетует В.Я., если в ней я, раз или два, прибегну к его тонкому приему параллелей». Далее следовали ответы на аргументы противника с отсылками к его собственной переводческой практике. «Но и оставляя в стороне частности, — закончил Шенгели, — я полагаю, что читатель признает справедливым название настоящей статьи и по достоинству оценит критические приемы В.Я., достоинство которых мало соответствует его собственному, Валерия Брюсова, достоинству».

Спор закончился коротким брюсовским «Ответом Георгию Шенгели», помещенным вслед за «Валерием Брюсовым между двух стульев»: «Хороши ли переводы Валерия Брюсова или плохи, резка ли была его статья 1907 г. (о переводах Волошина из Верхарна. — В.М.) или кротка, как ягненок, многообразна ли его деятельность или единообразна, — переводы Георгия Шенгели от того никак не улучшаются. <...> Достоинства переводов все-таки будут зависеть только от того, имеются ли в них указанные мною недостатки или нет. Т. Шенгели,

собственно, и не оспаривает, что недочеты, обличенные мною, в его переводах есть; он только настаивает, что иначе и нельзя».

«Полемика на этом завершилась, — рассказал критикуемый в воспоминаниях о критике, — Верхарн мой продолжал выходить, но я думал, что после такой дуэли у меня с Брюсовым “все кончено”, что он не простит мне моих резкостей». Из-за рецензии Брюсова или нет, выпуск «Полного собрания поэм» прекратился, однако Шенгели на следующие десятилетия оказался главным русским переводчиком стихов Верхарна. Именно его работы сформировали представление о великом бельгийце у нескольких поколений читателей советской эпохи, как ранее — работы Брюсова, хотя для старшего поэта Верхарн — современник и друг, а для младшего — классик, остающийся живым литературным явлением.

Рецензируя «Избранные стихи» Верхарна под редакцией Шенгели, выпущенные в 1936 г. «Молодой гвардией», где его переводы и переводы Брюсова представлены почти поровну (36 и 35), переводчик и литературовед Константин Локс писал: «Два наиболее крупных переводчика Верхарна — Брюсов и Шенгели — пользуются неодинаковыми методами. Брюсов переводит более свободно, более по-своему; Шенгели стремится дать точный перевод. Не входя в частности и в обсуждение спорных случаев, мы должны признать, что самый дух поэзии Верхарна и основная тональность его символики переданы обоими переводчиками с достаточной полнотой. Не будем забывать, что задача была исключительно трудна. Верхарн для перевода не менее труден, чем Шекспир, которому он близок смелостью своих метафор и гиперболизмом образов»²⁴⁸.

Прочитаем стихотворение «Древняя любовь» из книги «Черные факелы» в переводе Шенгели:

В саду, где львы влекут меланхолично
Тяжелый поезд вековой любви,

²⁴⁸ Локс К. Поэтический путь Верхарна // Книга и пролетарская революция. 1938. № 4. С. 143.

Эмиль Верхарн. Гравюра Ф. Валлотона (*Р. де Гурмон. Книга масок. СПб., 1913*)

На башне огненно зажглись глаза мои
И вот — глядят меланхолично
На поезд вековой любви.

Как четки, груди яростных цариц
Сияют золотом кинжалов с колесниц.
Сердца пронзенные трепещут на кинжалах,
Горят глаза Медуз на дышлах алых.
И торсы голые на пьедесталах скрытых
Безмолвно говорят о древних Афродитах.
И сзади, за косу влекомая, едва
Сочится кровью голова
Иродиады.

И пламенники бурь, герои сказок старых,
Убиты! — взорами каких чудовищ ярых?

Вот ночи — в жемчуге и мраморе узорном —
Бегут, — и ряд могил там, на Востоке черном!

Где ныне чудища, хранители мечей,
Покрытых кровью молний, где Персей?

Где лотосы и лилии лобзаний,
Где вороха цветов и песен, и вызваний?

Где руки строгие, что спят бессмертным сном
Над преклонившимся на груди солнца лбом?

Где все любовники, что как дубы златые,
Из сада смерти в высь, в закат, простерли выи?

И там, где львы меланхолично бродят,
Увидели глаза мои,
Как колесницы вековой любви
Из сада памяти торжественно выходят, —
Глаза мои, что с башни взор возводят.

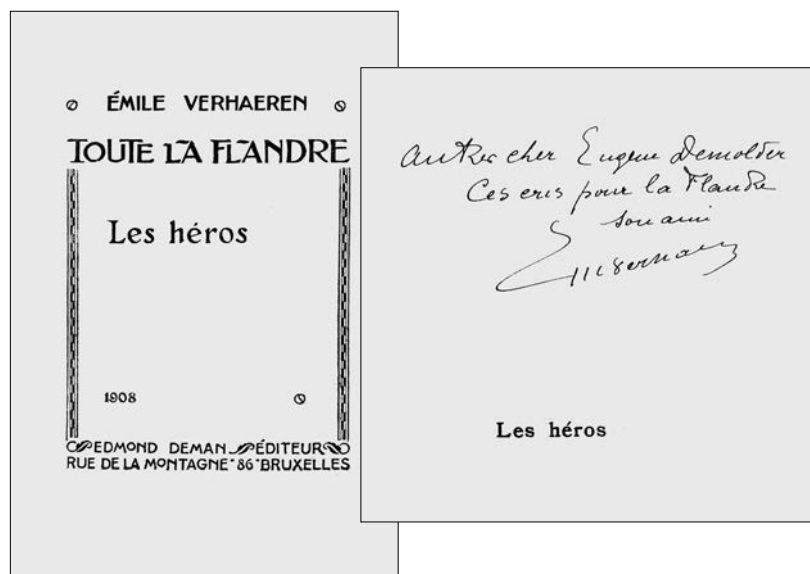
К каким разверстым далям и гробам,
К каким забвениям, к каким небытиям,
К каким развалинам, в какое содроганье
Мчат львы багряные тяжелое дыханье?

К каким изгнаниям шаги их правят путь,
Их бедные шаги, — в какую твердь
Бездонную, в какую муть,
В какую смерть?

Кровавый горизонт над городом громадным,
Над башнями мостов, ушедших в небеса;
Скрывает черный дым покровом жадным
Лучистые безмолвных звезд глаза,
Как саван простираясь в небеса.

Заводы буйствуют, багряным гневом прыща, —
Куда помчится завтра бег судеб?
Не вскиснет ли, в подпочве ночи, хлеб
Из костяков забытого кладбища?

Потоки сносят мировой простор
В подвалы банков и контор,
И вдруг экспресс, гремящий и свистящий,
Сплавляет город с далью спящей.

Эмиль Верхарн. «Вся Фландрия. Герои» (1908). Обложка
Инскрипт Эмиля Верхарна Эжену Демольдеру на авантитуле

К каким забвениям, к каким гробам,
К каким безумиям, к каким небытиям,
К каким смертям, в какое содроганье
Львы старые мчат тяжкое дыханье,
Когда, покинув сад и изваянья дев,
И тень прохладную дерев,
Они влекут по улицам, в прибое
Ревущих толп, в железном лязге, вое,
В огне, в смятении, в крови, —
Ничтожный поезд вековой любви?

Теперь прочитаем другой текст, опубликованный в том же 1922 г.:

Видениями заселенный дом,
Моя, растущая, как башня, память!
В ее саду, над тинистым прудом,
Застыв, стоит вечеровое пламя;
В ее аллеях прежние мечты

На цоколях недвижны, меди статуй,
И старых тигров чуткие четы
Сквозь дрему лижут мрамор Апостату.

Как же ты
Вошла в мой сад и бродишь среди статуй?
Суровы ярусы многоэтажной башни, —
Стекло, сталь и порфир.
Где, в зале округленной, прежде пир
Пьянел, что день отважней, бесшабашней,
Вливая скрипки в хмель античных лир, —
В померкшей зале темной башни
Тишь теперь.

На бархатном престоле зоркий зверь,
Привычный председатель оргий,
Глаза прищуря, дремлет, пресыщен:
Окончив спор, лишь тень — Сократ и Горгий;
Вдоль стен, у шелковых завес, еще
На ложах никнут голые гетеры,
Но — призраки, навек сомкнувшие уста;
И лишь часы в тиши бьют ровно, не устав
Качаньем маятника двигать эры.

Зачем же ты,
Как сон и новый и всегдашний,
Вошла в мой сад и бродишь возле башни?

Там выше,
По этажам, к недовершенной крыше,
В заветных кельях — облики: глаза
Целованные, милых губ рубины,
Спавшие мне плечи волоса, —
И комнат замкнутых глубины
Дрожат под крыльями произнесенных слов...
Их, вещей птиц, в года не унесло!
Их пепел фениксов, как радуги,
Вычерчивая веера дуги,
Слепит меня опять, опять
И, волю воском растопя,
Невозвратимостью минут тревожит.

Чего же
Тебе искать в незавершенной башне,
Где слишком жуток сон вчерашний!

В саду,
Где памятники с тиграми в ладу,
Где вечности и влажности венчанье, —
В саду — молчанье,
Свой мед кадят нарциссы Апостату,
Над бронзой Данте черен кипарис,
И, в меди неизменных риз,
Недвижим строй в века идущих статуй.
Но все же роз кричащий запах,
Но все ж в огне зальденном запад —
Пьяны разгромом грозовым,
Страшись, чтоб, на росе ночуя,
Но шаг непризнанный почуя,
Тигр пробужденный не завыл!

Видениями заселенный мир, —
Сад и растущая, как башня, память!
На меди торсов, сталь, стекло, порфир
Льет воск и кровь вечеровое пламя;
Горят венцы, волна к волне, в пруду;
Пылая, к статуям деревья льнут в бреду;
По травам блекнувшим раскиданы статеры
Вовек не умирающей росы,
И лишь из башни ровно бьют часы,
Не уставая двигать эры.

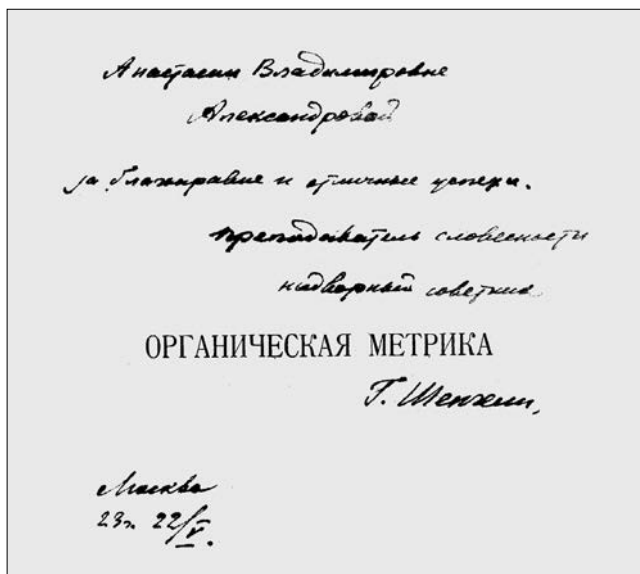
Зачем же ты,
Как сон и новый и всегдашний,
Вошла в мой сад и бродишь возле башни,
Где слишком жутки чуткие мечты?
Иль ночь напрасно краски отымала?
Иль цоколям свободным статуй мало
И может с медью спорить парос,
Чтоб кровь по мрамору текла?
Иль должно к башне из стекла
Прибавить куполоподобный ярус,

Где все сиянья старины,
Умножены, повторены,
Над жизнью, как пустым провалом,
Зажгутся солнцем небывалым,
Во все, сквозь временный ущерб,
Вжигая свой победный герб!

Это стихотворение Брюсова «Дом видений», написанное 17 апреля 1921 г. и впервые напечатанное в его сборнике «Миг», который вышел в марте 1922 г., когда шенгелиевский Верхарн готовился к печати в Госиздате. На взгляд внимательного читателя стихов, налицо связь, если не прямое сходство двух текстов. Объяснение напрашивается само собой: Валерий Яковлевич тоже перевел это стихотворение. Его перевод под заглавием «Забытая любовь» впервые увидел свет в итоговом издании «Поэм» Верхарна, законченном к лету 1922 г. и вышедшем в самом конце года, и... куда менее похож на «Дом видений», чем «Древняя любовь» Верхарна-Шенгели. Объяснить не берусь. Как писал в таких случаях В.Ф. Марков, *эпрбуирт*: «Это предоставляется разбирать более удачливым и расторопным толкователям».

Отношения Шенгели с Брюсовым после полемики о Верхарне не испортились, но приняли новую форму. 8 июня 1923 г. Государственная академия художественных наук (ГАХН) — одно из последних пристанищ «буржуазной» интеллигенции, причем еще почти без партийного контроля, — избрала Георгия Аркадьевича действительным членом за «Трактат о русском стихе». В том же году «Книгоиздательство писателей в Москве» выпустило его «Практическое стиховедение».

Рецензируя «Трактат» в английском журнале «The Slavonic Review», Дмитрий Святополк-Мирский отметил: «Это определенно шаг вперед. Он содержит систему, которая проведена с начала до конца. Метод Шенгели (и единственно возможный) — это объяснение просодии русского стиха посредством ритмической структуры русского языка. <...> Недостаток книги в том, что Шенгели — дилетант в фонетике. Его теория существования в русском языке вторичных усиливающих ударений нуждается в подтверждении серьезными фонети-

Инскрипт Георгия Шенгели Анастасии Александровой на авантитуле второго издания книги «Трактат о русском стихе. Часть 1. Органическая метрика» (1922)

ческими методами. Но нужно признать, что он исключительно хорошо согласует теорию с фактами»²⁴⁹. Георгий Аркадьевич упомянул отзыв в автобиографии военных лет, правда, не назвав фамилию рецензента²⁵⁰ — вернувшегося в СССР в 1932 г. и репрессированного пять лет спустя.

О трудах Шенгели-стиховеда с уважением говорили даже в годы замалчивания их автора. «Он очень способствовал нашей стиховедческой жизни, — вспоминал в начале 1970-х годов Леонид Тимофеев, бывший ученик и коллега. — <...> Наша стиховедческая школа новейшая, <...> они все его ценят и штудируют его работы <...> Он, конечно, и суховат очень, ограничен как стиховед, но у него есть

²⁴⁹ The Slavonic Review. 1924. Vol. 2. № 6. P. 657; перевод цит. по: Мирский Д. О литературе и искусстве: статьи и рецензии 1922–1937. М., 2014. С. 70.

²⁵⁰ ВЭМ; опубликована: Молодяков В. Загадки Серебряного века. М., 2009. С. 269–270; далее цит. без сносок.

чувство стиха. Все-таки собственная поэтическая, так сказать, позиция давала ему многое ощутить изнутри по поводу стиха. Как стиховед он интересен, и работы его сохранили интерес по сие время, бесспорно»²⁵¹.

Получивший новое издание первой части «Трактата о русском стихе» с надписью: «Многоуважаемому Валерию Яковлевичу Брюсову от автора. Москва. 31/III 23»²⁵², адресат не только оценил книгу, но и вступился за Шенгели «письмом в редакцию», когда Бобров снова изругал его в «Печати и революции» (1923, № 4). «Вместо того, чтобы ознакомить читателя с вопросом, ему неизвестным, стиховедением, и показать, почему тот же Г. Шенгели, по его, Боброва, мнению, разрешает их неверно, — рецензент довольствуется тем, что хлещет этого Шенгели ругательными словами “и в хвост и в гриву”. “Определение ритма (у Шенгели) никуда не годится”, говорит С. Бобров. Какое определение? Почему оно никуда не годится? — Да вот С. Бобров заявил, и баста! “Совершенный вздор начинается, как только Шенгели отваживается переплыть фонетику”. Какой вздор? <...> Чудовищно, а далее следуют одни ругательства: “квалифицированно надутый вздор”, “сплошное дилетантство”, “ровно ни на что не годится” и тому подобное. <...> Все это не рецензия, и все это, по терминологии самого С. Боброва, “ровно ни на что не годится”. Рецензент должен познакомить читателя с книгой, указав на ее достоинства (если такие есть) и ее недостатки (обосновать последнее утверждение); а то лучше просто выписать заголовки, крикнуть “вздор” и подписаться “С. Бобров”, не тратя трех столбцов на непомерную ругань». Письмо сохранилось в черновике; было ли оно отправлено, неизвестно, но в журнале реплика Брюсова не появилась²⁵³.

«В конце лета 1923 г. я совершенно неожиданно, — вспоминал Шенгели, — получил предложение занять кафедру стиховедения в

²⁵¹ Тимофеев Л.И., Поспелов Г.Н. Устные мемуары. М., 2003. С. 30–31; далее цит. без сносок.

²⁵² НИОР РГБ. Ф. 386. Книги. 1465.

²⁵³ ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 581–582, 575.

«Программы и учебные планы» Высшего литературно-художественного института им. В.Я. Брюсова (1924). Обложка

Высшем литературно-художественном институте, ректором которого был Брюсов.

Я пришел в Институт. Брюсов, держась со мной несколько сухо, повторил мне то же предложение и на удивленный вопрос, почему он намерен отказаться от этой кафедры, сказал:

— Мы с вами будем чередоваться, как классные дамы. В этом году вы будете на первом курсе читать энциклопедию стиха, а я весь “класс стиха” на втором и третьем курсах. В будущем году вы будете вести “класс” на втором курсе²⁵⁴, а я начну энциклопедию на первом и буду заканчивать “класс” на третьем; в следующем году — наоборот. У вас будут постоянные ученики, у меня — свои.

²⁵⁴ ВЛХИ им. В.Я. Брюсова. Программы и учебные планы. М., 1924. С. 22–23, 29–30.

Я все же повторил свой вопрос: для чего нужен второй профессор?

Брюсов сказал мне несколько слов по поводу моего “Трактата”, которые я не считаю нужным здесь повторять, и пояснил, что считает весьма полезным часть студентов пропускать через мою “мясорубку”, как он выразился.

Я с искренней благодарностью принял приглашение и ушел, чувствуя восхищение человеком, сумевшим стать выше подсказок самолюбия. Зная мой строптивый нрав, будучи если не оскорблен, то сильно задет и “Двумя ‘Памятниками’”, и верхарновской полемикой, он ни на минуту не поколебался поставить меня, почти юношу (мне было двадцать девять лет), в равное с собой положение в том Институте, где он был полновластный хозяин. На это мог быть способен лишь сильный и честный человек.

Я начал работу».

В воспоминаниях бывшей студентки ВЛХИ Евгении Захаровой (в замужестве Рафальской), принятой летом 1923 г. сразу на второй курс, рассказана история конфликта студентов с Аделиной Адалис, последней любовью Брюсова, которой он поручил вести класс стиха вместо себя. «Мы хотим учиться у Брюсова, а не у Адалис», — заявили они. Возмущенный Валерий Яковлевич, по ее словам, вообще отказался работать с ними, и его заменил Шенгели. «Занятия с ним состояли в бесконечном изучении схем и ритмов стиха. По этим схемам мы писали и свои стихи. Разбирали ритмически и стихи известных поэтов. Сначала это казалось интересным, но в конце концов бесконечный анализ приводил к тому, что наслаждение стихом пропадало»²⁵⁵. «Рокировка» преподавателей привела к тому, что с началом 1924/25 учебного года второй курс перешел к Брюсову. «Студенты, узнав, что не я буду с ними работать, а Брюсов, крайне огорчились: “целый год ждали Вас”», — сообщил Георгий Аркадьевич Шкапской 5 октября

²⁵⁵ «Консерватория слова». Из воспоминаний Е.Б. Рафальской о Высшем литературно-художественном институте имени В.Я. Брюсова / Предисл., публ. и примеч. А.Л. Евстигнеевой // Русская литература. 2001. № 2. С. 192–193, 196.

1924 г. Это написано во время последней болезни Валерия Яковлевича, после смерти которого класс стиха перешел к Шенгели.

Георгий Аркадьевич запомнил несколько разговоров с Брюсовым, ценных для характеристики обоих собеседников:

«Мы сидели и молча курили, вдруг Брюсов спросил:

— Как вы находите мои “Основы стиховедения”?»

Книга эта, которую в первом издании (“Краткий курс науки о стихе” 1919 г. — В.М.) свирепо изругали ленинградские стиховеды, только что (в первой половине мая 1924 г. — В.М.) вышла в переработанном виде.

Я стал говорить и указал на некоторые неточности в первоначальных формулировках. Брюсов нахмурился:

— Да, вы правы. Жалею, что не показал вам книгу в гранках.

Помолчал и потом без всякого перехода спросил:

— Вы верите в жизнь за гробом?

— Нет, не верю, — сказал я.

— А я верю. Или, точнее, я знаю, что я буду жить как личность и после смерти.

Я ответил, что если бы он просто верил, то я не стал бы спорить: вера есть безусловная данность и не может на что-либо опираться, но если он “знает”, то он должен это знание обосновать. И Брюсов, с большим остроумием, исходя из закона сохранения энергии, стал доказывать, что личность, как энергетическая монада, всегда равная себе, независимо от содержания сознания и от многократной смены физиологического коррелята в виде мозговых клеток, не может истребиться. Мне было бы не очень трудно опровергнуть эти выкладки, но мне не хотелось огорчать собеседника, впервые потянувшегося ко мне со своим и, видимо, наболевшим вопросом. Я сказал:

— С такими воззрениями легко жить.

— Нет, — грустно сказал Брюсов, — тяжело. Страшно думать, что целую вечность будешь с самим собою».

«Георгий Аркадьевич навещал больного, умирающего Брюсова, — вспоминала Иоанна Матвеевна. — Когда Валерий Яковле-

вич сильно ослаб, то просил никого к нему не допускать, Брюсову было трудно произносить слова, но Георгий Аркадьевич всё же каждый день приходил узнавать, как дела». «Шенгели и Брюсов имеют между собой какое-то родство», — заметила она в том же выступлении на вечере памяти младшего из поэтов²⁵⁶. 13 октября 1924 г., на следующий день после похорон Валерия Яковлевича, Шенгели писал Шкапской: «Я в какой-то мере становлюсь наследником Брюсова. <...> Меня не покидает странное чувство: мне давно говорили о каком-то сходстве, внутреннем, между мной и Брюсовым; я перешиб у него Верхарна; я нес его гроб; — какая-то связанность жизней».

К другому письму приложено стихотворение, получившее заглавие «У гроба Брюсова»:

Тяжелый серебряный креповый свет
От крепом затянутых накрепко ламп.
В дубовом гробу костенеет поэт,
И костью над гробом ломается ямб.

Как странно звучит панихида стихом.
Как странно и стих в панихиде звучит.
Кость мыши летучей, разрыв и разлом,
Крошится о крестик, нашитый на щит.

О, магия слова! Игрушка ночей!
Вот скулы камфарные вдвинуты в гроб.
А ну-ка, попробуй под крепом лучей
С крахмальной подушки поднять этот лоб!

И вьются летучею мышью слова
Под крепом затянутых накрепко ламп,
Крошится мышьиною косточкой ямб,
В гробу — парафиновая голова.

«Связанность жизней» оказалась на всю жизнь. По замечанию М.А. Гаспарова, знавшего и ценившего творчество обоих поэтов, «Шенгели в советской поэзии оказался чем-то вроде исполняющего

²⁵⁶ Стенограмма. Л. 15.

Инскрипт Георгия Шенгели Иоанне Брюсовой
на титульном листе книги «Избранные стихи» (1939)

обязанности Брюсова»²⁵⁷. Летом 1927 г. Шенгели привез в Коктебель Волошину недавно изданные «Дневники» Валерия Яковлевича и сделал надпись на книге, хотя не имел отношения к ее изданию. 11 сентября 1930 г. Иоанна Матвеевна подарила «милому Георгию Аркадьевичу» «Избранные стихи» мужа, выпущенные в 1915 г. в серии «Универсальная библиотека»²⁵⁸, а 31 января 1940 г., получила «Избранные стихи» Шенгели с дарственной надписью «от большого друга великого поэта».

«Великим поэтом» Георгий Аркадьевич назвал Брюсова и в выступлении на вечере его памяти 20 декабря 1938 г., подчеркнув, что «это не случайное выражение, не оговорка, не комплимент, не штамп»:

²⁵⁷ Гаспаров М. Георгий Шенгели, ученый поэт // Арион. 1997. № 4. (<http://www.arion.ru/mcontent.php?year=1997&number=29&idx=446>)

²⁵⁸ Марков А. «Он знал их всех...»: записки о Г.А. Шенгели и его окружении // Библиофилы России. Альманах. Т. VI. М., 2009. С. 132.

«Я действительно глубоко убежден, что в Валерии Брюсове с нами соприкасалась великая творческая личность. <...> Огромный ум, огромный темперамент и огромный талант — все это спаяно в его творчестве в одно целое»²⁵⁹. К пятидесятилетию смерти Брюсова в октябре 1939 г. Шенгели написал обзорную популярную статью о «крупнейшем русском и европейском поэте конца прошедшего и первой четверти нынешнего века», которая увидела свет в «Вечерней Москве» сокращенной почти в два раза²⁶⁰. Среди выброшенного — видимо, самим автором, вынужденным «резать» текст, — оказались не только сравнение «многогранного и целеустремленного» Брюсова с Ломоносовым, но и известные слова Сталина о ленинизме как «соединении русского революционного размаха с американской деловитостью».

В стихах сказать о том же получилось короче — и лучше:

Подобен панцирю затянутый сюртук,
Подобен мрамору воротничок сорочки,
Скульптурно-четок слом скрещенных цепко рук, —
И бронзою звенят и тяготеют строчки...

В гортанном клекоте всегда каленых слов,
В пантерьем отблеске зрачков неугасимых
Вилось предчувствие грядущих катастроф
И скорбь о рухнувших Ассириях и Риммах.

Как резонатором огромная душа
На гуды всех эпох стозвучно отзывалась
И, всеми горями и дымами дыша,
Тяжелой поступью столетий любовалась.

А в повседневности, среди обычных дел,
Умела находить рубеж, накал, кипенье, —
Вдоль черной пропасти прочерченный предел,
За коим страстный бред иль попытка преступления.

²⁵⁹ Брюсов В. Неизданное и несобранное. Стихотворения. Проза. Венок Брюсову. Воспоминания о Брюсове. Varia. М., 1998. С. 210–213.

²⁶⁰ Шенгели Г. Валерий Брюсов // Вечерняя Москва. 1939. № 231. 08.10. С. 3; полный текст: РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 6–11.

Кишенье толп людских, труда извечный лязг,
Отравы мятежей, самоубийств соблазны,
Загадки звездных сфер и судороги ласк —
Все им воплощены, как стих многообразны.

Так, в сердце бытия, он *трепет без конца*
Постиг и подстерег, и окунулся в трепет, —
И в нас вливалась дрожь, в нас прядали сердца,
Когда бывало он, читая, руки сцепит,

Как бы сдавив огонь и молнию взнуздав...
И в годы гневные, когда его Россия
Тряслась до самых недр, потоком алых лав
Сметая и крутя преграды вековые,

Не мог он не пойти навстречу лаве той,
Не мог не сделаться *напевом бури властной*
И лиру не сложить к ногам страны родной,
Преображенной и прекрасной!

Откликаясь на выход в 1945 г. пятидесятитысячным тиражом «Избранных стихотворений» Брюсова под редакцией Иоанны Матвеевны, Шенгели написал еще одну газетную статью, оставшуюся неопубликованной. С учетом жанра там не стоит искать новых мыслей и неожиданных суждений, хотя есть и совсем не «каноничные» утверждения: «Все нынешние поэты — ученики Брюсова, хотя бы они были совсем на него непохожи. Ораторский стиль одних, урбанизм других, изощренные формы третьих, историко-культурная нагрузка четвертых, смелость в выборе тем, в построении образа и метафоры пятых, и общая для всех вера в человека, в труд, в революцию, в Грядущее — все это проросло на осмеянных когда-то томиках нашего великого Валерия». Автор подарил машинопись составительнице сборника с надписью: «Дорогой Жанне Матвеевне Брюсовой мое последнее стихотворение в прозе. Г. Шенгели. 25/VIII-45 г.»²⁶¹. Не увидели свет

²⁶¹ НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 120. Ед. хр. 14; по этому источнику впервые опубликована: Брюсов В. Неизданное и несобранное. С. 206–209.

при его жизни и написанные годом позже воспоминания о Брюсове — единственный законченный фрагмент задуманной книги «Элизиум теней». По ним можно судить, какими могли бы быть его мемуары.

Георгий Аркадьевич и его вторая жена Нина Манухина нечасто, но заглядывали к жившей неподалеку «тетке Жанне», особенно в дни памяти Валерия Яковлевича. Шенгели давал ей советы, как общаться с издателями²⁶², и по мере сил хлопотал о выходе книг недопозволенного поэта. В 1949 г., когда в очередной раз застопорилась тянувшаяся в Государственном издательстве художественной литературы (ГИХЛ) с предвоенных лет работа по подготовке собрания его сочинений²⁶³, Шенгели составил пространную, с умело подобранными цитатами из Маркса, Энгельса, Ленина и «Краткого курса», «докладную записку» «Творчество Брюсова и проблема издания его произведений». Копии ее он намеревался направить Г.М. Маленкову и М.А. Суслову в ЦК ВКП(б), В.М. Молотову и К.Е. Ворошилову в Совет министров, в Управление по делам печати и издательств и в Президиум Союза писателей.

Чтобы убедить адресатов — на понятном им языке — в нужности полного издания Брюсова в «идеологическом фонде советских людей», Шенгели, отлично освоивший советский «новояз», но пытавшийся изложить на нем то, что действительно думал, педантично разбирает «легенды» о его «декадентстве», «символизме», «эротизме», «индивидуализме», «эстетстве» и «формализме». Акцентируя внимание на «недооценке и непонимании» Брюсова, которого «не издают или издают крайне мало, скучно и боязливо», автор отметил обилие изданий «поэта-мистика, носителя больных настроений» Блока²⁶⁴. Была ли отправлена «докладная», неизвестно. Вряд ли кто-то из предполагаемых адресатов стал бы читать столь объемный текст по столь ничтожному — с их точки зрения — поводу. Что до собрания сочинений Брю-

²⁶² Письмо от 23 мая 1949 г.: НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 157. Ед. хр. 44. Л. 2.

²⁶³ Анонс собрания сочинений Брюсова в 12 томах: ЛН. Т. 27/28. М., 1937. С. 687–688.

²⁶⁴ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 12–27.

сова, то результатом довоенного проекта оказался лишь двухтомник «Избранных произведений», вышедший в 1955 г. Именно о нем один из первых брюсоведов Николай Ашукин горько сказал: «Срубили мы дерево, чтобы изготовить лодку, а сделали зубочистку»²⁶⁵.

Шенгели переживал, когда считал поминки Брюсову недостойными его памяти. 29 октября 1954 г. он с горечью записал об очередном вечере: «Постыдное позорище: гнусный доклад <Виктора> Гольцева²⁶⁶ — сплошное блеяние — и развязные выклики <Павла> Антокольского. От концерта уехал»²⁶⁷. «30-летие смерти Валерия Яковлевича отметили в Союзе писателей только после того, как я пожаловалась в ЦК, — делилась вдова поэта 16 декабря с литературоведом Д.Е. Максимовым. — Вечер устроили вместо 9-го только 29. Хорошо, что хоть устроили. <...> Иван Алексеевич Новиков председательствовал, первым выступил В. Гольцев. Он, ко всеобщему ужасу, был пьян так, что не мог произносить ни слова»²⁶⁸.

Зато на вечере в честь 80-летия Иоанны Матвеевны 25 февраля 1956 г. супруги Шенгели выступили с коллективным стихотворным приветствием, в котором узнаваемо прозвучало блоковское «Имя Пушкинского дома в Академии наук...». Написанное десятью днями ранее, оно оказалось последним стихотворением Георгия Аркадьевича:

«Это имя так знакомо»,
Им полна еще Москва:
Имя Брюсовского дома
На Мещанской, 32.

В годы чеховских безверий,
Рима строгий старожил,
Здесь великий наш Валерий
С пиеридами дружил.

²⁶⁵ Цит. по: О составителях // Ашукин Н. Щербаков Р. Брюсов. М., 2006. С. 637.

²⁶⁶ В.Я. Брюсов // Гольцев В. Статьи и очерки. М., 1958. С. 71–78.

²⁶⁷ Записная книжка: РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 106; далее цит. без ссылок.

²⁶⁸ ОРиРК ГПБ. Ф. 1136 (Максимов Д.Е.). Ед. хр. 15. Л. 4.

В годы затхлого застоя,
Чуя в далях грозный шквал,
Мыслью мир грядущий строя,
Он в простор межзвездный звал.

Из глубин алмазы вырыв
Для тернового венца,
Правдой вечною кумиров
Обжигал он нам сердца.

Созидатель и учитель,
Кифаред и дровосек,
Точно храм свою обитель
Завещал он нам навек.

И когда туда приходим,
Грустной нежностью дыша,
Там не тлен, не прах находим, —
Там встречает нас душа.

Та душа, что неустанно
Дом живила, с ним жива,
Наша Жанна, «тетя Жанна»,
И-о-ан-на Брю-со-ва.

Та десятая камена,
Что с творцом, в руке рука,
Безоглядно, неотменно
Шла, безропотно-легка!

Секретарь, подруга, няня.
Исповедница, жена,
Шла по скалам, ноги рая,
Отреченно шла она.

И в кристаллах самоцветных,
Что Валерий огранил,
Сколько ею незаметных
И великих влито сил!

Нет такого междометья,
Что венцом бы стать могло, —

Пригласительный билет на вечер,
посвященный 80-летию Иоанны Брюсовой. 1956

В день 80-летия
Увенчав ее чело!..

Имя Жанны, будь знакомо!
Слава Жанны, будь жива:
«Муза Брюсовского дома»
На Мещанской, 32.

Стихотворение было вручено имениннице в виде машинописной книжечки в парчовом переплете, «изданной» в одном экземпляре²⁶⁹.

«Тетя Жанна» пережила своего младшего друга и в 1958 г. выступала в Доме литераторов на вечере его памяти...

III

Первые годы пребывания в Москве круто перевернули личную жизнь Шенгели. «Я много любил, никогда не был “несчастлив” (об

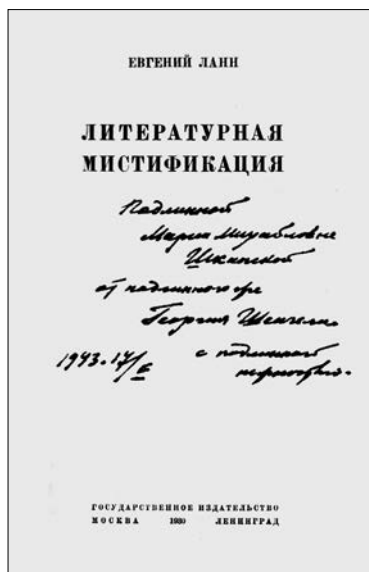
²⁶⁹ РГБ. Ф. 386. Карт. 141. Ед. хр. 48.

этой стороне моей жизни не знает никто; Вам говорю впервые), — но никогда не был и счастлив; уходил с ощущением обманутости, с желанием убить», — признался он 23 августа 1923 г. Марии Шкапской. Откровенные письма к ней нетипичны для Шенгели, старавшегося сдерживать свой бурный темперамент и при этом остававшегося максималистом. Он делился тем, о чем не говорил никому, включая Юлию, в отношениях с которой усиливались взаимное недоверие и раздражение.

«Скажите, у Вас бывают “вывихнутые мысли”: стоите Вы, примерно, с другом у остановки трамвая и, когда оный подходит, вдруг подумаете о друге: “А что, если столкнуть его под колеса, — что бы он подумал?” — и т. п. во всевозможных вариациях? И, если бывают, то как Вы после “мысли” относитесь к ее предмету — так же как “до” или уже иначе? Мне очень интересно и важно это знать. В каждом, по-моему, сидит совершенно тебе неизвестное существо, этакий квалифицированный солипсизм, — и в этих “мыслях” показывает вдруг когти: “Я тут”. Жутковато становится: и что, если он когда-нибудь не только когти покажет, но и весь вылезет?» (10 апреля 1924 г.).

«Одну женщину, которая очень меня любила, которая, при большой избалованности сознанием своего обаяния, за ласковую мою интонацию прощала мне трехчасовое ожидание меня на морозе, я экспериментаторством довел до серьезнейшей попытки к самоубийству. И не то, чтоб я холодно любовался, как корчится другой человек, — мне самому до слез бывало больно. Знаю, знаю, — дрянно; не рисуюсь вовсе “достоевщиной”; но иногда бывает полоса: точно обезьяньих сливок напился. И прощают; ведь вот: прощают! Досадуя, мучась, — прощают» (1 марта 1924 г.).

«Романа» у Георгия Аркадьевича и Марии Михайловны не было (хотя позже он подозревал наличие у нее подобного «интереса»), что делало возможной откровенность. «Зачем я это Вам рассказываю? Вот зачем: для изображения программы-максимум, по которой я хотел бы строить любовь женщины ко мне. Только той любви мне хочется, которая приняла бы всё, которой мне не было бы стыдно ни в чем, которой я мог бы сознаться в любой мерзости, не высказав

Инскрипт Георгия Шенгели Марии Шкапской на титульном листе книги Евгения Ланна «Литературная мистификация» (1930)

ни слова осуждения. Хорошенький идеал, а? И все-таки — не могу от него отделаться. И никогда мне не удавалось осуществить его: на 10 %, на 3, — на полпроцента, — не удавалось! Всегда у женщин, меня любивших и мне прощавших, был какой-то предел выносливости, Ах, если бы его не было, — хотя на секунду. Тогда я переродился бы. Я стал бы бесконечно добр и мягок, уступчив и заботлив. Я знал бы, что меня любят действительно, до дна, *больше всего на свете, не требуя* от меня ничего. <...> И тогда я дал бы всё. Но — никогда этого не было и не будет никогда. Скверная натура, тяжелая натура, сама строящая ветряные мельницы, чтобы с ними сражаться» (17 марта 1924 г.).

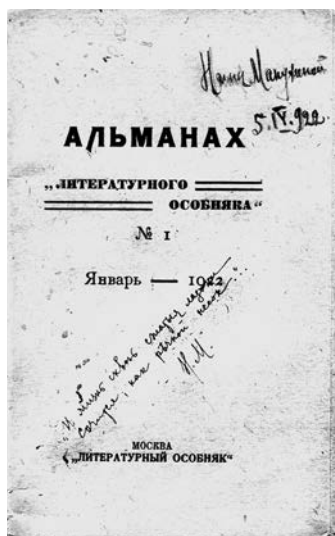
Шенгели делал эти признания, когда в его жизнь уже вошла поэтесса Нина Леонтьевна Манухина, бывшая на год старше. Они познакомились 21 июля 1921 г., когда Георгий Аркадьевич ненадолго приехал в столицу, на заседании объединения «Литературный особняк».

Намеренно-простой и строгий туалет,
На выпуклых губах притушен свет улыбки,
От загнутых ресниц трепещущий отсвет,
И карих глаз отливов странно-зыбки.
На худенькой руке запаянный браслет, —
Изменчивых опалов жуткие загадки
Напоминают про мистический обет,
Про подвиги любви, которой муки сладки.
Тембр голоса усталый и глухой,
Надломленность порывистых движений,
И, ради призрака мечты, безумной и больной,
Вся жизнь полна не чувств, а только отражений...

Этот «Автопортрет» Манухиной датирован 1919 годом. В литературной Москве Нина Леонтьевна, жена обеспеченного врача, успевшая до революции побывать во Франции и Швейцарии, появилась в конце 1918 г.²⁷⁰ В начале февраля 1919 г. мы видим ее среди основателей Секции классической и неоклассической поэзии при Всероссийском союзе поэтов (ВСП) — объединения, не богатого громкими «именами», но просуществовавшего более десяти лет в различных формах и под разными названиями, включая «Литературный особняк». С этого времени она участница многих поэтических вечеров, привлекающая внимание не только стихами, но и внешностью.

«Кто в этой уже несколько нескромной поэтессе, ярко одетой и эффектной, — записал в дневник 26 июня 1919 г. поэт Тарас Мачтет, прилежный хроникер литературной жизни столицы первых послереволюционных лет, — узнал <бы> молодую конфузлившуюся Ярославну, кутающуюся в черную шаль и, рассеянно ставшей вместо эстрады на ступеньки, читающую свои стихи о Париже <“Мечта о Париже”>. Переполненная зала кафе ее пугала, вызовы и аплодисменты заставляли уходить в себя, а иногда и совсем игнорировать какой-нибудь раут поэтесс. <...> Весна ли, лето ли переменили поэтессу, быть может,

²⁷⁰ Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1. Ч. 1–2. Москва и Петроград. 1917–1920 гг. 1921–1922 гг. М., 2005 (по указателю).

«Альманах “Литературного оboзрения”». № 1 (1922)

Обложка с владельческой записью Нины Манухиной. Собрание Б.Н. Романова

успех, но я не узнаю теперь прежней Нины. Широкие шляпы, яркие цвета, ухаживатели вроде Арго и Федорова, курение папирос и т. п. В секции она держится как-то особняком. Вот она сидит у раскрытой двери балкона в плетеном кресле, опустив голову на руки. Вокруг прения, споры, а она точно в другое царство ушла и мечтательно вперила взор во что-то, думает, думает. Ее синее платье, так гармонируя со старинными украшениями нашей залы, ее красивое лицо, лихорадочный румянец на щеках импонируют. Кажется, что это не молодая женщина, признанная поэтесса, сидит, задумавшись, а куртизанка, которой чужды и поэзия, и возвышенное»²⁷¹.

До начала НЭПа молодому поэту, не имевшему протекции в Госиздате, было трудно издать книгу, но Нине Леонтьевне это удалось — полагаю, на средства мужа. В 1920 г. она выпустила в

²⁷¹ «Так жили поэты...» // Дроздков В.А. Dum spiro spero. С. 672–673. Поэтам Арго (Абраму Гольденбергу) и Василию Федорову посвящено по одному стихотворению в сборнике «Не то...».

Кашине первый и, как оказалось, единственный сборник «Не то...»; в 1921 г. участвовала в первом сборнике «Литературного особняка», годом позже в двух сборниках «Лирика», представлявших «неоклассиков» — группу поэтов внутри «Особняка». Второй сборник «Литературного особняка» вышел только в 1929 г. и без стихов Манухиной, но она получила его с самокритичным инскриптом Николая Захарова-Мэнского «Нине с любовью редактор сего весьма слабого opus'a». В конце двадцатых Манухина перестала выступать с оригинальными стихами, но осталась участницей литературной жизни Москвы, причем не как жена Шенгели, но «сама по себе» — о чем свидетельствуют адресованные ей дарственные надписи собратьев по перу из разных поколений. Борис Садовской — добрый знакомый обоих супругов — в 1926 г. посвятил ей стихотворение:

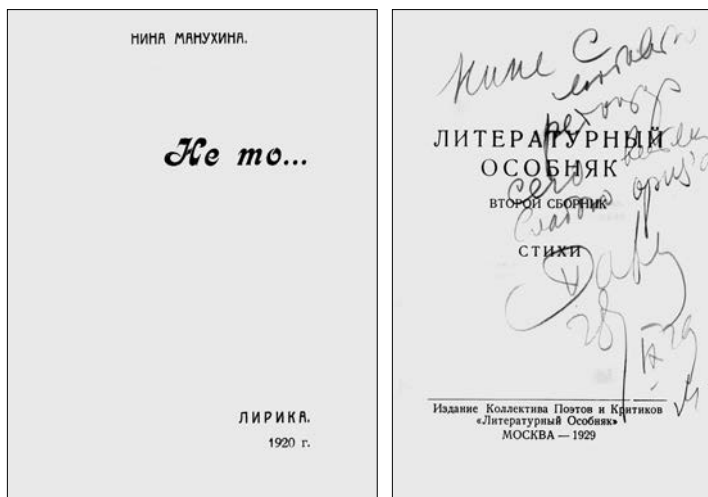
...Твой стих напомнил мне упругую мимозу,
Я в нем созвучия родные узнаю.
Прими ж сухой листок и брось живую розу
На лиру ветхую мою.

А тремя годами позже написал на титульном листе редчайшего и, возможно, лучшего из своих сборников «Обитель смерти» (1917): «Изящнейшей Нине Леонтьевне Манухиной от одного из поклонников ее оригинального дара»²⁷².

«Сближение с Ниной» Георгий Аркадьевич датировал в записях для себя 27 августа 1922 г., но уже в июньском стихотворении зафиксировал, согласно помете в автографе, «первое свидание у Храма Христа»:

Я не сплю... Ведь было, было это!
Кремль, река, прозрачный храм,
Мох на грубых плитах парапета,
Летний зной и птичий гам...

²⁷² Обе книги с инскриптами: ВЭМ. См. также: Забытая поэтесса // Марков А. Магия старой книги. Записки библиофила. М., 2004. С. 552–556.

Нина Манухина. «Не то...» (1920). Обложка
 Инскрипт Николая Захарова-Мэнского Нине Манухиной на титульном листе
 книги «Литературный особняк. Второй сборник. Стихи» (1929)

Ласточка, ты взором замерцала,
 На меня взглянула ты,
 И душа к твоим ногам упала
 С невесомой высоты.

Было сладко мне, и торопливо,
 И взволнованно, едва
 Подбирал я в кипени порыва
 Неповторные слова...

Ты ушла, сказала мне — «спасибо!»,
 Нина, ласточка, — зачем?
 Это я был счастлив, счастлив, ибо —
 Для тебя не стал ничем...

В апреле 1923 г. она писала ему:

Не девочкою — странницей усталой
 Войду в твой дом: прими и обогрей...

...Лишь для тебя я снова жизнь приемлю,
Я новую с тобой хочу увидеть землю,
Обетованную, что ты мне обещал.²⁷³

Второе, московское издание «Раковины» открывалось посвящением жене Юлии, но отношения с ней закончились окончательным разрывом в начале июня 1924 г., во время совместного пребывания в Крыму. «С Юлей мы разошлись, — писал он 16 июня в Ленинград Шкапской. — Собственно, не произошло ничего такого, что не происходило бы и раньше. Я убедился с полной отчетливостью, что Юлия мои интересы, мой труд, мое здоровье с легчайшим сердцем приносит в жертву своим подругам и, дабы, провести с ними время в Коктебеле, хладнокровно создает такую денежную обстановку, при которой мой отдых (и не от работы, а от Москвы, от дрязг, от тягот), совершенно необходимый мне, — готов полететь к черту. Я не буду детализировать перед Вами всю эту грязь, ложь, шептанье и пр. Эту мою убежденность я высказал Юле 10-го числа; произошла дикая сцена, в результате которой у меня прокушена рука (вот, пожалуй, “новое”), и я ушел. На следующее утро, в отсутствие Юли, вернулся, собрал необходимые вещи и унес их в мой подвал; на следующий день снабдил мачеху и Юлю деньгами, дописал Вам письмо и уехал. Свободен. Тяжелый опыт, занявший 9 лет в моей жизни, а отнявший наверное 20. Баста». А неделю спустя добавил: «Если женщина, один раз пойманная на лжи, два раза — на утайках, три раза на шептаньях с подругой, может всем этим отравить взрослому и не совсем же, все-таки, бессодержательному человеку несколько лет жизни, отравить до дна, развинтить ему нервы, сделать его подозрительным, грубым, лгушним, сделать его сыщиком и перлюстратором, — то никогда в жизни я не дам ничьему женскому обаянию развиваться в неуклонно наличествующую возле меня и надо мной силу!»

²⁷³ Это и другие цитируемые далее стихотворения Манухиной впервые опубликованы В.Г. Перельмутером в книге: *Манухина Н. Смерти неподвластна лишь любовь*. М., 2006.

Борис Садовской. «Обитель смерти» (1917). Обложка
Инскрипт Бориса Садовского Нине Манухиной на титульном листе

Перед отъездом в Крым Георгия Аркадьевича одолевали нелегкие мысли, которыми он 9 июня делился с Шкапской: «Знаете, что мне хочется выкинуть? Я думал: предположим, я умру: скажут, хороня, что "хорошо умереть молодым", и всё устроится без меня: и семья, и издательство, и кредиторы, и Институт; так почему бы не украсть паспорт, не положить старые штаны и портки где-нибудь на берегу — дескать, утонул, купаясь, — и не драпануть (хорошее словечко?) куда-нибудь в Ленкорань, где начать совсем новую жизнь, писать стихи и печатать их под чужим именем, настрочить монографию о безвременно погибшем Шенгели и т. д.? Ведь из тюрьмы бежать не стыдно; почему стыдно бежать от жизни, ставшей тюрьмой? Но... праздные мечтания».

В начале июля 1924 г. Шенгели приехал в Коктебель. От весенних встреч с Волошиным в Москве у него остались не лучшие впечатления, хотя больше литературного, чем личного характера. «Учить Макса — бесполезно, — делился он с Шкапской 25 апреля. — Его сверстники уже разучились писать, он же не научился до сих пор, — до седых волос, подагры и Марьи Степановны <Волошиной>. Что

же можно сделать со столь “закоростовевшим” человеком? <...> Вы говорите, что в Коктебеле он “все это переварит”. Ничего не переварит: нельзя травоядное кормить бифштексом; нельзя символиста и антропософа, учившегося по гнусным образцам Бодлера и Верхарна, заставить усвоить материалистическую формальную честность Пушкина и современности... Я и молчал». На личных отношениях поэтов это как будто не сказалось, но пробыл Шенгели в Коктебеле недолго, став сразу по приезду виновником небольшого — как тогда показалось — скандала. Шесть лет спустя Волошин занес этот эпизод в дневник «История моей души» со слов жены Марии Степановны:

«Шенгели прочел несколько стихов. Затем его начинают просить прочесть стихи памяти Гумилева. Просит М.М. Шкапская (значит, знала о них? откуда? из писем Шенгели — но они там не сохранились? потом уничтожила? — В.М.). Георгий Аркадьевич стесняется, говорит: “Это ведь ненапечатанное — может многим не понравиться”. Я: “Тем более... Здесь цензуры нет”. Шенгели читает хорошее стихотворение, где говорится о том, что приговор поэту писали “накокаиненные бляди”. ...Но что же им до того, когда им светит “вершковый лоб Максима”... “А позвольте спросить, что это: ‘вершковый лоб Максима’?” — спрашивает Борис Николаевич <Андрей Белый> срывающимся голосом. “Лоб Алексея Максимовича Пешкова”, — холодно и раздельно отвечает Шенгели. “Как, так говорят о Русском Писателе — в твоём доме, Макс! Нет, я этого не могу допустить”... — “Да, но вы живёте в обществе, где не только говорят, но где расстреливают поэтов”, — отвечает Шенгели на этот вызов. Тук, тук, тук... Он (Борис Николаевич) бегом сбегает с вышки по лестнице. Я (говорит Маруся) бегу за ним, застаю его в комнате на палубе²⁷⁴. Горит свет, и он сбрасывает книги, тетради и рукописи в чемодан, раскрытый на

²⁷⁴ «Речь об открытой веранде вдоль второго этажа пристройки к основному помещению дома Волошина с северной стороны. Она получила это название в 1926 году. А. Белый жил в крайней ее комнате в сторону Карадага» (Примеч. В.П. Купченко).

полу»²⁷⁵. Клавдия Бугаева, жена Белого, не присутствовавшая при чтении, упомянула о случившемся в мемуарах, процитировав воспоминания художницы Гали Назаревской:

«Помню ночь в Коктебеле (1924 г. — К.Б.). У Макса на вышке чтение стихов. Поэт Шенгели читает стихотворение, незаслуженно оскорбляющее Горького. Кончил. Все молчат. Молчит и Макс — всё принимающий. Вздвигается Б.Н.:

— Макс, я уйду... У меня, лампа, наверное коптит...

— Что ты, Боря, она и не горит вовсе.

— Ну, я уйду все равно. Я не могу здесь оставаться. Я не позволю оскорблять русских писателей...

— Ну, Боря...

— Нет, я не могу... Это нельзя...».

«Я сидела у себя в комнате, — продолжала Бугаева, — когда бурей влетел Б.Н., за ним Мария Степановна, за ней, кажется, Шкапская и кто-то еще»²⁷⁶.

Белый из Коктебеля не уехал. Уехал Шенгели. Текст стихотворения до нас не дошел, но, по утверждению М.А. Шаповалова, написанного «ему не простили до конца его дней. Время от времени в течение десятилетий его вызывали на Лубянку. Новый следователь, как правило, задавал прежние вопросы. Получив прежние ответы и заверение, что стихотворение о Гумилеве никому более не читалось и в списках не передавалось, следователь выдавал Шенгели пропуск на выход»²⁷⁷. На самом деле всё было намного хуже, но подробнее о его отношениях с чекистами речь пойдет далее²⁷⁸. Впрочем, и после этой истории Георгий Аркадьевич не скрывал свое отношение к Гуми-

²⁷⁵ Волошин М. Собр. соч. Т. 7. Кн. 1. С. 360–361.

²⁷⁶ Бугаева К.Н. Воспоминания об Андрее Белом. СПб., 2001. С. 253.

²⁷⁷ Шаповалов М. В «четырнадцатизвездном созвездьи». С. 167.

²⁷⁸ Первым контактом с ними, вероятно, стала встреча в начале июня 1924 г. с Г.Г. Ягодой, когда Шенгели хлопотал за арестованного брата Манухиной, которая сама ненадолго оказалась под арестом; брата выслали в Усть-Сысольск. Подробности этой истории, мельком упомянутой в письмах к Шкапской, пока не удалось выяснить.

леву — например, когда 22 июня 1929 г. подарил сборник «Норд» «Многоуважаемому Павлу Николаевичу Лукницкому товарищу по общей любви к Н.С.Г.» (ОР ИРЛИ)²⁷⁹.

«Былу меня Лукницкий, — писал Шенгели 24 мая 1925 г. Шкапской. — У него опасные глаза: холодные и властные. Людей этого типа бить хорошо: какой тогда чудесный яд изливается из их зрачков». Павел Николаевич приехал в Москву для собирания материалов о Гумилеве, рассчитывая посмотреть бумаги Брюсова. «Теперь об Ахматовой. Я звонил жене Брюсова, — известил Шенгели 31 марта Шкапскую. — Она говорит, что письма есть, но в еще неразобранных папках; она охотно даст скопировать что нужно и так далее, — но просит несколько обождать». Сославшись на это письмо, Ахматова 3 мая благодарила вдову поэта за разрешение снять копии, «так как я сама принимаю участие в этой работе и очень хорошо знаю, как эти документы важны для биографа Гумилева»²⁸⁰.

Вернемся в лето 1924 г., полное решимости и сомнений одновременно. «Нина... На днях я писал ей, прося приехать, — сообщил Шенгели 23 июня из Севастополя Шкапской. — И сегодня же я уже раскаиваюсь в сделанном шаге (он не является, конечно, непоправимым: там мне простят всё, даже запрет приехать, даже требование, через неделю по приезде, уехать назад): Нина слишком захвачена мной, а я слишком мал, чтобы заполнить целиком большую зияющую женскую душу. И — не знаю, видит Бог, не знаю, что лучше: сразу ли ей сказать “нет” и лишить ее воздуха, или дать ей на полгода, на год, на три что-то вроде счастья — и потом только убить. Знаете — старый жеманный спор: что лучше: ждать и не дожидаться или иметь и потерять?»

«Нина в Москве, — продолжал он 4 августа, по возвращении в столицу, — мы встречаемся, но как-то скучливо нам вместе, и Нина мучится, что я “раздражителен”. Я решил уйти от нее: вместе

²⁷⁹ *Тименчик Р.* «Записные книжки» Анны Ахматовой. С. 626.

²⁸⁰ *Ахматова А.* Сочинения. Т. 3. Paris, 1983. С. 338.

нам очень скоро станет невыносимо тяжело, а тогда возвращаться ей будет некуда. Но сказать ей об этом никак не могу: глаза у нее как два грудных ребенка: ясные, доверчивые и беспомощные. Неделю назад я послал Юле письмо, с предложением категорически зачеркнуть всё то, чем мы взаимно виноваты, и начать вполне заново жизнь. Я просил ее телеграфировать ответ (он мог быть и отрицательным, так как приходилось многим жертвовать, — правда, взаимно). Но вот уже истекла неделя, — а ответа нет. По-видимому, это надо принять за отказ. Подожду еще немного, а там, — ох, не знаю, что: там. Я не решаюсь просить Вас осведомиться у Юли, получено ли ею письмо (заказное) и будет ли вообще ответ. Но, знаете, я одинаково боюсь и положительного и отрицательного. Последнего, — потому, что не знаю, как строить дальше жизнь; первого, — потому, что почти не верю в возможность склеить разбитое. И потом, — в очень большую отчужденность придется окунуться по отношению к другим людям: слишком много у нас обоюдного налгано, чтобы возможно было жить на началах полного доверия, и, следовательно, чтобы избежать муки, придется просто загородиться от людей».

«Значит, надо отыскивать себе другой куток, откуда буду ляскать зубами на всю свору тупиц и предателей, среди которых придется жить, — делился Шенгели 21 августа планами и надеждами с Шкапской. — <...> Предвкушаю я, как буду огрызаться, как леденить всех, кто попробует сунуться в мою берлогу, прибранную, чистую, аккуратную, с расписанием работы, с плакатами. Спокойствие, минимум желаний, — и работа, — кровь из носу! И, свободный, зачеркнувший воспоминания и жалость, эти дьявольские векселя, по которым надо платить душой и талантом, тратя час в день на заработок и шестнадцать на мою работу, — я напишу такое и так, что дева Мария пойдет фокстротом, а Яго начнет завязывать ленточки на шее у овец. Не бахвалюсь, просто — стиснул зубы. А на мозговые полушария посадил Форда; пусть организует хаос и подковывает ветер».

«Другой куток» нашелся быстро: в следующем письме Шенгели известил Марию Михайловну, что «получил здесь в общежитии Брюсовского института хорошую комнату (освобождается на днях); переезжаю туда». 4 сентября он писал ей уже из «нового моего логова» по адресу Борисоглебский переулок, дом 15, квартира 10: «Пустовато оно и неустроено, но — три окна, широкий вид, купол Христа-Спасителя золотится, — самой глубокой ночью. Странно чувствовать себя одиноким; странно заботиться о чистоте, о порядке; странно быть снова молодым и снова поэтом, — таким старым, таким невеселым юношей».

Зоологу и поэту Ивану Пузанову, не раз бывавшему здесь, запомнилась «крохотная квартирка, если так можно назвать комнату, разделенную фанерными, оклеенными обоями перегородками, на “салон” и “спальню”, “кабинет” и “кухню”»²⁸¹.

Каморки их был крохотен размер:
На будуары чуть крупней буфета
Была поделена каморка эта
Простенками оклеенных фанер.
Ютилась в них чета Поэтов наша,
А с ними Ворон-пес и та же Даша²⁸².

«Вчера приехала Юля, — делился Шенгели со Шкапской в том же письме. — Виделся с ней; говорить со мной она отказалась, — не только об основном, но и вообще, о мелких деловых деталях. 100 % враждебности и презрения. И, признаться, этого-то я не понимаю до конца. Ну — Бог с ним. Если я сделал очень много, чтобы создать отчуждение, то и всё возможное я сделал, зачеркивая очень многое, забывая незабываемое, — чтобы вернуть прошлое».

Прошлого было не вернуть, но оно отпустило не сразу. Расторгнув предыдущие браки, Шенгели и Манухина 9 сентября 1924 г. офи-

²⁸¹ Пузанов И.И. Мемуары. Т. 3. Одесса, 2015. С. 148.

²⁸² Доберман-пинчер и бессменная домработница семьи. Имя «Ворон» носили несколько собак, в разное время живших у Шенгели.

циально стали мужем и женой. «Юлю не видел очень давно, ничего о ней не знаю; не хватает ее мне страшно. Ее портрет над моим столом (примечательная деталь. — В.М.) становится все живее и живее», — признался он Шкапской 4 ноября, пояснив 29 января следующего 1925 г.: «Юля потеряла место в Госиздате (где работала техническим редактором и корректором. — В.М.), согласилась принять мою поддержку, но каждое вручение ей денег (это происходит часто, так как выдачи очень невелики) сопровождается декларацией испытываемого ко мне презрения».

Недописанное письмо со словами «не хватает ее мне страшно» попало на глаза Нине Леонтьевне, которая заявила, что немедленно уйдет. «Ей трудно было устоять перед возможностью узнать то, что я, скрывая от нее, быть может, открыто говорю Вам, своему другу», — делился он со Шкапской 15 ноября. «Бедная девочка», как Шенгели часто называл Манухину, никак не успокаивалась, что видно из ее написанных тогда же стихов:

Я все приму как радость: дни простые
И будничную сеть забот домашних,
Мозоли на изнеженных руках...
Извечный ритм родного очага
В гуденьи примуса поймать сумею,
И копать в бабочек я претворю —
Мохнатых, траурных и бархатистых...
Скупую ласковость — в такую нежность,
Что задрожит до глубины душа...
Но если где-то есть клочок бумаги,
На нем знакомым почерком слова,
Слова любви, неутолимой муки,
И все для той — единственной, любимой,
Тогда... мне нечем жить!

И через несколько месяцев еще страшнее:

«Я не сплю... Ведь было, было это».
Вот он Кремль и теплый белый храм...

А сейчас стальное дуло пистолета —
И расколется сознание пополам...
...Я не сплю... ведь будет, будет это!
Храм солгал, но пуля не солжет...

Со временем Юлия Владимировна Дыбская исчезла из жизни бывшего мужа. Вскоре после развода она вышла замуж за Александра Барсукова²⁸³ и в 1925 г. родила сына Игоря, а в 1934 г. в Ленинграде от брака с Кириллом Карасевым — второго сына Владимира, ставшего актером и драматургом; умерла в марте 1972 г.²⁸⁴ Сергей Николаевич Манухин остался в хороших отношениях с бывшей женой и «счастливым соперником», а их дочь художница Ирина Сергеевна Манухина до своей кончины в 2003 г. была последней хранительницей «дома Шенгели».

«Георгий <...> несмотря на многочисленные романы свои, не мог без меня жить и ревновал меня из-за всякого пустяка», — заметила Нина Леонтьевна подруге Евгении Пузановой через пять лет после смерти мужа. В автоэпитафии он признался, что любил три вещи: «Нинку, стихи и Керчь», а 29 июня 1925 г. написал — о ней и для нее — «Айсигену»:

Кто изваял ей каблучок
Из пальмы золотой,
Чтобы паркет орхестрой лег
Под легкую пятой?

²⁸³ Не с этой ли семьей связан фрагмент письма Шенгели к М.А. Тарловскому (27 февраля 1928): «Вы, вероятно, нередко проходите Камергерским переулком (где МХАТ)? Мне необходимо узнать № дома, где живут мои знакомые. Этот дом помещается на стороне, противоположной МХАТ'у, наискосок, ближе к Дмитровке; признак: на двух подъездах есть маленькие вывески шляпницы Барсуковой. Если Вам нетрудно будет пройти, не спеша и взглядываясь в вывески, то будьте ласковы, посмотрите № и сообщите. Для меня это очень важно. № квартиры я знаю»: РГАЛИ. Ф. 2180 (Тарловский М.А.). Оп. 1. Ед. хр. 264. Л. 3.

²⁸⁴ Сообщено Р.П. Хрулевой.

Кто ионийские глаза
Ей настежь распахнул,
Когда веселая гроза
Горами гонит гул?

Кем ключевой расплескан смех
Над бедной жизнью той,
Где в прахе распластался грех
Под легкою пятой?

О, стрелка звонкая моя,
О, Айсигена, Ты!..
Зачем ты вьешь, тоску тая,
Венок из высоты?

Как будто хочешь закрепить
Навеки твой полет?
Венком ли можно умолить
Земли могильный гнет?

Как ни тоскуем, все уйдем
Мы в Прозерпинин дом
И асфоделевым венком
Венчаться будем в нем.

Но будет мать-земля легка
Тем, кто не мял цветы,
А ведь нежнее ветерка
По ней порхала ты!

Манухина помогала мужу в литературных трудах и сама успешно переводила, а возвращаясь временами к писанию стихов, видимо, не думала об их публикации. Оглушенная смертью любимого, она написала лучшие стихи о нем, хранила и разбирала архив, готовила к печати тексты, уверенная в том, что они непременно увидят свет. До посмертных книг его стихов Нина Леонтьевна не дожидая, но уверенность ее была правильной.

IV

«Первосовнаркомовскую»²⁸⁵ Георгий Аркадьевич так и не полюбил, сетуя четверть века спустя, в канун нового 1950 года:

Разве можно тут жить, в Москве,
С вечным дребезгом в голове?
Тут портянкой закрыт зенит,
Тут, как зуд, телефон звонит,
Тут, в чертогах библиотек,
Нужных книг не найдешь вовек.

Воплощением «потерянного рая» остался Крым, точнее, некий образ Крыма, окрашенный в исторические и легендарные тона, поскольку реальные воспоминания о нем были отнюдь не только райскими. «Мне привиделся сон из самой блаженной для меня серии, — писал он Шкапской 23 августа 1923 г. из Коктебеля, где ему в этот раз очень не понравилось. — Порой мне снятся (в последние годы всё реже) улицы и площади в неизвестном наяву, но во сне бесконечно знакомом и родном городе, куда я возвращаюсь с чувством блудного, но совершенно прощенного сына. Иногда видятся залитые ровным картонным светом площади, колоннады, храмы; иногда — руины, как в Помпее, и уцелевший мой домик; иногда — флигеля за палисадниками, неосвещенные, где сквозь стекла тускло мерцают стекла противоположных окон, — и пр. Впечатление этих снов бывало, порой, столь сильным, что, проснувшись, я отправлялся в ту часть города, где, смутно казалось, находится привидевшийся уголок. Я сам перед собою стыдился надежды увидеть наяву привидевшееся, — и хорошо делал: натыкался на Братскую церковь, или на кордон пограничной стражи, или на винный погребок Генджиянца».

Первые годы в столице оказались тяжелыми не только в интимном, но в материальном и психологическом отношении. «Сутолока,

²⁸⁵ Выражение из письма к В.Г. Лидину (17 мая 1922): РГАЛИ. Ф. 3102. Оп. 1. Ед. хр. 1070. Л. 1.

подлый Госиздат, невозможность найти в Москве христианский обед (везде “шти” — у-у, подлое слово)», — жаловался он 15 декабря 1923 г. Шкапской. «У меня есть одно свойство: когда мне очень тяжело, я резко и грубо замыкаюсь в свои тягости; ни о чем не могу думать и говорить, не сводя всё к моим бедам <...> и лучше, легче, честнее выдавливать их из себя наедине, ночью» (1 марта 1924 г.).

Жизнь в огромном, густонаселенном и безразличном к пришельцу городе стала серьезным испытанием воли, силу которой Шенгели культивировал: «Кто-то утверждал, что глубокое желание есть просто угадка будущего. Неверно: глубокое желание *создает* будущее. Но глубокость желания — вещь трудная. Желание может быть огромным, напряженным, страстным, — и существовать впустую; только глубокость его направляет в одну точку каждый жест и слово; только глубокость его дает возможность проэцировать *все* точки жизни на плоскость цели. Но если это так трудно, — скажете Вы, — то откуда известно, что я в силах именно так пожелать? Тут я смолкаю: может быть, и так: не в силах» (5 января 1924 г.).

Гонорары за привезенные рукописи пошли на «обустройство». Жалования ВЛХИ еле-еле хватало, поэзия «не кормила», приходилось браться за любой заработок. «Другая беда — в том, что я безмерно устал, — признавался он 11 марта 1924 г. верной конфиденстке. — Правда, быть может, я переработал: за последние десять лет я, нищий студент, устоял (и не один) против материальных гнетов войны и революции, очень много написал, очень много прочел, докарабкался до профессуры, — и главное, вел совершенно мне ненужную борьбу за “победу и одоление” над несколькими чужими душами, — сыграл одновременно несколько труднейших шахматных партий. И теперь мне не хочется ни писать, ни читать, ни одолевать души, — и всё, что попадаете мне в жизни, я ощущаю как “сопротивление мертвой материи”. “Я ищу свободы и покоя”, — а их нет, и не будет никогда. Вот — внутренняя канва моих жизненных гроз».

Во «внешней» жизни преобладала «проза» — например, сотрудничество в «морской газете» «На вахте». Там под стихами и статьями

на «революционные» темы впервые появилась подпись «Платон Ковров», продукцию которого автор четко отделял от текстов «Георгия Шенгели»²⁸⁶. Но и это продолжалось недолго. «Поперли редактора (своего парня), поперли заведующего конторой (своего парня), поперли меня (своего парня)», — саркастически сообщил он 2 июня 1924 г. Шкапской. «Взял должность заведующего клубом Союза Поэтов, занят там два часа в день; получаю 50 р., обед и ужин; таким образом, опираясь еще на профессорское жалованье и академическое обеспечение, могу жить вполне обеспеченно, не тратить себя на Верхарна, и работать для себя, для себя, для себя!» (29 августа 1924 г.). Изредка подбрасывало работу Всесоюзное общество культурных связей с заграницей: в 1926 г. председатель ВОКС Ольга Каменева письменно благодарила Шенгели «за помощь в нашей работе по устройству вечеров сближения» с Персией и Турцией²⁸⁷. Не было «спроса» лишь на главное — на стихи.

«Стихи, за редкими исключениями, не могут явиться для поэта средством к его материальному существованию, — отмечалось в редакционном предисловии к сборнику «Новые стихи», выпущенному в 1926 г. Всероссийским союзом поэтов. — А, с другой стороны, у поэта нет иного источника морального существования, кроме стихов. И если на хлеб он может заработать иным способом, помимо гонорара за стихи, то на моральное пропитание ничем иным, кроме стихов, “заработать” поэт не может. Сейчас лирическому поэту, по условиям нашего сурового времени, печататься негде. Это не в укор времени, но и не в утешение поэта. А не печатаясь, не имея возможности получить отклик на то, что написано, поэт ржавеет, тускнеет и гибнет. <...> Нет журналов для лирических стихов, нет для них места в издательских планах»²⁸⁸.

²⁸⁶ Парижская Коммуна (1924. № 63. 18.03. С. 1); На зов вождя (1924. № 73. 30.03. С. 2); 7 лет назад (1924. № 87. 16.04. С. 1). Выявление и описание всех публикаций «Платона Коврова» в периодике — дело будущего.

²⁸⁷ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 210. Л. 2—5.

²⁸⁸ От издательства // Новые стихи. I. М., 1926. С. 3—4.

ной нови» Александр Воронский весной 1924 г. вернул ему первую главу поэмы «Наль» — нечто в духе байроновского «Дон-Жуана»²⁹⁰ на современный лад. «Все мои желчи, гнои и яды хочу в него выплюнуть», — писал автор 10 апреля 1924 г. Шкапской, которая увидела в поэме «популяризацию Фрейда»; на второй главе работа оборвалась. Журнал Исаея Лежнева «Россия», публиковавший стихи Шенгели, был закрыт властями в 1926 г.

Вручали «отраслевые» журналы, которым финансирование позволяло заводить литературные отделы и платить гонорары. Поэты не привередничали. Служившая в редакции журнала «Горнорабочий», Елена Плетнева вспоминала:

«В один из октябрьских дней 1925 г. к столу редактора <Бориса Шапиро> подошли два посетителя. Редактор видел их впервые.

Это была довольно странная пара.

Один был одет очень хорошо — добротное черное демисезонное пальто, черная фетровая шляпа, хорошая обувь. Нельзя было не обратить внимания на его наружность — матовое лицо с правильными чертами было тщательно побрито, из-за стекол пенсне мрачно, с налетом грусти, смотрели черные красивые глаза. Полный контраст являла фигура его спутника. <...>

Я стала гадать: кто они? Первый, вероятно, какой-то профессор. Второй, несомненно, угрюмый, несчастный неудачник, один из многочисленных графоманов, осаждавших редакции Дворца Труда.

— Я Шенгели, — негромко сказал первый, — вы просили меня по телефону дать в ваш журнал стихи к двадцатилетию девятисот пятого. Я написал, почитайте их... Принес также советы начинающим писателям, о чем вы тоже просили.

Товарища своего Шенгели просил посидеть, пока редактор будет читать его стихи. <...> Разговор редактора с Шенгели окончился быстро. Для «Горнорабочего» было удачей дать стихи известного поэта.

²⁹⁰ Шенгели последовательно писал это название через дефис (что при цитировании его текстов не соблюдает А.Г. Азов), поэтому я придерживаюсь такого написания за исключением цитат, в которых дано иное.

— А теперь я рекомендую вам моего товарища по перу. Фамилия его Багрицкий. Он недавно приехал из Одессы. Как и я, сотрудничал в одесских журналах и газетах. Если располагаете временем, послушайте его стихи. Они вам, конечно, понравятся... Может быть, что-нибудь подойдет для журнала.

И Шенгели тут же ушел»²⁹¹.

Напечатали обоих.

Помня, что по одежке встречают, Георгий Аркадьевич придавал особое внимание внешнему виду и манерам, когда ходил в «пролетарские» редакции: шляпа, пенсне, пальто или сюртук, начищенные ботинки, важная осанка, тихий, но уверенный голос производили нужный эффект. Они внушали почтение «синеглазым», не замечавшим, что костюм на визитере далеко не новый и совсем не «шикарный». «Лучше ходить в длинном сюртуке, чтобы наши брюки не блестели», — сказал он как-то раз товарищу юности Льву Пеньковскому²⁹².

Письма к Шкапской полны упоминаний о «диком безденежье» и об отсутствии интереса к поэзии даже у аудитории поэтических вечеров. «Непрерывный скандал: шум, свист, хохот. Внимательно прослушали только Веру Инбер и меня, — писал он 10 апреля 1924 г., после «Вечера современной поэзии», устроенного Союзом поэтов в зале Московской консерватории. — Не знаю: публика ли хамская, зал ли осквернен постоянно там звучащей музыкой, поэты ли с голосами и ужимками мидинеток виноваты — но впечатление отвратительное. <...> Успех, аплодисменты, вызовы, — а сам знаешь, что хлопают тебе не люди, а млекопитающие, что ни черта они не смыслят, что, не будь у меня некоторой звучности голоса, сюртука в талию и умения скроить каменное лицо (школа Игоря!) — "энтузиазм" был бы во сто раз меньше».

Шенгели знал действие «сюртука в талию и умения скроить каменное лицо» на советскую аудиторию.

²⁹¹ Плетнева Е. Дворец Труда «Горнорабочий» // Эдуард Багрицкий. Воспоминания современников. М., 1973. С. 164–165.

²⁹² Стенограмма. Л. 23.

«Участвовали в этих вечерах по преимуществу поэты, аудитория состояла из молодежи, — вспоминал критик и сценарист Георгий Мунблит, в ту пору студент и начинающий литератор, — а характерной особенностью подавляющего их большинства было то, что между публикой и выступавшими почему-то неизменно устанавливались натянутые, а то и просто враждебные отношения.

Помню один такой вечер, происходивший в Большом зале Консерватории. В этот раз публике с самого же начала что-то не понравилось. Кажется, не приехали наиболее интересные из упомянутых в афише участников. Выразилось же это недовольство в том, что появление каждого выходящего на эстраду поэта аудитория встречала громом аплодисментов, увы, не прекращавшихся даже тогда, когда очередной служитель муз раскрывал рот, чтобы приступить к чтению своих произведений.

Так это происходило с одним, с другим, с третьим поэтом, так это произошло с устроителем вечера, который попытался публике что-то объяснить, так, несомненно, шло бы дело и до конца этого явно не удавшегося мероприятия, если бы одному человеку не удалось, наконец, утихомирить разбушевавшуюся молодежь и заставить себя выслушать.

Этим человеком был поэт и популярный теоретик стихосложения, автор книжки “Как писать стихи” Георгий Шенгели. Выйдя на эстраду, он, так же как и все его предшественники, поднял руку и попросил внимания. Ответом ему был восторженный гогот и гром саркастических аплодисментов. Даже внешность выступающего — это был высокий человек с гривой смоляных кудрей, в длинном черном сюртуке и больших круглых очках — не внушила аудитории никакого почтения. Так как литератора, ведущего концерт, одним из первых прогнали с эстрады, почти никому из присутствующих не было известно, кто сейчас перед ними, и какой-то вихрастый юнец, перегнувшись через барьер амфитеатра, пронзительно крикнул:

— Фамилия! — требуя, чтобы выступающий назвал себя.

Публике понравилась эта игра, и теперь сквозь шум и аплодисменты стали слышаться крики: “Фамилия! Фамилия!”

Шенгели снова поднял руку, даже — помнится — обе. Гогот перешел в рев. Казалось, ничто не сможет образумить и укротить этого хохочущего, ревушего, многоголосого и многоликого зверя.

И тогда, дождавшись, когда шум на мгновение прервался, а крики “Фамилия!” стали менее дружными, Шенгели неожиданно гаркнул:

— Бетховен!

Публика замерла. И в мгновенной, зыбкой еще тишине поэт начал читать свое произведение громким, хорошо поставленным голосом.

Это было длинное, весьма посредственное стихотворение о Бетховене. Заставить прослушать такое было бы нелегко даже и в более благоприятных обстоятельствах. Но когда публика опомнилась, было уже поздно. Так, вопреки всем законам, божеским и человеческим, Шенгели дочитал свое творение до конца, наступившего очень и очень нескоро. И что самое удивительное, его не прервали ни единым возгласом или хлопком. <...>

Мы вышли тогда из Консерватории целой гурьбой и, идучи вверх по тогдашней (и нынешней. — В.М.) Большой Никитской (нынешней улице Герцена), увидели сегодняшнего триумфатора. Он шествовал впереди нас, ведя под руку отлично известную нам хорошенькую девушку и что-то жарко шепча ей на ухо.

— Вот что значит успех! — заметил кто-то из нашей компании, указывая на нежную парочку.

— Они будут щипать друг друга за ямбы! — проворчал Багрицкий. И в этом неожиданном и, надо думать, излишне смелом предположении мне послышалась не столько зависть к шенгелевскому успеху у дам, сколько желание померяться силами перед публикой с этим баловнем счастья, так легко и незаслуженно завоевавшим сегодня ее внимание»²⁹³.

²⁹³ Мунблит Г. Рассказы о писателях. М., 1968. С. 24–27.

Мунблит описывает другое чтение, поскольку дело происходило после переезда Багрицкого в Москву в 1925 г., но потребность в «школе Игоря» осталась. В архиве Шенгели — неплохого рисовальщика — сохранился автопортрет в профиль, в куртке и в пенсне, с выразительной записью «Публика — дура!» и датой 27 ноября 1928 г., явно относящейся к публичному выступлению. То, что шесть катренов «Бетховена» показались мемуаристу «длинными» и «весьма посредственными», не удивляет: Мунблит сам принадлежал к «разбушевавшейся молодежи».

Перечитаем «Бетховена» — одно из немногих стихотворений, перепечатававшихся после смерти Шенгели, — в антологиях «стихов о музыке»:

То кожаный панцирь и меч костяной самурая,
То чашка саксонская в мелких фиалках у края,
То пыльный псалтырь, пропитавшийся тьмою часовен, —
И вот, к антиквару дряхлеющий входит Бетховен.

Чем жить старику? Надела судьба глухотой,
И бешеный рот ослабел над беззубой десною,
И весь позвоночник ломотой бессонной изглодан, —
Быть может, хоть перстень французу проезжему продан?

Он входит, он видит: в углу, в кисее паутины
Пылятся его же (опять они здесь) клавишины.
Давно не играл! На прилавок отброшена шляпа,
И в желтые клавиши падает львиная лапа.

Глаза в потолок, опустившийся плоскостью темной.
Глаза в синеву, где кидается ветер огромный,
И, точно от молний мохнатые брови нахмура,
Глядит он, а в сердце летит и безумствует буря.

Но ящик сырой отзывается шторму икотой,
Семь клавиш удару отвечают мертвой немотой,
И ржавые струны в провалы, в пустоты молчанья,
Ослабнув, бросают хромое свое дребезжанье.

Хозяин к ушам прижимает испуганно руки,
Учтивостью жертвуя, лишь бы не резали звуки,

Мальчишка от хохота рот до ушей разевает, —
Бетховен не видит, Бетховен не слышит, — играет!

После смерти автора Абрам Арго в очерке «Шенгели и память о нем» оставил пронизательный комментарий к этому «стихотворению с глубочайшим подтекстом, расширяющим тему далеко за пределы сказанного»:

«Бетховен, играющий на неиграющем инструменте! Бетховен, окруженный людьми, которые тычут на него пальцами, говоря один другому:

— Это городской сумасшедший!

Какой трагифарс!

И за спиной глухого музыканта тесными рядами стоят поэты, не печатавшие своих стихов, художники, не показавшие никому своих картин, изобретатели, унесшие с собою тайну своих проектов, артисты, не сыгравшие своих лучших ролей, стрелки, не выдавшие никогда своих мишеней, герои, которые только мечтали прославиться, величайшие грешники, не успевшие согрешить и покаяться...

Но разница между героем стихотворения и его автором такова — Бетховен не знает и не подозревает, что клавиши под рукой его не поддаются воздействию, а Шенгели знал и писал, писал, писал... Такие люди пишут не потому, что им гонорар платят, не потому, что им славу кадят, и даже не потому, что удовольствие получают, а просто потому, что не могу не писать, даже не думая о последствиях»²⁹⁴.

«Несоветский» облик Георгия Аркадьевича стал в литературной Москве притчей во языцех. Молодой «Эллий-Карл» Сельвинский обыграл его в новелле «Цилиндр», включенной в стихотворную повесть «Записки поэта» (1928).

Граф Алексей Николаич Толстой, пролетарский писатель,
По возвращеньи в Россию вдруг у себя обнаружил
Черный цилиндр, в котором он вынужден был представляться
Английскому королю, чтоб его с ССР не рассорить.

²⁹⁴ РГАЛИ. Ф. 1784 (Арго А.). Оп. 1. Ед. хр. 241; далее цит. без сносок.

Suum quique однако — и графу в Москве не пристало
Тон буржуазный придать своим авангардным идеям.

Вот он подумал немного и, вспомнив случайно, что Пушкин
Изображался в цилиндре, поспешно поехал к Шенгели.

— «Что же, — думал злодей, — что он, тово, неоклассик?»

Классик все же, а “НЕО” — оно там и не ночевало».

И успокоенный тем, преподнес он цилиндр Шенгели.

Но — восьмая звезда из плеяды пушкинской эры,
С пышной торжественностью приняв сей змеинный подарок,

Через минуту весьма озабоченно села в автобус,

Где рассуждала так: «Мне, как лектору ВУЗа

В этом цилиндре форсить чрезвычайно неблагоприятно,

То ли дело Валя Катаев, поэт, одессит и повеса.

Он обожает рекламу — дам ему этот цилиндр».

Валя Катаев однако как раз в это время халтурил

В «Красном Сахаре». Он, получив злополучный подарок,

В пару-другую дней проштудировал тяжкую опись

Всех московских писак и вымарал неподходящих.

Имя, одно одинокое имя осталось чистым,

Этому имени-то и принес цилиндр Катаев,

А на другое утро таинственное это имя

Снова звонило в квартиру с надписью «Г.А. Шенгели»²⁹⁵.

В неблагоприятных условиях Георгий Аркадьевич не сидел сложа руки и старался делать что-то реальное при крайней ограниченности «ресурсов». В 1924–1925 гг. он был заместителем председателя, в 1925–1927 гг. председателем Союза поэтов, который имел собственное издательство, хоть и не получавшее субсидий. В 1925 г. помог Сергею Городецкому организовать «Московский цех поэтов», просуществовавший недолго, но успевший выпустить коллективный сборник «Стык». Читал на литературных вечерах стихи Садовского, который жил в Нижнем Новгороде, а после переезда в Москву был прикован болезнью к своему подвалу в Новодевичьем монастыре;

²⁹⁵ В позднейшей редакции «Записок поэта» новелла отсутствует вовсе.

Сборник «Стык» (1925). Обложка

пытался — увы, безуспешно — устроить его «Записки» в издательство «Никитинские субботники»²⁹⁶. На самих «субботниках» Шенгели регулярно выступал с чтением новых вещей.

«Георгий Аркадьевич устраивал всех, — вспоминал в начале 1970-х годов Рюрик Ивнев, — подлинный поэт, он вызывал уважение своими обширными знаниями, был объективен»²⁹⁷. Григорий Ширман в сборнике «Череп» (1926) приветствовал его сонетом-акrostихом:

Гроза прошла над нашими полями,
Единственная в мире, говорят,
Огни зарниц свершали свой обряд,
Ревели облака колоколами.

²⁹⁶ 19 февраля 1929 г. он сообщил Садовскому ответ Е.Ф. Никитиной: «До 1/VII издательский план утвержден Главлитом и изменен быть не может; план же на второе полугодие будет составляться в июне, и издательство, принципиально будучи готово выпустить Вашу книгу, желает ознакомиться с ней в течение апреля-мая»: РГАЛИ. Ф. 464 (Садовской Б.А.). Оп. 2. Ед. хр. 235. Это единственное выявленное письмо Шенгели Садовскому.

²⁹⁷ Цит. по: Шаповалов М. В «четырнадцатизвездном созвездии». С. 167.

Громоздкая обедня шла над нами,
И мы краснели от ушей до пят,
Юнел от радуги наш старый сад,
Широкая заря цвела как знамя.

Ее дыханье многих обожгло,
Но мы не променяли на стекло
Горячий блеск морозного алмаза.

Елеем белых звезд с давнишних лет
Ловец словес торжественно помазан
И буйной тьме не смыть их тихий свет.

Лояльный к советской власти Союз поэтов не был «коммунизирован», по мере сил защищал свободу творчества и давал возможность публиковаться поэтам, далеким от «генеральной линии». В двух сборниках «Новые стихи» (вот бы их переиздать!) печатались Белый и Волошин, Верховский и Мариенгоф, Садовской и Сергей Соловьев, Сологуб и Чулков. Выступая на праздновании пятилетия Союза поэтов в ноябре 1923 г., Брюсов — бывший его председатель и член партии — заявил: «Никакой идеологической связи между членами Союза нет, никакого общего мировоззрения Союз не отражает. В его составе есть истинные пролетарии и по происхождению и по мировоззрению, но в нем могут участвовать и поэты с ярко-буржуазной психологией — теоретически даже и монархисты; в нем могут объединяться писатели с материалистическими предпосылками и идеалисты самой чистой воды, мистики, религиозные писатели»²⁹⁸. За это ВСП и был ликвидирован властями в 1930 г. в ходе кампании против «несоветских» организаций, от краеведов до библиофилов.

«До такой степени принизили, забили сором, затормошили душу подлые будни, вечная занятость, совершенно ненужная мне борьба с чужими душами и телами», — вырвалось у Шенгели в том же письме, где говорилось о «Вечере современной поэзии». «Мне скучно жить,

²⁹⁸ Пятилетие Союза поэтов / Публ. К.Н. Суворовой // ЛН. Т. 85. С. 232–235.

Мария, мне не для чего жить. Я не верю ни во что и ничем не интересуюсь; я ничего почти не люблю, и всё остальное ненавижу; жизнь ощущаю как чудовищную бессмыслицу, как сплошное издевательство, “относящееся до персоны”. О, я не возвожу этих слов в безусловный принцип; я хорошо понимаю, что слепая кишка или печенка очень могут лежать в основе *Weltschmerz*'а²⁹⁹, и что через три года или три месяца мир может перемениться совсем; но от этого больно не меньше» (3 июня 1924 г.).

Возможно, этим состоянием вызвана ходившая по Москве история, известная в позднейшем пересказе Леонида Тимофеева. Георгий Аркадьевич вернулся из какой-то поездки, «ночью на вокзале нанял извозчика и в три часа ночи поехал к себе на квартиру в Борисоглебский переулок, с чемоданом. Они приехали — пустынный двор, никого нет, довольно такой неубедительный, так сказать, седок, и извозчик долго капризничал, он стал говорить, что “мы рязались за пять рублей...” (не помню, за какую сумму, может, и астрономическую по тем деньгам, но совершенно не ту, о которой они договаривались). Тот говорит: “Нет, нет”. А он говорит: “Тогда чемодан не отдам”, — и стал заворачивать лошадь. Тогда Шенгели вскипел и дал, как принято говорить, этому извозчику в ухо. Извозчик сразу смяк и подобревшим голосом произнес: “Так бы и говорили, что барин”, — и, удовлетворенный, уехал».

В письме к Шкапской 29 августа 1924 г. появляется загадочный пассаж: «Помните заинтриговавшее Вас сообщение Горностаева? Я отчасти посвящен, — но сказать ничего не могу (слово) кроме того, что, действительно: штука важная, и что, возможно, довольно скоро жизнь ряда лиц, — моя, Сетницкого, Горностаева, м. б. — Ваша, наполнится новым содержанием». При чем здесь пропагандисты «философии общего дела» Николай Сетницкий и Александр Горский, известный также как «А. Горностаев», и что могло связывать их с поэтами?

²⁹⁹ Мировая скорбь (нем.).

Оба «федоровца» не чужие корреспондентам. Сетницкий в 1917—1922 гг. жил в Одессе, где не только занимался статистикой и экономикой, но познакомился с Горским, открывшим ему «философию общего дела», а затем с Шенгели, с которым у него, по словам биографа, «завязалась сердечная дружба»³⁰⁰. В работе «Статистика, литература и поэзия» (1921), ставшей итогом общих штудий, он высоко оценил стиховедческие работы Шенгели — от «Двух “Памятников”» до «Трактата о русском стихе»³⁰¹. В 1923 г. Сетницкий вслед за Горским и Шенгели перебрался в Москву, где нашел работу по экономической специальности. Оставшийся «свободным художником», Горский активно общался с религиозными и философскими кружками обеих столиц. В числе его ленинградских знакомых был Иван Андреевский, брат Шкапской, у которой Горский гостил. Во что именно они собирались вовлечь Шенгели, неизвестно. В 1925 г. Сетницкий поступил в Экономический отдел Китайской Восточной железной дороги (КВЖД) и уехал в Харбин, где сочетал научную работу с экономической разведкой, а также публиковал — в отсутствие цензуры — сочинения Федорова, Горностаева и свои (там советским гражданам было безопаснее печататься, чем в Европе). Когда после продажи КВЖД в 1935 г. Сетницкий вернулся в Москву и не сразу нашел службу, Шенгели привлек его к работе над словарем поэзии Пушкина³⁰². Через два года «федоровец»-разведчик был арестован по «харбинскому» приказу № 00593 наркома внутренних дел Ежова и расстрелян за «шпионаж в пользу Японии». Прошедший через аресты, лагерь и немецкую оккупацию, Горский в 1943 г. не дожидаясь заготовленного расстрельного приговора, потому что умер в тюрьме. Сочинения обоих переизданы лишь в 1990-е годы³⁰³.

³⁰⁰ Гачева А.Г. Н.А. Сетницкий. Вехи судьбы и творчества // Из истории философско-эстетической мысли 1920—1930-х годов. Вып. 1. Н.А. Сетницкий. М., 2003. С. 11.

³⁰¹ Из истории философско-эстетической мысли 1920—1930-х годов. Вып. 1. Н.А. Сетницкий. С. 320—322 (текст), 533—537 (примеч.).

³⁰² Гачева А.Г. Н.А. Сетницкий. Вехи судьбы и творчества. С. 26.

³⁰³ Макаров В.Г.: 1) Русский философ Николай Сетницкий: от КВЖД до НКВД // Вопросы философии. 2004. № 7. С. 136—157; 2) Архивные тайны:

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА.

Состоялся первый выпуск студентов ВЛХИ (Высш. Литературно-Художественного Института). Это, несомненно, некоторое событие на нашем культурном фронте, достойное быть отмеченным.

Институт создавался по мысли Валерия Брюсова. Считал, что художника слова должны так же систематически и планомерно готовиться к своему творческому труду, как музыканты, живописцы или актеры, подобный проект выдвинула мысль о необходимости создания «Академии поэтов», «Консерватории слова», в которой будущие стихотворцы,

Первый выпуск ВЛХИ. Вверху — группа выпускников; внизу — торжественное заседание ВЛХИ; Нарком просвещения т. Луначарский произносит речь.

литературное образование на высшем фундаменте и с целью (творческое отделение стиха, прозы и драматургии, критико-исследовательское с секциями редакционно-издательской, художественного перевода, литературной пропаганды и друг.). Для практической работы студентов

широко проводится система семинариев при отдельных кружках и «мастерских», руководимых художниками слова; для углубленной разработки специальных научных вопросов при Институте имеются два ис-

Статья о первом выпуске ВЛХИ. (Красная нива. 1925. № 17)

Распространившиеся после смерти Брюсова в октябре 1924 г. слухи о переводе ВЛХИ в Ленинград с целью «разгрузки» Москвы вызвали у Шенгели прилив оптимизма. «Я был бы беско-

философы и власть. Александр Горский: судьба, покалеченная «по праву власти» // Вопросы философии. 2002. № 8. С. 98–133; Горский А.К., Сетницкий Н.А. Сочинения. М., 1995.

нечно рад! — признался он Шкапской 4 ноября. — Попасть из кацапской Москвы в культурную обстановку, в просторные квартиры, к телефонам, библиотекам, где можно работать. Молитесь тени Брюсова, чтобы это сбылось». Не тогда ли он начал стихотворение:

По дворцам твоим пустым
Я тоскую издалёка,
Облаченный в медный дым
Город Пушкина и Блока!..

Возможно, с помощью переезда Шенгели надеялся ускользнуть от внимания московских чекистов — об этом факторе следует помнить и при дальнейших его странствиях. Тем же 4 ноября датировано ходатайство правления ВЛХИ в Государственный ученый совет Наркомпроса о присвоении Георгию Аркадьевичу звания профессора «имея в виду его ценные научные труды, большой педагогический такт, проявляемый в работе, а также то обстоятельство, что со смертью В.Я. Брюсова Г.А. Шенгели ведет самостоятельную кафедру стихологии и цикл стиха»³⁰⁴. События пошли по наихудшему сценарию: в 1925 г. ВЛХИ закрыли, профессор остался без звания, без должности и без работы.

Некоторый заработок принесли вышедшие в Госиздате перевод поэмы Гюго «Революция» (1925), который Шенгели в инскрипте Волошину охарактеризовал словами: «еще одна моя попытка бороться с ним... как Иаков», — и неудачная, по общему и собственному мнению, книжка «Избранных стихотворений» Гейне в серии «Революционная поэзия Запада» (1924) с предисловием «напостовского» критика Г. Лелевича. Предложение о переводе Леконт ле Лиля издательство не заинтересовало.

Тем временем послужной список бесстрастно фиксировал: «внештатный постоянный сотрудник» «Нашей газеты» (декабрь 1925 — февраль 1926), фельетонист и судебный репортер «Гудка» (февраль 1926 — сентябрь 1927). В архиве сохранились вырезки с

³⁰⁴ Цит. по примеч.: «Консерватория слова». С. 204.

Виктор Гюго. «Революция» в переводе Георгия Шенгели (1925). Обложка
Собрание Л.М. Турчинского

75 «маленькими фельетонами», опубликованными в «Гудке» с августа 1925 г. по март 1926 г. и в «Нашей газете» в январе-апреле 1926 г. за подписью «Платон Ковров»³⁰⁵. Георгий Аркадьевич и позже использовал этот псевдоним в аналогичных целях: под статьей «Производство технической книги нуждается в опытной лаборатории» (За коммунистическое просвещение. 1931. № 224. 30.08), написанной во время службы в Гостехиздате, или под откликом на хозяйственную тему «Репка, засевшая крепко» (Советская Киргизия. 1943. № 152. 24.07). Некоторые мысли первой статьи актуальны и сегодня: «Корявый, суконный, псевдонаучный язык технических книжек крайне снижает усвояемость их». Можно добавить, не только технических.

Фельетонистика — самая неисследованная часть наследия Шенгели, наименее интересная литературно и биографически, но

³⁰⁵ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 80. Согласно договору с «Гудком», «средняя норма выработки» составляла 4 фельетона в месяц: РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 211. Л. 1.

все же достойная внимания. Если стихотворным «политпанорамам» 1928—1930 гг. место в приложении к собранию стихотворений, то прозаические фельетоны 1925—1926 гг. заслуживают лишь общей характеристики. Это не Булгаков, хотя, на мой взгляд, не хуже Михаила Кольцова — даже «халтуру» Шенгели делал качественно. Это добротная, идеологически безупречная, бойко написанная газетная «поденка», живущая ровно столько же, сколько сам газетный лист. Порой в один и тот же день в двух газетах выходили два разных фельетона «Платона Коврова»: 4 марта 1926 г. в «Гудке» он писал о лодырях-симулянтах, а в «Нашей газете» о моде на спиритизм в Англии (почему-то к этой теме автор питал особое пристрастие).

Из 75 фельетонов две трети посвящены международному положению, треть — внутреннему. Темы и тех и других четко привязаны к новостям и запросам дня: преследование коммунистов за границей, борьба рабочего класса, «соглашательство» социал-демократов и профсоюзов, происки антисоветских элементов, бюрократическая неразбериха, пьянство, хулиганство, сатиры на белоэмигрантов и нэпманов. Приведу фельетон «Телушка — полушка, да починка червонец» (Гудок. 1926. 03.02. С. 4) — типичный и недлинный; вдобавок его можно отнести и к «местным», и к «международным».

«За один доллар высылаются американские брюки «Президент». Берлин. Депо брюк «Млечный путь»».

Манькин, пожилой телеграфист N-ской станции, прочитал это объявление и сказал:

— Да, американская техника! За два целковых штаны с подтяжками! А в Москвошвей не дешевле шести. Надо выписать. Даже величественно: пойдешь на службу, а на тебе брюки «Президент».

И Манькин послал в «Млечный путь» доллар.

Две недели он волновался. Наконец, почтальон принес Манькину посылку.

Выпали брюки «Президент».

Что за брюки! От них, действительно, пахло президентом, умершим месяцем семь назад (намек на Вудро Вильсона. — В.М.). Затем они

модно не доставали до щиколотки вершка на три. А по бурому фону была рассыпана крупнейшая сизая, как индюшечьи подвески, искра. Шик!

Манькин облачился и торжественно пошел на службу.

— Батюшки! — встретил его начальник, — что это вы в детские штанишки нарядились?

— Это — «Президент», — гордо ответил Манькин и сел к юзу (телеграфному аппарату. — В.М.).

Работа у этого аппарата требует движения ног. Движение ног вызывает трение штанов о табурет. Трение штанов сокрушительно действует на оные.

И когда Манькин встал, у брюк «Президент» сиденья не было. Просто не было. Вместо сиденья сквозила тончайшая паутинка, похожая на Млечный Путь. И начальник Манькина сказал сердито:

— Это становится неприличным. Нельзя являться на службу с декольтэ назад.

Вечером Манькин рассматривал пораженное место брюк и думал:

— Будь я мельник, я мог бы просеивать сквозь них муку. Будь я любитель птиц, я мог бы держать в них канарейку. Но я — телеграфист! Что ж мне делать? Ишь, черти! Чтоб их президенты так же поразлезлись!

Плакал доллар Манькина, а те, к кому он попал, смеялись.

Теперь брюки «Президент» служат Манькину пыльной тряпкой, а он... носит шестирублевые штаны Москвошвея, которые называются просто штаны, но служат честно, как будто присягу дали.

А Манькин знает, что из-за границы норовят прислать всякую завадь (поди, судись!), и яростно защищает советскую промышленность.

Так бытие определяет сознание!»

Почему фельетоны «Платона Коврова» весной 1926 г. исчезли со страниц «Гудка» и «Нашей газеты», неизвестно. Следующая «служба» оказалась еще менее привлекательной. «Кормлюсь неплохо, — с привычной иронией писал Шенгели 8 октября 1926 г. Шкапской, — работаю судебным репортером в “Гудке”, очень ценю редакцией; встаю, просматриваю газеты, плетусь в суд, сижу

там часов до 6, потом в ночной редакции пишу отчет, потом иду домой и читаю Чехова или Амфитеатрова, потом с удовольствием ложусь спать, вижу клочковатые сны, которые прочно забываю утром; для себя почти не работаю, а если и работаю, — то паршиво». В отличие от фельетонов, вырезки с судебными отчетами он, кажется, не хранил.

Опыт судебного репортера лег в основу серии рассказов, написанных по большей части в конце июля 1945 г. (почему именно тогда, не знаю)³⁰⁶. Они выглядят как «случаи из практики», так что, возможно, основаны на подлинных фактах. Приведу первый из них — «Юридический казус».

«На уютном старом кладбище, заросшем акацией и сиренью, есть аккуратная могила, придавленная узкой четырехгранной пирамидой из мрамора. На одной грани следующая надпись:

Здесь покоится
прах
незабвенной супруги моей
Анны Ивановны
Поляковой
скончавшейся 5 мая 1907 г.
в возрасте
32 лет
после непродолжительной
и легкой
болезни.

Лечил доктор Канунников.

Однажды я рассказал об этой эпитафии своему знакомому, бывшему сенатору В.А. К-ву³⁰⁷, спрашивая: есть ли здесь диффамация,

³⁰⁶ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 63. В анонимную публикацию: Г. Шенгели. Короткие рассказы // Новый журнал (Нью-Йорк). 1985. Кн. 159. С. 83—87 — включены «Финал», «Тайна» и «Загробная кража»; из них в указанной единице хранения есть только второй и окончание первого.

³⁰⁷ В списках сенаторов человек с подходящими инициалами не обнаружен.

и мог ли доктор привлечь супруга своей пациентки к суду? Сенатор выслушал, согнул выпю, задумался. Потом заржал. Потом опять задумался и сказал:

— Да! Сенат был бы в большом затруднении. Исключительный юридический казус!

И опять заржал.

Действительно, это было смешно.

А ведь молодую женщину все-таки убил бездарный врач.

Убил!»

Ставший легендой советской литературы двадцатых годов, «Гудок» и его сотрудники описаны во многих мемуарах и художественных произведениях, но Шенгели как будто не фигурирует в них ни разу. Складывается впечатление, что после смерти его старались пореже упоминать в печати. Скудость информации не позволяет проследить историю его отношений с Михаилом Булгаковым, жизнь которого изучена несравненно лучше. Они немного разминулись в «Гудке», но могли познакомиться в гахновских кругах или в лежневской «России», на страницах которой «пересекались» их произведения. 16 июня 1925 г., в день приезда в Коктебель, Георгий Аркадьевич как раз попал на чтение «Собачьего сердца»³⁰⁸. Вроде бы всё. Что же позволяет говорить об «отношениях» между ними? Это единственное дошедшее до нас письмо Шенгели Булгакову:

«Москва, 26/VIII 33.

Дорогой Михаил Афанасьевич, —

Позвольте этой запиской познакомить Вас с тов. Кролюницкой, дочьрью моего хорошего знакомого, старого журналиста и литератора.

Тов. Кролюницкая — художник, игрушечник, бутафор; работала в театре Мейерхольда и теперь стремится войти в магнитное поле МХАТ'а.

³⁰⁸ «Буду рад видеть Вас в Коктебеле...». (Переписка Максимилиана Волошина и Михаила Булгакова) // *Волошин М. Избранное. Стихотворения. Воспоминания. Переписка.* Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. З. Давыдова и В. Купченко. Минск, 1993. С. 420–431.

Очень прошу Вас: помочь ей указанием — к кому обратиться и посодействовать тому, чтобы нужное лицо отнеслось к ней с некоторой дозой внимания.

Хотелось бы думать, что Вас это не затруднит.

Всего доброго, жму руку.

Ваш Г. Шенгели»³⁰⁹.

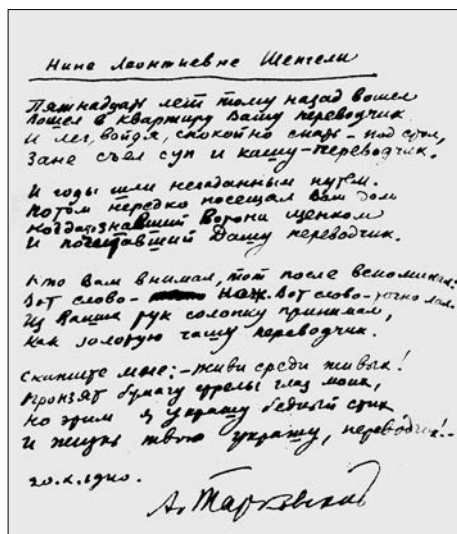
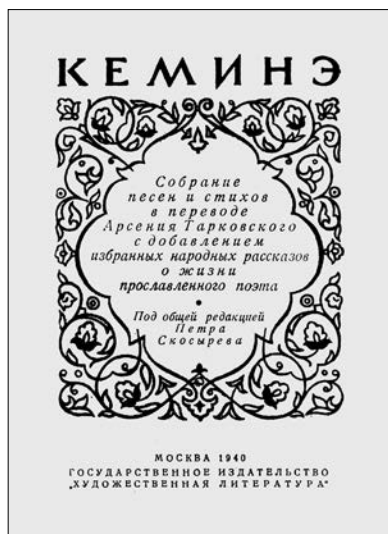
Корректный и несоветски церемонный Георгий Аркадьевич вряд ли написал бы малознакомому человеку — тем более тоже не «советскому» — «дорогой» и «жму руку», хотя просить за других был готов кого угодно. Однако в «магнитное поле МХАТа» художница — дочь старого меньшевика Николая Кролюницкого, после революции занимавшегося правовыми вопросами (Шенгели мог знать его по газетно-судебной службе), но периодически нуждавшегося в «подтверждении революционного прошлого»³¹⁰, — видимо, так и не попала.

В 1925 г. группа преподавателей ликвидированного ВЛХИ добилась преобразования студии Союза поэтов в литературные курсы при Московском совете профессионально-технического образования, вскоре получившие статус государственного высшего учебного заведения (закрыты в 1929 г.). Согласно послужному списку, Шенгели работал там с февраля 1926 г. Фактически служба началась раньше, о чем свидетельствуют воспоминания Арсения Тарковского, поступавшего на курсы в первом наборе:

«После экзаменов, состоявших из чтения моих собственных стихов и разговоров о литературе, я был принят в учебное заведение, где так же, как теперь в Литературном институте, из юношей, без различия — талантливых или бестальных, — пытались изготовить беллетристов и поэтов. Одним из моих экзаменаторов был Георгий Аркадьевич Шенгели. Я никогда не видел человека, одетого так, как он. На нем был сюртук — долгополый, профессорский сюртук, корот-

³⁰⁹ РО ИРЛИ. Ф. 369. Ед. хр. 508.

³¹⁰ Сергеев В.Д. Николай Чарушин — народник, общественный деятель, издатель, краевед-библиограф. Вятка (Киров), 2004. С. 247–248.

Кеминэ. «Собрание песен и стихов в переводе Арсения Тарковского» (1940)
Титульный лист

Инскрипт Арсения Тарковского Нине Манухиной на форзаце книги

кие, до колен, черные брюки, жившие второй жизнью: когда-то они были длинные, их износили, потом — обрезали и остатками починили просиженные места. На ногах у профессора — солдатские обмотки. На носу ловко сидит чеховское пенсне. Шенгели молод, особенно для профессора. Голос у него глубокого мягкого тембра, низкий и очень гибкий. Я угадал сразу: профессор из наших краев (Тарковский родился в Елисаветграде, как и Нина Манухина. — В.М.), человек южный. И правда — он из Керчи, в Москве не так уж давно. Он был комиссаром искусств в Севастополе. Он любит оружие, так же, как и я. Пройдет время — он будет вести занятия в тюрьме, в литературном кружке, состоящем из заключенных. Поэтому ему выдадут револьвер, и он мне его покажет, и мы будем чистить его вместе, три раза в неделю.

Мне казалось странным, что Шенгели — профессор. Для меня он был — поэт. Я не думал, что человек одновременно может быть и

поэтом, и ученым. Я еще в детстве, года три тому назад, прочел книгу его стихотворений “Раковина”. А теперь он подарил мне свой “Трактат о русском стихе”. <...>

Мне открылось, что можно писать стихи и на современные темы. Я был изумлен: я не знал этого до знакомства с Георгием Аркадьевичем. Еще так недавно я полагал, что стихи следует писать на старые, проверенные, классические темы. <...> Он стал моим учителем во всем, что касалось стихотворчества.

Прежде всего, он обучал меня современности. Когда я забирался на античные горы слишком высоко, он хватал меня за ноги и стаскивал на землю. Он говорил: “Почему вы не напишете стихотворения — ну, скажем, о милиционере? Он же несет чрезвычайно важные функции: он осуществляет власть государства на этом перекрестке”. Он говорил: “Мне кажется, вам необходимо пойти на большой металлургический завод и посмотреть, как там работают. В стихах нужно экономить движение, предварительно накопив силу”.

Шенгели жил тогда в Борисоглебском переулке на каком-то поднебесном этаже в одной комнате со своей женой Ниной Леонтьевной. У них была собака Ворон, доберман-пинчер.

Крыша текла. Хозяева подставляли тазы, ведро и консервные банки, и струйки воды противно стучали по железу. В комнате было тесно, и стало еще тесней, когда Шенгели поселили меня под письменным столом. У меня там была постель и электрическая лампочка.

Денег у меня не было. Георгий Аркадьевич кормил меня и заставлял писать стихи.

Шли месяцы. Я жил уже не под письменным столом, а в комнате какого-то полукурятника за Таганкой. У меня появились деньги. Я стал журналистом. Вот как это произошло. Георгий Аркадьевич сказал мне: “Знаете что? Я ухожу из ‘Гудка’. Не хватает времени. Я веду в этой газете фельетон на международные темы в стихах и судебную хронику. Возьмитесь за это дело”.

— Я не умею, — сказал я.

Мне стало страшно. Мне показалось, что легче умереть, чем написать фельетон в стихах на международную тему. Конечно, легче, чем в прозе, но никогда, никогда мне с этим делом не справиться.

— Легче умереть, чем написать фельетон, — сказал я.

— Ну вот еще! Нате вам газету, найдите тему!

Я взял газету и действительно нашел тему.

— Вот, — сказал я, — смотрите, Георгий Аркадьевич: Пилсудский на заседании сейма...

Не помню, как оскандалился тогда Пилсудский, но мой учитель сказал: “Прекрасно! Пишите про Пилсудского! Сейчас же! Когда напишете, мы пойдем в ‘Гудок’ и вы станете сотрудником редакции”.

Я сочинил свой первый фельетон. Шенгели выправил его, поперчил и присолил. Под его руководством я составил и свой первый судебный отчет.

Так Шенгели связал мою жизнь с газетой, чтобы, — если он с Ниной Леонтьевной уедет из Москвы на лето, — я не умер с голоду и увидел, что такое работа и настоящая жизнь».

Судя по материалам, сохранившимся в архиве, стихотворные отклики на международные темы Шенгели писал лишь эпизодически. Возьмем для примера «Гром не из тучи» из «Политпанорамы» за 26 сентября 1928 г.:

Совет фашистской партии, доселе выборный, теперь
будет назначаться «дуче» (вождем) Муссолини.

Повсюду струйками летучий

Пар поднимается из лужиц и болот,

Становится тяжелой тучей,

И после — град и ливень бьет...

Болтался тучею фашистский комитет,

Гремел налево и направо:

Кому — тюрьма на тридцать лет,

Кому — нож в спину, в голову — кастет.

А Муссолини — честь и слава.

Но все ж возревновал фашистский гордый вождь:

Совет ведь — выборный, гром — выборный и дождь;
Пожалуй, выборы отправить к чорту лучше,
Пред «демократией» навек захлопнуть дверь!
Решил и — сделано. Теперь
Гром будет не из тучи —
Из «дуче»...

И над такими текстами он работал тщательно, с черновиком — как в случае с откликом на то, что «Чан-Кай-Ши принял христианство»:

Когда заем настойчиво потребен,
То может пособить, пожалуй, и молебен
(В борьбе с невзгодами все средства хороши):
Христианином стал кротчайший Чан-Кай-Ши!
Что может быть удачнее союза
Христовой церкви и хунхуза?³¹¹

Это 1930 год, и глава Гоминьдана больше не друг СССР.

Вернемся к рассказу Тарковского:

«Пропал Ворон, доберман-пинчер. Он был стар. Он ушел умирать. Животные знают, сколько печали и хлопот сопряжено с их смертью, и, если есть еще силы, уходят умирать подальше от дома. Ворон ушел. Шенгели писал письма в различные места, где собакам уже не выжить, раз они уж туда попали. Он написал не меньше трехсот писем с просьбой возвратить ему собаку или сообщить, где она. Я помогал ему немного в этом, ездил по разным адресам, в места собачьей гибели. Ворона нигде не было. Георгий Аркадьевич очень дружил с Вороном. Друг исчез. Георгий Аркадьевич горевал, и голова его седела. Он дружил с людьми. Дружба для него была понятием священным. Я уверен, что во имя дружбы он мог бы броситься в огонь не моргнув глазом.

³¹¹ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 63. Л. 6 (черновик), 2 (беловик); публикация не выявлена.

Он делал много добра людям и никогда не говорил об этом. <...> Если мне приходилось трудно, я спрашивал у него совета, и он всегда давал мне единственно верный совет. Я многому пытался научиться у него и во многом ему обязан».

Даря Нине Леонтьевне — а значит и Георгию Аркадьевичу — 20 октября 1940 г. сборник переводов из Кемине Тарковский написал, стилизуя восточного классика:

Пятнадцать лет тому назад вошел,
Вошел в квартиру Вашу переводчик,
И лег, войдя, спокойно спать — под стол,
Зане съел суп и кашу — переводчик.
И годы шли негладным путем.
Потом нередко посещал Ваш дом
Когда-то знавший Ворона щенком
И почитавший Дашу переводчик.
Кто Вам внимал, тот после вспоминал:
Вот слово — нож. Вот слово — точно лал.
Из ваших рук солонку принимал,
Как золотую чашу, переводчик.
Скажите мне: — живи среди живых!
Пронзят бумагу стрелы глаз моих,
Но этим я украшу бедный стих
И жизнь твою украшу, переводчик!..

С сентября 1926 г. профессор Шенгели читал лекции на «творческом отделении» 1-го МГУ:

Такой тяжелый и простой
Огромный дом на Моховой...
Гордись моей фуражкой синей,
Туда студентом я вбегал,
Туда, в торжественный портал,
Профессором вхожу я ныне.

Но и это отделение ликвидировали уже в июне следующего года.

V

Несмотря на отвлекающие обстоятельства, Шенгели не прекращал писать стихи и, более того, чувствовал начало нового периода. Об этом свидетельствует запись в одной из тетрадей:

«Стихи, находящиеся на предыдущих страницах (не все, а лучшие), и некоторые, набросанные на листках и сюда не вписанные, входят дополнением во второе издание второго тома моих стихов “Раковина”, выходящего из печати к осени 23 г. Со следующей страницы начинаются стихи “третьего периода”, мои “Virilia”. “Гонг” был исканием, “Раковина” обретением; “Virilia” — должны быть созиданием. Пусть последождная свежесть ночи, и звезды в светлом небе, и огоньки в уютных ячейках огромного дома вдали, и сломанные ивы у дома, где умер Писемский, будут свидетелями твердой воли моей вписать мое имя в Готский альманах поэзии. Благослови, Аполлон и тень Александра! Москва, Борисоглебский пер., 6. 23/10 мая 23 г. 11 ч. 55 мин.»³¹².

Второе издание «Раковины» не осуществилось, но через несколько страниц 29-летний автор записал план собрания своих сочинений: «Том I. «Гонг». Том II. «Раковина». Том III. «Virilia». Том IV. Драматические поэмы («Сальери», «Нечаев», «Гильотен», «Потемкин», «Крэбб», «Великий Альмагро», «Папесса Иоанна»). Том V. Тракта́т о русском стихе (1 и 2 части). Том VI. Статьи (Два «Памятника», Композиция «Преступления и наказания», Композиция лирических стихотворений Тютчева, Критические очерки). Том VII. «Трофеи» Эредиа. Том VIII. Разные переводы (Леконт де Лиль, Роллина, Корбьер, Бодлер, Гейне и пр.). Том IX—XXIV. Полное собрание поэм Верхарна. Том XXV. Повести и рассказы»³¹³. Пояснений заслуживает разве что последний пункт. Первым опытом Шен-

³¹² РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 84.

³¹³ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 90.

гели-беллетриста стал рассказ «Пари адвоката Зуева», законченный 1 мая 1923 г. и оставшийся неопубликованным³¹⁴.

Весной 1924 г., когда ему исполнилось тридцать лет (вспомнил ли он слова своего приятеля Владимира Пяста: «Мне тридцать лет, мне тысяча столетий...»?), Георгий Аркадьевич составил сборник «Иней»³¹⁵, включивший 26 стихотворений 1920–1924 гг., вступление и первую главу поэмы «Наль». В задуманном виде книга не вышла: 9 стихотворений из нее вошли в «Норд», 4 в «Планер» (не считая перепечаток из «Норда»), 3 появились в периодике, 10 напечатаны посмертно, поэма не опубликована до сих пор. В 1926 г. Шенгели анонсировал книгу стихов «Каюта»³¹⁶ в издании ВСП. Годом позже под маркой Союза поэтов — возможно, иждивением автора — вышел сборник «Норд» (28 стихотворений и поэма «Пушки в Кремле» на 80 страницах маленького, как в «Изразце», формата) с посвящением «Нина — тебе». Отправляя книгу Волошину, Георгий Аркадьевич 13 августа 1927 г. надписал ее «учителю и другу».

Сборник принадлежит к числу высших достижений Шенгели-поэта: здесь нет ни одного «проходного» стихотворения, но есть такие удачи, как «Айсигена», «Белый дом, большой и ровный...», «Бетховен», «Вместо воздуха — мороз...», «Мокрая медная чашка...» и «Старое кладбище» — о погосте на горе Митридат в Керчи, варварски уничтоженном в конце двадцатых:

³¹⁴ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 57. Л. 5–10 об. 3 мая 1923 г. автор подарил перебеленную рукопись Манухиной, указав в надписи, что это его «первый рассказ» (Там же. Л. 4).

³¹⁵ ГЛМ. Ф. 504 (Шенгели Г.А.). Оп. 1. Ед. хр. 3. Авторы единственной работы о сборнике (*Станкевич А.И., Питкевич Г.Н.* «Иней»: несостоявшийся сборник стихов Г. Шенгели // *Русская поэзия: 1923–1924*. Daugavpils, 2008. С. 119–130) не знакомилась с рукописью книги и, очевидно, пытались реконструировать ее по упоминаниям в «Иноходце».

³¹⁶ *Тименчик Р., Гельперин Ю.* Теневой портрет русской поэзии начала века // *Турчинский Л.* Русская поэзия XX века. Материалы для библиографии. М., 2013. С. 146.

Ты здесь не найдешь знаменитых могил,
Куда привозили б вождей на лафете,
Где б юноша глупый слезою почтил
Лирический вымысл о нищем поэте.

Другая здесь гордость, иная мечта
Соскучилась в замкнутом издавна круге:
Здесь орден Георгия — образ креста,
Какие встречаются только на юге.

Над каждой могилою — орденский знак,
Плита перед ним — не плита, а кираса,
Чтоб ведомо было: укрылась во мрак
Особая, раз приходящая раса.

Одни из Парижа, а те из Афин,
Одни из Далмации, с Мальты другие,
Вот сын Барселоны, вот Гenuи сын,
Вот имя звенит, как венец Византии.

И уголь карбонара, Фанара фонарь,
Мушкеты Этерии, шпаги Вандей
Здесь, в южной России, легли под алтарь,
На отдых последний легли в мавзолеи...

Бывает однажды в столетье пора,
Когда неудачники сходятся вместе
На службе суровой чужого двора
Мечтать о победе и плакать о мести.

И крепости, флоты, заводы, порты
Родятся и крепнут присягою строгой,
Пока на кладбище не встанут кресты,
Как орден мечты над неверной дорогой...

Я, поздний потомок нездешних кровей, —
Недаром Георгий мне выбрано имя, —
Хочу я в такой же сойти мавзолей,
Таким же крестом поравняться с другими!

«Норд» (1926). Обложка

Инскрипт Георгия Шенгели Леониду Гроссману на титульном листе книги

Суждений современников о книге сохранилось мало, поэтому особенно интересно признание Евгения Ланна другу-автору, сделанное 18 ноября 1928 г., через год с небольшим после выхода сборника:

«Импульсивно захотелось написать тебе. Часто я перечитываю “Норд” вслух (с А.В. <Кривцовой>). Сейчас снова читали, и я как-то особенно остро почувствовал твою необычайную зоркость к “милым малостям былого”, особенно ясно почувствовал великолепную стихию твоего творческого дара: любить, как может любить только врожденный поэт, память о невозвратных вещах. Меня взволновала, как волнует часто, твоя — прогретая подлинным лирическим волнением — привязанность к тем знакам, которые отмечают нашу необозримую принадлежность милой и горькой жизни, наше подданство человеческим радостям и печалям.

Быть может, ты знаешь — я лишен этого таланта — ни в том, что я пишу, ни в том, как я живу — я не умею видеть и не умею помнить о

жизни. Я — какой-то сквозь жизнь сквозняк, и потому так сладко мне подчас и так волнующе читать твои стихи о вещах в их неповторимом очаровании — о вещах, а не об идеях и не о страстях. У тебя эти вещи, я бы сказал, индевеют ласковой о них памятью, и эта “ласковость” усталого человека и эта память о милых радостях и болях, которые даны были тебе вещами — меня хорошо и глубоко умиляет в тебе. Я не назову ни одного поэта, который вызывал бы во мне эмоции данного ряда — ты, единственный умеешь заставить меня задержаться в своем сквозняке. И за это я благодарю тебя.

Да, Георгий, всё чаще и чаще вспоминается motto Раймонда VI, Графа Тулузы и Прованса: “Поистине дьявол правит миром, ибо ничто в нем не делается так, как я хочу”. Я цитировал это тебе не раз. Сейчас мне пришло в голову оно, ибо хочу я, чтобы кому-то было по-настоящему нужно — и широко! — то, что пишешь ты и то, что умею писать я; хочу, чтобы нас *согревала* чья-то иная, неведомая и неизвестно от кого идущая внимательность; хочу чтобы мы не были стариками в 35 лет (а ведь нам и того меньше!). А ведь этого нет. “Делается в мире” по-иному.

Эх, Георгий»³¹⁷.

Краткую автобиографию 1927 г. Георгий Аркадьевич завершил так: «В “Очерках новейшей литературы” Горбачева помещен под рубрикой “Пережившие себя”, вместе с Ахматовой, Мандельштамом, Сологубом, Кузминым, Волошиным... Эту оценку считаю наиболее лестной». В «Очерках современной русской литературы» «напостовца» Георгия Горбачева, вышедших в 1925 г., третьим изданием, говорилось: «Расхваленный некоторой частью революционной критики Г. Шенгели (мне такие отзывы печати не попадались. — В.М.), верный ученик Мандельштама, типичный акмеист, действительно сочувствующий революционным эпохам и настроениям, мертво-холоден и как-то равнодушен там, где он не описывает без затей современности. Но и в последнем случае его связывает чинная

³¹⁷ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 165. Л. 2—3.

Генрих Гейне. «Избранные стихотворения» в переводе Георгия Шенгели (1924).

Обложка Г. Шегала

Инскрипт Г. Лелевича Георгию Горбачеву на титульном листе книги

холодность акмеистической поэты, поэты якобы естественности, якобы реализма»³¹⁸.

Хоть и банально звучит, но книги действительно имеют свою судьбу: мой экземпляр «Избранных стихов» Гейне в переводе Шенгели был подарен автором предисловия Лелевичем своему ленинградскому единомышленнику Горбачеву, прозванному «Жорж-Морж» за свисавшие вниз усы, с надписью: «Моржу — с напостовской и прочей любовью от “аскезического” Лелевича 6/ХІ 25 г.»³¹⁹.

В двадцатые годы расцвело дарование Шенгели-пересмешника.

Друзья, Леконт де Лиль и Мандельштам!
Всего лишь трое нас, «непогрешимых», —
Но почему бы нам не основать
Клуб Трех? Леконт, ты будешь председатель,

³¹⁸ Горбачев Г. Очерки современной русской литературы. Л., 1925. С. 39.

³¹⁹ ВЭМ.

Ты, Осип, — казначей... нет, лучше я,
Я буду казначеем, ты же... Впрочем,
Зачем нам клуб? Давайте, станем богом, —
«Непогрешимостью» в трех лицах. Право!
Леконт де Лиль — отец, и от него
Рождается предвечно Мандельштам,
А я, Шенгели, исхожу предвечно, —
(Лишь Filioque, — не по нраву мне!).
И будем мы втроем парить на небе,
Леконт де Лиль — ругая иудеев,
А Осип — искупая перед ним
Грех первородный Пастернака, — я же,
Я буду огненными языками
На Брюсовских студентов нисходить!
И никому до нас не будет дела:
От журналистики отделена
Поэзия, а «Леф», — он слишком тонок,
Чтоб до небес надменно вознести
Асеева интимное сиденье;
И только раз в году иль два, не больше,
Нам комсомольцы будут пасху править...
Ах, славно отдохнем тогда, друзья,
В бесславии божественном!.. Давайте?

В начатой, но вскоре оставленной Шенгели сатире «Каменный гусь» должен был фигурировать «Макс-Емельян Пугачевич, поэт революции» (письмо Шкапской от 3 июня 1924 г.). Годом позже, на праздновании 30-летия литературной деятельности Волошина в Коктебеле, Георгий Аркадьевич участвовал в написании поздравлений юбиляру от имени и в стиле поэтов и писателей прошлого и настоящего.

Забава была распространенной. В декабре 1923 г. «в салоне маркизы де-Зельдович» отмечалось 10-летие первой поэтической публикации Шенгели, о чем герой дня 15 декабря рассказывал Шкапской: «Рукавишников говорил речь, Пяст приветствовал от имени Капабланки и Ласкера³²⁰, Боря Зубакин читал доклад и убеждал,

³²⁰ Напомню, что Шенгели и Пяст были сильными шахматистами.

что я “спасаю вещи”, три хорошеньких девушки, из моих студенток, благодарили от имени Натали Пушкиной (я в ответ обещал и за них заступиться, когда будет надо), поднесли адрес, яшмовый мундштук и настоящую раковину. Последнее меня вдохновило: следующую книгу назову “75 червонцев”».

Остроумец Николай Минаев сочинил цикл «Поздравительные телеграммы из Америки»³²¹. Например, индейский вождь Голубая Лисица из мексиканской прерии приветствовал поэта такими словами:

Когда в мое сердце вгрызается грусть,
Я — воин и вождь не мычу как корова,
Нет, я повторяю тебя наизусть,
Особенно нравится мне «Гончарова».

Почему поздравлениям придан американский колорит, не знаю, но указаний на адресата — в основном шуточных — в них достаточно. «Гончарова» отсылает к стихотворению «Натали», слова экс-президента Вильсона: «Ваш трактат еще и посейчас / Является моей духовной пищей», — к «Трактату о русском стихе», а Капабланки: «Я чту Вас не как поэта-имажиниста, / А как величайшего в Европе шахматиста», — к антиимажинистским выпадам адресата. В позднейшем рукописном сборнике Минаева «Среди братьев по Музе и сестер во Союзе» цикл не имеет посвящения, однако посвящение Шенгели проставлено над одним из включенных в него стихотворений в другой рукописи. Оно и стало ключом к разгадке.

«Владыку Киммерии» Георгий Аркадьевич поздравил от имени Гомера, Языкова, Гоголя, Кузмина, Мандельштама, Рукавишникова, Маяковского и Шкапской. Но особенно свиреп был «Максимилиан Кириенко»: «Максимилиан Кириенко-Волошин» минус литературное имя «Макс Волошин».

Шестикрылатая, четвероногая,
С вышкою ветхой, роскошно-убогая

³²¹ Минаев Н. Нежнее неба. С. 179–182, 324. Как стихи к «юбилею» Шенгели впервые идентифицированы автором настоящей книги.

Дача твоя, недостаточно строгая,
Карцером будет навеки твоим.
Тридцать лет мучусь тобой, нераскайным.
Что потянуло назваться хозяином?
Шляться не стыдно ль беспаспортным Каином
По плоскогорьям с карманом пустым?
Я ли тебя не любил и не жаловал?
Я ли стопою твоей не раскалывал
Камни и овние черепа?
Я ль тебе не дал браду рыжекосмую,
Я ль не пожертвовал гриву волос мою,
Чтобы, дивясь, устрасалась толпа?
Я ль не снабдил тебя голосом велиим?
Складки на шее не я ли ущелием
Вывел, чтоб было чему багроветь?
Думал, что будешь ты в мире заплаканном
Честным, достойным скуфьи протодьяконом
И многолетие будешь греметь...
Нет, ты якшаться пошел с рифмоплетами,
С ними ты смел ночевать под воротами
В гнусном Паризии, в смрадной Москве.
Ты тридцать лет блудодеял сонетами,
Милями мерил терцеты, терцетами
Уши ты вымеряй на голове!
А на кормеж срамодейственных париев
Сколько извел ты прекрасных динариев?
Я не помилую, не отступлюсь,
Буду пиявить тебя формалистами,
Буду Главлитом щемить, коммунистами
Дом твой напхаю, как вещую Русь,
Буду держать тебя в страхе и трепете,
Рук вы моих ни за что не расцепите:
Буду горчишники класть на живот,
Лучших друзей напинаю коленкою,
Чтобы ты чувствовал, что с Кириенкою
В тридесять первый вступаешь ты год!

Глава шестая

ГОДЫ БУРЬ

(1926–1929)

Я — человек всем климатам привычный...

I

К середине двадцатых годов советскую прессу захлестнул потоп стихов, написанных представителями «победившего класса». Относиться к этим авторам предписывалось внимательно, поддерживать и учить — большинство дебютантов не имело представления даже об азах литературной техники. «Надо только помочь им разобраться — что такое стихи и что не стихи. Но как это сделать? Было решено выпустить в издательстве “Правды” популярную брошюру, в которой как раз и объяснялось бы, “что такое стихи”», — вспоминал сорок лет спустя журналист Семен Евгенов, участник этой истории³²².

Идею поддержала Мария Ульянова, ответственный секретарь «Правды» (второе лицо в газете после главного редактора Николая Бухарина), организатор и пропагандист рабселькоровского движения. Продолжим рассказ Евгенова.

«Но кому поручить написать такую брошюру? Валерий Брюсов, автор “Основ стиховедения” и других работ по стихосложению, наверное, сделал бы это с присущей ему эрудицией и отличным вкусом. Но, увы, Брюсов недавно умер.

— Да поручите вы это Шенгели Георгию Аркадьевичу, — предложил заведующий отделом критики <Павел> Сапожников. — Поэт он строгого, так сказать, академического склада и теоретик к тому же.

³²² *Евгенов С.В.* Жизнь на миру. Очерки-воспоминания о воителях и мечтателях, о газетчиках и поэтах. М., 1967. С. 185–189; далее цит. без сносок.

Сам Брюсов пригласил его читать стихосложение в своем литературно-художественном институте и присвоил ему звание профессора...

Остановились на Шенгели. В разговоре с Марией Ильиничной Шенгели предложил включить в брошюру не только первичные сведения о стихосложении, но и кое-что по теории прозы — о том, что такое статья, рассказ. Согласились с этим. Брошюра была в срок написана, включена в “Библиоте<ч>ку рабселькора”, выходящую при журнале “Рабоче-крестьянский корреспондент”, и выпущена (как издание газет «Правда» и «Беднота» в начале весны 1926 г. — В.М.) под заголовком “Как писать статьи, стихи и рассказы”. Положение литературных отделов газет и журналов сразу облегчилось, всем неудачливым стихотворцам они стали коротко отвечать: “Читайте Шенгели!..”

Книга была не только полезной благодаря обилию информации и советам опытного литератора, но отличалась непринужденным тоном, выдававшим в авторе лектора, владеющего аудиторией: «Древний писатель Гораций писал одни стихи, а товарищ Сосновский, сотрудник “Правды”, пишет преимущественно журнальные статьи». Некоторые замечания явно шли вразрез с «генеральной линией»: «Крестьянину не интересно будет читать о достижениях современной живописи, например, или о новых раскопках где-нибудь на месте древнего египетского города, но о том, как в этом году будет взиматься продналог, или о средствах повысить урожайность, ему прочитать интересно. Рабочему скучно читать стихи, где говорится о том, как ландыш склоняется под севшей на него бабочкой, но стихи о революции ему нужны. Интеллигент, наоборот, вовсе не станет читать рассказ о том, как умный крестьянин Потап догадался выписать отборные семена и поднял урожай вдвое, но о современной живописи прочтет с интересом»³²³.

«Книжка имела грандиозный успех», отметил Евгенов: семь изданий общим тиражом 39 тысяч экземпляров за 4 года. Илья Ильф и Евгений Петров в фельетоне «Диспуты украшают жизнь» (1929) перекрестили ее в «Как писать стихи, рассказы, повести,

³²³ Шенгели Г. Как писать статьи, стихи и рассказы. М., 1926. С. 6, 15.

«Как писать статьи, стихи и рассказы» (1926). Обложка

романы, фельетоны, очерки, поэмы и триптихи». Творение Шенгели даже вручали в качестве премии на литературных конкурсах: 17 марта 1928 г. его получили два молодых смоленских поэта — Николай Рыленков и Александр Твардовский³²⁴.

Вместе с неплохим гонораром автор приобрел сильного врага в лице Маяковского³²⁵. Уже 7 апреля 1926 г. ленинградская «Красная газета» сообщила, что тот подготовил к печати теоретическую работу, направленную «против теоретиков от поэзии с Г. Шенгели во главе»³²⁶.

³²⁴ ЛН. Т. 93. М., 1983. С. 402.

³²⁵ Анализ содержательной стороны полемики, прежде всего по вопросам стиха (что выходит за рамки биографии): *Постолутенко К.Ю.* Маяковский и Шенгели (к истории полемики) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 50. 1991. № 6. С. 521–530; *Кацис Л.Ф.* Владимир Маяковский. Поэт в интеллектуальном контексте эпохи. 2-е изд., доп. М., 2004. С. 328–376. Более ранняя литература имеет тенденциозно антишенгелиевский характер.

³²⁶ Прозаические тексты Маяковского цит. без сносок по: *Маяковский В.В.* Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 12. М., 1959.

«В марте 1926 г. я встретился с Маяковским в “Прожекторе” у заместителя редактора Лазаря Шмидта, — вспоминал Евгений. — Узнав, что я работаю в журнале “Рабоче-крестьянский корреспондент” и имею отношение к его библиотечке, Маяковский начал ругательно ругать книжку Шенгели. <...> Когда поток обличения иссяк, я невозмутимо заметил:

— Да вы бы, Владимир Владимирович, сами написали книжку для начинающих. А брошюру Шенгели, если хотите, давайте обсудим.

Пошли со Шмидтом к Марии Ильиничне, рассказали ей о разговоре в “Прожекторе”, заручились ее согласием устроить обсуждение книжки Шенгели в клубе “Правды” с участием Маяковского. <...>

Дискуссию в клубе “Правды” решено было назвать беседой на тему: “Можно ли научиться писать стихи?”. Председательствовать Мария Ильинична поручила Лазарю Шмидту, — он пользовался доверием Маяковского и мог объективно руководить дискуссией. Вступительное слово согласился сделать Шенгели.

Клуб “Правды” помещался тогда в Большом Черкасском переулке. Заведующий клубом вывесил при входе в клуб наскоро составленное и не очень грамотное объявление:

“Воскресенье 11 апреля 1926 г.

7 часов вечера.

Беседа на тему: «Можно ли научиться писать стихи?»

Докладчик: Шенгели и др.

Концерт с участием Маяковского, Брика, Уткина, Безыменского и др.”.

Мы пришли в клуб раньше семи часов и узнали, что Шенгели выступать не будет, — он внезапно выехал в Ленинград по каким-то “неотложным литературным делам”. Не явились Уткин с Безыменским. <...> Пришли Шмидт, Маяковский, Асеев и чуть позже — Осип Брик. Появился друг и единомышленник Шенгели, поэт Владимир Пяст. Он ходил по коридору, что-то обдумывал, жестикулируя и бормоча. Заметив его боевитость, мы предложили ему произнести вступительное слово вместо исчезнувшего профессора, но в ответ на

это Пяст сделал большие глаза и замахал обеими руками — дескать, ни в коем случае!

Публика понемногу собралась, и Шмидт открыл дискуссию. Первое слово он предоставил Владимиру Владимировичу Маяковскому. Оратор, не вняв ни афише, ни призывам председателя, с места в карьер начал громить поэзию того времени.

«Зачем нужна такая затхлая книга? — вспоминал слова Маяковского А.Т. Чижов. — Она является, по моему мнению, сюсюканьем интеллигента, забравшегося в лунную ночь под рояль и мечтающего о вкусе селедки!»³²⁷ Типичный, по выражению Шенгели, «прием толкучной элоквенции, который на том же толкучном жаргоне называется “отбрехом” и который я называю уводом в пустоту». Назвав «книжонку» Шенгели «шарлатанским предприятием», Маяковский откровенно раскрыл причины своего негодования: «Первое — книжка вышла уже 3-м изданием и то почти раскуплена. Второе — издана она авторитетным издательством “Правда”». За этим следовало неожиданное для поэта признание: «Ямбы и хореи нам не нужны. Ямбов и хореев давно не существует. Ямбами и хореями давно никто не пишет. <...> Хореи и ямбы мне никогда не были нужны, и я их не знаю. Я не знаю их и не желаю знать. Ямбы задерживают движение поэзии вперед».

Слово Евгенову:

«В мягкой и вежливой форме выступил Николай Николаевич Асеев. Затем выступил Осип Брик. Он критиковал Шенгели, а вместе с ним хореи и ямбы, так сказать, “с научных позиций”. <...> Дискуссия явно не получалась, все выступавшие дудели в одну дуду: долой Шенгели, а вместе с ним — ямбы и хореи!

Еще во время выступления Маяковского Шмидт прислал мне записку: “Заступись за ямбы”. <...> Пришлось мне выступить. Я говорил, что успех книжки Шенгели <...> свидетельствует прежде

³²⁷ Цит. по: Катанян В. Маяковский. Хроника жизни и деятельности. 5-е изд., доп. М., 1985. С. 338.

всего об огромном интересе массового читателя к теории стихосложения. Значит, нельзя отмалчиваться, надо отвечать — писать книжки о стихосложении. И не следует себя и других обманывать — заявлять, будто классические формы отжили свой век. <...>

На другой день после “беседы о стихах” Шмидт и я рассказали Марии Ильиничне, как прошла дискуссия. Она посмеялась над тем, что Шенгели сбежал от дискуссии в Ленинград, и похвалила меня за храбрость.

— Мы все же правильно сделали, что выпустили книжку Шенгели, она принесла какую-то пользу людям, — сказала Мария Ильинична».

Несмотря на эти слова и на несомненный спрос, «Правда» предпочла дистанцироваться от книжки, и следующие четыре издания вышли под маркой Союза поэтов.

Маяковский продолжал ругать зацепившую его книгу к вящей радости газетчиков. 20 сентября в Большой аудитории Политехнического музея «жестоко и поделом изруган был Шенгели». 5 октября в зале Академической капеллы в Ленинграде «час своего времени и внимания поэт подарил совершенно зрящему <так!> делу: разному дрянной книжки Шенгели о стихотворчестве». 1 ноября в Харькове, 24 ноября в Ростове... Выступая 29 января 1927 г. в Народном дворце Саратова с докладом «Лицо левой литературы», по поводу «специальных “пособий”, содействующих распространению литературной безграмотности, вроде книжки Шенгели» Маяковский бросил: «Книжку Шенгели правильнее было бы назвать не как сделаться поэтом, а как сделаться дураком»³²⁸. В последнем он передернул: книжка была не о том, «как стать поэтом», но лишь о том, «как писать стихи».

В марте в «Молодой гвардии» Маяковский напечатал стихотворение «Моя речь на показательном процессе по случаю возможного

³²⁸ Катанян В. Маяковский. Хроника жизни и деятельности. С. 350, 354, 355, 358, 370.

скандала на лекциях профессора Шенгели»³²⁹ (суд, конечно, оправдывает его), а ранее «приложил» оппонента в «Письме писателя Владимира Владимировича Маяковского писателю Алексею Максимовичу Горькому»:

А рядом
 молотобойцев
 анапестам
учит
 профессор Шенгели.
Тут
 не поймете просто-напросто,
 в гимназии вы,
 в шинке ли?

В июньском номере «Нового Лефа» за 1927 г. Маяковский глумился над преподаванием Шенгели на «творческом отделении» 1-го МГУ, которое как раз в это время решили закрыть:

«До сих пор я думал только о качестве стихов, а теперь, очевидно, придется подумать и о манерах.

Надо людей хвалить, а у меня и с Шенгели нелады тоже, от этого критические статьи получаются.

А Шенгели в люди выходит.

Называли-называли его в насмешку профессором, сам он от этого звания отворачивался со стыдливym смехом, да, очевидно, так все к этой шутке привыкли, что и действительно выбрали и стали величать его профессором.

Сам Шенгели немедленно трубит об этом собственными стихами, по собственному учебнику сделанными, в собственном студенческом журнале напечатанными³³⁰. <...> В результате обучения литературе

³²⁹ Позднее автор вернулся к имевшемуся в рукописи заглавию: «...скандала с лекциями профессора Шенгели».

³³⁰ Вероятнее всего, «Ода Университету»: Красное студенчество. 1927. № 10. С. 51–52.

такими профессорами литературная квалификация нестерпимо понижается».

Попыткой противопоставить методу Шенгели свой метод стала выпущенная в августе 1927 г. отдельной брошюрой статья «Как делать стихи?» с известной шуткой: «Можно рифмовать конец первой строки и конец второй одновременно с последним словом третьей или четвертой строки:

Среди ученых шеренг
еле-еле
в русском стихе разбирался Шенгели».

Не довольствуясь публичными выступлениями, трибун пожаловался жене наркома Луначарского: «Анатолий Васильевич делает непростительные, грубейшие ошибки. Он взял под защиту совершенно безнадежную бездарь»³³¹. «Маяковский вел ожесточенную полемику с Шенгели на всех диспутах, везде, где можно и где нельзя», — суммировал его соратник и биограф Василий Катанян³³².

Высочайшее объявление Маяковского «лучшим и талантливейшим поэтом советской эпохи» в 1935 г. не только канонизировало его тексты и оценки, но и поставило крест на книжке Шенгели, которую стали ругать не читая. Тогда такого поворота событий никто не мог предвидеть, поэтому Георгий Аркадьевич ответил Владимиру Владимировичу, чем вписал свое имя в его биографию. Послевоенный «широкий читатель» мог найти упоминания о нем (фамилии переводчиков запоминают немногие) разве что в книгах об «агитаторе, горлане, главаре», походя рассказывавших, как некий Шенгели осмелился выступить против «самого» Маяковского, но был блестяще посрамлен и только поэтому заслуживает упоминания.

«Лучший!
Талантливейший!

³³¹ *Луначарская-Розенель Н.А.* Луначарский и Маяковский // Маяковский в воспоминаниях современников. М., 1963. С. 466.

³³² Цит. по: *Постолутенко К.Ю.* Маяковский и Шенгели. С. 522.

Владимир Маяковский. «Как делать стихи» (1927). Обложка
Собрание Л.М. Турчинского

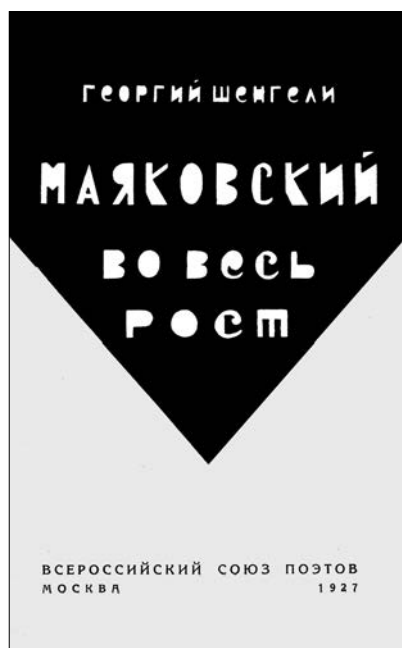
Эти слова сделали то, чего поэт при жизни опасался больше всего — наложили на личность его и на творчество печать непреложности, неоспоримости, официальности.

Маяковский — икона?

Вот это было ему омерзительно при жизни и этого пришлось ему удостоиться посмертно. Но в те времена, о которых идет речь, Маяковский был молод, крепок, драчлив и задирист, за словом в карман не лез, и на каждый вызов отвечал, уничтожая и испепеляя своих оппонентов».

Так писал в конце пятидесятых Абрам Арго — свидетель и участник давних литературных боев, но его очерк «Шенгели и память о нем» остался неопубликованным.

В темпераменте и остроте языка Георгий Аркадьевич не уступал, в стихе разбирался явно не хуже (оппонент, напротив, бравировал, что «не различает» и даже «не знает» стихотворных размеров), с будущим классиком чувствовал себя как минимум на равных, но сначала

«Маяковский во весь рост» (1927)

Обложка

ответил по-профессорски. 25 октября 1926 г. он прочитал в Литературной секции ГАХН доклад «Опыт социологического и морфологического анализа стихов Маяковского», в котором, согласно хронике «Бюллетеней ГАХН», «подверг пересмотру литературную репутацию Маяковского, оспаривая его право на звание “великого поэта”»³³³. «Поверженный Георгием Шенгели Маяковский немедленно начал оживать в прениях, — говорилось в газетном отчете «Поверженный и возрожденный Маяковский», — и был возрожден в полном блеске выступлением проф. <Павла> Сакулина. Проф. Сакулин признал, что перспективы доклада неверны, что фигура выдающегося поэта трактована с излишней легкостью, без увязки с литературным

³³³ Цит. по: *Постолутенко К.Ю.* Маяковский и Шенгели. С. 522.

Инскрипт Георгия Шенгели Леониду Гроссману
на титульном листе книги «Маяковский во весь рост»

и освободительным движением эпохи. Еще далеко не был исчерпан полемический заряд аудитории, здесь и там в публике угадывались энергичнейшие охотники скрестить мечи с докладчиком, когда звонки известили, что близится полночь и пора уходить»³³⁴.

Ни доклад, ни тезисы до нас не дошли, но его положения легли в основу брошюры «Маяковский по весь рост», которую Шенгели выпустил в начале июня 1927 г.³³⁵ тиражом 4000 экз. под маркой ВСП на личные средства. Этот текст более шестидесяти лет нахо-

³³⁴ Вечерняя Москва. 1926. № 248. 27.10; цит по: Катанян В. Маяковский. Хроника жизни и деятельности. С. 568. В отчете доклад назван «Формально-социологический анализ поэзии Маяковского».

³³⁵ См. инскрипт на ней: «Дорогому Максимилиану Александровичу Волошину к десятилетию дня первой встречи (1917–1927). Г. Шенгели. 9.VI».

дился в «зоне забвения», а если упоминался, то с неперменным эпитетом «пасквильный». Ныне он хорошо известен благодаря переизданиям, поэтому напомним лишь основные положения.

Зачин: «Талантливый в 14-м году, еще интересный в 16-м, — теперь, в 27-м, он уже не подает никаких надежд, уже безнадежно повторяет самого себя, уже бессилён дать что-либо новое и способен лишь реагировать на внешние раздражения вроде выпуска выигрышного займа, эпидемий растрат, моссельпромовских заказов на рекламные стишки. А с другой стороны, при наличии массовой тяги к литературе, он неизбежно попадает в поле зрения молодежи, в качестве чуть ли не классика, чуть ли не академика, украшенного орденами за былые литературные победы. Обширные кадры начинающих поэтов ориентируются на Маяковского, учатся у него — и в результате заболевают тяжелой литературной корью. <...> Вдобавок, Маяковский недавно выступил с несколькими статьями об искусстве стихов, статьями столь же самоуверенными, сколь и безграмотными, — но многие, к сожалению, примут эти упражнения всерьез и будут работать, руководствуясь ими»³³⁶.

Маяковский — популярен?

«С первых же моих строк читатель может спросить: чем же в таком случае обусловлен успех Маяковского? Я думаю, что успех у критики обусловлен колоссальным нахрапом самоутверждения; успех у дореволюционной эстетной публики — ее потребностью освежить утомленные "изысками" нервы в соленой ванне грубости; успех у нынешнего читателя (весьма, впрочем, относительный: книжки Маяковского мирно дремлют в складах) — увы! — революционной фразой и упрощенством, с которым Маяковский трактует те или иные проблемы».

Это личные нападки?

³³⁶ Шенгели Г. Маяковский во весь рост. М., 1927. С. 3; далее цит. без сносок.

«Некоторые лица, меряющие всех на свой собственный вершок, заявят, что моя переоценка Маяковского вызвана тем, что последний в своих статьях задел мои работы, "обидел" меня. На всякий случай указываю, что за тринадцать лет литературной деятельности мне приходилось видеть самые различные отзывы о моих книгах и статьях — в том числе и безграмотные и некорректные; между тем я лишь раз выступил с ответом на вполне достойную статью В.Я. Брюсова о моих переводах Верхарна». «Очень многое из того, что я говорю о Маяковском, приложимо к футуризму в целом, — сделал Шенгели шаг вперед, придав полемике принципиальный характер. — В основном футуризм антикультурен и реакционен». Это ответ на критическое замечание Сакулина, что Маяковский рассматривается «вне связи с футуризмом — европейским движением в литературе и в искусстве».

Психологическая характеристика.

Прочитывая статью «Психология хулиганства» — острая и актуальная тема для того времени! — из сборника «Проблемы преступности» и используя термины из нее, Шенгели сделал вывод: «Его желтая кофта и литературные скандалы, его "методы самоутверждения" проистекают из отсутствия "внутреннего содержания" и из "чувства собственной недостаточности". <...> Внутренний строй Маяковского — строй "недостаточного": оплевательство, бахвальство, замаскированная пустота».

Социальная характеристика.

Поэзия Маяковского — «плод творческого усилия особой социальной прослойки, которую я называю люмпен-мещанством; она — антикультурна; она до жалости бедна идеями; в последние годы она пытается паразитировать на революции, не имея с ней ничего общего; в художественном отношении она безнадежно слаба. <...> Люмпен-мещанин создает свою поэзию — поэзию индивидуализма, агрессивности, грубости и при наличии некоторого таланта, при болезненной общественной нервности критической эпохи добивается порой заметного успеха».

Маяковский — поэт революции?

«Как может ужиться люмпен-мещанин Маяковский, неврастенический, недисциплинированный, презирующий всякую норму, любящий только, "чтоб грохот был, чтоб гром", ненавидящий труд и пр. и пр., — с революцией, которая прежде всего труд, дисциплина, учет? <...> Неужели достаточно наклеить на футуристические хромые ходули разрозненные листки из "Памятки пионера", выпущенной каким-нибудь Крыжопольским уездатом, чтобы считаться поэтом величайшего в истории социального сдвига?» Дополнительной дерзостью выглядело напоминание о Северянине, цикл антивоенных стихов которого «Стихи в ненастный день» сопоставлялся с «Войной и миром» Маяковского к невыгоде второй вещи. Живший в Эстонии на даче, Северянин летом 1918 г. оказался отрезан от России, но несколько раз предпринимал попытки возобновить контакты с поэтами на родине и как раз в 1927 г. обменялся письмами с Шенгели.

Маяковский — новатор и мастер стиха?

«Маяковский выступил реформатором. Однако реформа реформе — рознь; одно дело — введение новых приемов или новых комбинаций, а другое — бегство от приема в неряшливость. Именно этим последним путем пошел Маяковский. <...> Типичный стих Маяковского чрезвычайно беден и невыразителен сам по себе. <...> На каждом четверостишии Маяковский демонстрирует свою техническую слабость, свое неумение справиться с рифмой, привести ее в подлинную связь с общей линией стихотворения, с требованиями языка, ритма, смысла».

Голословные утверждения?

Цитаты, цитаты, цитаты. 370 стихотворных строк — больше половины авторского листа.

Итог: «Притязания Маяковского на поэтическую гегемонию беспочвенны и нескромны, его заверения о полном сродстве с современностью — неосновательны, значение Маяковского в нашей поэзии — отрицательное: по его стихам можно узнать, как не следует писать стихи. Бедный идеями, обладающий суженным кругозором,

ипохондричный, неврастенический, слабый мастер, — он вне всяких сомнений стоит ниже своей эпохи, и эпоха отвернется от него».

Так говорил Шенгели. А 1 сентября 1927 г. в парижском «Возрождении» появилась статья Ходасевича «Декольтированная лошадь». «Маяковский во весь рост» здесь не упомянут, но близость позиций и оценок налицо:

«Ныне, сдается мне, стоит <он> уже при конце своего пути. <...> Его литературная биография есть история продвижения от грубой пошлости несознательной — к пошлой грубости нарочитой. Маяковский никогда, ни единой секунды, не был новатором, “революционером” в литературе, хотя выдавал себя за такового и хотя чуть ли не все его таковым считали. <...> Его поэтика — более чем умеренная. В его формальных приемах нет ровно ничего, не заимствованного у предшествовавшей поэзии. <...> Но его *содержание* было ново. Он первый сделал пошлость и грубость не материалом, но смыслом поэзии. <...> “Маяковский — поэт рабочего класса”. Вздор. Был и остался поэтом подонков, бездельников, босяков просто и “босяков духовных”. <...> Еще более неуклюже выходит у него поучение к молодежи под заглавием “Как делать стихи?”. <...> Грубость и глупость формальных суждений Маяковского превосходит всякие ожидания. <...> Нет ничего более убогого в литературе о поэзии, нежели эти рассуждения Маяковского — эта смесь невежества, наивности, хвастовства и, конечно, грубости. <...> Что Маяковский стареет, постепенно выходит в тираж, что намечается и крепчает уже даже в СССР литературная “переоценка Маяковского” — я говорю отнюдь не на основании только моих собственных наблюдений»³³⁷. Последняя фраза наводит на мысль, что Ходасевич мог читать работу своего давнего знакомого: советские издания попадали за границу куда свободнее, чем эмигрантские — в СССР.

³³⁷ Ходасевич Вл. Некрополь. Воспоминания. Литература и власть. Письма Б.А. Садовскому. М., 1996. С. 219–226. В комментариях к этому изданию возможная связь двух текстов не отмечена.

Под пером официальных «маяковедов», перепевавших друг друга и предпочитавших поменьше цитировать Шенгели, история полемики выглядела по-иному. Возьмем нашумевшую в свое время статью А.И. Колоскова «Трагедия поэта», автор которой метил в Лилю Брик, но постарался попасть во всех критиков «лучшего и талантливейшего»:

«Очень назойливо преследовал Маяковского Г. Шенгели. Автор посредственных стихов и халтурного сочинения “Как писать стихи и рассказы” <так!>, он выступил в Государственной академии художественных наук с крикливым докладом. <...> В 1927 г. Шенгели выпустил книжку “Маяковский во весь рост”, в которой собрал всю грязь, которую лили на поэта революции ее (т. е. революции. — В.М.) враги, и густо замесил на собственной слюне. Эта его книжка — злобная куча, воздвигнутая автором в качестве памятника себе, своей мелочной злобности»³³⁸.

А.А. Михайлов в книге из серии «ЖЗЛ» выражался приличнее:

«Полемика с Шенгели приобрела резкий характер. В правдинской аудитории, где поэт выступал перед рабкорами, не все были согласны с критикой книги, а Маяковский, распаляясь, потрясая книгой, говорил, что это — шарлатанское предприятие, и вычитывал из нее наиболее одиозные места в доказательство.

Шенгели, не рискуя вступать в полемику с Маяковским по существу своей книги (на самом деле сознательно отказавшись от этого. — В.М.), наносил удары обидчику в докладах, специально посвященных творчеству поэта. Затем он выпустил брошюру “Маяковский во весь рост”.

Брошюра Шенгели, как человека в общем эрудированного, отнюдь не постороннего литературе (неплохая характеристика. — В.М.), была в высшей степени пристрастной, содержащей в себе резкие, даже грубые (ср. выше цитаты из «Нового Лефа». — В.М.) и абсолютно необоснованные (пол-листа цитат. — В.М.) нападки на

³³⁸ Колосков А. Трагедия поэта // Огонек. 1968. № 23. С. 30.

Маяковского, откровенную брань. Чувство мести возобладало над разумом. Шенгели стремился во что бы то ни стало опорочить поэта, не подозревая, что он кладет голову в пасть льва. <...>

“Лев” не заставил себя долго ждать, ответ прозвучал в стихотворении “Моя речь на показательном процессе по случаю возможного скандала с лекциями профессора Шенгели”. Но здесь Маяковский придает полемике широкий общественный характер, уходя от специфических литературных вопросов (т. е. уклоняясь от полемики с Шенгели по существу. — В.М.), здесь ставится вопрос о воспитании молодежи, о воспитании личности.

А статью («Как делать стихи?», написанную до «Маяковского во весь рост». — В.М.) — в отличие от Шенгели — поэт сориентировал на современность. Но вкуче — в стихах и выступлениях — Маяковский нанес по Шенгели такой силы удар, что почтенный ученый надолго стал предметом издевательских реплик и насмешек в литературной среде, почти нарицательным типом»³³⁹.

Правильно здесь сказано лишь о пасти льва. Только «лев» оказался другой. Причем дело, похоже, не только в известной резолюции Сталина на письме Лили Брик. Еще в 1934 г., за год до письма, упоминание «Маяковского во весь рост» в библиографии к статье «Шенгели» в первом издании «Большой советской энциклопедии» сопровождалось примечательным пояснением: «Памфлет против Маяковского, встретивший заслуженно резкий отпор со стороны советской общественности»³⁴⁰. Затем биографы «лучшего и талантливейшего» писали о Шенгели без оглядки на приличия — например, критик Семен Трегуб, которому подобные высказывания не мешали общаться с Георгием Аркадьевичем в Гослитиздате как ни в чем не бывало³⁴¹.

За год до смерти, 8 ноября 1955 г., Шенгели написал стихотворение, в начале которого перечислил имена четырнадцати поэтов Серебряного века.

³³⁹ Михайлов Ал. Маяковский. М., 1988. С. 373–374.

³⁴⁰ БСЭ. Т. 62. Стб. 289.

³⁴¹ Трегуб С. Владимир Маяковский. М., 1940. С. 62–63.

Он знал их всех и видел всех почти:
Валерия, Андрея, Константина,
Максимильяна, Осипа, Бориса,
Ивана, Игоря, Сергея, Анну,
Владимира, Марину, Вячеслава
И Александра — небывалый хор,
Четырнадцатизвездное созвездье!..

Что за чудесный фейерверк имен!
Какую им победу отмечала
История? Не торжество ль Петра?
Не Третьего ли Рима становленье?
Не пир ли брачный Запада и русской
Огромной, всеобъемлющей души?

Он знал их всех. Он говорил о них
Своим ученикам неблагодарным,
А те, ему почтительно внимая,
Прикидывали: есть ли нынче спрос
На звездный блеск? и не вернее ль тусклость
Акафистов и гимнов заказных?

И он умолк. Оставил для себя
Воспоминанье о созвездье чудном,
Вовек неповторимом...
Был он стар
И грустен, как последний залп салюта.

Идентифицировать поэтов не представляет труда, за возможным исключением «Владимира». Писавшие об этом стихотворении однозначно видели в нем Маяковского (вероятно, по принципу «потому что как же иначе») и делали вывод, что Шенгели в конце жизни пересмотрел отношение к нему. Однако по мнению В.А. Резвого, имеется в виду Владимир Нарбут — друг Шенгели с первых послереволюционных лет и до своего ареста в годы «Большого террора»³⁴². Такое

³⁴² В 1924 г. Шенгели написал статью «Мир как плоть. (О поэзии Вл. Нарбута)», опубликованную посмертно: Новый журнал (Нью-Йорк). Кн. 220. Сентябрь 2000. С. 199–203 (публ. и примеч. И. Померанцева).

толкование не требует ни малейшей натяжки, неизбежной в случае с Маяковским, поэтому я считаю его верным.

Можно ли говорить, кто был прав в том давнем споре? И разве это не риторический вопрос: Маяковский — «великий поэт», а Шенгели... Но в слишком неравном положении они оказались. Общие тиражи сотен, если не тысяч посмертных изданий Маяковского исчислялись десятками миллионов, нескольких посмертных изданий Шенгели — немногими десятками тысяч. Полное собрание сочинений Маяковского выходит четвертым изданием, стихи и поэмы Шенгели в полном объеме не изданы до сих пор. Причины — отнюдь не литературные. В 1996 г. критик К.Н. Анкудинов писал: «Мое издевательское отношение к Маяковскому — не есть отношение к нему как к личности. (Маяковского-человека я очень люблю, в нем я нахожу обаятельный и трогательный внутренний жест.) Это — отношение к мифу Маяковского. Я никогда не прощу мифу того, что он (миф) сделал с живым человеком — с Георгием Шенгели. Как поэт Шенгели неизмеримо выше Маяковского, по крайней мере, на мой вкус. Как специалист — гораздо подготовленнее. Как человек — умнее, да и воспитаннее. Но Шенгели не умел создавать мифов о себе и поэтому навсегда погиб из-за чужого мифа. Нельзя хорошему поэту спорить с носителем мифа. Это всегда закончится трагически. Поэтов не читают, их чтут за мифы вокруг них. Тех поэтов, вокруг которых нет мифов, не помнят. А тех, кто покушается на мифы, ненавидят»³⁴³.

Биографу пристала объективность, но я полностью согласен с выводами Шенгели о Маяковском и присоединяюсь к оценке Анкудиновым их поэтического дарования.

II

«Маяковский во весь рост» вышел в июне 1927 г., а 22 сентября автор подарил книжку Леониду Гроссману, надписав ее «в дни про-

³⁴³ Литературная Россия. 1996. № 42. 18.10.

щения с Москвой». Оставив пост председателя Союза поэтов, Георгий Аркадьевич решил переехать в Симферополь. Тремя днями ранее он рассказывал о своей жизни в письме к Северянину: «Профессура меня не кормит (Шенгели лишился работы в МГУ. — В.М.). <...> Последние три года мне приходилось кормиться газетной работой, ведя фельетон, пиша судебные отчеты и проч. Теперь чувствую, что это становится невыносимым. А в Симферополе, в Университете <так!>, мне предложили солидную кафедру, с приличным окладом. И спокойная, обеспеченная жизнь, уравновешенная работа, определенный досуг — с огромной силой поманили меня, обещая развязать душу для творчества, для научной работы. А провинции я не боюсь».

Как видно из письма, дело не только в безденежье: «Являюсь чем-то вроде присяжного советчика для начинающих поэтов и объектом ненависти Маяковского и К^о, считающих меня литературным ретроградом. <...> Сейчас считаю свою литературную карьеру конченной: такие стихи, какие я пишу, не нужны никому, доступа на страницы журналов не имеют, а литературные вечера (если не считать официально поощряемых, на которые тоже доступа мне нет) крайне редки и собирают маленькую аудиторию. Отказаться же от своей поэтической индивидуальности, от свободы искусства я не могу. Поэтому, продолжая работать, работаю для себя, для тесного круга друзей»³⁴⁴.

Другим объяснением переезда было «пошатнувшееся здоровье жены», на которое Шенгели сослался в одной из автобиографий, хотя Нина Леонтьевна осталась в Москве (и заменила мужа в «Гудке»): «Чтобы не пропала комната, — на случай, если в Симферополе покажется плохо. А комната — это в Москве богатство», — объяснил он Северянину в том же письме. «Здесь тепло, дешево, тихо, — писал Шенгели Тарловскому 19 октября, по приезде в Крым. — На душе спокойно. Для себя работать еще не начал и, возможно, не скоро начну: нервы только начинают приходить в норму после многолетнего напряжения»³⁴⁵.

³⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 119. Л. 1 об—2 об.

³⁴⁵ РГАЛИ. Ф. 2180. Ед. хр. 264. Л. 2.

Первое стихотворение, написанное в Симферополе доцентом Крымского педагогического института им. М.В. Фрунзе, звучит умиротворенно:

Здесь медлит осень. Здесь еще тепло.
И странно видеть зимние созвездья
Сквозь музыку с далекого бульвара,
Сквозь теплый вкус и нежность изабеллы...
К полуночи в ореховом саду
Прощаюсь я с моей дневной работой,
Бумажную я забываю книгу
И, сев на камень старого фонтана,
Вникаю в перепутанные знаки
Папирусов и папирос мечты...
И добрая татарская овчарка
Ко мне подходит и сует мне лапу,
И мы, обнявшись, вспоминаем горы,
Обоим нам запретные навек.

Однако оно называется «Изгнание»...

Много сделавший для изучения и популяризации наследия Шенгели, В.Г. Перельмутер полагает, что главной причиной его отъезда в Крым стала боязнь возможной «кары» властей за книжку о Маяковском, точнее за слова о «люмпен-мещанстве» — «о природе самой этой революции, о люмпенской сути совершенного в России переворота. <...> Нелишне иметь в виду, что к 1927 г. подобные печатные выступления стали возможны разве что в эмиграции (отсылка к «Декольтированной лошади» Ходасевича? — В.М.). Шенгели отдавал себе отчет в том, что написал — и на какой риск идет, издавая книгу. И принял меры, чтобы решительность не обернулась безрассудством»³⁴⁶. «Я боюсь, — заметил М.Л. Гаспаров в рецензии, — что автор вступительной статьи к однотомнику преувеличивает катастрофическую роль “Маяковского во весь рост” в биографии Шенгели: Маяков-

³⁴⁶ Перельмутер В. Живущий на маяке. С. 23.

ского тогда ругали еще и не так»³⁴⁷. Негативная реакция на книгу — чреватая осложнением скорее литературного, нежели политического (об этом у нас нет достоверных сведений) положения автора — могла быть одним из мотивов к перемене мест, но едва ли главным.

Значимыми оказались личные причины, о чем говорит письмо Ланну из Симферополя, написанное в два приема 19 и 21 февраля 1928 г., — десять страниц убористой машинописи³⁴⁸. Шенгели адресовал «милому Евгению», занимающему «третье место в иерархии моих друзей: два первых за товарищами моего детства» (Векшинский и, возможно, Станиславский) и самому близкому человеку в литературной среде, «исповедь», хотя написанный в отстраненной манере и изобилующий подробностями, включая интимные, текст местами больше похож на судебный очерк. Истории «романов», измен и ревности лучше покоиться в архиве — автор хотел, чтобы адресат уничтожил письмо, — но некоторые детали помогают понять логику поступков обоих супругов и их стихи.

Шенгели начал с прежних метаний между Ниной и Юлией, которую он не то чтобы не разлюбил, но продолжал жалеть, что стало «первым зерном неискренности моей в отношении Нины». «Аккомпанементом к этой основной мелодии наших отношений была длительная история со Шкапской, которая знала много (сам ей писал! — В.М.) и вела какую-то интригу (насколько я соображаю — в свою пользу), стремясь меня оторвать от Нины, а я, по моему обыкновению, миндальничал. Эта обстановка крайней нервозности и подозрительности охватила все наши с Ниной годы, создав у меня большую задержанность, у Нины — ощущение оскорбленности». «Единственная активность в моей ревности, — писал он Шкапской 26 июня 1924 г., когда окончательно решил связать судьбу с Манухиной, — желание знать, знать всё, до мельчайших подробностей. Осведомленность приносит муку, но отстраняет слепой и невыносимый гнев; утайка и ложь муки не устра-

³⁴⁷ Гаспаров М. Георгий Шенгели, ученый поэт.

³⁴⁸ РГАЛИ. Ф. 2210 (Ланн Е.Л., Кривцова А.В.). Оп. 1. Ед. хр. 294. Л. 1—10; далее цит. без сносок.

няет, а гневом душит до синюхи». «Ты, умевший и любить, и ненавидеть, научись когда-нибудь прощать!» — обратилась Манухина к мужу в декабре 1924 г.

Затем Георгий Аркадьевич сознался другу в нескольких «изменах» — причем не «по любви», а «по дороге» — в том числе со «студенткой Р.» (не о ней ли речь в воспоминаниях Мунблита?). «Теперь я понимаю, что мне надо было просто придти к Нине и покаяться». Он этого не сделал и два года ожидаемо «чувствовал себя в каком-то капкане». К боязни ухода ревливой жены и скандалов со стороны случайной подруги добавилась чекистская интрига, но на последнюю Шенгели не мог даже намекнуть. «От этих двух лет у меня осталось позорнейшее ощущение двоедушия и слабости». Стоит помнить об этом, читая написанные тогда стихи.

Урок не пошел впрок. Увлечение некоей «М.И.» дошло до того, что Георгий Аркадьевич подумывал об уходе от Нины Леонтьевны. Новая подруга заболела, и кавалер уехал в Симферополь осенью 1927 г. с нехорошими мыслями. «В первых числах ноября я получил от Нины письмо, где сообщалось о том, что ей стали известны мои прогулки с М.И. и что у нее, Нины, есть флирт. Для меня стало ясно, что герой этого флирта — Д.М., которого я всегда ощущал как мерзавца. Я поехал в Москву, чтобы уберечь Нину, чтобы сохранить ее для себя. <...> Возвратившись в Симферополь, я получил письмо от М.И., в котором она ласково сообщала мне, что считает лучшим — разрыв. <...> Московский месяц был крайне мучителен. <...> Я взбесился, увидев наглую надпись Д.М. на подаренной Нине книге. Я отправился к нему объясняться. Пошел говорить честно, по-мужски, с тем что если он подтвердит мне, что любит Нину, — я отойду. Он струсил и сказался отсутствующим».

У меня нет желания разбираться в перипетиях отношений Шенгели с «Д.М.» или «Д.А.» (в письме он называет его по-разному), но ясно, что ко всей этой истории относится слово «катастрофа» в автобиографических заметках за тот год. 12 декабря 1927 г., вернувшись из поездки в Москву, он написал:

Доверчив я. Обманут десять раз, —
В одиннадцатый каждому поверю:
Мне светел блеск любых свинцовых глаз,
И будущего — прошлым я не мерю.

Меня берет лукавящий рассказ
Про нищету, и подвиг, и потерю.
Я пьянице, насильнику и зверю
Мысль и обед готов отдать подчас.

Но трое клеймено неизгладимо,
Но трем — преображающего грима
Еще изобрести не удалось.

Сквозь гордый жест, сквозь благородство взора
Я узнаю их наповал, насквозь:
Шпиона, проститутку и актера!

Потенциальный разлучник, идентифицировать которого не удалось, свел знакомство с «М.И.», продолжая ухаживать за Манухиной: «Подлец искал завершающего штриха в подлости — украсть женщину, оторвать ее от мужа и потом бросить». «Теперь Нина знает всё, — завершил Шенгели «исповедь», — и мне легко. Отношения у нас налаживаются, я очень ее люблю и думаю что теперь есть все предпосылки счастью — лишь бы она меня любила». Нина Леонтьевна прочитала письмо и сделала на последней странице приписку: «Мне иногда все же кажется, что мы с Ёркой выправим жизнь».

Вероятно, о том же 10 марта 1928 г. Шенгели сообщил Северянину. Игорь Васильевич писал ему из Эстонии: «“Драмы” очищают, углубляют, возносят, проясняют смутное и — я “не боюсь смелости” сказать — *обожествляют*. Не забудьте, что в “драме” всегда страдание, оно в ней обязательно, на нем основана она — и что пленительнее него? В каждой драме есть частица счастья: вновь получить или сохранить теряемое. Сколько “драм” испытал я, но они — этапы в *Божественное*: я благодарю их. Я жму Вашу руку, ясно и прямо смотрю в глаза Ваши»³⁴⁹.

³⁴⁹ Северянин И. Соч.: В 5 т. Т. 5. СПб., 1996. С. 269.

Напряжение между супругами проявлялось и позже — по крайней мере, в стихах. Даже через пять лет в стихотворении «Глухая коробка со вставленным в бок...» упоминается «женою загубленный муж, любующийся на жену»: о ком идет речь, понятно, ибо включающий его раздел «Маленькие драмы» в сборнике «Планер» открывается «Айсигеной». Но несмотря на взаимные обвинения и горькие признания, их союз можно назвать счастливым. «Лучшая ее любовная лирика — из этой любви. Его — тоже»³⁵⁰.

С явью сны совсем, совсем не схожи,
Но остался сновидений след, —
Поступь легкая... Недаром все же
Айсигеною меня назвал поэт!..

Симферопольскую жизнь Шенгели описал Иван Пузанов — выдающийся зоолог и географ³⁵¹, а также талантливый поэт³⁵² и обстоятельный мемуарист:

«Здесь поселился новый профессор-литературовед и в то же время поэт — Георгий Аркадьевич Шенгели. И в первые же дни я стал его встречать. Это был стройный, очень красивый brunet в очках, который при встречах сдержанно-вежливо кивал мне, не вступая, впрочем, в разговоры. Познакомился я с Шенгели несколько позднее, на одном из пединститутских заседаний. Когда моя семья приехала, наконец, в Симферополь, Шенгели стал у нас бывать, особенно, после того, как переселился в новую квартиру, где скучал в одиночестве. Он оказался чрезвычайно милым, интересным собеседником — показателем чего была его дружба с восьмилетним Бобом (сыном автора. — В.М.), которому он показывал разные фокусы.

³⁵⁰ *Перельмутер В.Г.* Айсигена // Манухина Н. Смерти неподвластна лишь любовь. С. 67.

³⁵¹ *Мазурмович Б.Н.* Иван Иванович Пузанов (1885–1971). М., 1976.

³⁵² Первая репрезентативная публикация: *Пузанов И.* Талипот. Стихотворения. М., 2011.

Как поэт он был мне давно известен. Вполне естественно, что, познакомившись ближе, мы попросили Шенгели почитать нам стихи, — что он охотно выполнил. Читал Шенгели стихи нараспев — не нажимая по-актерски на логические ударения при абсолютном игнорировании стихотворного размера, а именно как поэт — сиречь, певец. Позднее я узнал, что Шенгели, присутствуя однажды в Московском Художественном театре на пушкинских спектаклях, был так возмущен актерской декламацией даже таких крупных артистов, как Качалов и Станиславский, что демонстративно покинул зал во время действия³⁵³.

Но вот, наконец, Шенгели дождался своей “семьи”. Помимо супруги Нины Леонтьевны в нее входили домработница Даша и великолепный доберман-пинчер Ворон. Вскоре мы стали частыми гостями супругов. Отнюдь не собираясь переселяться в Симферополь надолго, они не привезли с собой тяжелого багажа, и мебелировка их довольно просторной квартиры была минимальной. Некоторый уют все же создавали многочисленные фотографии — в основном портреты друзей, которыми Нина Леонтьевна с большим вкусом украсила стены “красного угла” своей комнаты. Вместо традиционной печки-буржуйки, посреди комнаты, на фундаменте из нескольких кирпичей, возвышался “чугунок”, жестяные трубы от которого, перекинутые через всю комнату, согревали ее. Этот же чугунок служил и для приготовления пищи, которая отличалась спартанской простотой. Основным блюдом служила “шрапнель”, или ячневая каша, во всех видах.

Получаемого Шенгели профессорского оклада, конечно, хватило бы на прокормление “семьи” и на более высоком уровне, но супруги копили деньги на обязательные поездки в Москву, которые всегда совершали в международном вагоне. Этот “снобизм” был у Георгия Аркадьевича одним из “пунктиков”, от которого он не отступал ни

³⁵³ В позднейших записных книжках Шенгели встречаются записи об «актеришках», «мерзко читавших» стихи.

в коем случае. Другим “пунктиком” было довольно странное у поэта неприятие музыки. Он совершенно был лишен музыкального слуха, не воспринимал красот Бетховена и Моцарта, а радио приводило его в тихое бешенство. [Нина Леонтьевна со смехом рассказывала, как, входя в международный вагон скорого поезда и слыша звуки радио, Георгий Аркадьевич подзывал к себе проводника и, строго глядя на него в упор сквозь свои круглые очки, вручал крупную денежную купюру со словами: “А радио у нас ис-пор-че-но! Понимаете?”]. — Проводник, сначала в недоумении почесавший затылок, быстро соображал и отвечал с глубоким поклоном: “Понимаю-с!” Через несколько минут радио замолкало надолго — до самой конечной остановки.]

Конечно, своих гостей супруги Шенгели могли угощать в основном чаем, но ведь главной приманкой их семейного очага была беседа с такими интересными, симпатичными людьми, какими были для нас хозяева, выходцы из далекой Москвы. Разумеется, разговоры шли, в основном, на литературные темы. <...> В описываемое время литературных заработков у него не было никаких. Он только что выпустил, возможно, что и за свой счет, небольшой сборник последних стихов “Норд”.

После того, как тон этого сборника, в который вошло несколько “упадочных”, пессимистических стихотворений, при полной аполитичности, — был частным образом осужден некоторыми литераторами, которым Шенгели подарил сборник, он решил вообще не пускать его в продажу, а раздаривал друзьям. Конечно, он выбирал таковых среди людей одинаковых с ним вкусов, причем, дарил по несколько экземпляров, что и было в моем случае. А жаль! Большинство стихотворений “Норда” очень хороши. <...>

Я с признательностью считаю Георгия Аркадьевича моим настоящим учителем нелегкого искусства стихотворства. Если до знакомства с ним я был, пусть талантливым (он сразу признал это), но часто неграмотным дилетантом, любителем, то, пройдя его строгую школу, я стал стихотворцем грамотным. Но самое главное — близкое общение с четой поэтов дало мне возможность и самому писать стихи, сначала —

легкие, шуточные, потом — серьезные, и в конце концов — стать профессиональным поэтом-переводчиком»³⁵⁴.

Перепевая известное стихотворение Шенгели «Муза» («Я груб и неумыт, я на ветру дрожу...»), открывавшее «Норд», а заодно вспомнив «Автопортрет» Нины Леонтьевны, Пузанов шутливо зарисовал новых друзей:

Я черен и небрит. По городам хожу
В одежде кожаной, нетленной.
И сквозь очки свои я круглые гляжу
На мир с улыбкою надменной.

Поэта лиру я сложил пока в портфель:
Сейчас — профессор я Педвуза.
Достаточно скучна мне эта канитель,
Но ты со мной, мартышка-Муза.

Со мною, милый друг, обходишь ты весь свет,
Зимой дрожа в шубейке зябкой.
«Намеренно-простой люблю твой туалет»,
«Запаянный браслет» на лапке.

С головкой стриженной, с цигаркою в зубах,
Нигде меня ты не бросаешь,
И только въедем в дом, тотчас же на стенах
Иконостас свой размещаешь.

Портретиками ты и всем своим старьем
Так любишь украшать каморку,
И вот с тобою мы работаем вдвоем,
Чтоб заработать хлеба корку.

³⁵⁴ Пузанов И.И. Мемуары. Т. 3. С. 94–96, 109. Фрагменты о Шенгели впервые введены в научный оборот: Тарумова Н. Неопубликованные мемуары И.И. Пузанова // *Przegląd Wschodnioeuropejski*. Vol. V (2014). № 1. С. 213–231. Заключенный в квадратные скобки текст взят из публикации Н. Тарумовой.

На Ремингтоне ты стучишь всё песку «Дым»
(Ее возьмет театр московский),
Читаю в Вузе я ученикам своим,
Как мир дурачит Маяковский.

Мальчишкам нипочем обидеть больно нас:
Тогда с подошв мы пыль стряхаем
И, взявши Дашу, пса, весь твой иконостас,
Коварный город покидаем.

Осесь бы крепко... — вновь настроить лиру нам!
Но кто ж теперь за песни платит?
И вот с тобою мы опять по городам
Идем, куда силы хватит.³⁵⁵

Чем занимался доцент Шенгели на службе?

«Мне были поручены курсы: Введения в литературоведение на 1-м курсе; Литературы XX века, методологии, Истории критики вместе со специальным семинарием — на 4-м курсе; Основных течений русской литературы XIX и XX вв. на 3-м курсе Тюрко-татарского отделения. Кроме того на меня было возложено руководство литературным кружком. Программы этих курсов мною были представлены своевременно и законным порядком утверждены, не вызвав ни малейшего возражения.

Курс Введения я рассматривал как пропедевтику к курсам Поэтики и Методологии. <...> Курс Литературы XX в.³⁵⁶ я ввел в рамки 1890–1917 года, рассматривая на фоне общественных явлений этого периода крупнейшие литтечения и крупнейших авторов, связывая символизм с политической реакцией 90-х гг. и рафинированным мироощущением крупной буржуазии; нео-реализм Горького и его группы с психоидеологией революционной интеллигенции; бульварщину и порнографию периода после 905 г. с разгромом революции, и т. д.

³⁵⁵ Архив РАН. Ф. 1674 (Пузанов И.И.). Оп. 1. Ед. хр. 160. Л. 266.

³⁵⁶ Материалы лекций: РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 84. Программа курса: РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 212. Л. 25.

При этом я касался вопросов художественного стиля, вопросов писательской биографии, стремясь каждую литературную фигуру сделать живой; малая осведомленность моих слушателей в литературе XX века вынуждала меня пересказывать фабулу того или иного произведения и порой пускаться в сторонние экскурсы (так, например, мне пришлось говорить о теории экспериментального романа, об Уитмене, о русском масонстве). Курс Истории критики я строил как изложение эволюции критических методов, указывая социальную подоснову этой эволюции и увязывая в последних главах “научную” критику Овсяннико-Куликовского и марксистскую критику с соответствующими главами курса Методологии. В последнем я имел целью изложить и охарактеризовать наличные методы, начиная от эстетического и кончая марксистским; но так как мои слушатели оказались совершенно неподготовленными в области поэтики, то я дополнил курс отделом Проблематики, где излагал вкратце насущные проблемы литературоведения, начиная от узкостилистических и кончая проблемой истолкования произведения, проблемой “перевода с языка образов на язык социологии”. Специальный семинарий был посвящен “анализу художественного произведения” и должен был затронуть приемы как технологического, так и историко-литературного и социологического анализа.

Изложение велось в рамках марксистских предпосылок с тщательным однако избеганием вульгарного упрощения, которое столь часто встречается и столь любезно для неактивных умов. Этот момент я неоднократно подчеркивал.

Одновременно с лекциями я руководил литкружком, фактически являясь консультантом в его бюро, состоявшем из студентов, и участвуя в обсуждении рефератов. <...> По моей инициативе студенты приступили к составлению Пушкинского словаря, и в настоящее время больше половины крупных произведений Пушкина переведены на карточки, а к некоторым произведениям словари готовы к печати»³⁵⁷.

³⁵⁷ Заявление в коллегии Главпрофобра РСФСР (8 января 1929): РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 212. Л. 1–2.

Крымский педагогический институт (ранее — здание женской гимназии В.А. Станишевской). Начало XX в. Открытка. Частное собрание

Участники институтского литературного кружка пригласили Шенгели в руководители. 18 декабря 1927 г. он читал им доклад о литературной жизни Москвы и Ленинграда, отвечал на вопросы, слушал местных стихотворцев. «Поэты водятся и здесь, — но мрачная публика: всё больше насчет авиахима и тракторов экстазятся; а читают с мощной жестикуляцией», — иронически сообщил он Тарловскому, добавив: «Ничего не пишу, и не хочется. Думается, что, если не совсем конец, то перерыв надолго: никакейшего лиризма не ощущаю»³⁵⁸.

15 декабря 1927 г. в Доме просвещения в Симферополе Шенгели прочитал лекцию «Маяковский и мы», повторив основные положения московской брошюры. Репортер «Красного Крыма» писал, что оратор «избегая ставить точки над *i*, косвенно наговорил по его <Маяковского> адресу таких "любезностей", многие из которых могут служить основанием для привлечения к суду за оскорбление

³⁵⁸ РГАЛИ. Ф. 2180. Ед. хр. 264. Л. 2, 3.

личности». «Не принял ли Шенгели, — заметил он по поводу слов о «закате Маяковского», — сумеречность своего литературно-критического сознания за чужой закат?»³⁵⁹. Это ставит под сомнение версию о боязни «кары» за «Маяковского во весь рост» как причине отъезда в Крым: в таком случае автор едва ли стал бы публично повторять положения «опасной» брошюры.

В автобиографических записях Шенгели назвал случившееся далее «травлей». 20 ноября 1928 г. он направил ректору пединститута заявление, копию которого сохранил в своем архиве:

«Вчера, 19/XI, в заседании Литкружка Крымпединститута студент Спиртус позволил себе заявить публично, что я, руководитель литкружка, способствовал росту богомных настроений среди членов литкружка и ПЬЯНСТВОВАЛ в компании некоторых студентов.

Довожу до Вашего сведения, что до того момента, пока студент Спиртус в заседании литкружка не признается публично в своей клевете и не принесет мне извинения, я не считаю для себя возможным вести какую бы то ни было работу в Пединституте»³⁶⁰.

«Ректор, гр. Вейсберг, занял в этом вопросе весьма странную позицию, — жаловался Шенгели 8 января 1929 г. в коллегии Главного управления профессионального образования (Главпрофобра) РСФСР. — Сначала он убеждал меня, что собственно Институт к кружку (на заседании которого меня облили грязью) отношения не имеет; что я напрасно придаю значение заявлению Спиртуса, так как всем известно, что я человек непьющий, что он “попросит Спиртуса”, — и т. д. Наконец через десять дней Спиртус дал себя ректору “упросить” и на заседании литкружка признался, что его заявление не в полной мере соответствует истине. <...> Выяснилось, что

³⁵⁹ Ю.Ю. В. Маяковский и Г. Шенгели // Красный Крым. 1927. № 289. 16.12. С. 4. Газета и позже саркастически отзывалась о его выступлениях, например на «вечере литературных неожиданностей», который перекрестила в «вечер литературных недоразумений»: Ник-н Н. Вечер литературных недоразумений // Красный Крым. 1928. № 62. 14.03. С. 4.

³⁶⁰ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 127.

гр. Спиртус положил в основу своей клеветы. Вскоре после моего приезда в Симферополь ко мне пришли начинающие литераторы и просили посетить собрание частного литературного кружка на частной же квартире. Я пошел. Было человек 20 народу, в том числе 7–8 студентов. Свыше трех часов шла беседа о литературе, чтение стихов и т. п., после чего хозяева квартиры предложили пройти в другую комнату закусить. Были бутерброды и несколько бутылок вина. После этой легкой трапезы я ушел и больше ни разу в этом кружке не был. В устах же Спиртуса всё описанное превратилось в “пьянство со студентами”.

Вновь приступив к чтению лекций, я имел беседу с ректором, задав ему вопрос: в чем дело? Для всякого здравомыслящего человека, знающего меня, слушавшего мои лекции, видевшего работу в литкружке, ясно, что внезапная атака на меня необоснованна. Ректор сказал, что мною недовольны студенческие организации. <...> Спустя несколько дней, 10 декабря было созвано общеотделенческое собрание, протокол которого я прилагаю, снабдив его своими примечаниями³⁶¹. <...> На меня был вылит громовой поток преувеличений, извращений, передержек и прямой клеветы. <...> Чьею-то рукой создана невыносимая атмосфера клеветы, брани, оскорблений, мелких гадостей, с безошибочным расчетом не то, что безразличный человек не пожелает дышать таким воздухом и уйдет, освободив место для кого-нибудь более приятного.

Где корни всей этой мерзости?

Для объяснения этого надо отойти несколько назад.

В прошлом году я организовал в Доме Просвещения диспут о Маяковском, где выступал в рамках утверждений моей брошюры “Маяковский во весь рост” (ее прилагаю). Это выступление не понравилось многим, так как в провинции до сих пор полагают, что отрицательное отношение к Маяковскому — нечто контрреволюционное. Большинство моих оппонентов на этом диспуте успеха не имело, неко-

³⁶¹ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 212. Л. 7–18.

торые же прямо оскандалились. Таким образом, возникло несколько оскорбленных самолюбий, в том числе среди студентов-партийцев»³⁶².

Заявление Шенгели осталось неопубликованным — в отличие от нападок его врагов. Рапповский журнал «На литературном посту» поместил текст некоего Я.Д. Полканова «Борьба за пролетарскую идеологию в крымском вузе», содержание которого восходило к измышлениям Спиртуса сотоварищи, а жанр трудно определить иначе как донос:

«С самого начала работы кружка руководитель взял неверный курс. <...> При разборе стихов молодых поэтов подходили только с формальной стороны, придирались к рифмам. Социологического метода, марксистского анализа не было. <...> На требования студенчества давать марксистский анализ произведений Шенгели признался в нежелании и неумении прилагать марксистский, социологический метод к изучению литературных явлений и обнаружил полное невежество в вопросах марксистской методологии. Шенгели развивал анекдотический, божеский взгляд на литературу. <...> С группой “мещанского литературного молодняка” устраивались попойки на квартирах. <...> Шенгели и К° появлялись в институте, дискредитировали литкружок, травили комсомольцев и партийцев. <...> Студенты отделения русского языка и литературы на своем собрании 10 декабря — присутствовало до 200 человек³⁶³ — единогласно, без воздержавшихся, решили, “что Шенгели как преподаватель ни в какой мере не удовлетворяет самым элементарным требованиям и дальнейшая преподавательская деятельность Шенгели в вузе невозможна”»³⁶⁴.

«Надо подчеркнуть ту обстановку, — парировал Шенгели, обращаясь в Главпрофобр, — в которой проводятся угодные резолюции. В собрании участвуют лица, не имеющие никакого представления об обсуждаемой работе (студенты иных отделений, студенты тех курсов, на которых еще не читает преподаватель, и даже посторонние инсти-

³⁶² РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 212. Л. 3–5.

³⁶³ Согласно протоколу, 132.

³⁶⁴ На литературном посту. 1929. № 3. С. 65; републиковано: Новый мир. 2008. № 3. С. 154–155.

туту лица). <...> После весьма сдержанных речей вносится предложение об их исключении, — т. е. проводится линия запугивания, и т. д. Всё это, конечно, способствует проведению резолюций, но безвозвратно роняет авторитет комячейки и правления в глазах студенческой массы, которая прекрасно понимает, что кроется за революционной фразой, звучащей из уст некоторых лиц»³⁶⁵.

Идти на попятный Георгий Аркадьевич не собирался и решил оставить службу. «Прямых поводов к моему смещению нет, — сообщил он Александру Грину 12 декабря, — но налгано столько, что уважающему себя человеку остается только зажать нос и бежать из этой зоны смрада, — что я и делаю»³⁶⁶. «Разразившийся над головами супругов Шенгели кризис был чрезвычайно болезненно воспринят их друзьями, — в первую очередь нами, — вспоминал Пузанов, — а также довольно многочисленными их поклонниками и поклонницами. Особенно волновались сестры Манские³⁶⁷, которые даже явились к Шенгели на квартиру и чуть ли не со слезами на глазах умоляли их изменить свое решение, помириться со студентами и остаться. Это дало мне повод написать шуточное стихотворение — вольное подражание известному отрывку о двух газелях из детской книжки Корнея Чуковского «Телефон»:

К отъезжающим Шенгели
Прибежали две газели,
Две сестрицы, две мамзели,
Сели рядом и запели:
«Неужели в самом деле
Покидают нас Шенгели?
Ах, как сильно мы хотели,
Чтоб вы прочно здесь засели!».
Отвечают им Шенгели:

³⁶⁵ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 212. Л. 5.

³⁶⁶ РГАЛИ. Ф. 127. Оп. 1. Ед. хр. 162. Л. 4.

³⁶⁷ Соня и Леля Манские, сестры театрального режиссера Д.М. Манского: Тарумова Н. Неопубликованные мемуары И.И. Пузанова. С. 228.

«Нас в Крыму студенты съели,
Нас скандалы одолели
И все вы осточертели!
Будет с нас той канители!
Ах, когда б в купе мы сели,
Ах, скорее б к милой цели!»...

Это шуточное стихотворение я прочел на нашем прощальном приеме «отъезжающих Шенгели»³⁶⁸.

15 декабря 1928 г. супруги сели в московский поезд. Позже, бывая в столице, Пузанов регулярно навещал друзей и, дорожа их мнением, читал свои новые стихи. Для печати стихи не подходили, и Георгий Аркадьевич помогал ему публиковать переводы — не столько ради заработка, сколько для ощущения причастности к литературной жизни. Впрочем, большая часть этих работ осталась неизданной.

В Симферополе Шенгели начал исследование «Пушкин в Крыму. (Опыт реконструкции объекта)», часть которого опубликовал в неидентифицированном пока издании: 24 апреля 1931 г. он подарил оттиск Мстиславу Цвяловскому как «библиографическую (боюсь, что только такую) редкость»³⁶⁹. В этот день Георгий Аркадьевич читал дома у Цвяловских доклад «Психология пушкинского творчества на юге в 1821 г.». «Доклад Шенгели был невелик, а главное — автор ничего нового не сказал и даже особенно интересных выводов не сделал; прения были гораздо интереснее и продолжительнее», — вспоминала присутствовавшая на чтении литературовед Ксения Богаевская. Сюрприз ждал ее за ужином. «Шенгели читал свои стихи, оказывается, он прекрасный поэт. Причем <Сергей> Бонди еще до знакомства моего с Г.А. сказал, что он необыкновенный красавец. Во время доклада я критически-внимательно рассматривала его

³⁶⁸ Пузанов И.И. Мемуары. Т. 3. С. 111–112.

³⁶⁹ Публикация не зарегистрирована ни в одной из известных мне библиографий пушкинианы, ни в картотеке Пушкинского Дома. Инскрипт, находившийся в частном собрании, воспроизведен: Макаров В.А. «Строки приветные...». Из коллекции автографов пушкинистов. М., 1999. С. 116.

и нашла, что ничего особенного и скорее даже некрасив. Но во время чтения стихов я увидела его в профиль, и кроме того он весь преобразился. Его несколько запрокинутая назад голова с густыми черными кудрями, римский нос, бледное, вдохновенное лицо были очень красивы. И читал он прекрасно своим мягким голосом. <...> Его стихи более чем хороши. Я была очарована их музыкой и содержанием»³⁷⁰.

III

Задумавшись по возвращении в «первосовнаркомовскую», как жить дальше, Георгий Аркадьевич решил обратиться с письмом³⁷¹ к Вячеславу Полонскому — главному редактору «Нового мира» и «Печати и революции», бывшему ректору ВЛХИ, впрочем, не спасшему институт от закрытия. Почему именно к нему? Влиятельный партийный журналист, Полонский благоволил «попутчикам» (даже напечатал в 1928 г. два стихотворения Шенгели) и на тот момент был самым могущественным оппонентом Маяковского, пустив в ход формулу «Леф или Блеф?». Напомнив адресату его работы о Достоевском, автор назвал письмо «голосом из подполья»:

«Были у меня и большая работоспособность, упорство, выдержка, и знания, и известное дарование, и готовность работать для нашей страны. <...> Уже почти пять лет, как я — вне литературы. За эти пять лет я почти не печатаюсь в больших журналах. Не поместил ни одной статьи. Не работал ни в одной редакции, ни при одном издательстве. Не был ни на одном совещании, хотя бы гостем. Последняя книга стихов, выпущенная год назад <”Норд”>, абсолютно нигде не была отмечена. Не стоила того? Быть может, — но ведь и нестоящие книжки отмечаются, — хотя бы бранью! Идеологически далека? Да,

³⁷⁰ *Богаевская К.П.* Из воспоминаний // Новое литературное обозрение. № 21 (1996). С. 120.

³⁷¹ Основание датировки: «Пятнадцать лет назад, приблизительно в это время, я напечатал впервые свое стихотворение».

эта книга — далека: уныла. Но четкость письма, но мастерство осталось же. Это ведь также не частая и не бесполезная вещь.

Мои ученики пишут статьи для энциклопедий по моей специальности, — я сижу дома. О Толстом (в связи со столетием со дня рождения. — В.М.) спрашивает “Вечерка” у кого угодно, — не у меня. Друзья читают мои стихи на Пушкинском вечере — они имеют у публики грандиозный успех; в газете моя фамилия исчезает в “и др.”. В результате — самоизгнание в Симферополь, кафедра, милые студенты, но — спазм в горле, потому что я в первую очередь — поэт, переводчик и стиховед, и лишь в пятую, в десятую — профессор.

Я приношу поэму (быть может, неважную, но ведь лучше, чем у других), — мне говорят: “длинна”. И потом печатают что-нибудь втрое более длинное. Я предлагаю: возьмите отрывки. “Не печатаем отрывков”. И потом печатают отрывки (других). Предлагаю перевод. “Переводов не печатаем”. Печатают (других)³⁷². Редактор, отклоняя заранее поэму (“велика”), просит оставить рукопись, так как ему интересно познакомиться с вещью. Затем рукопись присылается с курьером. При ней — ни слова. И автор чувствует, что его голос ушел в вату <...>.

Я не могу понять, где перерезан нерв, соединяющий меня с литературой, с ее жизнью, с ее боями.

В чем дело?

И — сижу в подполье, пропитываюсь им.

Едва ли это хорошо»³⁷³.

Было ли письмо отправлено, неизвестно. Скорее всего, нет: через три года Полонский разговаривал с ним как с незнакомым человеком.

В Москве Шенгели удалось выпустить в издательстве Союза поэтов двумя изданиями новую книгу «Школа писателя. Основы литературной техники»; параллельно с ней появились шестое и седь-

³⁷² Думаю, автор имел в виду публикацию в «Новом мире» в 1927–1928 гг. поэмы Пастернака «Лейтенант Шмидт», отрывков из романа Сельвинского «Пушторг» и драматических сцен Багрицкого «Трактир», поэмы Р. Бёрнса «Веселые нищие» в переводе Багрицкого.

³⁷³ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 117. Л. 1–1 об.

«Школа писателя» (1930). Обложка

мое издания «Как писать статьи, стихи и рассказы». Памятуя об уроках «полемики» с Маяковским, автор счел нужным оговорить в предисловии к «Школе писателя»: «Настоящая книга не является учебником литературной техники, собранием практических рецептов литературной кухни, ни, тем более, теорией литературы. Для первого она недостаточно догматична, для второго — недостаточно исторична. Ее задача — дать начинающему писателю опорные пункты для ориентировки в вопросах литературного мастерства»³⁷⁴.

Созданный в это время по инициативе Горького журнал для начинающих писателей «Литературная учеба» подверг обе книжки строгой, хотя и корректной критике.

«Неправильна сама установка Шенгели — дать общее руководство как писать статьи, стихи и рассказы, — считал Н. Витин. — Имея

³⁷⁴ Шенгели Г. Школа писателя. Основы литературной техники. 2-е изд. М., 1930. С. 5.

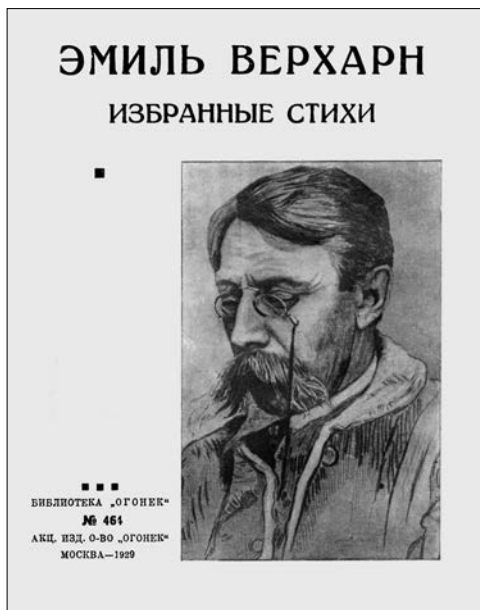
в виду именно рабкора, следовало подробнее поговорить о различных типах заметок, фельетонов, очерков. <...> Разбираемая книжка Шенгели слишком трудна для лиц, впервые знакомящихся с теорией литературы, и слишком легковесна для тех, кто уже имеет некоторые познания в этой области». В «Школе писателя» рецензент отметил «целый ряд погрешностей и ошибок» — например, «игнорирование лирики с установкой на ораторскую речь», что в данном случае действительно неожиданно. «Весьма сомнительны также некоторые практические указания автора — вряд ли правильно отсылать начинающего писателя учиться искусству пейзажа по роману Андрея Белого “Петербург”»³⁷⁵.

Удачей стал выход в 1929 г. двух «изборников» Верхарна в переводах Шенгели: один в «Библиотеке “Огонька”» тиражом 17 000 экземпляров, другой в госиздатовской серии «Русские и мировые классики». Написавший предисловие ко второй, более объемной книге «столп» марксистского литературоведения Владимир Фриче настоял на включении в нее переводов своего университетского приятеля Брюсова. Итогом стали сравнение работы переводчиков и... конфликт Иоанны Матвеевны с ГИЗом из-за недостаточного, по ее мнению, гонорара, что было улажено с помощью Георгия Аркадьевича³⁷⁶.

«Имена обоих переводчиков — почти полная гарантия исчерпания возможностей русского стиха для поставленной цели», — констатировал анонимный рецензент госиздатовского сборника, отметив «двустилие книги»: «Шенгели — поэт, выросший на вполне чуждой Верхарну традиции. Подходя к переводу чужого звучания, он скрывает свое творческое лицо и рассматривает подлинник как филологический памятник. <...> Для Брюсова Верхарн — живой современник, и переводы из него были для Брюсова актом воздействия и перестройки поэзии не французской, а русской. <...> Передавая

³⁷⁵ Витин Н. О самоучителях по технике писательского ремесла // Литературная учеба. 1930. № 2. С. 119–121.

³⁷⁶ См. его письма Л.П. Гроссману (12 сентября и 7 октября 1928): РГАЛИ (Гроссман Л.П.). Ф. 1386. Оп. 1. Ед. хр. 139. Л. 1–3.

Эмиль Верхарн. «Избранные стихи» в переводе Георгия Шенгели (1929).

Верхарна с высокопохвальной точностью, Шенгели не передает историко-литературного его значения. Передавая Верхарна инструментально, Брюсов разрушает его поэтику»³⁷⁷.

Выход книг на время решил финансовые проблемы, но постоянной работы в столице не было. «Вообще же скучновато и бесперспективно, — писал Шенгели Пузанову в январе 1929 г. из Москвы. — Живем, чтобы есть, и едим, чтобы жить... Был мой вечер в Союзе поэтов и в “Никитинском субботнике” <так!>. Народу много, похвал тоже, успех — на четыре с минусом»³⁷⁸. В октябре 1929 г. он уехал в Самарканд, где до осени 1930 г. в должности профессора читал лекции по истории русской литературы в Высшем педагогическом

³⁷⁷ Вестник иностранной литературы. 1929. № 6. С. 253–254.

³⁷⁸ Цит. по: Тарумова Н. Неопубликованные мемуары И.И. Пузанова. С. 229. Отточия в оригинале.

институте, был членом Государственного ученого совета Узбекской ССР, а с января по декабрь 1930 г. служил в Узбекском государственном научно-исследовательском институте — главном научном центре республики. «Познакомился со многими узбекскими поэтами, — сообщил Шенгели Волошину 11 января 1930 г., — влюблен в город, доволен работой; словом: хорошо». Но вслед за этим добавил: «Сам не писал ничего (речь о стихах. — В.М.) и, по-видимому, на этом надо будет поставить крест».

В архиве Шенгели сохранилось письмо этого времени — читатель оценит его прелесть. 19 мая 1930 г. заводской комитет самаркандского чугунно-литейного и механического завода «Дехканин» (не самое подходящее название для завода) просил «прочесть лекцию о Маяковском», добавив: «Убедительная просьба не отказать»³⁷⁹. О брошюре «Маяковский во весь рост» в «завкоме» явно не знали, как не знали и другого профессора русской литературы в городе, кто мог бы рассказать о только что застрелившемся поэте. Прочитал ли Георгий Аркадьевич лекцию и, если да, что он в ней говорил, мы, к сожалению, не знаем.

Самаркандские впечатления отразились в очерке «Спор эпох»³⁸⁰. Очерки были основной формой «халтуры» для не слишком обласканных властью литераторов, но Шенгели писал их серьезно и качественно. Противопоставляя величественные, но ветшающие медресе — «декорации величия чалмоносных владык», «духовные центры, откуда выходили пропагандисты Корана, толкователи Сунн и комментаторы Авиценны и Аверроеса», «певцы исконного благочестия, классического наслаждения и традиционного героизма», — педагогическому институту, автор драматизировал идею противостояния прошлого и настоящего, но старался не «ломиться в двери пошлых аксиом».

Действительно, «эмиры и ханы, воздвигая на зависть Багдаду мавзолей и на удивление Тегерану медресе, оставляли узбеку из его

³⁷⁹ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 210. Л. 10.

³⁸⁰ Новый мир. 1930. № 12. С. 103—111; далее цит. без сносок.

каторжного труда на сожженной земле столько лишь, сколько хватало на горсть урюка и на лепешку из серой муки. Остальное расцветало лазурью и киноварью на зданиях, книгах, тканях». Действительно, «Узбекистан, знающий, что такое темнота, не жалеет денег на народное образование. <...> Всё это требует полного и, пожалуй, чрезмерного напряжения сил. <...> Но едва ли в центральных вузах РСФСР ощущается подобный трудовой вольтаж и та необыкновенная атмосфера товарищеской молодой благодарности, которую окружают студенты популярного профессора». Красочное описание традиционного узбекского дома слишком длинно, чтобы привести его целиком, и слишком цельно, чтобы рвать на цитаты. Однако автор не увлекался экзотикой, показывая антисанитарию старого города и ее печальные последствия. Всё можно изменить. «Но для этого надо перестроить города и кишлаки. И раньше — психологию».

«Спор эпох» завершился главкой об узбекской литературе, которую «мы не знаем, совсем не знаем». Десятилетия идеологической конъюнктуры слишком у многих воспитали циничное отношение к «литературе народов СССР» как к «джамбуловщине». Шенгели одним из первых среди московских стихотворцев столкнулся с поэзией Средней Азии. Искренне полюбил ее? Не знаю. Искренне заинтересовался? Да.

«Поэты узбекского средневековья, слагатели народных былин, профессиональные остряки и бродячие сказочники нисколько не уступают европейским мастерам. Обширные поэмы об Александре Македонском, память о котором до сих пор свежа в Средней Азии, поэмы о Тимуре, сказания об Иосифе Прекрасном, рыцарские романы, утонченная лирика, любовная, философская и религиозная, — весь этот огромный агитпроп правящих классов, внушавших массам свои идеи о жизни, о любви, о чести, — всё это реализовано в интенсивнейшей художественной форме, осуществлено с необыкновенным блеском словесного мастерства. <...> Тимур из своего нефритового гроба, из своего сверкающего лазурной изморозью изразцового мавзолея до сих пор выкрикивает устами своих поэтов лозунги наезднической удали,

заповеди рыцарской верности воле эмира, излагает зоркую и чувственную мудрость владыки и победителя».

Среди переводов Шенгели из Виктора Гюго есть и такой:

Я некогда видал Фердоуси в Мизоре.
Казалось, он собрал все пламенные зори,
Связал в эгретку их и осенил чело;
Похожий на князей, которым все светло,
Горя рубинами и огненным тюрбаном,
Он шел по городу, одет халатом рдяным.
Я повстречал его чрез десять лет опять
Одетым в черное.

Спросил я: «Как понять,
Что ты, кого мы все владыкою когда-то
Видали в пурпуре, пылавшем в час заката,
В халат, что ночь ткала, одет на этот раз?»
Сказал Фердоуси: «Ты знаешь, я погас».

Глава седьмая ГОДЫ ЭПОСА (1931–1941)

Я люблю их законченность, их смысловой глазомер...

В сентябре 1930 г. Шенгели вернулся в столицу и с ноября снова стал литературным секретарем «Гудка». Пока шло трудоустройство, пришлось тряхнуть стариной — в «Вечерней Москве» несколько раз мелькнули его стихи «На полях газеты», например, такое в номере от 1 октября:

Финляндское правительство, неискусно вывертываясь из обвинения в переброске финских граждан на советскую территорию, указывает, что было несколько случаев бегства в Финляндию из Соловецкого концлагеря.

Бегут в Финляндию? Случается, бегут!
Так в чем же разница? Читатель, рассуди ты:
Из-за границы к нам рабочие идут,
К ним — спекулянты и бандиты.

Согласно автобиографическим записям, в 1930 г. Шенгели написал «второму человеку в партии» Вячеславу Молотову по совету их общего друга — писателя и революционера Сергея Малашкина. Найти письмо пока не удалось, но в 1953 г. автор напомнил адресату, что «свыше 20 лет назад Ваше внимание ко мне и к моему труду резко изменило всю мою жизненную обстановку (я тогда был объектом травли рапповцев и лефовцев) и дало мне силу, время и базу для больших работ»³⁸¹. Видимо, обращение состоялось позже, когда в марте

³⁸¹ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 49.

1931 г. Георгий Аркадьевич перешел из «Гудка» на должность старшего научного сотрудника научно-исследовательского кабинета в Государственном издательстве технической литературы. 31 марта главный редактор «Нового мира» Вячеслав Полонский занес в дневник:

«Вчера вечером позвонил мне Стецкий (заведующий отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП(б). — В.М.). В чем дело? “Прошу вас, вызовите Георгия Шенгели и, если можете, дайте ему какую-нибудь работу, переводы, что ли... Он писал Вячеславу Михайловичу, надо ему что-нибудь сделать. Переговорите, потом позвоните мне...”.

Очень странно. Ничего не понимаю. Стецкий — зав. Культпропом ЦК. У него ГИЗ, ГИХЛ, все редакции. Почему обратился именно ко мне? Что я могу дать Шенгели в “Новом мире”? Я сказал, что переводов у меня нет. “Все равно — переговорите и позвоните”.

Я вызвал Шенгели. В самом деле — бедняга. Поэт, правда посредственный, переводчик Верхарна, читал в Брюсовском институте и затем в Симферополе в педагогическом институте — курс истории новейшей русской литературы, историю критики. Сейчас — ушли его отовсюду. Пристроился в Гостехиздате и редактирует техническую литературу: слесарное дело и пр. Настроение подавленное. Не может писать. То, что написано, — не печатают. Слава у него дурная: враждовал с пролетарской поэзией. Был два года председателем Союза поэтов. Что с ним делать? Вообще грамотный, даже образованный человек. Поручить ему обзоры поэзии в “Новом мире” — невозможно. И я с ним во многом не соглашусь, да и заклюют его. Печально: у человека много сил, 37 лет. Крепок, умное лицо, хорошая голова — развернутый, крупный лоб. Горячие глаза. Как будто со способностями — и мог бы работать — а вот поди ж ты — партизан, одиночка, не находит верной линии».

Это писал человек, считавшийся среди литераторов «человеческим лицом» режима и покровителем «попутчиков», за что «свои» критиковали его и в итоге отстранили от журнала. Писал для себя, не притворялся.

Три дня спустя: «Я сообщил Стецкому свою беседу с Шенгели. Объяснил, что надо Шенгели изъять из Гостехиздата и дать ему

работу в литературном ГИЗе. “Куда бы лучше? В «Академию»? — спросил он. “Направьте в ГИХЛ”, — посоветовал я. “Спасибо, — говорит. — Подумаю”. Любопытно: сделает что-нибудь для него?»

Ни Стендкий, ни Полонский не помогли. Шенгели чувствовал себя не только выброшенным из литературы, но фактически лишенным средств к существованию. Для сравнения приведу лишь одну запись из дневника Полонского, от 8 апреля того же года: «Отвратительная публика — писатели. Рваческие, мещанские настроения преобладают. Они хотят жить не только “сытно”, но жаждут комфорта. В стране, строящей социализм, где рабочий класс в ужаснейших условиях, надрываясь изо всех сил, не покладая рук, работает — ударничество, соцсоревнование, — эта публика буквально рвет с него последнее, чтобы обставить квартиру, чтобы купаться в довольстве, чтобы откладывать “на черный день”. При этом они делают вид, что страшно преданы его, рабочего, интересам. Пишут-то они не для него: рабочий их читает мало. Что дает их творчество? Перепевы или подделку. Они вовсе не заражены соцстроительством, как хотят показать на словах. Они заражены рвачеством. Они одержимы мещанским духом приобретательства»³⁸².

Но даже такой скромный знак внимания, как «вызов» к Полонскому, заронил надежду на улучшение ситуации. Шенгели написал в издательство «Недра», относительно благоволившее «попутчикам»:

«Предлагаю к изданию следующие мои книги:

1. “1905 год”, поэма; объем около 750 стихов.
2. “Стихотворения”; лирика; объем около 1000 стихов.
3. “Броненосец Потемкин”; драмат. поэма; объем около 1500 стихов (второе издание; первое вышло в 1923 г. в издательстве “Красная Новь”).

4. “Школа писателя” (“Основы литературной техники”); объем около 8 печатных листов (третье издание, дополненное и переработанное; первые два — 12.000 экз. вышли в конце 1929 и начале 1930 г.).

³⁸² Новый мир. 2008. № 3. С. 141, 144, 146 (публ. С.В. Шумихина).

5. “Как писать статьи, стихи и рассказы”; объем около 4 ½ печатных листов (восьмое издание, наново переработанное; первые 7 разошлись в количестве 40.000 экземпляров).

6. “Практическое стиховедение”; объем около 4 ½ печатных листов (третье издание, наново переработанное).

7. “Черный погон”, роман из эпохи белогвардейской оккупации Юга; объем около 9 печатных листов.

Все означенные книги готовы к печати.

Затем:

8. “Очерки”, очерки соц. строительства и быта, — Средняя Азия, Керчь и Тамань, Москва; объем около 12 печатных листов.

Книга готова частично. Подробный план и очерки уже готовые (принятые в “Новый мир” и др.) могут быть представлены немедленно.

9. “Введение в науку о литературе”, — обработка моего вузовского курса; объем около 15 печатных листов.

Книга вчерне готова. Подробный план может быть представлен немедленно.

10. “Великие писатели”; серия социографических популярных монографий о крупнейших мировых писателях; объем каждой книжки — около 2 печатных листов. Подробный план может быть представлен немедленно.

Прошу сообщить, какие книги принципиально интересуют Издательство; тексты и планы будут представлены немедленно»³⁸³.

Автор представил весь свой «репертуар и пантеон». Перечисленное было «проходным» с цензурной точки зрения, но мало соответствовало специфике издательства, выпускавшего преимущественно беллетристику. Очерки не писал только ленивый, но их успех зависел от «проходимости» автора, а не текстов. На что, кроме звания профессора, указанного в подписи к письму, рассчитывал Шенгели, предлагая «Введение в науку о литературе», сказать трудно — рынок был занят

³⁸³ ОР РГБ. Ф. 784 (Изд-во «Недра»). Карт. 19. Ед. хр. 109.

книгами более ортодоксальных и именитых авторов. Это относится и к книжкам о «крупнейших мировых писателях», которые Георгий Аркадьевич — даже в таком «формате» — сделал бы лучше других.

Заинтересовалось ли издательство чем-то из предложенного, мы не знаем. Несмотря на бессменное руководство старого большевика Николая Ангарского, оно доживало последние месяцы и в январе 1932 г. «ликвидировалось», поскольку «не справилось с необходимой задачей идейного руководства и воспитания писателей, объединявшихся вокруг “Недр”». Руководясь требованием “хорошей” литературы и понимая эту хорошую литературу более в смысле ее формальных свойств, издательство допустило в своей практике либеральное отношение к творчеству новобуржуазных писателей, относилось примиренчески к колебаниям вправо некоторой части писателей мелкобуржуазной интеллигенции. “Недра” печатали такие реакционные произведения, как “Роковые яйца” М. Булгакова или “Рассказ профессора” Сергеева-Ценского. Поворот большинства писателей к активной защите социализма, идейный рост продукции советских писателей острее обнажил ошибки издательства»³⁸⁴.

Солнце низко, стены влажны. Утро.

Открываются двери домов.

Выходят люди, идут на службу.

Я тоже на службу иду.

Гляжу на понурые спины и плечи,

На головы, где гудит еще сон,

На сжатые губы, на сведенные брови,

На затравленные глаза.

Эскадрой Синбада, на магнитную гору

Взявшей курс, чтоб разбиться о риф, —

Толпа устремляется по улицам к центру,

К центру тяжести и тоски...

Дав отсосать из себя полжизни,

Ползаряда прекрасных ночных часов,

³⁸⁴ Литературная энциклопедия. Т. 7. М., 1934. Стб. 674–675.

О риф разбившись, плывет эскадра
Назад через семь часов.

Серы лица, щеки запали, —
Но как сияют глаза!
Каким прозрачным кажется небо,
Когда начинается жизнь.

Стоит глянуть на лица и взгляды
Ежедневно в половине пятого, — и
Травмой, Рабством, Удавкой Дьявольской
Расшифровывается ТРУД.

Это впервые публикуемое стихотворение Шенгели написал 3 мая 1931 г. Ему только что исполнилось 37 лет. Однако на следующих страницах той же записной книжки читаем:

«Считая, что сумею прожить, полностью обладая умственными силами, еще 13 лет (до 1944 г. — моего пятидесятилетия), намечаю следующую творческую программу:

1. Поэмы — не менее 10.
2. Лирика — не менее 250 стихотворений.
3. Драма — 1—2 пьесы.
4. Проза — 1 роман, 25 рассказов, книгу воспоминаний, автобиографию.
5. Переводы — избранный Леконт де Лиль, не менее 120 стихотворений, томик “maudits” («проклятых поэтов». — В.М.), байроновского «Дон-Жуана».

6. Наука — книгу о стихе.

7. Varia — комментарии к Пушкину, статьи о поэзии, очерки.

Расчет нагрузки:

Поэмы — по 500 строк — 5.000

Лирика — по 24 строки — 6.000

Переводы 15.000

26 000 стр.

Роман 15 листов

Рассказы 25 листов

Воспоминания 10

Автобиография 5

Книга о стихе 15

Varia 10

Пьесы 5

85 листов

Следовательно: 2000 строк в год

около 7 листов в год.

В месяц — 166 строк стихов

23.000 печатных знаков прозы.

В день — 6 строк стихов —

800 печатных знаков прозы = 20 строк.

Осуществимо

Поэмы: Последний волк

окончить «Наля»

«Каменный гусь»

«Нечаев»

«Равашоль» — Есть! 9/II 33»³⁸⁵.

План по поэмам, лирике, переводам и стиховедению Георгий Аркадьевич «перевыполнил» с лихвой, хотя не окончил ни «Наля», ни «Нечаева». О замысле «Последнего волка» известно лишь по записи в той же книжке: «Баллада о последнем волке, убитом в Англии в 1857 (67?) году». Роман «Жизнь Адрика Мелиссино», второй после «Черного погона», остался незавершенным, хотя в сентябре 1954 г. автор отдал рукопись в перепечатку, перечитал и остался доволен. «Дело Давида Гольвассера» осталось единственной законченной пьесой Шенгели, не увидевшей, впрочем, ни света рамп, ни журнальных страниц. Автобиография не продвинулись дальше заметок и набросков, приведенных в главе первой; воспоминания ограничились очерком о Брюсове

³⁸⁵ ОР ГЛМ. Ф. 504 (Шенгели Г.А.). Оп. 2. Ед. хр. 23. Л. 5–5 об. Последняя запись относится к началу работы над поэмой, брошенной после первых трех строф.

и набросками о Северянине, Белом и Дорошевиче. Труднее судить о «Varia»: в архиве сохранилось множество текстов и набросков на разные темы, в подавляющем большинстве неопубликованных.

Несмотря на энциклопедический размах замыслов, автор сосредоточился на главном — лирике, поэмах и переводах. Для реализации задуманного требовались не только время, но и стабильность, в том числе материальная. Прослужив в Гостехиздате до конца ноября 1931 г., Шенгели возглавил редакцию журнала Мособлисполкома «Коммунальное хозяйство», составлял тексты для школьных диалогитивов о русских писателях, а с апреля 1933 г. преподавал в ФЗУ наркомата юстиции, где перевоспитывали малолетних правонарушителей. Там ему выдали оружие, о котором вспоминал Тарковский.

Подобием «литературной работы» можно считать получение в апреле 1932 г. должности редактора в московской редакции Среднеазиатского отделения Объединения государственных издательств, с чем связаны новые поездки в Среднюю Азию. В том же году в Ташкенте в сборнике «Мы победим!» увидели свет его переводы из Абулькасима Лахути, которого Мандельштам в шуточных стихах назвал «персидским сатрапом».

«Мы с Георгием от всей этой сумятицы в сторонке, — извещала Нина Леонтьевна 29 октября 1932 г. Ивана Пузанова, имея в виду московскую писательскую жизнь, взбудораженную избиением супругов Мандельштам литератором Амиром Саргиджаном, он же Сергей Бородин. — Он служит в своем “Коммунальном хозяйстве”, работает в Узбекском издательстве — это для кармана, — а для “души” — заканчивает своего “Аваланша” (поэма «Пиротехник». — В.М.). <...> Георгий зачислен на “особое снабжение” (в числе 300-х писателей Москвы) и с питанием — блаженство! (очевидно, содействие Молотова. — В.М.). Вносим в писательский кооператив и к будущим ноябрьским торжествам обещают квартиру»³⁸⁶. Однако супруги

³⁸⁶ Письма Н.Л. Манухиной И.И. Пузанову и его жене Е.Н. Пузановой: Архив РАН. Ф. 1674 (Пузанов И.И.). Оп. 1. Ед. хр. 387 — далее цит. без сноска с указанием даты.

Сборник «Айдинг-гюнлер» (1934). Именной экземпляр Г.А. Санникова
Титульный лист. Собрание Б.Н. Романова

Шенгели не получили «жилплощадь» ни в Лаврушинском переулке, ни в «писательской надстройке» в Нащокинском переулке. Интересно, что стало с их взносами?..

Итогом командировки в Туркмению в 1933 г. в составе «писательской бригады» стал поэтический триптих, вошедший в «Планер». «По “романам”» она выглядит так:

Я в эту ночь сойду с ума!
 Машкарабазов кутерьма,
 Дутаром душу тормоша,
 Меня пьянит, как анаша...

«По “географиям”»:

Медное сусло горных вод
 Разорвало аорту горных русл, —
 И поворачивается Аму,
 Соскребая дамбы, сады и лёсс...

«Планер» (1935)
Обложка Н.А. Ушаковой

И «На самом деле»:

...И солнце древнее, в стекло кидая зной,
Гелиостанцией запряжено в работу,
И близок день, когда моторов звучный строй
Его энергией с песков стряхнет дремоту.
Столетия сжаты в год. И видим мы уже
Твое грядущее вплотную перед нами:
Сверкающие дни встанут на рубеже,
Твоими юными ведомые сынами.

В привезенном из той же поездки очерке «Преодоление пустыни», вошедшем в юбилейный сборник «Айдинг-гюнлер» («Лучезарные дни»), — как и в «Споре эпох» о старом и новом Самарканде — несколько частей, написанных с основательной эрудицией и в то же время похожих на стихотворения в прозе. Исторический очерк Турана и зарисовки раскопанных археологами мертвых

Инскрипт Георгия Шенгели Борису Гиммельфарбу
на титульном листе книги «Планер»

городов посреди пустыни. Картины жизни народа, который на века «остановился на одной из низших ступеней социального развития», но теперь «открывает глаза на мир». Оба очерка завершаются одними и теми же словами, афористически описывающими происходящее: «Темп взрыва»³⁸⁷.

Заслуживает внимания этюд с натуры: «В непрерывной однообразной последовательности тянутся барханы, серпообразные песчаные бугры с рогами, вытянутыми в ту сторону, куда дует ветер. Подветренный склон — пологий, противоположный — крутой. При малейшем ветре песчинки скатываются вниз с гребня бархана, и он постепенно передвигается. Ветер начинает дуть в обратную сторону, и барханы меняют строй и направление. Но так как роза ветров никогда не бывает

³⁸⁷ Айдинг-гюнлер. Альманах к десятилетию Туркменистана. 1924–1934. [М., 1934.] С. 182–188. Там же опубликованы первое и третье стихотворения из триптиха «Туркмения».

симметричной, так как всегда некоторые ветры преобладают, то в итоге массы песка передвигаются по какой-то равнодействующей — медленно и неуклонно, засыпая пашни, арыки, дома». Семнадцатью годами ранее он вообразил эту картину в стихотворении «Барханы»:

Безводные золотистые пересыпчатые барханы
Стремятся в полусожженную неизведанную страну,
Где правят в уединении златолицы богдыханы,
Вдыхая тяжелодымную златоопийную волну.

Барханы «на самом деле», похоже, произвели на автора более сильное впечатление, чем «по романам».

В августе 1933 г. Георгий Аркадьевич стал редактором отдела творчества народов СССР и сектора «западных классиков» ГИХЛ, что до 1939 г. оставалось его главной «службой». В первой половине тридцатых у него не вышло ни одной авторской книги, зато в 1935 г. Шенгели «выстрелил» целой обоймой.

Выпущенный Гослитиздатом пятитысячным тиражом 200-страничный сборник «Планер» (редактор А.К. Тарасенков) призван был представить автора как «действующего» поэта (а не только переводчика в послесловии), причем поэта советского³⁸⁸: в Союз советских писателей его приняли 1 июня 1934 г.³⁸⁹, через полтора месяца после начала приема. В предисловии, помеченном 16 января 1935 г., Шенгели назвал предшествующей книгой «Раковину» и отрекся от «Норда» как от «коллектора преходящих и болезненных настроений»³⁹⁰, перепечатав из него только пять наименее «личных» стихотворений («Льстец», «Бетховен», «Денис Давыдов», «Никогда не забуду я этот сухой известняк...» и «Айсигена», подлинный смысл

³⁸⁸ В подстрочном примечании к оглавлению книги Шенгели перечислил журналы и газеты, в которых публиковались стихи из нее, хотя в некоторых он печатался лишь раз или два.

³⁸⁹ Прием в Союз советских писателей // Литературная газета. 1934. № 71. 06.06. С. 1; в тот же день принят М.А. Зенкевич. Начало приема объявлено 13 мая: Литературная газета. 1934. № 60. 14.05. С. 1.

³⁹⁰ От автора // Шенгели Г. Планер. М., 1935. С. 3; далее цит. без сносок.

которой был понятен немногим) и поэму «Пушки в Кремле». «Когда я сравниваю стихи данной книги с прежними стихами, — продолжал автор, — я убеждаюсь, что перестройка творческого метода мною все еще не осуществлена с достаточной полнотой».

О чем конкретно шла речь? «Перечитывая мою книгу перед ее передачей издательству, я не мог не заметить, как в иных случаях тема стихотворения неполностью слушается мировоззрительного руля под натиском — скажу прямо — былой моей *атомистической* поэтики, трактовавшей образ как нечто самодовлеющее». Критикуя собственную поэму «Пушки в Кремле», он пояснил: «Поэзия сама подчинена железной необходимости, сама служит тем или иным целям. Но, воспроизводя историю слитка меди в вещественной конкретности его превращений (колокол, монета, пушка. — В.М.), я “не нашел” иной концовки, чем та, которая дана. Значит, не идейный вызов, т. е. не установление *правильной* концепции относительно данного комплекса фактов, влек меня, а чисто чувственное очарование звона, плавки, накала и грохота требовало фиксации; материал побеждал мастера; данность убила задание». Речь о следующих строках:

Я помню безумное зноем горнило.
В нем ныла, бесилась воздушная сила,
Меня в нем язвило, пронзало меня
Двойное стрекало мехов и огня.
Сведенная болью, сплошнойю, сквозною,
Я плакала медленной, медной слезою,
Я вся превратилась в тугую слезу,
Скопилась и билась в горниле внизу.
Вдруг крикнули что-то и что-то раскрыли.
Покорная новой и ласковой силе,
Я пыльным елеем из горна пошла,
В изложницу влажную важно втекла.
Собой облагая прохладную глину,
Я сладостно чуяла: стыну, я стыну, —
И жадная жаждой, ожоги знобя,

Во впадине каждой я скрыла себя.
И дни надо мною слагались в недели,
Частицы меня застывали, твердели,
Гурьбой подходили ко мне мастера,
Глядели, касались, шептали: пора.
И вдруг надкололась глубоким изломом
Каленая глина под яростным ломом.
Со стоном смятенным дробилась она,
Вся алым закалом и звоном полна.
Меня отделили и перевернули.
Я кубком стояла, я ластилась в гуле,
И ноготь литейщика дробью крутой
Отважился трогать мой звон золотой.

Автор любил поэму и перепечатал ее не только в «Планере», но и в «Избранных стихах». Так что в этой самокритике возможно лукавство.

От «вопросов творчества» Шенгели перешел к «политике». «Задумав ряд историко-революционных поэм, я чувствовал, что еще не смог бы с надлежащей конкретностью изобразить развертывание и реализацию революционной воли *класса*. Но я вовсе не хочу сказать этим, что капитулирую, что примирился с прикованным к ноге ядром. Мои поэмы “1871 год” (издана в 1921 г.) и “Броненосец Потемкин” (издана в 1923 г.) говорят мне самому, что борьба со старыми инерциями возможна и вовсе не безнадежна. И в данной книге, думается мне, есть ободряющие моменты». Если вспомнить художественную слабость обеих вещей, здесь тоже можно увидеть некоторое лукавство. Но за этим следовала серьезная политическая декларация, а упрекнуть Шенгели в цинизме, безответственности или приспособленчестве не мог бы и злейший враг:

«Мое поколение в *моей социальной прослойке* впервые глянуло на мир под грохот орудий Порт-Артура, сбивших нас с толку; мальчишками мы выбирали по каким-то идиотским брошюркам — “какая партия лучше”; подростками мы глотали Арцыбашева и “Пинкертона”,

чтобы юношами прыгнуть в путаницу Ницше и Штирнера, в пучину кантианства (в интерпретациях российских профессоров), в туманы, льды и марева символизма, и все это при полном отрыве от реальной исторической действительности.

И теперь, вступив в третье десятилетие литературной работы, я еще чувствую, каким грузом лежит на плечах пятерня того мира, в котором мы росли. Из притона компрачи́ков не выходят со стройной талией. Было бы пошлостью говорить, что “я признал”, “я примкнул”. Нельзя не “примкнуть” к планете, с которой несешься в звездном просторе. Но переход с *луны* на землю, где всё весит впятеро больше, не легок, прыжки невозможны. Надо работать.

Что ж, будем работать. С радостью, с мужеством. Но нам надо помочь, если еще срывается привыкшая листать старые книги рука».

«Планер» — единственная книга Шенгели, открывавшаяся политической декларацией. Положительное отношение к революции, искреннее принятие большевистской власти в целом — при сомнениях и критическом отношении ко многим ее проявлениям — очевидны. Такой была позиция Георгия Аркадьевича, когда он готовил к печати «Планер» и задумывал «ряд историко-революционных поэм». К ней подходят слова Л. Флейшмана, которыми он определил отношение Бухарина к «поэтической работе и позиции» Пастернака в те же годы: «Искреннее, мужественное и честное принятие существующего порядка вещей при сохранении личной независимости»³⁹¹.

В «Планере» присутствует и то и другое. Открывающий сборник «революционный» раздел «Грозовой фронт» занимает немногим более половины книги, но за политической декларацией предисловия следует поэтическая, давшая заглавие всей книге:

Мячик футбольный тиская,
Выкрутилась фанера, —
Тело супрематистское,
Веретено планера.

³⁹¹ Флейшман Л. Борис Пастернак в тридцатые годы. Jerusalem, 1984. С. 163.

Гнутя, как брови умные,
Вздрагивая от страсти,
Крылья его бесшумные,
Кинутые в пространстве.

Это не рев и ржание
Конных бригад мотора, —
Ветренное дрожание,
Пuls голубой простора.

Небо на горы брошено,
Моря висит марина
Там, где могила Волошина,
Там, где могила Грина.

Именно над могилами
Тех, кто верил химерам,
Скрипками острокрылыми
Надо парить планерам.

Там, где камни ощерились,
Помнящие Гомера,
Надо, чтоб мальчики мерялись
Дерзостью глазомера.

Там, над памятью старого,
Надо, чтобы играла
Юная блажь икарова
Мускулом интеграла.

Иначе требовать не с кого,
Иначе не нужны нам
Радуги Богаевского,
Марева по долинам.

Надо ж в горнем пожарище
Выверить (помощью метра),
Правда ль, что мы — товарищи
Воздуха, неба, ветра?

В «Планере» хватает «идейно выдержанных» стихотворений, каждое из которых стало бы отличным «паровозом» для книги поэта, старающегося «реабилитировать» себя в глазах властей или просто облегчить ее издание. Шенгели выбрал то, что сам посчитал нужным. Именно по таким критериям надлежит оценивать сборник.

«Планер» включает 46 стихотворений 1922–1934 гг. (даты призваны подчеркнуть преемственность именно от «Раковины»), две давние поэмы («Поручик Мертвецов» и «Пушки в Кремле») и две новые («Пиротехник» и «Пятый год»), а также 9 переводов, составившие отдельный, заключительный раздел (два из Леконт де Лиля, три из Эредиа, три из Роллина и один из Энгельса). Композиция книги — впервые для Шенгели — выстроена тематически: Грозовой фронт — Люди и страны — *Plein air* — Сны — Маленькие драмы — Искусство (в последнем только «Пушки в Кремле»). Оставив в стороне переводы и перепечатки, обратимся к лирике, потом к поэмам.

«Грозовой фронт» открывается стихотворением «Трудовые слова»:

Я люблю эту трудную смесь: трудовое аргю,
Столь непринятое в поэтическом доме,
И я знаю: второй для него народится Гюго,
И вагранка с Ваграмом поспорит о громе!

Я люблю эту смесь, эти вздутые мускулы слов,
Что трудом налились и упорством созрели:
Шерстобит, стеклодув, краскотер, сукновал, рыболов, —
Эти парные сплавы удара и цели.

Косный мир и формующей воли горячий клинок,
И (грамматика здесь мне подскажет сравнение)
В них предмет и глагол, в них «действительный» слышен «залог»,
В них действительно гордый залог возрожденья!

Я люблю их законченность, их смысловой глазомер,
Безошибочно ставящий вехи и грани:
Вал есть вал, шкив есть шкив, бессемер — он всегда бессемер.
Никакой элоквенции! Нет колебаний!

Но в их точном чекане — широкая воля мечте,
Полной гула и силы, земной и румяной:
Повтори, прошепчи, — и в слова обыденные те
Отдадут свою душу эпохи и страны.

В трудовом словаре собрались отовсюду слова.
Вот голландские корни, с их привкусом моря,
С горьким запахом смол, — и кружится уже голова,
И огни маяков воскресают в просторе.

Вот немецкие корни, — в них готика шиферных крыш,
Мейстерзингеров песни, работа на диво,
И кожевник веселый, считая гильдейский барыш,
С подмастерьями пробует доброе пиво.

Вот французские корни, — в них ломкий фарфоровый звон,
В них поросшие бархатом ткацкие станы,
Хищный профиль Кольбера, и в шелковом свисте знамен
Королевскую конницу бьют тиссераны!..

Пусть филологи плачут, что смолкла навеки латынь,
И пуристы скорбят, что язык засорился, —
Звон латыни живет средь железных фабричных святынь:
Он в моторах и тракторах вновь повторился.

А в смешении наречий нам новый язык расцветет!
За его красоту ты борись и воинствуй:
Трудовая латынь, обвивая народы, ведет
От единства труда к мировому единству...

И я знаю: придет он, сверкающий никелем век,
Санаторно промытый сонатным озоном,
И в его языке наших слов неуверенный бег
Отольется литавровым звоном!

Раздел «Люди и страны»: Пушкин, Бетховен, Гёте, Денис Давыдов, Лилиенталь и... Мата Хари; Карфаген, Александрия, Туркмения — можно назвать «книжным». Одни критики считали это достоинством («поэт большой литературной культуры»), другие — недостатком («затхлая книжная пыль»). Три следующих раздела — лирика, продолжающая лучшие вещи «Раковины» и «Норда»

и развивающая прежние достижения: больше половины написано уже в тридцатые. Книга показала, что дарование Шенгели крепнет, не теряя лучших характерных черт, и что сам он меняется, не впадая в беспамятство и не отрекаясь ни от чего значимого:

Нефтяные радуги и павлиньи
Переливы спектров идут на убыль:
Яды тусклые ползут в анилине,
И уже навек умирает Врубель.

Смуглый перламутр льдов абсолютных,
Объярь и опалы цейлонского рая
Задыхаются в пленках скудных и мутных,
Выцветая, обманывая, выгорая.

Мазков драгоценных гранные караты
Обволакивает душный защитный хаки,
Чтобы с грунтом слился Демон крылатый,
Чтобы бунт утонул в желчи и мраке...

Друзья! Мы — последние, кто видали
Этих дымных глаз непреклонную муку,
Этих крыл остывающие эмали
И захлестнутую на локоть руку!

В «Избранных стихах» 1939 г. стихотворение получит нейтрализующее остроту название «Врубелевский зал».

Удалось ли поэту убедить критиков, что он искренне «перестраивается»? Владимир Никонов начал статью о «Планере», многозначительно озаглавленную «Формула перехода», утверждением, что «автор “Гонга”, “Раковины”, “Норда” принадлежал к холодным эстетам, к тем представителям послевоенной интеллигенции, кто вместо попытки осмыслить происходящее укрылся в лирический особняк с камином, старыми гравюрами и томиками забытых поэтов». «Он долго жил в вымышленном мире прошлого, словно всерьез веря, что история давно остановила бег. <...> От грубой и преходящей современности поэт бежал в мнимую вечную незыблемость искусства». В устах советского

критика это обвинительный приговор. Но «если поэт хотел сохранить себя как мастера, он должен был излечиться от своей социальной глухоты. И Шенгели выбрал этот трудный путь». Рецензент подхватил авторскую самокритику, хотя и заметил, что «уж очень затянулась перестройка». Заслуживает внимания следующее замечание: «Там, где Шенгели пытается взять большую революционную тему “в лоб”, он еще не достигает успеха. Тут он срывается в одическую декламацию и в плоские общие фразы, словно из рукописей начинающих авторов». Вердикт оказался в пользу автора, не зря просившего «помочь, если еще срывается привыкшая листать старые книги рука»: «Поэт нелегко пробивается к новому ощущению мира, новым темам, новой аудитории. Ему еще предстоит завоевать простоту»³⁹².

С рецензией Никонова контрастировал отзыв Александра Лейтеса, явственно отдававший доносом. Знавший автора по Харькову и, видимо, имевший с ним личные счеты (первым это отметил М.А. Шаповалов), критик напомнил, что «в “Раковине” Шенгели не стеснялся открыто декларировать свои реакционные установки и мечты» («Норд» он игнорировал) и что его «формально грамотные стихи пропитаны холодным, сугубо эстетическим, а временами и враждебным отношением к революции», а затем спросил: «Какие же достижения побудили профессора Шенгели снова выступить в качестве поэта?» Вылив на автора ушат брани: «вопиющая бесвкусица» <так!>, «погоня за фальшивым блеском», «псевдонаучная бутафория», «расслабленный, вычурный книжный язык», «полупародийные ритмы», — Лейтес сделал вывод: «Нельзя быть поэтом, когда не имеешь живых, общественно-ценных мыслей и чувств. А мысли и чувства поэта Шенгели и мелки и бесцветны. Что же есть в его стихах, кроме них? Умение “слагать стихи”. И совершенно непонятно, с какой целью издательство опубликовало плоды этого “умения”»³⁹³.

³⁹² Никонов Вл. *Формула перехода* // Книга и пролетарская революция. 1936. № 4. С. 101–103; далее цит. без сносок.

³⁹³ Лейтес А. «Планер» // Литературное обозрение. 1936. № 11. С. 20–23; далее цит. без сносок.

Инскрипт Георгия Шенгели Вадиму Шершеневичу на титульном листе книги Эмиля Верхарна «Лирика и поэмы» (1935). *Собрание В.А. Дроздова*

После того как Маяковский был объявлен «лучшим и талантливейшим», Шенгели лишился права на ответ: легко ожидаемое от «крыптиков» напоминание о выпаде против него ничего хорошего не сулило. В том же 1936 г., что и рецензия Лейтеса, в очередном томе полного собрания сочинений Маяковского под редакцией Лили Брик появилась «Моя речь на показательном процессе...», в подробных примечаниях к которой упоминались и доклад в ГАХН, и «книжка» «Маяковский во весь рост», написанная в «раздраженно-полемиическом тоне», а про Шенгели говорилось: «Известен, *главным образом* (выделено мной. — В.М.), как автор популярного руководства для начинающих поэтов "Как писать статьи, стихи и рассказы"»³⁹⁴.

³⁹⁴ Маяковский В.В. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. VIII. М., 1936. С. 559–563.

Многозначительно прозвучали следующие слова Лейтеса: «Положительно удаются ему переводы Леконта де Лиля и Эредиа, как удались ему недавно изданные переводы Гюго. Но удачи Шенгели как культурного переводчика еще более подчеркивают полную беспомощность его как самостоятельного поэта». Георгию Аркадьевичу «было оставлено только амплуа переводчика», если воспользоваться словами Л. Флейшмана по поводу статьи Наума Изгоева о Пастернаке, появившейся через полгода после выступления Лейтеса, — «последней статьи о Пастернаке перед наступлением полного молчания о нем критики» вплоть до начала войны. Связи между двумя текстами нет; в статье Лейтеса едва ли можно увидеть «симптомы прямой ее санкционированности высшими литературно-политическими инстанциями»³⁹⁵, но содержание их прямо перекликается.

По утверждению Изгоева, книга Пастернака «Грузинские лирики» «показала его сильнее, острее и злее, чем всё, что было высказано им в туманных, невнятных, скачущих, прыгающих своих стихах». «Грузинские поэты оказались на голову выше, внутренне богаче и содержательней Пастернака. <...> Переводы грузинской лирики показали, что Пастернак умеет чувствовать силу других поэтов, может ее передавать на родном ему языке, но сам создать великие творения, высокие, как высока эпоха, не может»³⁹⁶.

Георгий Аркадьевич мог прочесть статью и хотя бы отчасти применить сказанное к себе, поскольку именно в это время работал над «Эпическим циклом», в котором хотел видеть свое «великое творение, высокое, как высока эпоха».

«Планер» стал первой книгой, в которой Шенгели заявил о себе как поэт эпический. «Поручик Мертвецов» может считаться стихотворным рассказом, «Пушки в Кремле» — лирической поэмой, но «Пятый год», даже с учетом подзаголовка «отрывки из поэмы», и, тем

³⁹⁵ Флейшман Л. Борис Пастернак в тридцатые годы. С. 415, 410.

³⁹⁶ Изгоев Н. Борис Пастернак // Октябрь. 1937. № 5. Цит. по: Флейшман Л. Борис Пастернак в тридцатые годы. С. 414—415.

более, «Пиротехник» открывали читателю нового Шенгели. «Девятьсот пятый» (так в рукописи называется «Пятый год») по форме больше похож на цикл стихотворений, объединенных одной темой, чем на поэму в привычном понимании. Однако намерение автора охватить события всего года хронологически: главы-«месяцы» идут по порядку от встречи Нового года и «Кровавого воскресенья» до разгрома Декабрьского вооруженного восстания на Пресне, — и географически: Петербург, Мукден, Цусима, деревня, Севастополь, Москва — говорит об эпическом характере замысла. «Не халтуру, — для себя пишу, — делился он с Грином 17 ноября 1925 г. — Выходит сносно. Задача — дать не историю, не социологию, но вкус эпохи»³⁹⁷. В «Планер» вошло 60 % текста поэмы, завершенной в декабре 1925 г. (только глава «Четвертое февраля» написана в 1927 г. в Симферополе)³⁹⁸; полностью она напечатана лишь в посмертном сборнике «Вихрь железный».

Центральной вещью «Планера» стала поэма «Пиротехник». Цензура выбросила из нее две главы — изъятие не обозначено, нумерация глав изменена — и несколько мелких фрагментов. Уполномоченного Главлита (№ Б-2077) В. Богданова смутили сцены подготовки бомбы террористом Аваланшем — главным героем поэмы — и ресторана, в который он ее бросил, а также «нелитературные» слова «пота-

³⁹⁷ РГАЛИ. Ф. 127. Оп. 1. Ед. хр. 162. Л. 1.

³⁹⁸ Ср.: «В двух своих больших произведениях он (Шенгели. — В.М.) был роковым образом опережен поэтами-сверстниками: поэму “Девятьсот пятый” он был вынужден оставить незаконченной в 1926 г. в связи с опубликованием первых глав поэмы Б. Пастернака, а “Гаммельнского вольтинщика” прервал на полуслове в том же году, узнав о публикации в пражском журнале “Воля России” “лирической сатиры” М. Цветаевой “Крысолов”» (Коркина Е.Б. Архивный монастырь. Археография, история, текстология. М., 2007. С. 84). Второе утверждение тоже неверно: Шенгели узнал о публикации «Крысолова» через два с половиной месяца после завершения поэмы «Гаммельнский вольтинщик», название которой позже заменил на «Искусство»; прочитана и обсуждена 22 декабря 1928 г. на заседании «Никитинских субботников»; опубликована В.Г. Перельмутером: Октябрь. 2002. № 7.

скуха» и «кондом». Похожий по содержанию сюжет — про бомбу — был изъят и из «Пятого года»³⁹⁹.

«Пиротехника!.. Мне Брюсов это слово как-то кинул. // Я с улыбкой принял вызов, я насмешки не отверг», — вспоминал Шенгели в поэме-«болтовне», начатой в 1944 г. и оборванной на середине строки. Мы не знаем, что именно побудило его в начале тридцатых обратиться к истории анархического террора во Франции в конце XIX в., но представление террориста-одиночки, в знак личного протеста против «мировой несправедливости» бросающего самодельную бомбу в ресторан, в качестве революционера и положительного героя советской поэзии выглядело вызовом всем большевистским канонам. Не якобинец, не коммунар, не «Рудин», даже не бланкист...

«В имени этом никакой символики нет», — заявил Шенгели в примечании, и это очень странно. По-французски *avalanche* — обвал или лавина, что соответствует «роду занятий» героя. «Напрасно только автор в своем вступлении к чтению поэмы отвергал символику образа Аваланша, — заметил поэт Эзра Левонтин на заседании «Никитинских субботников» 19 мая 1933 г. — Конечно, этот образ символичен или, правильнее, метафоричен. Непонятно также, почему автор соединил в своем произведении противоположные начала: рассудочность, рационализм с стремительностью, лавинностью»⁴⁰⁰.

В предисловии к «Планеру» пришлось объясниться: «В поэме я сводил счеты с Европой, десятилетиями тяготевшей надо мною парадными залами своей культуры. Я отважился заглянуть во "внутренние покои". Я нашел там буржуа. Я размахнулся взорвать его руками моего Аваланша, анархиста, который сам буржуа, только мелкий и "взбесившийся". Что же, не знаю я, что лишь пролетарская революция может ликвидировать мир частной собственности? Знаю. Что Аваланши занимаются лишь вспышкوپускательством, что они лишь *пиротехники*, что

³⁹⁹ Заключение от 8 февраля 1935 г.; после внесения исправлений редактор А.К. Тарасенков 13 февраля подписал книгу в набор: РГАЛИ. Ф. 613 (ГИХЛ). Оп. 1. Ед. хр. 8257. Л. 1.

⁴⁰⁰ ОР ГЛМ. Ф. 357. Ед. хр. 377. Л. 1—1 об.

их акты не более, чем фейерверк, что Агни, огонь “поборающий тьмы”, поворачивает к ним *смеющееся* лицо.³ Знаю. Но все-таки мой герой лишь анархист-одиночка, а не пролетарий, и действие поэмы происходит не в нашу, пропитанную нитроглицерином мировых войн и мировых революций эпоху, а в “захолустные” девяностые годы». За этим шло цитированное выше признание о неспособности автора — пока — «изобразить развертывание и реализацию революционной воли *класса*».

Объяснение смотрелось еще менее убедительно, чем выбор героя. Никонов увидел в поэме «недовершенность перестройки» автора, которого прямо отождествил с Аваланшем. Лейтес язвил: «Автор, желая подчеркнуть, что он неодобрительно относится к своему герою Аваланшу, назвал его пиротехником. По сути же в роли пиротехника выступает и сам автор». Шенгели-художник захвачен своим героем, хотя, несмотря на благородное ремесло переплетчика, это типичный люмпен-мещанин: исчерпывающую характеристику Аваланша и мотивов его поступков можно найти в «Маяковском во весь рост». Знающего читателя это оставляет в некотором недоумении.

«Пиротехник» продолжает героико-обличительную традицию французской политической поэзии XIX в., высшими точками которой стали «Ямбы» Огюста Барбье, вызванные к жизни революцией 1830 г., «Возмездие» и «Страшный год» Гюго — инвектива против Второй империи Луи Бонапарта и отклик на франко-прусскую войну и Парижскую коммуну, «Париж заселяется вновь» Рембо⁴⁰¹ и «Побежденные» Верлена, написанные после разгрома Коммуны. В предисловии к «Избранным стихам» 1939 г. академик Александр Белецкий отметил в поэме «тон гневного обличителя, захлебывающегося желчью»: «Улицы, кишащие самодовольно-плоскими буржуа, ночные кабачки, в которых еще можно встретить Верлена, картины дома умиленных, морга, казни, совершаемой перед глазами тысячной толпы. Гипертрофия образности, нагнетание впечатления натуралистическими

⁴⁰¹ Образы этого произведения присутствуют в стих. Шенгели «Память Коммуны» (1928) из «Избранных стихов».

деталями, kloкочущий внутри и вырывающийся наружу проклятиями гнев поэта заставляют невольно вспомнить инвективу Артюра Рэмбо “Париж заселяется снова”. <...> Отдельным местам “Пиротехника” нельзя отказать в подлинной сатирической силе, и все же справедливость требует признать, что перенесение приемов *лирической* сатиры Рэмбо в план большого — *фабульного* — стихотворения ослабило в целом впечатление, которое могла бы произвести поэма»⁴⁰².

Важной художественной задачей было создание картин Парижа — города, которого поэт никогда не видел. Со слов его вдовы известен следующий рассказ:

«Однажды Осип Мандельштам, выслушав в авторском чтении поэму “Пиротехник”, спросил:

— Георгий, ты когда был в Париже?

— Я не был в Париже.

— Ну да, конечно, не теперь, а до революции.

— Я вообще не был за границей.

Тогда Мандельштам воскликнул:

— Это замечательно!..»⁴⁰³

Рассказ о любой поэме затруднен тем, что небольшие по объему цитаты из нее могут оказаться случайными и нехарактерными и даже пространные, на несколько страниц, не дадут полного представления. «Пиротехник» до сих пор не переиздан — точнее, даже не издан полностью, — и читателю приходится верить на слово. В изображении города Шенгели часто следует за Бодлером и «проклятыми поэтами», почему отдельные строфы вызывают в памяти... «Гонг»:

Мировая тоска и дурная бездонность асфальта,
Где размазался дождь и поплыл трупной зеленью газ,
И горбатой гиперболой вопль паровозного альта
Отхлестнул и отрезал для бегства потерянный час...

⁴⁰² Белецкий, Акад. А.И. Творчество Георгия Шенгели // Шенгели Г. Избранные стихи. М., 1939. С. 9–10.

⁴⁰³ Шаповалов М. В «четырнадцатизвездном созвездии». С. 169.

...Там вдали Елисейский дворец, ателье, рестораны,
Лупанары, сенаты, мансарды, отели, — весь мир.
Здесь — бездомная тень из туманов проходит в туманы,
Что насквозь прострочил фонарей безысходный пунктир.

Стремясь вместить в поэму как можно больше, автор перенасытил ее деталями — именами, бытовыми и топографическими реалиями, французскими и латинскими словами, эпиграфами. Этим «Пиротехник» напоминает поздние стихи Брюсова, о которых сам автор писал в предисловии к книге «Дали» (1922):

«Стихам, собранным в этом сборнике, может быть сделан упрек, что в них слишком часто встречаются слова, не всем известные: термины из математики, астрономии, биологии, истории и других наук, а также намеки на разные научные теории и исторические события. Автор, конечно, должен признать этот факт, но не может согласиться, чтобы всё это было запретным для поэзии. Ему думается, что поэт должен, по возможности, стоять на уровне современного научного знания и вправе мечтать о читателе с таким же мирозерцанием. <...> Могут возразить, что поэт, идя по такому пути, придет к стихам, недоступным для широких кругов читателей. На это автор имеет два возражения. Во-первых, общедоступность произведений поэзии (и вообще искусства) — фикция. В настоящее время читатели расслоены по образованию, по подготовке, в силу исторических условий; одним Пушкин “доступен”, другим нет. Но читатели останутся расслоенными всегда, при любых, самых идеальных условиях, в силу индивидуальной склонности. <...> Как ученый должен отдавать свои силы исследованиям, назначенным для специалистов, так художник может работать над темами, обращенными к более узким кругам»⁴⁰⁴.

Один из наиболее образованных «комсомольских поэтов» Виссарион Саянов, сетуя на обилие непонятных слов в поздних стихах Валерия Яковлевича, честно признался, что они «подорвали уваже-

⁴⁰⁴ Брюсов В. Собр. соч.: В 7 т. Т. 3. М., 1973. С. 571–572.

ние к поэзии Брюсова у людей нашего поколения»⁴⁰⁵. В дальнейшем «общедоступность» стала обязательной, и Шенгели снова шел против течения. «В погоне за фальшивым блеском, — витийствовал Лейтес, — автор нагрузил поэму умопомрачительным количеством эпитафий. Тут и пять цитат из Гюго, четыре цитаты из Бодлера, три цитаты из Верлена, две цитаты из Брийа Саваренна и по одной из Томаса Мора, из Эредиа, из Маркиза де Кюсси, из Гёте, из Марка Твэна, из Овидия, из Герберта Уэллса. При этом большинство эпитафий приведено сразу на двух языках» (в оригинале и в подстрочном, а не стихотворном переводе). Даже друг автора Сигизмунд Кржижановский при обсуждении поэмы на собрании «Никитинских субботников» заметил: «Можно возражать лишь против обилия эпитафий, из которых не все органически увязываются с содержанием»⁴⁰⁶. Готовя фрагменты «Пиротехника» (8 глав из 22) к переизданию в «Избранных стихах», Шенгели вообще убрал эпитафии.

В заключение рассказа о «Пиротехнике» — портрет Верлена из поэмы:

Из угла подымается сгорбленный, сумрачный, дикий —
Локти прорваны, лацкан засален — лохматый старик,
К волосатой ноздре прижимает букетик гвоздики
И дрожащей рукою застегивает воротник;

Под огромным челом два огромные темные глаза,
Точно камер-обскуры, где всё, обратившись вверх дном,
Превратится в тончайшую, — в скиниях синего газа, —
Самоцветную роспись под матовым белым стеклом.

Бормоча, он выходит, втянув исхудалую шею;
Аваланша касается, дрогнув меж каменных стен,
Странный ритм странных слов: «Что ты с юностью сделал своею,
Ты, что плачешь...» Кто это?.. Дверь брякнула дрябло... Верлен!

⁴⁰⁵ Саянов В. Валерий Брюсов // Брюсов В. Стихотворения. Л., 1959. С. 34.

⁴⁰⁶ ОР ГЛМ. Ф. 357. Ед. хр. 377. Л. 1.

Инскрипт Георгия Шенгели Вадиму Шершеневичу на титульном листе книги Виктора Гюго «Избранные стихи» (1935). Собрание В.А. Дроздкова

II

Несмотря на всю критику, появление «Планера» было успехом: Шенгели смог высказаться. Вторым успехом стали «Лирика и поэмы» и «Драмы и проза» Верхарна под его редакцией, выпущенные в 1935–1936 гг. ГИХЛ⁴⁰⁷ в одинаковом, скромном и изящном оформлении Марка Кирнарского. Фактически это двухтомник, хотя номеров на переплетах нет. На титульном листе 760-страничного тома «Лирика и поэмы» четыре фамилии по алфавиту: Брюсов, Волошин, Гатов, Шенгели — что как бы уравнивает их. Брюсову принадлежат 16 переводов (из 59, включенных в итоговое издание 1923 г.), Волошину — 2, Гатову — 5, Шенгели — 295. «Крупнейший в мире перевод этого автора, около 24 000 строк; полностью переведены все

⁴⁰⁷ В 1935 г. в «Библиотеке “Огонек”» вышел еще один «изборник» Верхарна в переводе Шенгели.

основные книги Верхарна», — отметил Георгий Аркадьевич в автобиографии военных лет. В «Драмах и прозе» его работ нет, но фамилии переводчиков не случайны: Манухина, Валерий и Иоанна Брюсовы, молодой Вильгельм Левик, поддержанный Шенгели, а позже конкурировавший с ним.

Если как переводчик Верхарна Георгий Аркадьевич давно получил признание, то переводы из Гюго стали новым словом и новой удачей. «Первый русский доброкачественный перевод его стихов», — без ложной скромности сказано в автобиографии. В 1935–1937 гг. они вышли тремя отдельными изданиями: 350-страничный том «Избранных стихов» в ГИХЛ, 60-страничная книжка «Избранных стихотворений» там же и «Политические стихи» в «Библиотеке “Огонек”» (тираж двух последних — соответственно сто и пятьдесят тысяч экземпляров); добавим к ним большой гихловский однотомник 1936 г., где большая часть лирики дана в его переводах. Шенгели уделил основное внимание политическим и сатирическим вещам Гюго в силу не «социального заказа», но «внутренней творческой потребности», как сказал Святополк-Мирский о переводах Пастернака и Тихонова из грузинских поэтов⁴⁰⁸.

К середине 1930-х годов обсуждение, казалось бы, сугубо литературных вопросов «вольности» и «точности» перевода приняло идеологизированный характер. «Точность перевода должна стать основной нормою переводного дела»⁴⁰⁹, — писал Шенгели в конце 1940-х годов как о чем-то само собой разумеющемся, хотя, по замечанию современного исследователя, «выражение “точность перевода” <...> использовалось в нестрогом смысле, и те, кто говорил и писал о ней, понимал под ней разное»⁴¹⁰. В кратком предисловии к «Избранным

⁴⁰⁸ Мирский Д.П. О советской поэзии // Известия. 28.01.1936. Цит. по: Флейшман Л. Борис Пастернак в тридцатые годы. С. 292.

⁴⁰⁹ Вариант неопубликованной статьи «Поэтический перевод» цит. по: Азов А. Поверженные буквалисты. Из истории художественного перевода в СССР в 1920–1960-е годы. М., 2013. С. 47.

⁴¹⁰ Азов А. Поверженные буквалисты. С. 32.

стихам» Гюго, датированном 26 апреля 1935 г., Георгий Аркадьевич определил свой творческий метод, дистанцируясь от того, что назовут «буквализмом» и в чем обвинят его самого:

«Переводчик, стремящийся к тому, чтобы перевод был *точен*, вовсе не обязан рабски копировать каждую микродеталь. Он должен творчески угадать центральное звено в данной цепи образов и высказываний и взяться за него; он должен “победить на главном театре войны”, а второстепенные могут быть “уступлены неприятелю” и... крохоборам.

Переводчик — художник; он пишет *портрет стихотворения*, а не снимает гипсовый слепок с его трупa.

Конечно, необходимо тщательнейшее всматривание в оригинал; зоркий и продуманный анализ его строя; учет стилевых и лингвистических особенностей данной школы, данного жанра, данного поэта. Нужна эрудиция, нужна упорнейшая работа, нужна воля к победе.

Но раньше всего нужно *творчество*»⁴¹¹.

Десять лет спустя, в предисловии к переводам из Махтумкули, «буквалист» Шенгели повторит свое кредо:

«Стихотворный перевод не может (и не должен) быть канцелярски точен. В силу требований стиха и рифмы приходится варьировать словесные и образные конструкции оригинала, кое-что “снимая”, кое-что “надставляя”. Поэтому — чтобы перевод был *поэтически точен*, давал бы тот же познавательный, эмоциональный и художественный эффект, что и оригинал, — переводчику надо прежде всего составить себе четкое представление о переводимом поэте как о творческой индивидуальности, уяснить себе его мироощущение, его манеру видеть, чувствовать и понимать предметы и явления. Только тогда переводчик сможет “договаривать” порой за поэта так, как это сделал бы сам поэт»⁴¹².

⁴¹¹ Шенгели Г. От переводчика // Гюго В. Избранные стихи. М., 1935. С. 25–26.

⁴¹² Шенгели Г. От переводчика // Махтум-Кули Фраги. Избранные стихи. М., 1945. С. 14.

Переводы Гюго были приняты «на ура» (их успех признал даже Лейтес). «Такого поэта нелегко переводить, — писал критик Борис Гиммельфарб. — И нужно признать, что Г. Шенгели вполне справился с этой ответственной задачей и дал художественно полноценный перевод»⁴¹³. Воспроизводя основное — идею, образ, конструкцию фразы, заостренность антитезы, стремительные, меткие, как удар шпаги, реплики, он сумел сохранить всё метрическое разнообразие и ритмическое величие стиха Гюго, интенсивность его звучания, ритмические интонации, аллитерационные эффекты и т. д. Впервые мы имеем целую книгу несниженной лирики Гюго, и эта лирика прекрасно звучит»⁴¹⁴. После чтения статьи становится понятно, что имел в виду автор, даря рецензенту 10 февраля 1936 г. «Планер» «в благодарность за доброе слово»⁴¹⁵. Добавлю, что до революции Гиммельфарб опубликовал несколько работ о Штирнере, которым увлекался юный Шенгели.

В 1937–1938 гг. Георгий Аркадьевич завершил работу над переводом 13 поэм Байрона, составившим два тома, и сдал рукопись в ГИХЛ. «Удалось ли мне поднять перевод Байрона в целом на более высокую ступень, скажет *непредубежденная* критика, — многозначительно заметил переводчик в послесловии, — и за всякое деловое указание я только поблагодарю. <...> Но если, несмотря на неизбежные дефекты, моего Байрона советский читатель сможет *читать*, — моя цель достигнута»⁴¹⁶. Судьба рукописи оказалась непростой. Шенгели изложил ее в жалобе, которую в 1945 г. направил в главную редакцию ГИХЛ — на заведующую сектором новых западных литератур Зою

⁴¹³ Термин «полноценный перевод» закрепился в литературе как вариант «адекватного перевода», который сторонники «точности» противопоставляли «творческому переводу»: Азов А. Поверженные буквалисты. С. 29.

⁴¹⁴ Гиммельфарб Б. Гюго-поэт // Книга и пролетарская революция. 1936. № 1. С. 110. Фамилия писалась с одним и с двумя «м»; использую второй вариант, как в инскрипте Шенгели.

⁴¹⁵ ВЭМ.

⁴¹⁶ Байрон Д.Н.Г. Поэмы. Т. 1. М., 1940. С. 300–301.

Инскрипт Георгия Шенгели Вадиму Шершеневичу на титульном листе книги Джорджа Байрона «Поэмы» (том 1; 1940). Собрание В.А. Дроздкова

Гильдину, бывшую комсомольскую активистку, огорошившую коллег при поступлении на службу, помимо явного невежества, словами «колидор» и «мы хотим»:

«Перевод первого тома Поэм мною был закончен в 37 г. и подлежал выпуску в 38 г., к юбилею Байрона. Это не осуществилось по неизвестным мне соображениям сектора. Второй том был закончен в 38 г. Оба тома, однако, лежали в матрицах два года и были выпущены лишь в конце 40 г.⁴¹⁷ Я ставил вопрос о соединении обоих томов в один для удобства читателей. Нельзя! Надо менять пагинацию, а это стоит денег. И хотя этот расход много меньше расхода на 20.000 лишних переплетов второго тома, работу выпустили в двух томах. Было, конечно, рационально выпустить оба тома одновременно, чтобы

⁴¹⁷ Первый том подписан к печати 29 ноября 1939 г., второй — 17 июня 1939 г.

собрание поэм попало к читателю комплектно. Нельзя! Первый том уже готов, и нельзя “замораживать” вложенные в него деньги! И оба тома вышли с интервалом в две недели (хотя деньги были заморожены в течение двух лет и могли эти две недели не оттаивать). А в результате в одних библиотеках имеется один том, в других — другой. О читателе и говорить нечего: у самого директора Гослитиздата имеется лишь один том. Это, конечно, удар по мне, но — главное — по читателю! Что здесь? Тупоумие или вредительство?»⁴¹⁸

В 1945 г. Шенгели уже знал наверняка. Но не будем забегать вперед.

Накануне появления двухтомника Георгий Аркадьевич представил перевод в Союзе писателей. «Г. Шенгели зарекомендовал себя как культурный и талантливый переводчик западноевропейской поэзии. Естественно, что услышать в переводах Шенгели поэмы Байрона пришли в Клуб писателей много поэтов, переводчиков и знатоков творчества великого английского поэта, — сообщила 31 марта 1940 г. «Литературная газета». — <...> Г. Шенгели, читавший отрывки из переводов поэм Байрона, по мнению всех присутствующих, с честью выполнил свою труднейшую задачу. Переводчик показал, что, идя путем точного перевода, можно сохранить и колорит, и музыкальную сочность, и силу интонации оригинала. Это достигается не только талантом переводчика, но и исключительно добросовестным изучением поэта и его эпохи»⁴¹⁹.

«К числу редких удач принадлежит сделанный Г. Шенгели перевод поэм Байрона», — заявил на тех же страницах двумя месяцами позже Вадим Шершеневич, получивший двухтомник с благодарственной надписью «за Лафорта и Бодлера» (собрание В.А. Дроздова).

«Можно, не боясь преувеличения, сказать, — писал Шершеневич, много потрудившийся на ниве поэтического перевода, но не

⁴¹⁸ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 129. Л. 18—19.

⁴¹⁹ Литературная газета. 1940. № 18 (869). 31.03. С. 6.

дождавшийся признания, — что до сих пор мы не имели Байрона на русском языке. <...> Работа Шенгели поражает прежде всего своей добросовестностью. За каждой напечатанной строкой чувствуются ненапечатанные десятки вариантов. Об этих “издержках производства” можно судить уже по одному тому, что без них нельзя было бы так точно передать дух Байрона, его лексикон и звуковые орнаменты. Шенгели не боится быть непозитичным там, где непозитичен оригинал; он не боится передать даже трудности оригинала такими же трудностями русского текста. Пресловутая легкость перевода почти всегда означает упрощение: ни один великий поэт не “легок” в оригинале. Гений требует уважения к себе и тщательного изучения. Трудность постижения переводчиком всей глубины мысли гения вознаграждена богатством находки поэтического эквивалента на другом языке. Сличая работу Шенгели с оригиналом, мы должны отметить, что переводчик проделал почти невозможное: он почти точно передал содержание Байрона в почти адекватной форме. “Почти” — здесь не упрек переводчику и не “страховка” — это неизбежная уточка. <...> Упорный труд вознагражден стократ. Шенгели правильно понял и прекрасно выполнил свою задачу: дать не гладкие стихи, а воспроизвести те особенности переводимого поэта, которые отличают его в веках»⁴²⁰.

Запомним эти слова не только потому, что перед нами одна из наиболее точных и взвешенных профессиональных оценок переводческой работы Шенгели, но и потому, что именно эти качества ему позднее поставят в вину — отнюдь не из стремления к истине и совершенству.

Переводчик и теоретик «адекватного перевода» Андрей Федоров в обстоятельной рецензии на двухтомник сделал ряд конкретных замечаний и поправок, но общий вывод был положительным. «Эта большая и ответственная работа проведена Шенгели в целом на высо-

⁴²⁰ Шершеневич В. Упорный труд // Литературная газета. 1940. № 29 (880). 26.05. С. 2; Дроздов В.А. Несбывшиеся ожидания: Шершеневич и его переводы // Бодлер Ш. Цветы зла. Перевод В. Шершеневича. М., 2007. С. 304–307.

ком уровне, является его бесспорной удачей. Соблюдение (в пределах возможностей стихотворного перевода) всех значимых образов подлинника, сохранение благородной строгости тона подлинника и его эмоциональной энергии, тесно связанной со всеми идейно-социальными устремлениями поэта, передача разнообразия стилистических и образных оттенков оригинала, прекрасная версификационная техника, воспроизводящая сложные метрические и строфические ходы Байрона, — всё это важные достоинства его переводов. <...> Труд, за который взялся Георгий Шенгели, — труд насущно важный, выполнен он талантливо, и мы должны быть благодарны поэту, поставившему перед собой такую серьезную задачу. Но мы вправе требовать от него, чтобы сделанное им он поднял в дальнейшем на более высокую ступень и еще более приблизил читателя к подлинному Байрону». «Особенно удачными» рецензент посчитал переводы «Корсара», «Пророчества Данте» и «Бронзового века».

Следующее наблюдение Федорова стоит вспомнить при разговоре о переводе «Дон-Жуана»: «Тенденция “приукрашивать”, “поэтизировать” Байрона была неслучайной и свидетельствовала не только об определенной технике перевода, но и об определенной идеологии, стоявшей за ней. Она была связана с тем, что переводчики, сознательно или невольно, лишали Байрона той грубости, конкретности, словесной реалистичности, какая присуща ему и в его “восточных поэмах” (при всей их декоративности и экзотичности), и перекладывали их в план романтических условностей и отвлеченностей, тем самым затушевывая их идейную направленность, в существе своем революционную, притупляя их острие. <...> Переводы Шенгели, несомненно, кладут решительный конец подобной традиции передачи Байрона, и в этом — заслуга переводчика»⁴²¹. Упомянув в автобиографии «великолепную прессу» в связи с «Поэмами», Шенгели выделил отзыв Федорова — настоящий пример «непредубежденной критики» и «деловых указаний».

⁴²¹ Звезда. 1940. № 11. С. 180–182.

Защищая в начале 1950-х годов свои переводы из Байрона от идеологически мотивированной критики, Георгий Аркадьевич составил подборку неопубликованных отзывов читателей двутомника⁴²².

Евгений Ланн (Шенгели скромно процитировал лишь несколько фраз, но письмо от 28 июня 1940 г. заслуживает быть приведенным полностью):

«Не знаю, не уверен, поймешь ли ты, что я еще молод, раз взялся за перо, чтобы написать тебе о своем впечатлении после Байрона. *Тотчас же* после прочтения его. Если этого не поймешь и не согласишься, то, во всяком случае, согласишься, что двадцать с лишним лет моей англистики заставят даже твое высокомерное ухо приникнуть к моим устам...

Я читал Байрона с английским текстом слева, но очень скоро захлопнул английский том — мне не нужно было сверять больше, чем я сверил. Ты, Георгий, добился “паганининского” дьяволизма в практическом осуществлении той “точности”, о которой я всегда мечтаю, когда приходится читать переводы “буйных гениев” или, иначе говоря, недобросовестных переводчиков. Ты добился в стихе совершенно предельной точности, несмотря на то, что наш-то язык — ох! — сколь длиннее будет английского!

Как ты это сделал, мне неизвестно, но ты это сделал!

“Шильонский узник” сделан выше Жуковского. Это не дискуссионно для меня, и меня занимает не столько вопрос о твоей победе над ним, сколько осмысливание того, что победил ты Жуковского и всех других переводчиков Байрона, идя линией самого большого сопротивления. Теперь я почти уверен, что и Жуковский и др., если бы работали правильным методом — т. е. ежели от них требовали бы “перевода”, а не “пересказа” — провалились бы как приготовишки.

⁴²² Включена в рукопись Шенгели «Критика по-американски» (закончена 27 декабря 1952 г.), впервые опубликованную: Азов А. Поверженные буквалисты. С. 202–299; далее ссылки на нее и на содержащиеся в ней цитаты из других авторов: *Критика* — с указанием страницы.

Я это понял, когда с текстом английским в руках, *увидел* какие ты трудности передал, ими опущенные. Какой ты молодец!

“Гяур”, “Абидосская невеста” — в первом томе, “Узник”, “Беппо”, “<Пророчество> Данте” — во втором — это, в самом деле, великолепное, блистательное мастерство.

Конечно, только теперь у нас есть поэмы Байрона. Но у нас ведь нет еще ни “Дон Жуана”, ни “Чайльд-Гарольда”! Эх!

That is all. Письмецо, как видишь, лохматое. Но мне уж очень хотелось, Георгий, сказать тебе, что твой Байрон, старина, — откровение»⁴²³.

Исследователь английской литературы и знаток Шекспира Михаил Морозов: «Не может быть двух мнений о том, что этот перевод <“Шильонского узника”> дает очень много нового и ценного в отношении раскрытия смыслового содержания и образности поэмы Байрона. В целом ряде мест Шенгели удалось замечательно передать Байрона и значительно в этих местах превзойти вольную передачу Жуковского»⁴²⁴.

Многие с детства помнят:

На лоне вод стоит Шильон;
Там, в подземелье, семь колонн
Покрыты влажным мохом лет.
На них печальный брезжит свет —
Луч, ненароком с вышины
Упавший в трещину стены
И заронившийся во мглу.
И на сыром тюрьмы полу
Он светит тускло, одинок,
Как над болотом огонек,
Во мраке веющий ночном.
Колонна каждая с кольцом;
И цепи в кольцах тех висят;

⁴²³ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 165. Л. 4—5.

⁴²⁴ Критика. С. 216.

И тех цепей железо — яд;
Мне в члены вгрызлося оно;
Не будет ввек истреблено
Клеймо, надавленное им.
И день тяжел глазам моим,
Отвыкнувшим с столь давних лет
Глядеть на радующий свет;
И к воле я душой остыл
С тех пор, как брат последний был
Убит неволей предо мной
И, рядом с мертвым, я, живой,
Терзался на полу тюрьмы.

Утверждая, что Жуковский перевел «Шильонского узника»
«прекрасно, но свободно», Шенгели предложил свой вариант:

Подвал Шильона с давних пор
Скрыл семь готических подпор
И тяжких серых семь колонн;
Там скудный луч всегда пленен
Щелями узкими окон
И, заблудясь, едва скользит
Вдоль грубых стен и грубых плит
Иль болотным огоньком
На полу стоит сыром.
В колонны вбито по кольцу
На кольцах — цепи. Их металл,
Скользя по локтю и берцу,
Годами тело разъедал, —
И не исчезнуть их клейму,
Пока мой день не канет в тьму,
Тот день, что так тяжел для глаз,
Не видевших хотя бы раз
Свет солнца за года, — им счет
Я прекратил в тот страшный год,
Как умер брат последний мой,
И рядом я лежал — живой!

Для желающих сравнить приведу английский оригинал:

There are seven pillars of Gothic mould,
In Chillon's dungeons deep and old,
There are seven columns, massy and grey,
Dim with a dull imprisoned ray,
A sunbeam which hath lost its way,
And through the crevice and the cleft
Of the thick wall is fallen and left;
Creeping o'er the floor so damp,
Like a marsh's meteor lamp:
And in each pillar there is a ring,
And in each ring there is a chain;
That iron is a cankering thing,
For in these limbs its teeth remain,
With marks that will not wear away,
Till I have done with this new day,
Which now is painful to these eyes,
Which have not seen the sun so rise
For years — I cannot count them o'er,
I lost their long and heavy score
When my last brother drooped and died,
And I lay living by his side.

Вернемся к оценке труда Шенгели. Синолог и переводчик, академик Василий Алексеев, «изумительно владевший английским языком и знавший Байрона почти наизусть»: «Ваши переводы сразились с трудностями, которые мне, как влюбленному в Байрона человеку, яснее, чем, может быть, другим. Вы всюду вышли победителем. Я пробовал вчера читать семье вслух “Мазепу” в оригинале и в Вашем переводе: звучало конгениально весьма».

Переводчик и теоретик литературы Борис Грифцов: «В Вашем переводе впервые зазвучал голос Байрона, и в этом огромная Ваша заслуга; Вы попытались восстановить и резкость, и перебои Байрона, столь типичные. <...> Было бы хорошо, если бы Вы восстановили всё поэтическое наследие Байрона». Именно таково было намерение

Шенгели — дать в новом, «точном» переводе всё поэтическое наследие великого романтика.

К отзывам маститых автор добавил письмо младшего лейтенанта Г.К. Кондрашова в Гослитиздат, призывавший читателей сообщать отзывы о книгах, с указанием возраста, профессии и адреса: «Когда читаешь Байрона в переводе Г. Шенгели, то просто восторгаешься... и совершенно не узнаешь его в его собственных стихотворениях»⁴²⁵.

Выход двухтомника дал Валентину Катаеву повод обрушиться на старого знакомого на страницах «Литературной газеты». В статье «Слово надо любить» Катаев, придравшись к одной фразе (!) из послесловия, возгласил: «Каждое слово у писателя несет громадную смысловую нагрузку. Слово не может быть поставлено так себе, для заполнения ритмической пустоты, для “количества”. Слово не может вколачиваться в художественную ткань “на затычку”. Как будто бы это общеизвестно и не требует обсуждения. Однако на днях я прочел потрясающее по своему цинизму и полной нелюбви к слову высказывание Г. Шенгели в “послесловии переводчика” к первому тому перевода поэм Байрона: “...Как поэт, я хорошо знаю, что в любом отрывке есть *иерархия* образов, что одни — абсолютно необходимы, другие — существенны, третьи — довольно случайны, четвертые — поставлены “на затычку”». Оказывается, среди наших писателей еще широко распространено пренебрежительное отношение к вопросам стиля, оказывается, пропагандируются всяческие смехотворные “теории затычки”. И это нетерпимо. Нельзя нищей, анемичной, эпигонской кистью изображать людей и характеры нашей эпохи. Получится конфуз. Слово надо любить. Над стилем надо работать»⁴²⁶. Объяснить этот неожиданный и, прямо скажем, оскорбительный выпад можно разве что неизвестными нам личными мотивами, при том что фраза: «Нельзя нищей, анемичной, эпигонской кистью изображать людей

⁴²⁵ Критика. С. 216–217.

⁴²⁶ Катаев В. Слово надо любить // Литературная газета. 1940. № 48 (899). 15.09. С. 2.

и характеры нашей эпохи», — могла метить и в оригинальные стихи (вспомним отзыв Лейтеса о «Планере»).

До войны подобные выступления печати не всегда говорили о немилости властей и неперемнной опале — за ними могла стоять борьба литературных «партий», не говоря о личных антипатиях. 15 января 1940 г. Корней Чуковский опубликовал в «Правде» статью «Искалеченный Шекспир», изничтожавшую переводы знаменитой и влиятельной Анны Радловой, которые пятью годами ранее «Литературная энциклопедия» оценила как «шедевры». Через шестнадцать дней Шенгели надписал «Избранные стихи» «Дорогой Анне Дмитриевне Радловой в “боевые дни”»⁴²⁷, явно имея в виду не советско-финскую войну. Их личное знакомство, полагаю, состоялось 22 марта 1937 г.: этим числом датированы инскрипты на «Планере»: «автору “Кораблей” от старого “моряка”»⁴²⁸ — и на «Избранных стихах» Гюго с умело подобранной цитатой из Пушкина:

Не отвергай смиренной дани,
Внемли с улыбкой голос мой,
Как мимоездом Каталани
Цыганке внемлет кочевой.

Через полгода Анна Дмитриевна в дарственной надписи на своем переводе «Гамлета» назвала Георгия Аркадьевича «прекрасным поэтом и остроумнейшим из редакторов»⁴²⁹.

1 мая 1940 г. Шенгели написал посвященное Радловой стихотворение «Портрет маслом». Напомню лишь несколько фрагментов,

⁴²⁷ Инскрипты Шенгели Радловой, хранящиеся в РНБ, опубликованы: Суздальцев О.В. «Не отвергай смиренной дани...». (Дарственные надписи на книгах Г.А. Шенгели из собрания А.Д. Радловой) // Коллекции, книги, автографы. Сборник научных трудов. Вып. 3. СПб., 2003. С. 147–153.

⁴²⁸ «Корабли» (1920) — второй сборник стихов Радловой; «старый “моряк”» — не отсылка ли к «Поэме о старом моряке» Кольриджа в переводе Гумилева?

⁴²⁹ Частное собрание.

имеющих непосредственное отношение к трудам и переживаниям автора и адресата:

Представим Вас хотя бы Магдалиной,
Что кается в ошибках перевода
И тут же, в лэди Макбет превратясь,
Ч<уковскому> распарывает брюхо;
Все ахают: вот выдержка! вот смелость!
А Вы, отужинав среди друзей,
Отведав тонких вин и фимиамов,
Запретесь дома в спальне и в подушку
Ревете гимназисткой до утра:
«Обидели!»...
...А завтра, — может быть, не причесавшись,⁴³⁰ —
За стол садитесь, засучив рукав,
И напролет часов шестнадцать в ямбы
Вгоняете как молотком Шекспира,
Ворочаете лексикон матросский,
Чтобы пирату Марло угодить⁴³¹,
И, перемазавшись чернилом, пачки
Изводите бумаги драгоценной,
Громадные выкалывая буквы,
Похожие на скобяной товар,
И после — уф! — лежите с облегченьем,
Вся ноя и ликуя: родила!

За издания Верхарна, Гюго и Байрона в своих переводах в Гослитиздате Шенгели задним числом обвиняли в «злоупотреблении служебным положением». Готовя в конце 1952 г. развернутый ответ гонителям, щепетильный Георгий Аркадьевич счел нужным объяснить:

«Как переводчик я работаю 1) над моими любимыми авторами, 2) в широких масштабах; по мелочам, — за редчайшими исключениями, — я не перевожу ничего, ибо переводческая работа лишь тогда

⁴³⁰ Оригинал портрета с негодованием заявляет, что это предположение абсолютно нелепо. (Примеч. Шенгели.)

⁴³¹ Перевод трагедии К. Марло «Эдвард II», законченный в 1937 г.

успешна, когда сроднишься с данным автором и трудишься как художник, а не как ремесленник.

Наряду с этим у меня никогда не было тенденции ни к монополизму, ни к nepoтизму.

Иллюстрация к первому утверждению: в “большого” Верхарна, издания 35 г., я включил переводы Брюсова и Волошина и целую книжку, переведенную А. Гатовым, хотя у меня почти все эти стихи переведены тоже; в книжку Верхарна, издательства “Молодая гвардия” я включил почти все переводы Брюсова, отведя им полкнижки. <...> Именно мною были привлечены к переводческой работе лучшие наши переводчики — Тарковский, Липкин, Петровых. — Следовательно, руководствуясь моим долгом *советского писателя*, я и открывал дорогу талантливой молодежи, и сам умел отходить в сторону. Будучи редактором “Драм” Верхарна, я сам ничего не перевел для этой книги. Перевод “Зорь” я поручил Вильгельму Левику (в чем ошибся: зори оказались весьма тусклыми). <...>

Иллюстрация ко второму утверждению. Будучи 6 лет редактором и распределяя переводы, я ни одной строки не поручил моей жене, хорошей переводчице Манухиной, с успехом переводившей стихи Мопассана, Райниса, Барбюса и др. Ее перевод “Филиппа II”, исполненный без договора, наудачу, был включен в редактированную мною книгу лишь с санкции тогдашнего заведующего соответственным сектором Гослитиздата. Далее. Печатаю свои книги, я никогда не напирал на денежную сторону»⁴³².

«Гонорарный вопрос» Шенгели подробно разобрал в письме, адресованном в октябре 1949 г. руководству ГИХЛ:

«В июле 49 г. я подписал с Гослитиздатом договор на драмы Байрона, объемом около ТРИНАДЦАТИ ТЫСЯЧ строк, по СРЕДНЕЙ ставке, по 7 руб. И я ни одним звуком не возражал против этой расценки. Почему? Потому что перевод белого стиха — работа гораздо менее трудоемкая, чем перевод октав «Дон-Жуана» или

⁴³² Критика. С. 293–295.

спенсеровых строф «Чайльд Гарольда». И я абсолютно безропотно отказался от лишних 90.000 руб. (а при большом тираже от гораздо более крупной суммы), так как считаю среднюю ставку, учитывая количество труда, справедливой. *Другой факт:* «Дон-Жуан» вышел тиражом в 55 тыс. экземпляров, ШЕСТЬ тиражных единиц согласно новому закону; я согласился считать лишь две тиражных единицы, по моему старому договору, — «отказавшись» от нескольких сотен тысяч рублей (при шести тиражных единицах даже расценка по 7 руб. дала бы мне на 30 тыс. больше). Почему? Потому что полученные мною за «Дон-Жуана» суммы я считаю достаточным вознаграждением, и потому что не в моих правилах нажимать на букву закона. *Третий факт:* в 35 г. вышел том Верхарна, куда я включил около 8 тыс. строк переводов, ранее не печатавшихся, но двенадцать лет назад, в 25 г., оплаченных старым ГИЗом. Имея бесспорное формальное право получить 100% гонорара, я сам просил оплатить этот массив в размере 60%, отказавшись таким образом от 7–8 тыс. руб. (при ценах 35 г.). Почему? Потому что я — Шенгели»⁴³³.

«Борясь за свое место в переводческих рядах, — суммировал Георгий Аркадьевич, — я не ищу денег, а тем паче обогащения. У меня нет ни яхт, ни автомобилей, ни дач, ни коллекций фарфора или кактусов»⁴³⁴.

Обвинения повторялись и после смерти Шенгели. А ведь именно он, в 1938–1941 гг. возглавлявший созданную в октябре 1934 г. секцию переводчиков Союза писателей, по мере сил помогал товарищам по перу и несчастью, которых эпоха приговорила к стоянию в стороне от «столбовой дороги советской литературы». Осип Мандельштам писал в послании к Марии Петровых:

Марья Сергеевна, мне ужасно хочется
Увидеть вас старушкой-переводчицей,
Неутомимо, с головой трясущейся,
К народам СССР влекущейся,

⁴³³ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 129. Л. 66–67.

⁴³⁴ *Критика*. С. 295.

И чтобы вы без всякого представительства
Вошли к Шенгели в кабинет издательства
И вышли, нагруженная гостинцами —
Полурифмованными украинцами.

Выполненные с подстрочников переводы Бориса Садовского, почти не имевшего доступа в печать и остро нуждавшегося в деньгах, появились в «Антологии армянской поэзии с древнейших времен до наших дней», выпущенной ГИХЛ в 1940 г., скорее всего благодаря Шенгели. Переводы из Аветика Исаакяна в «Избранных стихах», изданных там же пять лет спустя, стали последней прижизненной публикацией Бориса Александровича (его фамилия была записана «Садовский»). Описывая 22 сентября 1947 г. в «домашнем» стихотворении «Ковчег» свое жилье в Новодевичьем монастыре, он отметил: «...И Хачатрянц с Шенгели / Ковчег не минуют, нет». Яков Хачатрянц, муж Мариэтты Шагинян, был известным переводчиком с армянского и пользовался влиянием в издательском мире.

В годы войны Георгий Аркадьевич продолжал заботиться о коллегах и просил Евдоксию Никитину — председателя объединенного группкома писателей, еще не принятых в Союз, — «пособить переводчикам, которыми я, как папа переводчиков, интересуюсь: <Марку> Талову, трогательнейшему романтику, прожившему жизнь в парижских мансардах и теперь очень неплохо переведшему Малларме⁴³⁵, и <Ирине> Грушецкой, хорошей переводчице поэтов Коммуны», а также переводчику Райниса Александру Муратову: «Наставь его — что́ и ка́к — дабы он вошел в магнитное поле нашего группкома⁴³⁶ со всеми его почестями, правами и преимуществами»⁴³⁷. Нашлось место

⁴³⁵ Полностью перевод опубликован почти через полвека семьей Талова: *Малларме С. Собрание стихотворений*. Переложил Марк Талов. М., 1990. Это первое отдельное издание Малларме на русском языке.

⁴³⁶ Вспомним использование этого же выражения в более раннем письме к Булгакову.

⁴³⁷ Письма от 28 марта 1942 г. и 17 июня 1943 г.: ГЛМ. Ф. 135 (Е.Ф. Никитина). Оп. 2. Ед. хр. 783. Л. 3, 2.

и его будущему гонителю Ивану Кашкину: «Он выпустил частичный перевод “Кентерберийских рассказов” Чосера (неважный перевод, спасаемый лишь соседством перевода <Осипа> Румера; книга вышла под моей редакцией, и я — каюсь — полиберальничал)»⁴³⁸.

К обязанностям редактора переводов Шенгели относился так же серьезно и ответственно, как к любому делу, за которое брался. Характерный пример — записка «О переводах Шекспира», адресованная 8 декабря 1936 г. главному редактору Гослитиздата Ивану Лупполу. Отредактировав, после маститых литературоведов — академика Матвея Розанова и Александра Смирнова, очередной том, он сделал неутешительные выводы:

«1) Редактура ранее была проведена крайне поверхностно; редакторы, по-видимому, не дали себе труда сверить перевод с оригиналом строка за строкою, благодаря чему в переводах осталось много искажений и прямых бессмыслиц. <...> 2) Редакторы отнеслись весьма либерально к стилистическим погрешностям <...> допуская бесчисленное количество раз вялый и корявый стих, мертвую интонацию, ненужное нагромождение напыщенных слов. <...> Достаточно сказать, что на первых двух страницах “Гамлета” я нашел 23 места, где были желательны стилистические исправления. Сделать их не пришлось, ибо я был предупрежден, что <Михаил> Лозинский “не допускает” правки <...> а “согласовывать” несколько сотен поправок, дискутируя о каждой, практически невозможно. В итоге я должен сказать, что Шекспир переведен плохо, и моя правка, охватившая много сотен строк, хотя и устранила, кажется “ужасы”, дела в целом не спасает».

Констатируя факты, Шенгели указал причины:

«Первая — отсутствие у редакторов ярко выраженного художественного вкуса; на каждом шагу приходится убеждаться, что до редактора просто не доходят погрешности, с которыми в своих стихах не примирится ни один одаренный и культурный поэт. <...> Вторая — отсутствие у редакторов ясного представления о задачах

⁴³⁸ Критика. С. 210.

стихотворного перевода. <...> Третья — фетишистское отношение к шекспировскому тексту. <...> Есть и четвертая причина <...> — внутренняя несоизмеримость переводчика автору. Ведь надо быть всеобъемлющим гением, чтоб с одинаковой силой, адекватно оригиналам, переводить Данта, Шекспира, Гейне. Как может <Михаил> Кузмин, упадочник, сросшийся с Парни и Грекуром, с александрийством Пьера Льюиса <Луиса>, справиться с бешеными гротесками “Лира”? Как может скромная и кроткая <Евгения> Бирукова вжиться в ругань и кабацкое остроумие Фальстафа и трактирщицы? Для этого нужен Багрицкий... Но, к сожалению, кадры переводчиков ограничены».

Нет ли в последней фразе некоторой иронии? Ибо вслед за ней Шенгели предложил выход:

«В порядке опыта заказать двум-трем настоящим поэтам *поэтический* перевод нескольких отрывков из Шекспира с установкой на то, чтобы читатель получил безупречные русские стихи, в которых было бы воспроизведено *основное* содержание отрывка. Если опыт окажется удачным, перевод выйдет “читабельным”, искажений не произойдет, субституты не заслонят авторского текста, — тогда можно будет его повторить в крупном масштабе: заказать одну-две целые вещи. Я назвал бы в качестве переводчиков Ю. Олешу, который в юности писал великолепные стихи, приподнятые, эффектные, театральные, поэта А. Тарковского, которому удалось передать, в свободной интерпретации, посредственные стихи <Радуле> Стийенского почти на уровне “Песен Западных славян” и (рискну!) Павла Васильева, у которого очень сочное слово и мускулистый стих. <...> Думается, что и наш читатель, у которого скулы сводит при чтении нынешних переводов, и сам Шекспир заслужили, чтобы такой опыт был произведен»⁴³⁹.

Странно видеть под такими предложениями фамилию «буквалиста» Шенгели? Может, он не такой уж и «буквалист»? Неожиданно видеть и фамилию Павла Васильева, исключенного из Союза писа-

⁴³⁹ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 128. Л. 3–6.

телей, отбывшего тюремный срок и фактически объявленного «врагом народа»: в том же году на экраны вышел фильм Ивана Пырьева «Партийный билет», отрицательный герой которого Павел Васильевич Туганов был «срисован» с автора «Соляного бунта». Знают ли биографы поэта, что Шенгели пытался помочь ему?

«Опыт» не был «произведен»: «чужих» до Шекспира не допустили. Положение дел в переводческом мире Георгий Аркадьевич описал в сатире «Замок Альманах», перепевающей «Замок Смальгольм» Жуковского:

Там в ущельях скалистых король Накоряк⁴⁴⁰
Тайных кладов зарыл без числа,
И туда собираются тучи бродяг
Безо всякого ремесла.
В этих мирных ущельях не нужно в борьбе
Мозговой напрягать полушар:
Только жилу нащупать, и сразу тебе
Точно ключ забуллит гонорар.

«Замок Альманах» интересен юмористическими характеристиками переводчиков, работавших с Гослитиздатом. «Конкурирующей организации» — издательству «Academia» и его переводчикам — Шенгели посвятил более злую сатиру:

Блестит Academia! Там парад!
Там торжество перевода
Стихов, бумаги и денег притом,
(План 34-го года).
Там переводчики собрались,
Румеровы гейноеды,
«Танцую вперед и назад», твердят
Про творческие победы...
...И Гейне, опять в окно заглянув,
Поняв, что редактор — Румер,
Отпрянул, несчастный, и на десять лет
Для читателя нашего умер.

⁴⁴⁰ Заведующий ГИХЛ в 1930–1937 г. Н.Н. Накоряков.

III

На протяжении тридцатых годов Шенгели-поэт был исключен из «литературного процесса»: его не приглашали на «пленумы», «совещания» и «декадники», не вызывали на «дискуссии», но не «прорабатывали», почти не требовали «самокритики» и «откликов на текущие события», будь то принятие «Сталинской Конституции» или суды над «врагами народа». Правда, в 1951 г. он писал, что «в Гослитиздате до сих пор есть люди, которые могут вспомнить овацию, завершившую в 38 году мою речь на общем собрании сотрудников Гослитиздата в связи с бухаринским процессом»⁴⁴¹. Неудивительно, если вспомнить, что среди главных подсудимых был Генрих Ягода... но к теме «Шенгели и чекисты» мы вернемся позже.

Как Георгий Аркадьевич воспринимал такое положение, остается лишь гадать: печалился, что его не считают «действующим» поэтом, или радовался, что оставили в покое и не требуют ни славословий, ни покаяний? С середины десятилетия записи «хронологической канвы» фиксируют только перемещения: «1935. Поездка в Ростов и Ейск. Лето в Керчи. 1936. Поездка в Ленинград, в Ялту; лето в Керчи. 1937. Москва. 1938. Москва. Летом — Переяславль-Залесский. 1939. Москва. 1940. Поездка в Ашхабад». В одной из записных книжек отмечено: «17 февраля 1937 г. в составе делегации Академии наук, пушкинского комитета, Союза писателей — поехал в село Михайловское»⁴⁴².

В стихах реалии эпохи *прямо* не отразились, хотя их можно усмотреть в сонете «Страх», датированном 23 декабря 1936 г.:

Куб комнаты и воздух ледяной.
Как жук в янтарь, во тьму и холод впаян,
Спать не могу, тревогою измаян:
Что происходит за моей стеной?

⁴⁴¹ Письмо А.И. Пузикову (11 июля 1951): РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 130. Л. 24.

⁴⁴² ОР ГЛМ. Ф. 504. Оп. 2. Ед. хр. 23. Л. 25.

Дом, где жил Георгий Шенгели в 1937–1956 гг. (Москва, проспект Мира, 51)
Фотография В.А. Резвого. 2016

Там белый дьявол стал всему хозяин,
Он кровью упивается парной;
Он, может быть, шлет палачей за мной,
И мне — валяться трупом у окраин.

Всё умерло. Безмолвие как пресс.
Вдруг дробный звук — далеко, там — воскрес,
Вот — ближе — топотом копыт сыпнуло.

Впускаю глаз под штору; там летят
Сорвавшихся четыре белых мула.
И — всадников прозрачных ищет взгляд.

В октябре 1937 г. супруги Шенгели, наконец, получили отдельное жилье в доме работников ТАСС: Первая Мещанская (ныне проспект Мира), дом 55 (дом 51 по нынешней нумерации), квартира 22 на седьмом этаже — «по личному распоряжению одного из руководителей нашей страны, позаботившегося о создании мне лучшей

обстановки именно для моей переводческой работы»⁴⁴³ (речь идет о Молотове). Обстановка оставалась спартанской. «Одну комнату из трех занимал сам Г.А., — вспоминала Зоя Доброхотова, впервые побывавшая у Шенгели в январе 1947 г. — Это были и спальня, и кабинет, и гостиная. Кушетка, обитая потертым черным дерматином, изображала кровать. Точно такие же потертые кресла с кое-где торчащими пружинами. Огромный письменный стол, стул, слева что-то типа полок с рукописями, позади окно. Все стены от пола до потолка занимали самодельные полки с книгами, в основном иностранных авторов на иностранных языках»⁴⁴⁴.

О литературной работе в автобиографических заметках — ни слова, хотя именно в эти годы Георгий Аркадьевич работал много и продуктивно, причем над эпическими произведениями. Во второй половине марта 1937 г. за две недели написана поэма «Гарм» — о боях с басмачами в Таджикистане. Под текстом автор оставил запись:

«Этой поэмой заканчивается:

- 1) двадцать пятый год моей работы над стихами;
 - 2) сорок третий год моей жизни;
 - 3) пятнадцатый год моего пребывания в Москве;
- Моя “Полтава” — есть!»

Написанный в традиции героико-романтических поэм Байрона и Пушкина — и лишенный горечи и рефлексии кавказских поэм Полежаева и Лермонтова — «Гарм» полон бытовых деталей и примет времени, но не перегружен ими (как порой «Пиротехник»), что делало поэму современной и художественно убедительной. Еще одно достоинство — динамичность рассказа: она не только писалась, но и читается на одном дыхании.

Бушуя, обнажив клынчи,
Сверкая, щерясь, басмачи
Ревущей радугой, потопом

⁴⁴³ Критика. С. 295.

⁴⁴⁴ ВКИКМЗ. Оп. 5. Ед. хр. 130/2. Л. 177–177 об.

Цветастых пятен, с гиком, с топом
Сметают всё, врываясь в Гарм!
Срывают красный флаг. С казарм
Замки сбивают, на свободу
Своих шпионов выводя,
Мулл и улемов, — чтоб народу
Они твердили про вождя,
Про льва, кто предан вере правой
И казни обречет кровавой
Всех, кто забыли шариат.
И там, и здесь уже громят
Больницу, школу, склады, лавки,
И свертки шелка вверх летят,
Змеей развертываясь в давке...

Стоит, угрюма и тупа,
На главной площади толпа
В двойном кольце джигитов конных:
То пленники; пригнали их,
Истерзанных, полуживых,
Судить, «как велено в законах».
Уже вперед муллы прошли
В чалмах, в очках, в халатах строгих;
На аргамаках легконогих
Гарцует свита Фузайли.
И сам он, тигр, еще голодный,
Спокойно всходит на помост, —
И сыплет зыбь зеленых звезд
Халат широкий и свободный,
Что ленью скроен в старину.
Он говорит про поражение
Большевиков, про достижение
Целей ислама... Вдруг — движение
В толпе; взглянули в вышину:
Оттуда звук, упругий, струнный,
Как шум самума, гул бурунный,
Коснулся слуха, вдруг умолк

И вновь напрягся тембром медным.
Там, разрывая синий шелк
Небес, висел над кряжем бледным
И нарастал крылатый клин,
Пяти машин стальная стая,
Неодолимо в глубь долин
Восторг и ужас нагнетая.

Концовка поэмы выводит содержание за пределы рассказа о ярком, героическом, но все же частном эпизоде и подчеркивает ее эпический характер:

Был Бронзы век; был век Железа;
Был голубого Ветра век,
Век Угля черный; пар свой бег
Напряг из узкого надреза,
И вязкий поршень запорхал,
Вкруг вала шатуны шатая,
И в масле завертелся вал —
Змея, из тяжести литая.
Всей этой эры бог — Нагрев!
Теперь пришла иная Эра:
Был прах: селитра, уголь, сера —
И встал из праха Взрыв и Гнев!
Гранаты, мины, камуфлеты
Дыханьем Взрыва разогреты,
Живут на Взрыве дизеля,
И Взрыва полные ракеты
На соприродные планеты
Пошлет когда-нибудь земля!
И день придет, когда, раскатом
Бомбардировки разозля,
Мы вынудим взорваться атом
И дело жизни сопряжем
С его безудержным, крылатым,
С его бессмертным мятежом!..

Журнал «Новый мир» (1937. № 9) с поэмой «Ушедшие в камень». Обложка

Казалось, имевший все шансы на публикацию, «Гарм» в апреле 1937 г. был разослан в семь «толстых» журналов: «Новый мир», «Красная новь», «Знамя», «Октябрь», «Литературный современник», «Молодая гвардия» «Звезда» — и всеми отвергнут⁴⁴⁵. Причем только «Красная новь» удостоила автора сколько-нибудь развернутого ответа от заведующего отделом поэзии — прозаика (!) Александра Митрофанова: «Поэма, как нам кажется, свидетельствует о чем угодно: и о знании автором правил стихосложения, и о том, что автор понимает, что кое-где надо употребить оригинальную рифму (вспомните «растерз»), о некотором знании автором материала — но поэзии, живого чувства, свежести, “лица не общего выражения” <так!> — в ней весьма мало. Против воли создается впечатление, что это — средние, довольно умелые строфы хорошо начитанного человека»⁴⁴⁶.

В конце апреля — первой половине мая 1937 г., за три недели написана поэма «Ушедшие в камень», которую автор в начале июня

⁴⁴⁵ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 128. Л. 7.

⁴⁴⁶ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 210. Л. 27.

разослал по московским журналам⁴⁴⁷. На сей раз повезло: она появилась уже в сентябрьской книжке «Нового мира».

История обороны керченских каменоломен «красными» и их попытки захватить город весной 1919 г. изложена неторопливым и плавным, эпическим белым стихом, как будто речь идет о событиях далекого прошлого. Стих настраивает на объективность, даже на бесстрастность изложения, но автор страстен и пристрастен, описывает ли он «ушедших в камень» или «белую» Керчь.

Как и в «Гарме», противостояние приобретает глобальный характер:

А Вихрь гудел по всем меридианам.
Романовы, что взять корону вышли
Из закоптелых стен монастыря
Ипатьевского, кончились в подвале
Ипатьевского дома. Гогенцоллерн
В Голландию бежал. Отрекся Габсбург.
В лесу Компъенском Клемансо терзал
Германских делегатов. Возникали
Республики. В Баварии хмельной
Советский флаг топтал кровавый Носке.
В голодном Будапеште Бела Кун⁴⁴⁸
Последними штыками отбивался.
В Аравии престолы создавал
Полковник Лоуренс. Вокруг Багдада,
Вокруг Тавриза шла резня. В Китае
Шла бойня.

В рукописи поэма заканчивается так:

Всё это — было.
И никто не смеет
Забывать про это...
Я закончу здесь...

⁴⁴⁷ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 128. Л. 10—13.

⁴⁴⁸ В печатном тексте: В чаду чумном голодный Будапешт. К этому времени Бела Кун (ответственный за массовые расстрелы офицеров, включая братьев Шенгели) был арестован и расстрелян.

В «Новом мире» после «Забыть про это...» — строка точек и еще 37 строк о «наших днях». «Ни в черновом, ни в беловом автографах, ни в авторской машинописи на эту концовку, которая вне всякой уследимой связи с текстом поэмы, нет и намека. Впечатление таково, что спасительные строчки были приделаны по требованию редакции»⁴⁴⁹. При переиздании поэмы в сборнике «Вихрь железный» в годы «перестройки» из нее исчезли последние 6 строк, посвященные Сталину («И Вождь, клонясь к народу с парапета...»): видимо, «требования редакции» снова изменились.

Осенью 1937 г. Шенгели предложил обе поэмы Гослитиздату для выпуска отдельной книжкой: возможно, взяв за образец переиздание там же и в том же году двух поэм Пастернака о революции. Рецензировать рукописи поручили Михаилу Рудерману. 23 октября автор «Тачанки» и «Махорочки» снисходительно одобрил «Ушедших в камень», но отверг «Гарм»: «автор "залитературил" материал», — не утруждая себя аргументацией⁴⁵⁰. Автор счел оскорбительным и выбор рецензента, и содержание отзыва. Через три дня он написал гневный и, по обыкновению, аргументированный ответ в редакцию поэзии:

«Приходится пожалеть Гослитиздат, если на основании *таких* отзывов он принимает или отклоняет вещи. Обе рецензии *халтурны, невежественны и неумны*. <...>

Ни один добросовестный рецензент не позволит себе по отношению к писателю ограничиться 10–12 строками отзыва о вещи, над которой автор работал порою годы, для которой прочитывал библиотеки и совершал путешествия, — ибо автор и забракованного произведения должен уносить рукопись из издательства, *зная*, в чем ее слабость.

Так как обе рецензии, о которых я имею неудовольствие писать, обнимают не более 10–12 строк каждая и содержат абсолютно голословные, импрессионистские оценки (и притом не без гадания на кофейной гуще, что видно из слов об «искренности»), — их нельзя

⁴⁴⁹ Перельмутер В. Живущий на маяке. С. 26.

⁴⁵⁰ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 274. Л. 1–3.

не признать недобросовестными как в отношении редакции, так и в отношении автора, — т. е. *халтурными*. <...>

“Залитературенной” (простите, что сохраняю сей научно-критический термин) называют, очевидно, вещь, воспроизводящую в своей манере приемы, общие для большинства поэтов данного времени. Если речь идет об общих приемах, усвоенных поэзией прошлого, то вещь называют стилизованной, архаизованной, наконец, — эпигонской, но не “залитературенной”.

Однако поэма “Гарм” написана метром, которым *en bloc* теперь никто не пишет. Рецензентская ошибка номер первый.

Поэма “Гарм” оснащена всегда точной рифмой, — ни одного ассонанса, ни одного рифмоида в ней нет; так теперь тоже никто не работает. Ошибка номер второй.

Поэма «Гарм» стремится в своих образах быть насквозь ясной и связной (чего нет у Пастернака, Антокольского, Сельвинского, причем оговариваю, что эту особенность я вовсе не квалифицирую как достоинство, но только как свойство); при этом она тщательно избегает “простецких” формул (привычных Прокофьеву, Суркову и др.); всё это моменты “необщи́е”. Ошибка номер третий.

Громадное большинство образов «Гарма» по лексической структуре — метонимии, а не метафоры, вопреки мнению рецензента. <...> Ошибка номер четвертый.

Словарь вещи — *мой* словарь; ручаюсь, что не менее одной трети слов-образов (а не служебных) не встретить в стихах моих современников. <...> Ошибка номер пятый.

Материал вещи — *мой* материал: географические, исторические, бытовые, материально-культурные моменты, философские параллели и осмысления — *мои*. Ошибка номер шестой.

Где же «залитературенность»? Кто же, кроме невежды, не знающего русской поэзии, мог не усмотреть разницы между моей манерой и “литературным средним”? <...>

Я вовсе не собираюсь расхваливать мои поэмы; может быть, они не удались обе; может быть, удалась как раз первая, а не вторая.

Но я старый литератор; я немало поработал над изучением литературы; я кое-что понимаю в ней; над обеими предложенными вещами я трудился достаточно; *две трети моей продукции я кладу в стол, никому не показывая* (выделено мной. — В.М.). И если я предлагаю вещи к изданию, я вправе требовать, чтобы судьба их решалась не на основании некультурно-небрежных строчек бродящего по издательствам “холодного рецензента”»⁴⁵¹.

Времена поменялись: «некультурно-небрежные строчки» случайного человека, приближенного к издательству, весили больше, чем мнение «старого литератора». Автор включал «Гарм» в сборники «Панцырь» и «Лирика и поэмы», оставшиеся неизданными, но увидел напечатанными лишь несколько фрагментов. Один — в альманахе «Ватан», вышедшем в Ашхабаде в 1944 г., — в составе последней прижизненной публикации новых стихов. Весной 1955 г. Шенгели послал «Гарм» в только что созданный в Ленинграде журнал «Нева», но и оттуда пришел «дежурный» отказ⁴⁵². Полностью поэма опубликована в посмертной книге «Вихрь железный», но должного внимания не удостоилась до сих пор.

«Ушедшие в камень» связаны еще с двумя произведениями Шенгели тридцатых годов — рядом сонетов (нет веских оснований считать их «циклом») о гражданской войне и «Эпическим циклом».

У сонетов, писавшихся в 1933–1937 гг., странная судьба. Во-первых, при жизни автора напечатаны лишь два: «Имя» о бронепоезде «Сталин» (удивительно корявый для такого мастера, как Шенгели) и «1 мая при немцах» о демонстрации в Киеве в 1918 г. Остальные увидели свет только в годы «перестройки», что — с учетом их содержания — неудивительно:

На фронте бред. В бригадах по сто сабель.
Мороз. Патронов мало. Фуража
И хлеба нет. Противник жмет. Дрожа,
О пополнениях взывает кабель.

⁴⁵¹ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 128. Л. 20–26.

⁴⁵² РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 210. Л. 78.

Здесь тоже бред. О смертных рангах табель:
Брюшник, сыпник, возвратный. Смерд и ржа.
Шалают доктора и сторожа,
И мертвецы — за штабелями штабель.

А фельдшера — лишь выйдет — у ворот
Уже три дня бабенка стережет,
И на лице — решимость, тупость, мука:

«Да ты ж пойми! По-доброму прошу!
Ведь мужа моего отбила, сука!
Сыпнячную продай, товарищ, вшу».

Во-вторых, автор сам запутал читателей с временем написания многих сонетов, имеющих в рукописях точные (день—месяц—год) датировки, но получивших вторые даты, относящиеся к 1919—1920 гг. «Некоторые из этих сонетов, — пишет В.Г. Перельмутер, — Шенгели намеревался включить в однотомник, над рукописью которого работал в 1955—1956 гг. (в 1952—1954 г. — В.М.). По чисто “тактическим” соображениям он, понятно, стремился избежать “подсказки” цензорам о содержательной связи этих стихов с тридцатыми годами и потому датировал их 1920-м, 1919-м и даже 1918 г.»⁴⁵³. Однако содержание сонетов с тридцатыми годами не связано: они именно о том, о чем в них говорится, — а передатировка началась намного раньше. В «Планере» «Имя» датировано «1933» (хотя, согласно дате в автографе, написано в октябре 1934 г., незадолго до сдачи книги в издательство), в «Избранных стихах» 1939 г. — «1920—1933». Смысл ясен: создать впечатление, что «имя “Сталин”» «как символ прозвучало» автору уже в годы гражданской войны, когда он, может быть, и вовсе не слышал его.

К предстоящему в 1939 г. 25-летию литературной деятельности Шенгели загодя предложил Гослитиздату выпустить свой «изборник». 19 августа 1938 г. редакционный совет ГИХЛ рассмотрел заявление «о включении в план на 1939 г. книги стихов» и постановил

⁴⁵³ Примеч.: *Иноходец*. С. 470.

«Избранные стихи» (1939). Переплет по рисунку Б.В. Шварца
Инскрипт Георгия Шенгели Серафиме Гроссман на титульном листе книги

«просить Вас представить рукопись для ознакомления»⁴⁵⁴. Константин Симонов посчитал, что поэма «Ушедшие в камень» «может послужить основой книги, при том условии, если остальной материал будет тоже на ее уровне»⁴⁵⁵. Изданные десяти тысячным тиражом «Избранные стихи. 1914–1939» (редактор В.В. Казин) были сданы в набор 13 апреля 1939 г., подписаны к печати 22 сентября и вышли в конце года.

240-страничный томик небольшого формата в сером тканевом переплете, вместивший 56 стихотворений⁴⁵⁶ и 4 поэмы («Пиротех-

⁴⁵⁴ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 210. Л. 31.

⁴⁵⁵ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 274. Л. 2–3.

⁴⁵⁶ 5 из «Гонга», 1 из «Еврейских поэм», 20 из второй «Раковины», 10 из «Норда», 18 из «Планера» (триптих «Туркмения» фигурирует в оглавлении как одно стихотворение), 2 впервые. Неверны утверждения, что из «Гонга» «Шенгели позже не переиздал ни одного стихотворения» и что он «ни в одной из позднейших своих “автобиблиографий” не указывал книги “Еврейские поэмы”»: Иноходец. С. 465, 472; Шенгели Г. Избранное. С. 355, 361.

ник» (фрагменты), «Поручик Мертвецов», «Ушедшие в камень», «Пушки в Кремле»), представлял все важнейшие книги автора, начиная с «Гонга»; их полный список приведен в «Библиографической справке» за подписью «Н.М.». Ему суждено было стать последней прижизненной книгой стихов Шенгели и сформировать представление о нем как о поэте у нескольких поколений читателей. Представление о том, что было написано к этому времени, он давал весьма неполное, но адекватное.

«Изборник» открывался предисловием Белецкого, давшего отличный, с минимумом «обязательных» слов, литературный портрет друга. Акцентируя внимание на новых произведениях, он писал: «Поэтический облик Шенгели в поэмах, разрабатывающих тематику революции, сложился вполне четко. Это — облик поэта эпического, не лирического. В книге встречаются превосходные лирические пьесы (например “Айсигена”), но все же сила поэта — в эпике, то окрашенной в колорит трагического пафоса, то звучащей тоном сатиры. И то и другое мы найдем в крупнейшем до сих пор создании поэта — в поэме “Ушедшие в камень”. Внимание читателя задержится на этой вещи, которая, думается, еще не получила должной оценки в нашей критике (никакой не получила. — В.М.). <...> Мы, напротив, видим большой и серьезный рост автора в данной поэме. При всем своем богатстве советская поэзия знает не так уже много удавшихся поэм о гражданской войне. “Революций кровавая Илиада” еще будет создана грядущим советским Гомером. Мы уже входим в полосу небывалого с древних времен расцвета эпического творчества. <...> Поэма Шенгели, конечно, не “Илиада”. <...> Но в ней, несомненно, большая удача советского эпического искусства и большая удача самого Шенгели. <...> И мы вправе ждать от него других поэм, где уже имеющийся большой художественный опыт будет применен к изображению героики последних лет нашей истории».

Полагаю, сказанное относилось не только к «Ушедшим в камень», но прежде всего к неопубликованным «Гарму» и «Эпическому циклу».

Открывали книгу программные стихотворения «Ты помнишь день: замерзла ртуть; и солнце...» из «Израца» и новое «Поздно, поздно, Георгий! Ты пятый десяток ломаешь...», в котором автор обозначил поэтические ориентиры и напомнил о своих заслугах:

Ты с Верхарном дружил;
ты с Гюго заседал в трибунале
Всех легенд и веков...
...Ты спокойно входил
к знаменитым поэтам эпохи;
Ты с Валерием спорил,
с Максимилианом «на ты»
Пил согдейским вином, —
тех пиров оброненные крохи
Подбирали другие
в свои золотые листы...

Следовавший за ними первым в первом разделе «Стихи о революциях» (9 стихотворений и 3 поэмы) сонет «Имя» на таком фоне просто терялся. «Страны и люди» (14 стихотворений) и «Маленькие драмы» (6 стихотворений) отчасти повторяли «модель», использованную в «Планере». «Разные стихотворения» (25 стихотворений и 1 поэма) избавили от придумывания других разделов. Завершал книгу «Планер». «Читая эти стихи, иной придирчивый критик, — заметил Белецкий (мы как будто видим его тонкую улыбку), — быть может, заявит об их “книжности” (серьезный порок с точки зрения советской критики. — В.М.). Что же, “книжность”, пожалуй, тут налицо. Ее можно, пожалуй, разыскать и в других вещах Шенгели. Но книжность бывает разного сорта. Она может ослаблять и приглушать у поэта чувство живой жизни, уводить от нее. Но разве мы не знаем случаев, когда “взятый из книг” поэтический образ, наоборот, помогает поэту осознать явление жизни, полней раскрыть смысл и значение его перед читателями? Шенгели — поэт большой литературной культуры». Единственный выявленный в печати отклик, больше похожий

на аннотацию, рекламировал книгу и дословно повторил последний абзац предисловия — о «поэте большой литературной культуры»⁴⁵⁷.

Автора наверняка порадовал отзыв Северянина, которому он послал сборник, когда их переписка возобновилась после присоединения Эстонии к СССР. «Книга на меня произвела большое и из ряда вон выходящее впечатление, — писал Игорь Васильевич 9 октября 1940 г. — Я два часа просидел в туманный день у распахнутой форточки и... не заметил, пока не стал сильно кашлять! Книга глубокая, интересная и предельно легкая. Вы — чудесный мастер и проникновенный *большой* поэт. Поэт *вдохновенный*, умный, блистательный. Я горжусь Вами. Верочка (Вера Коренди, гражданская жена Северянина. — В.М.) очарована “Барханами”! В особенности меня пленили отрывки из “Пиротехника” (*все!*), а некоторые строфы гениальны: “...Это — Жизнь! Бы-ти-е!”, “...А вечер весенний сиренев”... А какая лепка эпохи “Ушедшее <так!> в камень”! Непревзойденно. Еще мне нравятся “Пять лет”, “Ода университету”, “Александрия”, “Бетховен”, “Державин” и др. и др. При встрече отмечу еще многое. На портрете Вы выглядите великолепно: светлый, возмужалый, свой, милый... Спасибо Вам за книжку, спасибо самое восторженное!»⁴⁵⁸

Подарком к «юбилею» стала возможность вернуться к активной работе по стиховедению. Осенью 1939 г. Георгий Аркадьевич, уйдя из ГИХЛ, стал профессором Литературного института, где до отъезда в эвакуацию весной 1942 г. преподавал теорию стиха⁴⁵⁹, а в 1940 г. выпустил в издательстве «Советский писатель» книгу «Техника стиха. Практическое стиховедение». Ответственным редактором выступил Тимофеев, которого автор в дарственной надписи назвал «патроном книжки»⁴⁶⁰. В предисловии, датированном 6 июня (день рождения Пушкина — случайность?) 1939 г., Шенгели говорит о «третьем издании», подразумевая под первым и вторым

⁴⁵⁷ Огонек. 1940. № 5. С. 22.

⁴⁵⁸ Северянин И. Собр. соч.: В 5 т. Т. 5. СПб., 1996. С. 272–273.

⁴⁵⁹ В 1937 г. он прочитал курс лекций по теории стиха в ГИТИС.

⁴⁶⁰ ВЭМ.

«Практическое стиховедение» 1923 и 1926 гг. «Задача этой книги *чисто практическая*, — сразу заявил он, — помочь начинающему поэту овладеть элементарной стиховой техникой, “поставить ему руку”, как говорят пианисты. <...> Наша маленькая книжка не претендует создавать поэтов; она лишь научит писать технически грамотные стихи». Георгий Аркадьевич надеялся на «выход подготовляемой мною большой работы по русскому стиху», нового варианта «Трактата о русском стихе» под названием «Русское стихосложение», над которым с перерывами работал до самой смерти и шанс издать который так и не представился. Одновременно он, хотя бы косвенно, оправдывал свои «учебные» книги второй половины двадцатых, названия которых предпочитал не упоминать.

В поисках дополнительного заработка Шенгели в 1938 г. вместе с группой писателей и очеркистов, включая Шкапскую, участвовал в подготовке сборника «Моя милиция», для которого написал очерк «Отступление ночи» об успехах московского уголовного розыска⁴⁶¹. Выпускник юридического факультета и бывший судебный репортер отнесся к делу с обычной серьезностью и написал о новейших методах поимки преступников, включая использование современной техники, а также о неизбежном отмирании «блатной музыки» в СССР (эх, не дожил он до наших дней!). «Милицейский» опыт отразился в поэме «В дежурке», оставшейся ненапечатанной, где есть и такие персонажи:

...А к ночи
Приходит воспаленный и кипящий,
Но нутро завинченный блондин
И требует, чтоб с ним наедине
Поговорили. Два часа идет
Беседа в боковой клетушке. После
Выходит. У дежурного в руках
Обширный протокол и документы.
Блондина удаляют в изолятор.

⁴⁶¹ Шенгели Г. Отступление ночи // Моя милиция. Литературно-художественный сборник. М., 1939. С. 320–352.

Я спрашиваю: «Это что? С повинной?»
Дежурный вдруг — как пленкою обтянут
Непроницаемой: «Я тут не вправе
Вам что-нибудь сказать».

(А я пришел

С внушительным мандатом; я — не «встречный»;
Мне б можно знать.) Но тут же ясно мне,
Что если речь идет об интересах
Политики, разведки, обороны,
То — речи нет: один закон — молчанье...

IV

Пора поговорить об «Эпическом цикле» (1937–1939) — самом крупном по объему и самом неизвестном произведении Шенгели. Упоминающийся почти в каждой биографической справке о поэте, он до сих пор опубликован лишь в отрывках, поэтому читатель вынужден верить на слово авторам справок, большинство которых, полагаю, не читали его.

«Пятнадцать поэм о Сталине» — такие слова более двадцати лет кочуют из текста в текст, вызывая ужас одних и восторг других. Вероятно, и те и другие представляют себе нечто подобное поэме Георгия Леонидзе «Сталин. Детство и отрочество». Произведение Шенгели называется «Сталин. Эпический цикл», хотя автор часто называл его просто «Эпический цикл». Поэм, называемых «темами», в нем не пятнадцать, а восемнадцать плюс одна «интерлюдия», добавленная в 1944 г. Все они говорят о событиях русской и мировой истории второй половины XIX и первой половины XX вв., но лично Сталину посвящены всего три. Таковы факты.

Оглавление цикла: Личная. — Неопровержимо о детях. — Пять sixthых мира. — Две евгеники. — Война и они. — Война и мы. — В конце концов — партия. — Голос неотомщенных. — Проблема вождя. — Лицо вождя. — Слово вождя. — Искусство восстания. — Гражданская война. — Философия машины. — Воскресшая земля. —

Братство народов. — Интерлюдия: Проект письма. — На весах жизни. — Пространство и время⁴⁶².

Каждая «тема» — самостоятельное произведение, имеющее собственное значение. Вместе они образуют новое целое, но автор готов был публиковать их и по отдельности. При этом все «темы» доведены до такой степени законченности, что нет смысла цитировать их «нарезкой». Это присуще «Эпическому циклу» и как целому, поэтому любой рассказ о нем при отсутствии полного текста будет недостаточным, чреватым неверным пониманием авторского замысла и его воплощения.

Не берусь судить, когда возник этот замысел, но, говоря в предисловии к «Планеру» (январь 1935 г.), о задуманном «ряде историко-революционных поэм», Шенгели имел в виду то, что потом будет называться «Эпическим циклом». Он отразил многолетние раздумия автора, не случайно поставившего в начало «темы» «Личное» слова: «Я двадцать лет молчал, противоречьями язвим и разрываем». И здесь стоит процитировать его письмо к Шкапской от 2 июня 1924 г.:

«Ave, Caesar»... орали гладиаторы и, чтобы драться авантажней, старались вообразить, что противник каждого похож на Цезаря так, что не отличить. Говоря штилем подлым: “Ave, чтоб ты издох”. Что мы — morituri, согласен: еще Шигалев или Верховенский кликушествовал: “каждого гения мы потушим в младенчестве”. Но социализма не будет! Мы (человечество) раньше ослепнем от фиолетовых лучей, спечемся от тепловых, обрастем шерстью, оторвем ногти, царапаясь по скалам и по льдам наступающего ледникового периода, — но социализма не будет. Культура наша погибнет, и скоро, а там — десяток тысяч лет, и новое человечество, которое о нас будет знать столько же, сколько мы о суммерийцах. И слава Богу. Наша раса, как и все

⁴⁶² «Искусство восстания» и «Лицо вождя»: Киргизстан. 1943. Кн. 4. С. 40–45; «Проблема вождя» (не полностью) и «Слово вождя»: Шенгели Г. Куда история свой направляет шквал. Публ. С.С. Куняева // Наш современник. 2006. № 3. С. 142–145 (публикация сделана не по последней редакции).

предшествующие, не выдержала экзамена, — и к черту! Нечего заводить приют для дефективных, социализм. Социализм — это общественная энтропия, а пока последняя не водворилась во всей вселенной, не водвориться ей и в обществе. Но это — философия, а писать надо. Только — трудна тема. Закатничество передать можно, а вот величие Цезаря, так, чтобы гранитом вытесалось, против всех историософий устояло, — трудно».

Через тринадцать лет Шенгели — в другой ситуации для себя и для страны — попытался «передать величие Цезаря» в «теме», озаглавленной «Проблема вождя», из которой я приведу бо́льшую часть:

Вождь — тот, в ком сплавлены в стальное лезвие
И ум пронзительный, и воля, и чутье;
Кто знает терпкий вкус поступков человеческих,
В корнях провидит плод и грани норм в увечьях;
Кто доказать умел на всех путях своих,
Что он сильнее всех других
Той самой силою, что в *данный миг* годится,
Кто, значит, угадал, в каком котле варится
Грядущее, кто угадал,
Куда История свой направляет шквал!

В эпохи мелкие бывают всех сильнее
Порой наложницы, порою брадобреи;
В грязи дворцовых склок плодится временщик,
Чтоб лопнуть через год; в борьбе уездных клик
Выпячивают грудь «тузы» и «воротилы».

Но лишь Историю рванут иные силы,
Под спудом зревшие, метя ко всем чертям
Гнилую скорлупу, — и трон, и суд, и храм, —
Не отыграться тут на деньгах, на породе,
На склочной ловкости!
Тут власть в самом народе,
И к ней приходит тот, кто подлинно велик,

Кто к сердцу Времени всем существом приник!
И это будет Вождь! В нем Жизнь кипит и бродит;
Как Гегель говорил: в нем «новый мир восходит»!
Но разорви их связь, и тотчас под уклон
Громадным оползнем начнет валиться он.

Наполеонова тогда звезда блистала,
Когда он сам «парил в просторах идеала»
(По гётевским словам): когда он массы мчал
Валить феодализм в разверзшийся провал.
Когда ж *династию* он стал крепить, отдавав
Лакейских почестей, когда «великих дедов»
В архивах Корсики себе сыскать велел
И серый свой сюртук, где дым боев осел,
Сменил на мантию со шлейфом златопчелым,
Когда он гнет понес испанским нищим селам
И, жестах выучась изящным у Тальма,
На русских навалить решил позор ярма, —
Тогда всё рухнуло!.. На острове скалистом
Он, кто скрижаль ваял, одрях — мемуаристом...

И мне понятен путь, как взмах крыла простой,
Каким, войдя в эпические были,
С недостигаемой сдружился высотой,
Стал СТАЛИНЫМ Иосиф Джугашвили!..

Чудесный сплав огромного ума
С огромною и безвозвратной волей —
Вот «личное».
Средь мировых раздолий
Созревших гроз уже бегут грома, —
Вот «внешнее».
Стихия со стихией
Перекликаются.
И, слыша бури свист,
Идет навстречу ей, как бы несом Россией,
Тифлисский худенький семинарист.

Рабочие кружки в литейных и кожевнях, —
Раскоп ключей живых средь наслоений древних,
Размёт всех глупостей и лжей,
Всех болтунов разгром, расчистка всех межей,
Проникновение в любые боли будней,
И через год, глядишь, средь пламенных полудней
Батума, и Тифлиса, и Баку
Размеренным и неуклонным шагом
Гуриец и лезгин идут под красным флагом
Навстречу изумленному штыку.
И страстный юноша, крещение пулевое
Деля с рабочими, ведет их в каждом бое,
Всегда в передовых рядах,
Не зная одного: что значит слово «страх».

И вот — шестнадцать лет подполья, тюрем, ссылок;
И каждый раз, неукротимо пылок,
Неодолим и несогбён,
Немедленно бежит из ссылки он,
К Нарымам обратя насмешливый затылок.
И снова — на посту, и, закатив рукав,
Так просто мудр, так дружески-лукав
С товарищем, так тверд и беспощаден
С противником, — за главное звено
Хватается, и вверх идет оно,
Всю увлекая цепь.
Средь каменных громадин
Кавказа, средь полночных пург,
Запорошивших Петербург,
На водопадах Таммерфорса, —
Везде мелькает тень стремительного торса,
И слово точное, всех прочих слов точней,
Почтовым голубем во всякий ум влетает,
Как собственная мысль, — и каждый понимает,
Что надо действовать, всё согласуя с ней...

Всегда на линии огня, всегда в окопах, —
Будь то участие в пропавших нефтью скопах

Тартальщиков и копачей,
Будь то борьба с национальной сварой,
Что раздувал «проконсул» старый
На узких улицах Баку,
Будь руководство думскою Пятеркой
Иль юной «Правдою» —
Всегда с железной теркой
Он шел к эсеру и к меньшевику,
К муссаватисту и к дашнаку
И скреб его, — и горе лаку,
В котором красовался тот,
Чтобы сиянием обманывать народ:
Как в логике, так и в боях столетий,
Быть исключенным должен *третий!*..

Вот так он рос, авторитет вождя,
Бойца бесстрашного, кто побеждает всюду,
За что б ни взялся он: под пули выходя
Иль вороша рабочих писем груды...

И грянул год семнадцатый. Страна,
Горящей бечевой войны окаймлена,
Вся судорогой шла. Ей в уши свиристели
Керенского заученные трели;
Ей, дани требуя кровавой мужиком,
Сэр Бьюкенен грозил японским тесаком;
Гуляли прапоры в «солдатских депутатах»;
Из позумента на фуражках мятых
Ударники (в тылу) нашли черепа;
Согласно истине, что «кошки ночью серы»,
Вся мразь поперла сплошь в эсеры
От лавочника до попа.
Рукою голода грозился Рябушинский,
Сверхприбылей миллионы волоча;
За голенище сунув ножик финский,
Боролся Савинков за должность палача;
А в Ставке, постепенно свирепея,
Смельчак безмозглый портупею рвал

И в прорву Калуца, в тарнопольский провал
Валил дивизии, пока свихнулась шея...

Был нужен Ленин тут, чтобы понять, куда
Растет история, куда несутся бури,
И, в охлократии, звать массы к диктатуре
Освобожденного труда!

И Сталин первым был, кто с Лениным стал рядом,
Плечо к плечу, рука к руке,
Неодолимо-острым взглядом
Грядущее провидя вдалеке.
Когда Керенский свой «актив» лягавый
Гнал по следам рабочего вождя,
И скрылся тот от юнкерской расправы,
В пастушьем шалаше приют себе найдя,
А трусы и глупцы (а может быть, и гаже:
Предатели) во имя «реноме»
Партийного, на гордой стоя страже,
Взывали к Ленину, чтоб он себя тюрьме
Обрек, явясь на суд остервенелых тварей, —
То Сталин, чувявший, чем пахнет суд такой,
Прикрикнул так, как мог, — и русский пролетарий
Своей не поплатился головой!
Спаситель Ленина, он стал его полпредом
И, проводя партийный съезд,
Прямейший путь предназначал к победам,
На всех сомнениях поставя жирный крест.
И в ночь октябрьскую, в ту ночь пороховую,
Когда менялся мир, летя напропалую,
Спокойно, как за шахматной доской,
Чуть принахмуря бровь, кидал он массы в бой,
Руководя восстаньем, — непреклонный,
Бог баррикад у трубки телефонной!..
Когда ж развихрилась гражданская война
И белой петлей горло охватила,
В опаснейших местах являлась вмиг она
И побеждала — сталинская сила!

И удивительно ль, что в самый черный день, —
Когда на ленинское тело
Осиротелая глядела
Страна, окутанная в тень, —
У гроба *Сталин* встал и, клятвой бесподобной
Всех Ромулов и Туллиев затмив,
Дал всем уверовать, сквозь плач и стон надгробный,
Что Ленин — жив!

Я долго решал, какую одну «тему» «Эпического цикла» выбрать в качестве репрезентативной. И для чистоты эксперимента выбрал одну из трех, где речь идет непосредственно о Сталине. В ней отразились важнейшие черты остальных. Во-первых, это написано абсолютно искренне и серьезно, без грана конъюнктуры и цинизма. Написано «во весь голос» — вот где это название наиболее уместно. Во-вторых, написано без оглядки на читателя из «рабочих и колхозников», без оглядки на редактора и цензора. В-третьих, написано без учета не только существовавшей эпической и лирической «сталинианы» и «ленинианы», но и всей русской традиции «одических ратей». Если автор на кого-то и ориентировался, то только на Верхарна с его разно-стопным ямбом зрелых книг, которые он мастерски переводил, — вот поэтический ключ к «Эпическому циклу»! — и, в меньшей степени, на политическую поэзию Гюго.

Шенгели написал то, что считал нужным, и так, как считал нужным. Судя по первой «теме» — «Я двадцать лет молчал...»! — он такое право выстрадал и прямо заявил об этом:

Как трудно было мне! Как часто наугад
Я брел, тревогою и смутною объят,
И каждый встречный враг, двурушник и предатель,
Чекистский прихвостень, но консульский приятель,
Меня в подполье гнал: назад! назад! назад!

Демьяновой ухи не хочешь? — ты опасен!
Ты сомневаешься в Покровском? — клеветник!
Не аллилуйствуешь, не терпишь лживых басен?

Сейчас тебя сгребем за воротник!
Ты угловат? — скруглим! Ты полагаешь норму
В противоречиях? — Ты анархист! тройне!
Ты не лакействуешь? и даже для прокорму?
Мы живо придадим негнущейся спине
Приятнообтекаемую форму!..

И так годами! Я, глупец, не распознал
В журнальном цербере вредительский накал,
В партийном квакере раскольничью закваску, —
Вновь за Лицо приняв резиновую маску
И волчий торжествующий оскал...

...Теперь я вижу: все как на подбор, кто силы
И творчество мое стремились омертвить,
Все — избличены, все — выброшены гнить
В компосте исторической могилы!

Многое в «Эпическом цикле» шокирует современного интеллигентного читателя: не только восторг перед Сталиным и оправдание процессов «врагов народа» («мразь в маске маршала», «трус на посту посла»), но, скажем, памфлетная характеристика Марсея Пруста — «великий рукоблуд искусства». Можно сказать, что литературные симпатии Шенгели остались в прошлом: «Там, где свистал Вольтер, там, где Гюго гремел, там, где Бальзак терзался», — но едва ли можно упрекнуть его в неискренности и, тем более, навязывать ему чужие вкусы.

Историю попыток опубликовать «Эпический цикл» и свое видение вещи автор изложил 29 мая 1950 г. — через 11 лет после окончания работы! — в письме к Лаврентию Берию, прося прочесть поэму и «сообщить о ней И.В. Сталину, — если она покажется Вам достойной того»:

«Закончив поэму, я предложил ее для издания в Гослитиздат, возглавленный тогда т. <Петром> Чагиным. Ознакомившись с поэмой, т. Чагин выразил сомнение в возможности ее напечатания ввиду того, что она очень сложна и “очень остра”, особенно в первой главе,

где я говорю о типичных для старого интеллигента идейных блужданиях, в конце которых безвозвратно кристаллизуется коммунистическое мировоззрение, и в предпоследней, где я “ворошу” судебные процессы вредителей. Т. Чагин сказал, что нужна предварительная санкция директивных органов⁴⁶³.

Я обратился в Агитпроп ЦК. Тов. <Петр> Пospelов, тогда возглавлявший это Управление, вызвав меня к телефону, высказался о поэме *крайне лестно*, оговорив, что желательны некоторые уточнения, и обещая вызвать меня для личной беседы. Последнее не осуществилось ввиду ухода т. Пospelова в “Правду” <в 1940 г.> — а спустя длительный срок меня пригласили в ЦК к одному из инструкторов (фамилии которого я не знаю). Этот товарищ повел со мной чрезвычайно странный разговор: “поэма трудна для чтения”, “колхозник и рабочий ее не поймут”, “поэма совсем не похожа на те, к которым мы привыкли”, “слишком резко говорится о капиталистических странах”, “автомобиль Форда не хуже наших”, “ВКП сравнивается с организацией масонов” (?!!) и т. п. Вывод: “печатать пока нельзя, — работайте, упростите”. Мне стало ясно, что этот товарищ мало что понял и явно был испуган, встретив непривычное по стилю, тону и манере произведение.

Вскоре началась война. В 42 (1943. — В.М.) г. мне удалось напечатать в альманахе “Киргизстан” две главы (“Лицо вождя” и “Искусство восстания”). В этой связи интересен следующий случай: ко мне пришел курсант Фрунзенской летной школы Николай Смирнов, сказавший следующее: “Мы в школе читали вашу поэму, рассердились на вас за то, что в ней множество слов, которых мы не знаем, взяли словарь, разобрались, — и теперь полшколы знает вашу вещь

⁴⁶³ Ср. характеристику Чагина в дневнике Н.С. Родионова, возглавлявшего работу по подготовке полного собрания сочинений Л.Н. Толстого: «Плюсы: быстро схватывает сущность вещей, не формалист, добрый, любит помочь, когда за это не грозят неприятности, работоспособный. Минусы: не борец, не может ничего отстаивать до конца, нет системы, не господин своего слова». Цит. по: Остерман Л. Сражение за Толстого. М., 2002. С. 101.

наизусть”. Это бесхитростное и, возможно, излишне любезное сообщение показало мне, что поэма, действительно рассчитанная на высокоинтеллигентного читателя, может дойти и до читателя среднего.

После войны я неоднократно разговаривал в Гослитиздате об издании поэмы. Но руководители издательства, тт. Чагин, <Федор> Головенченко, <Анатолий> Котов неукоснительно отвечали мне: “Подождем, пусть выскажется общественность”; “Пропустите через журнал” и пр. Явно было, что эти тт. не желают взять на себя ответственность. Я попытался обратиться в журнал “Октябрь”, послав туда две главы (“Пять шестых мира” — о капиталистическом мире и “Братство народов”); т. <Григорий> Санников вернул мне рукопись, сказав, что “сейчас не время для таких поэм” (!!) и что у меня есть “грубо натуралистическая строчка” (!!). Я хотел организовать чтение поэмы в Секретариате Союза советских писателей или в Секции поэтов, членом коей состою, но и т. <Александр> Фадеев, и председатели Секции тт. <Вера> Инбер и <Степан> Щипачев не пошли мне навстречу: “Хорошо, хорошо, но сейчас все вечера заняты; поговорим потом”. Совсем недавно я обратился к одному из секретарей, т. <Алексею> Суркову; ответ: “Хорошо, я скажу Щипачеву”, — но прошел месяц и ничего не было сказано...

Таким образом поэма лежит омертвленной.

Причины?

Они просты.

Поэма такого тематического диапазона и столь концентрированная философски, да еще связанная с великим именем, по напечатании привлекла бы, вероятно, внимание носителя этого имени; и ход мыслей у глушителей поэмы, примерно, таков: “Если мы ее одобрим, заслушав, и напечатаем, а она не понравится, — будет плохо; если мы ее не одобрим, но автор добьется внимания свыше, и она понравится, также будет плохо; поэтому лучше ни одобрять ее, ни не одобрять, а отмалчиваться, делать вид, что этой поэмы нет”. Тактика “перестраховки” и нежелания взять на себя ответственность налицо. Между тем эта поэма могла бы прозвучать сильно

и убедительно, особенно для зарубежного читателя (если бы ее перевели), ибо вопросы поставлены в ней во весь рост, остро и с привлечением богатого исторического материала; поэма эта не панегирик, а исследование!»⁴⁶⁴

Добавить к сказанному нечего. Сомневаться в изложенных фактах нет оснований, а они опровергают легенду о связи «Эпического цикла» с появлением «Избранных стихов». «По свидетельству жены поэта Нины Леонтьевны Манухиной, рукопись была послана издательством на отзыв самому герою “эпоса”, который принял ее благосклонно, но не настолько, чтобы она стала книгой. *Вместо нее* (выделено мной. — В.М.) издательство довольно быстро выпустило другую книгу — “Избранные стихи”»⁴⁶⁵. «Изборник» принят к рассмотрению в августе 1938 г. и сдан в набор 13 апреля 1939 г. после прохождения цензуры. «Эпический цикл», согласно помете автора в рукописи, закончен 7 мая 1939 г., в 19 часов 32 минуты.

Ощущение ответственности и даже сомнения в успехе замысла слышны в стихотворении, написанном 1 января 1939 г., в разгар работы над «Эпическим циклом», и открывавшем «Избранные стихи»:

Поздно, поздно, Георгий!..
Ты пятый десяток ломаешь,
Стала зубы терять
 клинописная память твоя,
Стало слово черстветь, —
 а ты всё о бессмертной мечтаешь
О поэме твоей,
 о «венце» твоего «бытия»...
...А теперь — и закат!
 Проживешь ты, надеюсь, немало:
Ты двойного заряда,
 ничем не болел никогда;

⁴⁶⁴ Минувшее. Исторический альманах. 15. М.; СПб., 1994. С. 280–282.

⁴⁶⁵ *Перельмутер В.* Живущий на маяке. С. 26. С разночтениями повторено: *Перельмутер В.* О стихах и о жизни Георгия Шенгели. С. 38–39.

Но мечта о бессмертной поэме
(ты видишь?) увяла:
Мир — тебя обгонял,
а твои уходили года...

Скорее, следует задать вопрос: почему автор *только* через 11 лет после завершения работы обратился к Берии со словами: «Я вынужден искать у Вас, — именно у Вас, ближайшего соратника т. Сталина и автора блестящей книги о большевиках Закавказья, — того внимания к моей работе, которого я не встретил там, где следовало бы. Я знаю, что Ваше время драгоценно. И все-таки 36 лет моей писательской деятельности и семь десятков моих книг <так!> дают мне смелость просить Вас о вышесказанном». Просьба результатов не дала.

В письме к Берии — написанном в 1950 г. — обращают на себя внимание слова: «Поэма эта, крупнейшее и значительнейшее мое произведение». Оно опровергает другую легенду — о «страхе и слабости, поддавшись которым сочинил он <Шенгели> в конце 30-х годов уже упоминавшуюся книгу поэм о Сталине»⁴⁶⁶.

Автор продолжал бороться. 30 июня 1951 г. редакция «Знамени» вернула ему рукопись, сухо известив, что «использовать в печати эти стихи не сможет»⁴⁶⁷. Он написал директору Института Маркса-Энгельса-Ленина Петру Поспелову:

«Я хочу говорить о моей поэме “Сталин” и просить у Вас, если можно, — содействия; если нельзя, — хотя бы совета.

Позвольте напомнить, что 12 лет назад, в бытность Вашу Начальником Агитпропа, Вы ознакомились с этой вещью и, в телефонном разговоре со мной, указав на необходимость частичных доработок и уточнений, в целом охарактеризовали ее в чрезвычайно лестных для меня выражениях. Вы предполагали вызвать меня для личной беседы, — но последовавшее вскоре назначение Вас на пост редактора “Правды” помешало этой встрече.

⁴⁶⁶ Перельмутер В. Живущий на маяке. С. 33.

⁴⁶⁷ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 210. Л. 63.

Спустя примерно полгода меня вызвали в ЦК, где со мной говорил очень молодой работник, фамилия которого у меня не сохранилась в памяти. <...> Этот товарищ отпустил меня с советом: “работайте еще, сделайте поэму массовой”.

Прошло около 12 лет. Поэма до сих пор не издана <...>. В издательствах от нее открещиваются: “пошлите раньше в ЦК”, “пропустите раньше через журнал”. Из двух или трех журналов мне ее вернули с отказом в печатании, но без мотивировки отказа. До сих пор я не могу добиться ее заслушания и обсуждения в Союзе советских писателей.

Между тем, ряд лиц — самых разных культурных уровней, — знакомясь с нею по напечатанным главам и по рукописи, высказывался весьма положительно, а один восторженный студент, без моего ведома, написал о ней письмо в ЦК. Работник ЦК тов. Елизаров запросил секцию поэтов ССП. Там поэму дали на рецензию нескольким, мне неизвестным, товарищам. Рецензии поступили отрицательные (мне не сообщены), и, хотя председатель секции т. Ципачев нашел поэму, вопреки рецензиям, “высокоталантливой”, она все-таки — прошел год — не заслушана и не обсуждена.

Я думаю, что фундаментом той стены, которая воздвиглась между поэмой и читателем, является стремление к “перестраховке”. Лучше не выносить никаких решений: если одобрить, — а Руководство не одобрит, — выйдет нехорошо; не одобрить, мотивированным решением, — а Руководство не разделит этого взгляда, — также выйдет нехорошо. Отсюда — “долгий ящик”, по длине своей уже приближающийся к гробу.

Идейных возражений я не слышал и не читал. <...> Моя поэма своеобразна? не похожа на другие? Вероятно. Но ведь это, насколько я понимаю, не минус, а плюс.

Поэма “не для широкого читателя”? — Да! Но “не-широкий читатель” (миллион инженеров, миллион учителей, полтора миллиона студентов, два миллиона старшеклассников средней школы, сотни тысяч офицеров, десятки тысяч профессоров и доцентов) достаточно широк и достаточно культурен, чтобы освоить философскую поэму. “Василия Теркина” (при всех достоинствах этой вещи) ему недоста-

точно. Кроме того: в моих шкафах стоит “Божественная комедия” и “Фауст”; вещи явно не для “широкого читателя”, но они изданы (я, конечно, не сравниваю свою вещь с этими произведениями, а лишь сопоставляю по признаку популярности); на моем столе лежит Тодор Павлов “Теория отражения”; книга, несомненно, “не для широкого читателя”, но она издана; тут же лежит Гильберт и Аккерман “Основы теоретической логики”, книга, которую я “разгрызаю” (не без труда) при помощи моего друга академика Векшинского; и эта книга напечатана тиражом в 10 тыс. экземпляров... Не ясно ли, что забота о “широком читателе” — только отговорка.

Поэма моя не полна; законченная в 39 г., она, естественно, не могла включить грандиозные картины Отечественной войны и обрисовать великую роль Сталина в этой эпопее. Я написал бы “вторую часть”. Но, не зная, чем грешит первая, я не могу взяться за перо. Второй раз затратить 5 лет на работу и 12 на ожидание “решения” я не в силах, да и... некогда: не доживу.

Поэтому я делаю *последнюю попытку* пробиться сквозь стену.

Я думаю, что поэму должна заслушать квалифицированная, авторитетная и *беспристрастная* аудитория.

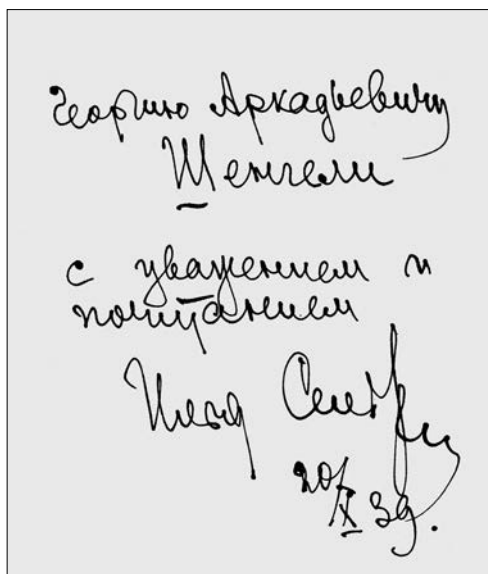
Поэтому естественно, что с поэмой о Сталине, с документом о Сталине я обращаюсь в Институт Маркса, Энгельса, Ленина, — тем более, что Вы, глава этого Института, с поэмой в свое время ознакомились и признали ее произведением значительным.

Я не знаю правил и путей рассмотрения каких-либо материалов в ИМЭЛ. Если можно просто поставить обсуждение поэмы, — я прошу это сделать; если нужно, чтобы поэма была *направлена* в ИМЭЛ каким-либо органом, — я прошу указать мне пути и, если можно, *посодействовать* такому направлению»⁴⁶⁸.

Результат тот же...

Из тех, кто рискнул высказаться об «Эпическом цикле», пожалуй, самое глубокое — не значит, самое верное — суждение оставил

⁴⁶⁸ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 129. Л. 74–76.

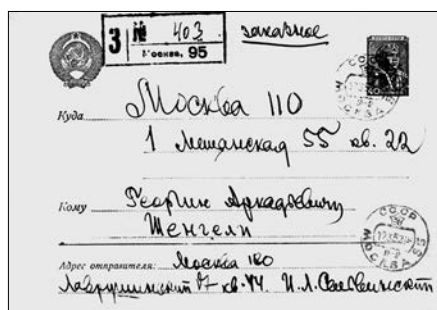

Инскрипт Ильи Сельвинского Георгию Шенгели на форзаце книги
«Рыцарь Иоанн» (1939)

Сельвинский. 20 октября 1939 г. Илья Львович подарил трагедию «Рыцарь Иоанн» — о восстании Ивана Болотникова — «Георгию Аркадьевичу Шенгели с уважением и почитанием»⁴⁶⁹. 13 марта 1952 г. он ему написал письмо, которое приведу полностью:

«С глубоким волнением прочитал Вашу поэму “СТАЛИН”. Ощущение у меня очень сложное. С одной стороны — работа совершенно титаническая. Ничего подобного в нашей поэзии сегодня нет. Сравнить ее можно только с “ЛЕНИНЫМ” Маяковского, но она, конечно, абсолютно самостоятельная вещь. Читая отдельные места, особенно в конце поэмы, чувствуешь, что просто шерсть встает дыбом! Колоссальная эрудиция, огромная широта кругозора соперничают в поэме с каким-то чуть ли не библейским пафосом. Такое произведение *должно было* возникнуть. Страна вполне созрела для такой могучей оды.

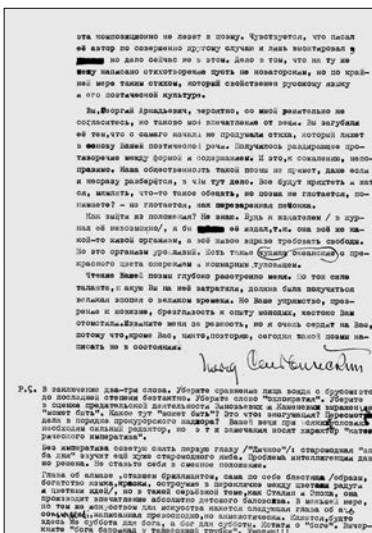
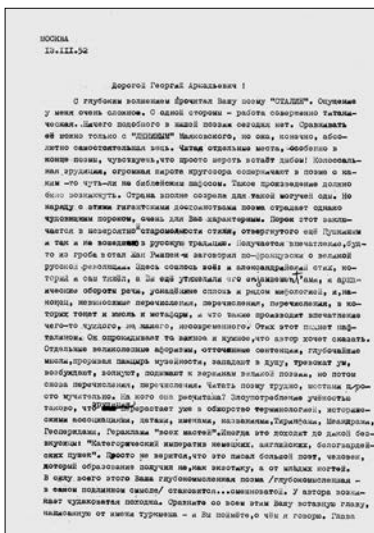
⁴⁶⁹ ВЭМ.

Конверт письма Ильи Сельвинского Георгию Шенгели (13 марта 1952)

Но наряду с этими гигантскими достоинствами поэма страдает однако чудовищным пороком, очень для Вас характерным. Порок этот заключается в невероятной старомодности стиля, отвергнутого еще Пушкиным и так и не вошедшего в русскую традицию. Получается впечатление, будто из гроба встал Жан Ришпен и заговорил по-французски о великой русской революции. Здесь сошлось всё: и александрийский стих, который и сам тяжел, а Вы еще утяжелили его enjambement'ами, и архаические обороты речи, уснащенные сплошь и рядом мифологией, и, наконец, невыносимые перечисления, перечисления, перечисления, в которых тонет и мысль и метафоры, и что также производит впечатление чего-то чуждого, не нашего, несовременного. Стих этот пахнет нафталином. Он опрокидывает то важное и нужное, что автор хочет сказать. Отдельные великолепные афоризмы, отточенные сентенции, глубочайшие мысли, прорывая панцырь музейности, западают в душу, тревожат ум, возбуждают, волнуют, поднимают к вершинам великой поэзии, но потом снова перечисления, перечисления.

Читать поэму трудно, местами просто мучительно. На кого она рассчитана? Злоупотребление ученостью таково, что эрудиция перерастает уже в обжорство терминологией, историческими ассоциациями, датами, именами, названиями, Тиринфами, Меандрами, Гесперидами, Гераклами "всех мастей". Иногда это доходит до дикой безвкусицы:

Письмо Ильи Сельвинского Георгию Шенгели (13 марта 1952)

“Категорический императив немецких, английских, белогвардейских пушек”. Просто не верится, что это писал большой поэт, человек, который образование получил не как экзотику, а от младых ногтей. В силу всего этого Ваша глубокомысленная поэма (глубокомысленная — в самом подлинном смысле) становится... смешноватой. У автора возникает чудачковатая походка. Сравните со всем этим Вашу вставную главу, написанную от имени туркмена, — и Вы поймете, о чем я говорю. Глава эта композиционно не лезет в поэму. Чувствуется, что писал ее автор по совершенно другому случаю и лишь вмонтировал, но дело сейчас не в этом. Дело в том, что на ту же тему написано стихотворение пусть не новаторским, но по крайней мере таким стихом, который свойственен русскому языку и его поэтической культуре.

Вы, Георгий Аркадьевич, вероятно, со мной решительно не согласитесь, но таково мое впечатление от вещи. Вы загнули ее тем, что с самого начала не продумали стиха, который ляжет в основу Вашей поэтической речи. Получилось раздражающее противоречие между формой и

содержанием. И это, к сожалению, непоправимо. Наша общественность такой поэмы не примет, даже если и не сразу разберется, в чем тут дело. Все будут кряхтеть и жаться, мямлить, что-то такое обещать, но поэма не глотается, понимаете? — не глотается, как переваренная печенка.

Как выйти из положения? Не знаю. Будь я издателем (в журнал ее невозможно), я бы ее издал, т. к. она все же какой-то живой организм, а всё живое вправе требовать свободы. Но это организм уродливый. Есть такие океанские чудища с прекрасного цвета оперением и кошмарным туловищем.

Чтение Вашей поэмы глубоко расстроило меня. По той силе таланта, какую Вы на нее затратили, должна была получиться великая эпопея о великом времени. Но Ваше упрямство, презрение к новизне, брезгливость к опыту молодых жестоко Вам отомстили. Извините меня за резкость, но я очень сердит на Вас, потому что, кроме Вас, никто, повторяю, сегодня такой поэмы написать не в состоянии.

P.S. В заключение два-три слова. Уберите сравнение лица вождя с брусом: это до последней степени бестактно. Уберите слово “охлократия”. Уберите в оценке предательской деятельности Зиновьевых и Каменевых выражение “может быть” (в поэме это относится к 1917 г. — В.М.). Какое тут “может быть”? Это что: эксгумация? Пересмотр дела в порядке прокурорского надзора? Вашей вещи при всяких условиях необходим сильный редактор, но *эти* замечания носят характер “категорического императива”.

Без императива советую снять первую главу (“Личное”): старомодная “злоба дня” звучит еще хуже старомодного ямба. Проблема интеллигенции давно решена. Не ставьте себя в смешное положение.

Глава об алмазе, ставшем бриллиантом, сама по себе блестяща (образы, богатство языка, краски, остроумие в переключке между цветами радуги и цветами идей), но в такой серьезной теме, как Сталин и Эпоха, она производит впечатление абсолютно детского баловства. В меньшей мере, но тем же искусством для искусства кажется следующая глава об *ars consurgendi* (искусство восстания. — В.М.), написанная превосходно, но акмеистически. Кажется, будто здесь не

суббота для бога, а бог для субботы. Кстати о “боге”. Вычеркните “бога баррикад у телефонной трубки”. Умоляю!!!»⁴⁷⁰

Уверен, Шенгели обратился к Сельвинскому как не только к давнему знакомому и влиятельному литератору, но и автору поэмы «Сталин». У этого произведения, первый вариант которого появился в 1934 г., после Первого съезда советских писателей, оказалась «непростая цензурная судьба — на протяжении нескольких лет с момента написания Сельвинский безуспешно пытался провести поэму в печать и согласовать ее с высшим партийным руководством. В результате поэма, подвергшаяся существенной переделке, вышла в “Новом мире” в 1938-м году, в радикально переменившейся по сравнению с серединой 1930-х годов литературной и политической обстановке, и встретило ее почти полное молчание критиков и читателей»⁴⁷¹. Вышла она как раз в разгар работы над «Эпическим циклом», и реакция на нее не могла пройти мимо внимания Шенгели (насколько он был посвящен в перипетии цензурной истории поэмы, мы не знаем).

«Звездным часом Сельвинского и его поэмы, — констатировал И. Венявкин, — стал Минский пленум Союза писателей (посвященный поэзии. — В.М.) в феврале 1936 г., где поэт впервые прочел “Сталина” перед широкой аудиторией. Поэма была восторжено принята слушателями и стала самым обсуждаемым событием пленума. <...> Однако развития успехов не последовало — поэма застряла в цензуре: ее прохождение осложнялось нежеланием литературных функционеров брать на себя решение по текстам, трактовавшим биографию вождя». В октябре 1937 г., через полтора года после пленума, Сельвинский пожаловался членам Политбюро В.М. Молотову, Л.М. Кагановичу, А.А. Жданову и заведующему отделом печати

⁴⁷⁰ ВЭМ. Публикуется впервые, с более дробной разбивкой на абзацы для удобства чтения.

⁴⁷¹ Венявкин И. Опыт создания поэтической биографии вождя: поэма Ильи Сельвинского «Сталин» // Stanford Slavic Studies. Vol. 46. New Studies in Modern Russian Literature and Culture. Essays in Honor of Stanley J. Rabinowitz. Part II. Stanford, 2014. P. 89–90; далее цит. без сносок.

ЦК Л.З. Мехлису (по совместительству ответственному редактору «Правды»), что поэму не желают печатать, несмотря на «безропотное» согласие автора вносить в нее поправки.

28 декабря Мехлис сообщил в Политбюро, что и новый вариант, несмотря на существенную переработку, не годится: «Сельвинский — формалист, он пишет на языке, совершенно непонятном массам. В его стихах много кривлянья, в погоне за хлесткой фразой он совершенно не считается с содержанием. <...> В поэме имеются хорошие места, но в целом она написана таким языком, что читать ее чрезвычайно трудно. Многие места не поймет широкий читатель, некоторые носят двусмысленный характер». Отметив, что «наиболее чудовищные, безграмотные места автор либо выбросил, либо смягчил», Мехлис привел несколько все еще сохранившихся: «И лоб его травлен, как нотная запись»; «Тронутое барабанной дробью крупно очерченное лицо»; «Сидит человек с лицом портрета»; «Что-то в нем раздражало, как перец»⁴⁷². Опубликовать «Сталина» как самостоятельное произведение Сельвинскому не удалось. Поэма вошла в третью часть эпопеи «Челюскиниана» (Новый мир. 1938. № 5); ко времени публикации ее нового варианта в виде романа в стихах «Арктика» (1956) Сталина развенчали, и портрет стал не нужен.

Как оценить мнение Сельвинского об «Эпическом цикле»? Вводя письмо в научный оборот в 2009 г., я счел его проявлением недоброжелательности⁴⁷³, но теперь отказываюсь от этой трактовки. Оставшийся авангардистом и романтиком, Илья Львович не принял «Эпический цикл» совершенно искренне, хотя оценил масштабность замысла, затраченные усилия и талант автора. Конкретные советы, думаю, были продиктованы личным опытом, тем более, дело, наконец, шло к публичному обсуждению. 17 февраля 1953 г. Шенгели написал секретарю Сталина Александру Поскребышеву:

⁴⁷² Большая цензура. Писатели и журналисты в стране Советов, 1917–1956. М., 2005. С. 494–496.

⁴⁷³ Молодяков В. Загадки Серебряного века. С. 262–263.

«Эта работа — первый в советской поэзии опыт большой историко-философской поэмы. Необычный ее характер, видимо, и был причиной того, что она до сих пор не напечатана, хотя за это время (с 1939 г. — В.М.) вышло 10 других моих книг, оригинальных и переводных. Отчасти, возможно, сыграло роль и опасение издательств и журналов дать место произведению совершенно нового типа со столь ответственной темой.

Только теперь мне удалось добиться, чтобы мою поэму заслушали и обсудили в секции поэтов Союза советских писателей. Обсуждение произойдет на днях.

Имеющиеся у меня отзывы (письмо известного поэта И.Л. Сельвинского и крупного хирурга Ю.М. Александрова) наряду с высоко лестной оценкой поэмы содержат и суровое осуждение ряда ее особенностей. Другие отзывы, устные, также весьма противоречивы: то, что нравится одним, не нравится другим — и наоборот.

Предполагая написать 2-ю часть — «Отечественную войну» — я должен *разобраться* в том, что мне удалось, что нет. Поэтому мне нужна убедительная оценка моей работы.

Я обращаюсь с просьбой направить на ее обсуждение авторитетного товарища из *Ваших сотрудников*, который мог бы объективно оценить как самое поэму, так и дискуссию о ней»⁴⁷⁴.

Обсуждение прошло 25 февраля (велась ли стенограмма или хотя бы протокол? сохранились ли они?), но секретариату вождя было не до него. «3 часа — чтение “Сталина”. Состоялось. Дружно изруган», — коротко зафиксировал автор. К «Отечественной войне» он не приступил. На той же странице записной книжки — известие о смерти Сталина...

В наши дни «Эпический цикл» вспоминают лишь как эпизод одической «сталинианы» — тема морально болезненная для многих. Таких славословий как будто положено стыдиться, но искренность Шенгели, а также Пастернака и Бенедикта Лившица, нельзя ставить под сомнение, равно как вымученность «савеловских» «Стансов» Мандель-

⁴⁷⁴ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 118. Л. 1.

штама и вынужденный характер стихов Ахматовой из цикла «Слава миру». «Стыдиться» и «извиняться» за Шенгели нет необходимости.

«Эпический цикл» не сводится к поэмам о Сталине. Это, действительно, масштабный опыт создания интеллектуального, историко-философского, а не пропагандистского советского эпоса. Это выдающееся литературное произведение, хотя едва ли кто-то признает его бесспорной художественной удачей и, тем более, высшим достижением автора. Неполная удача — куда справедливее, чем «неудача» — Шенгели свидетельствует о невозможности создания видевшегося ему эпического произведения, в котором интеллектуальная и философская глубина и широкий историко-культурный контекст органически сочетались бы с прославлением режима и его вождя. Для этих целей нужен канон «попроще», образцы которого дали Демьян Бедный и Маяковский. Так что подождем полного комментированного издания «Эпического цикла».

Опыт работы над циклом и первых попыток напечатать его отразились в письме, которое Шенгели 28 сентября 1940 г. написал Игорю Северянину, оказавшемуся советским гражданином после включения Эстонии в состав СССР. Георгий Аркадьевич пытался помочь старому другу не только найти заработок, но и войти в советскую литературу⁴⁷⁵, для чего посоветовал сделать «ход конем»:

«Стихи, присланные Вами мне, поразительно трогательны и прекрасны, но — я думаю, что не стоит Вам начинать печататься с них. Вот в чем дело. У Вас европейское имя. Однако, за долгие годы оторванности от родной страны Вас привыкли считать у нас эмигрантом (хотя я прекрасно знаю, что Вы только экспатриант), и отношение лично к Вам (не к Вашим стихам) у нашей литпублики настороженное. Это понятно. И поэтому, мне кажется, Вам надлежит выступить с большим программным стихотворением, которое прозвучало бы как *поэтическая декларация*. Это не должна быть агитка, это должно быть поэтическим *самооглядом* и *взглядом*

⁴⁷⁵ Письма Северянина к Шенгели 1940–1941 гг.: Северянин И. Соч.: В 5 т. Т. 5. С. 270–296.

вперед человека, прошедшего большую творческую дорогу и воссоединившегося с родиной, и родиной преображенной. И послать это стихотворение (вместе с поэтической и политической автобиографией, с формулировкой поэтического кредо) надо не в “Огонек” и т. п., а просто на имя Иосифа Виссарионовича Сталина. Адресовать просто: “Москва, Кремль, Сталину”. Иосиф Виссарионович поистине великий человек, с широчайшим взглядом на вещи, с исключительной простотой и отзывчивостью. И Ваш голос не пройдет незамеченным, — я в этом уверен. И тогда всё пойдет иначе. Поэтому позвольте мне пока призадержать Ваши стихи; если Вы найдете, что их все же следует передать в журналы — напишите, и я немедленно предприму нужные шаги». «Я не мог не порадоваться, читая Ваши стихи, — добавил Шенгели. — Прежняя певучая сила, прежняя “снайперская” меткость эпитета. Какой Вы прекрасный поэт, Игорь Васильевич! И я больше чем уверен, что Вы еще направите “колесницу Феба зажечь стопламенный закат”! Вспомните Тютчева, который лучшие стихи написал под старость, — а Вам и до старости далеко: 53 года всего»⁴⁷⁶.

«Письмо И.В.С. у меня уже написано давно, — сообщил в ответ Северянин 31 января 1941 г., — но я все его исправляю и дополняю существенным. Хочется, чтобы оно было очень хорошим». «Дальнейшая судьба письма Игоря Северянина к Сталину неизвестна, — сообщают Е. Куранда и С. Гаркави, — но поэтическая декларация, которая должна была бы стать наглядным подтверждением намерений, провозглашенных в письме, была написана и выслана Г. Шенгели». Это стихотворение «Красная страна», впервые полностью опубликованное исследователями, которые сделали вывод: «Часто говорят, что пишущий на советские темы Игорь Северянин — это “другой Северянин”, а его стихи осени 1940 — 1941 г. “крайне слабые”. Мы

⁴⁷⁶ Цит. по: Куранда Е., Гаркави С. Стихотворения Игоря Северянина 1939–1941 годов: к вопросу текстологии и истории публикации // Toronto Slavic Quarterly. № 34 (Fall 2010). С. 193–194; фрагмент впервые: Коркина Е. Георгий Шенгели об Игоре Северянине // Таллинн. 1987. № 3. С. 91.

не разделяем этого мнения. То воодушевление, то “живое дело”, то творческое общение, которое он обрел в последний год своей жизни, не дают к этому оснований. Стихотворения, написанные в “советский период”, — это “тот самый Северянин”, что и в ранних своих стихах: по поэтической технике, по способу восприятия действительности»⁴⁷⁷. «Я рад, что несколько скрасил Игорю его предпоследние дни, что последний дружеский голос, им услышанный, был мой», — писал Шенгели Манухиной 12 марта 1942 г., сообщая о смерти друга.

⁴⁷⁷ Куранда Е., Гаркави С. Стихотворения Игоря Северянина 1939–1941 годов. С. 194, 198–199.

Глава восьмая ГОДЫ ИСПЫТАНИЙ (1941–1946)

Я не из тех, кто задрожит...

I

Течение относительно спокойной жизни оборвала война.

«Около 13 часов Г.С. Пиралов сообщил мне по телефону о бомбардировке немцами Житомира, Киева, Севастополя, — зафиксировал Шенгели в записной книжке. — Я переводил Байрона, когда Пиралов позвонил. Последние слова, написанные мною перед звонком, были: “Никто не ведает, как он покончит жизнь” (<“Дон-Жуан”> гл. 1, октава 133). Сакраментально! По радио передавали приказ начальника воздушной обороны. В 14/20 повторили утреннюю речь Молотова. В 15 назначен митинг в Союзе писателей. Напротив нас у булочной уже выстроилась очередь! — Очереди и у керосиновых лавок и у сберегательных касс. — Рассказывают, что бешено раскупается водка и... ювелирные изделия: “помещают деньги”. Митинг в ССП — как митинг. <...> Приказ членам Союза не покидать Москвы»⁴⁷⁸.

К лету 1941 г. относится один из наиболее интригующих сюжетов в биографии Георгия Аркадьевича.

«По свидетельству И.С. Манухиной, в середине лета 1941 г. служивший впоследствии так называемым “оргсекретарем” Союза писателей (Московского отделения СП. — В.М.) генерал НКВД (капитан госбезопасности. — В.М.) В.Н. Ильин предложил

⁴⁷⁸ ОР ГЛМ. Ф. 504. Оп. 2. Ед. хр. 23. Л. 28. Фрагмент: *Иноходец*. С. 487.

Шенгели в случае сдачи Москвы, т. е. вполне вероятного развития военных событий, остаться в столице для работы в заранее организуемом подполье. Поводом к такому разговору, несомненно, послужило имевшееся в распоряжении генерала “досье”, откуда явствовало, что во время Гражданской войны на юге поэту довелось жить при калейдоскопической смене властей и быть некоторым образом причастным к “красному” подполью. <...> Шенгели согласился. Однако продолжения не последовало — даже тогда, когда началась эвакуация писательских семей. На вопрос: может ли он ехать с женой в Среднюю Азию? — Ильин ответил утвердительно. Оказалось: то был “конспиративный прием”. 27 июля при посадке в поезд к Шенгели подошли два энкаведэшника и сообщили, что им поручено отвезти его домой. В вокзальной суете и спешке не обошлось без недоразумения: из двух одинаковых чемоданов эти “добровольные носильщики” взяли не тот, и Нина Леонтьевна уехала с чемоданом, в котором обнаружила вещи мужа. Шенгели получил инструкции, явки, связи, так и не понадобившиеся»⁴⁷⁹.

Согласно другому рассказу падчерицы поэта, «органы» отводили Георгию Аркадьевичу роль агента-provokatora, поскольку возглавлявшийся Ильиным с 27 февраля 1941 г. второй отдел третьего, секретно-политического управления НКГБ (с 13 августа 1941 г. — НКВД), который занимался «борьбой с антисоветскими формированиями среди писателей и работников искусства», именно таким образом выявлял «врагов народа» в среде интеллигенции. На полученные от чекистов рейхсмарки (неизвестно, настоящие или фальшивые) Шенгели, после оккупации Москвы немцами, должен был наладить издание антисоветского литературного журнала или альманаха, чтобы таким образом вытащить на свет «контрреволюционное подполье». Когда Шенгели попытался отказаться, ему пригрозили, что не отправят в эвакуацию Нину Леонтьевну⁴⁸⁰.

⁴⁷⁹ Примеч.: Иноходец. С. 488.

⁴⁸⁰ Шаповалов М. В «четырнадцатизвездном созвездии». С. 171.

Подробный и содержащий точные указания на ряд деталей рассказа о «сотрудничестве» Георгия Аркадьевича с «органами» оставила близко знавшая его Надежда Мандельштам во «Второй книге».

«У меня был приятель, который не дождался полного омоложения кадров, потому что решил выйти в безоговорочную отставку. Врачи предупреждали его, что он ведет губительный образ жизни, но он только посмеивался. После тридцати почти лет вызовов на “частную квартиру”, расспросов и разговоров “по душам” он буквально заточил себя в собственной комнате, курил одну за другой крепчайшие папиросы, неподвижно, тяжелой глыбой, сидел за письменным столом и занимался механическими расчетами (стиховедческие схемы. — В.М.)⁴⁸¹, лишь бы занять мозги и забыться. Венозные ноги стали как кувалды, но он сознательно шел на медленное самоубийство и продолжал отсиживаться в кресле, накапливая к вечеру груды окурков в громадной пепельнице⁴⁸².

Из дому он не выходил. Когда становилось невмочь, раз-два в месяц он выбирался на улицу среди ночи и жадно вдыхал городской воздух. В поздние ночные часы, по его мнению, на улице было безопасно: он не рисковал встретить людей “оттуда” и получить очередной вызов. Сидя дома, он считался больным и действительно был болен. По телефону он отвечал, что болен и никого видеть не может. Он жил на припасенные заранее деньги и продолжал дома работать по договорам, разрабатывая какие-то проекты, чтобы не растратить всех запасов и оставить жене на дожитие. Он при жизни смотрел на нее как

⁴⁸¹ Ср. в воспоминаниях А.А. Тарковского о послевоенных годах Шенгели: «Он сидит дома, совсем не выходит. Он болен. Нахохлился, как птица, и возится со своими “гармониками”. Это — диаграммы, в которых показана связь стихотворного ритма и произнесения стиха».

⁴⁸² Принося извинения И.М. Брюсовой за то, что они не могут — по соседству! — зайти поздравить ее с 75-летием, Манухина писала ей 15 февраля 1951 г.: «Только что вернулись из больницы, и у меня анафемски разболелась рука, а у Георгия после ходьбы — ноги и сердце»: НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 157. Ед. хр. 45. Л. 1.

на свою будущую вдову и тщательно подсчитывал — без счетов, сколько ей нужно денег, если она получит за него пенсию, конечно, недостаточную, и будет прибавлять из запасов. Он учитывал, что она может прожить пятнадцать и даже двадцать лет, потому что ее семье свойственно долголетие (Нина Леонтьевна прожила 87 лет, ее мать — 90 лет. — *В.М.*). Деньги оказались более или менее устойчивыми, и пока у вдовы всё в порядке, хотя она пережила мужа почти на двадцать лет.

Однажды я зашла к нему в отсутствие жены, и он рассказал мне про свои сношения с тем миром. Он сказал, что я, как единственный человек, мнением которого он дорожит, должна знать про него всё. Его поймали на крючок в самом начале двадцатых годов: он имел неосторожность сказать доброе слово об одном из людей, погибших в первой когорте (Гумилеве. — *В.М.*). Ему угрожали расстрелом, лагерем, тогда еще Соловками, и полной безработицей».

Перву этот рассказ, чтобы процитировать письма Шенгели к Шкапской, написанные в течение года после инцидента со стихами памяти Гумилева⁴⁸³. Теперь они становятся куда более понятными.

«Тревожные сны; мучительная потребность быть на людях, о чем-нибудь болтать; почти невыносимо оставаться одному, как например сегодня, когда никто не пришел, и пойти некуда. Я стал ежедневно ходить в кафе поэтов и сижу там по 3—4 часа, за шахматами и болтовней. Я знаю, что устою; постепенно всё пройдет, — но пока очень худо. А главное, что я, очевидно, очень поглупел и утерял все мои интересы, литературные и иные: мысль, предоставленная сама себе, не работает, как следует всякой честной мысли» (11 августа 1924 г.).

«Потянулись мои будни, отвратительно праздные будни, когда время от пробуждения до укладывания в постель представляется какой-то пастью, которую ничем не заткнешь. Я всё храбрюсь, всё бахвалюсь, всё собираюсь сесть за работу, но один вид стола

⁴⁸³ Чекисты считали сочувственные стихи памяти Гумилева серьезным «криминалом». Во время следствия по делу московского литературного кружка «Зеленая лампа» в 1926 г. был особо отмечен факт чтения в нем Сусанной Укше своих стихов о Гумилеве: *Соболев А.Л.* Летейская библиотека. Т. I. С. 74.

вызывает тошноту, а при попытках — мысль утомляется в полчаса» (5 октября 1924 г.).

«Странный у меня был день. Читал я лекцию, и вдруг, ничуть не отразившись на гладкости речи, меня охватило необычайно отчетливое ощущение того, что меня ведут на расстрел. Вот-вот-вот... вот сейчас... вот сейчас... Ощущение было крайне острым и отвратительным, до физической тошноты. Потом я никак не мог отделаться от воспоминания о нем. <...> Дня через четыре, глубокой ночью, мы проснулись от стука в дверь. Оказалось, что стучали в смежную комнату, где живет студент-коммунист. <...> Мы решили, что это обыск, что соседа берут понятым и что обыск у нас. Мы ошиблись: обыскали и арестовали именно этого студента; но в первые десять минут я был уверен в ином, учитывая свои те предчувствия. И вот тут — я не взволновался ни на миг: оделся, дал Нине ряд указаний — о деньгах, об образе действий и спокойно ждал, как ждут очереди в парикмахерской. Молодец мальчик!» (4 ноября 1924 г.).

«Ежедневно праздную день моего дьявола, который наделяет меня погаными снами и обрушивает на меня всевозможные трудности и неприятности. <...> Отсутствие устойчивого заработка и источников кредита, зима, неврастения. <...> Пробовал сесть за Верхарна — не могу. О том, чтобы писать свое — нечего и думать. Итак, думаю, что скоро конец» (29 января 1925 г.).

«Жажду уехать за границу, — но ничего не могу делать для осуществления сего» (16 февраля 1925 г.).

«Нет, Мариечка, со мной ничего не случилось — если под этим разуметь какое-нибудь событие, перелом, “сюжетный сдвиг”. Просто я понемножку тону, всё больше ухожу под воду и, естественно, всё глуше делаются голоса с берега или с островка, а моего голоса, конечно, не слышно. Что случилось? — ничего; только жизнь ушла» (31 марта 1925 г.).

Большого Шенгели, конечно, сказать не мог — даже человеку, с которым делился интимными переживаниями. Продолжим рассказ Надежды Мандельштам о попавшем в беду друге:

«Он был молод, влюблен, и ему не захотелось сразу и зря погибнуть. Ему еще померещилось, что он может перехитрить своих оппонентов и выиграть время. Еще он думал, что каждая встреча тех ранних лет — последняя, что он отбредался, выкрутился, заморочил им голову и они оставят его в покое. Но этого-то и не собирались делать. Вызовы были редкие — иногда с промежутком в полгода, иногда — в два-три месяца, но они и не думали прекращаться. Через несколько лет он понял, что ему не отвязаться от своих преследователей. От него требовали информации и конкретных сведений по предыдущим заданиям. Всякий раз давали новые поручения и спрашивали, какого он мнения о том или ином знакомом. От жены он старался скрыть свою беду и открывал ей только щелочку. Ему было необходимо сократить круг знакомых, чтобы остаться в одиночестве и отговариваться при вызовах, что никого не видит и ни о ком ничего не знает. Жена же отличалась общительностью и приглашала множество народу, среди которого были умельцы, которые поставляли на “частные квартиры” сведения о том, кто у него бывает и о чем говорится за столом. Нередко при очередном вызове “человек с портфелем” начинал разговор с перечисления гостей, бывших в такой-то день у него в доме, и с цитат из разговоров. Дома он всегда был начеку и не допускал сколько-нибудь скользких разговоров. В каждом госте, произнесшем неосторожное слово, он подозревал стукача.

В конце тридцатых годов ему удалось запугать жену и закрыть доступ в свой дом. На службе он держался в стороне от всех и постепенно перешел на работу по договорам. У него осталась одна слабость — женщины, и он особенно ценил тех, которые оставались неизвестными на “частной квартире”. Прочих он сразу бросал. Без друзей он научился обходиться и не чувствовал в них нужды. В течение всех лет у него оставался один друг, и я думаю, что с ним он был откровенен и подробно рассказывал ему о каждом вызове. Возможно, что и с другом происходило нечто подобное, и они хорошо понимали друг друга. Любопытная деталь: имя этого друга никогда не поминалось при вызовах, словно никто не подозревал об его существовании. Это

всё, что я знаю про друга. О его делах мой приятель мне не рассказал, и это вполне естественно. Друг был из академической среды и занимал видное положение. Работали они в разных областях».

Речь о Векшинском, и здесь необходимы пояснения. 1 марта 1924 г. Шенгели писал Шкапской: «Приезжал ко мне из Петербурга мой старый гимназический товарищ, инженер, знающий Вашего мужа, Сергей Аркадьевич Векшинский. Три дня гостил у меня. Странную мы с ним провели ночь, вспоминая и философствуя. Под утро я потерял ощущение реальности, — знаете, точно когда долго, не мигая, смотришь в зеркало. Никогда не надо встречать старых друзей, приезжать на старые места, перечитывать дневники, письма и стихи. Хорошо бы избавиться от памяти, — лютейший зверь, хуже совести».

Общались ли друзья в течение десяти лет после окончания гимназии, неизвестно. Возможно, не общались, поэтому им было что рассказать друг другу. Уехав из Керчи, Векшинский поступил в Петроградский политехнический институт, но не окончил его: после второго курса, в 1916 г. он был послан в США в качестве контролера-браковщика на приемку артиллерийских снарядов, а по возвращении в Россию в сентябре 1917 г. поселился у родителей на Дону, где сменил несколько профессий, был мобилизован в белую армию, дезертировал, но сумел устроиться в Новочеркасске и поступить в Донской политехнический институт. «В 1920 г. в Новочеркасске, наконец, приходит Советская власть. Возобновляется связь с Петроградом и другими городами страны. Но вместе с этими событиями обрушивается и личное горе: трагически погибает Аркадий Николаевич. Смерть отца оставила глубокий след в душе двадцатитрехлетнего Сергея Векшинского»⁴⁸⁴. По условиям времени нельзя было сказать, что бывший полицеймейстер покончил с собой при приближении «красных»⁴⁸⁵.

На момент встречи с другом Векшинский служил на Электровакуумном заводе, где вскоре стал главным инженером. В силу специ-

⁴⁸⁴ Борисов В.П. Сергей Аркадьевич Векшинский. С. 20.

⁴⁸⁵ Сообщение В.П. Борисова (февраль 2016).

фики работы он с начала профессиональной деятельности находился под наблюдением «органов». За невыполнение плана заводом «Светлана» в октябре 1937 г. его сняли с должности главного инженера, а в начале 1938 г. арестовали: помимо происхождения «криминалом» были командировки за границу. После «мер физического воздействия» ученый сознался в «шпионаже» и полтора года провел в тюрьме под следствием, пока дело не было прекращено во время первой «бериевской оттепели». После освобождения он вернулся к работе на «Светлане» и вступил в ВКП(б).

Внешне судьба Векшинского сложилась благополучно: академик, Герой социалистического труда, орденосице, лауреат Сталинской и Ленинской премий, директор института. Но после шестидесяти резко ухудшилось здоровье, после семидесяти он много и тяжело болел. «Очень жаль Сергея Аркадьевича, — сообщил в феврале 1971 г. в Керченский музей Федор Аверкиев, переписывавшийся со старым товарищем. — Три года назад у него было кровоизлияние в мозг. Болезнь прогрессирует»⁴⁸⁶. Про такие болезни не зря говорят, что они «от нервов». Связь с Керчью и воспоминания о ней, похоже, скрасили его последние годы. «В дружбе С.А. Векшинский был постоянен, своего отношения к тем, кого хорошо знал, не менял несмотря ни на какие превратности судьбы», — подчеркнул биограф⁴⁸⁷. Это роднило его с Шенгели, к которому нам пора вернуться.

«Мой приятель клялся, что за все годы от него ничего не добилась. На все вопросы он отвечал, что ничего не знает и с лицом, о котором его спрашивают, не встречается. Он брал инициативу разговора в свои руки и требовал, чтобы его оставили в покое. “Человеку с портфелем” он систематически доказывал, что надо действовать с помощью профессионалов, а не таскать к себе частных людей. Не ругаюсь, что такой разговор был возможен на “частной квартире”, но никаких уточнений и деталей от своего приятеля я не добилаь.

⁴⁸⁶ ВКИКМЗ. Оп. 5. Ед. хр. 26. Л. 2.

⁴⁸⁷ Борисов В.П. Сергей Аркадьевич Векшинский. С. 95.

Беспримерно осторожный, он говорил со мной в самой общей форме, чтобы в случае, если зажмут и меня, я не могла бы выдать его.

О самом факте вызовов догадаться было нетрудно. Однажды при мне его вызвали по телефону. Он побледнел, расстроился, странно повел себя, ушел из дому, сказав, что неизвестно, когда вернется. Я тогда же сделала вывод: “таскают”... Знать это не запрещалось. Другое дело, если бы я оказалась в курсе ведущихся с ним разговоров. Ведь он не имел права выдавать государственные тайны и каждый раз давал расписку с обязательством “не разглашать”... За разглашение его бы сгноили в лагере. Так случилось со многими из наших общих знакомых. Он знал, что они научились клещами вытягивать показания (даже фантастические), и поэтому, не выдержав и рассказав мне о вызовах, ни на секунду не забылся настолько, чтобы сообщить мне хоть одну точную деталь.

В пользу моего приятеля у меня есть один довод. У него было много врагов, потому что он захватил выгодную работу, которую часто старались у него отнять. Все его враги здравствуют и благоденствуют (подробнее в последней главе. — *В.М.*). Следовательно, он не устраивал своих дел с помощью “человека с портфелем”, а именно этим занимались почти все вызываемые лица. Бытовые дела он налаживал через одно высокопоставленное лицо (Молотов. — *В.М.*), к которому имел доступ через известного мне человека (Малашкин. — *В.М.*). Именно так он добился выгодной договорной работы и квартиры. Другое дело, что высокопоставленное лицо оказалось бы беспомощным, если бы “человек с портфелем” высказался против. Мой приятель, конечно, лавировал, но прямых злодейств не делал.

В начале войны, когда эвакуировали Москву, мой приятель получил приказ никуда не уезжать. Его оставили “для связи” на случай сдачи города. Я знаю ряд людей в том же положении, получивших такой же приказ. Агентура составлялась из скомпрометированных людей, которым некуда было податься. Жена, мало что понимавшая, хвасталась оказанным мужу доверием. Слушатели большей частью понимали, что означает приказ не эвакуироваться, но не решались

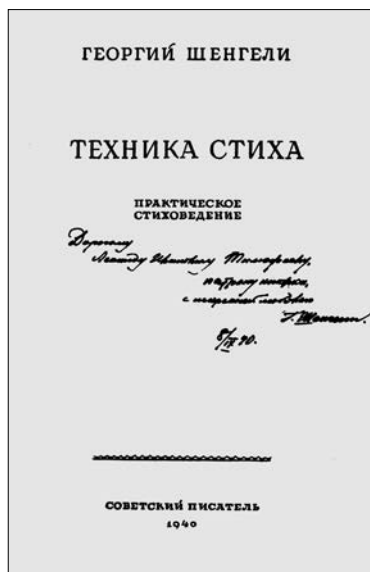
объяснить ей, в чем дело. Вдова и сейчас продолжает болтать и хвастаться. Она называет покровителя в учреждении, где работал ее муж (Союз писателей. — *В.М.*), и как он помог ей получить пенсию и наладить все бытовые дела. Покровитель ходит в штатском, но все знают, что у него есть высокий военный чин (Ильин. — *В.М.*). Она нечаянно выдает своего мужа, и виноват в этом он сам, потому что скрывал от нее свою реальную и мучительную жизнь...

Всю войну он просидел в Москве (ошибка мемуаристики. — *В.М.*), и его не тревожили. После войны вызовы возобновились, и он понял, что конца им не предвидится. Тогда-то он и засел в комнате. Образ жизни, который он вел, был равносильен медленному самоубийству. Однажды он мне сказал, что у него был странный приступ, когда, теряя сознание, он понял, что именно так придет смерть (вероятно, описанный в стихотворении 1950 г. «Это, видимо, смерть приходила...» — *В.М.*). Вскоре он умер.

Мне ясно, что мой приятель вошел в какие-то сношения с теми, с кем никаких сношений иметь нельзя, но виню я не его, а тех, кто над ним издевался. Я знала и других, являвшихся по вызовам на “частную квартиру” и дававших подписки о неразглашении. Среди них были чистейшие люди, но они не решились обречь на гибель и себя, и своих близких. Нельзя требовать героизма от простых людей. Человек, который получил вызов, знает, что в одну минуту и его, и всех детей, и родителей, и жену могут превратить в лагерную пыль, и потому не решается сразу сказать “нет”. Потом он долго и мучительно расплачивается за свою нерешительность и взвешивает в уме, что лучше — гибель в заключении или медленная смерть дома. Ни один из них не дожил до положенного срока. Одни сознательно призывали смерть, другие умирали, истощенные бессонницей, отвращением и ужасом»⁴⁸⁸.

С началом войны Шенгели оказался в двусмысленной ситуации. С одной стороны, власти доверяют ему, поручая столь важное, с их точки

⁴⁸⁸ Мандельштам Н. Вторая книга. М., 1999. С. 572—576. Первое публичное указание на связь этого свидетельства с Шенгели: Шаповалов М. В «четырнадцатизвездном созвездии». С. 172.

Инскрипт Георгия Шенгели Леониду Тимофееву
на титульном листе книги «Техника стиха» (1940)

зрения, дело. С другой, считают его фигурой потенциально привлекательной для антисоветского подполья: в его существование чекисты верили, получив, например, сведения о том, что Борис Садовской заготовил приветственные стихи немцам на случай взятия Москвы⁴⁸⁹. Главная опасность заключалась в следующем: выполнение задания было чревато для Георгия Аркадьевича не только клеймом предателя, но и угрозой расстрела — что при немцах в случае провала, что при возвращении Красной Армии, если бы «органы» не «вспомнили», почему он пошел на это.

«Люди моего типа легко могут стать для немцев заложниками или предметом какой-либо политической игры в случае захвата Москвы и создания какого-нибудь Ван Цзин-Вэя, перспектива не из прият-

⁴⁸⁹ Текст: Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007. С. 447; перепечатывалось в публикациях о чекистской операции «Монастырь».

ных», — записал 8 октября 1941 г. в дневнике не кто иной, как стиховед Тимофеев. «Итак, крах, — писал он 16 октября, в «дни постыдного испуга» и «великого писательского драпа», как позже выразился Георгий Аркадьевич. — <...> Мир, должно быть, станет единым под эгидой Гитлера. <...> Зашел Шенгели. Он остался. Хочет, в случае чего, открыть "студию стиха" (поэты всегда найдутся!). Договорились работать вместе»⁴⁹⁰.

Рассказывая об этом эпизоде в 1971 г. В.Д. Дувакину «для истории», Тимофеев умолчал о договоренности «работать вместе», но дополнил его подробностями, из которых видно, что он не догадывался о подлинных мотивах собеседника. «Ничего страшного не происходит, как нам казалось. Но тем не менее он завел со мной разговор: "А как же быть, если вдруг придут немцы?" Ну, я говорю, что, очевидно, нам несдобровать. А он сказал: "А я вот думаю, что я открою курсы стиха для молодых поэтов. Поэты существуют всегда, стихи пишутся всегда, и вот ко мне будут приходить поэты, и Вы тоже можете со мной объединиться — и мы откроем с Вами курсы стиха". Я говорю: "Ну как же, Георгий Аркадьевич, ведь они, вероятно, будут писать стихи определенного направления? Как же Вы будете это делать?" Но он сказал: "Нет, меня будут интересовать только ямбы и хореи и расстановка ударений, а за то, что они будут писать по существу, я не несу ответственности". Но, к счастью, ему не пришлось применить свою теорию, и он очень быстро уехал. Так что, очевидно, эта идея была неубедительной для него, но этот смешной разговор я хорошо запомнил».

Я помню эти дни постыдного испуга,
Когда прослышали, что смят московский фронт,
Когда прожекторы от севера до юга
В слепую муть и мглу впускали робкий зонд,
И выли поезда, как сдавленная выюга,
Срываясь на восток, за ночь, за горизонт...

⁴⁹⁰ Тимофеев Л.И. Дневник военных лет // Знамя. 2002. № 6. С. 154, 159. «Ван Цзин-Вэй» — имеется в виду прояпонский режим во главе с Ван Цзин-вэем, созданный в 1940 г. в Нанкине.

Мелькали ужасом изжеванные лица;
 С трамваев пучилась червей густая гроздь;
 Старух навьюченных тащилась вереница,
 Еще влача надежд обглоданную кость.
 И думалось: по швам уже трещит столица,
 И, в падшую, в нее кровавый вступит гость...

...На следующий день я вышел в сумрак серый,
 Увидел на стенах белевшие листки, —
 Воззвание Сталина!.. И вздорною химерой
 Предстали призраки ночной моей тоски:
 Москва пошла на бой с неистребимой верой,
 Как знамена подняв лопаты и кирки!

Именно эти раздумья стояли за «историко-литературным» замечанием из письма к Манухиной, эвакуированной во Фрунзе (ныне Бишкек), от 13 декабря: «В Пимене что характерно? То, что он занимался своим летописным делом независимо от того, кто сидел в Москве: Грозный, Годунов, Гришка Отрепьев или королевич Владислав». Сообщая жене полтора месяца спустя о всплеске внимания к нему со стороны ГИХЛ, журналов и радио, Шенгели «конспиративно» писал: «Я говорил с другим моим издательством, и там в самые ближайшие дни решат, нужен ли еще я им здесь или нет: в первом случае мне категорически обещано весной (в конце марта) перевезти тебя сюда; во втором случае меня отпускают на все четыре стороны (из коих я выбираю одну, ту, где ты) и я уезжаю. <...> Мои издательские друзья, рассчитывающие меня использовать в качестве Пимена, ознакомились с моими литературными работами (Верхарном, Верленом, Гюго, с моими ненапечатанными поэмами); там нашлись люди очень понимающие в стихах (по-настоящему), и я наслушался самых горячих комплиментов плюс удивление: “да где Вы были? почему о Вас молчат?”. Я отвечал лаконически: “потому что сволочи”. — И вот: Чагин и проч. Здорово? Ну, пока не будем крепко ликовать; вот подпишу договор, получу деньги, — поликуем. Ах, Нинка, Нинка, крупную я поставил ставку и, кажется, выиграл».

Даже без знания подробностей чекистской интриги понятно, что душевное состояние Георгия Аркадьевича было тяжелым. Об этом говорят многие стихи — «Рассвет», «Одиночество», «Паника», протокольно точное «Подполье»:

Раннее послеобедая;
Мертвоснежный зимний день;
Вьет поземка, нету следа,
Нет прохожих; думать лень.

В доме пусто, в сердце пусто.
А у дальних переправ
Целый день подобье хруста:
Бьются, смертью жизнь поправ!

Ты огня не зажигаешь,
На диван не хочешь лечь,
Ты спиною осязаешь
Мертвокафельную печь.

Кто-то бьется, гибнет кто-то,
Кто-то воит. Ты — стоишь;
У тебя одна забота:
Затаиться точно мышь.

За тебя давно решили,
Всё решили без тебя;
Повинуйся ж мертвой силе,
В мертвом снеге взор знобя!

Для тебя найдется дело,
Только после, — погоди!
А пока — заледенела
Льдинка колкая в груди...

Или эпическое «Ожидание»:

Надвигается ночь. Надвигается ужас ночной.
Раскрывается с хрустом огромное пресное небо.
Повисает луна. Повисают под белой луной
Меловые ковриги небесного дутого хлеба.

Этот мертвый как проповедь, этот банальный пейзаж,
Эти хлебы скупые, подобие вялых баллонов,
Неотвязной, тифозною тяжестью давят. Глаза ж
Ищут знамений рдяных, и сердце стоит, захолонув.

И они возникают, и мне угрожают они
Безысходностью гибели, жадною хваткой измора...
И в громах тяжкоаморных серные сходят огни.
Я не знал никогда, что мой город зовется: Гоморра!

В 1945 г. автор включил их в рукопись сборника «Панцырь». Попробуем представить их опубликованными тогда...

Не знавший тайны старшего друга, Арсений Тарковский вспоминал:

«Начало войны. Все мои близкие уехали. Иногда я дежурю с Шенгели на крыше дома, где он живет, на 1-й Мещанской. Над Москвой с гудением бормашины летают “юнкеры”. Шенгели чувствует мое беспокойство и ведет со мной подчеркнуто спокойную беседу, чтобы мне легче стало жить на свете — под черным гудящим небом, ослепленным голубыми прожекторами, на крыше семиэтажного дома, в середине огненного кольца, зажженного вражескими летчиками вокруг Москвы.

Пламя — там красное, там — зеленое: горят склады “Лакокраски” на Красной Пресне. Лицо у Шенгели красивое и очень спокойное — не безучастным, а твердым спокойствием старого солдата, безусловно уверенного в том, что всё закончится нашей победой⁴⁹¹. <...>

— А какой у вас пистолет? Покажите-ка! — Брал пистолет, вынимал обойму, выбрасывал патрон из ствола, прицеливался в угол и щелкал.

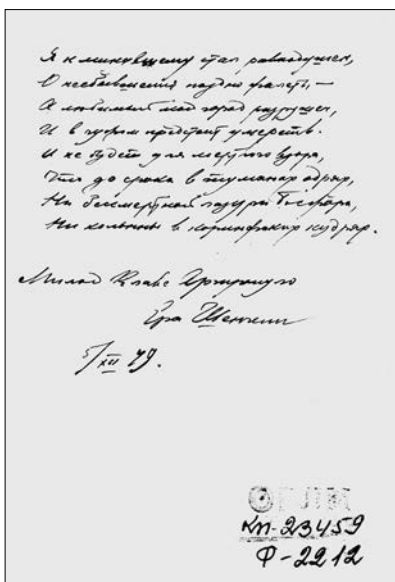
— Рука у меня не дрожит, смотрите, — правда? — Рука у него и в самом деле была тверда».

⁴⁹¹ «Я — “пожарник”, дежурил на чердаке, — записал Шенгели 4 июля 1941 г. — Странное чувство — “спокойная заброшенность”; ничуть не страшно»: ОР ГЛМ. Ф. 504. Оп. 2. Ед. хр. 23. Л. 30 об.

Твердость характера проявлялась и в мыслях о будущем, хотя они все чаще были невеселыми. «Ты снилась мне сегодня, — делился он с женой 25 ноября, — мы устраивали наш домик где-то на юге. Эх, эх, когда это будет? До судорог хочется юга, моря, мира, тишины, тебя. С двадцати лет до пятидесяти мыкаться по комнатам, с неустойчивым заработком, в зависимости от всяких Чагиных, в условиях чудовищных войн, в стеснениях карточной системы и пр., и пр.! Устал я до чертиков. И мало надежды прожить хотя бы последние годы достойно и в тишине. Ведь когда мы отобьемся от Гитлера, стране придется зализывать такие раны, столько восстанавливать, что литература, естественно, будет на последнем плане, а в ней на последнем плане окажутся переводы классиков и мои стихи, так что прожить будет нелегко. И все-таки, Нинка, уедем к теплому морю. Буду работать хоть учителем, лишь бы хлеб был. Надо мужественно признать свое поражение в борьбе за первоклассное литературное имя. Не вышло. Возложим надежду на “грядущие века” (хотя они, как сказал Байрон, “к подобному наследству не ревнивы”), а грядущие годы посвятим “тихой жизни”. Дописать книгу о стихе, доперевести “Дон-Жуана”, написать воспоминания, — и всё. И писать стихи “для себя”. Вот программа. Ну, я заскулил и на тебя навел тоску; прости. А все-таки — будем у теплого моря. Отпущу седую бороду и буду “пользоваться уважением сограждан” где-нибудь в Феодосии или в Алуште. И будем есть плав из мидий».

Через девять лет он вернулся к этой мечте:

Где-нибудь — белый на белой скале —
Крохотный домик в Еникале!..
Город в две улицы узким балконом
Выпятился над проливом зеленым;
Степь с трех сторон, а с четвертой — простор:
Ветер и зыбь, Киммерийский Босфор.
Здесь доживают в безмолвьи суровом
Площадь в булыжнике средневековом,
Замок турецкий и греческий храм,
И — старики... Хорошо бы и нам

Георгий Шенгели. Вторая половина 1940-х
Дарственная надпись Клавдии Аргиропуло-Кошке на обороте фотографии. 1949
Одесский литературный музей

Выискать белый, в проулке дремливом,
Крохотный домик над рыжим обрывом,
Стол под широким поставить окном,
Лампу зеленым покрыть колпаком,
Наглухо на ночь закладывать ставни,
Слушать норд-оста мотив стародавний,
Старые книги неспешно листать
И о Несбывшемся вновь поминать:
Очень подходит к томительной теме
Медленное — по-еникальски — время...

Взятие немцами Керчи стало для Георгия Аркадьевича личной трагедией. «В газетах были ужасы про Керчь», — писал он жене 9 января 1942 г. — Там расстреляно около 7 тыс. человек. Несчастный мой город. Уцелел ли Васька <Фрейберг>? От Федьки <Аверкиева> из Ростова ни звука. Исчез Шурка <Станиславский>.

Встретимся ли еще?» «Жена Фрейберга писала нам после первого освобождения Керчи, что “это — ужас, который описать нельзя”. Что с ними потом стало — не знаю. Федька Аверкиев с семьей уцелел в Ростове при первых немцах, а где он и его семья сейчас — неизвестно», — сообщила Нина Леонтьевна Ладе Руставели 22 января 1943 г.⁴⁹² Друзья детства пережили многое, но спаслись.

Испытания военной зимы сорвали «маску со многих рож и рыл», знакомых и даже друзей, о чем Шенгели часто писал жене в первые месяцы 1942 г. Ланн уехал в эвакуацию, оставив в Москве Кривцову, с которой находился в длительной размолвке, в расчете на друзей. «Родной мой, не оставляй Алю без помощи. Умоляю тебя об этом», — заклинал он Шенгели 12 декабря 1941 г. из Ашхабада⁴⁹³. Их общий знакомый Сигизмунд Кржижановский «был весьма неприятно удивлен, узнав, что Ланн уехал один, без Али» (9 января). «Получил от Женьки Ланна открытку (соизволил), не без яда: благодарит, что я “хоть издали” надзираю за Алей»⁴⁹⁴. Интересно, что она ему нажужжала. Отвечать не буду; вообще, бестрепетно и беспощадно буду рвать ставшие ненужными отношения: довольно на мне поездили разные “друзья»» (19 марта). «Шкапская решительно и проворно примкнула к “патриотам 16-го октября”, улепетывавшим из Москвы, — хотя из нее вышла бы неплохая противотанковая надолба, — и смылась в Куйбышев, где и пребывает» (19 февраля). «Получил открытку от <Эзры> Левонтина. “Милый”, “мы, близкие друзья” и тому подобные заигрыванья. Видимо, что-то надо. Полгода молчал, пока вспомнил. Я решил не отвечать» (10 февраля). «<Алексей> Чичерин имел наглость предложить обменять квартиру на его комнату, так как теперь мне “всё равно”!! Я его с треском выставил. Жулик и хам, и паразит вдобавок» (15 марта). «Сегодня в Союзе подполз ко мне <Сергей> Бонди. Я уезжаю, — так нельзя ли

⁴⁹² РГАЛИ. Ф. 2180. Ед. хр. 330. Л. 9.

⁴⁹³ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 165. Л. 6.

⁴⁹⁴ «Спасибо тебе, родной, за то, что, хотя бы издали, надзираешь за Алей», — писал Ланн Шенгели 27 февраля 1942 г. из Омска, «где ты жила когда-то»: РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 165. Л. 7.

ему поселиться в моей квартире! Я спокойно, без объяснений, сказал: “нет, не выйдет”. — Не понимаю: неужели я кажусь таким остолопом, что каждый жулик надеется меня облапошить?» (21 марта).

Впрочем, в общении с большинством людей Шенгели был неизменно корректен и осторожен. «Я вообще не слышал, — вспоминал Евгений Ковский, — чтобы он о ком-либо отзывался плохо, в злобных тонах. Если он кого-нибудь недолюбливал или не уважал, то предпочитал избегать разговора о таком человеке; в крайнем случае, приводил — чувствовалось, что со стенографической точностью — характерный факт или эпизод и предоставлял собеседнику самому делать выводы. И, как правило, больше к этому предмету не возвращался».

Несмотря на критическое положение, журналы продолжали выходить. В сдвоенном № 11/12 «Интернациональной литературы» за 1941 г., появившемся в начале 1942 г., опубликованы 4 перевода Шенгели из сборника Верхарна «Алые крылья войны»⁴⁹⁵ (1915), который приобрел политическую актуальность. «В “Интернациональной литературе” пойдут три вещи Верхарна; кое-что пройдет на радио и значительная доля, кажется, в Воениздате отдельной брошюрой», — сообщил он Нине Леонтьевне 6 февраля 1942 г., но рано радовался. «Я в начале войны перевел по предложению т. Чагина маленькую, в два листа, книжку военных стихов Верхарна, абсолютно созвучных событиям наших лет. Книжка осталась неизданной, — жаловался Шенгели в 1945 г. в главную редакцию ГИХЛ. — Предпочли “заморозить” деньги и не дать Верхарну влить свой голос в нашу борьбу, лишь бы еще раз наступить мне на ногу»⁴⁹⁶.

Москву не сдали, и «другому издательству» Шенгели не понадобился, о чем 24 февраля радостно сообщил жене: «Ну, моя родная, свершилось: отпустили крестьян на свободу, правда, не 19, а 23 февраля, но все-таки. Мне разрешено покинуть Москву и ехать, куда хочу. Я хочу к тебе и еду». Он, наконец, добился заключения

⁴⁹⁵ В издании 1935 г. сборник представлен переводами Брюсова и Волошина.

⁴⁹⁶ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 129. Л. 20.

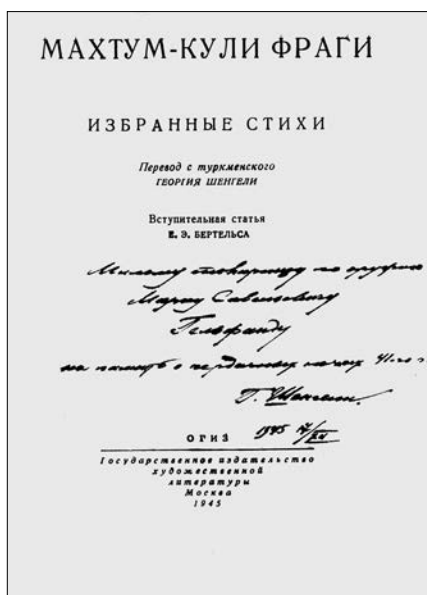
договора на «Дон-Жуана», сдал первые две песни в Гослитиздат и 29 марта отправился во Фрунзе, оставив квартиру на попечение Сергея Малашкина, с которым часто общался в первую военную зиму. «Странное у меня сейчас и скомканное настроение, — писал он 19 марта. — Крутой перелом в жизни; снова странничество; и “дом” там, где ты. Перебираю многое в памяти, за многое себя строго сужу, принимаю решения, обдумываю жизненную тактику. Знаешь, сквозь всю тягость отрыва от тебя, отчасти хорошо (в личном плане), что так вышло. Мне кажется, сейчас произошла окончательная проверка нас с тобой, и вышло, что “ин побредем”. Да, Нинка?»

Позади остались «бомбежные ночи на чердаке нашего дома», которые он вспоминал в дарственных надписях на «Норде» и «Избранных стихах» туркменского классика Махтумкули «милому товарищу по оружию Марку Савельевичу Гельфанду» — соседу-журналисту, вместе с которым ждал немецких налетов и тушил «зажигалки»⁴⁹⁷. «Очень образованный человек, прекрасный лингвист, — писал о нем Шенгели жене 10 апреля 1943 г. — Он пришел в восторг от “Дон-Жуана” и собирается писать обо мне для английской и американской прессы, “с бытовыми чертами”: холод, бомбежки, а я сижу и сверхблизким почерком записываю переведенные строки».

Эти же воспоминания — в пронзительной концовке «Блерио»:

Тридцать лет миновало...
я, седой и согбенный,
прочитавший все книги,
Повидавший поэтов,
кардиналов, министров,
девок и палачей, —
Вспоминаю то утро
со стыдом недоучки
и с презреньем расстриги,
Выходя на дежурство
под железное небо
бомбометных ночей.

⁴⁹⁷ ВЭМ.

Инскрипт Георгия Шенгели Марку Гельфанду на титульном листе книги Махтум-кули Фраги «Избранные стихи» (1945)

18 июля 1945 г. Шенгели писал Всеволоду Рождественскому, что хотел бы посвятить «Блерию» ему: «Ибо ты тоже, наверное, переживал в юности нечто подобное»⁴⁹⁸. Стихотворение было полностью напечатано только в 1989 г., но «контрабандой» проникло в печать — правда, всего несколькими строчками — в 1960 г. в «Технике стиха».

10 марта 1942 г. Шенгели узнал о смерти Игоря Северянина в оккупированном немцами Таллинне. «Не пришлось нам свидеться! 25 лет назад мы с ним простились на харьковском вокзале (как раз в марте 17 г., на второй или третий день революции) и — оказалось — навсегда. — Умерли все мои любимые поэты: и Макс, и Осип, и Игорь. Никого нет», — грустно писал он жене два дня спустя. Еще через три дня появились стихи:

⁴⁹⁸ О Всеволоде Рождественском. Воспоминания. Письма. Документы. Л., 1986. С. 172–173.

Милый Вы мой и добрый!
Мою Вы пригнали молодость
Сначала просто любезностью,
Там — дружбою и признанием;
И ныне, седой и сгорбленный,
Сквозь трезвость и сквозь измолотость,
Я теплою Вашей памятью
С полночным делюсь рыданием.

Вы не были, милый, гением,
Вы не были провозвестником,
Но были Вы просто Игорем,
Горячим до самозабвения,
Влюбленным в громокипящее,
Озонных слов кудесником, —
И Вашим дышало воздухом
Погибшее мое поколение!..

II

По приезду во Фрунзе, в конце апреля 1942 г. Шенгели заболел сыпным тифом. «3 мая был доставлен в тяжелом состоянии в госпиталь, — сухо зафиксировал он в дневнике, — температура поднималась до 41,4°; проф. <доцент> Фланчик считал меня безнадежным; было несколько часов коллапса; потом начался энцефалит. К середине мая, однако, t° стала нормальной, и 27/V выписался. Вес — 62 кг (вместо 88)»⁴⁹⁹. Пережитое он описал в стихотворении, от которого даже привыкшего к шенгелиевской манере читателя может взять оторопь:

Так умирают. Широкая мокрая площадь;
Небо как будто Некрасов слезливо и тускло;
Очередь в трóллейбус; ветер подолы полощет;
Толстый портфель избурился под мышкой как мускул.

⁴⁹⁹ Цит. по примеч.: *Иноходец*. С. 489.

Где-то далёко колотит в комод канонада;
Это привычно, хотя до сих пор неуютно.
Долгая очередь... Мне же на лекцию надо!..
Небо как Надсон: фальшиво, слезливо и мутно.

Посвист и фыркание в дымной выси над музеем:
Видно, идет самолет с неисправным мотором;
Мы равнодушно в безглазое небо глазеем,
Мы... вдруг удар... и сверкающий столб... на котором...

В спину ладонью толкнуло громадной и слабой;
Под носом радуги в мокром асфальте играют;
Толстый портфель мой по слякоти шлепает жабой;
Рядом — безглавая женщина... Так умирают...

Так умирают... Холодная синяя ванна;
Женщина моет меня, мне не стыдно ни капли;
Бритва тупая дерет мне затылок, и, странно:
Кажутся сладкими мыльные синие кафли.

Дальше меня по стеклянным ведут коридорам;
Зябко в халатике из голубой бумазейки;
Комната, койка; я — под одеялом, в котором
Быстро бегут к пояснице горячие змейки.

Я понимаю: я болен и очень серьезно;
Скоро ль вернусь я к моим стиховым теоремам?
Я умираю, и тут разговаривать поздно...
Синие кафли... как вафли... с фисташковым кремом...

Мне говорят: «Вы неделю без пульса лежали»;
Мне улыбается Нинка, мне дверь отворяют...
Синее небо! Прозрачные горные дали!
Значит, не умер я! Странно: ведь так умирают...

«У Ёрки уже на 9-ый день, без кризиса, был коллапс — спасли вливанием глюкозы и впрыскиванием кофеина, но положение было безнадежное, — сообщила Нина Леонтьевна 16 июня Ладе Руста-вели. — Потом стало немного лучше, и тут осложнение на мозг —

энцефалит. В общем, профессор, который его лечил, говорит, что “при такой тяжелой форме тифа выживает один на десять тысяч. Я считал, что после коллапса он протянет 2, максимум 3 дня. Случай был абсолютно безнадежный: полное истощение нервной системы, очень плохое сердце и надорванный голодовкой организм — надежды не было никакой. Так что считайте, что ваш муж вернулся с берегов Стикса, в полном смысле этого слова”⁵⁰⁰.

Эвакуированный во Фрунзе Евгений Ковский вспоминал:

«Нина Леонтьевна остановила меня на улице.

— Вы знаете, Георгий Аркадьевич приехал!

Внешний вид ее никак не соответствовал радостному смыслу этих слов: глаза у нее были красные, и веки набухли — то ли от слез, то ли от бессонницы. Предчувствуя что-то неладное, я осторожно спросил:

— Значит, вас можно поздравить?

— Вот именно — поздравить! Он лежит в инфекционной клинике. Сыпной тиф...

Голос ее сорвался, губы по-детски жалобно дрогнули. И я вдруг отчетливо, физически ощутил, что она растрчивает последние душевные силы, чтобы удержаться на пределе напряжения — не разрыдаться вот здесь, на перекрестке улиц. Это было трудно вынести — мне не раз уже приходилось убеждаться, что Нина Леонтьевна очень мужественный человек: она никогда не жаловалась на житейские невзгоды, хотя их в то время было немало, и если рассказывала о своих неудачах и огорчениях, то только в шутливой форме, как бы посмеиваясь над собою. Отчаянье таких людей действует сокрушительно.

— Вас пускают к нему? — спросил я тоном прокурора-мизантропа.

Это подействовало. Она ответила уже спокойнее:

— Нет. Иногда мне удается увидеть его через окно. Но это трудно — окно высокое.

⁵⁰⁰ РГАЛИ. Ф. 2180. Ед. хр. 330. Л. 7.

Нину Леонтьевну, как говорится, бог ростом не обидел. И чтобы хоть немного отвлечь ее от мрачных мыслей, я пошутил:

— Ну, если для вас высоко, значит, это не ниже второго этажа.

Но и самому лезли в голову не очень веселые мысли. Знает ли Нина Леонтьевна, что с сыпным тифом может бороться лишь здоровое сердце, неизношенная нервная система? Я прикинул мысленно, сколько, примерно, может быть лет Георгию Аркадьевичу: вывод напрашивался неутешительный.

В то время, по роду моей работы (специальный корреспондент столичной газеты «Медицинский работник». — В.М.), мне был открыт доступ во все медицинские учреждения. Но предпринять что-нибудь немедленно было невозможно — уже приближался вечер.

На следующий день мы вместе отправились в больницу. Нина Леонтьевна заняла свой наблюдательный пункт у окна, куда заблаговременно притащила два кирпича, я вошел в клинику.

Георгию Аркадьевичу отвели единственную в клинике отдельную палату: в условиях жестокой нехватки коек это была дань уважения к поэту.

Он был в сознании. Не осталось и следа от грузного (и, как мне тогда почему-то казалось, очень благополучного) человека, с которым я столкнулся пять лет тому назад в Гослитиздате⁵⁰¹. На койке лежал, хотя и наголо остриженный, хотя и изможденный болезнью, всё тот

⁵⁰¹ Описание этой встречи: «Я пришел в Гослитиздат — надо было поговорить о порученном мне переводе книги французского писателя. В огромной комнате стояло не меньше десяти столов, и столько же редакторов, склонившись над рукописями, шелестели страницами. Я обратился к грузному человеку, сидевшему за первым от двери столом — назвал себя и сказал, что мне нужен редактор имярек. Грузный человек с неожиданной легкостью встал со стула, протянул мне руку и очень вежливо представился:

— Шенгели.

Заметив, должно быть, мою растерянность, он истолковал ее по-своему:

— Вы у нас, вероятно, первый раз? Здесь легко запутаться. Пройдите по коридору направо, до самого конца — последняя дверь налево.

Он поощрительно улыбнулся мне и снова углубился в рукопись.

же молодой поэт с высоким лбом мыслителя и горячими черными глазами кавказца — воина и мечтателя. С остротой необычной я вспомнил свою юность.

Тяжело больного утомлять разговором не положено. Да и о чем можно было говорить с человеком, который, естественно, давно забыл меня — когда-то мелькнувшего в поле его зрения и через минуту канувшего в небытие? Мне оставалось лишь выполнить поручение Нины Леонтьевны — узнать, как он себя чувствует и в чем нуждается.

— Вы, Георгий Аркадьевич, меня не знаете... я — по поручению Нины Леонтьевны... — неуверенно начал я, но он с живостью прервал меня:

— Помилуйте, как же не знаю! Ведь вы приходили в Гослитиздат...

Он назвал мою фамилию и книгу французского писателя, которую я переводил. Я был так поражен этой феноменальной памятью, над которой не имела власти и тяжелейшая болезнь, что не нашел слов для ответа. А Георгий Аркадьевич, то и дело облизывая пересохшие, потрескавшиеся губы, помолчав, снова заговорил, но уже потускневшим голосом:

— А жене скажите, что всё... замечательно.

— Как вы чувствуете себя?

— Прекрасно. Как... как тореадор перед боем быков. Только вот... темнотка! Вы понимаете, эта темнотка...

У меня упало сердце.

— Темнотка?!

— Да. Она приходит неслышно... всё время вертится...

И начался бред, тифозный бред.

Я шел по коридору — направо, до самого конца — испытывая уже не растерянность, а недоумение и щемящую грусть: "Значит и моя молодость прошла? Ну и пусть... Но какое право он имел растолстеть!"

Встреча эта длилась не больше минуты, и видел меня Шенгели первый раз в жизни».

(Автор ранее видел Шенгели на литературных вечерах в Одессе в начале двадцатых годов.)

В профессорском кабинете состоялся краткий разговор:

— Как, по-вашему, Шенгели переносит болезнь?

Профессор, еще довольно молодой для своего звания человек, молчал довольно долго. И, наконец, неохотно проронил:

— Вы же понимаете, Евгений Николаевич, больному — за сорок, организм очень истощен... Сами видели, есть осложнения со стороны нервной системы...

— Ну, а прогноз? Прогноз?

Профессор развел руками. Но заметив, какое впечатление произвел этот жест, с неожиданной энергией прибавил:

— Сделаем всё, что можем. А современная медицина может немало — уверяю вас. В общем, вытянем.

И действительно, сделали, как видно, всё, что могли. И вытянули Георгия Аркадьевича, отбили у курносой».

«Отбить»-то отбили, теперь его надо было «выходить». «Бегаю целые дни в поисках комнаты отдельной, — сообщала Манухина Ладе Руставели. — Ёрке нужен покой, а в нашей проходной, без дверей, конурке — радио у хозяев вопит с 7 утра до 2-х ночи, и тут даже здоровый человек к вечеру накаливается и шалееет. <...> Надо на барахолке продавать вещи, т. к. Ёрке нужно усиленное питание, а здешний Союз отвалил 250 р. ссуды и всё!!! А когда пришлют по больничному листу из Литфонда московского — Аллах и тот не ведает! <...> У Ёрки сейчас еще плохо с глазами — мелькание и голова кружится от яркого света; со слухом и того хуже: он оглох немного и в то же время ему больно и неприятно от многих голосов — всё это остатки энцефалита. <...> Но всё это — пустое: главное, что он жив!»⁵⁰²

«Мы с Шенгели оказались почти соседями, — вспоминал Ковский, — а это имело в то время немалое значение, так как никакого транспорта в городе не было. Виделись мы довольно часто. Прошло шестнадцать лет, но словно это было вчера, помню во всех подробностях довольно большую, темноватую комнату с низким потолком.

⁵⁰² РГАЛИ. Ф. 2180. Ед. хр. 330. Л. 7.

Мария Владимировна, мать Нины Леонтьевны, старушка с нимбом серебряных волос — тишайшая и даже в движениях подкупающе деликатная — колдует у “буржуйки” над “царским угощением” — картошкой в мундирах; мы с Георгием Аркадьевичем и Ниной Леонтьевной сидим у крошечного столика (он же — обеденный, он же и письменный стол); а из угла, положив голову на вытянутые лапы, не спускает с нас человеческих глаз Индус — темно-серая, поджарая овчарка (привезенная из Москвы. — В.М.), которую Георгий Аркадьевич нежно называл “почти членом семьи”. И течет хорошая долгая беседа обо всем. <...>

Перенесенная болезнь, как будто, прошла для Георгия Аркадьевича бесследно: напоминали о ней только худоба, да чуть заметная желтизна на щеках. Каюсь, мне было приятно, что с довоенной полнотой покончено. Он много работал, принимал участие в жизни писательской организации, немножко помогал женщинам по хозяйству. Человеку, увидевшему его впервые, и в голову не пришло бы, что он “вернулся с того света”. Но, думаю, тиф произвел в нем непоправимые разрушения, которые сказались через несколько лет и были причиной его сравнительно ранней смерти. <...>

Характерно было отношение Георгия Аркадьевича к детям. В обращении с ними он никогда не прибегал к сюсюканью или покровительственному тону, не проявлял того преувеличенного интереса к их делам, который скрывает полное отсутствие такого интереса. С моим восьмилетним сыном (будущим литературоведом Вадимом Ковским. — В.М.) он разговаривал как с равным, так умело, незаметно, принаравливаясь к его кругозору, что мальчик очень быстро освободился от оков застенчивости и делился с ним своими мыслями, как с товарищем. Узнав, что мой сын уже не только свободно читает, но и изрядно привержен к чтению, Георгий Аркадьевич подарил ему редкую в то время книгу Ф. Купера “Последний из могикан”, а вскоре после этого и поэму своего ученика Хаида Алимджана “Зейнаб и Аман”, сопроводив этот подарок очень теплой надписью. Это внимание взрослого человека и поэта пробудило в сыне повышенный инте-

рес к поэзии — в течение нескольких лет он и сам пытался выражать в стихах свои мальчишьи думы и настроения, пока не понял, повзрослев, что скачка на Пегасе — не его удел»⁵⁰³.

Поначалу Шенгели хорошо работалось. Он закончил перевод «Дон-Жуана» и написал много новых стихов, часто обращаясь к жене:

Нам всегда хотелось «иначе»,
 Нам сквозь «это» виделось «то»;
 Если жили просто на даче,
 То шутили: живем в шато...
 ...Вянет месяц над Самаркандом,
 Синей влагой залив бассейн;
 Это «в Кóрдове по верандам
 Лунной ночью гулял Гуссейн».
 Летом пил ты бузу наверно,
 Но и в трезвом напитке хмель:
 «Замечательная таверна!
 Превосходный шотландский эль!»

Нина Леонтьевна отвечала: или это он ей отвечал? — мы не знаем точных дат.

В швейцарском глухом городишке
 Пожить бы вдали от тревог,
 Бродить, не зная одышки,
 По скатам горных дорог...
 ...Так мне снится... А в жизни — знаю! —
 Ни на миг нам не ускользнуть
 В тот уют: по самому краю
 Непокоя пролег наш путь...

По стихам, написанным во Фрунзе, может показаться, что трагическое напряжение осени и зимы 1941/42 г. прошло. Но не на-

⁵⁰³ В мемуарах Вадим Ковский коротко упомянул общение отца с Шенгели: *Ковский В.* Уплывающие берега, или Время вспоминать... Опыт рефлексии. СПб., 2014. С. 33–34.

долго — появляются «Мы живем на звезде...» или «Портрет Дорiana Грея»:

Я — тот портрет. Гуляет где-то
Нетленный мой оригинал,
Чтобы у пленного портрета
Свинцовел взор, и рот ветшал.

Чтобы морщины по межбровью
Густели сетью паука,
Чтобы стыдилась — мутной кровью
Запечатленная рука.

Но пусть пылюсь я, пусть хладею,
Пусть увядаю день за днем, —
Лишь он носил бы орхидею
На фраке девственном своем.

Лишь он бы, низкий и жестокий,
Мог вольным быть, как не был я,
И не вонзил бы эти строки
В себя — взамену лезвия!

В печати «спроса» на лирику — тем более, на *такую* — не было. Шенгели читал ее в «салоне» филолога Ирины Бах, дочери академика-химика Алексея Баха, бывшего народовольца, которому в 1945 г. подарил переводы из Махтумкули «на память о фрунзенских днях с самой искренней признательностью»⁵⁰⁴.

Вдалеке от Москвы трудно было противостоять издательским интригам, застопорившим издание «Дон-Жуана», перевод которого предполагалось выпустить в нескольких книжках. «К осени 1943 г. <я> работу сдал, — напоминал Шенгели руководству Гослитиздата два года спустя. — Она принята — к великому неудовольствию З.М. Гильдиной, которая имела смелость заявить мне, что она “не хочет иметь к этому делу никакого отношения”, так как я действовал “через ее голову” (договор был заключен весной 1942 г. в ее отсут-

⁵⁰⁴ ВЭМ.

Инскрипт Георгия Шенгели Алексею Баху на титульном листе книги Махтум-кули Фраги «Избранные стихи»

ствие. — В.М.)»⁵⁰⁵. 19 июля 1943 г. он просил Владимира Лидина похлопотать о хотя бы частичной журнальной публикации: «Может быть, “Новый мир”, наиболее кислородный из наших журналов, учитывая литературное, культурное и политическое (война! союзники!) значение такой публикации, отважится напечатать: либо всё; либо какую-нибудь из песен или группу оных; либо, наконец, экстракт всего романа, так чтобы и сюжетная линия, и “авторский аккомпанемент” в основных частях, полностью были ясны читателю»⁵⁰⁶.

«Наиболее кислородный» журнал интереса к «Дон-Жуану» не проявил, текущих заработков не хватало, накоплений не было, а из Москвы деньги шли месяцами. «Я начинаю серьезно подумывать о возвращении, — делилась Манухина в январе 1943 г. с Ладой Руставели, — т. к.

⁵⁰⁵ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 129. Л. 19.

⁵⁰⁶ РГАЛИ. Ф. 3102. Оп. 1. Ед. хр. 1070. Л. 2.

здесь жить не на что — всё продали: все мои платишки, простыни, туфли, Ёркины костюмы, летнее пальто, мамины вещи — вообще больше нечего продавать — осталось только то, что на нас надето: в фиговом листке не походишь»⁵⁰⁷. Были и другие причины, о чем рассказал Ковский.

«Жизнь не обтесала характера Шенгели, не согнула его непримиримости к компромиссу. Союз писателей Киргизии поручил ему составить и отредактировать сборник рассказов, очерков и стихов о Москве. Он взялся за это дело с большим рвением, затратил на него много времени и энергии. И вот, наконец, сборник готов. Георгий Аркадьевич понес его к некоему товарищу, партийному работнику, на утверждение. Он готов был к возможным возражениям по содержанию сборника, к полемике, к “драке” за каждую вещь, отобранную им с сознанием своей высокой ответственности. Но того, что произошло, он не ожидал. Товарищу оказался не из очень умных — свои права и обязанности понял несколько своеобразно: прочитать сборник не нашел нужным — просто пробежал глазами по оглавлению и, ухватив увесистый карандаш, вычеркнул две фамилии.

— Этих авторов мы не знаем. Они здесь ни к чему.

— Позвольте! — удивился Георгий Аркадьевич. — Ведь я составлял сборник не по чинам. Хороший очерк и хорошие стихи. Оба автора — литераторы, часто печатаются...

— Не надо. Тут и без них достаточно материала. Останутся только члены писательской организации.

Георгий Аркадьевич встал и церемонно поклонился — церемонность всегда появлялась в нем, когда он приходил в ярость:

— В таком случае, прошу не считать меня составителем и редактором сборника. Всего хорошего».

В поисках заработка Шенгели вспомнил времена «Платона Коврова» и в январе—марте 1943 г. публиковал в «Советской Киргизии» фельетоны в стихах на военные темы — обычно за подписью «сержант Снайперенко» (коллективный псевдоним, использовавшийся в раз-

⁵⁰⁷ РГАЛИ. Ф. 2180. Ед. хр. 330. Л. 9.

«Окно КИРТАГ» с текстом Георгия Шенгели. РГАЛИ

ных газетах). В архиве автора сохранились 10 вырезок и два «Окна Киртаг» с его текстами⁵⁰⁸. Приведу выбранный почти случайно фельетон «Креп-разверстка» из номера за 6 февраля:

В Германии по случаю гибели немецкой армии под Сталинградом установлен трехдневный траур.
Под Сталинградом взято в плен двадцать четыре генерала.

Для фрицев грандиозным склепом
Стал Сталинград,
И Гитлер с Геббельсом спешат
Германию окутать черным крепом;
Чтоб все ходили, голову клоня,
Объявлен траур на три дня.
Выходит — три часа на генерала

⁵⁰⁸ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 91.

(Что ж, для немецкого, замечу вскользь, немало).
Но если траур по чинам делить,
То сколько же придется «получить»
Ефрейтору? Не более минутки.
И то не всякому: когда убийца жуткий
Ефрейтор Гитлер связанным пойдет —
Не будет траура совсем! Наоборот:
Тогда в Европе, наконец свободной,
Сверкнет огнями праздник всенародный.

Шенгели рвался в Москву, чтобы заняться устройством впрок послевоенной жизни. Требовалось сохранить квартиру, обеспечить себя работой и гонорарами на несколько лет, «оформить» свое положение в науке в качестве стиховеда и Манухиной в литературе в качестве переводчика. «Спешно собирала Георгия в Москву: у нас отбирают квартиру, — сообщила Нина Леонтьевна 20 марта 1943 г. Ладе Руставели, оправдываясь за долгое молчание. — Выехать было очень трудно из-за нашего полного безденежья, и мне пришлось много померзнуть, прежде чем собрали на дорогу: вещи сейчас продаются невероятно трудно. Выручил нас один друг, и Ёрке есть на что доехать и что есть в дороге, ну а в Москве нам “милый” Чагин должен столько, что на год хватит!!»⁵⁰⁹

В первом письме из столицы 23 марта Георгий Аркадьевич извещал жену о визите в Гослитиздат: «Чагин очень любезен; немедленно принял привезенные песни <“Дон-Жуана”>; договор на них и на остальные заключит между 1 и 5 апреля. <...> Гильдина любезна, сказала в ответ на мою шутку, что я “выздоровел и еще лет десять буду надоедать”, — “творите” (!) и пр. Видимо, что-то (м. б. дядя⁵¹⁰) оказало вновь свое влияние. Я заговорил о своей книге (стихи) к предстоящему юбилею (50 лет в 1944 г. — В.М.); Чагин сказал: “давайте рукопись, вполне возможно”».

⁵⁰⁹ РГАЛИ. Ф. 2180. Ед. хр. 330. Л. 12.

⁵¹⁰ «Другое издательство»?

«После нашей беженской собачьей будки, где холод, мрак и плесень от сырости, вместо обоев, — ему всё кажется прекрасно, уютно и светло», — суммировала Манухина вести от мужа 6 апреля в письме к подруге «Ладке», посетовав: «Так я устала от беженского бытия, что эти полтора года состарили меня на двадцать лет. Да и тоска здесь! Боже какая тоска! Ведь людей здесь, с которыми можно было бы общаться и находить общие темы для разговора, — нет; живешь, как на необитаемом острове. Единственный оазис был воскресники у Бахов, но в мае, вместе со всеми институтами, Академия переводится в Москву, и даже эта отдушина исчезнет»⁵¹¹.

В мае 1943 г. Высшая аттестационная комиссия присвоила Шенгели звание профессора, но от хлопот об ученой степени он, поразмыслив, отказался. «С докторской степенью дело, кажется, будет сложным, — сообщил он жене 27 марта. — Механизм такой: степень присуждает Высшая аттестационная комиссия, — но опираясь на мнение экспертной комиссии филологов. В последней — “друзья”: Винокур, Бонди, Томашевский и некоторые другие, которые меня не знают. Я говорил с Томашевским. Он отнесся кисло; на прямой вопрос — поддержит ли он меня — ответил: “да, конечно”, но тут же пустился в описание всяческих волокит и трудностей формально-канцелярского порядка, говорил, что дело потребует не менее полугода». Нину Леонтьевну приняли в Союз писателей, однако новой работы по завершении «Дон-Жуана» в Москве не предвиделось.

Перспективы публикации оригинальных стихов оставались неясными, но Шенгели с радостью писал жене: «Был у меня Беленков (мой студент) <А.В. Белинков>. Говорил, что я сейчас “так же популярен, как Пастернак, у лучшей, культурнейшей части молодежи”, что мой “Норд” ходит в списках за невозможностью достать книгу; что за “Избранные стихи” платят по 100 р. (при «госцене» 4 руб. 75 коп. — В.М.)!!! Ну-ну! Поистине не знаешь путей своих. Что-то вроде судьбы Верлена, вынырнувшего в конце 80-х гг. из полной неизвестности и внезапно ставшего кумиром!! Я осторожненько

⁵¹¹ РГАЛИ. Ф. 2180. Ед. хр. 330. Л. 13.

проверил Беленкова; он знает, действительно, наизусть почти всего “Пиротехника” и кучу лирики» (5 мая).

«Популярность» могла оказаться опасной. 15 февраля 1944 г. следователь спросил арестованного двумя неделями ранее студента-дипломника Литературного института Аркадия Белинкова о знакомстве с нашим героем. «С Шенгели познакомился в 1940 г. в Литературном институте, где он вел творческий семинар, — отвечал тот. — До этого я заходил к нему с целью получить от него отзыв о моих литературных способностях. Этот отзыв мне был нужен для поступления в Литературный институт. По рекомендации Шенгели я был принят в институт. В 1941 г. Шенгели уезжал из Москвы, и до лета 1943 г. я с ним не виделся. Летом <так!> 1943 г. Шенгели приезжал в командировку и заходил ко мне на квартиру. В это время он читал мой роман “Черновик чувств”». Написанный в качестве дипломной работы роман инкриминировался автору как антисоветское произведение, что вызвало следующий вопрос: «Какие замечания сделал Шенгели по части ваших антисоветских взглядов в этом романе?» — «На эту тему я с Шенгели не разговаривал», — последовал ответ. Белинков показал, что в апреле 1943 г. «создал литературный кружок, который существовал не больше месяца»: Шенгели дважды побывал там и читал стихи⁵¹². Автора «Черновика чувств» осудили и отправили в лагерь, но преподавателей не тронули.

«Я писал тебе, — продолжал Георгий Аркадьевич рассказывать жене 16 мая, — что молодежь переписывает мой “Норд” (за невозможностью достать книгу: она, изредка, попадает у букинистов и продается по 75—80 руб.); Антокольский на днях, как мне рассказывали, устроил громовой скандал Казину, составителю “Антологии русской советской поэзии”⁵¹³ (и редактору «Избранных стихов»

⁵¹² Белинков А.В. Россия и черт. Роман. Рассказы. Пьеса. Допросы. СПб., 2000. С. 101—106.

⁵¹³ Сборник стихов. Стихи советских поэтов. Сост. В. Казин, В. Перцов. М., 1943. 576 с. И после этой книги стихи Шенгели при его жизни не были включены ни в одну из антологий.

1939 г. — В.М.) за то, что он не поместил там моих стихов, и грозился писать об этом в ЦК; куча белорусских поэтов вчера в клубе подошла ко мне знакомиться и именovala меня мэтром и учителем, говоря, что мои учебники и “Избранные <стихи>” являются у них настольными книгами; в библиотеке ССП мне сказали, что “Маяковский во весь рост” усиленно читается, равно как и последние сборники. Удивительно. Прямо — верленовская судьба» (16 мая).

Однажды Георгию Аркадьевичу принесли книжечку «Избранных стихов», насквозь простреленную немецкими пулями. Ее нашел капитан Горячих в вещевом мешке бойца, убитого под Уманью. По свидетельству жены, автор говорил: «Это — мой орден, единственный. Но будь их у меня десятки — *им* я гордился бы больше всего»⁵¹⁴. Этот томик хранится в Музее книги РГБ.

На передовой звучали и его переводы. «В “Известиях” от 17/III, — делился Шенгели с женой 19 марта 1942 г., — есть подвал “Атака”, где рассказано, как капитан Чернецкий (правильно: лейтенант Черняцкий. — В.М.) читает бойцам моего Байрона («синенькая книжка поэм», у которой «на обложке оттиснут серебряный парусник». — В.М.), как те “очарованы силой этих строк”, и как смертельно раненный Чернецкий, умирая, повторяет одну строчку. Не знаю, выдумка ли это журналиста (последняя деталь), но меня это сильно взволновало». Об этом он вспомнил и через десять лет, защищая свою работу от наветов: «В очерке П. Никитина, описывающем один из боев на Южном фронте, рассказано, с цитатами стихов, как перед боем лейтенант читает бойцам байроновского “Корсара” в моем переводе, а после боя умирает, произнося строку отсюда: “Смерть не страшна, коль рядом гибнет враг”. Значит, мой Байрон “доходил до широкого читателя” и в такой обстановке, как боевая»⁵¹⁵.

⁵¹⁴ Письмо Н.Л. Манухиной к И.И. и Е.В. Пузановым (28 февраля 1958).

⁵¹⁵ Критика. С. 216; Никитин П. Атака // Известия. 1942. № 63 (7749). 17.03. С. 3.

«Доходил» и Гюго, о чем Шенгели с гордостью сообщил жене 27 марта 1943 г. из Москвы: «Сегодня один лейтенант, с которым я разговорился в трамвае, рассказал мне (меня не зная), что у них в части с восторгом читали “Искупление” Гюго в моем переводе: “Вот если б наши поэты так умели писать!” — Приятно!» Возможно, собеседник имел в виду эти строки, переведенные еще перед войной, но приобретшие новое, злободневное звучание:

Шел снег. Стал гибелью недавний путь победный.
Впервые голову орел понурил медный.
Рок! Император брел и грезил наяву,
Покинув позади горящую Москву.
Шел снег. Зима на мир обрушилась лавиной:
Равнина белая за белою равниной.
Ни командиров там не видно, ни знамен.
Уже ни центра нет, ни флангов, ни колонн...
О, ганнибалов рок! Аттилы судный день!

Верлен вспомнился еще и потому, что в работе у Георгия Аркадьевича была книга переводов из него, начатая перед войной: самый ранний датирован 3 января 1941 г.⁵¹⁶. «Я делаю Верлена, — сообщил он 26 мая Шершеневичу, — сделал 35 стихотворений, хочу довести до сотни и попробовать издать»⁵¹⁷. «Декадента» ему никто не заказывал, но Шенгели был уверен в конечном успехе, ибо «в стол» ничего не переводил, разве что пробуя нового для себя автора. «Его любимым выражением было — “положить на стол”. То есть принести в издательство готовый крупный перевод, исполненный на свой страх и риск, без всяких предварительных условий», — вспоминал переводчик Юрий Александров⁵¹⁸. Советская литература чтит памятные даты, но к 100-летию со дня рождения Верлена в 1944 г. (когда появились статья и переводы Пастернака) Шенгели не успел, занятый окон-

⁵¹⁶ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 45. Л. 54–54 об.

⁵¹⁷ Цит. по: Дроздов В.А. Несбывшиеся ожидания. С. 314.

⁵¹⁸ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 285. Л. 1.

чением «Дон-Жуана» и более надежной в плане заработка работой. Поэтому о Верлене — позже.

«Надежная» работа нашлась в Туркмении. «Получил телеграмму от Кербабаяева⁵¹⁹, — писал Георгий Аркадьевич жене 25 апреля 1943 г. — “Возможна штатная работа в Союзе. Кроме того неограниченно большая переводческая. Квартиру, питание с семьей обеспечим”. Это очень соблазнительно: за строку там платят 7 и 8 руб., вдвое больше, чем в Гослитиздате. Тысяча строк в месяц (пустое дело: 35 строк в день) и заработок огромный. А переводный материал много интереснее, чем в Киргизии⁵²⁰. Будет работа и для тебя. Климат? Несколько жарче, чем в Самарканде. Тяжко, конечно, но, если учесть сытость, обеспеченность и, значит, спокойствие, то этим, пожалуй, компенсируется тягость. Вдобавок — положение не парии, не “терпимого”, дает возможность многое устроить, например — дом отдыха в Фирюзе на два самых тяжелых месяца. Вот М.В. (Косорогова, мать Манухиной. — В.М.)? Может быть, ее на лето можно оставить во Фрунзе, а к сентябрю перевезти в Ашхабад. Учти, что зимы там фактически нет, и что шататься по очередям ей не придется. Затем: став на работу в филиале Академии во Фрунзе, я буду вынужден пробыть там не менее двух лет (нельзя бросать такую должность через полгода-год, о чем говорил мне и Бернштам (этнограф и археолог А.Н. Бернштам. — В.М.)), а в Ашхабаде я гораздо более свободен. Если война кончится скоро, то мы сможем не засиживаться (сохранив переводную работу, которую можно делать везде). Подумай».

⁵¹⁹ Берды Кербабаяев возглавлял Союз писателей Туркмении. В предисловии к «Избранным стихам» Махтумкули Шенгели назвал его «прекрасным и тонким поэтом, постоянным моим советчиком во время моей работы».

⁵²⁰ Работа над переводом фрагментов эпоса «Манас» была прекращена из-за невыполнения Институтом языка, литературы и истории Киргизского филиала АН условий договора и «ввиду непристойного тона, взятого новым руководством Института в отношении меня», о чем Шенгели в 1944 г. (6/д) известил президиум филиала: РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 129. Л. 6.

Подумав, Нина Леонтьевна осталась с матерью во Фрунзе, а Георгий Аркадьевич в начале августа отправился в «пещь огненную (42 в тени)» туркменской столицы:

Старый доктор в обветшалой тоге:
Ничего уже ему не надо,
Но и он порой волочит ноги
По веселым стогнам Ашхабада.

Проезжая через Ташкент, он встретился с Ахматовой⁵²¹, которая надписала свое новое «Избранное» «Геorgию Шенгели — в память неожиданной встречи в Ташкенте 8 авг<уста> 1943 дружески — Анна Ахматова»⁵²². Соседке запомнился «стройный седой господин (хочется назвать его именно так). Ахматова провожала его до порога, дружески о чем-то разговаривая»⁵²³. Анна Андреевна прочитала гостю, с которым была знакома с 1924 г. (он слушал ее еще в 1916 г. и запомнил на всю жизнь), «Поэму без героя». «Очень многопланная и “непонятная” вещь; есть блистательные места, — писал Шенгели жене 11 августа в первом письме из Ашхабада. — Я наговорил ей комплиментов и услышал в ответ, что у меня “абсолютный слух”, и что она, Ахматова, именно так и понимает свои достижения в этой вещи». «Еще в Ташкенте Ш. говорил, что поэма похожа на большие старинные башенные часы со сложным механизмом»⁵²⁴. 22 октября Георгий

⁵²¹ Об отношениях поэтов: *Постоутенко К.Ю.* Анна Ахматова и Георгий Шенгели (к истории взаимоотношений) // *Поэзия и живопись. Сборник трудов памяти Н.И. Харджиева.* М., 2000. С. 727–735; *Тименчик Р.* «Записные книжки» Анны Ахматовой. С. 625–637.

⁵²² Научно-справочная библиотека РГАЛИ.

⁵²³ *Видре К.* Там, в Ташкенте... // *Нева.* 1989. № 6. С. 199.

⁵²⁴ *Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966).* М.; Torino, 1996. С. 148. Приведя эти слова, Р.Д. Тименчик заметил: «Во всех предыдущих цитированиях этой записи, как и в цитируемом издании, инициал неправильно, на наш взгляд, раскрыт как Исидор Шток» (*Тименчик Р.* «Записные книжки» Анны Ахматовой. С. 639).

Аркадьевич посвятил Ахматовой стихотворение, в финале которого описал эту встречу:

...Но вот очки
 Рассеянной берете Вы рукою,
 Тетрадку достаете из бювара,
 Помятую, в надставках и приписках,
 И мерно, глуховато чуть, поете
 О месяце серебряном над Веком
 Серебряным, о смятой кризантэме,
 Оставшейся от похорон, — и Время
 Почтительно отходит в уголок,
 И в медном тэмбре царственных стихов
 Шаль бронзовую расправляет Вечность.

Жизнь на новом месте постепенно налаживалась. «Получил пропуск в правительственный (замнаркомский) распред: два кило сахару, полкило табаку, десять картошки, два масла, пять мясорыбы, четыре риса, три литра аквавиты, четыре вина и пр., и пр. Такой же пропуск будет и для тебя. На днях подписываю контрактационный договор, где эти блага, плюс квартира, тонна саксаула, подъемные для перевозки семьи и т. д. За переводы мне и тебе будут платить по 6 р. за строку. <...> Сверх этого мне предложили заведывание кафедрой литературы в Пединституте (я отказался) и чтение лекций (согласился). Затем в ТуркменФАНе затеяно составление словаря к Махтумкули под моим дирижерством» (20 августа). «Живу я так: встаю поздно, принимаю душ, завтракаю в обеих столовых и часов в 12 сажусь работать; от 5 до 6 1/2 обедаю и отдыхаю; затем работаю до 10 — 10 1/2. Потом иду гулять в Ленинский сад, пустынный и прохладный. <...> В 12 — в час возвращаюсь, закусываю (консервы, копченая селедка, хлеб с шоколадными конфетами и т. п.), покуриваю полчасика на сквознячке, обливаюсь водой и нагишом ложусь. Жара уже спадает. — Завтра мне привезут дынь из колхоза: чествует редакция туркменской газеты, где у меня есть поклонники. — Вообще я попал в другой мир, и Фрунзе кажется гнусным болотом» (22 августа).

«Чопорный и бравый не по летам, поэт Георгий Шенгели, — вспоминал местный литератор Александр Аборский, фамилия которого нам еще встретится, — живет поблизости на частной квартире, переводит в огромном количестве стихи классиков Туркмении, старинную дестанную и современную поэзию. Выполнив утренний урок, отглаженный, в модной чесуче, Шенгели, размахивая тростью, приходит к Олеше — передохнуть, отвлечься от подстрочников»⁵²⁵.

В стихах тоже зазвучали оптимистические ноты:

В шаге легком и упругом
По сухому камню плит
К жизни вызванная югом
Снова молодость звенит.

Мне опять остро и быстро,
Метко, пристально, светло;
Мне опять бряцанье систра
Бронзы в голос налило.

Синевой изюмной сизо
По ущельям осиян,
Древний кряж Паропамиза
Стонет арфами парфян.

Впрочем, нет; парфян не надо:
Хорошо мне и без них
Здесь, на стогнах Ашхабада,
Разгрызать веселый стих.

Жаркий полдень дунул мелом
В каждый китель, в каждый дом:
Люди в белом, город в белом,
Только небо в голубом.

Больше всего тяготила разлука с женой. Обеспокоенный ее молчанием, Шенгели писал 24 сентября 1943 г.: «Я лезу из кожи, чтоб наладить нашу жизнь, чтоб как-то устроить тебе сносное существование, — и, верь, мне не менее скучно без тебя, чем тебе без меня».

⁵²⁵ Воспоминания о Юрии Олеше. М., 1973. С. 193.

В мае 1944 г. Нина Леонтьевна приехала в Москву хлопотать о квартире, куда пришлось пустить жильцов и на которую по-прежнему зарились различные «охотники». До возвращения в столицу в октябре 1944 г. Шенгели, «выдавая» по 150 строк в день, перевел с подстрочников роман в стихах Курбан-Али Магруппи «Юсуп и Ахмет» (1944), сборники Кары Сейтлиева «Систр» (1944) и «Стихи» (1945; книга включала также переводы Олешки), «Избранные стихи» Махтумкули (1945) и народный роман «Шасенем и Гариб» (1945, 1946; в соавторстве с женой), а также написал по заданию местной Академии наук статью о туркменском стихе, краткий вариант которой использовал в предисловии к «изборнику» Махтумкули.

Лиричного, задумчивого и насмешливого туркменского поэта он перевел изящно, разнообразно и остроумно. Вот как у заядлого курильщика Шенгели получился «Курильщик»:

Бог — волю дал тебе: что хочешь, делай тут,
Иди, куда идешь, путем любим, курильщик;
Но помни все-таки: настанет Страшный суд,
И что ответишь ты, представ пред ним, курильщик?

От неги сладостной твой станет ум нечист,
Ослабнет мощь твоя, и взор твой будет мглист,
В костях заляжет боль, иссохнет плоть, как лист;
Все это причинит тебе чилим⁵²⁶, курильщик.

Смири постыдную губительную страсть!
Не то — твоей душе, как и деньгам, пропасть:
Ты грудь и голову огню отдашь во власть
И будешь жаждою всегда палим, курильщик!

Суров к распутникам и этот мир, и тот;
Лишь чистый к Истине прямым путем идет;
Безбожник, лгун и вор перед судом падет,
И будешь с падшими и ты судим, курильщик!

⁵²⁶ «Чилим — курево, табак, также — прибор для курения, род кальяна, изготавливаемого из оболочки водяного ореха (чилима)»: *Махтум-Кули Фраги*. Избранные стихи. С. 281.

Бог для Махтум-Кули — извечная краса,
Чилим же — горький дым и кейф на полчаса!..
Душа твоя — нора, и благодать — лиса,
Но из норы лису изгонит дым, курильщик!

«Это большой, очень серьезный и высококвалифицированный труд, поднимающийся до подлинного творчества, — писал Сельвинский. — <...> Шенгели не боится трудностей, которые неизбежны при переводе робайят и газелей. Но осложняет их тем, что стремится сделать перевод удовлетворяющим современному нам пониманию формы. Несмотря на однообразие строфы Махтума, она выглядит у Шенгели бесконечно разнообразной, так как переводчик находит для нее каждый раз новые размеры. То же нужно сказать и о рифмах, к которым Шенгели подходит очень взыскательно. <...> Шенгели с честью выходит из любого затруднения не только чисто технологического. Если для перевода любовных или военных стихов в русской поэзии существуют свои навыки и приемы, то цикл стихов о вреде курения потребовал от Шенгели большого стилистического изобретательства. <...> Если у одних переводы выглядят пятой копией с оригинала, если другие стараются сделать перевод во что бы то ни стало выше подлинника и увлекаются отсебятиной, то Шенгели стремится переводить так, чтобы читатель забыл о самом понятии — “перевод”... И это ему удалось. Читая Махтумкули, я не думаю о Шенгели, но, закрыв книгу, преисполняюсь глубокой благодарностью к мастерству русского поэта»⁵²⁷.

Переводы Махтумкули — востребованного автора — привели Георгия Аркадьевича к конфликту с Тарловским, который работал над ними еще до войны. 12 апреля 1940 г. Туркменский государственный научно-исследовательский институт истории, языка и литературы предложил ему редактировать переводы Тарловского и «написать о

⁵²⁷ Сельвинский И. Новые переводы Махтум-Кули // Литературная газета. 1946. № 2. 05.01. С. 3. Выход книги отмечен в хронике «центрального органа»: Правда. 1946. № 19. 22.01. С. 5.

Махтум-кули Фраги. «Избранные стихи» в переводе Георгия Шенгели. *Обложка*

великом поэте одну-две научные работы об эстетике, о формах стихосложения Махтумкули»⁵²⁸. Шенгели согласился, но уже 21 мая телеграммой известил институт об отказе «ввиду серьезных расхождений <по> вопросам методики перевода», хотя саму работу назвал «высоко ценной»⁵²⁹. В 1941 г. переводы вышли в двух изданиях, однако Тарловский остался недоволен: московское «по условиям военного времени не получило ни ожидавшегося ранее распространения, ни ожидавшегося ранее резонанса»; ашхабадское, появившееся «без ведома и участия» переводчика, содержало «рабочий, незавершенный отделкой и неотредактированный текст»⁵³⁰.

⁵²⁸ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 210. Л. 37.

⁵²⁹ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 129. Л. 1, 2, 4.

⁵³⁰ Неопубликованная статья Тарловского «О формальных и связанных с ними [философских и художественных] общих недостатках работы Георгия Шенгели по переводу стихов Махтумкули. Опыт анализа с целью защиты определенных позиций» (1 июня 1948): РГАЛИ. Ф. 2180. Оп. 1. Ед. хр. 83; далее цит. без сносок.

Особое недовольство Тарловского вызвала критика его работы востоковедом Евгением Бертельсом в предисловии к «изборнику» Махтум-Кули в переводе Шенгели. Сборник предполагался коллективным, но 9 сентября 1944 г. Георгий Аркадьевич велел жене передать заведующей редакцией литератур народов СССР Гослитиздата Александре Рябининой: «Махтума я дам лишь при том условии, что книжка будет целиком моею. У <Надежды> Вольпин всего два или три перевода, напечатанных здесь в журнале, а Марк свою халтуру издавал дважды, хватит, — и я не намерен на своих плечах его вывозить».

Очередной сборник туркменского поэта, вышедший в ГИХЛ в 1948 г., содержал переводы трех авторов — Шенгели, Тарловского и Тарковского, но оппонентов не примирил. Тарловский «добровольно <взял> на себя довольно кропотливый труд по разоблачению негодности примененных Г. Шенгели литературных средств» и подготовил статью с подробной критикой его переводов, которые «почти во всем производят впечатление дилетантских», хотя и оценил их как «громадный труд разносторонне одаренного и очень уважаемого писателя». «Я считаю, что при подготовке к печати переводов из Махтумкули пора перестать оказывать предпочтение переводам Г. Шенгели перед моими», — заявил он.

Подписав корректуру своих переводов для изданного годом позже в Ленинграде тома Махтумкули в большой серии «Библиотеки поэта», Георгий Аркадьевич 4 декабря 1948 г. выразил заведующему редакцией Арсению Островскому недовольство правкой, которую отверг, и составом сборника: «Я категорически настаиваю, чтобы шел именно мой, а не гибридный текст: я не могу принять на себя ответственность за порчу размера, отступления от прямого смысла оригинала, лакировку идей поэта. Вообще должен сказать, что, если бы редактор книги <Петр> Скосырев, производивший отбор материала, своевременно ознакомил меня со своим выбором стихотворений для книги, я не стал бы участвовать в так составленном сборнике. Судите сами: мною переведено и издано (Гослитиздат) 150 (143. — В.М.) стихотворений; в данный сборник из них включено 58; остальные за бортом.

Почему? Они, за вычетом двух-трех, не дублированы в других переводах. Они слабы? **НАОБОРОТ!** Большинство наиболее интересных вещей именно в этой, неудостойной тиснения, порции. <...> Говоря об этом, я “не о славе своей ревную”; мне жаль, что Махтумкули предстанет читателю более бледным, чем он есть. Кому и зачем это нужно?»⁵³¹

Постепенно конфликт исчерпался. «Ладе <Руставели> ничего не могу написать, — писал Шенгели 6 августа 1952 г. Манухиной из Керчи в связи со смертью Тарловского. — Скажи ей, что я здесь всем, кому случится, читаю стихи Марка (это правда), — “Мышку”, “Столицу-идолопоклонницу”, “Слона” и пр. Всем нравится, и все спрашивают — где достать книги?» Через десять месяцев именно Нина Леонтьевна отвезла Ладу Руставели в больницу, откуда та уже не вернулась.

Последним «восточным переводом» Георгия Аркадьевича стала поэма Лахути «Пери счастья», вышедшая отдельным изданием в 1948 г. в Сталинабаде (ныне Душанбе). Он давно переводил Лахути и не ждал, что «Пери счастья» принесет ему боль. Инцидент, о котором пойдет речь, можно считать пустяковым, а реакцию Шенгели — преувеличенно нервной и раздражительной. Судите сами.

В Партбюро Гослитиздата

Копии:

Директору Гослитиздата;
Главному Редактору.

В стенной газете Гослитиздата (№ 8, октябрь 49 г.) помещена следующая заметка:

Безответственный поступок Г. Шенгели

Советские авторы всегда ставят на первый план интересы общественные. Но, как говорится, в семье не без урода. Поэт-переводчик Г. Шенгели потребовал исключения своих перево-

⁵³¹ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 116.

дов из сборника, подписанного в печать. Единственная причина этого требования — недостаточный, по мнению переводчика, авторский гонорар. Выбрав “подходящий момент”, когда книга печатается (хотя у автора была возможность взять свои переводы обратно раньше, когда их изъятие не нанесло бы ущерба сборнику), Г. Шенгели решил действовать иначе: или издательство платит за мои переводы по высшей ставке, или я беру их из книги.

Кто дал право (не авторское, а гражданское) переводчику срывать печатание книги, тогда как он имел полную возможность снять свои переводы своевременно? Приходится только удивляться отсутствию у Г. Шенгели чувства ответственности перед издательством, в котором он работает не первый год, и перед советским читателем, для которого он работает.

(Подписи нет — Г.Ш.)

Заметка эта увертливая, лживая и клеветническая (а в некоторых частях безграмотная).

УВЕРТЛИВАЯ: в ней не названа книга, не указаны даты, не определен материал, о котором шел спор, не сообщено, исполнено ли требование Шенгели, не уяснено, действительно ли книга задержана и издание ее в срок “сорвано”. Для чего эти увертки и недомолвки, если у автора были честные намерения?

ЛЖИВАЯ: в заметке лишь два момента соответствуют истине: 1) я действительно подал заявление с просьбой изъять мои переводы; 2) я действительно “не первый год” работаю для Гослитиздата, а 31-й, с 1918 года <так!>. *Остальные утверждения — беззастенчивая ложь:*

«единственная причина этого требования — недостаточный, по мнению переводчика, авторский гонорар». — ЛОЖЬ: не единственная и отнюдь не решающая.

«выбрав “подходящий момент”...» — ЛОЖЬ: я приехал после месячной отлучки, 7/XI, 8-го был в издательстве, где, поспорив о гонораре, взял домой на просмотр верстку книги, а 9-го, увидев то

безобразии, о котором речь будет ниже, подал заявление о нежелании участвовать в книге.

«когда книга печатается». — ЛОЖЬ: книга не печаталась, а находилась в Главлите или на свертке: сигнальный экземпляр поступил в редакцию лишь 30/IX, через три недели после моего заявления.

«у автора были возможность взять свои переводы обратно раньше...» — ЛОЖЬ: в течение трех месяцев до моего отъезда, 5/VIII, я не имел сведений о том, что именно включается в книгу: редакция, в лице М. Завадской, всё время путала и виляла, и у меня не было оснований изымать что-либо, пока я не узрел совершенное над моей работой безобразие, а узрел я его 8/XI.

«Г. Шенгели решил действовать иначе: или издательство платит за мои переводы по высшей ставке, или я беру их из книги». — ЛОЖЬ: ни этой, ни какой-либо другой альтернативы я перед издательством не ставил; я просто, без всяких условий, просил изъять из книги мои переводы (см. ниже мое заявление).

«Кто дал право... срывать печатание книги...». — ЛОЖЬ: печатание книги не было ни сорвано, ни задержано, ибо мое заявление просто положили под сукно. Тут интересно поставить вопрос, почему все-таки книга, шедшая, по словам А. Деева, “молнией”, к таджикской декаде, и сверстанная уже в начале сентября, не вышла и теперь, к середине октября? кто *тут* работал над срывом выпуска?

КЛЕВЕТНИЧЕСКАЯ: меня, писателя с 35-летним стажем <...> обвиняют в РВАЧЕСТВЕ («недостаточный, по мнению переводчика, гонорар»), в ШКУРНИЧЕСТВЕ (из корыстолюбия не остановился перед срывом книги), в ШАНТАЖЕ («выбрал подходящий момент», «или платят... или беру назад»). Меня смеют называть УРОДОМ В ПИСАТЕЛЬСКОЙ СЕМЬЕ! Мне достаточно назвать свое имя, чтобы всякий, это имя знающий, заклеил вышеприведенные обвинения термином “клевета”. Но ниже я *обосную* этот термин.

БЕЗГРАМОТНАЯ. — Это, собственно говоря, в скобках. В заметке сказано: «кто дал право (не авторское, а гражданское)

переводчику...» и т. д. Лицо, написавшее заметку, имело в виду противопоставить право формальное праву моральному, но по невежеству применило другие термины, не зная, что авторское право есть одно из звеньев права гражданского (и не подумав, что многие части самой заметки имеют прямое отношение к праву уголовному).

Перехожу к существу дела.

Речь идет о книге Лахути «Избранные стихи». Стихи Лахути я перевожу с 30 г., когда по поручению В.М. Молотова я перевел поэму Лахути «Мы победим», посланную лично В.М. Молотовым в «Правду» с крайне лестной для автора и для меня характеристикой работы. Мне принадлежит перевод двух больших поэм Лахути и приблизительно 30 стихотворений разного объема; некоторые переводы не напечатаны, но большинство печаталось в «Правде» и во многочисленных сборниках Лахути.

Весною 49 г. меня спешно вызвали в Гослитиздат, прося дать текст последней поэмы Лахути «Пери счастья», вышедшей в моем переводе в Таджикистане (ее предполагали переиздать здесь). Спустя некоторое время выяснилось, что будет общий сборник «Избранных стихов» Лахути, куда, вероятно, войдет и эта поэма. Я передал в редакцию тексты других ненапечатанных вещей («Кремль», «Три капли», «Свеча и мотылек» и что-то еще). Отнюдь не притязая на печатание всего моего массива полностью (иные стихи устарели, иные не так интересны), я всё же полагал, что значительная доля моих переводов будет в книгу включена. За несколько дней до моего отъезда мне звонила супруга Лахути, <Цецилия> Бану, и сказала, что в поэме «Два ордена» желательны три или четыре поправки: замена одного слова другим. Зная Бану как талантливую переводчицу и весьма вдумчивого редактора, я просил, чтобы эти поправки внесла она сама, с тем, что в корректуре я их утвержу (или изменю).

Приехав через месяц, я узнал, что книга сверстана, и что гонорар назначен *всем переводчикам*, старым и юным, опытным и начинающим, по средней ставке. По этому поводу я имел беглый разговор

с А. Деевым, указав ему, что я удивлен этой уравниловкой и что я, получая *всегда* высшую ставку, прошу его этот вопрос урегулировать, — и взял с собою сверстанные листы, чтобы вычитать их.

К моему удивлению и негодованию оказалось:

что в книгу включены всего 4 стихотворения и как раз наименее интересные;

что включенная сверх того поэма «Два ордена» *сокращена* вдвое и сокращена бездарно и неумело, так что вместо стройного произведения возникли какие-то шматки;

что иные строки искажены;

что из поэмы «Пери счастья» взято лишь два отрывка — и как раз «отступления», не дающие хотя бы «почувствовать» поэму;

что два стихотворения из числа мною переведенных даны в переводах других товарищей, — в переводах, несравненно менее точных.

Таким образом: продукция моей многолетней работы над стихами Лахути дана читателю в искромсанном и неприглядном виде: из 5 тысяч строк (примерно) «освоено» около 400 и подано безобразно: лучшие вещи не включены.

Приехав в редакцию, я пытался объяснить.

М. Завадская строго и назидательно указала мне, что «редакция не обязана печатать “всё” (!), мною предлагаемое, а выбирает по своему усмотрению» и что безобразная кастрация поэмы «Два ордена» произведена автором, «который, конечно, вправе делать со своей вещью, что хочет». В этом утверждении М. Завадская вступила, скажем, в противоречие с истиной, ибо спрошенный мною т. Лахути с негодованием отрицал свое участие в искажении вещи.

Обращение к А. Дееву, замещавшему тогда т. Рябинину, также оказалось бесплодным: этот работник, улыбаясь и похохатывая, объяснил мне, что, — поскольку весь использованный мой материал уже был когда-то в печати, — издательство «вправе», со мною даже не разговаривая, использовать его как угодно и расценить так же.

ЗНАЧИТ:

мой материал отобрали без меня,

«исправили» без меня,
сократили (изуродовав) без меня,
расценили без меня!

Спрашивается: кто дал право (и формальное, и моральное) Деевым и Завадским так разговаривать и так поступать с писателем?

ВОТ ТУТ я и решил изъять свои переводы из книги и подал следующее, тут же написанное, заявление:

В сектор «Литература народов СССР»

Не желая, в силу ряда соображений, печатать мои переводы стихотворений Лахути, прошу изъять их изготавливаемого к печати сборника, в который вошли стихотворения «От мая к октябрю», «Исполненное обещание», «Насильникам скажите», «Победа Донбасса», «Два ордена» и отрывки из поэмы «Пери счастья».

Г. Шенгели

1949, 9/IX

Из его текста видно, что никаких ультиматумов я издательству не предъявлял, никаких альтернатив перед ним не ставил. Знай я заранее, что со мной обойдутся столь безобразно, я заранее запретил бы редакции сборника прикасаться к моим переводам.

Заявление мое А. Деев продержал под сукном ровно неделю (его надпись гласит: «Сообщено т. Бычкову 16/IX 49. Оставить без последствий. Ар. Деев»), и всё осталось по-прежнему. А за неделю прекрасно можно было изъять мой материал и, если эти стихи столь необходимы, получить их новый перевод.

Таким образом, чиновничье издевательство над писательским достоинством продолжилось и продолжается.

Из всего вышесказанного ясно, что УТВЕРЖДЕНИЯ РАЗБИРАЕМОЙ ЗАМЕТКИ – ЛЖИВЫ ОТ НАЧАЛА ДО КОНЦА. <...>

Я прошу Партбюро Гослитиздата:

1) обязать редакцию стенгазеты немедленно снять постыдную заметку;

2) обязать редакцию стенгазеты немедленно поместить пристойное опровержение;

3) обязать редакцию стенгазеты сообщить мне имя автора заметки (или информатора, доставившего ложные сведения), дабы я имел возможность привлечь это лицо к уголовной ответственности за клевету и оскорбление в печати»⁵³².

«Почему? Потому что я — Шенгели».

III

Задуманный как своего рода продолжение «Планера», сборник «Панцырь. Стихи 1935–1945» был предложен в Гослитиздат. Кроме стихотворений, самое раннее из которых датировано 1922 г., в него вошли «Гарм» и семь «тем» из «Эпического цикла» («Голос неомощенных», «Проблема вождя», «Лицо вождя», «Слово вождя», «Искусство восстания», «Философия машины», «Пространство и время»). Из издательства шли ободряющие намеки, но не более. «Исход дела с “Панцырем” меня не удивил, — писал Шенгели жене 22 августа 1944 г. — Плевать. Впрочем, когда будешь у Чагина, скажи, что я удивлен тем, что судьба моей книги решается невесть кем; рецензентами для меня могли быть Антокольский, Пастернак, Сельвинский, — из профессоров Тимофеев; скажи, что я настаиваю на пересмотре вопроса». «Я всегда думал, — заметил он в письме к Всеволоду Рождественскому 18 июля 1945 г., — что критиком стихов может быть лишь поэт, а не критик-профессионал, к которому полностью приложимы слова Николая Степановича <Гумилева>: “Вечером я играл на лире, а он тихонько подвывал”. За все 31 год моей литературной деятельности (или “за весь”?) ни одно буквально замечание критика о моих стихах (положительное или отрицательное) мне не оказалось нужным, никак и ничем мне не помогло»⁵³³.

⁵³² РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 129. Л. 60–67.

⁵³³ О Всеволоде Рождественском. С. 173.

Многие стихотворения «Панцыря», в котором, по словам Рождественского, «есть поистине незабываемые шедевры»⁵³⁴, вошли в посмертный однотомник, но, во-первых, не все, а во-вторых, в нем не сохранена и даже не обозначена композиция книги. В итоге самый зрелый сборник Шенгели как целое остался неизданным и потому известным лишь единицам.

Первый раздел «Война» (26 стихотворений) с эпиграфом из «Возмездия» Гюго «Я раскалил щипцы, твоя затлеет шкура!» как бы распадается на две части. Первые 18 стихотворений, большая часть которых написана в январе 1944 г., полны гневных проклятий нацистам. Такого Шенгели мы еще не знаем: при жизни автора лишь два из них были напечатаны в ашхабадском альманахе. «Война» открывается следующими стихами:

ЛОГИКА

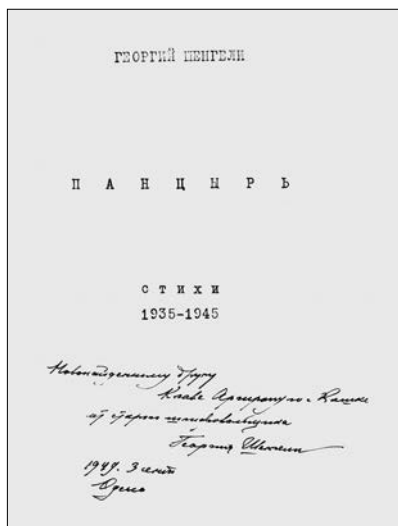
Кто смеет оспаривать мое право
истребить несколько миллионов?
Гитлер

Оспаривать?!
Нет, господин ефрейтор!
Мы этой чести не окажем вам.
Возможен спор с товарищем, с женой,
С извозчиком, с философом, с убийцей,
С землетрясением, с Ниагарой, с богом...
С тарантулом не спорят никогда:
Его, брезгливо морщась, давят.

Насколько Шенгели рассчитывал на публикацию других стихов из раздела «Война»? Например, созданных в первую военную зиму в Москве или заключительного, написанного в июле 1942 г. во Фрунзе:

Мы живем на звезде, на зеленой,
Мы живем на зеленой звезде,
Где спокойные пальмы и клены
К затененной клонятся воде.

⁵³⁴ О Всеволоде Рождественском. С. 172.

Дарственная надпись Клавдии Аргиропуло-Кошке на первой странице машинописной книги «Панцырь». 1949. Одесский литературный музей

Мы живем на звезде, на лазурной,
Мы живем на лазурной звезде,
Где Гольфштром пробегает безбурный,
Зарождаясь в прогретой воде.

Но кому-то захочется славой
Просиять и проветять везде, —
И живем на звезде, на кровавой,
И живем на кровавой звезде!

«Здесь земля вся целиком названа “кровавой звездой”, без указания на то, что советское государство не является виновником тех событий, которые на этой земле происходят», — наставительно заметил в 1954 г. рецензент Петр Кузько, о котором речь пойдет далее.

Следующие разделы «Пестрый фараон» (40 стихотворений), «Пнеймопластика» (9 стихотворений) с посвящением Векшинскому и «Сны» (7 стихотворений) включали значительную часть лирики, написанной после «Планера». Все эти стихи (кажется, кроме одного)

напечатаны — но все посмертно, вразнобой, без указания на принадлежность к циклам (многие — и к книге) и на соседство с другими. Хуже они от этого не стали, но замысел автора разрушен. Доминирующего настроения здесь нет, есть все краски радуги: «Портрет Дориана Грея» и «Так умирают. Широкая мокрая площадь...» соседствуют с такими строками:

А может быть, вовсе не надо
Быть ясным, логичным и стройным?
Не грубую ль кисть винограда
Промазывал кистью Сезанн?
Не комья ли розовой глины
Вибрируют в воздухе знойном?
Не все ли затмил анилины
Чешуйчатой медью фазан?

Не магия ль крупного плана
В пушке над губами любимой?
Не ломкое ль слово корана
Восток пронизало и Юг?
Быть может, не львиная лапа
Мечтою столетий хранима,
А лишь треугольная шляпа
И серый походный сюртук?

Именно эти вещи, опубликованные в периодике конца 1980-х и первой половины 1990-х годов, а затем в посмертном одномотнике, открыли читателю неизвестного Шенгели, позволили осознать и почувствовать масштаб его дарования, но в полной мере оценить сделанное им можно только с изданием полного собрания стихотворений.

Помещенные между «Пестрым фараоном» и «Пнеймопластикой» «Облики» (7 стихотворений) включали портреты Лермонтова, Брюсова, Волошина, Северянина, Ахматовой и Радловой, правда, спрятанной под инициалами (знал ли автор к моменту завершения книги о том, что она оказалась «в оккупации», а потом в лагере?). На

момент представления рукописи в издательство почти все персонажи были «проходными», но позже уже сами их фамилии закрыли стихам путь к читателю. Все «облики» опубликованы посмертно и неоднократно перепечатывались, укрепив славу их автора как мастера «портретов словами». Заключительный раздел «Лирические новеллы» (8 стихотворений) состоит из «сюжетных» вещей, которые автор четко отделял от поэм.

Кто были первые рецензенты, чьи отзывы не удовлетворили автора, не знаю, но его протест возымел силу. Рукопись передали Антокольскому, который призвал сократить ее, чтобы получился «сборник стихов, достойный печати и достойный имени поэта Шенгели». «Среди шенгелиевской лирики, — писал он во внутренней рецензии 8 октября 1945 г., — есть прелестные находки, острые и тонкие наблюдения. Так что начисто зачеркивать эту часть никто не осмелится. Будущая книга Шенгели мыслится мне в следующем составе. Первое — почти весь “Эпический цикл” (т. е. “Голос неотомщенных”, “Лицо вождя”, “Искусство восстания”, “Философия машины”, “Время и пространство” <так!>⁵³⁵). Второе — поэма “Гарм”. Третье — несколько военных стихотворений (“Шофер зондеркоманды”, “Памятник славы”, “Матери Рюрика Павлова”, “Паника”, “Блерио”, “Мы живем на звезде”). Наконец, несколько стихотворений из прочих циклов Шенгели.

Вот их примерный список, хотя тут могут быть вариации: “У себя”, “Романтика”, “Узнавание”, “Поэту”, “Экран”, “Жидкий воздух”, “Валерий Брюсов”, “Максимилян Волошин”, “Анне Ахматовой”, “Сундук”, “Клик”, “Гостиница”⁵³⁶. «Мне кажется, что в том виде, как книга представлена, она для издания не годится, — заявила ортодоксальная Евгения Книпович, но и ее вердикт не был безнадежным. — Ее надо облегчить, сократить очень сильно, отобрать из нее самое лучшее, искреннее, простое, жизненное. И тогда только ее

⁵³⁵ Отметим отсутствие «Проблемы вождя» и «Слова вождя».

⁵³⁶ РГАЛИ. Ф. 2861. Ед. хр. 274. Л. 12–13.

можно будет издать»⁵³⁷. Тщательно продуманную композицию никто из рецензентов во внимание не принял...

Хлопоты продолжались, но и противодействие усиливалось. «Состоялся мой вечер в Союзе <писателей>, — сообщил Шенгели Рождественскому 18 февраля 1946 г. — Устроен был, конечно, с подвохом: назначили на такое-то число, а потом перенесли на день назад (!), в расчете на уменьшение аудитории. Народу, однако, пришло много, полный зал, чтение прошло с успехом: хвалили сплошь. В “Литгазете”, однако, ни единого слова о вечере не появилось, даже в плане простой хроникальной заметки. Это, конечно, злит, — но, с другой стороны, приятно: значит, есть что замалчивать»⁵³⁸. «Панцирь» был отвергнут Гослитиздатом, но к помощи «другого издательства» автор не прибегнул.

На этом фоне померкла неудача с изданием «Избранного» Верлена (75 стихотворений), которое готовилось к 50-летию со дня его смерти в 1946 г. В предисловии, датированном 9 ноября 1945 г.⁵³⁹, Шенгели дал отличный портрет «бедного Лелиана», не забыв напомнить о его близости к коммунарам, но книгу сочли «несвоевременной». «Удивительно, как безошибочно знают наши издатели требования времени, — саркастически писал он Рождественскому 18 февраля 1946 г., — можно подумать, что они лично знакомы с самим Кроносом»⁵⁴⁰.

Потеря оказалась ощутимой для читателей, которые на четверть века остались без Верлена («Избранная лирика» в переводах разных авторов вышла только в 1969 г.) и на полвека — без «авторского» Верлена, сравнимого лишь с работами Брюсова и Сологуба. «Брюсовские переводы несравненно выше сологубовских, — отме-

⁵³⁷ РГАЛИ. Ф. 2861. Ед. хр. 274. Л. 14–15.

⁵³⁸ О Всеволоде Рождественском. С. 175.

⁵³⁹ Сопроводительное письмо, с которым рукопись была отправлена в Сектор западных литератур ГИХЛ, датировано 29 октября 1945 г.: РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 129. Л. 11.

⁵⁴⁰ О Всеволоде Рождественском. С. 174.

Поль Верлен. Гравюра Ф. Валлотона
(Р. де Гурмон. Книга масок. СПб., 1913)

тил Шенгели в предисловии, — несмотря на некоторую жесткость: им присущ тот неуловимый колорит подлинности, который свидетельствует о глубоком вживании в оригинал и искупает многие несовершенства. У Сологуба — досаднейшие промахи в понимании как поэтического смысла, так и образов и даже выражений оригинала, не говоря уже о неприятной игривости и умильности тона»⁵⁴¹. Следом упомянуты «прекрасные переводы» расстрелянного Бенедикта Лившица — несколько неожиданно в рукописи, предназначенной для печати.

Я — Рим, империя на рубеже паденья,
Что, видя варваров громадных у ворот,

⁵⁴¹ Верлен П. Избранное из его восьми книг, а также юношеских и посмертно изданных стихов, в переводе, с предисловием и примечаниями Г. Шенгели. М., 1996. С. 22.

Небрежный акростих рассеянно плетет,
И в стилос золотой — закат струит томленье.

В душе, пустой насквозь, тоска до отвращения.
Там, где-то, говорят, кровавый бой идет.
О! Нету сил пойти на зов столь слабый тот,
Нет воли жизнь зажечь хотя бы на мгновенье!

О! Нету воли жить, и умереть нет сил!
Да, все уж допито... Брось хохотать, Вафилл!..
Все допил, все доел. Но продолжать не стоит...

Есть: глуповатый гимн, что надо сжечь тотчас,
Есть: нерадивый раб, что презирает нас,
Есть: боль невесты о чем, что вечно в сердце ноет!

Современному читателю верленовское «Томление» больше известно в переводе Пастернака: «Я — римский мир периода упадка...».

Впервые опубликовавший эту книгу в 1996 г. В.Г. Перельмутер полагал, что «выходу ее в свет Шенгели придавал особенное значение» в связи с желанием «включиться в это, помстилось, начавшееся движение к свободе» именно переводами из Верлена как попыткой реабилитации символизма⁵⁴². Официальное празднование 25-летия смерти Блока и выход его двухтомного «Полного собрания стихотворений» в большой серии «Библиотеки поэта» в 1946 г. в купе с появлением однотомника стихов Брюсова в ГИХЛ годом раньше и включением в план того же издательства однотомника стихов Белого⁵⁴³

⁵⁴² Перельмутер В. Книга, найденная в архиве // Верлен П. Избранное. С. 221–222.

⁵⁴³ 16 декабря 1945 г. К.Н. Бугаева писала Д.Е. Максиму: «Узнала, что в Ленинградском отделении “Советского писателя” возрождается “Большая серия библиотеки поэта”. Если Вам не трудно, я очень просила бы Вас узнать, включен ли в план сборник Бориса Николаевича, подготовка которого было уже начато весной 41 г. Ц. Вольпе, а в июле должен был быть заключен договор со мною. <...> В Гослитиздате Б.Н. включен в план 46 года. Также стихи: томик, больше “Малой” и меньше “Большой” серии». Цит. по: Лавров А.В. Символисты и другие. Статьи. Разыскания. Публикации. М., 2015. С. 616–617.

могли говорить о некотором изменении отношения властей к символизму, да и к другим поэтическим течениям начала века.

18 февраля 1946 г. Шенгели писал Рождественскому: «Я слышал, будто в Ленинграде предполагают в Малой серии «Библиотеки поэта» выпустить избранного Северянина. Скажи при случае в редакции, что у меня есть множество его стихотворений (в подлинных рукописях) последнего, советского периода, и я их охотно предоставляю»⁵⁴⁴. 25 мая он организовал в московском Доме актера вечер памяти друга и произнес вступительное слово. Летом были напечатаны две книги Ахматовой. А в августе грянуло Постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград»...

Еще одну крупную вещь, написанную в годы войны, Шенгели не предлагал в печать. Это написанная белым стихом, большая «византийская повесть» «Повар базилевса», работа над которой, согласно авторским пометам, началась 23 марта 1941 г. и закончилась ровно через пять лет, день в день⁵⁴⁵.

В ней неспешно и обстоятельно, со множеством подробностей и старинных слов, что напоминает «римские» романы Брюсова, рассказана история двух приятелей из Пантикапеи, то есть современной Керчи. Певчий Вардан, отличавшийся красивым голосом и полным отсутствием совести, «путем множества предательств и преступлений», как сказано в послесловии автора, «достиг византийского престола и возомнил себя повелителем мира», не считаясь с бедственным положением и недовольством народа. Став базилевсом, он вызвал в столицу своего друга Спиросу, хозяина портовой харчевни, и, боясь быть отравленным, сделал его личным поваром. Вардан постоянно

⁵⁴⁴ О Всеволоде Рождественском. С. 176. «За год общения с Шенгели (в 1940–1941 гг. — В.М.) Игорь Северянин, по его собственным подсчетам, послал ему 62 стихотворения. Это были не только вновь написанные стихи — большую часть составляли произведения, написанные за двадцать лет»: *Куранда Е., Гаркави С.* Стихотворения Игоря Северянина 1939–1941 годов. С. 198.

⁵⁴⁵ Пометы в рукописи указывают на перерыв в работе с 1943 по 1946 г.

унижает приятеля, который верой и правдой служит ему, и тот решается отравить его:

Ах, дурак! Ах, пузырь надутый!
Возомнил себя владыкой мира,
А того, дурак, не понимает,
Что владыка мира — я, кухарь!
Он вот ополчение собирает,
Он вот строит галеры и замки,
Он Сирию захватить задумал
И захватит, — если я позволю!
Вот возьму я и в его кастрюльку,
Отомкнув ее ключом заветным
(Ключ-то у меня висит на шее!),
Яду всыплю, отравы сладкой!
И закорчится избранник счастья,
Завизжит от нестерпимой рези,
Изблюет кровавою рвотой
Величье свое вместе с жизнью!
И останется Сирия свободной,
И никто не тронет Египта,
Вся история пойдет по-другому!
Кто владыка мира? Я, кухарь!..
...Значит, будет доброе дело,
Если кто-нибудь престол очистит
От убийцы этого и труса!

Спирос отравил Вардана, которого на престоле сменил «македонянин Василий, что всего превыше почитает мир всеобщий, внутренний и внешний», и вернулся в Пантикапею «жить в довольстве и покое, всеми чтимый как повар базилевса».

В послесловии к «византийской повести» Шенгели писал: «Я не вполне уверен в моем праве поставить мое имя в титуле настоящей поэмы. Я, конечно, ее написал, но я ее не выдумал. Она представляет собой частично сокращенное, частично амплифицированное переложение одной весьма старинной рукописи, найденной мною в бумагах

моей бабушки, Марии Николаевны Дыбской, умершей в декабре 1914 г. в Керчи. Рукопись эта, к несчастью, не сохранилась: меня обокрали в Москве на Курском вокзале весной 1915 г., и с похищенным моим чемоданом бесследно исчезла и она»⁵⁴⁶.

Далее шло подробное описание рукописи, как будто она лежала на столе перед автором.

У мистификации может быть конкретный источник — похищение чемодана на вокзале в Москве в конце ноября или начале декабря 1927 г. у Бориса Садовского, с которым Шенгели в годы войны поддерживал связь лично и через общего приятеля Николая Минаева⁵⁴⁷. Садовской утверждал, что в украденном чемодане находился его альбом с автографом стихотворения Блока «Лишь заискрится бархат небесный...», которое он опубликовал в 1928 г. «по памяти» и которое С.В. Шумихин убедительно отнес к мистификациям. Не берусь настаивать на связи двух «чемоданных» историй, но указать на их сходство необходимо. Добавлю, что в 1944–1946 гг. Садовской пытался напечатать в «Новом мире» и альманахе «Звенья» по «копии» еще одно псевдоблоковское стихотворение «Белая ночь», но обе редакции сочли текст сомнительным и от публикации воздержались⁵⁴⁸.

Автор «Повара базилевса» основательно изучил византийскую историю, «экстрактом» которой назвал свое произведение. «Г.А. Шенгели блестяще владеет используемым им историческим материалом, — писал О.Р. Бородин, откликаясь на публикацию «повидимому, самой большой русской поэмы о Византии». — В свободе,

⁵⁴⁶ *Иноходец*. С. 504; далее цит. без сносок.

⁵⁴⁷ *Минаев Н.* Нежнее неба. С. 280, 729. Шенгели упоминал встречи с Минаевым в письмах к Манухиной из Москвы. 24 мая 1943 г. он писал: «Заходил ко мне Минаев, в ужасном виде: распух, потерял зубы; сообщил, что умер Мачтет. Очень плох и, вероятно, умрет Садовской». Садовской пережил войну и скончался в 1952 г.

⁵⁴⁸ *Шумихин С.В.* Мнимый Блок // ЛН. Т. 92. Кн. 4. М., 1987. С. 745–749.

с которой он повествует о Византии, ощущается даже своеобразное профессиональное эстетство. Иногда стремление автора к исторической скрупулезности делает текст, пожалуй, скучноватым для не-византиниста (а последнего (т. е. византиниста. — В.М.) может побудить к поиску частных неточностей). Если взять за основу источники, относящиеся к какой-то конкретной эпохе, легко установить, что описания поэта часто не совпадают с историческими данными. Примеры этого привести не трудно. Но вряд ли речь должна идти о фактических ошибках Шенгели, хотя таковые, разумеется, не исключены. Весь текст поэмы строится из эпизодов византийской истории разных времен. Рискнем предположить, что эти темпоральные сдвиги специально запрограммированы автором. <...> Автор сознательно смешивает наиболее колоритные явления и события византийской жизни, стремясь, чтобы в его сочинении Византия была представлена вообще и в принципе; чтобы в нем содержался насыщенный раствор (отсюда “экстракт”) византизма. Этой цели поэт пытается достичь как в целом, так и в деталях»⁵⁴⁹.

Почему Шенгели посвятил эпическое произведение столь экзотической теме, почему отдал ему, включая подготовительные материалы, так много времени и сил? Иными словами, что он хотел им сказать и нет ли здесь «двойного дна»?

Допустим, что «Повар базилевса» намекает на Сталина⁵⁵⁰ и попробуем прочитать «тайнопись» поэта. Сосланный в Пантикапею базилевс, который, очарованный голосом Вардана, приближает его и, вернувшись на престол, забирает с собой в Константинополь, где позже гибнет от его же руки, — Ленин (от Малашкина поэт мог знать о конфликте Сталина с Лениным во время болезни вождя). Вардан убивает наследника престола — Сталин расправился со всеми возможными «наследниками», упомянутыми в ленинском «Письме к

⁵⁴⁹ Бородин О.Р. Поэтический экстракт византийской истории // Византийский временник. Т. 59 (84). М., 1999. С. 285—288.

⁵⁵⁰ Подробнее: *Перельмутер В.* О стихах и о жизни Георгия Шенгели. С. 40—44.

съезду» (которое Шенгели тоже мог знать от Малашкина). Вардан обвиняет в убийстве базилевса его сестру августу Пульхерию, свою жену и второе лицо в империи (сам Вардан, ставший кесарем, — третье лицо), — Сталин позже обвинял Троцкого, второе лицо большевистского ареопага, во всех грехах, включая подготовку убийства Ленина. «Консул» — высшее должностное лицо, формально избиравшееся народным собранием, но фактически назначавшееся императором, ибо «в республике ромэев без консула, без народной власти, ничего произойти не может», — «всероссийский староста» Калинин. Одним словом, «все свершилось так, как подобает, ибо в государстве православном император и народ едины». Найти сходство со Сталиным в планах и поведении Вардана, в его коварстве и самовосхвалении, несложно. Даже его отравление корреспондирует с версией об отравлении вождя, но тут Шенгели забежал вперед на целых семь лет.

Допустимо ли такое прочтение? Существует же аналогичная интерпретация «Собачьего сердца»: Преображенский = Ленин, Борменталь = Троцкий, Шарик, он же Клим Чугункин = Сталин, Зина Бунина = Зиновьев и т. д.⁵⁵¹ Допустимо, но мешает то, что мы знаем о характере автора.

Если бы в годы войны или после нее Георгий Аркадьевич навеки предал забвению «Эпический цикл», можно было бы сделать вывод о радикальном изменении его отношения к Сталину и Советской власти — и тогда «Повар базилевса» без труда прочитывается как антисталинский памфлет. Послевоенные попытки добиться хотя бы обсуждения цикла не имели характера «поправки обстоятельств» — автор понимал, что собратья-литераторы не примут эту вещь. У нас нет оснований сомневаться, что серьезный и мужественный человек, каким был Шенгели, действительно, считал «Эпический цикл» своим «крупнейшим и значительнейшим произведением». «А языку Эзопа я

⁵⁵¹ Иоффе С. Тайнопись в «Собачьем сердце» // Новый журнал (Нью-Йорк). Кн. 168–169. 1987. С. 260–274.

предпочитаю язык Копа, копченый, подходящий к водке»⁵⁵², — заметил он в письме к Рождественскому 18 февраля 1946 г., незадолго до окончания «византийской повести». Ему были органически чужды цинизм и, как тогда выражались, «двурушничество». М.Л. Гаспаров, знавший и понимавший творчество Шенгели, в рецензии на посмертный однотомник заметил: «Едва ли не преувеличен и политический подтекст “византийской повести” “Повар базилевса”: скорее, это исполинское упражнение в трудных ритмах и редких словах»⁵⁵³. Думаю, дело не только в «трудных ритмах и редких словах». Пафмлет или нет, «Повар базилевса» — большая художественная удача Шенгели, гордившегося поэмой, которую нельзя было напечатать.

⁵⁵² О Всеволоде Рождественском. С. 173.

⁵⁵³ Гаспаров М. Георгий Шенгели, ученый поэт.

Глава девятая
ГОДЫ ГОРЕСТЕЙ
(1946 – 1956)

Я горестно люблю Сороковые годы...

I

4 января 1949 г. Шенгели написал:

Я горестно люблю Сороковые годы.
Спокойно. Пушкин мертв. Жизнь как шоссе пряма.
Торчат шлагбаумы. И, камер-юнкер моды,
Брамбеус тратит блеск таланта и ума.

Одоевский дурит и варит эликсиры.
Чай пьют чиновники с ванильным сухарем.
И доживают век Прелесты и Пленеры,
Чьи мошки жирные хрипят вдесятером.

Что делать, боже мой! Лампады богаделен —
И те едва чадят у замкнутых ворот.
Теснят Нахимова, и Лермонтов пристрелен,
И Достоевского взвели на эшафот.

Как поздним октябрём в душе буреет опаль
Листвы безжизненной, и моросит тоска...
Но будет, черт возьми, но грянет Севастополь
И подведет итог щепоткой мышьяка!

Напечатать эти стихи он не пытался. Ни в сороковые, ни в пятидесятые...

В сентябре 1946 г. ему написала Зоя Хабарова, дочь подружки юности Евгении Добровой, и сообщила о беде, постигшей родите-

лей. Подробности этой трагической истории она обнародовала лишь недавно:

«У папы была сложная судьба. <...> До революции он окончил Ревельское (нынешний Таллинн) училище и был военным лекарем. Потом служил у Врангеля, вместе с его войсками попал в Крым и остался там. Выбросил документы, вступил в Красную армию. Потом уехал в Ленинград, в военно-медицинской академии переквалифицировался на зубного врача, его отправили на Сахалин. Вернулся в Крым, а там начались репрессии — сажали бывших белых офицеров. Один следователь посоветовал отцу уйти из армии, хотя ему оставалось всего 5 месяцев до 25 лет выслуги. Он написал рапорт, и больше его никто не трогал.

Я тогда на самом деле не знала, что папа спасал людей (во время оккупации Крыма. — В.М.). А он и не маскировался особо, даже когда из Ялты мы перебрались в Симферополь и жили в одном доме с немецкими генералами. У отца был стоматологический кабинет. И в Ялте, и в Симферополе к нему ходили лечиться румыны, хорваты, что воевали на стороне фашистов. А кроме того, к нему из лагеря приводили военнопленных. Прямо в кресле он переодевал их в обычную одежду, а в робе и с перевязкой на лице в лагерь отправлялись комиссары, которые готовили там восстание. Таким образом папа спас 8 человек. Трое из них остались работать в Крыму — от них я и узнала про папу, но к тому времени его уже арестовали. Отец спас не только этих людей. Когда в 1941 г. наши отступали из Ялты, они хотели взорвать военный санаторий вместе с ранеными бойцами. Отец вывел оттуда 60 человек.

Посадили его в 44-м году, когда в Крым пришли наши. Маму, Евгению Георгиевну, посадили чуть раньше папы. Она работала в санатории “Аэрофлота” бухгалтером. Когда наши в 41-м г. отступали, её начальник дал приказ раздать сотрудникам провизию, простыни, одеяла. Когда понадобилось забрать нашу квартиру для одного прокурора — а мы жили в Симферополе в престижном доме (в квартире под ними жил знаменитый художник-баталист Николай Самокиш. —

В.М.), — её обвинили в разграблении имущества и по 58-й статье дали 5 лет. Потом к прокурору вызвали отца и предложили переехать в какую-то развалюху. Он отказался. Его приговорили к трём годам, хотя по 58-й меньше 10 лет не давали. Отца судили в каком-то дворе, я была на том суде, на терраске сидели три человека. Ко мне подошёл председатель этого суда и сказал: “Мы должны ему орден дать, а мы его судим”.

Я очень плохо жила, когда родителей посадили. Потому что тогда же посадили деда с бабушкой. Дед (учитель Георгий Добров. — *В.М.*) был болгарин, мои предки по его линии жили в Крыму с 1793 г. Бабушка — русская, дворянка. Деда как болгарина отправили в лагерь, а бабушка за ним поехала сама (там дедушка и умер, ему было 84 года). Я пошла работать в госпиталь, полы мыла. Потом те самые люди, которых спас папа, помогли мне поступить в медицинский институт — как дочери репрессированного вход мне туда был заказан. Но за мной “присматривали” и другие люди. Одна следовательница, которая принимала участие в папином деле — видно, на душе у неё кошки скребли, — через 2,5 года пришла ко мне и сказала: “Я тебе записку дам, поезжай в Москву, есть очень знаменитый адвокат, Фальке⁵⁵⁴, отдашь бумагу ему”. Там было написано: “Помоги, пожалуйста, этой девочке, это самая большая ошибка моей жизни”. Я приехала в столицу, отдала записку адвокату, и маму с папой освободили на 1,5 и 2 года раньше срока. <...>

Нас ведь как прокажённых сторонились, оккупированными презрительно называли свои же. Считали, что мы должны были все сразу застрелиться, а не жить, не работать при немцах. Так что я никому и не рассказывала, что пережила оккупацию. Так получается, что вся жизнь и моя, и моей семьи была засекречена. Мама скрывала своё дворянское происхождение, я сама узнала об этом от неё перед её смертью. Папа скрывал, что служил в царской армии, потом, когда его освободили из сталинских лагерей и запретили возвращаться в Крым,

⁵⁵⁴ Возможно, Э.Р. Фальк.

скрывал и это своё прошлое. В 2000-х гг. я поехала в прокуратуру Крыма (он был тогда украинский), мне была нужна справка, что я и моя семья пострадали от политических репрессий. Там мне честно сказали: “Если признаем пострадавшей, должны вернуть квартиру, вещи и за то, что родители отсидели, денежную компенсацию. Но денег нет”. Родителей так и не реабилитировали»⁵⁵⁵.

Затем из лагеря написала сама Евгения Георгиевна. 27 сентября Георгий Аркадьевич аккуратно отпечатал на машинке ответ.

«Милая Женья, — позвольте мне по старой дружбе называть Вас именно так, — получил сегодня Ваше письмо и немножко сердит на Вас: неужели Вы думали, что Ваше нынешнее положение может что-либо изменить в моем отношении к Вам? Вы должны были бы знать меня лучше. Мне незачем также говорить Вам, что, лишь только я узнал о Вашей истории, я ни на секунду не подумал, что обвинения против Вас истинны. Ваша дочь прислала мне письмо с сообщением о происшедшем и Ваше заявление (по-моему — подлинник, а не копию) в какую-то инстанцию; заявление весьма взволнованное и немного поэтому путанное. Я написал в Прокуратуру Крыма письмо, где изложил суть дела и, ссылаясь на многолетнее знакомство с Вами, выразил полную уверенность, что в данном случае имеет место либо ошибка, либо стечение обстоятельств, и просил о внимательном подходе к делу. Ответа не последовало.

Судя по тому, что мне говорил Ваш брат (Николай Георгиевич Добров, инженер-строитель. — В.М.), сейчас ничего нельзя сделать и надо “смириться”. Но, право же, приходить в отчаянье не следует. Срок не за горами; возможно и досрочное освобождение. Не далее, как позавчера я встретил старую свою приятельницу, вернувшуюся после десятилетнего пребывания в Заполярье, — бодрую и полную энергии и немедленно вызвавшуюся лепить мой бюст (она

⁵⁵⁵ Кузнецова Т. Список Хабарова. Он спасал пленных от немцев, но вместо ордена получил срок // Аргументы и факты. 2015. № 16. 15.04. <http://www.aif.ru/society/people/1489970>

тоже скульпторша)⁵⁵⁶. Жизни еще много будет впереди. Держитесь, дорогая. Вспомните чудесные строки Пушкина (в легкой переделке): “Окажи судьбе презренье, Понеси навстречу ей Непреклонность и терпенье Гордой юности твоей”. Мы — здоровое и крепкое поколение; мы “видывали виды”, и сломить нас трудно. Вот Юлий Юльевич Марти, 75 лет, недавно начал “новую жизнь”: снялся с кабардинской мели, куда его занесла судьба и отвратительное преступление его дочери⁵⁵⁷, и, отчасти с моей помощью, устроился на работу в Херсонесский музей, и с юношеским восторгом пишет мне о своих научных интересах, о новых исследовательских задачах и пр. А ему 75 лет!

Пожалуйста, пишите мне, будем переписываться, если это может Вам хоть немного скрасить быт; скажите мне просто и открыто: чем бы я мог Вам реально пособить? Может быть, послать Вам денег (укажите, как это сделать)⁵⁵⁸ (не хмурьте Ваши ласточкины брови, смотрите на вещи просто), послать Вам книг? рисовальных принадлежностей? Напишите мне. Затем: отвратительная среда, о которой Вы пишете, может быть объектом интересных наблюдений; почему бы Вам не записывать кое-что? Это может пригодиться.

Ну вот, пока всё. Вы упомянули о Н.Н. Грин; правильно ли я понял, что она делит с Вами кров? Ее эпопея мне интересна; если можно, напишите мне вкратце, куда ее носила судьба за эти годы: тут ходили самые разные слухи. Но, между нами, не очень распахивайтесь перед этою дамой: это душа с двойным дном.

Нина шлет Вам теплый привет, Сережка Векшинский, несомненно, тоже (“тожи”!): я ему позвоню сегодня, но уже сейчас этот привет авансирую.

Ваш Ёра Шенгели»⁵⁵⁹.

Современному читателю письмо может показаться то ли легкомысленным, то ли холодно-безучастным. Однако вспомним, что оно

⁵⁵⁶ Неустановленное лицо.

⁵⁵⁷ Выяснить, о чем идет речь, не удалось.

⁵⁵⁸ Слова в скобках приписаны вверху страницы.

⁵⁵⁹ Ксерокопия: Материалы о семье Добровых.

предназначено не только адресату, но как минимум лагерной цензуре, и что пишет его человек, сидящий на чекистском «крючке», четко понимающий положение подруги из «оккупированных» и свое собственное. Всего месяцем ранее вышло разгромное Постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», и непонятно, каковы могут быть его последствия для литературного мира. Шенгели хочет сказать и узнать как можно больше — и особенно тщательно подбирает каждое слово.

26 февраля 1946 г. Военный трибунал войск НКВД Крыма в закрытом заседании приговорил Нину Николаевну Грин, Ассоль «Алых парусов», за работу в немецкой типографии и газете к 10 годам лагерей, которые она отбывала в Ухтпечлаге и Астрахани. Освобожденную по амнистии со снятием судимости в октябре 1955 г., вдову писателя, несмотря на неоднократные прошения, реабилитировали только в 1997 г.

Супруги Грин были давними знакомыми супругов Шенгели, у которых Александр Степанович останавливался, когда в двадцатые годы приезжал в Москву. Георгий Аркадьевич любил Грина как писателя и человека, спокойно принимая его известные слабости. «Он был высоко честен, строг и чопорен; не любил ни малейшей фамильярности; резко обрывал всякие попытки панибратства, — рассказывал он в апреле 1956 г. искусствоведу Ольге Вороновой. — Из-за подчеркнутой сдержанности и строгости на многих производил впечатление загадочное; уверен, что именно в этом корень ходивших о нем легенд»⁵⁶⁰. Сказанное можно применить и к нему самому.

Прочитав «Блистающий мир» и «Золотую цепь», Шенгели 17 ноября 1925 г. делился с автором впечатлениями: «Первая книга мне нравится больше, затрудняюсь сказать почему. Между прочим, образ Тави Тум у меня прочно ассоциируется с образом Нины Николаевны. Интересно, — прав ли я в некоторой мере? В обеих же книгах чувствуется существенный поворот в манере и интересах творчества. Психология странности в этих книгах удачно аккомпанирует лиризму

⁵⁶⁰ Воспоминания об Александре Грине. Л., 1972. С. 319.

странствий. И, знаете, немного жутко чувствовать, что Вы докапываетесь до душевных смен, в которых человек себе только во сне сознается (помните, Тави лепечет: “иначе что-то спутается?”); вот эта готовность человека совершенно и фантастически меняться во сне — то есть в самой свободной *яви* — показанная, уловленная — пугает». Три годами позже он откликнулся на «Бегущую по волнам»: «...Не роман, а поэма, глубоко волнующая, и это ощущение разделяют со мною многие друзья, которым я давал ее читать. Мне кажется, я не ошибусь, сказав, что это — лучшая Ваша вещь: в ряду других произведений, увлекательных, захватывающих, чарующих, — “Бегущая” просто покоряет; после нее снятся сны...»⁵⁶¹

Осенью 1931 г. Георгий Аркадьевич пытался помочь умиравшему в бедности и опале Грину. По просьбе его жены он обращался во Всероссийский союз писателей и к Горькому, однако Нина Николаевна считала, что Шенгели не сделал всего возможного⁵⁶². На смерть друга он написал стихи, при жизни автора не напечатанные: «Ты вымечтал несбывшуюся Фрези, как вечную надежду морякам», — а в «Планере» напомнил понимающему читателю: «Там, где могила Волошина, // Там, где могила Грина». В том же 1933 г. Мандельштам, гостя в доме Грина, написал «Холодная весна. Голодный Старый Крым...». А в 1942 г. гриновская тема — в числе прочих особенно дорогих — прозвучит в стихотворении Шенгели «Романтика», посвященном жене: «Называется — Севастополь, // Ощущается “Зурбаган”».

Рассказ же о Евгении Добровой лучше всего завершить словами ее дочери: «Всегда честность, трудолюбие, скромность, умение довольствоваться малым отличали маму. Умерла она <в 1982 г.> тихо в одночасье, никого не потревожив»⁵⁶³.

⁵⁶¹ РГАЛИ. Ф. 127. Оп. 1. Ед. хр. 162. Л. 1, 4; фрагменты: *Иноходец*. С. 482.

⁵⁶² *Грин Н.Н.* Воспоминания об Александре Грине. Мемуарные очерки. Дневниковые записи. Письма. Феодосия, 2005. С. 159–160.

⁵⁶³ Материалы о семье Добровых. Л. 17.

II

Летом 1946 г. Шенгели получил командировку в Таллинн для работы над переводом стихов Йоханнеса Барбаруса (Вареса) — бывшего авангардиста, ставшего главой «переходного» правительства Эстонии летом 1940 г., а затем председателем Президиума Верховного Совета Эстонской ССР. Когда летом 1945 г. речь зашла о его «изборнике», Барбарус, выпускник Киевского университета, свободно владевший русским языком, сам выбрал Шенгели, зная его как переводчика Верхарна, и не разочаровался. «Перевод исполнен мастерски и точен даже в деталях», — писал он 4 сентября 1946 г. заведующей редакцией литератур народов СССР Гослитиздата Рябининой, используя (не по совету ли переводчика?) официальный бланк⁵⁶⁴. Шенгели был обижен, что в рецензии «Литературной газеты» на московское издание «Избранных стихов» Барбаруса ни слова не говорилось о качестве перевода⁵⁶⁵, но удовлетворенно отметил переиздание книги в Эстонии годом позже⁵⁶⁶.

О подобных работах принято говорить скептически как о вынужденных, не имеющих отношения к подлинному творчеству. Авангардист, ставший коммунистом, Барбарус, конечно, не Гюго и не Верхарн. Автор сам составил сборник, не дав переводчику права выбора, но включил в него не только «агитки». Поэт искренне ждал встречи с русским читателем. Шенгели сделал эту встречу возможной.

Я в лабиринте улиц сонном
нуждаюсь в нити Ариадны,
чтоб о визите нанесенном
поведал правду стих мой холодный.

Ну, так води же, Одиссея,
меня, покорного легенде,

⁵⁶⁴ Критика. С. 213.

⁵⁶⁵ Волков Ан. Выдающийся поэт Эстонии // Литературная газета. 1948. № 9. 31.01. С. 3.

⁵⁶⁶ Критика. С. 213.

кто бродит, жизнью не пьянея,
пресыщен ею точно дэнди.

Меня, — кого Сократ с Платоном
Всегда в своей держали власти...
А Диоген!.. Я был пленен им:
я ведь и сам такой же масти.

Нет! Прочь столицу с плеском юбок,
пойду я к тем, на пыльном рынке,
кто сыты тяжкой ловлей губок,
продажей фиг или коринки.

Пускай Олимп сереброглавый
сулит богов туристской массе,
и лирики в сиянье славы
сидят на мертвенном Парнасе!

Средь мифов, муз, колонн, развалин,
что стынут сора грудой серой,
я странным чувством был ужален:
само неверье стало верой!..

Когда переводчику становилось скучно, он шалил. Порой опасно:

...Ужасна правда тех полей,
где пули словно пчелы
с цветов собирают мед!...
...Когда овчаркою на страже
потягивает пулемет,
как пес цепной...

Редактор Александр Дейч, знаток поэзии, не мог не заметить дерзкой цитаты из гумилевской «Войны», которой, думаю, не было в эстонском оригинале.

Как собака на цепи тяжелой,
Тявкает за лесом пулемет,
И жужжат шрапнели, словно пчелы,
Собирая ярко-красный мед.

Книга благополучно вышла — видимо, никто больше не заметил.

В Таллинне Георгий Аркадьевич побывал на могиле Северянина и разыскал его последнюю, «невенчанную» жену Веру Коренди, которая служила учительницей русского языка в сельской начальной школе. «Это еще не пожилая женщина, некрасивая, но с очень яркими синими глазами, вполне интеллигентная, но чрезмерно восторженная, — писал он Нине Леонтьевне 15 августа. — Привозила также его последнюю тетрадку: много хороших вещей». Вера Борисовна подарила гостю несколько эмигрантских книг мужа: «Громадное количество его здешних писаний — “воспоминательные”; видно, жизнь не давала подлинной пищи», — заметил Шенгели в письме к Манухиной 28 августа.

Перевод поэмы Леси Украинки «Роберт Брюс», опубликованный в ее однотомнике 1947 г., был высоко оценен в печати: «Есть в книге хорошие и даже отличные переводы. На первое место мы бы поставили “Роберта Брюса” в мастерском переложении Г. Шенгели. Г. Шенгели не только передал образную систему оригинала, но воссоздал его интонации. Высокая поэтическая культура Шенгели, строгий художественный вкус определили эту удачу. Перевод воспринимается как оригинальное произведение при безупречной поэтической его точности»⁵⁶⁷.

Не всякое упоминание радовало. 3 апреля 1949 г. ашхабадский «центральный орган» «Туркменская искра» поместил статью Александра Аборского «Космополитические бредни профессора Шенгели», о тоне которой легко догадаться по заглавию. Автор клеймил Георгия Аркадьевича за предисловия к «Систру» и «Юсупу и Ахмету», вышедшим пятью годами ранее, и даже за давний очерк «Преодоление пустыни», так что остается предположить сведение личных счетов. «Бросается в глаза, что в его писаниях, как правило, предпочтение отдается иностранному. <...> Если он и обращается к русской литературе, то только для того, чтобы умалить значение,

⁵⁶⁷ Критика. С. 212–213.

Космополитические бредни профессора Шенгели

Огромное качественное влияние оказал доступ литературы на работу писателей и всех братьев народа СССР. Советские писатели, поэты, драматурги, сценаристы вышли вперед, опираясь на литературный трудный многовековой паритетности, актуально участвуя в социальном труде народа, участвуя парно в его развитии, внося в него, участвуя парно. Рост творческой литературы можно обусловить социальным фактором и социальным фактором. Сейчас для всех очевидна та огромная практическая помощь, которую оказывают писатели и ученые Москвы всем работникам культурного фронта Туркменистана. Во справедливости творческие писатели очень высоко ценят писателей Москвы своим участием в социальном труде.

Эта британская помощь включает в себя и выставку обиходных вопросов, способствующих повышению эстетико-художественного уровня литературы, и конкретные советы по тому или иному произведению, будь то большой роман или маленькое стихотворение, и редактирование книг, и вопросы художественного перевода и многое другое.

На этих фоне особенно интересно выдвигать заявления отечественных литераторов, в таких «трудах» не только трудно отказать что-нибудь полезное, а, наоборот, на каждом шагу встречаешь путаницу, замешательство, чудные или по своей глупости. К концу таких литературных вечеров переводчик стихов, автор статьи по туркменской литературе, профессор Ш. Шейхзаде. Переводы туркменских поэтов, славные профессоры Шейхзаде, уже поворачиваясь к выходу, разойдутся на

страницах журнала «Советская жизнь» («орган «Правды»), в журнале «Советские деятели» и в «Туркменской Весне». В этих произведениях, особенно по разделу советской поэзии (стихи Кара Сейтазена, Рахмет Сейдова), в большинстве случаев не отрицалась идейная и художественная сущность критика, реалистические образы поэтов ориентации в искусстве формалистическим концессионным переделывал.

Зестер Шенгели утверждает, что при посещении отдельных вечеров, которые так привлекают по вкусу, он «погружается, как в марьянуку ванну». Но по вкусу Шенгели как раз то, что отворачивает нас читателей. И, поэтому, нет для профессора Шенгели более страшного слова, чем «реализм». Но искусство о реализме в поэзии помнил и читал своего рода полноту с советскими читателями в предисловии к сборнику К. Сейдлакова «Сестры».

Большая часть творения, по мнению других исследователей Шопеля, по ней должна оцениваться. Необходимо сказать об этом еще и потому, что, начиная с середины, автором писаний творчество бывшего таинничного поэта Гора Сейтжанова, Шопель пытается бороться от его влияния, так как он и других туркменских поэтов не допускает к своему творчеству. Читатель, — равняем писателю Шопель, — может быть, скажет, что у поэта самого много книг и стихов, что счастье не только в прозе, но и в поэзии, и поэтому, читая, мы должны читать поэзию, поэтика, поэмы. Он, возможно, и прав этот читатель, но я не променяюсь на книгу.

В предисловии к книге «Душ и язык», опубликованной в 1944 году, Шопель говорит: «Из своих сочинений: поэзия, проза».

[illegible]

Тяжело романтичнее среди Т. и П. — так же, как и в жизни, так и в искусстве. Но в искусстве, как и в жизни, не все так просто. Вспомните, как тяжело порой и раб не выпустит из своих «заков» этот профессор-буржуа, как тяжело сбросится в газету, как тяжело в эту шинкалю, как правду, правду и правду сказать иностранцу. Вспомните, как тяжело порой и раб не выпустит из своих «заков» этот профессор-буржуа, как тяжело сбросится в газету, как тяжело в эту шинкалю, как правду, правду и правду сказать иностранцу. Вспомните, как тяжело порой и раб не выпустит из своих «заков» этот профессор-буржуа, как тяжело сбросится в газету, как тяжело в эту шинкалю, как правду, правду и правду сказать иностранцу.

Александр Аборский. «Космополитические бредни профессора Шенгели»
(Туркменская искра. 03.04.1949)

опошлить лучших ее представителей. Будучи в Ашхабаде, Шенгели не раз выступал со злобными выпадами против выдающихся русских классиков, в публичных речах “уничтожая” Некрасова⁵⁶⁸, Льва Толстого, Маяковского и выдвигая “на первые места” такие имена, как... Ахматову. <...> Говоря о туркменской литературе, он также пытается оторвать ее от народа, от родной почвы, на которой она выросла. <...> Шенгели издевательски, с пренебрежением колонизатора говорит о туркменском народе»⁵⁶⁹.

В силу жанра донос комментариев не требует, но надо сказать, что туркменскую классику Шенгели переводил тщательно и с увлечением, о чем писал в предисловии к «Юсупу и Ахмету»: «В романе

⁵⁶⁸ Видимо, пасквилянт слышал: «Небо, как будто Некрасов, слезливо и тускло».

⁵⁶⁹ Туркменская искра. 1949. № 65. 03.04 (вырезка в архиве Шенгели в РГАЛИ).

так много наивного и хорошего, такие в нем ясные души и здоровые стремления, такая четкость силуэтов, столько в нем подлинного благородства и сильного чувства, что в него погружаешься, как в нарзанную ванну. Культ удали и смелости, острое чувство родины, высокая гордость воина, трогательная преданность джигитов вождю и товарищу, светлая и нерушимая любовь жен и мужей, детей и родителей <...> всё это охватывает каким-то бодрящим током»⁵⁷⁰. Жаль, сейчас его переводы не только не переиздают, но и не вспоминают.

Предисловие особенно интересно тем, как лирично и раскованно написал обычно сдержанный Шенгели о своей работе.

«То, что называется “творческим побуждением”, у переводчика стихов весьма прихотливо и своеобразно. Почему поэт берется за переводы? Не потому что “за переводы платят”. Платят и за многое другое, и платят порою лучше. Суть дела в ином. <...> Ведь можно читателю любить самых различных поэтов одновременно? Пушкин для читателя не исключает Брюсова, и Есенин не перечеркивает Ахматову. Это означает, что в нашей читательской психике живут одновременно умонастроения и Брюсова, и Ахматовой, и Есенина, и Пушкина. Почему же нельзя поэту хранить в себе те струны, которые в полную силу звучали у Гёте и Байрона, у Эдгара По и Верлена? Почему нельзя ему стремиться дать этим своим струнам звучание? <...> У него — свое лицо, свое видение мира, свой голос, своя властная тема. А наряду с этим есть у него другие личины, другие миражи, другие шопоты. Они “просятся наружу” и проявляются — в переводах. Поэту хочется быть блистательным, сверкать строкой, как шпагой, бить в набат, разговаривать со стихиями, — и он берется за перевод Гюго. Ему хочется звуковых переливов, расплывчатых полутонов, беспредметной грусти, — и он берется за перевод Верлена. “Сам он” не такой, иной; основная его творческая струя — другая, но “боковые протоки”, заводи, затоны могут по-иному отражать

⁵⁷⁰ Шенгели Г. От переводчика // *Магруппи К.А. Юсуп и Ахмет. Ашхабад, 1944. С. 6; далее цит. без сносок.*

Курбан-Али Магрупи. «Юсуп и Ахмет» в переводе Георгия Шенгели (1944)
Обложка

небо и давать приют другим птицам и рыбам. И там зарождаются — переводы».

Осознавая невозможность публикации новых стихов — «ему разрешили жить на свободе и зарабатывать пером на пропитание, но как поэт он официально не существовал», как точно сформулировал биограф другого поэта⁵⁷¹, — Шенгели писал «в стол». Писал немного, но по-прежнему мастерски и вдохновенно — и изготавливал машинописные книжечки, на всякий случай указывая «тираж» в три экземпляра:

Дождь провел крылом прохладным
По горбатым переулкам,
В белых кадках олеандры
Освежая на лету,
И уже за Южной бухтой,
Над слободкой Корабельной,

⁵⁷¹ Лосев Л. Иосиф Бродский. Опыт литературной биографии. М., 2011. С. 127.

Точно орденская лента,
В небе радуга легла.
И уже бегут к бульварам
Мичмана и лейтенанты
В белоснежных недотрогах —
В непорочных кителях;
Мы же, люди пожилые, —
Я и адмирал Унковский, —
Мудро курим на балконе,
Подливая в кофе ром.

Живет прошлым? Ничуть. 20 февраля 1946 г. написано стихотворение «Атомная бомба»:

В великолепном темно-синем небе
Вдруг появилась огненная точка
И вдруг невыносимо засияла
Как тысяча, как десять тысяч солнц,
Она лавиной бешеного блеска
Пронизывала веки и ладони,
Она сожгла во всех глазах сетчатку,
И через миг по улицам, где взывала
Внезапно разразившаяся буря,
Стотысячной толпою заматались
Забывшие себя самих слепцы,
И через миг — зной, топка, домна, лава
Дохнули на людей, и соки тел,
В газ превращаясь, разрывали ткани,
А дальше — ни вообразить нельзя,
Ни рассказать: тут солнце показаться
Могло бы шаром изо льда. Всё стало
Распадом, адом, бредом Сатаны.

Так люди в первый раз свели на землю
То, что таится в древнем сердце звезд!

Куда больше, чем писалось в газетах, ему рассказывал — точнее, намекал — Векшинский, привлеченный к «атомному проекту». В адресованном ему в 1947 г. послании Шенгели обмолвился:

Сергей Векшинский и Георгий Шенгели
(В.П. Борисов. Сергей Аркадьевич Векшинский. М., 1988)

Бремя тайны принес академик поэту:
В ладони он держал смерть и жизнь миллионов, —
И Верховным Судом, оправдавшим планету,
Два стали мальчика, душу друг другу тронув.

Значительная часть работ Векшинского была засекречена, поэтому печатался он мало и — думаю, не без гордости — подарил другу свою первую и единственную книгу «Новый метод металлографического исследования сплавов» (1944)⁵⁷². В 1945 г. монография принесла автору, не имевшему законченного высшего образования, степень доктора физико-математических наук, годом позже Сталинскую пре-

⁵⁷² «Еще когда я был с Вадимом (сыном. — В.М.) в Москве, он у Ёрки в библиотеке увидел твою книгу, с жадностью стал ее просматривать и... понял, что ему многому надо учиться», — писал Федор Аверкиев Сергею Векшинскому 1 сентября 1946 г.: Архив РАН. Ф. 2022. Оп. 1. Ед. хр. 126. Л. 5.

мию первой степени и звание члена-корреспондента Академии наук СССР (академиком он стал в 1953 г.).

В pendant к стихам появлялись поэмы. «Очень хочется писать, — признался Шенгели 18 февраля 1946 г. Рождественскому. — Начато пять поэм⁵⁷³ (из которых в одной уже сделано 1500 стр.), и всё застопорилось. Тянет написать большую синтетическую вещь, подвести итог шатаниям по дорогам мира, но... боюсь, что “затрещит набережная”, если заговорю полным голосом. <...> Хочется также и формальной остроты. Одну поэму я начал октавой со сплошь опорными рифмами, — но очень трудно. Другую пробовал делать разложенным разноstopным ямбом (вроде Максовой “Путями Каина”, но сложнее), и тоже трудно. Боюсь, что я уже состарился и ритмические мускулы ослабли»⁵⁷⁴.

С «мускулами» всё было в порядке. «Эфемера»⁵⁷⁵, написанная, согласно помете автора, «в один присест» 14 ноября 1946 г., пронизана памятью о детстве и юности, живой для автора и почти через полвека:

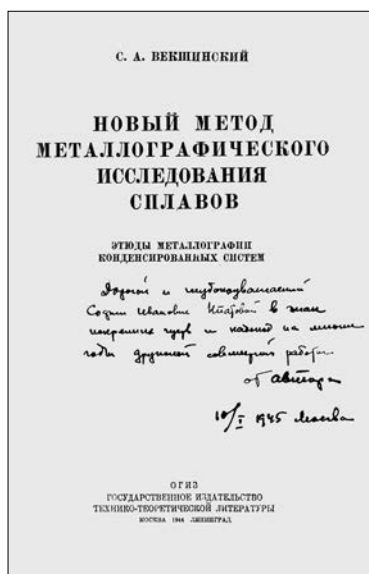
И всё же новой эрой
Веет сквозь жалюзи:
Боксерское восстание
Едва усмирено;
Поэт Валерий Брюсов
Поет про полдень Явы;
Тихого Океана
Муссоны дуют в Крым.

У трех сестер альбомы,
Открытки и фото́ —
Пять узких труб «Аскольда»,
«Варяг» и «Ретвизан»,

⁵⁷³ «Повар базилевса», «Тайна кавторанга», «Разрешите мне читатель подурить немного с Вами...», «Карфагенская бритва», «О доблестях, о подвигах, о славе...»; три последние не окончены, две последние написаны октавами.

⁵⁷⁴ О Всеволоде Рождественском. С. 173.

⁵⁷⁵ Арион. 2004, № 4 (публ. М.А. Шаповалова).

Инскрипт Сергея Векшинского Софии Штатовой на титульном листе книги
«Новый метод металлографического исследования сплавов» (1944)

И мичманá в чеканных
Воротничках крахмальных,
И, в кимоно павлиньих,
Куколками, мусмэ.

И пусть на Мартинике
Лавой сметен Сен-Пьер,
В купринском «Поединке»
Пусть гибнет Ромашов, —
Прелестно утро века
И нежен корилопсис,
И ожиданье сладко
Уехавших мужей.

«Тайна кавторанга»⁵⁷⁶ (1944–1947) повествовала — с соблюдением законов жанра авантюрного романа — о древней цивилизации,

⁵⁷⁶ Российский колокол. 2005. № 1 (публ. М.А. Шаповалова).

знавшей «радио и радий», но погибшей, потому что двум «великим
магам» «стало тесно»... как могло стать Трумэну и Сталину?

И настал последний день, в который
«Треснула орехом» грудь земли,
И сползли в ее зиянье горы,
Пашни, грады, храмы и кремли.
И земля ликующею лавой
Кончила с людской, с бесславной славой,
Чтоб столетья «сами течь могли»!

С полдюжины вещей были начаты и брошены, от «Поэмы о
двухголовом человеке» (1948), в духе «болтовни» «Дон-Жуана» и
«Онегина», до ностальгического «Севастополя» (1951) и «Богаты-
рей Невы», о которых Шенгели записал 5 ноября 1954 г.: «Прорвало!
Начал писать; пока 23 стиха; вышло крепко; давай, боже»:

Я не из тех, кто задрожит,
Когда проедет принц наследный;
Я не из тех, кто побежит,
Когда сорвется Всадник Медный;
Я не шепну «ужо тебе!»,
Шептать я вообще не стану:
Я бронзовому истукану
Противостану как судьбе;
Я, подобрав пращу Давида,
Метну с бычачьего ремня
То слово, что гнетет меня,
В котором гнев мой и обида,
Которое тринадцать лет
Во мне росло, как в почках камень,
В котором слезы, кровь и пламень
Спеклись в багряный самоцвет,
В нагой голыш. Сто раз испытан
В тиши невыплаканных злоб,
Неумолимо просвистит он
И ляпнет прямо в медный лоб!

Над омраченным Ленинградом
Клубится дым лохматым гадом.
Предатель или идиот,
Дождавшись рокового часа,
Сквозь горы хлеба, груды мяса,
Жиров и сахара — под свод
Наивернейшего подвала,
Чтоб вместе вся еда лежала,
Чтоб легче подводить ей счет,
И вражий в ту же ночь налет
Всей мощью огненного шквала
Обрушился на погреб тот, —
И жизнь миллионов запылала⁵⁷⁷.

Жаль, что на этом поэма оборвалась...

III

В 1947 г. тиражом 55 тыс. экземпляров, наконец, вышел перевод «Дон-Жуана» — 520 страниц поэтического текста, набранного мелким шрифтом, с обстоятельным послесловием переводчика, которое завершалось словами: «“Миг вожденный” настал: любимая работа закончена; мечта многих лет — в меру сил моих — осуществлена»⁵⁷⁸. Казалось, оставалось ждать триумфа.

История работы над «Дон-Жуаном» — самым крупным произведением, переведенным Шенгели, — описана им самим. «Мысль об этом переводе зародилась у меня давно, зимою 1918/19 г., когда я, получив возможность читать Байрона в подлиннике, буквально опьянел от того богатства мыслей и переживаний, картин и карикатур, которое хлынуло на меня со страниц “Дон-Жуана”, от того словесного пиршества, которое развернуто в каждой октаве гениальной поэмы. Я и раньше читал “Дон-Жуана” — в переводе <Павла> Коз-

⁵⁷⁷ Пожар Бадаевских складов 8–10 сентября 1941 г.

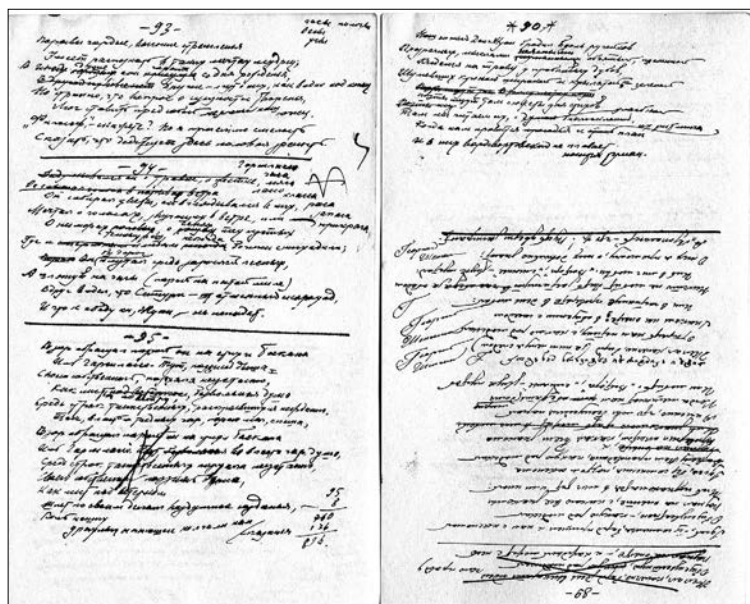
⁵⁷⁸ Послесловие переводчика // *Байрон Дж. Дон-Жуан*. М., 1947. С. 535; далее цит. без сносок.

лова⁵⁷⁹ и <Дмитрия> Минаева — и только недоумевал. А тут мне стало ясно, что переведен он плохо, и что в этом всё дело. Но сам признаться за перевод я, конечно, не отважился. Прошли годы. <...> Чтобы подойти к этой работе во всеоружии, я предпринял, — теперь признаюсь в этом, — *ученическую* работу в виде перевода всех поэм Байрона от “Гяура” до “Острова”. Мне надо было вжиться в Байрона, попытаться *изнутри* овладеть его творческой манерой. <...> Отзывы серьезной критики и отлики читателей, от школьников до академиков, вполне удовлетворили мое переводческое самолюбие. Я отважился приступить к “Дон-Жуану”».

Начатая в 1938 г. работа велась без договора. Позднее Шенгели утверждал, что его заключению сопротивлялся директор ГИХЛ в 1937–1939 гг. Соломон Лозовский, а Михаил Зенкевич «подал в дирекцию записочку о том, что перевод “Дон-Жуана” “превышает индивидуальные силы” и должен быть осуществлен группой в 5–6 человек (что неизбежно повлекло бы стилистический разнобой)»⁵⁸⁰. 4 октября 1940 г. он обратился за помощью к Молотову, «который иногда находил минутку поинтересоваться моими переводческими работами». Об этом мы знаем из письма Георгия Аркадьевича заместителю председателя Совнаркома... Розалии Землячке — той самой, которая зимой 1920/21 г. руководила расстрелами оставшихся в Крыму «белых». Кто ей пишет, она не знала, зато Шенгели знал, кому пишет. Писал, думаю, не по своему выбору, но потому что «уже 12 октября, *по Вашему распоряжению* (выделено мной. — В.М.), мое письмо было направлено в Гослитиздат. Там сумели, под разными предложениями и разными уловками, описывать которые не буду, затянуть решение еще на 3 месяца и в конце концов решили вопрос

⁵⁷⁹ 19 июля 1943 г. Шенгели писал В.Г. Лидину: «Байрон в этом переводе рисуется какой-то гнусной помесью Грушницкого с Надсоном»: РГАЛИ. Ф. 3102. Оп. 1. Ед. хр. 1070. Л. 2.

⁵⁸⁰ Письмо секретарю ЦК КПСС Н.А. Михайлову (4–24 января 1953). РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 2.

Фрагмент рукописи перевода первой песни «Дон-Жуана» Байрона
Частное собрание

отрицательно»⁵⁸¹. 14 января 1941 г. Чагин сообщил Шенгели: «Гослитиздат в данное время, к сожалению, не располагает материальными возможностями для заказа нового перевода “Дон Жуана” — тем более, что “Дон Жуан” не введен в число первоочередных изданий Гослитиздата и поэтому не вошел ни в тематический план 1941 года, ни в план редакционной работы за 1941 г.»⁵⁸².

Обращение в Гослитиздат и в Совнарком Шенгели подкрепил отзывом молодого, но известного и правоверного литературоведа Михаила Заблудовского, написавшего предисловие к двухтомнику «Поэм» Байрона: «Самое ценное и самое главное в переводе Шенгели — его точность, причем точность, достигнутая не заклинием русского языка, русского стиха или здравого смысла, а путем тщатель-

⁵⁸¹ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 129. Л. 46–46 об.

⁵⁸² РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 210. Л. 36.

ных изысканий наиболее адекватных образов, наиболее подходящих эквивалентов. <...> Перевод в целом явится ценным достижением нашей литературы, откроет нашему читателю Байрона по-новому»⁵⁸³. Просьба к «глубокоуважаемой Розалии Самойловне» «властным Вашим словом положить конец этой постыдной волоките, при которой крупная переводческая сила обрекается на длительный простой по соображениям, ничего общего с пользой дела не имеющим» действия не возымела. Договор на «Дон-Жуана», и то лишь на первые песни, был подписан только в феврале 1942 г. — видимо, не без участия «другого издательства».

Осенью 1943 г. Шенгели сдал весь перевод в Гослитиздат, но два года спустя жаловался: «Работа маринуется. Не идет в набор. <...> В план 46 г. З.М. Гильдина попыталась включить <его> не как отдельное издание <...> а под крышкой “однотомника” Байрона, притворяясь, что она не понимает разницы. Мне пришлось заявить дирекции, что, если такое омертвление моей любимой работы состоится, то я буду принужден уничтожить все мои еще неопубликованные труды, переводные, оригинальные, поэтические и научные, и заявить директивным органам, что я прекращаю литературную деятельность ввиду невозможности справиться с баррикадами и надолбами, воздвигаемыми на моем пути. Т. Чагин на днях сообщил мне, что “Дон-Жуан” будет издан отдельно»⁵⁸⁴. Послесловие переводчика датировано 10 января 1945 г., но в набор книга пошла лишь через год и один день. Виновником задержки издания Шенгели считал и влиятельного издательского работника «бывшего гражданина <Бориса> Сучкова» — арестованного в 1947 г. по обвинению в шпионаже в пользу США и досрочно освобожденного в 1954 г., — который «почти три

⁵⁸³ Критика. С. 220. Шенгели датировал отзыв 20 ноября 1940 г. Исходя из имеющихся сведений о работе над переводом, полагаю, что это ошибка: должно быть 1941 г.

⁵⁸⁴ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 129. Л. 19–20.

Джордж Байрон. «Дон-Жуан» в переводе Георгия Шенгели (1947)
Титульный лист

года мариновал “Дон-Жуана” под всевозможными предлогами. Для меня нет сомнения, что этим он угождал *купившим его силам*»⁵⁸⁵.

Редактуру издательство поручило Михаилу Зенкевичу — опытному переводчику, о работах которого Шенгели, однако, отзывался не слишком высоко. Волнуясь за любимое детище, 15 августа 1946 г. он писал жене из Таллинна: «Меня очень тревожит “Дон-Жуан”. *Непременно* удостоверься лично, что Зенкевич там ничего не портит; затем: пойдй к Головенченко⁵⁸⁶ и скажи ему самым настоящим образом, что я не разрешаю печатать, пока сам не прочитаю корректуру примечаний и послесловия: я лишний месяц сидел в Москве, поджидая ее, пускай они теперь подождут моего приезда. Если же Зенкевич что-либо мараает, немедленно телеграфируй». 29 декабря книгу подписали к печати. Осенью 1947 г. она поступила в продажу.

⁵⁸⁵ Критика. С. 297.

⁵⁸⁶ Головенченко в 1946 г. сменил Чагина на посту директора ГИХЛ.

Появление нового перевода такого произведения стало событием. «Директор Гослитиздата Ф.М. Головенченко даже намекал на возможность присуждения мне Сталинской премии», — писал Шенгели пять лет спустя⁵⁸⁷. Первые отзывы радовали. Всеволод Рождественский: «Для русского читателя это, пожалуй, впервые прозвучавший голос Байрона, и старые переводы этой вещи отныне не существуют». Константин Локс, ранее высоко оценивший переводы Верхарна: «Это работа прямо героическая. <...> Расточать комплименты я не стану, мелочной критикой заниматься тоже не стану. Читал я “Дон-Жуана” на русском языке с большим удовольствием, как вещь адекватную и бесспорную, и для меня этого достаточно. Я очень рад за наших читателей, которые, наконец, получили “Дон-Жуана” в настоящем переводе». Историк литературы Илья Бороздин: «Наконец-то, это блистательное, но в то же время труднейшее и замысловатейшее произведение подлинно засверкало в русском переводе. Вы виртуозно справились с поставленной задачей». В.А. Петрова, библиотечный работник из Киева: «Наконец-то, я прочла “Дон-Жуана” в Вашем переводе, и захотелось поблагодарить Вас. Я прочла раз вчерне и теперь перечитываю. Какая колоссальная работа! Мне всегда хотелось прочитать “Дон-Жуана”. В подлиннике слишком трудно, а в переводе тоскливо. И вот сейчас есть такой перевод, как Ваш. Есть места изумительные». К этому Шенгели мог добавить восторженные телефонные звонки Инбер, Пастернака, «в три часа ночи сообщившего мне, что он не может оторваться от книги», «конкурента» Левика, «сказавшего, что он не представлял себе возможности достичь такого “класса точности”»⁵⁸⁸.

Первая рецензия увидела свет в марте 1948 г. Эзра Левонтин опубликовал обстоятельный разбор «Дон-Жуана», во многом повторив послесловие Георгия Аркадьевича, которое счел нужным похвалить особо. Сделав несколько частных замечаний, рецензент конста-

⁵⁸⁷ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 3.

⁵⁸⁸ Все: *Критика*. С. 222–223. В тексте «Критики по-американски» Шенгели везде сокращал название «Дон-Жуан» до ДЖ; для удобства чтения при цитировании я этому не следую.

Инскрипт Георгия Шенгели Игорю Поступальскому
на титульном листе книги Махтум-кули Фраги «Избранные стихи»

тировал: «Создал ли Шенгели, в конечном итоге, наиболее близкий к подлиннику перевод? Мы можем ответить на этот вопрос положительно. Переводчик исследовал все компоненты подлинника: язык, острословие, фабулу, форму, — отдал себе отчет в идейном назначении “Дон Жуана” и передал это средствами богатого русского поэтического языка. Успех Г. Шенгели является успехом всей школы советского перевода»⁵⁸⁹.

Отзыв Игоря Поступальского, вернувшегося к переводческой работе после заключения, остался в рукописи: «Заслуги Георгия Шенгели в области стихотворного перевода чрезвычайно значительны. Тем досаднее, что многолетняя и успешная работа этого выдающегося мастера все еще не имеет надлежащей оценки. <...> Перевод Шенгели оставляет далеко позади, по существу хоронит, все прежние русские

⁵⁸⁹ Советская книга. 1948. № 3. С. 106–111.

переводы “Дон-Жуана”. <...> Шенгели необычайно близко подошел к подлиннику в целом. Новый перевод не только высоко убедителен в плане художественном (исключая кое-какие мелкие частности), но и максимально точен. <...> Великое произведение мировой литературы теперь, с появлением перевода Шенгели, получило шансы стать для советских читателей одной из любимейших книг»⁵⁹⁰.

Даря Ахматовой «Дон-Жуана» — почему-то лишь через три года после выхода, — переводчик написал: «Глубокоуважаемой и дорогой Анне Андреевне Ахматовой мой переводческий (и терновый) “венец” Г. Шенгели 8/VIII 50» (Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме). О каких «терниях» речь?

«11 марта 1948 г. в Союзе Советских Писателей состоялось обсуждение перевода “Дон-Жуана”, — восстанавливал Георгий Аркадьевич хронику событий четыре с половиной года спустя. — Доклад читал Э.Е. Левонтин, развивший положения своей рецензии»⁵⁹¹. Вступительное слово произнес Кашкин, в туманных намеках приглашавший охаять перевод (так как полезнее-де для переводческого дела указывать на недостатки работы, а не на достоинства), за что и был высмеян И.Л. Сельвинским. Все выступавшие, кроме т. <Владимира> Александрова (Келлера), сказавшего несколько кислых слов о некоторых каламбурах, имеющихся в переводе, — все: И.Л. Сельвинский, А.К. Дживелегов, С.Д. Кржижановский, Е.Л. Ланн, А.М. Арго и др. — отзывались о переводе “Дон-Жуана” как о большой моей удаче. Последним выступил Кашкин, в часовой речи поносивший мой перевод, но столь бессвязно (он только что вышел тогда из психиатрической больницы), что аудитория стала требовать прекращения тягостной сцены, — мне же, после моего ответного слова (где я “пощадил” Кашкина, вняв посланной мне кем-то умоляющей записке), устроила овацию»⁵⁹².

«Итак запомним, таково расположение было лиц».

⁵⁹⁰ Критика. С. 221.

⁵⁹¹ Номер с рецензией подписан в печать 3 апреля, через три недели после обсуждения.

⁵⁹² Критика. С. 223.

Инскрипт Георгия Шенгели Эзре Левонтину на титульном листе книги «Планер»

Левонтин — поэт и переводчик, давний знакомый Шенгели, получивший «Планер» с надписью «Милому старому Эзру сии иеремиады»⁵⁹³, — в 1963 г. писал о своем положении в литературе старому приятелю Гроссману: «Могу повторить, вслед за моим покойным другом Шенгели, что я “в переводчики проданный поэт” и — прибавлю “проданный в переводчики критик”. Мои переводы печатаются невозбранно, мои рецензии и — изредка — статьи идут лишь в тех случаях, когда я пишу о переводах. Видимо, мне вредит, что я знаю довольного много языков»⁵⁹⁴.

«Он меня заинтересовал с первых строф, — вспоминал Левонтин о переводе “Дон-Жуана”. — Я просидел несколько недель, сравнивая перевод Шенгели с подлинником, и убедился, что, невзирая на возражения, которые вызывают отдельные места, русский читатель впервые получил перевод, раскрывающий самое существо, самую природу

⁵⁹³ ВЭМ.

⁵⁹⁴ Цит. по: Эзра Левонтин // Соболев А.Л. Летейская библиотека. Т. I. С. 242. В этом очерке, являющемся на настоящий момент наиболее полной биографией Левонтина, участие в обсуждении перевода «Дон-Жуана» не отражено.

гениального байронова творения. И я принял предложение сделать об этом в ЦДЛ обширный доклад (и сделал его), а затем, переработав доклад в статью, напечатал ее в журнале “Советская книга”⁵⁹⁵. Введший в научный оборот доклад Левонтина на заседании 1948 г., А.Г. Азов назвал его «довольно сумбурным и неубедительным» и отметил «сильную идеологизированность»: «Именно Левонтин (в том числе в рецензии. — В.М.) первым завел разговор о том, как “адекватно” передан образ Суворова в переводе Шенгели в отличие от прошлых переводов, которые искажали этот образ». «Зная, что последует дальше, — заметил Азов, — трудно удержаться от ощущения, что именно Левонтин, сам того не желая, подкинул позднейшим критикам мысль обратить внимание на образ Суворова и на то, как передан в переводе Шенгели “действительный облик наиболее ценного в русской истории полководца”»⁵⁹⁶.

Примирению с Ланном после охлаждения в годы войны способствовала не только давняя дружба, но и наличие общих недругов: Кашкин еще в 1936 г. нападал на переводы Диккенса, выполненные им в соавторстве с Кривцовой. Кржижановского, не имевшего возможности публиковать оригинальную прозу — ту, что принесла ему посмертную славу, — Шенгели в 1939 г. рекомендовал в Союз писателей как переводчика и литературоведа, а после его смерти записал: «Сегодня, 28 декабря 1950 года, умер Сигизмунд Доминикович Кржижановский, писатель-фантаст, “прозванный гений” (слова Северянина о Лескове. — В.М.), равный по дарованию Эдгару По и Александру Грину. Ни одна его строка не была напечатана при жизни»⁵⁹⁷. Положительную рецензию Сельвинского на переводы Махтумкули я цитировал выше. Арго был старым приятелем супругов Шенгели.

⁵⁹⁵ Стенограмма. Л. 47.

⁵⁹⁶ Азов А. Поверженные буквалисты. С. 137–138. Тезисы доклада Левонтина: РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 310.

⁵⁹⁷ Цит. по: *Перельмутер В.Г.* «Трактат о том, как невыгодно быть талантливым» // Кржижановский С. Воспоминания о будущем. Избранное из неизданного. М., 1989. С. 7–8.

Инскрипт Евгения Ланна Георгию Шторму
на титульном листе книги «Диккенс» (1946)

Кто противостоял им?

Иван Кашкин, требовавший произносить его фамилию с ударением на последний слог, был на 5 лет моложе Шенгели, но в литературу вошел в середине двадцатых. Он окончил литературно-лингвистическое отделение педагогического факультета 2-го МГУ по специальности английский язык и литература, учился во ВЛХИ и одновременно преподавал там английский (распространенная практика), был аспирантом ГАХН. Еще не получив признания как переводчик, он заседал в квалификационных комиссиях — оценивал работу других — Московской ассоциации переводчиков и Федерации объединений советских писателей, затем вошел в секцию переводчиков Оргкомитета ССП. С 1930 г. Кашкин руководил английским отделением кафедры художественного перевода Московского института новых языков (ныне МГЛУ). «Тогда-то и начал вокруг него складываться

кружок переводчиков (вернее даже сказать, переводчиц) с английского языка, состоявший главным образом из его учениц. <...> Из переводческого кружка Кашкина вырос Первый переводческий академический коллектив, переводивший поначалу современную английскую и американскую литературу: Хемингуэя (“Смерть после полудня”, 1934), Джойса (“Улисс” — серия публикаций в журнале “Интернациональная литература” в 1935—1936 гг.; “Дублинцы”, 1937 г.) и др., а затем постепенно переключившийся на английскую классику. За литературно-педагогическую работу в Союзе писателей Кашкин в январе 1939 г. был награжден орденом “Знак почета”». После расстрела Валентина Стенича в 1938 г. он мог считаться бесспорным лидером переводчиков американской прозы. Поэтические работы Кашкина: он едва ли не первым перевел Т.С. Элиота — вошли в «Антологию новой английской поэзии» (1937) и вместе с переводами Зенкевича составили книгу «Поэты Америки. XX век» (1939). Находясь в эвакуации, в 1944 г. он защитил в Среднеазиатском государственном университете кандидатскую диссертацию о творчестве Хемингуэя.

Выступление на обсуждении «Дон-Жуана» стало первым выпадом Кашкина против Шенгели. Что вызвало его, помимо творческих разногласий? Дальнейший ход событий восстановлен в документированной книге А.Г. Азова, но он непонятен без учета того, что предшествовало дискуссии.

Еще в 1945 г. Шенгели подал в главную редакцию ГИХЛ жалобу на Гильдину за «невежество, соединенное с самоуверенностью, бестактность, мелкое интриганство, приводящее порою к довольно крупным последствиям»:

«В порядке повседневной работы Э.М. Гильдина сумела крайне быстро отстранить ряд опытных переводчиков, редакторов и литературоведов. Многие лица, успешно работавшие ранее, годами не получают в секторе работы. <...> Почему работнику моего стажа и уровня за 8 лет не предложили принять участие в переводах иных, “подходящих”? Напр., в болгарском, в югославском сборнике и пр., и пр. Это ли не омертвление производительной силы?»

Возникает вопрос: в чем же дело?

Дело, видимо, в общей тактике З.М. Гильдиной, каковую тактику я не берусь истолковывать: этим должны заняться другие лица и органы. А кроме того, дело в моей персоне.

Как человек резкий, не обладающий гибкой спиной и обтекаемой фигурой, и, вдобавок, настоящий литератор, с серьезными требованиями к работе и людям, я, при первых же соприкосновениях с З.М. Гильдиной, не выразил достаточного восхищения ее методами работы. Отсюда и “пошло”.

Должен сказать, что я устал от всего этого. И думаю, что пора всмотреться пристально в деятельность З.М. Гильдиной и — прекратить ее, эту деятельность.

Восемь лет! Хватит!»⁵⁹⁸

Корень зла таился не в Гильдиной, какой бы злоредной она ни была. Из ГИХЛ ее перевели на должность заведующей кафедрой зарубежной литературы в Латвийский государственный университет, но ситуация принципиально не изменилась. 10 февраля 1947 г. Шенгели отправил генеральному секретарю Союза советских писателей Александру Фадееву личное письмо о положении дел с распределением заказов на переводы и их изданием.

«Оговариваю, что я *лично* не имею оснований жаловаться на положение вещей: книги мои выходят, отзываются о них в прессе хорошо, деньги мне платят крупные — и т. д. Поэтому, отправляя Вам это письмо, я руководжусь исключительно общественными интересами. <...> Переводчик, за исключением немногих счастливых (я — в их числе), работает *по заказу*, “своей” продукции у него нет. Поэтому он чрезвычайно зависит от издательских *планов* и от тех лиц, которые в издательствах *распределяют работу*. Достаточно переводчику не поладить с данным редактором или завсектором, и он *годами* будет сидеть без работы, — и наоборот: стоит “сдружиться” по тем или иным основаниям с данным *завом*, и будешь работою завален. <...>

⁵⁹⁸ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 129. Л. 15, 16, 20–21.

Поэтому опасность “обоймы”, вообще отвратительного и глубоко антисоветского явления, особенно велика в переводческом деле. Поэтому же особенно значительна роль свободно избранного бюро секции переводчиков, — беспристрастного консультанта издательств по выработке планов, беспристрастного арбитра и квалификатора.

И я обращаю Ваше внимание на то, что рядом лиц, уже занимающих командное положение в издательствах, принимаются меры к захвату руководства секцией, что повлечет безраздельное господство в переводческом деле одной, тесно сплоченной, группы и хроническую безработицу и дисквалификацию для большинства переводчиков. <...> К работе, переводной, рецензионной, редакторской, привлекаются почти исключительно одни и те же лица, привлекаются “свои”».

Заявив: «Я буду говорить прямо и резко», — Шенгели указал на Кашкина, «человека с бесспорными заслугами», и на группу его учеников, которая «переродилась в типичную “обойму”». «Западники» (переводчики европейской и американской литературы) во главе с Кашкиным стараются не допустить «националов» (переводчиков литератур народов СССР) в секцию переводчиков, чтобы добиться полного контроля над ней:

«Невключение “националов” в будущую секцию в общих глазах будет выглядеть как бесспорная дискриминация, как *неудостоение* звания переводчика людей, работающих над переводом литератур народов СССР, т. е. делающих важнейшее политическое и культурное дело! Всё объясняется очень просто. Единая секция предполагает участие *всех* переводчиков в общем собрании. Отсюда: в бюро пройдут несколько человек, не принадлежащих к “обойме”, и в бюро нельзя будет хозяйничать *бесконтрольно*. В этом, и только в этом *суть* всех “принципиальных” и “творческих” соображений».

Шенгели предложил «ясно и безоговорочно постановить, что в секцию входят *все* переводчики, члены ССП, независимо от того, кого и с каких языков они переводят, а также критики и литературоведы, занимающиеся переводной литературой, западной и советской»

и передать решение всех вопросов общему собранию, а не группе заранее отобранных «кашкинцами» людей⁵⁹⁹.

Неизвестно, был ли «дан ход» письму, но оно представляло собой открытый вызов влиятельной и сплоченной «обойме». За демаршем не стояли корыстные мотивы, ибо Шенгели имел достаточно работы и не лоббировал ничьи интересы, кроме интересов дела. «Обойма» нанесла ответный удар. Однако настоящий бой разгорелся лишь через два с половиной года после первого обсуждения перевода «Дон-Жуана» и через три с половиной года после письма Фадееву.

В начале ноября 1950 г. на заседании секции переводчиков зарубежных литератур Кашкин — судя по архивным материалам, тщательно подготовившись, — обвинил Шенгели в «искажении образа Суворова», а его сторонников в «захваливании» работы. «Всё, что произошло впоследствии, — вспоминал Левонтин, — я не могу назвать критическим спором со мной, критическим рассмотрением работы Шенгели с иных позиций, противоположных моим (что было бы закономерно). Это была свистопляска»⁶⁰⁰. «Разве советская школа перевода учит оскорблять советского читателя, сохраняя искаженный облик великого полководца?» — вопрошал Кашкин. Его поддержала Елизавета Егорова — «женщина-плакат, доктринер, рассуждавший в строгом соответствии с политической и литературной конъюнктурой»⁶⁰¹, чьи писания даже в то время казались слишком погромными для публикации. На собрании она отличилась фразой: «Мне нет дела до оригинала».

В заключение прений Шенгели сказал: «Так как я не встречал в моей работе ни малейшего внимания со стороны секции как организации, ни малейшего намерения со мной поговорить дружески и т. д., то я считаю, что я совершенно не нужен больше секции, и прошу Бюро принять мое заявление о выходе из секции (членом которой он был с момента основания. — В.М.), а мотивировка

⁵⁹⁹ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 123. Л. 1–5.

⁶⁰⁰ Стенограмма. Л. 47.

⁶⁰¹ Азов А. Поверженные буквалисты. С. 44.

этого жеста будет мной передана в соответствующие инстанции»⁶⁰². 3 ноября он подал в Президиум Союза писателей заявление о выходе из секции, «вынужденный к тому: 1) травлей, много лет ведущейся в отношении меня несколькими “влиятельными” членами секции вкупе с их подголосками; 2) общей ситуацией внутри секции, где установился в полной мере “аракчеевский режим”⁶⁰³, где сплоченная группа, добившись диктатуры в бюро, взяла курс на вытеснение из литературы всех “не своих”, на систематическое опорочивание всякой продукции этих последних, на захват всех значительных издательских начинаний»⁶⁰⁴. «С этого момента и пошло! — суммировал он двумя годами позже. — При каждом удобном случае адепты того переводческого ордена, где первосвященствует Кашкин, шептались, говорили и кричали об ИОС (аббревиатура от «Искажение образа Суворова, которую Шенгели использовал в “Критике по-американски”». — В.М.)»⁶⁰⁵.

Через год Кашкин нанес новый удар, опубликовав 1 декабря 1951 г. в «Литературной газете» статью «О языке перевода». Ее основу составило выступление на заседании секции переводчиков литератур народов СССР, посвященном теме «Работы товарища Сталина по вопросам языкознания и задачи художественного перевода»⁶⁰⁶, что придавало статье видимость «директивной». Автор осудил и «буквализм», и «переводческое своеволие, в результате которого, например, оказались искаженными образы солдат Суворова в переводе “Дон Жуана” Байрона, выполненном Г. Шенгели»⁶⁰⁷. Вторым «злодеем»

⁶⁰² Выступление Шенгели: Азов А. Поверженные буквалисты. С. 194–201.

⁶⁰³ Выражение вошло в широкий обиход как раз в 1950 г. после статьи Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», где было применено к «марристам».

⁶⁰⁴ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 130. Л. 9.

⁶⁰⁵ Критика. С. 255.

⁶⁰⁶ Азов А. Поверженные буквалисты. С. 117.

⁶⁰⁷ Кашкин И. О языке перевода // Литературная газета. 1951. № 142. 01.12. С. 2.

оказался Ланн, которого критик связал с... «марризмом», что после статей Сталина звучало немногим лучше «троцкизма».

Ланн написал ответ «О точности перевода», но не смог его опубликовать⁶⁰⁸. Шенгели тоже не собирався сдаваться и подготовил докладную записку в ЦК ВКП(б) о художественном переводе, приурочив ее к готовившемуся Всесоюзному совещанию по вопросам художественного перевода с языков народов СССР (1–4 декабря 1951). Подвергнув критике «установки» и работы Зенкевича, «кашкинки» Тамары Аксель и главного редактора альманаха (позднее преобразованного в журнал) «Дружба народов» Виктора Гольцева, он задал многозначительный вопрос: не углубится ли «аракчеевский режим» в области переводческой практики?⁶⁰⁹ Была ли записка отправлена, неизвестно.

В февральском номере «Нового мира» за 1952 г. появилась рецензия Кашкина на сборник Байрона в «Школьной библиотеке»⁶¹⁰, озаглавленная «Удачи, полуудачи и неудачи»: к первым отнесены работы Маршака (лирика) и Левика («Паломничество Чайльд-Гарольда»), соответствовавшие «установке на простой, общедоступный, нейтральный — правильный — язык»⁶¹¹; ко вторым — «Корсар» в «неровном» переводе Ады Оношкович-Яцыной (ранее высоко оцененном Шенгели); к третьим — фрагменты «Дон-Жуана», единственная работа Георгия Аркадьевича, включенная в книгу, кроме «Сонета к Шильону». «Шенгели подошел к переводу “Дон-Жуана” с тяжеловесной и туманной лексикой символизма, подошел отягченным свойственным еще формалистам, — громоздил критик одно «страшное слово» на другое, — количественным, буквалистским методом»⁶¹².

«И это благоуханное варево “Новый мир” преподнес своему читателю! — негодовал Георгий Аркадьевич. — Когда я указал, с мате-

⁶⁰⁸ Впервые: Азов А. Поверженные буквалисты. С. 185–193.

⁶⁰⁹ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 99. Л. 1–29.

⁶¹⁰ Байрон Дж.Г. Избранное. М.; Л., 1951.

⁶¹¹ Азов А. Поверженные буквалисты. С. 60.

⁶¹² Кашкин И.А. Удачи, полуудачи и неудачи // Новый мир. 1952. № 2. С. 266–268.

риалами в руках, на всё это замредактору “Нового мира” <Анатолию> Тарасенкову, он стал убеждать меня, что всё это “пустяки”, что опровергать их “не стоит”, а лучше-де мне написать “принципиальную статью” о переводе — но тут же оговорил, что я не должен принимать этот совет за “заказ статьи”⁶¹³. Я ожидал, что “Новый мир” принесет в моем лице *извинения своему читателю за его дезинформацию*, но журнал предпочел вторично, в декабре 1952 г., предоставить свои страницы *уличенному клеветнику*. Речь о статье «Традиция и эпигонство (об одном переводе байроновского «Дон-Жуана»)», где обвинения были максимально заострены:

«Текст неправильно прочитан, ошибочно трактован. Особенно заметно это в передаче реалистической основы поэмы. <...> До читателя не донесен идейно-художественный смысл и суть байроновского романа. Перевод этот порочен принципиально, по своим творческим предпосылкам, по методу. <...> Мнимо точный в формальных мелочах перевод Г. Шенгели неверен в главном. Страстные выпады Байрона против тирании, лицемерия и ханжества, осмеяние идеалистической философии и т. д. в переводе смазаны, социальный смысл романа искажен. <...> Особенно ясно видно искажение Георгием Шенгели смысла байроновской поэмы в том, как воспроизвел переводчик образ Суворова. <...> Вместо многокрасочного языка Байрона получается в переводе клочковатость, неустоявшаяся, ничем не объединенная языковая смесь. В этом сказывается и всеядность переводчика, и ошибочный критерий отбора: здесь и засорение языка обветшавшей символистской лексикой, и гурманское пристрастие к дешевой экзотике и блатным словам, и неуместные в данном контексте неологизмы»⁶¹⁴.

⁶¹³ 19 апреля 1951 г. «Новый мир» вернул Шенгели статью «О моей работе» (опубликована: *Иноходец*. С. 357–384) «так как тема ее слишком специальна»: РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 210. Л. 62.

⁶¹⁴ *Кашкин И.А.* Традиция и эпигонство (об одном переводе байроновского «Дон-Жуана») // *Новый мир*. 1952. № 12. С. 229–240 (поступила в редакцию 1 августа 1952 г.: *Азов А.* поверженные буквалисты. С. 181); перепечатана: *Кашкин И.* Для читателя-современника. М., 1977. С. 404–426.

Вторая статья подвигла Шенгели написать «Критику по-американски». Этот пространный текст (более семи печатных листов против листа с четвертью у Кашкина) предназначался не для публикации, но для рассмотрения в ЦК КПСС и Союзе писателей, которым адресовались пожелания «понудить редакцию “Нового мира” напечатать опровержение помещенной в этом журнале клеветы. Затем — предписать Гослитиздату вернуть “Дон-Жуана” в однотомник или одновременно с однотомником переиздать “Дон-Жуана” полностью. Затем — разобраться в общем положении переводного дела, в расстановке и составе переводческих сил; изменить безобразную организационную структуру: наличие *двух* переводческих секций; подтвердить неукоснительный принцип точного перевода; удалить халтурщиков и ремесленников; создать солидный сборник по теории и технике перевода⁶¹⁵; изменить систему издательского планирования. И, конечно, *вскрыть до конца* темные рычаги, действующие, быть может, в области переводного дела»⁶¹⁶. «Вопрос о пасквиле <Кашкина> разбирается по распоряжению Г.М. Маленкова в соответственном отделе ЦК», — сообщил Шенгели 6 августа 1953 г. в редакцию «Большой советской энциклопедии»⁶¹⁷

Дело было не только в обвинениях, даже политических, брошенных переводу, который вышел пятью годами ранее. Георгий Аркадьевич опасался за судьбу большого однотомника Байрона в ГИХЛ, подготовка которого к изданию растянулась на много лет.

29 сентября 1948 г. Шенгели предложил Молотову отметить 125-летие со дня смерти Байрона (апрель 1949 г.) «выпуском пол-

⁶¹⁵ Предложение, позднее воплотившееся в сборниках «Искусство перевода».

⁶¹⁶ Шенгели направил рукопись «Критики по-американски» с документальным приложением и сопроводительным письмом (4 января 1953) сотруднику аппарата ЦК КПСС П.Г. Седунову; 24 января он переслал письмо секретарю ЦК КПСС, заведующему отделом агитации и пропаганды Н.А. Михайлову: РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 1–11.

⁶¹⁷ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 43.

ного собрания его сочинений в моем переводе в 4 томах»⁶¹⁸: «перевод, сделанный "одной рукой", будет импонировать каждому культурному человеку; миру будет еще раз показано, что *мы* — подлинные наследники ценностей, созданных в прошлом. <...> Времени осталось мало, а издательская машина, без указания свыше, едва ли проявит нужную оперативность. <...> Работал я над Байроном творчески, а не ремесленно; работал без договоров, наудачу; работал под бомбежками, в ледяной квартире; работал, еще не научившись ходить после тифа, — и т. д. А наряду с этим *устраивать* сделанную работу, несмотря на все положительные отзывы, мне было исключительно трудно. Выпуска "Поэм" я ждал 2 года, выпуска "Дон-Жуана" — 4. И теперь я прошу помочь мне».

Интерес представляет следующее указание: «Работа моя почти закончена: переведены и изданы все 13 поэм, переведен и издан весь громадный "Дон-Жуан", переведены все 8 драм, весь "Чайльд-Гарольд"⁶¹⁹; работаю над лирикой, которой не так много, и скоро приду к концу. <...> Буквально завтра, три тома из четырех могут быть сданы в типографию»⁶²⁰.

Уже 4 октября заведующий секретариатом Молотова Иван Лапшов уведомил Шенгели, что письмо «получено и тов. Молотовым рассмотрено», а затем по его указанию направлено начальнику Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Дмитрию Шепилову⁶²¹. «Т. Шепилов передал вопрос своему заместителю, т. Головенченко, тот — своему помощнику, т. <Николаю> Маслину, тот — своему референту, тот — работнику Гослитиздата т. <Александр> Пузикову, — излагал Шенгели Лапшову 21 марта 1950 г. историю

⁶¹⁸ Позднейшая заявка Шенгели в ГИХЛ на издание четырехтомника Байрона в его переводах (14 января 1950): РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 130. Л. 1–2 — была отклонена.

⁶¹⁹ «Георгий заканчивает "подчищать" своего "Чайльд-Гарольда" и скоро сдает его в издательство», — сообщила Манухина Пузановым 3 декабря 1948 г.

⁶²⁰ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 129. Л. 43–44.

⁶²¹ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 210. Л. 50.

мытарств своего проекта. — Последний дал заключение, что юбилей Байрона будет удовлетворительно отмечен “однотомником” (т. е. собранием его избранных произведений), — книгой, уже запланированной Гослитиздатом. Это заключение взошло, в обратной последовательности, к т. Шепилову и было утверждено. Таким образом, вопрос о полном Байроне <...> решен, по существу, рядовым работником издательства»⁶²².

Привыкший соблюдать сроки и ждавший того же от других, Шенгели 18 октября 1949 г. встревоженно писал директору ГИХЛ Анатолию Котову:

«В плане Гослита стоит однотомник Байрона с наметкой редакционной над ним работы на 1949 г. и выпуска на 1950-й. Текущий год кончается; между тем по однотомнику ничего не сделано; нужны: перевод лирики, перевод прозы (речи, письма), комментарий, вступительная статья. И мне начинает казаться, что книга отложена на неопределенное время. Однако после того, как я *свыше года назад* писал В.М. Молотову об издании Байрона к юбилею (апрель 1949 г.), ответ Гослита на запрос *свыше* позволял думать, что книга выйдет именно к этому сроку, — вещь, вполне тогда осуществимая. Так, я имею основание думать, понял дело и В.М. Молотов. Я хочу получить от Вас ответ: когда намечена сдача книги в набор, и когда, хотя бы ориентировочно, предположен ее выход?»⁶²³

Котов не счел нужным ответить. «Однотомник, обещанный к юбилею, не только не вышел, но до сих пор, *через полтора года, даже не сдан составителем в издательство*, — жаловался Шенгели Лапшову в марте 1950 г. — <...> Возникает предположение, что затяжка издания проводится сознательно, с целью дать кому-то время перевести вещи, уже мною переведенные, затем объявить новые переводы великолепными (что нетрудно, при желании) и, под флагом борьбы с “монополиями” (враждебный псевдоним специализации), похоронить

⁶²² РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 210. Л. 87.

⁶²³ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 129. Л. 57–59.

мою пятнадцатилетнюю работу. <...> Я не смею беспокоить Вячеслава Михайловича какими бы то ни было просьбами и обращениями; быть может, Вы сами не откажете мне в добром совете?»⁶²⁴

Дал ли опытный аппаратчик «добрый совет» опальному переводчику, неизвестно, но дело не двигалось. «Не пора ли положить конец крайне длительной и приобретающей уже прямо-таки скандальный характер волоките с изданием Однотомника Байрона?» — вопрошал Шенгели 15 октября 1951 г. Котова, добавив: «Дальнейшие проволоочки со сдачею книги в печать вынудят меня обратиться в самые высокие инстанции страны с просьбою о назначении расследования»⁶²⁵. Но и через год однотомника не было. 21 ноября 1952 г. Георгий Аркадьевич подробно — он был мастером деталей — изложил директору претензии к Гослитиздату, включая качество печати переведенных им книг:

«Почему так? Почему меня печатают так некрасиво и скупо, точно “из милости”? <...> Я профессор. Я знаю несколько языков. У меня редакторский опыт. У меня значительная общая эрудиция. Но меня никогда не привлекают ни к редакторской, ни к составительской, ни к рецензентской работе. — Почему? Более того и важнее того: меня никогда не приглашают (за ничтожными исключениями) к переводческой работе. <...> В связи с намечавшимся сборником советской поэзии (к 35-летию Октября) я запросил редакцию, предполагает ли она уделить место и мне? Ответа я не получил. — Почему? <...>

Почему вообще, к концу 4-го десятка лет работы, я занесен в какой-то *черный список*? Почему я должен с каждой моей работой проламывать стену, прежде чем ее, работу, удастся “устроить”? <...> Почему я *три года* не могу поговорить с Вами по телефону (ваша секретарша *буквально ни разу* меня с Вами не соединила: “занят”, “заседание”, “уехал”)? Почему на мои письма Вы *ни разу* не ответили мне на бумаге? <...>

⁶²⁴ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 210. Л. 87–89.

⁶²⁵ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 130. Л. 26–29.

Пора наконец покончить с той дискриминацией, которой я подвергнут в послевоенные годы в Гослитиздате, и от которой страдаю не только я, но страдает и общее дело. <...> Я не вижу в Вас лично — моего антагониста. Но я думаю, что Вы идете на поводу у таковых, не прощающих мне ни многообразия моей продукции, ни ее незаурядного уровня, ни моего неумения (и нежелания!) кланяться заведующим и заводить дружбы и приятельства с редакторами...

Работники моего масштаба, Анатолий Константинович, встречаются не на каждом шагу. Омертвление их, недогруз их, пренебрежение ими — не такое дело, за которое хвалят в Советском Союзе.

Я сейчас — накануне больших решений. И я их приму, если Гослитиздат не изменит своей установки в отношении меня»⁶²⁶.

За этими словами — не оскорбленное самолюбие и уж, тем более, не желание «выбить» гонорар побольше. За ними — подлинная мука человека, чей талант не востребован и чей «голос ушел в вату».

Составляя письмо, Шенгели не знал, что на него вот-вот обрушится статья Кашкина. Посылая — уже после ее выхода — Лапшову однотомник⁶²⁷, «где много моих переводов» («Паломничество Чайльд-Гарольда», поэмы «Гяур», «Корсар», «Пророчество Данте», «Видение суда», драмы «Манфред», «Марино Фальеро, дож венецианский», «Двое Фоскари», «Сарданапал», «Каин», «Преображенный урод»⁶²⁸), он просил передать другой экземпляр Молотову: «Я в последний раз беспокою Вячеслава Михайловича, и кроме того та грустная картина, которую я рисую применительно ко мне, является весьма типичной: многие полезные работники, часто с незаурядными силами, омертвлены, ибо не сумели найти «общий язык» с тем или иным директором института или издательства. Я уже ничего не ищу для себя; примирился с тем, что я “в отставке”; но руководители

⁶²⁶ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 130. Л. 60–68.

⁶²⁷ Байрон Дж.Г. Избранные произведения. М., 1953.

⁶²⁸ Трагедия «Вернер, или Наследство»: Байрон Дж.Г. Пьесы. М., 1959. Перевод мистерии «Небо и земля» не опубликован: РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 39.

страны должны быть осведомлены о неблагополучии в издательской практике»⁶²⁹.

«С очень сложным чувством подношу Вам том Байрона, на 2/3 по объему составленный из моих переводов, — писал Шенгели Молотову. — <...> Данная книга — мой очередной Вам “рапорт”: Вы дали мне возможность работать, и я работал; вот доказательство. Но, радостно представляя этот “рапорт”, я с горечью думал, что эта книга, вероятно, последняя, которую я подношу Вам. Я по-прежнему “в немилости” у бывших рапповцев, сохранивших свое влияние в издательствах и журналах, и хотя меня, с 39-летним стажем работы, нельзя попросту изгнать из литературы, но довести до ухода из нее — можно».

«В книге нет ни строки лирики в моем переводе⁶³⁰, хотя помещен ряд устарелых и явно недоброкачественных переводов, — сетовал Шенгели. — <...> Главное, из книги выброшен мой перевод “Дон-Жуана”, уже включенный и заново отредактированный специально приглашенным редактором»⁶³¹. Однотомник вышел вообще без «Дон-Жуана»: «всё равно, что дать Пушкина без “Онегина”»⁶³². Первоначально в него входили восемь глав, включая «суворовские» эпизоды, которые одобрили составитель Роман Самарин и литературный редактор Всеволод Рождественский: «правоверность» первого не уступала квалификации второго. «Прозвучавшие недавно утверждения, — писал Рождественский 1 марта 1952 г., после первой «новомирской» статьи Кашкина, — что переводчик “искажил образ Суворова и русских солдат”, лишено оснований. Переводя соответственные места, Г.А. Шенгели стремился соблюсти надлежащую точность и сказал о Суворове и русских солдатах всё то, что сказано о них Байроном, в том же духе и колорите, без пропусков и “нажи-

⁶²⁹ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 210. Л. 90.

⁶³⁰ Переводы лирики и малых поэм не опубликованы: РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 53.

⁶³¹ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 49–49 об.

⁶³² Критика. С. 298.

мов”, — в пределах, возможных для стихотворного перевода. Таким образом, об ошибках переводчика в трактовке образа Суворова и его бойцов, данного Байроном, а тем более об “искажениях” не приходится говорить»⁶³³.

Да, то бесспорный факт, что он, фельдмаршал, лично
Неловких рекрутов упорно муштровал
И взводы изводил, чтоб строились отлично, —
Ну, словом, делал всё, что делает капрал,
Так саламандрика, хоть это необычно,
И вы б могли учить, чтоб он огонь глотал.
Вождь обучал бойцов по лестницам взбираться
(Но не иаковским), учил во рвы спускаться,

Учил (халатами — фашин окутав ряд,
Придав кинжалы им, чалмы и скимитары,
Как туркам подлинным, чтоб мог привыкнуть взгляд)
Штыками наносить тем чучелам удары.
И, пантомимою поупражняя солдат,
Он счел их годными идти на приступ ярый.
Смеялись умники, острили: «что за бред?»
А он помалкивал. Он город взял в ответ.

«И при наличии таких строф мне смеют приписывать “искажение образа Суворова”?» — негодовал Шенгели, для большей убедительности напечатав всю фразу прописными буквами⁶³⁴.

По поводу «Чайльд-Гарольда» Шенгели сообщил: «Уже в недавнее время, когда началась травля, этому переводу оказал яростное сопротивление редактор однотомника Байрона Израиль Миримский»⁶³⁵ (в дальнейшем отстраненный от этой редакции), опиравшийся на

⁶³³ Критика. С. 257.

⁶³⁴ Критика. С. 291.

⁶³⁵ «К слову сказать, не знающий английского языка», — сообщил Шенгели директору ГИХЛ А.К. Котову (15 октября 1950): РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 130. Л. 27.

конкурирующий перевод Вильгельма Левика⁶³⁶. К атаке присоединился и самозванный критический “ареопаг”, именовавший себя “комиссией по качеству”⁶³⁷ и возглавленный Ревеккою Гальпериной и Эсфирью Бэр. Однако, главная редакция и редакция однотомника приняли все-таки мой перевод»⁶³⁸.

Защищаясь, Георгий Аркадьевич не только детально ответил на претензии Кашкина (эту часть оставим специалистам по переводу), но и собрал положительные отзывы о своей работе. Приведу лишь несколько цитат, относящихся к драмам и «Паломничеству Чайльд-Гарольда». «Переводы драм, сделанные Шенгели, не только лучше передают поэтическое звучание, но и точнее передают смысл драматической поэзии Байрона», — писал 14 июля 1948 г. во внутренней рецензии историк драматургии и театра Александр Аникст, сделав вывод: «Я высоко ценю прежние работы Шенгели, но перевод драм это — наиболее “убедительные” из всех его переводов Байрона. Считаю их... вкладом в нашу поэтическую переводную литературу»⁶³⁹.

Георгий Аркадьевич не только защищался, но и нападал. Понимая, с кем имеет дело, в благородство не играл. «Свыше 30 лет я перевожу революционную и прогрессивную поэзию. <...> <Кашкин> переводил или имел, как редактор и организатор, близкое касательство к переводам Хэмингуэя, Джойса, Дос-Пассоса, Эллиота <так!> — т. е. пропагандировал сплошь декадентскую стилистически и антисоветскую политически мразь. <...> Кашкин ВОЗВОДИТ НА МЕНЯ ПРЯМУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ КЛЕ-

⁶³⁶ В письме в ЦК КПСС, сопровождавшем «Критику по-американски», Шенгели подробно писал об «интригах» Левика, подозревая, что тот готовит свой перевод «Дон-Жуана»: РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 7–10.

⁶³⁷ «Русский язык — мой родной язык (чего нельзя сказать о девяти десятых членов Комиссии по качеству), и до сих пор считалось, что я им владею неплохо», — заметил Шенгели в письме главному редактору ГИХЛ А.И. Пузикову (11 июля 1951): РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 130. Л. 24.

⁶³⁸ Критика. С. 219.

⁶³⁹ Критика. С. 218; отточие в оригинале.

ВЕТУ, караемую не только общественным мнением, но и уголовным законом. НЕТ, ЭТО ОН, КАШКИН, запрещая переводить точно <...> ПОМОГАЕТ БУРЖУАЗНОЙ АНГЛИИ ВЫРЫВАТЬ КЛЫКИ И КОГТИ У ЛЬВА-БАЙРОНА. А уж вольно или невольно он это делает — пусть решат соответственные органы»⁶⁴⁰.

Лично Кашкиным дело не ограничивалось. Шенгели поставил вопрос, как быть с высказываниями классиков, противоречащими нынешней ортодоксии: «Так как, безотносительно к “Дон-Жуану”, вскоре раздались с трибуны секции переводчиков (из уст ее председателя, М.А. Зенкевича) требования *переделки* переводимых текстов, *приспособления* их к нашим взглядам, — то меня взяло сомнение: “а может быть, действительно, надо было отойти от Байрона, смягчить его формулировки, дать ретушь?”. Я отважился послать письмо по самому высокому адресу страны (с приложением английского текста, дословного и моего перевода) и спрашивал: вправе ли переводчик отходить от оригинала и не вызовет ли такая ретушь неблагоприятный внешнеполитический резонанс? Мне было отвечено — тов. Чукановым, работником ЦК, — что центральная партийная пресса уже высказалась о недопустимости каких-либо “обработок” классиков, о необходимости переводу быть точным — и сообщено, что мой перевод “суворовских мест” “Дон-Жуана” возражений не вызывает»⁶⁴¹.

Шенгели снова потребовал «тщательного проветривания переводческой атмосферы»: «Тесно сплоченная кучка <...> дорвавшись до “командных высот”, окончательно растопырила локти, никого не подпуская к работе и ссаживая с седла тех, кого нельзя “не подпустить”. <...> Таким образом, под кашкинской “идеологической надстройкой” явный “экономический базис”»⁶⁴². «Устранить Шенгели,

⁶⁴⁰ Критика. С. 210, 292; курсив и прописные буквы в оригинале.

⁶⁴¹ Критика. С. 256. В примечаниях А.В. Азов указал: «Под “высказыванием центральной партийной прессы” о необходимости переводу быть точным, вероятно, имеется в виду статья “Против идеологических извращений в литературе” (Правда, 1951, 2 июля, с. 2)».

⁶⁴² Критика. С. 207, 292–293.

по мнению Кашкина (статьи в том сомнений не оставляют) следовало, чтобы *расчистить место* в переводах английской классики — для себя и своих учеников-воспитанников», — считает В.Г. Перельмутер⁶⁴³. Кампания ими была выиграна.

Публичные выступления в защиту Георгия Аркадьевича оказались невозможны, но Пастернак в беседе с Вяч. Вс. Ивановым «выразил свое огорчение по поводу статьи Кашкина, обругавшего перевод байроновского “Дон Жуана” Шенгели. Симпатии его были целиком на стороне Шенгели, но защищал он его как-то странно — порицая Байрона. “Вы же знаете, как это написано, — рифмы как у Маяковского”, — в те годы в устах Пастернака это было осуждением. Я понял, что в статье Кашкина (содержавшей и какие-то патриотические фразы вроде обиды за Суворова) Пастернак увидел один из многочисленных литературных пасквилей тех лет, да еще с утверждением о будто бы сделанных искажениях оригинала, с чем незадолго до того столкнулся и сам Пастернак в рецензии <Тамары> Мотылёвой на его перевод <“Фауста”>. <...> Он не любил таких зубодробительных ударов, которые столько раз ему приходилось испытывать на себе»⁶⁴⁴.

IV

Эхо травли оказалось долгим. После выхода однотомника Байрона Кашкин обругал «сторонника формальной точности» за «не просто неудачный, но натуралистический по своей установке» (это звучало пугающе) перевод «Чайльд-Гарольда»⁶⁴⁵. В отклике Бориса Томашевского и Ефима Эткинда на то же издание поэмы в переводе Шенгели подверглись критике — на примере «Видения суда» — за

⁶⁴³ Перельмутер В. История одного доноса // Toronto Slavic Quarterly. № 36. Spring 2011. P. 119–125 (<http://www.utoronto.ca/tsq/>).

⁶⁴⁴ Иванов Вяч.Вс. Пастернак. Воспоминания. Исследования. Статьи. М., 2015. С. 109–110, 112.

⁶⁴⁵ Кашкин И. О методе и школе советского художественного перевода // Знамя. 1954. № 10. С. 141–153.

«обрывистость, синтаксическую сложность и затемненность, неестественность некоторых словосочетаний», «сочетание архаической и вульгарной лексики», «тяжеловесный и медлительный шестистопник»⁶⁴⁶. Замена пятистопного ямба оригинала на шестистопный в переводе и ранее вызывала нарекания, поэтому Георгий Аркадьевич остановился на этом в послесловии к «Дон-Жуану». Лишенный права на ответ, он отметил в записной книжке «новый пасквиль Кашкина» и «подлую статью Томашевского»⁶⁴⁷.

В 1949 г. Шенгели написал эпigramму на Чуковского:

Едва взойдет звезда, тотчас на горизонт
Он вылупит критические бельма;
Бальмонта он назвал «Шельмонт»;
Простим ему: ведь сам он только шельма.

Через пять лет Корней Иванович подарил очередное издание своих переводов из Уитмена «Замбайрону от Замуитмена с истинным уважением» (собрание А.Ф. Маркова)⁶⁴⁸. А 21 января 1955 г. в хронике его дочери Лидии появилась запись:

«Вчера была у Анны Андреевны. И очень огорчилась.

Ею.

Приехала Эмма Григорьевна <Герштейн>, мы все пили чай у Нины Антоновны <Ольшевской>. Нина или Эмма, не помню, как-то небрежно отозвались о шенгелиевском переводе «Дон Жуана». Анна Андреевна рассердилась. И произнесла речь — столь же гневную, сколь несправедливую:

— Кто сказал, что байроновский «Дон Жуан» хорош? А все кричат: «Шенгели перевел неблагозвучно». Я читала подлинник сорок раз — это

⁶⁴⁶ Томашевский Б., Эткинд Е. Поэт, переводчик, редактор... Заметки на полях однотомника Байрона // Литературная газета. 1954. № 140. 25.11. С. 5.

⁶⁴⁷ Шенгели мог спутать соавтора статьи — переводчика Б.Б. Томашевского с филологом Б.В. Томашевским, с которым у него были разногласия по стиховедческим вопросам.

⁶⁴⁸ Марков А. «Он знал их всех...». С. 163.

плохая, даже безобразная вещь — и Шенгели здесь ни при чем. Байрон эпатировал читателей и нарочно сделал вещь неблагозвучной⁶⁴⁹. К тому же постельные мерзости — во множестве. При чем тут Шенгели? У Байрона там только и есть хорошего, что одно лирическое отступление».

«На мой слух Шенгели плох безмерно, — заметила в дневнике, т. е. «про себя», Чуковская, у которой неприязнь к Георгию Аркадьевичу пересилила даже обожание Ахматовой, — у него “Дон Жуан” вообще не стихи, а корявая проза. И не только “Дон Жуан”.

Я сказала это Анне Андреевне, но она не вняла и продолжала бранить тех, кто бранит Шенгели.

Непонятно и неприятно»⁶⁵⁰.

А.Г. Азов напомнил слова другой мемуаристки из окружения Ахматовой — Натальи Роскиной: «Перевод Шенгели, мне кажется, Ахматовой не мог нравиться, но она была очень корректна в отношении людей, которые были к ней добры, а Шенгели охотно оказывали ей гостеприимство. Она и жила у них в Москве, а ведь это было не так легко — принимать Ахматову»⁶⁵¹. Трудно сказать, к кому здесь больше неуважения — к хозяину или к госте, теплые отношения которых запомнились соседу Георгия Аркадьевича по дому Кириллу Черевко — в ту пору юному поэту, позднее известному историку и филологу-японисту:

«Однажды в начале 50-х годов во время визита к Шенгели <...> я увидел, что у него в столовой сидит седая полная женщина. Ее нос отличала характерная горбинка.

— Ваша гостья случаем не сельская учительница? — просто-душно спросил я.

— Нет, — ответил хозяин. — Это Анна Андреевна Ахматова.

⁶⁴⁹ «Я предпочитаю грубиянствовать вместе с Байроном», — заявил Шенгели: *Критика*. С. 232.

⁶⁵⁰ Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2 1952–1962. М., 2007. С. 114–115.

⁶⁵¹ Роскина Н. Как будто прощаюсь снова // *Звезда*. 1989. № 6. С. 95; цит. по: Азов А. Поверженные буквалисты. С. 135.

Позднее он рассказал мне, что сказал ей, какая ассоциация возникла у меня, когда я впервые увидел ее, и она рассмеялась, найдя, что теперь она действительно стала похожа на учительницу, хотя в душе она продолжала считать себя больше похожей на ту женщину-поэта, орлиный профиль которой так мастерски изобразил в начале века Модильяни»⁶⁵².

В автокомментариях к «Запискам об Анне Ахматовой» Чуковская утверждала, что «и на практике, и в теории перевода Шенгели был приверженцем буквализма, то есть точной передачи смысла каждой отдельной строчки, что мешало ему передавать иную точность: поэтическое очарование подлинника»⁶⁵³. По поводу первой части сказанного достаточно вспомнить фразу из послесловия к «Поэмам» Байрона: «Я вовсе не сторонник “буквализма”». Что до «поэтического очарования подлинника», то в приведенной выше цитате из дневника я выпустил две фразы между словами Ахматовой и произнесенным вслух ответом Чуковской: «Я знаю английский слишком слабо и судить о качестве байроновских стихов не могу. Не могу почувствовать, эпатировал ли он, не эпатировал». Иными словами, «мне нет дела до оригинала» (хотя скорее вспоминается старый анекдот: «Ваш Карузо — ужасная дрянь»).

Источник суждений Лидии Корнеевны о работе Шенгели очевиден — суждения Корнея Ивановича, который в очередном издании книги «Высокое искусство» построил восхваление позднейшего перевода «Дон-Жуана» Татьяны Гнедич на посмертном изничтожении труда ее предшественника:

«Шенгели был поэт и труженик, но его многолетняя добросовестная работа над гениальным произведением Байрона именно из-за ошибочных принципов, которые легли в ее основу, оказалась проделанной зря. Если в литературе и вспоминают порой этот перевод “Дон Жуана”, то лишь в качестве печального примера для других перевод-

⁶⁵² Черевко К. Первый планерист в русской поэзии // ExLibris-НГ. 2004. 22.04. http://www.ng.ru/ng_exlibris/2004-04-22/3_shangeli.html

⁶⁵³ Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. С. 666–667.

чиков: как никогда, ни при каких обстоятельствах не следует переводить поэтический текст. В погоне за механической, мнимой точностью Шенгели попытался воспроизвести каждую строфу слово в слово, строка за строкой, не заботясь о передаче ее искрометного стиля. Вместо обаятельной легкости — тяжеловесность неудобочитаемых фраз, вместо светлого искусства — ремесленничество»⁶⁵⁴.

«Критику по-американски» Шенгели завершил словами: «А за это время, глядишь, кто-нибудь (намек на Левика. — В.М.) срывает новый перевод, гладенький, серенький, приблизительный, нечитаемый, — и “Дон-Жуан” исчезнет из алмазного фонда советского читателя»⁶⁵⁵. В одном он был прав: статьи Кашкина «отменили» его работу, сделали перевод «несуществующим», а роман Байрона — «требующим» новой версии. Шенгелиевский «Дон-Жуана» больше не переиздавался, а его место занял перевод Гнедич, признанный лучшим, а значит — негласно — единственным необходимым. Впрочем, похвалы Чуковского этой работе звучат двусмысленно: «Татьяна Гнедич словно сказала себе: пусть пропадают отдельные образы, отдельные краски оригинального текста, лишь бы довести до читателя эту кристаллическую ясность поэмы. <...> Иная строфа после ее перевода утратила чуть ли не половину тех смысловых единиц, какие имеются в подлиннике: переводчица охотно выбрасывала десятки деталей ради того, чтобы обеспечить своему переводу ту четкую речевую экспрессию, которая свойственна подлиннику»⁶⁵⁶. Именно на это Шенгели принципиально не соглашался.

Характерная для послевоенного периода позиция, что при наличии «хорошего» перевода другие не нужны, в сочетании с тем, что издательская политика не всегда определялась литературными достоинствами, привели к почти полному «вытеснению» работ Георгия Аркадьевича. Не берусь сравнивать два перевода «Дон-Жуана», но процитирую сведущего автора: «Какими бы ни были недостатки шен-

⁶⁵⁴ Чуковский К. Собр. соч.. В 15 т. Т. 3. М., 2001. С. 216–217.

⁶⁵⁵ Критика. С. 299.

⁶⁵⁶ Чуковский К. Собр. соч.: В 15 т. Т. 3. М., 2001. С. 217.

гелевского “Дон Жуана”, но в точности, в передаче содержания байроновского текста он превосходит “перевод-победитель”, принадлежащий Татьяне Гнедич. С другой стороны, и на Гнедич, по-видимому, распространилось влияние кашкинских статей. В строфах, посвященных Суворову и русским войскам и подвергнутым критике Кашкиным, в переводе Гнедич наблюдается заметная ретушь, в результате которой перевод получается более лестным для русских, чем оригинал»⁶⁵⁷.

Требую положить конец монополии «литпромышленников», Шенгели не скрывал свои интересы: «Мне с 1935 г. не удастся добиться переиздания моего, почти полного, Верхарна. Три года назад в план Гослитиздата был, наконец, включен “вообще” избранный Верхарн, — и четвертый год эта книга переползает из плана в план. <...> Весною 1952 г. некая Гальперина (не упоминавшаяся выше Ревекка Гальперина, а другая⁶⁵⁸) на обсуждении плана Гослитиздата заявила: “Кому нужен Верхарн, а особенно в переводах Шенгели?”»⁶⁵⁹ Когда в 1955 г. к 100-летию великого бельгийца «Избранное», наконец, появилось, туда вошли всего 44 перевода Георгия Аркадьевича⁶⁶⁰. «Кто бы теперь ни перевел Верхарна, — писал ему 25 мая 1954 г. принимавший участие в издании Юрий Александров, — никто и никогда не сотрет гигантского труда Шенгели, благодаря которому русский читатель ознакомился с величайшим поэтом XX столетия. Спасибо Вам за этот труд, за то, что я смог полюбить Верхарна и дорости до попытки переводить его!»⁶⁶¹. Однако 19 января 1955 г. издательство

⁶⁵⁷ Азов А. Поверженные буквалисты. С. 174. Подробный анализ «ретуши»: Там же. С. 155–167. Биография: Усова Г.С. И Байрона в соавторы возьму. Книга о Татьяне Григорьевне Гнедич. СПб., 2003 — отмечена неприязнью к Шенгели и Манухиной; это чувство, как можно заключить после прочтения книги, было присуще и самой Гнедич.

⁶⁵⁸ Очевидно, Элеонора Гальперина, она же Нора Галь.

⁶⁵⁹ Критика. С. 207, 295. Курсив оригинала.

⁶⁶⁰ И всего 14 в билингве, представляющей «русского Верхарна»: *Верхарн Э. Избранное*. М., 1984.

⁶⁶¹ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 134. Л. 1.

«Правда» отвергло предложение Шенгели выпустить «изборник» Верхарна в «Библиотеке “Огонек”», как это дважды удалось сделать до войны⁶⁶². 18 июля Георгий Аркадьевич сидел в президиуме торжественного заседания в ИМЛИ и читал свои переводы, а потом придиричливо фиксировал в записной книжке, что «Вечерняя Москва» упомянула о его участии⁶⁶³, а «Литературная газета» не упомянула.

Перевод «Возмездия» Гюго, вышедший в 1953 г., стал исполнением давней мечты и последним прижизненным изданием Шенгели. Страстная, гневная и патетическая книга соответствовала поэтическому темпераменту — а возможно, и настроению — переводчика и потому удалась.

Ну, живо! Плут, бандит, кретин, лакей, мошенник, —
Садитесь вокруг стола, толпитесь возле денег!
Всем будет место здесь!
Глотайте полным ртом: жизнь коротка, — не так ли?
А глупый наш народ на пышном сем спектакле
К услугам вашим — весь!
Торгуйте всей страной, лес и часы срезайте,
Сосите родники, цистерны осушайте:
Настал желанный час!
Последний грош гребя у тружеников поля
И города, смеясь, ликуйте: ваша воля!
Пируйте: жизнь — для вас!

Радость была подпорчена тем, что книга, вовремя сданная в Гослитиздат, вышла не к 150-летию автора, а годом позже, в «скаредном», по выражению Шенгели, виде: «в подверстку, слепым набором, без шмуцтитолов»⁶⁶⁴, и тиражом 10 тысяч экземпляров. «Между тем: у нас в СССР свыше 300.000 библиотек, — писал Георгий Аркадьевич 15 апреля 1954 г. министру культуры Пантелеймону Пономаренко, в ведении которого находились не только библиотеки, но и книгопе-

⁶⁶² РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 210. Л. 74.

⁶⁶³ Вечерняя Москва. 1955. № 170. 20.07. С. 3.

⁶⁶⁴ Письмо А.К. Котову (21 ноября 1952): РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 130. Л. 64.

Виктор Гюго. «Возмездие» в переводе Георгия Шенгели (1953). *Титульный лист*

чтение. — Значит, наиболее актуальная политически книга великого поэта, наносящая сокрушительный удар политическому авантюризму, церкви, капиталу, будет представлена **ОДНИМ ЭКЗЕМПЛЯРОМ НА 30 БИБЛИОТЕК!** Значит, будут *города*, где не окажется ни одного экземпляра этой книги! А ведь она бьет не только по Наполеону III; она бьет и по де Голлю⁶⁶⁵ и ему подобным; стихи из нее были лозунгами Сопротивления. Она жива и действенна до сих пор.

Я ставил в издательстве вопрос о повышении тиража. — Отказ.

Мотивировка? 1) Книга "убыточна", и чем больше тираж, тем больше убыток; 2) "так запланировано"; 3) эти стихи войдут в 16-томное собрание сочинений Гюго, имеющее большой тираж.

Эти основания достаточно шатки.

⁶⁶⁵ В то время де Голля на советских карикатурах рисовали с гитлеровскими усиками.

1) Гослитиздат — вспомним слова Горького! — не коммерческое предприятие, а культурная организация; он вообще нередко выпускает “убыточные” книги, с лихвой перекрывая к тому же потери прибылью от изданий классиков (в прошлом году прибыль Гослитиздата составила около 20.000.000 рублей); наконец, я готов, если нельзя иначе, отказаться от своего гонорара за дополнительный тираж.

2) Планы, если были составлены ошибочно, подлежат исправлению. Это неоспоримо: план — не фетиш; вспомним “встречные планы”.

3) В 16-томник “Возмездие” войдет не полностью; затем — не только в моих переводах, что отразится на единстве стиля; <...> наконец — политический эффект стихов, *затерянных* во многотомном собрании, совершенно не тот, что производит отдельная, особо читаемая, книга.

Я думаю, что приглушать звучание наиболее острой и гневной сатиры Гюго — политически нецелесообразно. <...> Я прошу Вас, товарищ Министр, дать распоряжение о выпуске книги *массовым тиражом*»⁶⁶⁶.

Просьбу отклонили. Чуковский злорадно записал в дневнике: «Банников (редактор ГИХЛ Николай Банников, которого Шенгели характеризовал как «работника вполне достойного». — В.М.) очень интересно рассказывал (попросту говоря, сплетничал. — В.М.), что Шенгели, который перевел политические стихи Гюго, был возмущен, что они выходят 10 000-м тиражом, и написал Пономаренко, что книга Гюго народная и что ее нужно издать 100 000 тиражом. Пономаренко переслал письмо Шенгели <Леониду> Грачеву⁶⁶⁷. Тот потребовал стихи Гюго в переводе Шенгели. Переводы оказались так плохи, что Грачев сказал: “Единственное, что я могу сделать, это уменьшить тираж”»⁶⁶⁸. Любой, читавший стихи Гюго в переводе Георгия Аркадьевича, может сам решить, чего стоит этот «интересный

⁶⁶⁶ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 13–14.

⁶⁶⁷ Непонятно, почему именно Л.П. Грачеву, работавшему директором Госторгиздата.

⁶⁶⁸ Чуковский К. Дневник: В 3 т. Т. 3. 1936–1969. М., 2012. С. 148.

рассказ», оставшийся в новейшем издании дневников Чуковского без комментария.

Получив «Возмездие», Жан Юго, известный художник и правнук поэта, писал Шенгели 21 ноября 1954 г.: «Одному лицу, знающему русский язык, я поручил прочесть мне вашу книгу и смог дать себе отчет как в детальной точности, так и в большой поэтической ценности вашего перевода»⁶⁶⁹. Двумя годами раньше они познакомились лично, когда Жан Юго приезжал в СССР на празднование 150-летия своего прадеда вместе с Полем Элюаром⁶⁷⁰.

По случаю юбилея Гослитиздат готовил пятнадцатитомник Гюго, где стихам отводились два с половиной тома. Распорядившийся заказами Александр Смирнов пригласил — правда, не сразу — «милого Георгия Аркадиевича, чудесного переводчика “Возмездия” и великолепного наместника Гюго»⁶⁷¹ к работе. В собрание вошли 93 стихотворения и поэма «Революция» в переводе Шенгели, но только 5 печатались впервые; ряд стихотворений, переведенных им ранее, и поэма «Осел» вообще не попали в новое издание⁶⁷². После Гюго Смирнов

⁶⁶⁹ Цит. по: Шаповалов М. В «четырнадцатизвездном созвездьи». С. 174.

⁶⁷⁰ «Георгий выступал с чтением переводов в клубе завода “Серп и молот”: тысячная аудитория, очень интересный доклад рабочего о Гюго; стихи другого рабочего, посвященные Виктору Гюго и переданные его правнуку; Г.А. познакомился с ним и его женою, получил от него автограф на книжечке французской его отца (внука Гюго — о его деде)», — сообщила Манухина Пузановым 4 марта 1952 г.

⁶⁷¹ Из письма А.А. Смирнова к А.А. Ахматовой (3 февраля 1954): Эдельштейн М.Ю. Письма А.А. Смирнова к А.А. Ахматовой (1954–1957) // Vademecum. К 65-летию Лазаря Флейшмана. М., 2010. С. 587. Шенгели подарил «Возмездие» Ахматовой — «первой поэтессе мира — с просьбой: полюбить Гюго» (Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме), но, как отметил М.Ю. Эдельштейн, «Ахматова не люби<ла> поэзию Гюго и виде<ла> в переводах скорее источник заработка, чем творческую задачу» (С. 584).

⁶⁷² Из 62 стихотворений (не считая «Возмездия») и 3 поэм издания 1935 г. в собрание вошли 18 стихотворений и 1 поэма; из 99 стихотворений «Возмездия» — 70.

участвовал в подготовке собрания сочинений Шекспира. Надеясь на заказ, Георгий Аркадьевич начал работать над «Королем Иоанном», но издательство решило использовать имеющийся перевод. В мае 1955 г. он договорился со Смирновым, что возьмет «Генриха V», но не успел сделать эту работу.

Наглядным примером «вытеснения» Шенгели из литературы даже в качестве переводчика стал Второй всесоюзный съезд советских писателей в декабре 1954 г., где он побывал по гостевому билету. 19 декабря, на пятый день работы, Антокольский зачитал доклад «Художественные переводы литератур народов СССР», подготовленный им вместе с Мухтаром Ауэзовым и Максимом Рыльским. В записной книжке Георгий Аркадьевич назвал его «подлым выступлением». Основания для такой оценки были. Перечислив многие десятки фамилий переводчиков, докладчики упомянули Шенгели только раз, причем в негативном контексте — как пример неудачного перевода из Махтумкули. Еще один выпад был анонимным и оскорбительным: «Когда в стихотворном переводе Гюго мы читали: “Цивильный лист! Шале! Мильоны!” — и убеждались при этом, что во французском оригинале никаких “шале” нет и в помине, а стоит “шато”, отлично переводимое: “замки” или “дворцы” — ну, как же было не узнать все ту же госпожу Курдюкову и ее смесь французского с нижегородским!»⁶⁷³ Антокольский процитировал переведенную Шенгели «Веселую жизнь» Гюго в варианте 1935 г., хотя в отдельном издании «Возмездия», вышедшем за год до съезда, стих исправлен: «Цивильный лист! Дворцы! Мильоны!» Неудивительно, что их встречу в последний день съезда Георгий Аркадьевич назвал «дружелюбной» в кавычках.

«Дорогой Павел Григорьевич, дорогой мой “брат во Аполлоне” (как Вы трогательно называли меня в Вашей дарственной надписи на книжечке Ваших переводов Гюго в 1952 г.)!» — такими словами

⁶⁷³ Второй всесоюзный съезд советских писателей. 15–26 декабря 1954 года. Стенографический отчет. М., 1956. С. 266–267, 256. О переводе зарубежной литературы в докладе специально не говорилось, но выпад против «недавних переводов Диккенса» (С. 255) метил в неназванного по фамилии Ланна.

Шенгели начал «открытое письмо» Антокольскому, датированное 23 марта 1956 г. и отданное в перепечатку, но, полагаю, без надежды на публикацию. «Мне хочется, чтобы Вы поняли, насколько я незлопамятен и необидчив. В Вашем превосходном докладе на 2-ом Съезде писателей, докладе, вышедшем отдельной брошюрой, воспроизведенном в “Литгазете” и перепечатанном недавно в сборнике “Вопросы художественного перевода”, — Вы сопоставили 8 или 12 строк одного моего перевода из Махтумкули с соответственными строками параллельного перевода, принадлежащими А. Тарковскому, и указали, что между обеими версиями — пропасть, и что искусство — лишь по одну сторону этой пропасти, не по мою, конечно.

Все дивились, как ловко и уверенно Вы сбросили в эту пропасть остальные 150000 строк моих переводов, — всю мою 35-летнюю работу, — всего Байрона, почти всего Верхарна, гору Гюго и пр., и пр. Не скрою, что эти “все”, мне писавшие (даже из провинции) и звонившие по телефону, сильно Вас осуждали, — в том числе и сам А. Тарковский. Но я защищал Вас. Я видел в Вас Валаама, который, как известно из библии, был ангажирован “проклясть”, а на самом деле “восславил”. И, действительно, лучшего комплимента Вы не могли мне сделать, как изругав меня».

Основное содержание письма, оказавшегося последним выступлением Шенгели на тему поэтического перевода, — разбор антологии Антокольского «Гражданская поэзия Франции» (1955). Начав иронически: «Я счастлив отметить, что некоторые мои идеи касательно задач поэтического перевода Вы признали справедливыми и постарались воплотить», — он обрушился на «вольности» адресата, приводя рядом с его текстом французский оригинал и дословный перевод. «Вы блестяще избежали презренного буквализма!»; «В последних двух строках Вы даже сумели указать на стихийный антиклерикализм масс, что автору и в голову не приходило. Это ли не достижение!» — такими саркастическими репликами пересыпано письмо, достойное изучения историками перевода.

«Я искренне надеюсь, что <Ваша книга> будет высоко расценена нашей критикой, горячо приветствующей подлинно творческие переводы», — заключил Шенгели, присовокупив ответ на «шато»: «К этому мне хотелось бы добавить еще одно. Помните, в “Карамазовых” Митя говорит о Грушеньке, что у нее есть в теле один заманчивый “изгиб”, который “даже в мизинчике ножки отразился”? Так вот, Ваш творческий “изгиб” в реконструкции дюпоновского текста отразился и в мизинчике, — в *дате*, проставленной под стихотворением: 1848 г. Стихотворение это написано в 1846 г. и, под этим годом, цитируется Марксом в 1 томе “Капитала” (Собр. соч. Маркса и Энгельса, 1-ое изд., том XVII, стр. 760, в выноске). Но Вы, конечно, правы. Что такое “сорок шестой год”? Проходная дата, “актриса на выходах”! А “сорок восьмой” озарен пламенем революции и сразу внушает благодарному читателю уважение»⁶⁷⁴.

V

Единственной альтернативой ругани было замалчивание, но в совокупности это становилось невыносимым.

Весь год внимать нашептам, дрязгам, блудням,
На мир глядеть с ночного чердака,
Дать, чтоб в сиделки нанялась Тоска,
Забыть, что ртуть в родстве с гремучим студнем!
Нет, черт возьми! Ты призван жить еще!..

19 июня 1953 г. Шенгели написал главному редактору второго, «синего» издания «Большой советской энциклопедии» академику-физику Борису Введенскому. Заявив, что «пора прекратить тот поток неверных и, порою, безграмотных данных в области истории и, главным образом, теории литературы, который струится по страницам БСЭ», он привел свыше ста примеров, а также отметил неупоминание

⁶⁷⁴ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 101. Л. 9–18 об (автограф), 22–34 (машинопись).

его переводов из Верхарна и Гюго в библиографии к соответствующим статьям: «Значит, БСЭ <...> считает труд поэта-переводчика недостойным ее внимания?» Критику вызвало отсутствие статей об Иване Аксенове, «видном советском поэте и искусствоведе, члене ВКП, председателе в 22–25 гг. Всероссийского Союза поэтов, написавшем, помимо стихов, блестящую книгу о Пикассо, переводившем предшественников Шекспира», Абраме Арго, Вячеславе Иванове: «Он — символист? Так что же? Это должно влечь определенную оценку, но не замалчивание. Он — эмигрант? Но К. Бальмонт — тоже и символист, и эмигрант, однако статья о нем есть». «Кем регулируется в БСЭ эта “раздача венков”? И на каких принципах она построена? — вопрошал Георгий Аркадьевич. — Я мог бы очень продлить мой перечень промахов БСЭ, но и сказанного достаточно, чтобы прийти к выводу, что в редакции литературы БСЭ — неблагополучно».

Мелочь, может подумать читатель, как и в случае с заметкой в стенгазете Гослитиздата. Стоило ли тратить время и силы? Нечем было заняться? Или «старик просто спятил»?

«Главный» отвечать не стал. 27 июля ответ «многоуважаемому Георгию Иосифовичу <так!>» направили сотрудники редакции литературы, на которую он жаловался: «БСЭ дает обычно рекомендательную библиографию. Ввиду того, что Ваши переводы подверглись серьезной критике в печати, редакция литературы не имела основания рекомендовать Ваши переводы читателям БСЭ». Это откровенная ложь: после Брюсова переводы Шенгели из Верхарна никто серьезно не критиковал, а переводы из Гюго одобрил даже Лейтес. Далее: «Редакция литературы не считает И.А. Аксенова “видным” советским поэтом. Аксенов — маленький, уже забытый поэт и искусствовед, известный своим пристрастием к формализму, к эстетству, о чем подробно сказано еще в 8 томе “Литературной энциклопедии” (ст. Оксенов). Поэта-сатирика и переводчика А. Арго также не было оснований включать в словник, поскольку в нем отсутствуют многие гораздо более крупные писатели и поэты. Статья о Вячеславе Иванове, реакционном поэте, который ныне служит (Иванов четыре года

как умер. — В.М.) Ватикану, была снята Главной редакцией из верстки макета 17-го тома»⁶⁷⁵.

И тут Шенгели прорвало. 6 августа 1953 г. он отправил в редакцию 15 страниц машинописи, подробно и аргументированно споря по поводу каждой позиции: «В Вашем письме проявилось то же, что весьма часто встречается в редактируемых Вами статьях: противоречие фактам, расплывчатость формулировок и нехватка последовательности» (справедливо: «синее» издание БСЭ — худшее). Неужели он не понимал, что обращается в пустоту? Что первый ответ ему будет и последним? Что в том мире он уже никому не важен и не нужен?

«Вы пишете: “(И.А.) Аксенов маленький уже забытый поэт и искусствовед... о чем подробно сказано в 8 томе Литературной энциклопедии (ст. Оксенов)”. Это блистательно!.. Вы СМЕШАЛИ Ивана Аксенова, которому, поскольку я знаю русский алфавит, место в 1 томе, с Иннокентием Оксеновым, о котором Вы прочитали в 8 томе! И на основании *такого* знания авторов и их продукции решается вопрос о включении имени в словарь!» «Но я спрашивал о более важном, — продолжал он, — чем определяется отбор? начиная с какого “звания” писателей помещают в словарь? С “капитана”, с “майора”, с “полковника”? И *кто* устанавливает эти “звания”?»⁶⁷⁶. Неудивительно, что во втором издании БСЭ вообще нет статьи «Шенгели» — даже «кисло-сладкой», как в первом.

Союз писателей отказался хлопотать о персональной пенсии для Георгия Аркадьевича, ибо он... «много зарабатывает». Ни один его оригинальный текст, даже сугубо «профессиональный», не мог пробиться в печать. «Новый мир» вернул статью «Поэтический перевод», «так как за последнее время неоднократно выступал по вопросам перевода». «Звезда» — а ранее несколько московских театров — пьесу «Дело Давида Гольдвассера» (не опубликована) о событиях времен

⁶⁷⁵ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 210. Л. 67–69.

⁶⁷⁶ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 34–48.

войны в еврейском местечке, оккупированном немцами, поскольку «в портфеле редакции имеются пьесы на более актуальные темы»⁶⁷⁷.

Стихи писались все реже, но не уступали лучшим из прежних. Все чаще звучали разочарование и усталость — наряду с «последней прямотой», делавшей их заведомо неприемлемыми для печати.

На одиннадцать лет хватило
Грома рыжего той зари,
Где лохматая вонь тротила
Прорычала душе: «замри!»

Да; сегодня, зарю встречая
Тем же холодом вдоль хребта,
Я дрожащую чашку чая
Еле-еле донес до рта.

Не от нервности иль озноба:
Просто дела рука ждала,
Просто выдержанная злоба
Снова голову подняла!

Да; сегодня, встав на рассвете,
Ожидая взрыва луча,
Вновь мечтал я о пистолете
И о должности палача!

Написано 22 июня 1952 г. Потом долгое молчание. Очередной день рождения 2 мая 1953 г. встречается горькими и гордыми строками:

Здравствуй, год шестидесятый!
Здравствуй! Ты ль — убийца мой?
Чем удавишь? Гнойной ватой?
Тромбом? сепсисом? чумой?

Разом свалишь? Или болью
Изгрызешь хребет и грудь,
Не дозволив своеволью
Шнур на шее затянуть?

⁶⁷⁷ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 210. Л. 79, 76, 66.

Но ведь я — из тех, кто вышел
В жизнь в 12-м году,
Кто в 14-м слышал
Мессу демонов в аду;

Кто в 17-м, в 30-м
Пел громам наперебой,
Не сдаваясь их раскатам,
Оставляясь сам собой;

Кто на крыше в 41-м
Строчкам вел — не бомбам — счет...
Так моим ли старым нервам
С дрожью твой встречать приход?

Подползай с удавкой, с ядом,
Дай работу лезвею, —
Не боюсь! Со смертью рядом
Я шагал всю жизнь мою!

«А теперь — пора итогов. / Пред судьбой держу ответ». 28 июня 1952 г. Шенгели направил в редакцию поэзии Гослитиздата заявление с просьбой «предусмотреть в трехлетнем плане выпуск следующих моих работ»: поэмы «Сталин», сборника «Пандырь» с подзаголовком «лирика и поэмы 1935—1950 гг.» <так!> и однотомника «Поэмы и лирика». Первые две позиции сопровождались припиской: «Рукопись может быть представлена немедленно»; третья — пояснением: «...подлежащий выпуску в 1954 г., к сорокалетию моей литературной деятельности. Сборник объединяет — с известными изъятиями — мои 8 книг, выпущенных советскими издательствами (в т. ч. и Гослитиздатом) и некоторые еще не изданные произведения»⁶⁷⁸. 30 января 1952 г. он написал предисловие к «изборнику» (которое, впрочем, трудно представить в тогдашней печати):

«Книга эта — “Собрание стихов”. Не полное, конечно. Полное вообще не стоит печатать: мало ли какой вздор приходилось писать в

⁶⁷⁸ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 130. Л. 47.

Георгий Шенгели и Нина Манухина. 1954 (*Г. Шенгели*. Иноходец. М., 1997)

юности, да и в зрелые годы. Своевременно этот вздор мог нравиться и нравился — самому автору, его друзьям, критике, “публике”. Ну, автор и печатал его. Кое-кому он не нравился. Печатал тем более. Небеса от этого не рушились. Не обрушились бы они и теперь, если снова “тиснуть” старое и отмершее. Но зачем его “тискать”? Незачем. И потом: надо же оставить дело будущим редакторам “академического издания”.

Включил я в эту книгу то, что хотелось включить.

“Субъективно!”

Ну, да. Ничуть этого не боюсь.

Распределение материала... Распределяют по жанрам, по темам, по циклам, хронологически и т. п. Это безразлично. Если стихотворение удачно, то оно таким и останется в любом месте книги и под любой датой. Полагать, что читатель будет задумываться над “эволю-

цией творчества”, — наивно. Полагать, что литературовед не сумеет разобраться в датах и темах, — непочтительно. Цикличность никогда не охватывает всего материала (неизбежно остаются “Разные стихотворения”). Кроме того, цикличность, порою, нелегко мотивировать. Стихотворение “Бетховен” должно бы идти в цикле “портретов” (где и идет); но, на самом деле, в нем — “лично моя тема”: о том, что “инструмент” ниже “музыки”, что и создает “трагедию творчества”; поэтому “Бетховена” можно бы поместить между другими “раздумьями”. Брюсов уверял, что в его лирических сборниках — строжайшая композиция; что ни одно стихотворение не может быть, без ущерба для целого, переставлено. Это самообман. Эта композиция “не доходит”...

Поэтому материал у меня расположен так: сначала лирика, потом поэмы. В каждой из этих двух частей сначала неизданные вещи, потом изданные — по отдельным сборникам. Кое-что циклируется. В конце книги — фрагменты, которые представляют известный самостоятельный интерес. Совсем опущены газетные стихи (не те, что печатались в газете, а те, что писались для газеты), эпиграммы, пародии, басни, стихотворные фельетоны. Почти полностью сняты “юношеские стихи”. Не включаю драматических поэм: “Нечаев” (фрагменты эпической поэмы с этим названием идут), “1871 год”, “Броненосец Потемкин”. Они изданы отдельными книгами, но я не люблю их⁶⁷⁹.

Гослитиздат заявку проигнорировал: директор Котов по-прежнему «в упор не видел» опального поэта, а Союз писателей и газеты замолчали его шестидесятилетие. Во второй половине августа 1954 г. Шенгели составил новый вариант «изборника»⁶⁸⁰, ход работы над которым отражен в записной книжке: «Подбирал книгу стихов; поэмы составляют около 5.300 стихов; всего 10.726 стихов (без Эпического цикла — 3662 ст.); с ним 14.388. <...> Всё, включая поэмы, расположил хронологически; многие стихотворения датировал на-

⁶⁷⁹ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 2—3.

⁶⁸⁰ Оглавление с позднейшими дополнениями и поправками Н.Л. Манухиной: РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 1—12.

удачу: забыл, когда написано, а рыться в черновиках неохота (важное признание. — В.М.). <...> Возился со сборником, извлек несколько забытых стихотворений; дал перепечатать Эпический цикл (с изъятиями⁶⁸¹). <...> Печатал дополнения к сборнику — около 1000 стр. <...> Перепечатывал для сборника «1871-й год». <...> Компонировал сборник; всего 743 стр., 293 вещи (считая «Эпический цикл» за 15), свыше 16.000 строк».

16 сентября 1954 г. Шенгели отправил подборку стихов в «Вечернюю Москву», которая отвергла ее уже на следующий день. Видимо, как только в редакции прочитали: «И живем на звезде, на кровавой, // И живем на кровавой звезде!» Интересно, на что он рассчитывал, посылая эти стихи в «Вечерку»?..

23 сентября автор сдал рукопись «Лирики и поэм» в ГИХЛ, поговорил с Котовым — и принялся ждать. Готовясь ждать долго, он проставил на титульном листе даты «1914–1955». «Изборник» открывало новое, более «формальное», но не «казенное», предисловие:

«В этой книге собраны мои стихи более чем за 40 лет, — с 1914 г., когда был издан мой первый сборник, и по 1955 г. включительно.

Здесь, конечно, далеко не всё, что мною написано, и не всё, что напечатано, но также немало вещей, печатающихся впервые: с 1939 г., когда были изданы Гослитиздатом мои “Избранные стихи”, не вышло ни одной моей книги, а в альманахах, журналах и газетах я появлялся мало и редко.

Принцип отбора и отсева стихов для данного сборника трудно охватить единой формулой.

Одни вещи включены, потому что являются характерными для поэтической биографии; другие — потому что стали, или были, популярными; иные — потому что автор считает их (правильно или ошибочно — другой вопрос) “нужными” для данного времени; иные просто потому, что дороги автору. То же — только со знаком минус — лежит в основе отсева.

⁶⁸¹ Исключены «Проблема вождя», «Лицо вождя», «Слово вождя».

В построении книги я избрал хронологический принцип. Любая циклизация стихотворений, любая группировка их по темам неизбежно приводит к появлению обширной группы “разных стихотворений”, не поддающейся дальнейшему членению. Опыт иных поэтов, делящих свои сборники на отделы, подотделы и циклы и мнящих, что перестановка не только двух циклов, но и двух смежных стихотворений уже искажает “лицо книги”, опровергается практикой: читатель, даже очень внимательный, воспринимает и оценивает каждое стихотворение “отдельно”, и сложная композиция книги работает вхолостую. Построение же по жанрам создает не меньшие трудности: если еще можно выделить “поэмы”, то как размежевать по жанрам лирику? Нельзя без сильнейших натяжек подводить под архаические категории идиллий, од, элегий, эпиникиев и пр. большинство современных стихотворений. А затем — что это дает читателю? Всё равно внутри каждого раздела будут “разные стихотворения” — и очень разные.

Итак — хронологический порядок. Обилие или скудость продукции того или иного года не всегда соответствует его подлинной “урожайности”. Иногда, действительно, работалось меньше или больше, менее или более удачно. Иногда другая работа — над моими стиховедческими книгами или над переводами — оставляла мало времени и сил для стихов. Но иногда *тип* главенствующей продукции данного года вынуждал оставить ее за рамками этой книги. Например, в 1920—21 гг. я в большом количестве писал “агитки”, печатавшиеся то листовками, то в газетах; есть даже пятиактная драма в стихах “ВВС” (“Вся власть советам”), изданная в 1922 г. на ротаторе и не сохранившаяся у меня ни в рукописи, ни в печатном виде⁶⁸²; в 1925—27 гг. я в изобилии писал стихотворные фельетоны, шедшие во многих газетах за различными псевдонимами; то же — в 1942 г. в Киргизии. Эти материалы, когда-то, быть может, звучавшие, сейчас неинтересны, но их наличие как-то отразилось на общем “рельефе” данного года, представленного в настоящем сборнике.

⁶⁸² Об этом произведении ничего более не известно.

Из больших вещей я не включил в эту книгу драматическую поэму «Броненосец “Потемкин”», изданную в 1923 г. Главлитпросветом, неплохо встреченную критикой и даже инсценированную в морских клубах: сейчас я написал бы ее “совсем не так” и, может быть, — напишу!

Вот всё, о чем я хотел предварить читателя»⁶⁸³.

31 января 1955 г. Георгий Аркадьевич позвонил в упорно молчавшее издательство и узнал, что «изборник» отложен. 6 апреля: «Звонил в Гослит, в сектор поэзии; на мою книгу поступила “резко отрицательная рецензия” (сообщение Трегуба); книгу возвращают. Мурыжили свыше полугода».

«Сборник стихов, — жаловался Шенгели Никитиной 12 сентября 1955 г., после последней, как оказалось, летней поездки в Крым, — отклонен Гослитом на основании совершенно блестящей по идиотству рецензии, автор которой, если бы рецензировал Пушкина, то упрекнул бы его за подозрительную в наши дни борьбы за всеобщий мир артиллерийскую фамилию, за пристрастие к неприятным физиологическим подробностям, так как старушка Ларина “бывало писывала кровью”, и за подозрительную склонность недоговаривать, ибо из строки “В пустыне чахлой и скупой”, поскольку не сказано, что это — американская Аризона, можно подумать, что автор намекает на Туркмению и выступает против идеи обводнения Каракумов... Ей-богу, моя пародия не является карикатурой!.. Один мой друг потом говорил с Котовым; тот смутился, извинялся, сказал, что книжку напечатает (только поменьше объемом), но меня стошнило, и я решил запереть рукопись в стол. Не стану унижаться и решать, что может одобрить или не одобрить другой рецензионный кретин».

Первым рецензентом итоговой книги Шенгели издательство выбрало старого большевика, журналиста Петра Кузько. Тот исписал почти восемьдесят страниц, выделив «группу плохих стихотворений, в которых отражены наиболее слабые стороны в поэзии Г. Шен-

⁶⁸³ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 15–15 об.

гели» (сонеты о гражданской войне, стихи военной зимы 1941/42 г., «Старое кладбище», «Ода университету»), «группу стихотворений, которые являются просто плохими или вследствие того, что они так же чужды советскому читателю, как и первая группа, или потому что в них много декадентского тумана и гурманских “изысков”» («В библиотеке», «Над Овидием», «Айсигена» и... «Трудовые слова»), «группу, где отрицательное и неприемлемое, хотя и не так ярко выражено, как в предыдущей группе, но где всё же оно в более или менее завуалированной форме сквозит почти в каждом стихотворении», «группу стихотворений, требующих предварительной переработки и доработки» (вообразим Шенгели, «дорабатывающего» стихи по замечаниям Кузько!), «группу стихотворений, приемлемых нами по содержанию и по художественной ценности» (удивительно, но здесь «Портрет Дориана Грея»), немногочисленную «группу вполне хороших стихотворений Шенгели».

В рукописи рецензент увидел «поверхностные знания об исторической жизни русского народа за последние двести лет», «совершенно чуждую нам жизнь того социального класса, с которым мы давно уже покончили», «болезненный уклон в сторону любования человеческими несчастьями и грязью жизни капиталистического общества» и сделал вывод: «Шенгели принадлежит к тем поэтам, кто испытал на себе всю полноту влияния уже разложившейся буржуазной культуры», поэтому к рукописи «надо отнестись с большой осторожностью»⁶⁸⁴. Георгий Аркадьевич и Нина Леонтьевна исписали поля отзыва гневными замечаниями, квинтэссенцией которых может служить «Бред старой протоплазмы!». Живший в СССР черногорский поэт Радуле Стийенский в разговоре с Шенгели коротко назвал Кузько «г**но и сволочь».

Другим рецензентом оказался... Лейтес, и это трудно считать чем-либо кроме издевательства над автором. «Что же представляет собою рецензируемый сборник?» — вопрошал он. — Можно ли назвать его “сборником избранных стихов”? Разумеется, нельзя. Сборником

⁶⁸⁴ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед.хр. 274. Л. 23—101.

избранных стихов мы называем такой сборник, в котором представлено наилучшее, наиболее долговечное из того, что напечатал поэт. Между тем главное, центральное место в рецензируемой рукописи занимают как раз ненапечатанные, нигде и никогда не публиковавшиеся стихи Георгия Шенгели. С достаточной полнотой, всесторонностью и рельефностью, с исключительной обстоятельностью раскрывают они внутренний мир поэта, его интимные настроения, переживания, наблюдения. В ряде случаев они демонстрируют незаурядное поэтическое мастерство Георгия Шенгели. К сожалению, в значительной части это — мастерство “в себе” и “для себя”. Общественная ценность большинства стихов и поэм, включенных в сборник, крайне невелика. Ничего значительного не прибавляют они к тому сборнику “Избранных стихов” Шенгели, который в свое время, в 1939 г., был выпущен Гослитиздатом. Невольно вспоминаешь, что и тогда небольшой — размером в восемь печатных листов — сборник Шенгели вызывал у ряда читателей недоумение. Тем более никакого смысла нет переиздавать тот же сборник, расширяя его за счет явно устаревших и идейно-неполноценных стихов»⁶⁸⁵.

Так что в письме к Никитиной преувеличений нет.

Последней известной нам попыткой Шенгели «пробить» поэтическую книгу стало предложение издательству «Московский рабочий» выпустить поэму «Пятый год» к пятидесятилетию Первой русской революции. После месяцев ожидания 6 декабря 1955 г. оттуда пришел ответ: «Вопрос об издании стихов в “Московском рабочем” до сих пор, к сожалению, не решен. Не решен, следовательно, вопрос и об издании Вашего сборника. <...> Очень надеюсь, что в ближайшем будущем мы получим возможность издать Вашу книгу»⁶⁸⁶. Возможность представлялась в 1996 г., когда там вышли переводы из Верлена.

Одно из последних стихотворений Шенгели, написанное 28 октября 1955 г., называется «Педагогика».

⁶⁸⁵ Там же. Л. С. 102–114.

⁶⁸⁶ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 210. Л. 83.

Раз — топором! И стала рдяной плаха.
В опилки тупо ткнулась голова.
Казненный встал, дыша едва-едва,
И мяла спину судорога страха.

Лепечущую липкие слова
Ему швырнули голову с размаха,
И, вяло шевелясь, как черепаха,
Вновь на плечах она торчит, жива.

И с той поры, взбодрен таким уроком,
Он ходит и косит пугливым оком,
И шепчет всем: «теперь-то я — поэт!

Не ошибусь!» — И педагогов стая
Следит за ним. И ей он шлет привет,
С плеч голову рукой приподымая.

Он не мог знать, что примерно в это время Николай Асеев набрасывал в черновике:

Опять влезают в двери без мыла
Кому Маяковский был не с руки,
Профессорствует Шенгели,
редакторствует Ермилов,
Клеймленные им двурушники

и пошляки⁶⁸⁷.

Не узнал он, вероятно, и о том, что написал в год его шестидесятилетия в зарубежном журнале «Грани» поэт «второй волны» Дмитрий Кленовский: «Казненный молчанием Шенгели печататься не мог и превратился в преподавателя стихосложения на литературном факультете Московского университета, достигнув в сей науке большой эрудиции и профессорского звания. Но к чему была ему эрудиция без собственного творчества? Лишь перед самой войной, после почти двадцатилетнего молчания, появилась тоненькая книжечка благонамеренных стихов Шенгели, но как они были далеки от его первых удач!

⁶⁸⁷ ЛН. Т. 93. С. 498.

Перу Георгия Шенгели принадлежит между прочим стихотворение, которое можно назвать пророческим для всей подсоветской литературы. Обращено оно к “музе” поэта. Олицетворена она, эта муза, довольно своеобразно. Это не резвящаяся вакханочка юного Пушкина, не погибающая от чахотки спутница Надсона, не мучительная наложница Блока с её “страшными ласками”. Муза Шенгели это... обезьянка, с которой он ходит по дворам:

Я груб и неумыт, я на ветру дрожу
В одежде порванной, истленной.
Мне надо жить и есть, — и по дворам хожу
С тобою, с обезьянкой пленной.
И, озираючись на раздраженный хлыст,
Ты представляешь всё, что надо:
Как служит мессу ксендз, как плачет гимназист,
Как вьется меж ветвей дриада.

Не такова ли горькая судьба подсоветской музыки: подлаживаясь под шарманку партийного соцзаказа и озираясь на “раздраженный хлыст” хозяина, проделывать “всё, что надо”? <...> Конечно, когда Шенгели в двадцатых годах писал это стихотворение, он просто цинично оригинальничал, а не протестовал. Но получилось не в бровь, а в глаз!»⁶⁸⁸ Надеюсь, публикация не попала на глаза «другому издательству», или там ее не заметили...

Поэт, переводчик и литературовед Лев Озеров, написавший в конце жизни цикл тонких и точных мемуарных зарисовок в стихах «Портреты без рам», вспомнил встречу с Георгием Аркадьевичем «под козырьком подъезда издательского дома», где их застиг дождь, — видимо, в начале пятидесятых. Обратившись к Шенгели, с которым не был знаком лично, Озеров сказал, что любит его давние строки: «Друзья! Мы — римляне...».

⁶⁸⁸ Кленовский Дм. Казненные молчанием (О судьбе некоторых русских поэтов) // Грани. 1954. № 23. С. 108; цит. по: Тименчик Р. «Записные книжки» Анны Ахматовой. С. 631.

— О! — выдохнул он.
Много ли нужно одному человеку,
Чтобы другого порадовать.
И он протянул мне руку.
— Ну, теперь мы с вами знакомы.
Сказал он и улыбнулся.
В этой улыбке сошлись:
Радость, усталость, доверие,
Заждавшееся тщеславье,
Непризнанности гордыня,
Желанье услышать нечто,
Похожее на одобренье
Или просто вниманье,
Вниманье к его персоне,
А так же — к его призванью...
...Шенгели в открытом портфеле
Что-то искал напряженно,
Что-то хотел обнаружить,
Не находил и тихо
Сказал мне на прощанье:
— Хотел подарить вам книгу,
Но, увы, не нашел я книги.
Чувствую: будет случай —
Я вручу вам книгу,
Может быть, более полную,
Новую книгу...
Больше мы не встречались.⁶⁸⁹

«Новых книг» не было. 17 марта 1947 г. редакционный совет издательства «Советский писатель» заслушал предложение Шенгели о переиздании «Техники стиха» и об издании работ «Стих Маяковского», «Онегинская строфа», «Пушкинский словарь». Первая «в обновленном виде» была включена в план 1948 г., вторая запрошена «для ознакомления и обсуждения», остальные отвергнуты «ввиду их

⁶⁸⁹ Озеров Л. Портреты без рам. СПб., 2014. С. 131–132.

узко-специального характера»⁶⁹⁰. Это можно считать успехом с учетом списка выступавших, среди которых не нашлось ни одного стиховеда, но были официальный «маяковед» Виктор Перцов (позднее, в очередном томе биографии «лучшего и талантливейшего» он тенденциозно изложил историю «полемики» с Шенгели⁶⁹¹), прозаик Юрий Либединский из бывших рапповцев и влиятельный редактор «восточных переводов» Петр Скосырев, сотрудничать с которым Георгий Аркадьевич отказался еще в 1944 г.: «На моем труде не будет паразитировать невежественный и беспринципный халтурщик, зарабатывая деньги и репутацию»⁶⁹². Директор издательства Георгий Ярцев знал об этом — и тем не менее пригласил Скосырева на обсуждение заявок, тематика которых никак не входила в его компетенцию.

Радоваться было рано: готовая к набору «Техника стиха» «зависла». «Внутренний редактор издательства, т. <Людмила> Скорино, нашла, что подбор примеров “опасен”: в них представлены и символисты, — жаловался автор 12 февраля 1950 г. Фадееву. — <...> Так как поэт должен знать всю поэзию, и так как идеологическая здравость нашей молодежи для меня бесспорна, то я никак не мог счесть пяток или десятков отрывочных декадентских строк “опасными”, тем более, что, в большинстве случаев эти примеры даны как отрицательные». Рукопись отправили на повторное рецензирование — «случай беспрецедентный», заметил Шенгели. Против нее высказались критик Александров, осудивший перевод «Дон-Жуана», и секция поэзии Союза писателей, которая «рассмотрела <ее> у меня за спиной, убоявшись пригласить меня на обсуждение. <...> Книгу с плана сняли. В результате советский читатель, начинающий поэт, критик, педагог-словесник и т. д. лишены *единственного руководства*, с полной четкостью показывающего, как строится стих, — руководства, чисто технологического, каковые имеются по всем видам искусств. <...>

⁶⁹⁰ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 129. Л. 22.

⁶⁹¹ Перцов В. Маяковский. Жизнь и творчество (1925–1930). М., 1972. С. 115–121.

⁶⁹² РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 129. Л. 7.

Переиздание этой книги нужно не мне, а читателю (и я заранее готов отказаться от гонорара за нее)»⁶⁹³. Как и большинство обращений Шенгели в «инстанции», письмо действия не возымело.

Празднование в государственном масштабе в июне 1949 г. 150-летия со дня рождения Пушкина породило у Георгия Аркадьевича надежду сдвинуть с мертвой точки издание словаря-конкордации к стихотворениям⁶⁹⁴ «нашего всего» — итог тридцатилетних трудов. 6 июля он просил президента Академии наук СССР Сергея Вавилова поручить выпуск словаря академическому издательству:

«Работа эта была рассмотрена специальной комиссией Научно-исследовательского сектора Государственного Музея им. Пушкина в составе Д.Д. Благого, С.М. Бонди, Г.О. Винокура, Б.В. Томашевского, М.А. Цявловского и др.; затем комиссией, специально учрежденной Министерством народного просвещения <так!>, в составе С.М. Бонди, Г.О. Винокура, М.А. Цявловского; в последнее время работу изучил и рецензировал академик В.В. Виноградов, и ознакомился с нею и снабдил ее отзывом академик И.И. Мещанинов. Во всех случаях работа признана удачной, имеющей научное значение и подлежащей изданию.

Однако издание этой работы в течение ряда лет натывается на препятствия, носящие чисто формальный характер. Ни одно издательство, — ни Гослитиздат, ни Учпедгиз, ни Словарное — не могут принять работу к изданию ввиду того, что она "не соответствует их профилю" (что неудивительно, ибо подобных работ со времен Кантемира, составившего конкорданцию к Псалмам, в России не было). Издательство же Академии Наук, полномочное издавать всё, что имеет научное значение, печатает лишь труды Институты АН, — а я не работаю ни в одном из ее институтов. Получается положение поистине странное. Труд, вопрос о котором был поднят еще в прошлом столетии (в 1890-х гг. Академия Наук приняла постановление о

⁶⁹³ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 123. Л. 6—8.

⁶⁹⁴ Полный перечень слов — словник с цитатами.

создании пушкинского словаря), осуществленный мною при содействии покойного А.С. Щербакова, секретаря ЦК, обеспечившего финансирование технических моментов работы, труд нужный и полезный, остается в папках по причинам формальным.

Прошло свыше 10 лет со дня завершения этой работы, и я теперь делаю последнюю попытку провести ее в печать, обращаясь к Вам. Быть может, Вы, глубокоуважаемый Сергей Васильевич⁶⁹⁵, найдете форму преодоления формальных препятствий. Со своей стороны выражаю полную готовность принести мой труд в дар АН, не стремясь ни к гонорарам, ни даже к помещению моего имени на титуле книги.

При этом я должен оговорить следующее. Один из институтов АН (кажется, Институт русского языка) составляет пушкинский словарь под руководством академика В.В. Виноградова; работа эта длится около десяти лет и пока находится в стадии собирания материалов (перевод словесной массы на карточки). Словарь этот — *совершенно иного типа*, чем мой, и преследует иные научные цели. Во-первых, он объемлет всё, написанное рукою Пушкина, вплоть до писем; у меня же охвачены лишь стихотворные произведения, в которых художественная функция слова совсем не та, что в прозе. Во-вторых, он является *толковым словарем*, задача которого объяснить значение, в коем применено данное слово; поэтому каждое слово иллюстрируется одним-двумя примерами связного текста; у меня же — *словарь-конкорданция*, в котором под каждым словом дана полная цитация: приведены *все строки*, где данное слово встречается, благодаря чему есть возможность изучать язык во всех его семантических, фразеологических и стилистических особенностях. <...> В-третьих, составляемый АН словарь помещает весь материал в одном алфавите, у меня же сделаны словари к каждой поэме и к циклам лирики, что дает возможность изучать язык в его динамике и развитии, в его жанровых особенностях. В итоге, в словаре АН господствует *лингвистическая* мысль, в моем — *литературоведческая*. Поэтому параллелизма нет,

⁶⁹⁵ Ошибка; правильно: Сергей Иванович.

и словари друг друга не застилают. И мы, думаю, достаточно богаты, чтобы иметь *два* пушкинских словаря, дополняющих друг друга»⁶⁹⁶.

«Пушкинский словарь» не увидел свет даже после обращения автора к Молотову в 1953 г., а его имя не попало в официальную историю пушкинистики⁶⁹⁷. Лишь в предисловии к новейшему «Словарю языка Пушкина» скупо сказано: «Незадолго до Отечественной войны под руководством поэта профессора Шенгели, при поддержке Союза советских писателей, был составлен словарь конкорданция к стихотворным произведениям Пушкина. Этот труд охватил первые три тома шеститомного собрания сочинений Пушкина в издании Гослитиздата»⁶⁹⁸. Работа осталась неизданной»⁶⁹⁹.

В 1954 г. Шенгели возобновил хлопоты о «Технике стиха», отметив 16 ноября в записной книжке: «Был на докладе Ланна в Гослитиздате. Не подал руки Кашкину. Говорил с директором <Котовым> о “Технике”: “давайте скорей”». 27 декабря: «Закончил “Технику стиха”» (запомним эту фразу!). В предисловии, как и в издании 1940 г., автор подчеркнул, что «задача книги чисто практическая — помочь начинающему поэту, молодому литературоведу или педагогу-словеснику овладеть основами стихосложения. <...> Изучив эту книгу, можно вплотную подойти к усвоению чисто научных работ по истории и теории стиха»⁷⁰⁰. Полагаю, оговорка должна была защитить «Технику стиха» от критики стиховедов.

Дело снова застопорилось. 29 апреля 1955 г. заведующий редакцией литературоведения Константин Бонецкий возвратил автору рукопись с отказом и отрицательной рецензией. Автор брошюры «Образ И.В. Сталина в советской художественной литературе» (позднее —

⁶⁹⁶ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 129. Л. 54—55.

⁶⁹⁷ Пушкин: итоги и проблемы изучения. М., 1966.

⁶⁹⁸ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 6 т. 4-е изд. М., 1936.

⁶⁹⁹ Словарь языка Пушкина. Т. I. М., 2000. С. VI—VII. Статья Шенгели «Пушкинский словарь» была отвергнута журналом «Октябрь»: РГАЛИ. Ф. 619 («Октябрь»). Оп. 1. Ед. хр. 1845.

⁷⁰⁰ Шенгели Г. Техника стиха. М., 1960. С. 7.

аналогичной брошюры об «образе Ленина» и книги «Путь Маяковского к Октябрю»), Георгий Черемин усмотрел в ней «странное сочетание теоретического исследования, обильно оснащенного различными подсчетами, графиками и пр., с руководством или учебником». «Поскольку пособия для начинающих литераторов выпускает издательство “Советский писатель”, — резюмировал Бонецкий, — Вам следует предложить свой труд этому издательству»⁷⁰¹.

Хорошо знавший уловки «спихотехников», Шенгели не поддался и ответил решительным письмом:

«Отклонение моей книги меня несколько не удивило. Еще почти 4 месяца назад, когда я узнал, что Вы (возражавший против одного лица, названного мною в качестве возможного рецензента, на том основании, что это лицо “не стиховед” —) послали работу на отзыв также не-стиховеду (вернее, стиховневедy), я понял, — учитывая еще некоторые моменты, — что редакцией взят курс на отклонение моей книги. В моем прогнозе я не ошибся. <...>

Простите, но Вы не можете судить, правильны или неправильны указания рецензента, ТАК КАК ВЫ КНИГИ НЕ ЧИТАЛИ: у Вас для этого просто не было времени. Мне точно известно, когда я сдал рукопись, когда ее направили рецензенту, когда она от него вернулась и когда была отослана мне. <...> Вы не можете судить о правильности или неправильности рецензии еще и потому, что САМ РЕЦЕНЗЕНТ КНИГИ НЕ ЧИТАЛ. Десять тетрадей рукописи, аккуратнейшим образом сброшюрованных, остались абсолютно девственными. Отсутствие карандашных пометок может быть, конечно, объяснено бережностью в отношении рукописи (бережностью, обычно отсутствующей у рецензентов); но прочесть ее, не отогнув к обложкам тетрадей ни одного листа, нельзя. Рецензент ограничился тем, что заглянул в десятке мест в ту или иную тетрадь, ища “поживы”, и этим удовольствовался»⁷⁰².

⁷⁰¹ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 210. Л. 80.

⁷⁰² РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 64–67.

Заклучив послание словами: «Вы не посетуете на меня, если несколько копий этого письма будет направлено по некоторым другим адресам?» — автор обратился к вице-президенту Академии педагогических наук Александру Маркушевичу. 8 сентября тот прислал ответ на официальном бланке, сослался на «вполне благоприятный» отзыв Благого и Тимофеева, однако выразился уклончиво: «Но где издать эту книгу? Мне кажется, что издание ее следует осуществлять в Гослитиздате или в АН СССР. Что касается Академии педагогических наук, то здесь речь могла бы идти только об издании совсем скромного пособия по технике стиха для учителей листов на 5 (не более)»⁷⁰³. В аппаратных играх и это было успехом, поэтому Шенгели 12 сентября сообщил Никитиной: «С завтрашнего дня начинаю “борьбу” за мою “Технику стиха”, толстую как канат, который надо продеть в игольное ушко». Книга вышла только через четыре года после его смерти.

«Оттепель» для Шенгели так и не наступила. После XX съезда КПСС он написал — неизвестно, отправил ли — «докладную записку» членам Президиума ЦК «О мерах поднятия идейно-художественного уровня советской литературы». Отталкиваясь от выступления на съезде Шолохова, сетовавшего на недостаточность «достижений советской литературы», Шенгели подчеркнул, что подписка на собрания сочинений Вишневского и Павленко куда меньше интереса к Гого и Достоевскому. А в качестве первоочередной «меры» предложил следующее:

«Необходима свобода писательского слова. Под этою свободою я отнюдь не разумею буржуазную “свободу”, — право писателя писать и печатать всё, что ему угодно, вплоть до мистики и порнографии. Я исхожу из следующего положения. Среди нас, писателей, нет ни контрреволюционеров, ни антисоветски настроенных людей. Мы все — советские люди; мы все — большевики, хотя бы и не все с партбилетами. Однако, отсюда не следует, что у нас у всех есть и

⁷⁰³ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 210. Л. 81.

должны быть совершенно одинаковые вкусы, одинаковое поле зрения, одинаковое стандартное отношение к любому из бесчисленных явлений нашей многообразной действительности. Если бы было так, то не к чему было бы иметь сотни и тысячи писателей; достаточно было бы отобрать десяток прозаиков, пяток драматургов, пару поэтов и предоставить им делать литературу. Но, если не так, если действительно наш социально-политический уклад должен предоставлять простор творческой индивидуальности, то необходимо этот простор *обеспечить*. Один писатель любит деревню, другой — город; одного интересует научная проблематика, другого — задворки жизни; одного влечет частушка и массовая песня, другого — историческая героика и философская патетика; у одного идиллический склад, и он ищет благополучных концов и радостных исходов, у другого — трагический темперамент, и его интересуют и удаются ему жизненные бури и катастрофы. В нашей жизни есть всё это: и катастрофы, и апофеозы, и героика, и преступление. Отсюда: необходимо дать писателю, — подчеркиваю: советскому писателю, который, в основном, пишет то, что надо, и иначе писать органически не может, — право писать то, что его интересует, то, что ему удастся. Необходимо отказаться от сплошного командования, от поворотов «все вдруг»⁷⁰⁴. Это оказалась его последняя попытка обратиться «наверх».

Разговоры о «политике» Шенгели вел нечасто и фиксировал их предельно кратко. В июле 1954 г. даже обласканный властью Лахути «жаловался на “духоту” (политическую)». В записных книжках мелькают фамилии вернувшихся из «концлагерей»: Сергей Радлов, который «вкратце рассказывал о своей эпопее» и о смерти в неволе жены Анны, Аркадий Штейнберг, Марианна Ямпольская (в двадцатые годы участница группы «неоклассиков»). Другой ряд имен — покойники «из моих сверстников»: Руставели, Липскеров, Яков Черняк из «Печати и революции», Михаил Малишевский из ВЛХИ, бывший лефовец Дмитрий Петровский. «Посыпало!» — лаконично записал

⁷⁰⁴ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 99. Л. 30–31.

8 марта 1955 г. Георгий Аркадьевич. История отзывалась в современности: «Сообщение о том, что мы вывели войска из Порт-Артура. Прощай, 50-летняя мечта!» (26 мая 1955 г.). И через четыре дня: «Купил книгу японского дипломата Исии, — нагая и двуличная и, повосточному, глупая». Опубликованные в Москве в 1942 г. «Дипломатические комментарии» бывшего министра иностранных дел Кикудзиро Исии охватывали период от русско-японской войны до Лиги наций — события, о которых Шенгели некогда узнавал из свежих газет.

Летом 1952 г. Георгий Аркадьевич впервые после войны побывал в Керчи, о которой с горечью писал жене в первую военную зиму: «Вот уж не думали мы в 1913 году, когда летали в Керчи на планере, что наш мирнейший городок станет объектом бомбежек» (15 февраля 1942 г.). 30 июля газета «Керченский рабочий» поместила на «Литературной странице» фотографию «профессора Г.А. Шенгели среди членов керченского литературного объединения», краткую биографическую справку и сонет «Имя»⁷⁰⁵. Это последняя прижизненная перепечатка его стихов.

Нина Леонтьевна писала ему вслед:

Ёрка вернулся в свой город престольный,
Где он мальчишкой еще бартыжал,
Где первых строчек размер своевольный
Старый Босфор плеском волн повторял...
Вовсе неважно, что жизнь сединою
Черную смоль заменила кудрей:
Не разучился пьянеть он мечтою,
Верным остался он музе своей...
Запах акаций, гора Митридата, —
Вас никогда он не мог позабыть!
Нет! — не мешает «солидная дата»
Вечным мальчишкой профессору быть!
Всё здесь уютно ему и отрадно,

⁷⁰⁵ Керченский рабочий. 1952. № 150. 30.07. С. 3.

Георгий Шенгели с членами литературного объединения при газете «Керченский рабочий». (Керченский рабочий. 30.07.1952)

Не устает он бродить средь аллей:
Он не один: неотступно и жадно
С ним его юность и тени друзей...

«Моя Керчь, — признался он Никитиной 10 мая 1954 г., — на этот раз произвела на меня гнетущее впечатление беспризорного и заплеванного города. Семикилометровая береговая линия на 6 км загорожена заводами, доками, портом, — а последний километр (бульвар и “пляж”, — т. е. часть улицы, где мостовая посыпана грязнейшим песком) заражен радио: три оцинкованных ведра, изрыгающих частушки или колоратурную икоту, с силою 700 быков, и великодушные 4 радиолы, изрыгающие каждая свою индивидуальную мерзость, — так что получается акустический коктейль, способный убить мастодонта. И так — с 7 утра до 2 ночи. Деваться некуда».

«В прошлом году уезжая, Ёра говорил, что никогда больше не приедет в Керчь, — писала Векшинскому 9 августа 1955 г. Любовь Пицхелаури, урожденная Кустовская, дочь гимназического учителя

физики. — Прошное лето дало отрицательный рефлекс на Керчь. Под старость он становится брюзглив и очень раздражителен. Он меня прошлым летом очень обидел, сказавши, что я не люблю поэзию. Он вывел такое заключение из того, что я призналась ему, что почти незнакома с творчеством Брюсова. Зачем же смешивать понятия “знать” и “любить”. Музыку, например, можно не знать, но любить, а математику можно знать и не любить. Если бы Ёра сказал мне, что я плохо знакома с поэзией, я не обиделась бы»⁷⁰⁶.

«Лучшим отдыхом для него, — вспоминал Пузанов, — было пожить хоть немного не на каком-нибудь крымском или кавказском курорте, а в рыбацкой хибарке на берегу <Керченского> пролива»⁷⁰⁷. Нина Леонтьевна, предпочитавшая «общество», «не разделяла этой любви мужа к глухому провинциальному городку». «Нина была в Коктебеле, — рассказывал Шенгели 12 сентября 1955 г. Никитиной, — куда заехал на два дня и я (забрать ее), а потом мы жили под Керчью, в Старом Карантине, в чистеньком рыбацьем домике над самым морем. Купаться почти не пришлось: почти всё время был шторм и мутил и охлаждал воду. Но воздух, отсутствие радио, равномерный рев прибора, прохлада — всё это хорошо подтянуло нервы. Жил растительной жизнью, ничего кроме газет не читал, часами глядел на море и небо (которое там исключительно богато оттенками на закате); глядел просто и в 10-кратный бинокль, сквозь который в лунную ночь корабль, пересекающий лунную дорожку, кажется затертым льдами: полная иллюзия! Там настолько тихо и мирно, что меня сильно соблазняет мысль поехать туда и зимой — работать. Но, конечно, не поеду: Москва — капкан. В оба конца я ехал маршрутным такси»⁷⁰⁸. Это чуть дороже “международного вагона”, но быстрее, “ближе к

⁷⁰⁶ Архив РАН. Ф. 2022. Оп. 1. Ед. хр. 169. Л. 9—9 об.

⁷⁰⁷ Пузанов И.И. Мемуары. Т. 3. С. 109.

⁷⁰⁸ Годом раньше он писал Никитиной: «Поездка в Крым, с двухсуточной пыткой в жарком вагоне с непрерывным ревом радио, меня на сей раз буквально травмировала: не могу без ужаса подумать о посадке куда-нибудь кроме такси». Видимо, теперь проводники не соглашались отключать радио даже за мзду.

природе” (можно остановиться, например, в мелитопольской степи и купить арбуз с бахчи) и нисколько не утомительно (ночевка, конечно, в путевой гостинице). Впредь буду ездить, где только можно, именно так». Но больше ездить не пришлось...

В конце 1955 — начале 1956 г. Шенгели тяжело болел: врачи затруднились с диагнозом, но констатировали «склероз и слабость сердечной мышцы»⁷⁰⁹. Нина Леонтьевна перенесла вирусный грипп, ее престарелая мать окончательно слегла после инфаркта, и даже вечная домработница Даша страдала от камней в почках. Самое страшное было впереди — 15 мая Георгия Аркадьевича разбил инсульт.

История его последней болезни изложена в письмах Манухиной Ланну⁷¹⁰ (похоже, обе семьи не любили пользоваться телефоном). Шенгели страдал от неподвижности и вынужденного бездействия: рассудок и память не пострадали, а «мнительность и мрачность очень мешают выздоровлению» (3 июля). «Здоровье восстанавливается (если восстанавливается?!?) слишком медленно, — известила Манухина 15 июля Никитину. — <...> Первый месяц некоторые элементарные движения у Георгия восстановились, во второй никакого прогресса нет. Возможно, в ближайшие дни Георгий ляжет в институт неврологии Академии медицинских наук». 26 июля его перевезли в стационар, что поначалу вселило надежду: «Стали, по желанию — усилием воли — пальцы шевелиться. Говорят врачи, что это чудесно. Но сама рука и нога не двигаются» (1 августа). Радость оказалась недолгой. «Вот уже 12 дней, как Ёрка там, а лечить его и не начинали. <...> Прибавьте к этому обстановку: 6 больных; кричащего, слава Богу, убрали, но остался парень-имбецил. <...> Ёрка очень бледен, очень нервен и угнетен: “еще неделю посмотрю и, если, кроме обыч-

⁷⁰⁹ «3-ью неделю болен, неизвестно чем, Георгий; температура доходила до 39; но кроме отвратного самочувствия — ни насморка, ни головной боли, — только слабость. Были 2 врача: “ничего определенного! — Вероятно, — вирусный грипп...”» — сообщила Манухина 3 января 1956 г. Пузановым.

⁷¹⁰ РГАЛИ. Ф. 2210. Оп. 1. Ед. хр. 321; далее цит. без сносок с указанием даты.

ного массажа ничем меня лечить не собираются, возьми меня домой: право, там и воздуха, и покоя больше, а массаж можно делать точно такой, как здесь» (6 августа). «Провел 37 дней в Неврологическом Институте, — бесполезно. Сейчас уже дома и, как видишь, могу сидеть и писать», — сообщил он Никитиной 11 сентября в «первом письме, которое я пишу сам после катастрофы» и которое, возможно, оказалось последним в его жизни.

«Хотя у меня оборвало левую сторону, по инерции пострадала и правая: испортился почерк, и нарушился автоматизм письма: приходится иногда думать, какой надлежит сделать штрих», — добавил Шенгели в том же письме. Сохранился листок с его карандашными записями: «Почерк, кажется, исправляется. Пожалуй, начну писать роман. Или продолжать строчить рассказы "из жизни Гварнери, а также и не из его жизни". Однако описки всё же встречаются. Лишние палочки и "расказ" <так!> начал писать как "разказ". Это всё — мозговые штучки, перепрыг из одних клеточек в другие, забегание графического образа и жеста вперед. Видимо, следует писать ежедневки, разрабатывая руку, как физкультурник разрабатывает мне парализованные конечности. В 63 года садиться за прописи! Липецк. Либава. Палочки должны быть перпендикулярны. Орфография — мать орфоэпии. Новые орфографические правила противоречивы и малограмотны. Каллиграфия ведет в министерские канцелярии. Граф Бенкендорф. Шеф жандармов. Дуббельт. Нет, я, пожалуй, могу написать письмо»⁷¹¹.

Положение осложнялось проволочками с выпуском «Техники стиха», несмотря на обещания Пузикова включить книгу в план и подписать договор. «Я, конечно, Ёрке и не помышляю на эту подлую комедию даже намекнуть, так как это вызовет неминуемо второй тромб, в этом я ни секунды не сомневаюсь. Это, без громких слов, его убьет, — сообщила жена Ланну и Кривцовой 6 августа. — Недаром, тайком от меня, он сказал Иринке: "если я умру, то поручаю

⁷¹¹ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 45.

тебе, матери будет не до того, последи, чтобы «Технику» мою напечатали без траурной рамки: я ее писал живой и не хочу, чтобы я на ней мертвым стоял. Это — мой последний труд. Пусть будет он как бы «при жизни» напечатан. Обещаешь мне?»... Беденький мой... вот и реву я, а чему помогут эти ничемные слезы?!! И ничего-то я не придумаю: к кому обратиться? Кому сказать, что этим они его *добьют*? А может это именно и входит в их план, который уже утвержден? ???» О болезни Шенгели в издательстве знали, но по-прежнему избегали прямых разговоров.

29 октября Манухина делилась с Никитиной новостями: «Георгий ходит (под эгидой врача-физкультурника), сидит на балконе. Всё было бы хорошо, если бы настроение было пободрее и не мучила бы бессонница. Много читает; ещё больше скучает».

Поздно вечером 15 ноября 1956 г. Георгий Шенгели в возрасте шестидесяти двух лет умер от инфаркта у себя дома на руках Нины Леонтьевны и супругов Векшинских. «Его самый любимый ещё с гимназических лет друг академик Векшинский справлял свой 60-летний юбилей в Академии наук и телефонировал, что приедет после юбилея, часов в 11 вечера, а жена его добавила: «у нас уйма цветов, я привезу корзину». Георгий спросил: «что там ты говорила “привози”?» — «Корзину цветов». — «Зачем? Мне на похороны? Это — плохая примета». (А он никогда не был суеверным!!) Я посмеялась, что он путает плохие приметы — это с кладбища не привозят, а с юбилея — можно. Но он как-то помрачнел. 10 минут 12-го приехали Векшинские — 10 минут он расспрашивал об юбилее, шутил и вдруг сразу: «Нинка — скорей холодное на сердце и атропин. Вызови неотложку». Я бросилась вскипятить воду для грелок, он быстро начал задыхаться. Жена Векшинского помчалась за новыми подушками кислорода. Возвращаясь с грелками, я услышала, как Георгий сказал: «Пойми, Сергей, умереть не страшно, страшно умирать». Тут я поняла: он умирает. <...> Вернулась к нему — он стал как-то медленно дышать. Я крикнула: «Ёрка! Ёрка! Дыши! Дыши!» Он постарался вздохнуть — и не смог, и как-то виновато улыбнулся, как бы говоря: «не могу!», схва-

тил мою руку, и я увидела, что глаза стекленеют. <...> Он лежал очень спокойный. Мы закрыли ему глаза и без всяких медяков — они спокойно остались закрытыми»⁷¹². «И я счастлива, что в последнюю минуту Георгий видел лицо своего друга... Я верю, Сергей, что ты никогда этого не забудешь... как не забудешь и того, что мы вдвоем закрыли глаза нашему Георгию»⁷¹³.

Ты в первый раз никак не отозвался
На задыхающийся шепот мой:
Ты от меня как будто отстранялся,
Уже чужая маяте земной.
Напрасно я дыханьем губы грела,
Пытаясь жизнь на миг хоть удержать:
Ненужное душа стряхнула тело
И — не вернуть ее и не догнать...
И я сама тяжелые ресницы
Тебе сомкнула, чтоб не видеть лед
Остекленелых глаз, что будут сниться,
Годами сниться! — ночи напролет...

⁷¹² РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 281. Л. 1—2.

⁷¹³ Запись Манухиной о вечере памяти Шенгели, посланная Пузановым 28 февраля 1958 г.

Глава десятая

ГОДЫ ЗАМАЛЧИВАНИЯ (1957—....)

Я затерян среди равнодушно висящей Вселенной...

Два дня спустя «Литературная газета», выходившая дважды в неделю, коротко сообщила о смерти Шенгели⁷¹⁴, а еще через три дня поместила тщательно «дозированный» некролог, без портрета:

«На 63-м году жизни скончался видный советский профессор-филолог, поэт и переводчик Георгий Аркадьевич Шенгели. Выступив в 1914 году с первым сборником стихов, Георгий Аркадьевич создал свыше ста художественных и критических произведений (интересно, по какому принципу считали? — В.М.), принесших ему широкую известность среди читателей.

Перу Г.А. Шенгели принадлежат книги стихов “Гонг”, “Раковина”, “Норд” (почему нет «Планера»? — В.М.), драматические поэмы «Нечаев» и «1871 год» (а «Броненосец “Потемкин”»? — В.М.), научные работы и учебники — “Два памятника” <так!>, “Трактат о русском стихе”, “Школа писателя” и выдержавшая семь изданий популярная книга для рабкоров “Как писать статьи, стихи и рассказы”, написанная им по совету М.И. Ульяновой.

Г.А. Шенгели был одним из крупнейших специалистов по теории стиха, на протяжении многих лет вел большую преподавательскую и научную деятельность в литературных вузах страны. Г.А. Шенгели был страстным пропагандистом и глубоким знатоком русской клас-

⁷¹⁴ Литературная газета. 1956. № 137 (3638). 17.11. С. 4.

сической поэзии. Он возглавлял Всероссийский союз поэтов, состоял действительным членом Академии художеств Наркомпроса <так!>, а со дня основания Союза писателей СССР принимал активное и живое участие в его работе.

Велики заслуги Г.А. Шенгели как поэта-переводчика. Он перевел на русский язык все основные произведения Верхарна, тридцать поэм Байрона (а остальное? — В.М.), стихи и поэмы Виктора Гюго, Мопассана, Гейне, Эредиа. Георгий Аркадьевич сделал достоянием русского читателя поэмы Леси Украинки, туркменский эпос “Шасенем и Гариб”, стихи Махтумкули, Барбаруса, Лахути и многих других братских поэтов.

Г.А. Шенгели был человеком огромных знаний, большой культуры, его отличала подлинная, высокая любовь к родной литературе. Память о нем надолго сохранится в наших сердцах.

Правление Московского отделения
Союза писателей СССР
Секция поэтов и секция переводчиков
при правлении Московского отделения
Союза писателей СССР»⁷¹⁵

Это был минимум, «полагавшийся» покойному по «чину» в советской литературной иерархии. «Вдове члена Союза Советских Писателей Георгия Шенгели было отказано в том, чтобы поместить его тело для прощания в Доме литераторов. Кто-то был последователен, — заметил Юрий Александров. — Ну что ж — по крайней мере, на похоронах не было людей чужих и случайных»⁷¹⁶.

Местом упокоения стало Ваганьковское кладбище — приют опальных; позже рядом были похоронены Нина Леонтьевна и Ирина Сергеевна.

Над могилой Арго прочитал только что написанное стихотворение:

⁷¹⁵ Литературная газета. 1956. № 138 (3639). 20.11. С. 4.

⁷¹⁶ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 285. Л. 5.

Георгий Аркадьевич Шенгели

На 63-м году жизни скончался видный советский профессор-филолог, поэт и переводчик Георгий Аркадьевич Шенгели. Выступив в 1914 году с первым сборником стихов, Георгий Аркадьевич создал свыше ста художественных и критических произведений, принесших ему широкую известность среди читателей.

Перу Г. А. Шенгели принадлежат книги стихов «Гонг», «Раковина», «Норд», драматические поэмы «Нечаев» и «1871 год», научные работы и учебники — «Два памятника», «Трактат о русском стихе», «Школа писателя» и выдержавшая семь изданий популярная книга для рабкоров «Как писать статьи, стихи и рассказы», написанная им по совету М. И. Ульяновой.

Г. А. Шенгели был одним из крупнейших специалистов по теории стиха, на протяжении многих лет вел большую преподавательскую и научную деятельность в литературных вузах страны. Г. А. Шенгели был страстным пропагандистом и глубоким знатоком русской классической поэзии. Он возглавлял Всероссийский союз поэтов, состоял

действительным членом Академии художеств Наркомпроса, а со дня основания Союза писателей СССР принимал активное и живое участие в его работе.

Велики заслуги Г. А. Шенгели как поэта-переводчика. Он перевел на русский язык все основные произведения Верхарна, тринадцать поэм Байрона, стихи и поэмы Виктора Гюго, Мопассана, Гейне, Эредиа. Георгий Аркадьевич сделал достоянием русского читателя поэмы Леси Украинки, туркменский эпос «Шасенем и Гариб», стихи Махтумкули, Барбаруса, Лахути и многих других братских поэтов.

Г. А. Шенгели был человеком огромных знаний, большой культуры, его отличала подлинная, высокая любовь к родной литературе. Память о нем надолго сохранится в наших сердцах.

Правление Московского отделения
Союза писателей СССР
Секция поэтов и секция переводчиков
при правлении Московского отделения
Союза писателей СССР

Некролог Георгия Шенгели. (Литературная газета. 20.10.1956)

Седая, гордая голова,
Ты спишь, потрудившись вдосталь...
Хочется молвить простые слова,
Но найти их не так-то просто...
Жизнь проходит, и мы ей вослед глядим
Средь удач и утрат несметных...
Средь живых стало меньше поэтом одним,
Стало больше одним средь бессмертных.

Это значит, что если мы скорбя
Говорим о большой потере,
В этот миг в том краю встречают тебя
Как друзья Александр и Валерий.

Это значит, что ты пришел в их край,
К заветной приблизясь цели.
Мы говорим — Шенгели, прощай...
Они — здравствуй, Шенгели...⁷¹⁷

⁷¹⁷ ВЭМ; опубликовано: Новый журнал. Кн. 220. Сентябрь 2000. С. 211.

Через несколько дней Векшинский написал Аргу: «Мне, человеку Вам совершенно незнакомому и далекому от литературы, хочется крепко пожать Вам руку и горячо поблагодарить Вас за Ваше потрясающее по силе, честности, таланту и глубине выступление над гробом Георгия Шенгели. Такие аккорды могли прозвучать только у большого мастера о другом большом мастере и Человеке. Спасибо Вам, Абрам Маркович, от всех кто знает и любит Г. Шенгели. А их миллионы. Спасибо Вам»⁷¹⁸.

Гроссман произнес «блестящую речь», «от которой плакали не только женщины». Позже Нина Леонтьевна в письме Пузановым привела оттуда слова: «Этот человек *сделал* за свою жизнь столько, что этого хватило бы на 10 человек, причем каждый из них гордился бы: *как много я сделал*». Лучше не скажешь.

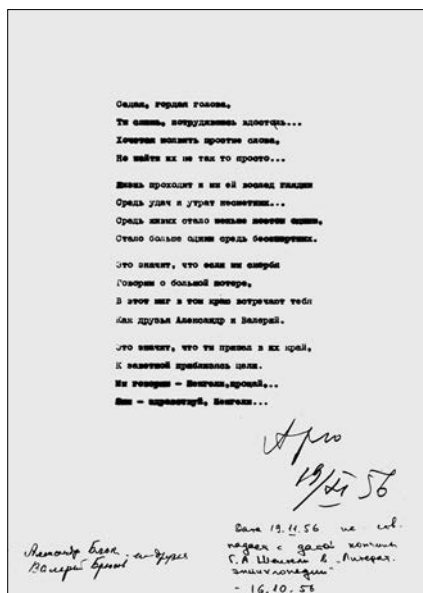
«Потрясена роковой вестью. Скорблю об уходе поэта и друга», — телеграфировала из Ленинграда Ахматова, через год посвятившая «памяти друга» «Царскосельскую элегию» («Этой ивы листы в девятнадцатом веке увяли...»)⁷¹⁹. Озеров в «Портретах без рам» вспомнил разговор с ней в квартире Нины Леонтьевны, уже после смерти Шенгели:

Ахматова в узкой передней
Повторяет то, что сказала
В комнате час назад:
Позаботьтесь Вы о Шенгели,
Не забудьте: Георгий Аркадьевич,
Перечитайте, прошу вас...

Дом всегда был открыт для Ахматовой, но Манухина однажды пожаловалась Евгении Пузановой: «И еще есть у меня царапина на душе: она обещала написать о Георгии страничку воспоминаний и уже семь лет не собралась этого сделать. <...> Я вижу, как Вы смеетесь над моей “мелочностью”; но, право же, Шенгели был поэтом “ми-

⁷¹⁸ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 280. Л. 1.

⁷¹⁹ *Постопутенко К.Ю.* Анна Ахматова и Георгий Шенгели. С. 727–728.

Арго. Стихотворение памяти Георгия Шенгели. Машинопись, подпись-автограф

лостью божией”, не говоря уже о том, что он очень много сделал для освобождения ее сына тогда, когда вообще это было “небезопасно”... Так что она только отдала бы ему должное».

«Запретить литературные поминки — прощальный вечер в Доме литераторов уже не удалось, — вспоминал Александров, но подготовка растянулась на много месяцев⁷²⁰. — Он был многолюдным и необыкновенно сердечным. Он подтвердил неопровержимо тот факт, что Шенгели оставил глубокий, добрый след в жизни тех, кто любит и понимает поэзию. Осталась память о гиганте, о яростном сердце, пламя которого раздвинуло стены тьмы»⁷²¹.

21 февраля 1958 г. «большой зал клуба был полон, — «отчитывалась» Нина Леонтьевна перед Пузановыми. — Отсутствовали (к моей

⁷²⁰ «В начале мая Союз писателей устраивает вечер “Памяти Шенгели”», — сообщила Манухина Пузановым 1 апреля 1957 г.

⁷²¹ РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 285. Л. 4—5; далее цит. без сносков.

радости! — я не умею и не хочу быть объективной: хочу всё описать так, как я это чувствовала, без комплиментов и дипломатии...) — все те, кто травили поэта печатно и кулуарно... Были его друзья, товарищи, чужие, любящие поэзию люди и молодежь».

«Мы чтим одновременно и поэта, и ученого, и яркую незабвенную фигуру», — сказал, открывая вечер, Сергей Шервинский⁷²². Пересыпанный комплиментами: «человек высокой культуры, обладающий неутомляемостью в своих творческих исканиях и уверенностью в своих поэтических достижениях», «высокое мастерство в искусстве воссоздания на русском языке мировых поэтических шедевров» — но малосодержательный доклад Гроссмана разочаровал Манухину. Леонид Петрович на следующий день сам признался ей, что не успел подготовиться. Шервинский огласил письма Олеши и Ланна с Кривцовой. Иоанна Брюсова, Векшинский, Тарковский, Левонтин, Липкин вспоминали ушедшего.

Вдове не понравилось выступление Пеньковского, который, поделившись воспоминаниями молодости, обронил: «Волей обстоятельств мы разошлись друг с другом»⁷²³. «Подоплека была очень далека от принципиальности! — разъяснила она Пузановым. — Шенгели предложил печатать (в ГИХЛ. — В.М.) перевод Гейне “Германия” тогда еще никому неизвестного Левика, и этого до самой смерти Шенгели не мог простить Пеньковский (его перевод «Германии» был ранее выпущен в «Academia» — В.М.) своему “другу”... Стоило ли говорить об этом, да еще в таких “туманных”, полных каких-то странных намеков, выражениях?! Ведь Шенгели не мог ему напомнить свой ответ: “Ты, Лев Минаевич, мне друг, но... поэзия — мне дороже”. <...> Многие звонили мне потом и говорили, что это произвело отвратное впечатление не то сведения каких-то личных счетов, не то — осторожненького отмежевания».

⁷²² Стенограмма. Л. 3.

⁷²³ Стенограмма. Л. 23.

Левик и молодой поэт Владимир Рогов читали стихи и переводы Георгия Аркадьевича. Последний особенно растрогал вдову: «Он не знал Шенгели при жизни, он только пришел на его похороны. А на этом вечере он не должен был выступать: те стихи, что он прочел, должен был читать А.А. Штейнберг, поэт-переводчик, которого очень ценил Георгий и за оригинальные стихи, и за переводы: "Аркадий по-настоящему талантлив, и он умеет и любит работать. Он многого добьется!" Но ему только что сделали операцию голосовых связок и, как он ни просил меня <разрешить> "прочесть хоть одно стихотворение! Ведь я ждал этого вечера не меньше, чем вы!" — я, именем Георгия, — запретила, боясь, что он вновь повредит голосовые связки. Но те стихи, что выбрал Аркадий, были прочтены прекрасно! Молодой поэт сумел донести каждое слово, сумел почувствовать каждый эпитет... <...> Рада, что один из *молодых* сумел *так* прочесть эти стихи: это значит, что стихи старого поэта близки молодежи и... нужны молодежи!» Отличный декламатор Рогов — «который часто бывает у меня и трогает меня своей бескорыстной влюбленностью в стихи Георгия», как писала Манухина 3 июня 1960 г. Пузановой, — по своей инициативе устроил несколько вечеров памяти Шенгели.

«К сожалению, я смогла передать билеты в университет и пединститут только 20 студентам, — продолжала Нина Леонтьевна отчет для друзей, — и эта стайка уселась вместе на балконе, а среди них случайно очутился Е.Г. Лундберг, старый друг Георгия, который и рассказал мне потом. Слушали они напряженно и взволнованно, а в антракте посыпались замечания: "Почему мы ничего не знаем о Шенгели? Почему нигде не пишут о нем? Почему он никогда не выступал на вечерах? Где достать его книги? А как же писал Кашкин, что он плохой переводчик "Дон-Жуана"? Почему нет ни строчки его стихов в книге "Советская поэзия"? В Ленинке должны быть его книги! Достанем!.." И эта молодежь внимательно осматривала витрину с книгами и фото поэта и, надеюсь, после этого вечера достанет и прочтет книги так тщательно "замолчанного" поэта. <...> В антракте ко мне подходили многие незнакомые мне люди и спрашивали: "Где

можно достать книги поэта?»; «Скоро ли будет напечатан посмертный сборник его стихов?». Что я могла на это ответить?! <...> Антокольский сказал мне: «Я не припомню другого такого вечера, где бы так патетически хвалили и так тепло, душевно вспоминали человека... И какие прекрасные стихи...»»

Каждому члену Союза писателей посмертно «полагалась» Комиссия по литературному наследию. В состав «комиссии по литературному наследию поэта Г.А. Шенгели», образованной в апреле 1957 г., вошли Векшинский, Тимофеев, историк французской поэзии Юрий Данилин, редактировавший в ГИХЛ его переводы из Гюго и Верхарна, Липкин и Манухина. Через месяц председателем был утвержден Малашкин, а в состав введен Гроссман⁷²⁴. Несмотря на участие настоящих друзей покойного, комиссия оказалась такой же «отпиской», как и некролог «Литературки»: в нее не вошел ни один поэт и ни один «нотабль» от литературы.

Опала оказалась глухой и мелочно-обидной. В Гослитиздате заявили, что предпочитают печатать живых. «Черти полосатые! А когда Шенгели был жив, вы его шибко печатали?! Так нам было бы гаркнуть на эту шпану, стукнув кулаком по столу», — возмущался Пузанов в марте 1958 г.⁷²⁵ Нина Леонтьевна подготовила новый, небольшой «изборник»: 102 стихотворения и поэмы «Поручик Мертвецов», «Ушедшие в камень» и «Гарм». 16 июня 1958 г. Малашкин от имени комиссии по литературному наследию передал рукопись в «Советский писатель». Уже через три дня отзыв на нее дал Илья Сельвинский, явно подготовивший его заранее:

«Георгий Шенгели — еще один пример того, как мы небрежны по отношению к нашим богатствам. Многие ли знают этого прекрасного поэта, которого мы — что греха таить? — загнали в переводы? А между тем он имеет бесспорное право на внимание нашего читателя.

⁷²⁴ О наследи Г.А. Шенгели // Московский литератор. 1957. № 8 (13). 01.05. С. 3; Хроника // Московский литератор. 1957. № 9 (14). 30.05. С. 4.

⁷²⁵ Цит. по: Тарумова Н. Неопубликованные мемуары И.И. Пузанова. С. 230.

<...> Стихотворения нужно начать с самого раннего периода (лучше с 1916 г.). Хотя в этих стихах очень явственно проступают черты школы русских и французских символистов, но уже видна рука настоящего мастера, не только отлично владеющего стихом, но и поднимающегося до подлинной поэзии. <...> Когда автор пишет о скифах или киммерийцах, кажется, будто перед нами не воображение художника, а воспоминание очевидца; когда затрагивает тему Пушкина, создается впечатление о личном знакомстве с Александром Сергеевичем. <...> Эпос меньше удавался нашему автору. <...> Шенгели недостает умения лепить характеры, поэтому, за исключением Мертвецова, который собственно не характер, а карикатура, поэмы лишены типажа. Но там, где в ткань повествования вторгается лирическое начало, поэт снова на коне, из-под его пера возникают великолепные строфы, в которых Шенгели с поразительной легкостью и естественностью справляется с трудными поэтическими задачами. <...> Поэт силен своими достижениями, достижений же у Шенгели немало. Давно пора сделать его поэзию достоянием нашей культуры»⁷²⁶.

Других рецензентов как будто подбирали для отклонения рукописи — или так и было? Детская писательница Вера Смирнова, автор «Рассказов о детстве Сталина», вызвавших гнев вождя за... культ его личности, вынесла вердикт:

«Архаичность и книжность — вот что всё время ощущаешь, читая эти стихи. Перед нами — человек старого века, старого мира, и как он ни старается понять революцию и новые времена, как ни пытается воспеть новое, он может жить только ассоциациями прошлого. <...> Было бы напрасно искать жизни в этих строфах, здесь всё — от книг, от литературы. Множество разных голосов слышится в этой книге, но не живых, человеческих, а из чужих книг. <...> Я не услышала в этом многоголосьи голоса самого Шенгели, который был бы ни на кого не похож. <...> Это воспринимаешь как трагедию автора, как

⁷²⁶ РГАЛИ. Ф. 1234 («Советский писатель»). Оп. 19. Ед. хр. 2129. Л. 1–5.

странную его судьбу в истории нашей поэзии. Шенгели жил в этой книжности, дышал ею, был пропитан ею насквозь. <...> Поэзия уходила от него между пальцами, как песок. Это книга старательного стихотворца, опытного и эрудированного *литератора*, но не поэта. <...> Для широкого читателя многое в этом сборнике с его тяжелой архаичностью будет затруднено для восприятия. Если решить всё же, что наследство этого своеобразного работника литературы нуждается в “закреплении”, то, мне думается, надо издать совсем небольшой — иной сборник, показав в нем того Шенгели, который может быть интересен, выбрать лучшие и характерные для него вещи. Любовь его к литературе и знание ее — вот что должно быть в первую очередь отражено в этом сборнике»⁷²⁷.

Опять заминка. «Ввиду полной бездейственности моей комиссии по литнаследству на это надежды никакой, — жаловалась Манухина 19 августа 1960 г. Пузанову, — но я покорилась. А так называемые “друзья” — Векшинский и Малашкин за эти четыре года не двинули пальчиком». В начале 1961 г. — возможно, после чьих-то хлопот — рукопись направили критику Владимиру Огневу. Он отверг ее, но попытался соблюсти приличия:

«Ни у кого из русских поэтов тех лет архивная пыль (и золотая и серая) не покрыла таким толстым слоем лика жизни, как у Шенгели. Недаром для Маяковского это имя было почти нарицательным, когда он говорил о всяческой схоластике. <...> Я понимаю Илью Сельвинского, когда он ратует за издание Шенгели. Он видит в нем забытую страницу культуры, в ее переходном возрасте, в становлении. Он видит отчасти и себя в этой рукописи. <...> Шенгели нельзя считать явлением социалистической культуры по оригинальной манере творчества. <...> Вряд ли широкому читателю интересен этот своеобразный, не “живой” тип поэта-книжника. Однако, учитывая известное значение Шенгели в истории развития и формирования стиха, а также

⁷²⁷ РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 19. Ед. хр. 2129. Л. 6—10; датировано 6 марта 1959 г.

его значение как переводчика высокой культуры, следовало бы, включив лучшие переводы поэта и добавив к ним лучшее из оригинальных стихов, издать небольшую книжку небольшим тиражом. <...> Большой ее <рукописи> объем, экспериментальный характер всего творчества Г. Шенгели, архивно-исторический характер тематики, сам факт отнесения имени автора к явлениям историко-культурным, а не в полном смысле современно-литературным, — всё это не позволяет мне рекомендовать избранное Г. Шенгели к изданию в “Советском писателе”»⁷²⁸.

29 ноября 1963 г. заведующий редакцией русской советской поэзии «Совписа» Егор Исаев вернул Малашкину «изборник», сообщив: «Отзывы о качестве стихов рукописи диаметрально противоположны. Я, в свою очередь, ознакомился с “Избранным” Шенгели и пришел к выводу, что рукопись не может быть издана в нашем издательстве»⁷²⁹.

А жизнь идет... Все реже, реже ночью
Ты снишься мне, я говорю с тобой
И жалею, что не могу помочь я
Тебе воскреснуть книгою живой.
Твоих стихов неизданных тетради
Замкнуты в стол, как будто в гроб глухой, —
Их надо воскресить!.. Но кланчить Христа ради
Я не могу: ты гордым был, родной...

Эти горькие слова Нина Леонтьевна написала в ноябре 1959 г., добавив в письме Пузановым: «Будь я деловой женщиной, — всё было бы иначе, а я умею только плакать и любить... а этого — мало».

Единственной посмертной книгой мужа, до выхода которой она дожила, стала «Техника стиха», но и она принесла горькое разочарование. В процессе мытарств рукописи в Гослитиздате Манухина жаловалась Пузановым: «Книгу Георгия “Техника стиха”, которую

⁷²⁸ РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 19. Ед. хр. 2129. Л. 11–16; датировано 12 января 1961 г.

⁷²⁹ РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 19. Ед. хр. 2129. Л. 18. В письме также указано, что рукопись читали М.Д. Львов и С.С. Лесневский.

он писал 10 лет и называл с гордостью “энциклопедией стиха”, с 30 листов сократили... до... 16 (зато за эти два года редактор — ученик Георгия по Брюсовскому институту — академик Педагогической Академии Тимофеев — успел выпустить свою книгу по стиху⁷³⁰, написать 6 больших статей и готовит 2-ю книгу — как говорят его коллеги: “повезло: получил такую богатую редактуру, что за 2 года в 5 раз больше написал, чем до этого — за 10 лет”. Комментарии излишни».

Поздравляя Пузановых с новым 1959 годом, она добавила: «С книгой о стихе ни от издательства, ни от редактора никаких вестей... Очень боюсь, что в конце концов она автоматически вылетит из плана». И через девять дней: «Книгу его “Техника стиха” всё еще не сдали в производство: на этот раз — виноват... Пастернак!!! В книге много примеров разных ритмов из его стихов с полным их разбором и... всё это надо изъять и заменить другими авторами, а... сие трудновато весьма сделать, зане нынешние поэты пишут все однообразными размерами! Та же безвыходная история и с примерами из Вячеслава Иванова... Боюсь, что вообще от книги Ёрика останутся рожки и ножки, так как язык у Тимофеева дубовый и вообще, когда из 30 печатных листов остается 20, да еще “переработанных” чужими руками — можно ожидать только останков книги... Но я ничего не могу сделать... Этого редактора, своего ученика по Брюсовскому институту, выбрал сам Георгий... Правда, он не думал, что он будет сокращать книгу не при нем... Будем надеяться, что он хоть оставил новые домыслы о стихосложении, а не взял их для собственного употребления... Грустно всё это и обидно: Ёрик так любовно работал над этой книгой!..»

«Техника стиха» вышла в 1960 г. восьмьютысячным тиражом. В предисловии Тимофеев, назвав работу «незавершенной», заявил: «При подготовке рукописи к печати <...> пришлось пойти на значительные сокращения в тех случаях, когда текст не был окончательно завершён для включения его в книгу»⁷³¹. «Он, так сказать, уже завер-

⁷³⁰ Тимофеев Л.И. Очерки теории и истории русского стиха. М., 1958.

⁷³¹ Тимофеев Л.И. От редактора // Шенгели Г. Техника стиха. С. 6.

шая свою жизнь, — рассказывал Тимофеев в 1971 г. Дувакину, — просил меня это сделать, хотя вопреки его супруге. Потому что я, желая сделать эту книгу более устойчивой, освободил ее от некоторых глав, которые там, у Шенгели, были не особенно взвешены что ли и не отработаны. А вот она меня очень не любит и по сие время».

Нина Леонтьевна взорвалась, делясь негодованием и обидой с Евгенией Пузановой 19 августа 1960 г.: «Это всё результат Ёриной книги искалеченной: я до того бесилась, сличая подлинник с теми клочками, что остались, что еще чудо, как у меня инфаркта не случилось! А потом произошла встреча с “благодарным” учеником-редактором, который с подлинным бесстыдством доказывал, что книга не была Георгием закончена⁷³² и что его “совесть, как ученика Г.А., совершенно спокойна”. Мне стоило большого труда не смазать его по морде!.. Я ограничилась только тем, что не подала ему руки и пожелаала ему на прощанье, чтобы его “с позволения сказать” — совесть и впредь ему не мешала... Сначала я хотела подавать заявление в Союз Писателей и в Академию Наук о неэтичном поведении этого академика Педакадемии и члена-корреспондента Академии Наук СССР и члена Союза Писателей, но мне мудрые и искушенные в интригах друзья отсоветовали: “ничего ты не добьешься! Даже если его и признают лжецом и вредителем, всё равно всё это ограничится “келейным” увещанием, от которого тебе ни тепло, ни холодно не станет, а с издательством ты круто поссоришься, а тебе важнее остаться с последним в добрых отношениях, т. к. “авось” удастся что-нибудь издать из работ Георгия”».

Рецензируя книгу, стиховед Александр Квятковский — знакомый Шенгели, посвященный в его замыслы и работы, — не только назвал ее «венцом изысканий» автора, отметив, что «его познания в этой области феноменальны, а его исследования — весьма примечательны», но напомнил, что «Шенгели был *прежде всего* (выделено мной. — В.М.)

⁷³² Ср. приведенную выше запись Шенгели от 27 декабря 1954 г.: «Закончил “Технику стиха”» (выделено мной. — В.М.).

прекрасным поэтом брюсовской складки», а среди переводов упомянул Верлена. Отметив в «Технике стиха» «спорные и слабые стороны», он констатировал: «Высокий уровень понимания стиховедческих вопросов и точность изложения делают, несмотря на немногие частные ошибки, эту необыкновенно деловую книгу находкой для поэтов. Недаром через несколько дней после выхода книги в свет ее уже нельзя было достать в магазинах. <...> К великому сожалению, рукопись труда Г. Шенгели сильно сокращена редакцией и не всегда удачно... “Техника стиха” достойна полного издания, без купюр, большим тиражом»⁷³³. Переиздания она не дождалась. Главный стиховедческий труд Шенгели «Русское стихосложение» не опубликован до сих пор.

«У меня здесь нет настоящих друзей, — грустно писала Нина Леонтьевна 9 января 1959 г. Пузановой в Одессу, — есть только “знакомые”, а от этого на душе не теплее... Вообще я никогда еще так не чувствовала себя покинутой, как сейчас: вероятно, сказывается старость и беспредельная тоска о Георгии, которая отнюдь не снимает, хоть и прошло уже два года... А сейчас я даже не была у него на могиле уже с начала ноября: сперва я лежала, потом мама всё болела... И у меня какое-то чувство вины: вот он лежит там, и я словно его покинула. А иногда мне кажется, что он всё знает и не обижается на меня». Она часто ходила к нему на Ваганьковское. «Так больно было глядеть на вылинявшие венки и ленты, на этот высокий холм и думать, что под ним Ёрка... мой Ёрка... И никогда, никогда...» (1 апреля 1957). «Памятник Георгию готов: на полированном — черном с блестками — лабрадоре высечен профиль Георгия, неполированный, серый. Очень удавшийся: какое-то очень взволнованное лицо, волосы немного растрепанные...» (Ланну, 24 июля 1958). «7 октября было открытие памятника Ёрику. Собра-

⁷³³ Квятковский А. Книга по стихосложению // Сибирские огни. 1961. № 8. С. 186—188. Другая положительная рецензия, посвященная специальным вопросам стиховедения: Гиришман М. Раздумья над книгой // Вопросы литературы. 1961. № 9. С. 214—217 — называет книгу «полезной для всякого интересующегося стихом читателя».

Могила Георгия Шенгели и Нины Манухиной на Ваганьковском кладбище
Фотография В.Э. Молодякова. 30 октября 2015

лось 60 человек... Всё, что мне удалось сделать, увы» (11 ноября 1958). «Часто бываю только на дорогах могилах» (3 июня 1960). «А в общем... тоска! Господи! какая тоска!.. и как пусто-пусто на душе... А у Ёрика на могиле цветут любимые его анютины глазки, а скоро посажу ему и мамочке (скончавшейся в 1960 г. — В.М.) огненные настурции... Там так тихо, спокойно. <...> И я с удовольствием расчищаю местечко, где можно будет меня положить в одной ограде с моими любимыми: места хватит» (19 августа 1960).

Через семь лет после смерти, 16 ноября 1963 г., память Шенгели почтили возобновленные «Никитинские субботники». «Многие знают, что Георгий Аркадьевич был близким и настоящим другом для

нашей “субботней” семьи, и когда он ушел из жизни, очень многие почувствовали его уход. Наша литературная семья просто осиротела», — сказала, открывая заседание, Евдоксия Федоровна. Гроссман, Бугаевский, Квятковский, Тарковский выступили с воспоминаниями, потом читали стихи. «У нас скоро будет возможность разового издания членов нашего литературного общества, — сообщила Никитина, — так что сегодняшний вечер останется запечатленным. Возможно, сделаем две книжки: одну — памяти Г.А. Шенгели, воспоминания о нем его друзей и учеников, а вторая — просто его стихи»⁷³⁴. Увы, ничего из этого не осуществилось.

По словам В.Г. Перельмутера, попытке издать поэзию Шенгели мешали ссылки на давнюю книжку о Маяковском: «В середине 60-х годов ее не рискнули поддержать ни К. Чуковский, ни П. Антокольский, ни В. Шкловский и вообще никто из авторитетов»⁷³⁵. Список «поручителей» выглядит несколько странно, если вспомнить о выпадах первых двух против переводов Шенгели и о том, что Шкловский позиционировал себя наследником Маяковского. Периодически возникавший аргумент «травил Маяковского» в советское время был неотразим, но, уверен, истинная причина в другом — Шенгели не простили выступлений против самовоспроизводившейся «обоймы». А потому не удостоили даже тома «избранных переводов» — как Пеньковского, Румера или Михаила Фромана, не говоря о более именитых и успешных.

Ругать «буквалистские» переводы покойного оставалось «хорошим тоном» — хотя и без политических обвинений — поэтому они стали исчезать из переизданий. «Сейчас я узнала, — сообщила Манухина 19 августа 1960 г. Пузановой, — что готовится в Ленинграде полное собрание Байрона и... там ни одной строчки Шенгели, видимо, не будет, за то, вероятно, что именно он перевел Байрона целиком». По словам недоброжелателей, Нина Леонтьевна «обивала

⁷³⁴ ОР ГЛМ. Ф. 357. Оп. 2. Ед. хр. 18. Л. 6.

⁷³⁵ Перельмутер В. Живущий на маяке. С. 23.

«Вихрь железный» (1988). Обложка Б. Косульников

пороги издательств и доказывала, что ее покойный муж имеет непревзойденные заслуги в деле перевода Байрона» и даже «начала “качать права”. Напрасно Татьяна Гнедич доказывала, что Шенгели перевел Байрона плохо»⁷³⁶. «Доказывала», впрочем, не совсем «напрасно»: в примечаниях к четырехтомнику Байрона, вышедшему в начале 1980-х годов массовым тиражом, Георгий Аркадьевич упомянут не среди поэтов, переводивших мятежного лорда, а лишь в категории «переводчиков-байронистов». Е.Г. Эткинд снисходительно оценил его перевод «Дон-Жуана» как «зарифмованный в виде октав весьма точный подстрочник», в котором элементы байроновского текста «образуют мертвую сумму, а не живое художественное единство»⁷³⁷. Неудивительно, что в составленном им двухтомнике «Мастера русского стихотворного перевода» (1968) в большой серии «Библиотеки поэта»

⁷³⁶ Усова Г. И Байрона в соавторы возьму. С. 155–156.

⁷³⁷ Эткинд Е.Г. Поэзия и перевод. Л., 1963. С. 221–222.

Шенгели представлен лишь тремя стихотворениями из «Возмездия», а во вступительной статье даже не упомянут. О посмертно изданных переводах Георгия Аркадьевича из Верлена Эткинд писал: «Казалось бы, музыкальная легкость, изящество, напевность Верлена ему глубоко чужды. Так ведь нет! Шенгели тут другой — куда более обаятельный, убедительный, воздушный»⁷³⁸.

Изредка стихотворения Шенгели включались в антологии вроде «Стихов о музыке». Достоин представлен он в двух томиках «Русский сонет», составленных Б.Н. Романовым, однако в ответ на предложение выпустить том Шенгели в «Библиотеке поэта» в 1980-е годы «тогдашний редактор серии Юрий Андреев, специалист по творчеству Горького и литературе соцреализма в целом, ответил, что для отдельного издания этот поэт недостаточно значителен, но что место для его стихов, вероятно, найдется в одном из замышляемых “коллективных” томов. Впоследствии стало известно, что “место” нашлось-таки — между сочинениями Тихона Чурилина и, если не ошибаюсь, Елизаветы Полонской. Том этот, впрочем, не вышел»⁷³⁹. «Новая библиотека поэта» тоже не удостоила его персональным томом. «Убийство молчанием» продолжалось — по инерции? — и тогда, когда прежние литературские «разборки», казалось, утратили актуальность.

Теперь всё это позади.

⁷³⁸ Эткинд Е. Вопреки всему: О переводах французской поэзии: 1985—1995 // Иностранная литература. 1998. № 2. С. 221.

⁷³⁹ Перельмутер В. Живущий на маяке. С. 39.

Указатель имен*

- Аборский Александр Иванович (наст. фам. Аборкин; 1911–1987), прозаик 448, 482, 483
- Аверкиев Вадим Федорович, сын Ф.В. Аверкиева 487
- Аверкиев Василий Васильевич (? — не ранее 1917), городской голова Керчи 42, 54
- Аверкиев Федор Васильевич (1894 — не ранее 1971), экономист, друг ГАШ 40, 42, 44–46, 49, 50, 59, 150, 414, 423, 424, 487
- Аверроес (Абуль Валид Мухаммад ибн Ахмад ибн Рушд; 1126–1198), арабский врач, философ 314
- Авиценна (Абу Али Хусейн ибн Абдаллах ибн Сина; 980–1037), среднеазиатский ученый-энциклопедист 314
- Адалис Аделина (урожд. Аделина Алексеевна Висковатова, с 5 лет Аделина Ефимовна Ефрон (Эфрон); 1900–1969), поэт, прозаик, переводчик 55, 210
- Адамович Георгий Викторович (1892–1972), поэт, критик, переводчик 187
- Азаров Вс. см. Чижов В.
- Азаров Всеволод Борисович (наст. фам. Бронштейн; 1913–1990), поэт, переводчик 78, 79
- Азов Андрей Геннадьевич (р. 1980), переводчик, историк перевода 4, 240, 346, 348, 353, 500, 502, 505–508, 517, 520, 523

* В указатель не включены: мифологические герои; литературные персонажи; владельцы домов и типографий; лица, упомянутые только в поэтических цитатах, библиографических описаниях и подписях к фотографиям; нераскрытые псевдонимы. Г.А. Шенгели обозначен ГАШ.

- Айхенвальд Юлий Исаевич (1872–1928), критик, историк литературы 92–94, 174, 192
- Аксенов Иван Александрович (1884–1935), поэт, критик, историк литературы, переводчик 531, 532
- Аккерман Вильгельм (1896–1962), немецкий математик, логик 396
- Аксель Тамара Михайловна (1912–1990), переводчик 507
- Александров Владимир Борисович (наст. фам. Келлер; 1898–1954), критик 498, 545
- Александров Георгий (в литературе Юрий) Моисеевич (1914–1990), хирург, поэт, переводчик 403, 444, 523, 560, 563
- Александрова Анастасия Владимировна, ученица ГАШ (Харьков) 136, 207
- Алексеев Василий Михайлович (1881–1951), филолог-китаист, переводчик 356
- Алексеев Николай Николаевич (1879–1964), правовед, философ, публицист 152
- Алимджан Хамид (1909–1944), узбекский поэт, драматург 434
- Амфитеатров Александр Валентинович (1862–1938), прозаик, публицист 256
- Ангарский Николай Семенович (1873–1941), революционер, критик, партийный литератор 321
- Андреев Юрий Андреевич (1930–2009), критик, историк литературы, издательский работник 576
- Андреева Ольга Васильевна (р. 1969), фотохудожник 5
- Андреевский Иван Михайлович (псевд. Андреев; 1894–1976), врач-психиатр, педагог, богослов, брат М.М. Шкапской 250
- Андрусов Николай Иванович (1861–1924), геолог, палеонтолог 19, 38
- Аникст Александр (Исаак) Абрамович (1910–1988), историк литературы и театра 516
- Анкудинов Кирилл Николаевич (р. 1970), критик, поэт 291
- Антокольский Павел Григорьевич (1896–1978), поэт, прозаик, переводчик 217, 374, 442, 459, 463, 528, 529, 566, 574
- Аразов Иоанн, католический священник (Керчь) 14
- Аргиропуло К.В. см. Кошке К.В.
- Арго Абрам Маркович (наст. Гольденберг; 1897–1968), поэт, драматург, переводчик 223, 245, 281, 498, 500, 531, 560, 562, 563

- Арцыбашев Михаил Петрович (1878–1927), прозаик, драматург, публицист 330
- Асеев Николай Николаевич (1889–1963), поэт, критик 194, 276, 277, 542
- Ауэзов Мухтар Омарханович (1897–1961), казахский писатель, драматург 528
- Афанасьева Надежда, знакомая ГАШ (Керчь) 40
- Ахматова Анна Андреевна (наст. фам. Горенко; 1889–1966), поэт, переводчик 188, 190, 192, 230, 268, 290, 404, 446, 447, 462, 463, 467, 483, 484, 498, 519–521, 527, 543, 562
- Ашукин Николай Сергеевич (1890–1972), поэт, историк литературы 217
- Багрицкий Эдуард Георгиевич** (наст. фам. Дзюбин; 1895–1934), поэт, драматург, переводчик 155, 156, 163–168, 170, 187, 241, 243, 244, 310, 364
- Байрон Джордж Ноэль Гордон (1788–1824), лорд, английский поэт, драматург 103, 140, 240, 322, 348–354, 356, 357, 359, 360, 368, 407, 422, 423, 443, 484, 491–496, 500, 506–522, 529, 560, 574, 575
- Бальзак Оноре де (1799–1850), французский прозаик 390
- Балькис Савская (наст. имя и фам. Мария Васильевна Домбровская-Волнянская; 1895–1939), актриса, певица, декламатор 95, 112
- Бальмонт Константин Дмитриевич (1867–1942), поэт, прозаик, эссеист, переводчик 71, 78, 90, 96, 99, 101, 144, 290, 531
- Банников Николай Васильевич (1918–1996), издательский работник, журналист, переводчик 526
- Бану Цецилия Бенциановна (урожд. Бакалейщик; 1911–1998), переводчик 456
- Баратынский Евгений Абрамович (1800–1844), поэт 128
- Барбарус Йоханнес (наст. фам. Варес; 1890–1946), эстонский врач, поэт, государственный деятель 480, 560
- Барбье Огюст (1805–1882), французский поэт, драматург 341
- Барбюс Анри (1873–1935), французский прозаик, публицист, общественный деятель 360
- Барнет Борис Васильевич (1902–1965), кинорежиссер, сценарист 156
- Барсуков Александр, второй муж Ю.В. Дыбской 234
- Барсуков Игорь Александрович (1925–?), сын Ю.В. Дыбской от второго брака 234

- Бах Алексей Николаевич (до крещения Абрам Липманович Бак; 1857–1946), революционер, биохимик, физиолог 436, 437
- Бах Ирина Алексеевна (в замужестве Балаховская; 1901–1991), историк 436, 441
- Баян Вадим (наст. имя и фам. Владимир Иванович Сидоров; 1880–1966), поэт, драматург, художник 67
- Бедный Демьян (наст. имя и фам. Ефим Алексеевич Придворов; 1883–1945), поэт 142, 404
- Безыменский Александр Ильич (1898–1973), поэт 194, 276
- Бейлин Авраам Григорьевич (1885 – не ранее 1939), профсоюзный деятель 142
- Белецкий Александр Иванович (1884–1961), историк литературы и театра 130, 341, 342, 378, 379
- Белинков Аркадий Викторович (1921–1970), историк литературы, публицист 441, 442
- Белуха Евгений Дмитриевич (1889–1943), художник 183
- Белый Андрей (наст. имя и фам. Борис Николаевич Бугаев; 1880–1934), поэт, прозаик, критик, теоретик литературы, мемуарист 78, 96, 99, 160, 228, 229, 248, 290, 312, 324, 466
- Бенкендорф Александр Христофорович (1782–1844), военачальник, государственный деятель 556
- Бер Эстер Айзиковна (псевд. Э.А. Березина; 1903–1997), переводчик 516
- Берия Лаврентий Павлович (1899–1953), государственный и партийный деятель 390, 394, 414
- Бернштам Александр Натанович (1910–1956), археолог, историк 445
- Бертельс Евгений Эдуардович (1890–1957), востоковед, историк литературы 452
- Бестужев Александр Александрович (псевд. Марлинский; 1797–1837), писатель, критик, публицист 18
- Бёрнс Роберт (1759–1796), шотландский поэт 310
- Бетховен Людвиг ван (1770–1827), немецкий композитор, пианист 243–245, 299, 328, 334, 380, 536
- Бирукова Евгения Николаевна (1899–1987), переводчик 364
- Биск Александр Акимович (1883–1973), поэт, переводчик 125
- Благой Дмитрий Дмитриевич (1894–1984), историк литературы 135, 546, 550

- Блок Александр Александрович (1880—1921), поэт, драматург, критик, переводчик 78, 96, 99, 126, 216, 217, 252, 290, 466, 469, 543
- Бобров Сергей Павлович (1889—1971), поэт, прозаик, критик, стиховед 186, 208
- Богаяевская Ксения Петровна (1911—2002), историк литературы, библиограф 308, 309
- Богданов В., уполномоченный Главлита 339
- Бодлер Шарль (1821—1867), французский поэт, прозаик, критик 63, 70—72, 90, 124, 228, 264, 342, 344, 350, 351
- Божидар (наст. имя и фам. Богдан Петрович Гордеев; 1894—1914), поэт 163
- Бойков Игорь Кузьмич (р. 1951), переводчик 125
- Болотников Иван Исаевич (1565—1608), военный и политический деятель эпохи Смутного времени 397
- Бонди Сергей Михайлович (1891—1983), историк литературы, текстолог, стиховед 308, 424, 441, 546
- Бонецкий Константин Иосифович (1914—?), издательский работник 548, 549
- Боннэ Шарль, французский поэт 1870-х годов 124
- Борисов Василий Петрович (р. 1937), историк науки 54, 65, 413, 414, 487
- Бородин Олег Робертович (р. 1954), историк 469, 470
- Бороздин Илья Николаевич (1883—1959), историк-востоковед, этнограф, критик 496
- Брамбеус см. Сенковский Осип Иванович
- Браун Яков Вениаминович (1889—1937), критик, публицист 142
- Брийя-Саварен Жан Антельм (1755—1826), французский философ, писатель, кулинар 344
- Брик Лиля Юрьевна (урожд. Каган; 1891—1978), литератор 288, 289, 337
- Брик Осип Максимович (1888—1945), литературовед, критик 276, 277
- Бродский Давид Григорьевич (1895—1966), переводчик 156
- Брюсов Валерий Яковлевич (1873—1924), поэт, прозаик, драматург, критик, историк литературы, переводчик 45, 63, 71, 78, 81, 94, 96, 99, 103—106, 108—110, 120, 123, 126—128, 133, 144, 145, 148, 174, 178, 186, 187, 190, 192, 196—200, 206, 208—218, 230, 248, 251, 252, 270, 273, 274, 285, 290, 312, 313, 323, 340, 343—346, 360, 379, 409, 462—464, 466, 467, 484, 488, 531, 536, 554, 561, 572

- Брюсова Иоанна Матвеевна (урожд. Рунт; 1876–1965), переводчик, жена В.Я. Брюсова 103, 211, 213, 215–219, 230, 312, 346, 564
- Бугаева Клавдия Николаевна (урожд. Алексеева, в первом браке Васильева; 1886–1970), мемуарист, жена А. Белого 229, 466
- Бугаевский Владимир Александрович (1905–1964), переводчик 154, 166, 168, 574
- Булгаков Михаил Афанасьевич (1891–1940), прозаик, драматург 254, 257, 321, 362
- Бунин Иван Алексеевич (1870–1953), поэт, прозаик, мемуарист 155, 174, 290
- Бурлешин Алексей Владимирович (р. 1967), историк литературы 4
- Бурлюк Давид Давидович (1882–1967), поэт, прозаик, художник 67, 68, 80
- Бухарин Николай Иванович (1888–1938), партийный деятель, публицист 273, 331, 366
- Бьюкенен Джордж (1854–1924), британский дипломат, посол в России 385
- Быковская Наталья Владимировна, историк, музейный работник 5
- Бычков Сергей Петрович (?–1953), историк литературы, издательский работник 458
- Бэр Э. см. Бер Э.А.
- Вавилов Сергей Иванович (1891–1951), физик, президент Академии наук СССР 546, 547**
- Ван Цзин-Вэй (1883–1944), китайский политический деятель 417, 418
- Васильев Павел Николаевич (1909/10–1937), поэт 364
- Введенский Борис Алексеевич (1893–1969), физик 530
- Вейсберг Григорий Петрович (1884–1942), историк, педагог 304
- Векшинский Аркадий Николаевич (1870–1920), чиновник, отец С.А. Векшинского 53, 56, 413
- Векшинский Сергей Аркадьевич (1896–1974), физик, друг ГАИШ 44–46, 52, 54, 57, 58, 60–62, 64, 65, 294, 396, 413, 414, 461, 477, 486, 487, 489, 553, 557, 558, 562, 564, 566, 568
- Венгеров Семен Афанасьевич (1855–1920), историк литературы, критик, библиограф 95, 101

- Венгров Натан (наст. имя и фам. Моисей Павлович Вейнгрот; 1894–1962), поэт, критик, педагог, историк литературы 142
- Веневитинов Дмитрий Владимирович (1805–1827), поэт, философ, переводчик 163
- Венявкин Илья Геннадиевич (р. 1981), историк литературы, публицист, журналист 401
- Вергилий Марон Публий (70–19 до н.э.), римский поэт 124
- Верлен Поль (1844–1896), французский поэт, критик 63, 70, 71, 77, 103, 341, 344, 419, 441, 443–445, 464, 465, 484, 541, 572, 576
- Верн Жюль (1828–1905), французский прозаик 31
- Верхарн Эмиль (1855–1916), бельгийский поэт, драматург, критик 63, 101–104, 106, 111, 112, 116, 178, 182, 192, 194, 196–201, 203, 206, 212, 228, 264, 285, 312, 313, 318, 337, 345, 346, 359–361, 379, 389, 411, 419, 425, 480, 496, 523, 524, 529, 531, 560, 566
- Верховский Юрий Никандрович (1878–1956), поэт, переводчик, историк литературы 248
- Вигель Филипп Филиппович (1786–1856), чиновник, мемуарист 11
- Владислав IV Ваза (1595–1648), царь и великий князь всея Руси (1610–1613), король польский и великий князь литовский (1632–1648) 419
- Вильсон Вудро (1856–1924), американский историк, политолог и политик 254, 271
- Винавер Михаил Львович (1880–1942), политический деятель, правозащитник 151
- Виноградов Виктор Владимирович (1894/95–1969), лингвист, историк литературы 546, 547
- Винокур Григорий Осипович (1896–1947), лингвист, стиховед 441, 546
- Витин Н., критик 311
- Вишневский Всеволод Витальевич (1900–1951), драматург, сценарист 550
- Войков Петр Лазаревич (1888–1927), революционер, политический деятель 39
- Волошин (Кириенко-Волошин) Максимилиан Александрович (1877–1932), поэт, критик, переводчик, художник 22, 106, 112, 119–124, 129, 133, 138, 142, 143, 154, 155, 182, 190, 192, 199, 213, 227–229, 248, 252, 257, 265, 268, 270, 271, 283, 290, 314, 332, 345, 360, 379, 427, 462, 463, 479, 488

- Волошина Мария Степановна (урожд. Заболоцкая; 1887—1976), мемуарист, жена М.А. Волошина 227—229
- Волькенштейн Владимир Михайлович (1883—1974), драматург, теоретик драмы 180
- Вольпе Цезарь Самойлович (1904—1941), критик, историк литературы 466
- Вольпин Надежда Давыдовна (1900—1998), поэт, переводчик, мемуарист 452
- Вольтер (наст. имя и фам. Франсуа-Мари Аруэ; 1694—1778), французский поэт, прозаик, драматург, философ, историк, публицист 124, 390
- Воронова Ольга Порфирьевна (1924—1985), искусствовед 478
- Воронский Александр Константинович (1884—1937), революционер, публицист, критик, прозаик 240
- Воронцов Михаил Семенович (1782—1856), государственный деятель 16
- Ворошилов Климент Ефремович (1881—1969), военный, государственный и партийный деятель 216
- Врангель Петр Николаевич (1878—1928), военачальник, один из руководителей Белого движения 28, 474
- Вускович Джуро, скорняк, прапрадед ГАШ по материнской линии, отец Н.Е. Вусковича-Кулева 12
- Вускович Лука Егорьевич (1811 — не ранее 1865), брат Н.Е. Вусковича-Кулева, педагог 12
- Вускович Митрофан Николаевич (1838—?), сын Н.Е. Вусковича-Кулева 13
- Вускович-Кулев Николай Егорьевич (Григорьевич; 1804—1888), чиновник, прадед ГАШ по материнской линии 9, 10, 12, 13, 17
- Вускович Николай Николаевич (1846—?), сын Н.Е. Вусковича-Кулева, врач 9, 13
- Вускович Николай Николаевич (1874—1942), внук Л.Е. Вусковича, юрист 12
- Вускович Любовь Сильвестровна (урожд. Чернявская; ? — не ранее 1846), жена Н.Г. Вусковича, прабабка ГАШ по материнской линии 9
- Гальперина Ревекка Менасьевна (1894 или 1902—1976), переводчик 516
- Гальперина Элеонора Яковлевна (псевд. Нора Галь; 1912—1991), переводчик 523
- Гапонов Иван, левый эсер 147

- Гаркави Сергей Львович (р. 1960), историк 405, 406, 467
- Гаспаров Михаил Леонович (1935–2005), историк литературы, стиховед, переводчик 188, 212, 213, 293, 294, 472
- Гатов Александр Борисович (1899–1972), поэт, переводчик 118, 135, 345, 360
- Гауптман Герхарт (1862–1946), немецкий драматург 116
- Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831), немецкий философ 77, 385
- Гейне Генрих (1797–1856), немецкий поэт, прозаик, публицист 102, 103, 252, 264, 269, 364, 365, 560, 564
- Гельфанд Марк Савельевич (1899–1950), журналист, критик, драматург 426, 427
- Герштейн Эмма Григорьевна (1903–2002), историк литературы, мемуарист 519
- Гёте Иоганн Вольфганг (1749–1832), немецкий поэт, прозаик, философ, ученый 334, 344, 385, 484
- Гильберт Давид (1862–1943), немецкий математик 396
- Гильдина Зоя Моисеевна (1902–1973), издательский работник 349, 436, 440, 494, 502, 503
- Гильотен Жозеф Игнас (1738–1814), французский врач, изобретатель гильотины 176, 264
- Гиммельфарб (Гимельфарб) Борис Вениаминович (1880–1955), историк литературы, критик, переводчик 327, 348
- Гинзбург Лев Владимирович (1921–1980), переводчик, публицист 27
- Гинцбург Моисей Исаакович (псевд. Даян; 1877–1940), революционер, журналист, психолог 115
- Гиппиус Зинаида Николаевна (1869–1945), поэт, прозаик, критик, мемуарист 78
- Гитлер Адольф (1889–1945), германский государственный деятель 418, 422, 439, 440, 460
- Гнедич Татьяна Григорьевна (1907–1976), поэт, переводчик 521–523, 575
- Гоголь Николай Васильевич (1809–1852), прозаик, драматург, публицист 31, 271
- Годунов Борис Федорович (1552–1605), государственный деятель, царь и великий князь всея Руси (1598–1605) 419

- Голль Шарль де (1890—1970), французский военный и государственный деятель 525
- Головенченко Федор Михайлович (1899—1963), историк литературы, издательский работник 392, 495, 496, 510
- Гольцев Виктор Викторович (1901—1955), критик 217, 507
- Гомер (VIII в. до н.э.), легендарный древнегреческий поэт 271, 332, 378
- Гораций Флакк Квинт (65—8 до н.э.), римский поэт 274
- Горбачев Георгий Ефимович (1897—1938), критик 268, 269
- Городецкий Александр Митрофанович (1886—1914), художник, поэт 153
- Городецкий Сергей Митрофанович (1884—1967), поэт, прозаик, драматург, переводчик 153, 191, 192, 246
- Горский Александр Константинович (псевд. А. Горский; 1886—1943), философ, поэт, публицист 249—251
- Горький Максим (наст. имя и фам. Алексей Максимович Пешков; 1868—1936), прозаик, драматург, публицист 78, 228, 229, 279, 301, 311, 526, 576
- Горячих, капитан 443
- Готье Теофиль (1811—1872), французский поэт, прозаик, критик, журналист 63, 158
- Грачев Леонид Павлович (1907—1984), издательский работник 526
- Грекур Жан-Батист де (1684—1743), французский поэт 364
- Грин Александр Степанович (наст. фам. Гриневский; 1880—1932), прозаик 307, 332, 339, 478, 479, 500
- Грин Нина Николаевна (урожд. Миронова; 1894—1970), жена А.С. Грина, мемуарист 477—479
- Грипенко Василий Павлович (? — не ранее 1916), чиновник (Керчь) 58
- Грипенко Параскева Васильевна, знакомая ГАШ (Керчь) 58
- Грифцов Борис Александрович (1885—1950), историк литературы и искусства, прозаик, переводчик 356
- Гроссман Джоан, американский историк литературы 126
- Гроссман Леонид Петрович (1888—1965), историк литературы, критик, прозаик, поэт 126, 154—156, 178, 179, 239, 267, 283, 291, 312, 499, 562, 564, 566, 574
- Грушецкая Ирина Евгеньевна (1907—198?), переводчик 362
- Гумилев Николай Степанович (1886—1921), поэт, прозаик, драматург, критик, переводчик 187, 228—230, 358, 410, 459

- Гурмон Реми де (1858—1915), французский прозаик, критик, эссеист 162, 201, 465
- Гурьев Василий Петрович (1779—1847), инженер, изобретатель 9
- Гурьев Сильвестр Васильевич, горный инженер, сын В.П. Гурьева 9
- Гусман Борис Евсеевич (1892—1944), критик, журналист, театральный деятель 186
- Гюго Виктор (1802—1885), французский поэт, прозаик, драматург, публицист 252, 253, 316, 333, 338, 341, 344—348, 359, 379, 389, 390, 419, 444, 460, 480, 484, 524—529, 531, 550, 560, 566
- Данилин Юрий Иванович (1897—1985), историк литературы 566
- Данте Алигьери (1265—1321), итальянский поэт, богослов, философ, политик 352, 354, 364
- Давыдов Денис Васильевич (1784—1839), поэт, военный деятель 328, 334
- Де Вет Христиан Рудольф (1854—1922), генерал, политический деятель Оранжевого Свободного государства 33
- Деев Аркадий Дмитриевич (1898—1981), критик, издательский работник 455, 457, 458
- Дейч Александр Иосифович (1893—1972), прозаик, критик, переводчик 481
- Деккер Эмиль, французский поэт 1870—1880-х гг. 124
- Делорм Эмманюэль, французский поэт 1860—1880-х гг. 124
- Деникин Антон Иванович (1872—1947), военачальник, политический деятель 159
- Джером Джером Клапка (1859—1927), английский прозаик 31
- Дживелегов Алексей Карпович (1875—1952), историк литературы и театра 498
- Джойс Джеймс (1882—1941), ирландский прозаик, поэт 502, 516
- Диккенс Чарльз (1812—1870), английский прозаик 500, 501, 528
- Дионесов Семен Максимилианович (1901—1984), поэт, врач 131, 132
- Дирин Александр Алексеевич, землевладелец, археолог (Крым) 9
- Дирин Сергей Николаевич (1814—1839), литератор, переводчик 9
- Добров Александр Георгиевич (1895—1920), знакомый ГАШ (Керчь), офицер, сын Г.И. Доброва 50, 51, 57, 60
- Добров Георгий Иванович (1860—1945), педагог 50, 54, 475
- Добров Николай Георгиевич (1901—1976), инженер, сын Г.И. Доброва 476

- Доброва Евгения Георгиевна (в замужестве Хабарова; 1897–1982), знакомая ГАШ (Керчь), дочь Г.И. Доброва 60, 68–70, 473–476, 479
- Доброхотова Зоя Александровна (урожд. Хабарова; р. 1927), врач, дочь Е.Г. Добровой 51, 60, 69, 368, 473, 479
- Добужинский Мстислав Валерианович (1875–1957), художник, мемуарист 182, 197
- Долидзе Федор Евсеевич (Ясеевич; 1883–1977), антрепренер 101
- Долодугин Иван Михайлович, педагог (Керчь) 59
- Доненко Николай Николаевич (р. 1958), протоиерей, историк церкви 149, 150
- Дорошевич Влас Михайлович (1864–1922), журналист, публицист, прозаик, критик, «король фельетона» 156, 159, 324
- Дос-Пассос Джон (1896–1970), американский прозаик 516
- Достоевский Федор Михайлович (1821–1881), прозаик, публицист 309, 473, 550
- Дриженко Иван Павлович (псевд. Турский), журналист, редактор 91
- Дроздов Владимир Александрович (р. 1936), историк литературы 4, 190, 223, 337, 345, 349–351, 444
- Дубельт Леонтий Васильевич (1792–1862), глава тайной полиции 556
- Дувакин Виктор Дмитриевич (1909–1982), историк литературы, архивист 418, 571
- Дыбская Вера Владимировна (1899–?), двоюродная сестра ГАШ 22
- Дыбская Евгения Владимировна (1900–?), двоюродная сестра ГАШ 22
- Дыбская Елена Александровна, двоюродная сестра ГАШ 22
- Дыбская Мария Николаевна (урожд. Вускович; 1840–1914), бабушка ГАШ по материнской линии 7, 13, 15, 16, 18–21, 26, 29–31, 34, 38, 47, 53, 54, 56, 81, 82, 469
- Дыбская Ольга Владимировна (1894–1904), двоюродная сестра ГАШ 22
- Дыбская Юлия Владимировна (1897–1972), издательский работник, двоюродная сестра и первая жена ГАШ 22, 69, 85, 155, 220, 226, 231–234, 294
- Дыбский Александр Андреевич (1859 – не ранее 1930-х), чиновник, дядя ГАШ 15, 19, 21, 58
- Дыбский Алексей Владимирович (1906–1943), двоюродный брат ГАШ 22

Дыбский Андрей Кондратьевич (Кондратович; 1815—1892), чиновник, дед ГАШ по материнской линии 14, 15

Дыбский Василий Владимирович (1908—?), двоюродный брат ГАШ 22

Дыбский Владимир Александрович, двоюродный брат ГАШ 22

Дыбский Владимир Андреевич (1866—1942), химик, дядя ГАШ и отец его первой жены 11, 15, 19, 21, 22, 28, 34, 57, 81, 85

Дыбский Виктор Александрович, двоюродный брат ГАШ 22

Дыбский Даниил Кондратьевич (Кондратович; 1812—?), педагог, брат А.К. Дыбского 15

Дыбский Кондрат (Конрад) Кириллович, священник, отец А.К. и Д.К. Дыбских 15

Дыбский Николай Александрович, двоюродный брат ГАШ 22

Дыбский Павел Владимирович (1901 — не ранее 1981), двоюродный брат ГАШ, авиационный инженер 22

Дыбский Роман Владимирович (1904—?), двоюродный брат ГАШ 22

Дыбский Сергей Владимирович (1896—?), двоюродный брат ГАШ 22

Дюпон Пьер (1821—1870), французский поэт 530

Евгенов Семен Владимирович (псевд. Клубень; 1897—1973), журналист, критик 273, 274, 276, 277

Егорова Елизавета Михайловна, редактор, переводчик 505

Ежов Николай Иванович (1895—1940), партийный и государственный деятель 250

Елизаров, работник аппарата ЦК ВКП(б) 395

Ермилов Владимир Владимирович (1904—1965), критик, историк литературы 542

Есенин Сергей Александрович (1895—1925), поэт, драматург 188, 189, 191, 290, 484

Жаколио Луи (1837—1890), французский писатель, путешественник 31

Жданов Андрей Александрович (1896—1948), государственный и партийный деятель 401

Желябов Андрей Иванович (1851—1881), революционер-террорист 38

Жирмунский Виктор Максимович (1891—1971), историк литературы, лингвист 127

- Жуковский Василий Андреевич (1783–1852), поэт, переводчик 353–355, 365
- Заблудовский Михаил Давидович (1912–1941), историк литературы 493
- Завадская Мария, редактор 455, 457
- Зайцев Петр Никанорович (1889–1970), поэт, издательский работник, мемуарист 181, 182
- Залеман Алексей Николаевич (псевд. Греч; 1899–1938), историк искусства 94
- Заславская Мария Михайловна (1892 — не ранее 1958), большевичка 145
- Захаров-Мэнский Николай Николаевич (наст. фам. Захаров; 1895–1942), поэт 224, 225
- Захарова Евгения Борисовна (в замужестве Рафальская; 1897 — не ранее 1985), журналист, мемуарист 210
- Зельдович Мария Аркадьевна (1890–1957), переводчик 64, 270
- Землячка Розалия Самойловна (урожд. Залкинд, в замужестве Самойлова; 1876–1947), государственный и партийный деятель 492, 494
- Зенкевич Михаил Александрович (1891–1973), поэт, прозаик, переводчик 328, 492, 495, 502, 507, 517
- Зенкевич Хрисанф Хрисанфович, педагог, историк, краевед (Керчь) 35, 37
- Зиновьев Григорий Евсеевич (наст. фам. Радомысльский; 1883–1936), революционер, партийный и государственный деятель 400, 471
- Золотарев Владимир, знакомый ГАШ (Керчь) 38
- Золя Эмиль (1840–1902), французский прозаик, публицист 116
- Зубакин Борис Михайлович (1894–1938), поэт, археолог 270
- Иван IV Васильевич (Грозный) (1530–1584), царь и великий князь всея Руси (1547–1584) 419**
- Иваненко, меценат (Харьков) 84
- Иванов Вячеслав Всеволодович (р. 1928), лингвист, антрополог, переводчик, мемуарист 518
- Иванов Вячеслав Иванович (1866–1949), поэт, критик, философ, историк 120, 144, 160, 174, 290, 531, 570
- Иванов Георгий Владимирович (1894–1958), поэт, прозаик, мемуарист 187

- Иванов-Разумник (наст. имя и фам. Разумник Васильевич Иванов; 1878—1946), историк литературы, критик, публицист 188
- Ивнев Рюрик (наст. имя и фам. Михаил Александрович Ковалев; 1891—1981), поэт, прозаик, мемуарист, переводчик 247
- Игнатъев Иван Васильевич (наст. фам. Казанский; 1892—1914), поэт, критик, издатель 163
- Изгоев Наум Давидович, критик, журналист 338
- Ильин Виктор Николаевич (1904—1990), офицер НКВД, сотрудник аппарата Союза писателей 407, 408, 416
- Ильин Павел Иванович (1881—1953), театральный и эстрадный режиссер 130
- Ильф Илья (наст. имя и фам. Илья Арнольдович Файнзильберг; 1897—1937), прозаик 274
- Инбер Вера Михайловна (урожд. Шпенцер; 1890—1972), поэт, прозаик, переводчик 156, 241, 392, 496
- Иоффа, бабушка ГАШ по отцовской линии 26
- Исаакян Аветик Саакович (1875—1957), армянский поэт, прозаик, публицист 362
- Исаев Егор (Георгий) Александрович (1926—2013), поэт, публицист 569
- Исии Кикудзиро (1866—1945), японский дипломат 552
- Ишмухаметов Искандер, знакомый ГАШ (Омск) 31
- Каганович** Лазарь Моисеевич (1893—1991), государственный и партийный деятель 401
- Казин Василий Васильевич (1898—1981), поэт 179, 180, 377, 442
- Казначеев Александр Иванович (1788—1880), чиновник 9
- Казначеев Николай Иванович (ок. 1794 — не ранее 1839), чиновник, брат А.И. Казначеева 9
- Калинин Михаил Иванович (1875—1946), государственный и партийный деятель 471
- Калманович Дара (Дора?) Михайловна, жена Е.А. Шенгели 27
- Каменева Ольга Давыдовна (урожд. Бронштейн; 1883—1941), литературный и театральный функционер 238
- Кантемир Антиох Дмитриевич (1708—1744), поэт, переводчик, дипломат 546
- Капабланка Хосе Рауль (1888—1942), кубинский шахматист 270, 271

- Карасев Кирилл, третий муж Ю.В. Дыбской 234
- Карасев Владимир Кириллович (1934–2009), сын Ю.В. Дыбской от третьего брака, актер, драматург, сценарист 234
- Катаев Валентин Петрович (1897–1986), прозаик, поэт, драматург, журналист 155, 156, 174, 246, 357
- Катанян Василий Абгарович (1902–1980), историк литературы, критик 277, 278, 280, 283
- Кац Мане (1894–1962), еврейский художник, скульптор 143
- Качалов Василий Иванович (наст. фам. Шверубович; 1875–1948), актер 298
- Кашкин Иван Александрович (1899–1963), переводчик, теоретик перевода, историк литературы 363, 498, 501, 502, 504–509, 513, 514, 516–519, 522, 523, 548, 565
- Квятковский Александр Павлович (1888–1968), стиховед 571, 574
- Кемине (наст. имя Мамедвели; ок. 1770–1840), туркменский поэт 259, 263
- Кербабаяев Берды Мурадович (1894–1974), туркменский прозаик, поэт, драматург 124, 445
- Кирнарский Марк (Меер-Вольф) Абрамович (1893–1942), художник 345
- Кирсанов Семен Исаакович (наст. имя и фамилия Самуил Ицкович Кортчик; 1906–1972), поэт, переводчик 162, 169
- Клеман Жан-Батист (1836–1903), французский поэт, публицист 124
- Кленовский Дмитрий Иосифович (наст. фам. Крачковский; 1894–1977), поэт, переводчик 542, 543
- Клокачев Модест Дмитриевич (? — не ранее 1916), керчь-еникальский градоначальник (1897–1906) 39
- Книпович Евгения Федоровна (1898–1988), критик 463
- Ковский Евгений Николаевич (1899–1977), журналист, прозаик 154, 165, 425, 430, 433, 438
- Ковский Вадим Евгеньевич (р. 1935), критик, историк литературы, мемуарист 434, 435
- Кожевников Михаил Юрьевич (р. 1968), издательский работник 5
- Козлов Павел Алексеевич (1841–1891), поэт, переводчик, композитор 491
- Колосков Александр Иванович (1909–1984), журналист, историк литературы 288

- Кольридж Сэмюэл Тэйлор (1772–1834), английский поэт, критик, философ 358
- Кольцов Михаил Ефимович (наст. имя и фам. Моисей Фридлянд; 1898–1940), журналист, публицист 254
- Конан Дойл Артур (1859–1930), английский прозаик 46
- Конгопуло Евдокия (Дуся), знакомая ГАШ (Керчь) 47
- Кондрашов Г.К., младший лейтенант, читатель ГАШ 357
- Коневской Иван Иванович (наст. фам. Ореус; 1877–1901), поэт, критик, переводчик 163
- Корбьер Тристан (1845–1875), французский поэт 77, 264
- Коренди Вера Борисовна (урожд. Запольская, в замужестве Коренева; 1903–1990), педагог, гражданская жена И. Северянина 380, 482
- Косоротова Мария Владимировна (1870–1960), мать Н.Л. Манухиной 434, 445, 446, 573
- Котов Анатолий Константинович (1909–1956), издательский работник, историк литературы 392, 511–513, 515, 524, 536, 537, 539, 548
- Кошке Клавдия Васильевна (урожд. Аргиропуло; 1896 – не ранее 1966), знакомая ГАШ (Керчь, Одесса) 58, 60, 78, 80
- Крамская Л., актриса 31, 33
- Кранихфельд Владимир Борисович (1855–1918), критик 94
- Красник Станислав Антонович, педагог (Керчь) 60
- Краснов Петр Борисович (псевд. Петроний; 1895–1962), поэт, критик, журналист 93, 122, 137
- Кремье Гастон (1838–1871), французский поэт, революционер 124
- Кржижановский Сигизмунд Доминикович (1887–1950), прозаик, драматург, историк и теоретик театра 344, 424, 498, 500
- Кривцова Александра Владимировна (1896–1958), переводчик 83, 88, 267, 294, 424, 500, 556, 564
- Кролюницкая, художник, дочь Н.А. Кролюницкого 257, 258
- Кролюницкий Николай Александрович (1878–1936?), участник революционного движения, журналист 257, 258
- Крусанов Андрей Васильевич (р. 1958), историк литературы 4, 76, 95, 96, 98–103, 106, 107, 111–113, 127, 145, 169, 174
- Крученых Алексей Елисеевич (1886–1968), поэт, критик, коллекционер 174

- Кузмин Михаил Алексеевич (1872—1936), поэт, прозаик, драматург, критик, переводчик 93, 166, 268, 271, 364
- Кузько Петр Авдеевич (1884—1969), критик, журналист 461, 539, 540
- Куклярский Федор Федорович (1870—1923), философ 77
- Кулисич (Кулич) Лука Николаевич (? — не ранее 1844), купец, домовладелец (Керчь) 11, 12, 16
- Кун Бела (1886—1938), венгерский и советский революционер, журналист 372
- Купер Джеймс Фенимор (1789—1851), американский прозаик 434
- Купченко Владимир Петрович (1938—2004), историк литературы 122, 228, 257
- Куранда Елена Леонидовна (р. 1960), историк литературы 405, 406, 467
- Кустовский Митрофан Иванович (1851—1916), педагог 52, 57
- Кюсси Луи де (1766—1837), французский придворный, кулинар 344
- Кюхельбекер Вильгельм Карлович (1797—1846), поэт, драматург, прозаик, критик, переводчик 9
- Ланн Евгений Львович (наст. фам. Лозман; 1896—1958), поэт, прозаик, переводчик 82, 83, 88, 121, 122, 135, 221, 267, 294, 353, 424, 498, 500, 501, 507, 528, 548, 555, 556, 564, 572
- Лапшов Иван Иванович (1903—1988), заведующий секретариатом В.М. Молотова 510, 511, 513
- Ласкер Эммануил (1868—1941), немецкий шахматист, математик 270
- Лафорг Жюль (1860—1887), французский поэт 350
- Лахути Абулькасим Ахмедзаде (1887—1957), таджикский поэт, революционер 324, 453, 456—458, 551, 560
- Левик Вильгельм Вениаминович (1906/07—1982), переводчик, художник 346, 360, 496, 507, 516, 522, 564, 565
- Левонтин Эзра Ефимович (1891—1968), поэт, переводчик 340, 424, 496, 498—500, 505, 564
- Лежнев Исай Григорьевич (наст. имя и фам. Исаак Альтшуллер; 1891—1955), критик, публицист 240
- Лейтес Александр Михайлович (1899 или 1901—1976), критик, историк литературы 336—338, 341, 344, 348, 358, 531, 540
- Леконт де Лиль Шарль (1818—1894), французский поэт 124, 125, 129, 133, 137, 252, 264, 269, 270, 322, 333, 338

- Лелевич Г. (наст. имя и фам. Лабори Гилелевич Кальмансон; 1901–1937), поэт, критик, историк литературы 252, 269
- Ленин Владимир Ильич (наст. фам. Ульянов; 1870–1924), революционер, партийный и государственный деятель, публицист 216, 388, 389, 394, 396, 397, 470, 471, 549
- Леонидзе Георгий Николаевич (1899–1966), грузинский поэт 382
- Лермонтов Михаил Юрьевич (1814–1841), поэт, прозаик, драматург 18, 368, 462, 473
- Лернер Николай Осипович (1877–1934), историк литературы, критик 186
- Лесков Николай Семенович (1831–1895), прозаик 500
- Лесневский Станислав Стефанович (1930–2014), критик, историк литературы 569
- Либединский Юрий Николаевич (1898–1959), прозаик 545
- Лившиц Бенедикт Константинович (до крещения Наумович; 1886/87–1938), поэт, переводчик, мемуарист 78, 143, 187, 403, 465
- Лидин Владимир Германович (наст. фам. Гомберг; 1894–1979), прозаик 164, 181, 236, 437, 492
- Лилиенталь Отто (1848–1896), инженер, изобретатель, пионер авиации 334
- Липкин Семен Израилевич (1911–2003), поэт, переводчик, прозаик 360, 564, 566
- Липскеров Константин Абрамович (1889–1954), поэт, переводчик 551
- Литкевич Аркадий (1882–1919), знакомый ГАШ (Керчь) 58
- Лозино-Лозинский см. Любич-Ярмолович-Лозина-Лозинский А.К.
- Лозинский Михаил Леонидович (1886–1955), поэт, переводчик 363
- Лозовский Соломон Абрамович (наст. фам. Дридзо; 1878–1952), партийный и профсоюзный деятель, дипломат, публицист 492
- Локс Константин Григорьевич (1889–1956), историк литературы, критик, переводчик, мемуарист 200, 496
- Ломоносов Михаил Васильевич (1711–1765), ученый-энциклопедист, поэт 214
- Лохвицкая Мирра (наст. имя Мария Александровна, в замужестве Жибер; 1869–1905), поэт 72, 169
- Луис Пьер (1870–1925), французский прозаик, поэт 364

- Лукницкий Павел Николаевич (1900—1973), поэт, прозаик, очеркист, биограф Н.С. Гумилева 230
- Луначарская-Розенель Наталья Александровна (1900—1962), актриса, переводчик 280
- Луначарский Анатолий Васильевич (1875—1933), государственный деятель, публицист, критик, поэт, драматург 280
- Лундберг Евгений Германович (1883—1965), прозаик, публицист, критик, мемуарист, переводчик 565
- Луңц Лев Натанович (1901—1924), прозаик, драматург 163
- Луппол Иван Капитонович (1896—1943), философ, историк философии и литературы 363
- Лутохин Александр Павлович, инженер, отец Д.А. Лутохина 191
- Лутохин Долмат Александрович (1885—1942), публицист, экономист, издатель 191, 193
- Львов Михаил Давыдович (наст. имя и фам. Рафкат Давлетович Маликов; 1917—1988), поэт, переводчик 569
- Любич-Ярмолович-Лозина-Лозинский Алексей Константинович (псевд. Я. Любяр; 1886—1916), поэт, прозаик, переводчик 163
- Людовик XVI (1754—1793), король Франции (1774—1792) 191
- Магруппи Курбан-Али**, туркменский поэт XVIII в. 449, 484, 485
- Маккавейский Владимир Николаевич (1893—1920), поэт, философ, критик 130, 143
- Максимов Дмитрий Евгеньевич (1904—1987), историк литературы 217, 466
- Малашкин Сергей Иванович (1888—1988), прозаик, поэт 317, 415, 426, 470, 566, 568, 569
- Маленков Георгий Максимилианович (1902—1988), государственный и партийный деятель 216, 509
- Малишевский Михаил Петрович (1896—1955), поэт, стиховед 551
- Малларме Стефан (1842—1898), французский поэт, эссеист 77, 362
- Малсо Валентин, знакомый ГАШ (Керчь), участник революционного движения 40
- Мандельштам Надежда Яковлевна (урожд. Хазина; 1899—1980), педагог, мемуарист, жена О.Э. Мандельштама 324, 409, 411, 416

- Мандельштам Осип Эмильевич (1891–1938), поэт, прозаик, критик, переводчик 119, 121, 135–137, 144, 162, 182, 187, 190, 268–271, 290, 324, 342, 361, 403, 427, 479
- Манская Елена Моисеевна (189?–?), старшая сестра С.М. Манской, знакомая ГАШ (Симферополь) 307
- Манская Софья Моисеевна (1899–1989), биолог, химик, знакомая ГАШ (Симферополь) 307
- Манский Давид Моисеевич (1904–1974), актер, режиссер 307
- Манухин Сергей Иванович, врач, первый муж Н.Л. Манухиной 234
- Манухина Ирина Сергеевна (1912–2003), дочь Н.Л. Манухиной от первого брака, художница 234, 407, 556, 560
- Манухина Нина Леонтьевна (урожд. Лукина; 1893–1980), поэт, переводчик, вторая жена ГАШ 71, 85, 105, 174, 216, 221–227, 230, 232–235, 259–262, 294–300, 324, 346, 360, 393, 406, 408–410, 419, 422, 424–426, 429–435, 437, 440, 441, 445, 446, 448, 449, 453, 469, 477, 482, 510, 523, 527, 535, 536, 540, 552, 554–557, 560, 562–566, 569, 571–574
- Маньковская Ванда, знакомая ГАШ (Керчь) 60, 61, 70
- Мариенгоф Анатолий Борисович (1897–1962), поэт, драматург, прозаик, мемуарист 191, 248
- Маринин Антон Владимирович (р. 1977), специалист по связям с общественностью 5, 9, 15
- Марков Владимир Федорович (1920–2013), историк литературы, поэт, критик 206
- Маркс Карл (1818–1883), немецкий экономист, философ, публицист 216, 394, 396, 530
- Маркушевич Александр Иванович (1908–1979), математик, педагог 550
- Марло Кристофер (1564–1593), английский драматург, поэт, переводчик 124, 359
- Мартин Юлий Юльевич (1874–1959), педагог, археолог, историк, музейный работник 59, 477
- Маршак Самуил Яковлевич (1887–1964), поэт, переводчик 507
- Маслин Николай Никифорович (1909–1965), партийный функционер, критик 510
- Массино Евгения (189? – не ранее 1949), знакомая ГАШ (Керчь) 80

- Мата Хари (наст. имя и фам. Маргарета Гертруда Зелле; 1876—1917), танцовщица голландского происхождения, немецкая разведчица 334
- Махтумкули (псевд. Фраги; 1727/33 — ок. 1783), туркменский поэт 124, 347, 426, 427, 436, 437, 445, 447, 449—453, 497, 500, 528, 529, 560
- Мачтет Тарас Григорьевич (1891—1943), поэт, журналист 190, 222
- Маяковский Владимир Владимирович (1893—1930), поэт, драматург 67, 68, 80, 96, 189, 194, 271, 275—293, 301, 303—305, 309, 311, 337, 341, 397, 404, 443, 483, 518, 542, 544, 545, 549, 568, 574
- Мейерхольд Всеволод Эмильевич (1874—1940), актер, режиссер, теоретик театра 257
- Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865—1941), поэт, прозаик, критик, публицист 101, 160
- Мехлис Лев Захарович (1889—1953), партийный и военный деятель 402
- Мещанинов Иван Иванович (1883—1967), лингвист, археолог 546
- Микропуло Пелагея Панаиотовна (? — не ранее 1916), акушерка (Керчь) 38
- Микропуло Спиридон, знакомый ГАШ (Керчь), сын П.П. Микропуло 38
- Минаев Дмитрий Дмитриевич (1835—1889), поэт, переводчик 492
- Минаев Николай Николаевич (1895—1967), поэт 187, 271, 469
- Миримский Израиль Владимирович (1908—1962), историк литературы, переводчик 515
- Митрофанов Александр Георгиевич (1899—1951), прозаик 371
- Михайлов Александр Алексеевич (1922—2003), критик, историк литературы 288, 289
- Михайлов Николай Александрович (1906—1982), государственный и партийный деятель 492, 509
- Модильяни Амедео (1884—1920), итальянский и французский художник 521
- Молешот Яков (1822—1893), голландский физиолог, популяризатор науки 21
- Молодякова Эльгена Васильевна (1937—2016), историк 5
- Молотов Вячеслав Михайлович (наст. фам. Скрябин; 1890—1986), революционер, государственный и партийный деятель 216, 317, 318, 368, 401, 407, 415, 456, 492, 509—513, 548
- Молчанов, знакомый ГАШ (Керчь) 47, 52
- Мопассан Ги де (1850—1893), французский прозаик 124, 360, 560

- Мор Томас (1478—1535), английский государственный деятель, юрист, писатель 344
- Моравская Мария Людвиговна (1889—1947), поэт, прозаик, критик 95
- Морозов Михаил Михайлович (1897—1952), историк литературы и театра, переводчик 354
- Мотылёва Тамара Лазаревна (1910—1992), критик, историк литературы 518
- Моцарт Вольфганг Амадей (1756—1791), австрийский композитор, музыкант-виртуоз 175, 176, 299
- Мунблит Георгий Николаевич (1904—1994), прозаик, драматург, сценарист 242—244, 295
- Муратов Александр Николаевич, переводчик 362
- Мюзам Эрих (1878—1934), немецкий поэт, драматург 124
- Надсон Семен Яковлевич** (1862—1887), поэт, критик 429, 492, 543
- Назаревская Галина Алексеевна (1901—1957), художник 229
- Накоряков Николай Никандрович (1881—1970), публицист, издательский работник 365
- Наполеон III (1808—1873), французский император (1852—1870) 525
- Нарбут Владимир Иванович (1888—1938), поэт, издательский работник 141, 144, 166, 167, 187, 191, 192, 290
- Некрасов Николай Алексеевич (1821—1877), поэт, прозаик, журналист, издатель 99, 428, 483
- Нечаев Сергей Геннадиевич (1847—1882), революционер-террорист 171, 176, 264, 323
- Никитин П., журналист 443
- Никитина Евдоксия Федоровна (1893?—1970), критик, издатель, хозяйка литературного салона 179, 180, 247, 362, 539, 541, 550, 553—555, 557, 574
- Никонов Владимир Андреевич (1904—1988), критик, филолог, лингвист 335, 336, 341
- Никулин Лев Вениаминович (наст. фам. Ольконицкий; 1891—1967), прозаик, драматург, журналист 143
- Ницше Фридрих (1844—1900), немецкий философ, филолог 63, 77, 331
- Новиков Иван Алексеевич (1877—1959), прозаик, поэт, переводчик 217, 239

- Обручникова Анна Осиповна, служанка Брюсовых 103
- Овидий Назон Публий (43 до н.э. —18), римский поэт 344
- Овсяннико-Куликовский Дмитрий Николаевич (1853—1920), литературовед, лингвист 302
- Огнев Владимир Федорович (р. 1923), критик 568
- Одоевский Владимир Федорович (1804—1869), прозаик, музыкальный критик 473
- Озеров Лев Адольфович (наст. фам. Гольдберг; 1914—1996), поэт, критик, историк литературы, переводчик 172, 543, 544, 562
- Оксенов Иннокентий Александрович (1897—1942), поэт, критик, переводчик 532
- Олеша Юрий Карлович (1899—1960), прозаик, драматург 100, 156, 187, 364, 448, 449, 564
- Ольшевская Нина Антоновна (1908—1991), актриса 519
- Оношкович-Яцына Ада Ивановна (1896—1935), поэт, переводчик 507
- Островский Арсений Григорьевич (1897—1989), издательский работник 452
- Офросимов Юрий Викторович (псевд. Георгий Росимов, Гроси; 1894—1967), поэт 128
- Павленко** Петр Андреевич (1899—1951), прозаик, литературный функционер 550
- Павлов Тодор (1890—1977), болгарский философ 396
- Паневин Александр Андреевич, революционер-террорист (Керчь) 40
- Паневин Андрей Алексеевич, купец, отец Ал.А. Паневина 40
- Парни Эварист (1753—1814), французский поэт 364
- Пастернак Борис Леонидович (1890—1960), поэт, прозаик, переводчик 193—196, 270, 290, 310, 331, 338, 339, 346, 373, 374, 403, 441, 444, 459, 466, 496, 518, 570
- Патер Уолтер (1839—1894), английский прозаик, критик, историк искусства 162
- Паустовский Константин Георгиевич (1892—1968), прозаик 168, 170, 172
- Пеньковский Лев Минаевич (1894—1971), поэт, переводчик 118, 167, 171, 241, 564, 574

- Перельмутер Вадим Гершевич (р. 1943), поэт, историк литературы, переводчик 4, 22, 101, 226, 293, 297, 339, 373, 376, 393, 394, 466, 470, 500, 518, 574, 576
- Перцов Виктор Осипович (1898–1980), критик, историк литературы 442, 545
- Песталоцци Иоганн Генрих (1746–1827), швейцарский педагог 21
- Петников Григорий Николаевич (1894–1971), поэт, переводчик 130, 143, 189
- Петров Евгений (наст. имя и фамилия Евгений Петрович Катаев; 1902–1942), прозаик, очеркист 274
- Петров Николай Александрович, знакомый ГАШ (Керчь) 45, 47, 57, 63, 70
- Петрова В.А., библиотечный работник, читатель ГАШ 496
- Петровский Дмитрий Васильевич (1892–1955), поэт, прозаик 551
- Петровых Мария Сергеевна (1908–1979), поэт, переводчик 360, 361
- Пикассо Пабло (1881–1973), испанский и французский художник 531
- Пилсудский Юзеф (1867–1935), польский военный и государственный деятель 261
- Пильский Петр Мосеевич (1876–1941), критик, журналист 156
- Пиралов Георгий Семенович (190? –1941), переводчик, редактор 407
- Пицхелаури Любовь Митрофановна (урожд. Кустовская; ? – не ранее 1955), дочь М.И. Кустовского 553
- Плетнева Елена (? – не ранее 1973), журнальный работник 240, 241
- По Эдгар Аллан (1809–1849), американский поэт, прозаик, критик 484, 500
- Полежаев Александр Иванович (1804–1838), поэт 368
- Полканов Я.Д., автор доноса на ГАШ (Симферополь) 306
- Полонская Елизавета Григорьевна (наст. фам. Мовшенсон; 1890–1968), поэт, переводчик 576
- Полонский Вячеслав Павлович (наст. фам. Гусин; 1886–1932), критик, журналист, редактор 309, 310, 318, 319
- Помренинг Дионис (наст. имя Михаил Викторович; 1897–1961?), поэт, журналист 135
- Пономаренко Пантелеймон Кондратьевич (1902–1984), государственный и партийный деятель 524, 526

- Поскребышев Александр Николаевич (1891–1965), партийный деятель 402
- Поспелов Петр Николаевич (1898–1979), партийный деятель, публицист 391, 394
- Постоутенко Кирилл Юрьевич (р. 1967), историк литературы, социолог 4, 11, 12, 86, 275, 280, 282, 446, 562
- Поступальский Игорь Стефанович (1907–1989), историк литературы, переводчик, поэт 497
- Преферанская Елизавета Александровна (?–1927), мачеха ГАШ 26, 34
- Прокопенко Александр Петрович (1886–1954), поэт, врач 84, 112, 135
- Прокофьев Александр Андреевич (1900–1971), поэт 374
- Прудон Пьер-Жозеф (1809–1865), французский экономист, философ, политик 21
- Пруст Марсель (1871–1922), французский прозаик 390
- Пузанов Иван Иванович (1885–1971), зоолог, географ, поэт, переводчик 232, 297, 300, 301, 307, 308, 313, 324, 443, 554, 566, 568
- Пузанова Евгения Николаевна (1891–1968), жена И.И. Пузанова 234, 324, 443, 562, 565, 571, 572, 574
- Пузиков Александр Иванович (1911–1996), издательский работник, критик 366, 510, 516, 556
- Пушкарев Константин Павлович, редактор газеты «Керченское слово» (1908–1909) 47
- Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837), «наше всё» 8, 9, 59, 60, 102–106, 120, 126–128, 137, 148, 162, 166, 184, 187, 217, 228, 246, 250, 252, 298, 302, 308, 310, 322, 334, 358, 366, 368, 380, 398, 473, 477, 484, 514, 539, 543, 544, 546–548, 561, 567
- Пушкина Наталья Николаевна (урожд. Гончарова, во втором браке Ланская; 1812–1863), жена А.С. Пушкина 172, 179, 271
- Пырьев Иван Александрович (1901–1968), кинорежиссер, сценарист 365
- Пишибышевский Станислав (1868–1927), польский прозаик 63
- Пяст Владимир Алексеевич (наст. фам. Пестовский; 1886–1940), поэт, стиховед, переводчик 265, 270, 276, 277
- Р**адлов Сергей Эрнестович (1892–1958), театральный режиссер, критик 551

- Радлова Анна Дмитриевна (урожд. Дармолатова; 1891–1949), поэт, переводчик 358, 462, 551
- Раевский Александр Николаевич (1795–1868), участник Отечественной войны 1812 года, приятель и соперник Пушкина 114
- Разин С., критик (Харьков) 139
- Раймонд VI (1156–1222), граф Тулузы 268
- Райнис Ян (наст. имя и фам. Янис Плиекшанс; 1865–1929), литовский поэт, драматург, переводчик, политик 360, 362
- Расин Жан (1639–1699), французский драматург 8, 60
- Резвый Владислав Александрович (р. 1981), историк литературы, переводчик 4, 5, 290, 367
- Рембо Артюр (1854–1891), французский поэт 341, 342
- Рембрандт (1606–1669), голландский художник 92
- Ришпен Жан (1849–1926), французский поэт, прозаик, драматург 398
- Рогов Владимир Владимирович (1930–2000), поэт, переводчик 565
- Родин Элиша (наст. имя Авром-Эля; 1888–1946), еврейский поэт, публицист 140
- Родионов Николай Сергеевич (1889–1960), историк литературы, текстолог 391
- Родов Семен Абрамович (1893–1968), поэт, критик, переводчик 143
- Рождественский Всеволод Александрович (1895–1977), поэт, переводчик 427, 459, 460, 464, 467, 472, 488, 496, 514
- Рожицын Валентин Степанович (1888–1942), критик, публицист, историк 94, 128, 142, 174
- Розанов Василий Васильевич (1856–1919), критик, публицист, эссеист 160
- Розанов Матвей Никанорович (1858–1936), историк литературы 363
- Роллина Морис (1846–1903), французский поэт 71, 124, 264, 333
- Романов Борис Николаевич (р. 1947), поэт, историк литературы, переводчик 5, 124, 223, 325, 576
- Роскина Наталья Александровна (1927–1989), историк литературы, мемуарист 520
- Рудерман Михаил Исаакович (1905–1984), поэт 373
- Рукавишников Иван Сергеевич (1877–1930), поэт, прозаик, драматург, переводчик 270, 271
- Румер Осип Борисович (1883–1954), переводчик 363, 365, 574

- Руссо Жан-Жак (1712–1778), французский прозаик, мыслитель 21
- Руставели Лада (наст. имя и фам. Екатерина Александровна Васильева; 1892–1953), поэт, переводчик 164, 424, 429, 433, 437, 440, 441, 453, 551
- Рыбников Николай Александрович (1880–1961), психолог 4
- Рыжков Виталий Леонидович (1896–1977), биолог, ботаник, друг ГАШ 83, 94, 135
- Рыленков Николай Иванович (1909–1969), поэт 275
- Рыльский Максим Фадеевич (1895–1964), украинский поэт, критик, переводчик 528
- Рябинина Александра Петровна (урожд. Назарова, в 1-м браке Павлова; 1897–1977), издательский работник 452, 457, 480
- Савинков Борис Викторович (1879–1925), революционер-террорист, политик, прозаик 116, 385
- Садовской Борис Александрович (наст. фам. Садовский; 1881–1952), поэт, прозаик, критик 224, 227, 246–248, 287, 362, 417, 469
- Сакулин Павел Никитич (1868–1930), историк литературы 282, 285
- Сальери Антонио (1750–1825), итальянский и австрийский композитор, дирижер, педагог 126, 129, 175, 176, 264
- Самарин Михаил Павлович (1888–1948), историк литературы, педагог 130, 136
- Самарин Роман Михайлович (1911–1974), историк литературы 514
- Самокиш Николай Семенович (1860–1944), художник 474
- Санжаровец Владимир Филиппович (р. 1947), историк, краевед 4, 9, 27, 35, 55, 60, 150, 152
- Санников Григорий Александрович (1899–1969), поэт 325, 392
- Сапожников Павел Флегонтович (1897–1937), партийный работник, журналист 273
- Саргиджан Амир (наст. имя и фам. Сергей Петрович Бородин; 1902–1974), поэт, прозаик 324
- Саянов Виссарион (наст. фам. Махлин; 1903–1959), поэт, прозаик, критик 343, 344
- Саят-Нова (наст. имя и фам. Арутюн Саядян; 1712–1795), армянский поэт, ашуг 110

- Святополк-Мирский Дмитрий Петрович (1892–1939), историк литературы, критик 206, 207, 346
- Северянин Игорь (наст. имя и фам. Игорь Васильевич Лотарев; 1887–1941), поэт, переводчик 36, 67, 71, 72, 84–86, 90, 95–103, 106–114, 118, 135, 138, 166, 167, 241, 286, 290, 292, 296, 324, 380, 404–406, 427, 428, 462, 467, 482, 500
- Седунов П.Г., работник аппарата ЦК КПСС 509
- Сейтлиев Кара (1915–1971), туркменский поэт, прозаик 449
- Сельвинский Илья Львович (1899–1968), поэт, прозаик, драматург, переводчик 245, 310, 374, 397–399, 401–403, 450, 459, 498, 500, 566, 568
- Семенко Михайль (наст. имя Михаил Васильевич; 1892–1937), украинский поэт 143
- Сенковский Осип Иванович (псевд. Барон Брамбеус; 1800–1858), прозаик, редактор, востоковед 473
- Серафимович Александр Серафимович (наст. фам. Попов; 1863–1949), прозаик 192
- Сергеев-Ценский Сергей Николаевич (наст. фам. Сергеев; 1875–1958), прозаик 321
- Сетницкий Николай Александрович (1888–1937), философ, экономист 249–251
- Симонов Константин Михайлович (наст. имя Кирилл; 1915–1979), поэт, прозаик, литературный функционер 377
- Скорино Людмила Ивановна (1908–1999), критик, редактор 545
- Скосырев Петр Георгиевич (1900–1960), поэт, переводчик, издательский работник 452, 545
- Случевский Константин Константинович (1837–1904), поэт, прозаик 13
- Смирнов Александр Александрович (1883–1962), историк литературы, критик, переводчик 363, 527, 528
- Смирнов Николай, курсант Фрунзенской летной школы, читатель ГАШ 391
- Смирнова Вера Васильевна (1898–1977), прозаик, критик 567
- Соболев Александр Львович (р. 1970), историк литературы 5, 94, 118, 128, 177, 187, 410, 499
- Сокол Евгений Григорьевич (наст. фам. Соколов; 1893–1939), поэт 239
- Соколовский Александр Саулович (1895 – не ранее 1941), поэт 155, 156

- Соловьев Сергей Михайлович (1885—1942), поэт, публицист, переводчик 78, 162, 248
- Сологуб Федор (наст. имя и фам. Федор Кузьмич Тетерников; 1863—1927), поэт, прозаик, драматург, переводчик, педагог 78, 84, 97, 99, 101, 174, 248, 268, 464, 465
- Сосновский Лев Семенович (1887—1937), журналист, публицист 274
- Спиртус, студент Крымского педагогического института 304, 305
- Сталин Иосиф Виссарионович (наст. фам. Джугашвили; 1878—1953), революционер, государственный и партийный деятель 214, 289, 366, 373, 375, 376, 382, 383, 388—390, 394, 396, 397, 401—405, 419, 470, 471, 490, 506, 507, 534, 548, 567
- Станиславский Александр Владимирович (1892—1948), педагог, друг ГАШ 38, 148, 150, 151, 294, 423
- Станиславский Владимир Григорьевич (1866—1921), протоиерей, отец А.В. Станиславского 54, 148—150
- Станиславский Константин Сергеевич (наст. фам. Алексеев; 1863—1938), актер, режиссер, теоретик театра 298
- Станкевич Александр Александрович (1882—1959), прозаик, критик, журналист 86, 135, 138
- Станюкович Константин Михайлович (1843—1903), прозаик 31
- Стенич Валентин Осипович (наст. фам. Сметанич; 1897—1938), переводчик 502
- Стецкий Алексей Иванович (1896—1938), партийный деятель 318, 319
- Стийенский Радуле Иванович (наст. фам. Маркович; 1901—1966), черногорский поэт, прозаик (жил в СССР) 364, 540
- Суворов Александр Васильевич (1730—1800), полководец 7, 500, 505, 506, 508, 514, 515, 518, 523
- Сурков Алексей Александрович (1899—1983), поэт, литературный функционер 374, 392
- Суслов Михаил Андреевич (1902—1982), партийный деятель 216
- Сучков Борис Леонтьевич (1917—1974), историк и теоретик литературы 494
- Талов Марк Владимирович (1892—1969), поэт, переводчик 362
- Тарасенков Анатолий Кузьмич (1909—1956), критик, коллекционер 328, 340, 508

- Тарковский Арсений Александрович (1907–1989), поэт, переводчик 52, 258, 259, 262, 263, 324, 360, 364, 409, 421, 452, 529, 564, 574
- Тарловский Марк Арьевич (1902–1952), поэт, переводчик 163–165, 234, 292, 303, 450–453
- Твардовский Александр Трифонович (1910–1971), поэт 275
- Твен Марк (наст. имя и фам. Сэмюэль Клеменс; 1835–1910), американский прозаик 31, 344
- Терапиано Юрий Константинович (1892–1980), поэт, критик, мемуарист 143
- Тименчик Роман Давидович (р. 1945), историк литературы 141, 188, 193, 230, 265, 446, 543
- Тихонов Николай Семенович (1896–1979), поэт, прозаик, переводчик 346
- Томашевский Борис Борисович (1909–1974), переводчик, редактор 518, 519
- Томашевский Борис Викторович (1890–1957), историк литературы, текстолог, стиховед 441, 519, 546
- Тимофеев Леонид Иванович (1903/04–1984), стиховед, теоретик литературы 207, 208, 249, 380, 417, 418, 459, 550, 566, 570, 571
- Тихомиров Лев Александрович (1852–1923), революционер, философ, журналист 38
- Толстой Лев Николаевич (1828–1910), прозаик, драматург, мыслитель, публицист 310, 391, 483
- Трегуб Семен Адольфович (1907–1975), критик, публицист 289, 539
- Троцкий Лев Давидович (наст. фам. Бронштейн; 1879–1940), революционер, государственный и партийный деятель, публицист 471
- Трубников Семен Васильевич (1839–1906), жандармский генерал 42
- Трумэн Гарри (1884–1972), американский политик 490
- Турчинский Лев Михайлович (р. 1933), библиограф, коллекционер 5, 71, 123, 132, 253, 265, 281
- Тушмалова, артистка (Одесса) 166, 167
- Тычина Павел Григорьевич (1891–1967), украинский поэт 124
- Тютчев Федор Иванович (1803–1873), поэт, переводчик, публицист, дипломат 264

- У**итмен Уолт (1819—1892), американский поэт, публицист 116, 302, 519
- Украинка Леся (наст. имя и фам. Лариса Петровна Косач, в замужестве Квитка; 1871—1913), украинский поэт, прозаик, переводчик 124, 482, 560
- Укше Сусанна Альфонсовна (1885—1945), поэт 410
- Ульянова Мария Ильинична (1878—1937), журналист, сестра В.И. Ленина 273, 274, 276, 278, 559
- Умрихина Татьяна Викторовна (р. 1953), директор Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника 5
- Уразов Измаил Авдеевич (1896—1965), поэт, журналист 85
- Уткин Иосиф Павлович (1903—1944), поэт 276
- Уточкин Сергей Исаевич (1876—1916), спортсмен, летчик 48, 49
- Ушинский Константин Дмитриевич (1823—1871), педагог, теоретик педагогики 21
- Уэллс Герберт (1866—1946), английский прозаик 31, 88, 344
- Ф**адеев Александр Александрович (1901—1956), прозаик, публицист, литературный функционер 392, 503, 505, 545
- Фальк Эммануил Рафаилович (1898—1956), юрист 475
- Фальке см. Фальк Э.Р.
- Федоров Андрей Венедиктович (1906—1997), историк литературы, переводчик, теоретик перевода 351, 352
- Федоров Василий Павлович (1883—1942), поэт, переводчик 223
- Федоров Николай Федорович (1829—1903), религиозный мыслитель, философ, библиотековед, педагог 250
- Финкель Абрам Моисеевич (Хаим-Мошков) (1874 или 1875—193?), издатель 161
- Фиолетов Анатолий (наст. имя и фам. Натан Беньяминович Шор; 1897—1918), поэт 163
- Фихте Иоганн Готлиб (1762—1814), немецкий философ 77
- Фланчик С.И. (? — не ранее 1962), врач 428
- Флейшман Лазарь Соломонович (р. 1944), историк литературы 331, 338, 346, 527
- Фофанов Константин Михайлович (1863—1911), поэт 72
- Франц I (1768—1835), император Австрии (1792—1835) 12

- Фрейберг Василий Павлович (1897 — не ранее 1966), работник рыбной промышленности, друг ГАШ 34, 423, 424
- Фрейд Зигмунд (1856—1939), австрийский психолог, психиатр 240
- Фриче Владимир Максимович (1870—1929), критик, историк литературы 312
- Фроман Михаил Александрович (наст. фам. Фракман; 1891—1940), поэт, переводчик 574
- Хабаров Александр Матвеевич (1893—1968), врач, муж Е.Г. Добровой 69, 474—476
- Хайам Омар (1048—1131), персидский поэт, философ, математик 124
- Хайкин Борис Абрамович (р. 1954), коллекционер 5
- Хачатрянц Яков Самсонович (1884—1960), переводчик 362
- Хвостов Вениамин Михайлович (1868—1920), философ, социолог 38
- Хвостов Михаил Михайлович (1872—1920), историк 38
- Хемингуэй Эрнест (1899—1961), американский прозаик 502, 516
- Хикмет Назым (1902—1963), турецкий поэт, прозаик, общественный деятель 124
- Ходаковский Владимир Николаевич (р. 1985), историк, краевед 4, 15, 19
- Ходаковский Константин Николаевич (р. 1984), историк, краевед 4, 15, 19, 20
- Ходасевич Владислав Фелицианович (1886—1939), поэт, прозаик, критик, историк литературы, переводчик 127, 130, 162, 190, 287, 293
- Хрулева Роза Павловна (р. 1937), историк литературы, текстолог 4, 106, 122, 234
- Цагарели Константин Соломонович (?—1938), критик, эссеист 84, 94
- Цвельке Федор, революционер-террорист (Керчь) 40
- Цветаева Марина Ивановна (1892—1941), поэт, прозаик, драматург, переводчик 181, 182, 290, 339
- Цыперович Петр Владимирович (1863—?), врач (Харьков) 95
- Цявловский Мстислав Александрович (1883—1947), историк литературы, текстолог 308, 546
- Чагин Петр Иванович (наст. фам. Болдовкин; 1898—1967), журналист, партийный и издательский работник 390—392, 419, 422, 425, 440, 459, 493—495

- Челлини Бенвенуто (1500—1571), итальянский скульптор, ювелир, живописец 92
- Черевко Кирилл Евгеньевич (р. 1933), историк, переводчик 520, 521
- Черемин Георгий Сергеевич (1916—1993), историк литературы, критик 549
- Чернов, студент, «ссылный» (Керчь) 39
- Чернявский Василий Сильвестрович, чиновник, брат прабабки ГАШ по материнской линии 9
- Чернявский Сильвестр Романович, чиновник, прапрадед ГАШ по материнской линии 7—9
- Черняк Яков Захарович (1898—1955), критик, издательский работник 142, 551
- Черняцкий, лейтенант, читатель ГАШ 443
- Чехов Антон Павлович (1860—1904), прозаик, драматург 256
- Чижов А. Т., автор воспоминаний о Маяковском 277
- Чижов Всеволод (псевд. Вс. Азаров; 1892—1920?), литератор, друг ГАШ 70, 75, 76, 79, 80
- Чичерин Алексей Владимирович (1899/1900—1989), поэт, историк литературы 424
- Чосер Джеффри (1340/45—1400), английский поэт 363
- Чуканов, работник аппарата ЦК ВКП(б) 517
- Чуковская Лидия Корнеевна (1907—1996), критик, прозаик, мемуарист 519—521
- Чуковский Корней Иванович (наст. имя и фам. Николай Васильевич Корнейчуков; 1882—1969), критик, историк литературы, детский писатель, переводчик 307, 358, 359, 519, 521, 522, 526, 574
- Чулков Георгий Иванович (1879—1939), поэт, прозаик, драматург, критик, историк литературы, мемуарист 186, 248
- Чурилин Тихон Васильевич (1885—1946), поэт, прозаик 576
- Шагинян Мариэтта Сергеевна** (1888—1982), поэт, прозаик, историк культуры, очеркист, мемуарист 362
- Шапиро Борис Петрович, редактор журнала «Горнорабочий» (1925) 240
- Шаповалов Михаил Анатольевич (р. 1941), поэт, историк литературы 4, 63, 185, 229, 247, 336, 342, 408, 416, 488, 489, 527

- Шекспир Уильям (1564–1616), английский поэт, драматург 103, 124, 195, 200, 358, 359, 363, 364, 528, 531
- Шенгели Александр, священник, дед ГАШ по отцовской линии 26
- Шенгели Анна Андреевна (урожд. Дыбская; 1862–1900), мать ГАШ 21, 29, 31, 33
- Шенгели Аркадий Александрович (1853–1902), юрист, отец ГАШ 26, 31, 33, 56
- Шенгели Аркадий Аркадьевич (1902–1919), единокровный брат ГАШ 26
- Шенгели Валентина Аркадьевна (1886–?), сестра ГАШ 26, 31, 46
- Шенгели Владимир Аркадьевич (1889–1920), офицер, брат ГАШ 26, 27, 38, 51, 58
- Шенгели Владимир Владимирович (1915 или 1920–?), племянник ГАШ 27
- Шенгели Евгений Аркадьевич (1888–1920), офицер, брат ГАШ 26, 27, 38, 51, 58
- Шенгели Евгений Владимирович (1915 или 1921–?), племянник ГАШ 27
- Шенгели Игорь Евгеньевич (1913 – не ранее 1945), племянник ГАШ 27
- Шенгели Ирина Владимировна (1912–?), племянница ГАШ 27
- Шенгели Леонид Аркадьевич (умер младенцем), брат ГАШ 26
- Шенгели Татьяна Акимовна (урожд. Федорова), жена В.А. Шенгели 27
- Шенье Мари-Жозеф (1764–1811), французский поэт 124
- Шепилов Дмитрий Трофимович (1905–1995), партийный деятель 510, 511
- Шервинский Сергей Васильевич (1892–1991), поэт, переводчик, стиховед 564
- Шереметов Иван Васильевич (1872–1906), жандармский офицер 40–42
- Шереметова Ирина Ивановна (?–1906), дочь И.В. Шереметова 41, 42
- Шереметова Наталия Семеновна (урожд. Трубникова; ?–1906), жена И.В. Шереметова 40–42
- Шершеневич Вадим Габриэлевич (1893–1942), поэт, драматург, критик, переводчик, мемуарист 188–190, 337, 345, 349–351, 444
- Шестов Лев (наст. имя и фам. Лев Исаакович Шварцман; 1866–1938), философ, критик 77, 143
- Шик Ефим, издатель журнала «Сириус» (Харьков) 94, 95
- Шиллинг Николай Николаевич (1870–1946), военачальник 157
- Ширман Григорий Яковлевич (1898–1956), поэт, врач 247

- Шишов Игорь Федорович (псевд. И. Гофман; 1898 — не ранее 1948), поэт, врач 94
- Шкапская Мария Михайловна (урожд. Андреевская; 1891—1952), поэт, очеркист 64, 82, 87, 114, 160, 194, 210, 212, 220, 221, 226—233, 236—238, 240, 241, 249, 252, 255, 270, 271, 294, 381, 383, 410, 411, 413, 424
- Шкловский Виктор Борисович (1893—1984), историк и теоретик литературы, критик, прозаик, мемуарист 162, 574
- Шкорпил Владислав Вячеславович (1853—1918), археолог, историк, педагог 53
- Шмелева Тамара Владимировна (1903—1994), двоюродная племянница М.А. Волошина 22
- Шмидт Лазарь Юрьевич (1896—1952), журналист, партийный работник 276—278
- Шмидт Петр Петрович (1867—1906), офицер флота, революционер 40
- Шолохов Михаил Александрович (1905—1984), прозаик 550
- Штейнберг Аркадий Акимович (1907—1984), поэт, переводчик 551, 565
- Штирнер Макс (наст. имя и фам. Каспар Шмидт; 1806—1856), немецкий философ 331, 348
- Шток Исидор Владимирович (1908—1980), драматург 446
- Штромберг Моисей Семенович (1892 — не ранее 1971), поэт, издатель, врач 93
- Шувалов Сергей Васильевич (1880—1941), критик, историк литературы 179
- Шумихин Сергей Викторович (1953—2014), историк литературы, архивист 4, 22, 64, 319, 469
- Щ**ербakov Александр Сергеевич (1901—1945), партийный деятель 547
- Щипачев Степан Петрович (1898—1980), поэт 392, 395
- Э**дельштейн Михаил Юрьевич (р. 1972), историк литературы 527
- Эйзлер Моисей А. (псевд. Вл. Алов), поэт, прозаик 125
- Элиот Томас Стернз (1888—1965), американско-английский поэт, драматург, критик 502, 516
- Элюар Поль (1895—1952), французский поэт 527
- Энгельс Фридрих (1820—1895), немецкий экономист, историк, публицист 124, 216, 333, 394, 396, 530

Эредиа Жозе Мариа де (1842—1905), французский поэт 122—125, 133, 135, 137, 138, 158, 171, 264, 333, 338, 344, 560

Эренбург Илья Григорьевич (1891—1967), поэт, прозаик, публицист, мемуарист 143

Эткинд Ефим Григорьевич (1918—1999), историк литературы и перевода, критик 518, 519, 575

Юго Жан (1894—1984), французский художник, правнук В. Гюго 527

Юшкевич Семен Соломонович (1868—1927), прозаик, драматург 156

Ягода Генрих Григорьевич (наст. имя и фам. Енох Гершевич Иегуда; 1891—1938), деятель органов госбезопасности 229, 366

Языков Николай Михайлович (1803—1846), поэт 271

Ямпольская Марианна Николаевна (наст. фам. Яковлева; 1891 — не ранее 1960), поэт 551

Ярцев Георгий Алексеевич (1904—1955), издательский работник 545

Фотография Ольги Андреевой

Об авторе

Василий Элинархович МОЛОДЯКОВ — историк и собиратель. Родился в 1968 г. в Москве. В 1993 г. окончил историко-филологический факультет Института стран Азии и Африки МГУ. С 1995 г. живет и работает в Токио. Кандидат исторических наук (1996, МГУ), доктор философии (2002, Токийский университет), доктор политических наук (2004, МГУ). Профессор университета Такусёку. Автор более 30 книг (включая 2 на японском языке) об истории международных отношений, истории Японии, русской литературе Серебряного века и библиофильстве, биографий Иоахима фон Риббентропа, Джорджа Сильвестра Вирека и Валерия Брюсова; составитель 20 книг, включая сборники текстов Брюсова. Член многих научных и библиофильских обществ. Лауреат Большой Азиатско-Тихоокеанской премии (2009), премии Тэрада Мари за японоведческие исследования (2014).

dottore68@mail.ru

Оглавление

Предисловие	3
Глава первая. Род, предки, семья	7
Глава вторая. Ранние годы (1894—1913)	29
Глава третья. Годы учения (1914—1917)	63
Глава четвертая. Годы странствий (1917—1922)	115
Глава пятая. Годы признания (1922—1926)	181
Глава шестая. Годы бурь (1926—1930)	273
Глава седьмая. Годы эпоса (1931—1941)	317
Глава восьмая. Годы испытаний (1941—1946)	407
Глава девятая. Годы горестей (1946—1956)	473
Глава десятая. Годы замалчивания (1957—.....)	559
Указатель имен	577
Об авторе	614

Василий Элинархович МОЛОДЯКОВ

ГЕОРГИЙ ШЕНГЕЛИ:

биография

1894—1956

В оформлении обложки
использована литография
К.Ф. Богаевского «Атлантида» (1922)

Редактор — Б.Н. Романов
Художественное оформление — Д.В. Логинов
Корректор — Т.А. Шестакова
Верстка — Л.А. Шелкова

Издательство «Водолей»
127254, г. Москва, ул. Гончарова, 17-А, корп. 2, к. 23
Официальный сайт: <http://www.vodoleybooks.ru>
E-mail: info@vodoleybooks.ru

Подписано в печать 30.01.2017. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Печ. л. 38,5. Формат 60х90¹/₁₆. Заказ №

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в АО «Т8 Издательские Технологии»
109316 Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5
Тел.: 8 (499) 322-38-30

